ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РОССИИ

НАУЧНО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
издается с 1993 года

№3
2025

Том 32

Учредитель:
ООО «Русайнс»

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС77-86677 от 26.01.2024 г.
ISSN **2306-5001**

Адрес редакции:
117218, Москва,
ул. Кедрова, д. 14, корп. 2
E-mail: ed-russia@list.ru
Сайт: https://ed-russia.ru/

*Журнал входит в **Перечень ВАК** ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени*

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Афанасьев Михаил Юрьевич, д-р экон. наук, проф., заведующий лабораторией прикладной эконометрики, ЦЭМИ РАН;
Афанасьев Антон Александрович, д-р экон. наук, проф., ведущий научный сотрудник лаборатории социального моделирования, ЦЭМИ РАН;
Брижак Ольга Валентиновна, д-р экон. наук, доц., проф. Департамента экономической теории, Финансовый университет при Правительстве РФ;
Валинурова Лилия Сабиховна, д-р экон. наук, проф., зав. кафедры инновационной экономики, Уфимский университет науки и технологий;
Васильева Елена Викторовна, д-р экон. наук, проф., заведующий кафедрой бизнес-информатики, Финансовый университет при Правительстве РФ;
Глинский Владимир Васильевич, д-р экон. наук, проф. кафедры статистики, Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ»;
Колесников Андрей Викторович, д-р экон. наук, проф., чл.-корр. РАН, проф. Департамента бизнес-информатики, Финансовый университет при Правительстве РФ;
Коровин Дмитрий Игоревич, д-р экон. наук, проф., проф. Департамента анализа данных и машинного обучения, Финансовый университет при Правительстве РФ;
Криничанский Константин Владимирович, д-р экон. наук, проф. Департамент финансовых рынков и финансового инжиниринга, Финансовый университет при Правительстве РФ;
Ларионова Ирина Владимировна, д-р экон. наук, проф., Департамент финансовых рынков и финансового инжиниринга, Финансовый университет при Правительстве РФ;
Липски Станислав Анджеевич, д-р экон. наук, проф., зав.кафедрой земельного права, Государственный университет по землеустройству;
Мазур Наталья Зиновьевна, д-р экон. наук, проф., профессор кафедры инновационной экономики, Уфимский университет науки и технологий;
Моргунов Вячеслав Иванович, д-р экон. наук, ведущий научный сотрудник РАНХиГС при Президенте РФ;
Никишкин Валерий Викторович, д-р экон. наук, проф., заведующий учебно-научной лабораторией профессиональной подготовки работников образовательных организаций, РЭУ им. Г.В. Плеханова;
Носова Светлана Сергеевна, д-р экон. наук, проф., НИЯУ МИФИ;
Папаскири Тимур Валикович, д-р экон. наук, проф., врио ректора, Государственный университет по землеустройству;
Погорлецкий Александр Игоревич, д-р экон. наук, проф. кафедры мировой экономики, Санкт-Петербургский государственный университет;
Попова Елена Владимировна, д-р экон. наук, проф., проф. кафедры теории менеджмента и бизнес-технологий, РЭУ им. Г.В. Плеханова;
Сильвестров Сергей Николаевич, д-р экон. наук, проф., засл. экономист РФ, Департамент мировой экономики и мировых финансов, Финуниверситет;
Соловьев Владимир Игоревич, д-р экон. наук, проф., заведующий кафедрой "Прикладной искусственный интеллект", МТУСИ;
Тургель Ирина Дмитриевна, д-р экон. наук, проф., зам.директора по науке Высшей школы экономики и менеджмента, УрФУ им. первого Президента России Б.Н. Ельцина

Главный редактор: **Соколинская Наталия Эвальдовна,** канд. экон. наук, проф., проф. кафедры банковского дела и монетарного регулирования, Финансовый университет при Правительстве РФ

Отпечатано в типографии
ООО «Русайнс», 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2
Подписано в печать: 30.03.2025 *Цена свободная* *Тираж* 300 экз.
Формат: А4

Все материалы, публикуемые в журнале, подлежат внутреннему и внешнему рецензированию

Содержание

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА
ВВП Китая: анализ текущего состояния и перспективы развития. Матерова Е.С., Жиронкин С.А., Розалия Р.Ш., Ездина Н.П. **4**
Перспективы интеграции финансовых систем стран-участников ШОС. Халова Г.О., Лю Инин **9**

ТЕОРИЯ УПРАВЛЕНИЯ. МЕНЕДЖМЕНТ. МАРКЕТИНГ
Искусственный интеллект и трансформация рынка труда: вызовы и перспективы. Рязанцева М.В., Якушова Е.С. **13**
Особенности оценки эффективности управления инновационными рисками образовательной организации в процессе цифровой трансформации деятельности. Адиньяев С.И., Камчатова Е.Ю. **20**
Лидогенерация в туризме. Калабкина И.М., Аникина Л.А., Абдулвагабова С.А. **28**
Спрос на языковые услуги и подготовка талантов в развитии трансграничной электронной коммерции между Китаем и Россией. Ван Сяохуань **34**
Сотрудничество Китая и России в области совместных образовательных программ. Ван Сяохуань..... **38**
Цифровизация и ее роль в повышении эффективности работы вузов России. Гладилина И.П., Дымный С.С., Шаповалов А.В., Миндиярова Н.И., Червякова М.В. **45**
Оценка маркетингового влияния социальных сетей на качество предоставления фитнес услуг. Ефременко Е.В., Артемьев Б.В..... **51**
Инновационная деятельность фирмы в развитии экономики: международные аспекты. Курносова Т.И., Филиппов А.Г..... **59**
Разработка универсальной модели управления контентом анимационных проектов в социальных сетях: приоритет качества над временными факторами. Рубайлов Н.Н., Никишкин В.В. **70**

ЭКОНОМИКА ОТРАСЛЕЙ И РЕГИОНОВ. ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ
Особочистые графитовые порошки. Анализ российского и зарубежного рынков производителей и потребителей. Краснов А.Н., Лазарев Т.Д., Хахо Р.Р., Оркина В.М., Скляр А.И. **76**
Вызовы и возможности рынка энергетического и бурого угля в России. Краснов А.Н., Белякова А.Д., Кошельков С.Р., Кускова А.В.. Шадрина Е.Е. **83**
О совершенствовании методов управления инновационными проектами на предприятиях сферы жилищно-коммунального хозяйства. Бальзанников М.И., Алексеенко А.А. **86**
Анализ и оценка особых экономических зон для развития инвестиционно-инновационной деятельности в регионах РФ. Барыкина Ю.Н., Черных А.Г. **92**
Влияние государственной политики на эффективность особых экономико-правовых режимов в субъектах РФ. Барыкина Ю.Н., Ильина Е.А., Пригожин В.Л., Нечаев А.С. **100**
Роль субъектов малого и среднего предпринимательства в обеспечении социально-экономической устойчивости крупных городов (на примере Великого Новгорода). Бусурин С.В. **106**
Цифровая трансформация и зарубежные иностранные инвестиции: формирование новых конкурентных преимуществ для предприятий. Инин Цзун, Ли Сяоминь **112**
Инновационное развитие особых экономических зон регионов: теоретический и практический подход (на примере СКФО). Магомаев Т.Р., Аюбова Л.С..... **121**
Анализ особенностей моделей государственного управления экономикой города Москвы под воздействием разных внешних факторов в 2008, 2014, 2020 и 2022 гг. и оценка их эффективности. Пуртов К.С. **125**
Государственное регулирование естественных монополий: инструменты, проблемы, направления реформирования. Строев В.В., Рогуленко Т.М., Близкий Р.С., Бодяко А.В. **131**
Программно-целевое управление в государственном секторе: современные тенденции и вызовы. Строев В.В., Рогуленко Т.М., Близкий Р.С., Бодяко А.В., Горлов В.В. **136**
Барьеры, препятствующие полноценной реализации целей государственной политики в сфере физической культуры и спорта. Фомин В.А. **141**
Цифровая трансформация как драйвер высококачественного развития региональной экономики: сравнительный анализ опыта Китая и России. Чжан Синьи **149**

ФИНАНСЫ. НАЛОГООБЛОЖЕНИЕ. СТРАХОВАНИЕ
Информационные технологии в банковском секторе: основные направления развития. Асрян А.С. **160**
Премиум-банкинг и цифровая трансформация в России. Зубкова С.В., Лучкин Н.С. **170**
IPO как инструмент привлечения капитала российских публичных компаний на финансовом рынке. Коновалова М.Е., Кузьмина О.Ю., Жиронкин С.А., Искосков М.О., Бадриева А.А. **174**
Корпоративные облигации к источник финансирования субъектов малого и среднего бизнеса. Коновалова М.Е., Кузьмина О.Ю., Жиронкин С.А., Джумаев С.Р., Доценко Е.Ю. **180**
Офсетные контракты как инструмент сокращения диспропорций пространственного развития России. Чайка К.Д. **192**
Применение зеленых облигаций как инструмента зеленого финансирования. Шибзухова Р.А., Ваславский Я.И., Золотова Я.В., Шахов Д.А. **199**
Роль институциональных инвесторов в формировании стоимости компаний при публичном размещении акций на российском рынке капитала. Тоноян Р.Г., Федотова М.А. **204**

МАТЕМАТИЧЕСКОЕ, СТАТИСТИЧЕСКОЕ И ИНСТРУМЕНТАЛЬНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ
Моделирование развития транспортного комплекса городской агломерации на основе взаимодействия органов власти и населения. Темникова Ю.Ю. **210**

Contents

GLOBAL ECONOMY
China's GDP: analysis of the current state and development prospects. Materova E.S., Zhironkin S.A., Rozaliya R.Sh., Ezdina N.P. **4**
Prospects for the integration of financial systems of the SCO member states. Khalova G.O., Liu Yining **9**

MANAGEMENT THEORY. MANAGEMENT. MARKETING
Artificial intelligence and labor market transformation: challenges and prospects. Ryazantseva M.V., Yakushova E.S. **13**
Features of assessing the effectiveness of innovative risk management in an educational organization in the process of digital transformation of activities. Adinyaev S.I., Kamchatova E.Yu. **20**
Lead generation in tourism. Kalabkina I.M., Anikina L.A., Abdulvagabova S.A. **28**
Demand for language services and talent training in the development of cross-border e-commerce between China and Russia. Wang Xiaohuan **34**
Cooperation between China and Russia in the field of joint educational programs. Wang Xiaohuan **38**
Digitalization and its role in improving the efficiency of Russian universities. Gladilina I.P., Dymny S.S., Shapovalov A.V., Mindiyarova N.I., Chervyakova M.V. **45**
Assessment of the marketing impact of social networks on the quality of fitness services. Efremenko E.V., Artemyev B.V. **50**
Innovative activities of a company in economic development: international aspects. Kurnosova T.I., Filippov A.G. **58**
Development of a universal model for managing the content of animation projects in social networks: priority of quality over time factors. Rubailov N.N., Nikishkin V.V. **70**

ECONOMY OF INDUSTRIES AND REGIONS. PUBLIC ADMINISTRATION
High-purity graphite powders. Analysis of the Russian and foreign markets of producers and consumers. Krasnov A.N., Lazarev T.D., Khakho R.R., Orkina V.M., Sklyar A.I. **76**
Challenges and Opportunities of the Energy and Brown Coal Market in Russia. Krasnov A.N., Belyakova A.D., Koshelkov S.R., Kuskova A.V., Shadrina E.E. **83**
On Improving Methods of Innovative Project Management at Housing and Public Utilities Enterprises. Balzannikov M.I., Alekseenko A.A. **86**
Analysis and Assessment of Special Economic Regimes for the Development of Investment and Innovation Activities in the Regions of the Russian Federation. Barykina Yu.N., Chernykh A.G. **92**
The Impact of State Policy on the Efficiency of Special Economic Zones and Legal Regimes in the Subjects of the Russian Federation. Barykina Yu.N., Ilyina E.A., Prigozhin V.L., Nechaev A.S. **100**
The role of small and medium-sized businesses in ensuring the socio-economic sustainability of large cities (using Veliky Novgorod as an example). Busurin S.V. **106**
Digital transformation and foreign foreign investment: creating new competitive advantages for enterprises. Ining Zong, Li Xiaomin **112**
Innovative development of special economic zones of regions: a theoretical and practical approach (using the North Caucasus Federal District as an example). Magomayev T.R., Ayubova L.S. **121**
Analysis of the features of public administration models for the Moscow city economy under the influence of various external factors in 2008, 2014, 2020 and 2022 and assessment of their effectiveness. Purtov K.S. **125**
State regulation of natural monopolies: instruments, problems, and reform directions. Stroyev V.V., Rogulenko T.M., Blizkiy R.S., Bodyako A.V..... **131**
Program-targeted management in the public sector: current trends and challenges. Stroyev V.V., Rogulenko T.M., Blizkiy R.S., Bodyako A.V., Gorlov V.V. **136**
Barriers to the full implementation of state policy goals in the field of physical culture and sports. Fomin V.A. **141**
Digital transformation as a driver of high-quality development of the regional economy: a comparative analysis of the experience of China and Russia. Zhang Xinyi **149**

FINANCE. TAXATION. INSURANCE
Information technologies in the banking sector: main areas of development. Asryan A.S. **160**
Premium banking and digital transformation in Russia. Zubkova S.V., Luchkin N.S. **170**
IPO as a tool for attracting capital for Russian public companies in the financial market. Konovalova M.E., Kuzmina O.Yu., Zhironkin S.A., Iskoskov M.O., Badrieva A.A. **174**
Corporate bonds as a source of financing for small and medium-sized businesses. Konovalova M.E., Kuzmina O.Yu., Zhironkin S.A., Dzhumaev S.R., Dotsenko E.Yu. **180**
Offset contracts as a tool for reducing disproportions in Russia's spatial development. Chaika K.D. **192**
Use of green bonds as a tool for green financing. Shibzukhova R.A., Vaslavsky Ya.I., Zolotova Ya.V., Shakhov D.A. **199**
The Role of Institutional Investors in Forming the Value of Companies in Public Offerings on the Russian Capital Market. Tonoyan R.G., Fedotova M.A. **204**

MATHEMATICAL, STATISTICAL AND INSTRUMENTAL MODELING
Modeling the development of the transport complex of the urban agglomeration based on the interaction of authorities and the population. Temnikova Yu.Yu. **210**

ВВП Китая: анализ текущего состояния и перспективы развития

Матерова Елена Сергеевна
к.э.н., доцент, доцент кафедры экономической теории, Самарский государственный экономический университет, nedlen63@yandex.ru

Жиронкин Сергей Александрович
д.э.н, профессор, профессор кафедры торгового дела и маркетинга, Сибирский федеральный университет; профессор кафедры открытых горных работ, Кузбасский государственный технический университет имени Т.Ф. Горбачева, zhironkin@inbox.ru

Розалия Радмировна Шарафуллина
к.э.н., доцент кафедры экономической теории и регионального развития, Институт экономики, управления и бизнеса, Уфимский университет науки и технологий, rozalia-23.05@yandex.ru

Ездина Наталья Петровна
к.э.н., доцент кафедры политической экономии и истории экономической науки, РЭУ им. Г. В. Плеханова, Ezdina.NP@rea.ru

В рамках данной статьи рассматривается состояние показателя ВВП одной из наиболее экономически развитых стран мира – КНР. Проводится анализ внутренней динамики реального и номинального ВВП страны, а также его сравнение с показателями других государств. Структурная оценка ВВП Китая осуществляется как в разрезе отраслей производства, так и в разрезе производимых затрат с целью выявления взаимозависимостей. В работе рассматриваются ключевые факторы, влияющие на рост экономики КНР, включая промышленное производство, экспорт, инвестиции и внутреннее потребление. Особое внимание уделяется изменениям, направленным на переход к модели, основанной на инновациях и устойчивом развитии. Важное внимание уделяется проблемам, с которыми сталкивается китайская экономика - замедление темпов роста, демографические изменения, экологические проблемы и торговые конфликты. На основе проведенного анализа предлагаются возможные сценарии развития ВВП Китая, а также рекомендации для поддержания устойчивого экономического роста.
Ключевые слова: номинальный ВВП, реальный ВВП, устойчивое развитие, инновации, «зеленые» технологии, возобновляемые источники энергии.

История экономического становления Китая является одной из наиболее интересных на современном этапе. Менее чем за 50 лет экономика КНР выросла из отстающей во вторую по эффективности на планете. Учитывая подобный масштаб, изучение экономических показателей данной страны приобретает исключительную важность не только для перенимания уникального опыта, но и для понимания глобальных экономических тенденций в целом. Наибольшей информативностью при этом обладает показатель ВВП, который выступает основным индикатором экономической активности, отражает эффективность проводимой политики, структурные изменения и потенциал дальнейшего роста. Учитывая масштабы китайской экономики и ее влияние на мировые рынки, мониторинг этого показателя крайне важен для международных инвесторов, политиков и экономистов, принимающих стратегические решения.

Кроме того, на современном этапе Китай переживаем много внутренних трансформаций, связанных с проведением экономических реформ, где ключевое значение придается высокотехнологичным отраслям, побуждая правительство КНР активно инвестировать в инновационные секторы, включая искусственный интеллект, «зеленую» энергетику и электронику, что может стать новым источником роста. Также государство сосредоточено на реализации стратегии «двойной циркуляции», согласно которой предполагается гармоничное развитие внешнеторговой деятельности и внутреннего производства. В то же время внешние риски, включая торговые конфликты с США и геополитическую напряженность, создают дополнительные вызовы. В данной статье рассматриваются ключевые тенденции, проблемы и возможные сценарии развития ВВП Китая в среднесрочной перспективе.

Как уже отмечалось, по объему ВВП Китай занимает второе место в мире с показателем 20 699,1 млрд. долл. В 2024 году, уступая только США – 27 057,2 млрд. долл., но значительно опережая третью экономику - Японию (4 568,7 млрд. долл.). При этом, необходимо отметить, что по паритету покупательной способности показатель ВВП Китая находится на первом месте, ввиду масштабов производства и более низких внутренних цен. В целом, на 2024 год Китай занимает 18% мирового ВВП в номинальном

выражении. За последние 20 лет вклад Китая в глобальный ВВП вырос более чем втрое (в 2000 году - 3,6%), благодаря ежегодному среднему росту на 7-10%. Сегодня на КНР приходится свыше 30% мирового промышленного производства и порядка 15% международной торговли, что подчеркивает ее системообразующую роль [4].

Приступая к анализу показателя ВВП необходимо отметить, что за последние пять лет китайская экономика демонстрировала неоднозначную динамику, отражая как последствия глобальных кризисов, так и внутренние структурные изменения. При этом в каждый период можно выделить факторы, которые сыграли ключевую роль в изменении показателя, определяя его рост или снижение (таблица 1).

Таблица 1
Динамика ВВП КНР за 2020-2024 гг. [2, 4, 7]

Показатель	2020	2021	2022	2023	2024
ВВП, млрд. юаней	103486,7	117382,3	123402,9	129427,1	134908,4
ВВП на душу населения, юаней	73,3	83,1	87,3	91,7	95,7
Темпы роста ВВП, %	2,9	13,4	5,1	4,9	4,3
Темпы роста ВВП в сопоставимых ценах, %	2,3	8,6	3,1	5,4	5,0
Темпы роста ВВП на душу населения, %	2,6	13,3	5,0	5,0	4,3
Ключевые факторы роста	COVID-19, локдауны	Восстановление, экспортный бум	Кризис недвижимости, Zero-COVID	Постепенное восстановление	Политика «двойной циркуляции», торговые ограничения

В период с 2020 по 2024 год наблюдается постоянный рост ВВП страны. Однако, из года в год показатели темпа роста крайне неоднозначны и, в конечном счете, показывают тенденции к снижению. В 2020 году из-за пандемии COVID-19 рост ВВП, как номинального, так и реального был крайне низок – 2,9 и 2,3% соответственно, что является минимальным показателем за последнее десятилетие. Однако уже в 2021 году экономика восстановилась с ростом 13,4% благодаря стимулирующим мерам и экспортному буму. В последующие годы темпы роста номинального ВВП снизились с 5,1% в 2022 году, до 4,3% в 2024 году, что отражает влияние кризиса в строительном секторе, снижения внешнего спроса и демографических проблем. Реальный ВВП (в сопоставимых ценах) показывает более сдержанную, но стабильную динамику. При этом в 2023 и 2024 году наблюдается превышение показателей реального ВВП над номинальным, что указывает на переход от инфляционного давления в более ранние периоды к дефляции. Показатель ВВП на душу населения в целом повторяет динамику номинального ВВП. Китай продолжает постепенно приближаться к статусу страны с высоким уровнем дохода. Однако, присутствует дисбаланс по данному показателю в различных регионах страны.

Отдельное внимание необходимо уделить структуре ВВП Китая по производству (рисунок 1), согласно которой значительную часть этого показателя страны вырабатывает сфера услуг (более 50%).

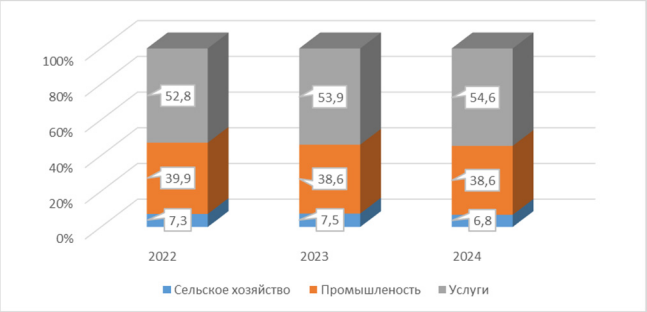

Рисунок 1 - Структура ВВП Китая по производству в 2022-2024 гг., % [2]

Каждый год доля данного сектора в структуре ВВП увеличивается, за счет сокращения прироста в других отраслях, что характеризует движение в сторону развития информационного общества, основанного на наукоемких технологиях. Этот факт во многом подтверждается ростом государственных расходов на ключевые сферы развития – образование, наука и экология. В процентном соотношении данные области совокупно финансируются в объеме около 10% от общего уровня ВВП (на 2024 г.) [5].

Таким образом, несмотря на абсолютный рост ВВП, китайская экономика сталкивается с замедлением темпов расширения, что требует дальнейших структурных реформ для перехода к качественно новой модели развития.

Рассматривая динамику ВВП Китая следует уделить существенное внимание сложному взаимодействую внутренних и внешних факторов влияния, которые в последние годы претерпели значительные изменения. Одним из ключевых факторов роста ВВП остается государственная инвестиционная политика. Китай продолжает масштабное финансирование инфраструктурных проектов - от высокоскоростных железных дорог до «умных городов» - что стимулирует спрос на сталь, цемент и рабочую силу. Параллельно Пекин активно вкладывается в высокотехнологичные отрасли, такие как полупроводники, электромобили и возобновляемая энергетика, стремясь снизить зависимость от западных технологий. И хотя эти сектора демонстрируют двузначные темпы роста, но требуют огромных субсидий, что увеличивает нагрузку на бюджет.

Важнейшим фактором экономического роста остается внешний спрос, так как Китай является крупнейшим в мире экспортером, и колебания гло-

бальной торговли напрямую влияют на его показатели. В ответ на эти риски Китай переориентируется на развивающиеся рынки, в частности, путем реализации инициативы «Пояс и путь», а также наращивает внутреннее потребление [3].

Однако, несмотря на вышеперечисленное, ключевым фактором, влияющим на экономическое развитие и показатели ВВП, является запущенный государством процесс трансформации экономики, заключающийся в переходе от модели, основанной на дешевой рабочей силе, экспорте и углеродоемком производстве, к инновациям, технологическому суверенитету и устойчивому развитию. Этот процесс затрагивает все уровни экономики и оказывает комплексное влияние на структуру и динамику ВВП, поэтому рассмотрим его более подробно.

В обозначенной программе перехода можно выделить несколько ключевых компонентов, таких как активное развитие цифровизации и наукоемких технологий, а также переход на экологоориентированную модель экономики. Так, по первому компоненту Китай действует достаточно активно, повышая затраты на НИОКР, которые составляют 2,55 % от ВВП (на 2024 г.), что позволяет создавать множество новых изобретений, о чем свидетельствует мировое лидерство этой страны в патентах. Кроме того, Китай – одна из немногих стран, где развитие цифровой экономики достигло высокого уровня и на 2024 год составляет порядка 42% от общего объема ВВП [5].

Значимым компонентом новой экономики Китая является ориентация на экологию, что выражается в развитии возобновляемых источников энергии, которая на данный момент уже покрывает 50% всего энергопотребления в стране за счет солнечной и ветровой энергии [6]. Особо следует отметить внедрение крупнейшей в мире системы торговли квотами на выбросы парниковых газов (ETS).

Все эти компоненты реализуются через комплексные государственные программы, из которых особо следует отметить «Made in China 2025» - программа технологической модернизации с упором на 10 стратегических отраслей (полупроводники, ИИ, электромобили, космическая и др.), «Двойная циркуляция», о которой уже упоминалось ранее, и программа «Пик углерода к 2030, углеродная нейтральность к 2060», предусматривающая переход на возобновляемые источники энергии и «зеленые» технологии. Реализация этих программ позволяет повысить долю высокотехнологичного сектора одновременно снижая зависимость от традиционных отраслей (металлургия, текстиль).

Таким образом, Китай жертвует частью текущего роста ВВП, которой в связи с проводимым переходом замедляется до 4-5%, ради обретения долгосрочной устойчивости и более качественного ВВП. Подобные программы реализуются во многих странах, однако первичные показатели Китая являются наиболее высокими, привлекая тем самым внимание мировой общественности, желающей перенять подобный опыт. Но окончательный успех перехода зависит от способности государства преодолеть возникающие барьеры.

Китайская экономика, несмотря на свои впечатляющие масштабы, сталкивается с рядом серьезных структурных проблем, которые угрожают ее дальнейшему росту. И в первую очередь необходимо отметить демографическую проблему. Впервые в современной истории население Китая начало сокращаться, при этом стремительно старея - доля трудоспособного населения снизилась с 74% в 2010 году до 68% в 2024 году, что создает двойную нагрузку: с одной стороны, дефицит рабочей силы приводит к росту зарплат и снижению конкурентоспособности, с другой – осложняется функционирование пенсионной системы [1].

Особую тревогу вызывает кризис в секторе недвижимости, который десятилетиями был локомотивом экономического роста. Крупнейшие застройщики, такие как Evergrande и Country Garden, столкнулись с дефолтами из-за накопленных долгов, объем которых оценивается в 5 триллионов долларов. Это привело к падению цен на жилье на 15% в 2024 году и сокращению объемов строительства на 20% [5]. Поскольку до 40% банковских кредитов связаны с этим сектором, кризис представляет серьезную угрозу для финансовой стабильности.

Внешнеэкономическая ситуация, что уже неоднократно упоминалось, также осложняется. Китай сталкивается с технологическими санкциями со стороны США и ЕС, которые ограничивают доступ к передовым полупроводникам и оборудованию для их производства. Одновременно наблюдается перенос производств в другие страны Азии (Вьетнам, Индию) из-за удорожания производства внутри страны [3]. В 2023 году экспорт сократился на 5%, что отражает как глобальный спад спроса, так и изменение структуры международной торговли.

Финансовая система Китая также испытывает значительные перегрузки. Совокупный государственный долг, включая скрытые обязательства региональных властей, достиг 110% ВВП. При этом доверие к частному сектору подорвано после серии репрессивных мер против крупных технологических и образовательных компаний. Производительность труда растет всего на 3% в год, что значительно ниже показателей 2000-х годов.

Экологические проблемы добавляют сложностей экономическому развитию. Несмотря на амбициозные планы по переходу на «зеленую» энергетику, Китай по-прежнему зависит от угля, который обеспечивает 56% энергобаланса. Остро стоит и проблема нехватки водных ресурсов - 80% промышленного производства сосредоточено в регионах с дефицитом воды .

Обозначенные проблемы на прямую оказывают влияние на показатели ВВП страны и ставят перед китайским руководством сложные задачи: одновременно решать проблемы стареющего населения, финансовой стабильности, технологического развития и экологической устойчивости. Успех этих усилий определит, сможет ли Китай сохранить свои позиции в мировой экономике и опять перейти к стабильному реальному росту.

Многие эксперты и финансовые организации на сегодняшний день наблюдая за развитием КНР пытаются спрогнозировать возможное развитие событий для экономики этой страны. Но, большинство сходятся во мнении, что в ближайшие годы динамика китайского ВВП будет определяться способностью властей балансировать между структурными реформами и стабильностью.

Одним из наиболее распространенных и вероятных является базовый сценарий, построенный по оценкам МВФ (рисунок 2) и предполагающий замедление роста до 4-4,5% годовых к 2030 году.

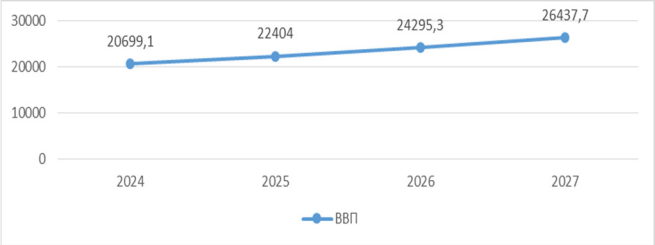

Рисунок 2 – Прогноз МВФ изменения ВВП Китая на 2025-2027 гг. [7]

Такой сценарий отражает последствия демографического кризиса, долговую нагрузку и технологические ограничения, частично компенсируемые ростом высокотехнологичных отраслей и внутреннего потребления. Власти продолжат стимулировать «новые драйверы» экономики, но их вклад в ВВП пока недостаточен для сохранения прежних темпов. Ключевыми рисками останутся кризис недвижимости и торговые конфликты, особенно с США.

Альтернативные сценарии варьируются от пессимистичного до прорывного. В случае кризисного развития рост ВВП может упасть до 2–3% из-за цепной реакции в финансовом секторе и эскалации санкций, что подорвет позиции Китая как глобальной фабрики и приведет к оттоку капитала. Оптимистичный сценарий, напротив, предполагает успешную переориентацию на инновации, что позволит удерживать рост на уровне 5–6% за счет экспорта высокотехнологичной продукции и роста производительности. Реализация этого сценария зависит от прорывов в полупроводниковой отрасли и смягчения демографических тенденций через роботизацию.

Для поддержания положительной экономической динамики Китаю требуется комплекс мер, охватывающих все ключевые сферы. Прежде всего, необходимо смягчить последствия демографического кризиса. Это предполагает не только материальное стимулирование рождаемости через пособия и налоговые льготы, но и глубокую реформу пенсионной системы. Постепенное повышение пенсионного возраста и развитие накопительных пенсионных механизмов помогут снизить нагрузку на бюджет. Параллельно стоит рассмотреть возможность привлечения квалифицированных мигрантов, особенно в высокотехнологичные отрасли, через упрощение визового режима.

Особого внимания требует кризис в строительном секторе. Вместо точечного спасения всех застройщиков разумнее провести «оздоровление» отрасли, поддержав устойчивые компании и позволив обанкротиться неэффективным. Перспективным направлением выглядит развитие арендного жилья, которое снизит нагрузку на домохозяйства и стабилизирует рынок. При этом важно постепенно уменьшать зависимость экономики от строительного бума, перераспределяя ресурсы в более перспективные сектора.

Технологический суверенитет остается ключевым приоритетом. Для его достижения необходимо наращивать расходы на НИОКР до 3% ВВП, делая особый акцент на прорывных направлениях вроде полупроводниковой промышленности и искусственного интеллекта. При этом важно избежать изоляции - стратегическое партнерство со странами Ближнего Востока, Африки и Латинской Америки может помочь обойти санкционные ограничения.

Не менее важна тонкая настройка отношений между государством и рынком - реформа госпредприятий через внедрение элементов конкуренции и частичную приватизацию могла бы повысить их эффективность. Данное направлении в целом требует смягчение государственного контроля и создание определенного уровня свободы для стимулирования предпринимательства.

Экологическая трансформация - еще один ключевой вызов. Постепенный отказ от угля в пользу возобновляемых источников энергии и атомной генерации должен сопровождаться созданием стимулов для «зеленых» инвестиций через налоговые льготы и развитие рынка углеродных кредитов. Наконец, для перехода к модели роста, ориентированной на внутренний спрос, необходимо повышать доходы населения, особенно в отстающих регионах. Это предполагает как рост минимальных зарплат, так и развитие программ социальной поддержки.

Таким образом, Китай стоит перед сложным выбором: сохранить прежнюю модель роста, основанную на масштабных инвестициях и экспорте, или ускорить переход к качественно новой экономике, опирающейся на инновации, внутренний спрос и устойчивое развитие. Несмотря на замедление темпов роста ВВП до 4-5%, страна сохраняет значительный потенциал за счет технологической модернизации, «зеленой» трансформации и развития сферы услуг. Однако ключевые риски – демографический кризис, долговая нагрузка и внешние торговые ограничения – требуют глубоких структурных реформ. Успех Китая будет зависеть от способности сбалансировать государственное регулирование с рыночными механизмами, а также перераспределить ресурсы в пользу высокотехнологичных и социально ориентированных отраслей. В ближайшее десятилетие именно эти факторы определят, сможет ли Китай не только удержать позиции второй экономики мира, но и обеспечить устойчивый рост в условиях глобальной нестабильности.

Литература

1. Григорьев Л.М. Экономика Китая: тридцать лет обгоняющего развития / Л.М. Григорьев, Д.В. Жаронкина // Вестник международных организаций. -2024. - Т.19 №1. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://iorj.hse.ru/data/2024/05/06/2143462512/8%20Григорьев_%20Жаронкина%2004.05.pdf (дата обращения: 10.03.2025).
2. Крутов Н.А. Анализ динамики ВВП и факторов роста экономики КНР для выявления сценария роста в 2025 году / Н.А. Крутов, Д.А. Потапов // Научные записки молодых исследователей. – 2024. - №12 (4). – С.5-14.
3. Тищенко С.В. Внешнеэкономическая политика Китая: торговые инструменты / С.В. Тищенко // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – 2024. - Т.26 № 1. - С.59–68.
4. GDP Ranking by Country 2024 / Country Cassette. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://countrycassette.com/gdp-ranking-by-country/ (дата обращения: 10.03.2025).
5. Hart B. Making Sense of China's Government Budget / Brian Hart, Bonny Lin, Matthew P. Funaiole, Samantha Lu, Hannah Price, Matthew Slade // ChinaPower. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://chinapower.csis.org/making-sense-of-chinas-government-budget/ (дата обращения: 10.03.2025).
6. National Economy Witnessed Steady Progress amidst Stability with Major Development Targets Achieved Successfully in 2024 / National Bureau of Statistics of China. - [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/202501/t20250117_1958330.html (дата обращения: 10.03.2025).
7. World Economic Outlook Database / International Monetary Fund. - [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.imf.org/en/Publications/SPROLLS/world-economic-outlook-databases#sort=%40imfdate%20descending (дата обращения: 10.03.2025).

China's GDP: Analysis of Current Status and Development Prospects

Materova E.S., Zhironkin S.A., Rozaliya R.Sh., Yezdina N.P.

Samara State University of Economics, Kuzbass State Technical University named after T.F. Gorbachev, Ufa University of Science and Technology, Plekhanov Russian University of Economics. G. V. Plekhanov

JEL classification: H87, F02, F15, F29, F40, F42, F49

This article examines the state of the GDP indicator of one of the most economically developed countries in the world – China. An analysis of the internal dynamics of real and nominal GDP of the country is carried out, as well as its comparison with the indicators of other countries. The structural assessment of China's GDP is carried out both in terms of production sectors and in terms of costs incurred in order to identify interdependencies. The work examines the key factors influencing the growth of the PRC economy, including industrial production, exports, investments and domestic consumption. Particular attention is paid to changes aimed at the transition to a model based on innovation and sustainable development. Much attention is paid to the problems faced by the Chinese economy - slowdown in growth, demographic changes, environmental problems and trade conflicts. Based on the analysis, possible scenarios for the development of China's GDP are proposed, as well as recommendations for maintaining sustainable economic growth.

Keywords: nominal GDP, real GDP, sustainable development, innovation, green technologies, renewable energy sources.

References

1. Grigoriev L.M. China's Economy: Thirty Years of Outpacing Development / L.M. Grigoriev, D.V. Zharonkina // Bulletin of International Organizations. - 2024. - Vol. 19 No. 1. - [Electronic resource]. - Access mode: https://iorj.hse.ru/data/2024/05/06/2143462512/8%20Grigoriev_%20Zharonkina%2004.05.pdf (accessed: 03/10/2025).
2. Krutov N.A. Analysis of GDP Dynamics and Growth Factors of the PRC Economy to Identify a Growth Scenario in 2025 / N.A. Krutov, D.A. Potapov // Scientific Notes of Young Researchers. - 2024. - No. 12 (4). - P. 5-14.
3. Tishchenko S.V. China's Foreign Economic Policy: Trade Instruments / S.V. Tishchenko // Bulletin of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. - 2024. - Vol.26 No. 1. - Pp.59-68.
4. GDP Ranking by Country 2024 / Country Cassette. - [Electronic resource]. - Access mode: https://countrycassette.com/gdp-ranking-by-country/ (date of access: 03/10/2025).
5. Hart B. Making Sense of China's Government Budget / Brian Hart, Bonny Lin, Matthew P. Funaiole, Samantha Lu, Hannah Price, Matthew Slade // ChinaPower. [Electronic resource]. – Access mode: https://chinapower.csis.org/making-sense-of-chinas-government-budget/ (date of access: 03/10/2025).
6. National Economy Witnessed Steady Progress amidst Stability with Major Development Targets Achieved Successfully in 2024 / National Bureau of Statistics of China. - [Electronic resource]. – Access mode: https://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/202501/t20250117_1958330.html (date of access: 03/10/2025).
7. World Economic Outlook Database / International Monetary Fund. - [Electronic resource]. – Access mode: https://www.imf.org/en/Publications/SPROLLS/world-economic-outlook-databases#sort=%40imfdate%20descending (accessed: 03/10/2025).

Перспективы интеграции финансовых систем стран-участников ШОС

Халова Гюльнар Османовна
д.э.н., главный научный сотрудник, Центра центрально-азиатских исследований, ИКСА РАН, khalova@iccaras.ru

Лю Инин
соискатель Центра центрально-азиатских исследований, ИКСА РАН, yingying3627@mail.ru

В статье исследуются процессы развития альтернативных финансовых систем в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). Интеграция финансовых систем стран-участниц Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) становится все более актуальной в контексте глобальных экономических изменений. Страны ШОС, такие как Китай, Россия, Индия и другие, стремятся к укреплению взаимосвязей через развитие альтернативных финансовых систем и технологий. Эти усилия направлены на уменьшение зависимости от традиционных финансовых институтов, таких как SWIFT, и на переход к мультивалютным расчетам, что, в свою очередь, требует более глубокой интеграции финансовых систем. На основе анализа текущих тенденций и инициатив делается вывод о потенциале ШОС в формировании независимой финансовой архитектуры, способной снизить зависимость от западных финансовых институтов.
Ключевые слова: юань, Китай, Россия, ШОС, CIPS (Cross-Border Interbank Payment System (Трансграничная межбанковская платежная система)).

В последние десятилетия мир стал свидетелем значительных изменений в глобальной финансовой системе, что обусловлено как экономическими, так и политическими факторами. Одним из наиболее заметных трендов является процесс деофшоризации, который затрагивает многие страны, стремящиеся к повышению прозрачности своих финансовых систем и снижению зависимости от традиционных западных финансовых институтов. В этом контексте Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) представляет собой уникальную платформу для обсуждения и реализации альтернативных финансовых систем.

Формирование в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) финансовой системы становится всё более актуальным процессом, обусловленным как экономическими, так и политическими факторами.

По оценкам МВФ, страны-участницы ШОС формируют значительное демографическое и экономическое ядро.

На долю государств ШОС приходится порядка 42% мирового населения (рисунок 1).

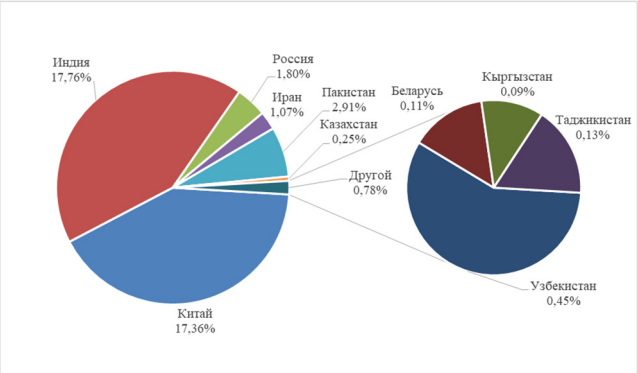

Рисунок 1 – Доля государств ШОС в мировой численности населения
Источник: составлено автором на основе [12].

Помимо демографического потенциала, на долю государств ШОС приходится более трети глобального ВВП (по ППС) (рисунок 2).

В таких условиях, стремление к повышению прозрачности финансовых операций приобретает особую значимость для стран, присоединяющихся к Организации.

Среди ключевых мер, предпринимаемых государствами ШОС, можно выделить законодательные инициативы в России, которые с 2013 года активно внедряют механизмы противодействия налоговым уклонениям. Эти усилия особенно усилились после событий, произошедших после 24 февраля 2022 года, когда геополитическая обстановка побудила к

пересмотру существующих финансовых практик и определила необходимость усиления налогового контроля и прозрачности [9]. Поддержка международных инициатив по налоговой прозрачности, а также формирование общей налоговой политики среди стран-участников ШОС помогут существенно изменить ландшафт мировой экономики и способствовать равноправному развитию всех членов организации.

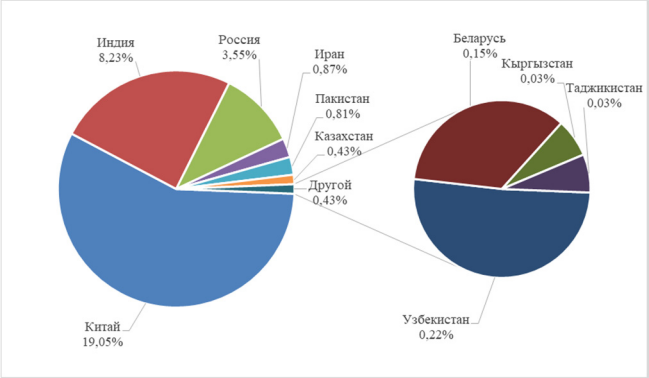

Рисунок 2 – Доля государств ШОС в мировом ВВП (по ППС)
Источник: составлено автором на основе [12].

В мире, где устойчивая экономика становится необходимостью, предотвращение ухода капитала в низконалоговые юрисдикции позволяет не только обеспечить финансовую стабильность, но и развивать внутренние рынки [4]. Одним из ключевых способов реализации вышесказанного является необходимость формирования эффективных механизмов для контроля и регулирования финансовых потоков, прежде всего через укрепление международного налогового сотрудничества.

В ближайшие годы создание таких механизмво может оказать влияние на международное налоговое регулирование и борьбу с отмыванием доходов, что, в свою очередь, повлияет на финансовые системы стран-участниц. Страны, находящиеся в составе ШОС, имеют уникальную возможность совместно работать над разработкой и реализацией инициатив, направленных на более эффективное противодействие офшоризации и создание благоприятной экономической среды [8].

При этом, следует учитывать, что реализация этих инициатив потребует не только политической воли, но и глубокого анализа существующих законодательных моделей и традиций формирования финансовых систем в стран-участницах. Создание новых механизмов и платформ будет способствовать формированию нового подхода к финансовой интеграции, где децентрализованное управление и местные характеристики будут учитываться в контексте глобальных тенденций.

На российско-китайском бизнес-форуме в 2023 г. Игорь Шувалов отметил важность создания эффективной системы расчетов в рубле, юане и валютах ШОС и БРИКС. Считается, что подобная система не только обеспечит должное финансовое взаимодействие, но и снизит себестоимость трансграничных расчетов [11]. Увеличение объемов сделок, проводимых в юанях и рублях, подразумевает гармонизацию экономических интересов между странами и углубление двустороннего сотрудничества.

Исследования показывают, что более 80% сделок между Россией и Китаем уже проводятся именно в этих валютах. Такие шаги способствуют формированию международного имиджа юаня и рубля [11]. Важно заметить, что многим странам, стремящимся к снижению зависимости от ведущих мировых валют, таких как доллар, данный факт представляется наиболее привлекательным вариантом.

Система расчетов между ШОС и другими фондами, такими как Брюссельская инвестиционная и финансовая группа, позволит осуществлять расчеты не только в юанях, но и в других валютах стран-участниц, предлагая альтернативу традиционным фининститутам. Так, специалисты считают, что создание новой инфраструктуры расчетов представляет собой важный шаг к укоренению юаня в качестве валюта расчетов на международной арене. Реализация которой могла бы углубить экономическое сотрудничество и ускорить трансакции на площадках ШОС и БРИКС [5].

Программы по углублению сотрудничества и совместным инвестициям обуславливают необходимость создания общей инфраструктуры для расчетов, включая создание Банка развития ШОС и систем трансграничных платежей [1]. Это, в свою очередь, приведет к повышению финансовой самостоятельности соответствующих стран и обеспечит более стабильные условия для бизнеса.

Каждая из стран-участниц имеет свои интересы и экономические предпочтения. Очевидно, стратегическое сотрудничество должно проходить под эгидой создания восприимчивой системы, которая позволит каждому члену ШОС действовать в своих интересах, что также сделает расчетные операции более независимыми.

Каждое из предложений о создании общей цифровой валюты или единой финансовой платформы в рамках ШОС также активно обсуждается, однако такие шаги требуют солидной юридической базы и согласования между правительствами, что занимает определенное время [3].

Таким образом, дальнейшие изменения в международной финансовой системе могут вдохновить страны-участницы ШОС на более активное использование национальных валют в расчетах, что может привести к долгосрочным экономическим преимуществам и стратегической стабильности на уровне региона. Существует много факторов, определяющих этот процесс, но важно помнить о преимуществах, которые могут вырасти из общего стремления к экономической интеграции и независимости в расчетах.

В условиях современного финансового мира, где доминирующей системой передачи финансовых сообщений на протяжении нескольких десятилетий являлся SWIFT, CIPS предлагает уникальную альтернативу, особенно для стран ШОС. В отличие от SWIFT, система ориентирована на расчеты в юанях и предоставляет специализированные услуги для

международной торговли в ней, что несомненно важно для стран-участниц ШОС, которые ищут возможности уменьшить свою зависимость от западных финансовых систем и увеличить объем взаимных расчетов в юанях.

Для России, с учетом ее новых экономических реалий, использование CIPS приобретает особое значение. Российские банки, такие как ВТБ и МКБ, все активнее начинают применять возможности системы для трансакций в юанях, что открывает новые горизонты для формирования независимой финансовой инфраструктуры в условиях санкционного давления [10]. Дополнительным аспектом является тот факт, что CIPS позволяет снизить зависимость от доллара США, что является стратегической целью для многих стран-участниц ШОС.

Система CIPS активно развивается и, как часть новой платежной инфраструктуры, принимает на себя важные функции, которые ранее выполнял SWIFT. Эта замена предполагает не только технические, но и стратегические изменения в подходах к международной торговле и финансам [10].

Развитие системы CIPS также предполагает поддержку финансовых инструментов и механизмов, необходимых для эффективного функционирования в рамках ШОС. Например, внедрение удобных расчетных инструментов и платформ для поддержки повышения финансовой прозрачности и снижения операционных рисков для участников финансового рынка [10]. Этим шагом страны ШОС могут улучшить уровень финансовой интеграции и наладить более тесное сотрудничество в экономических вопросах, что значит, что CIPS может стать основой нового уровня экономических взаимоотношений в регионе.

В связи с чем, CIPS не просто альтернатива SWIFT, а серьезный инструмент, способный изменить генеральную тенденцию в международных расчетах. Для стран ШОС это дает возможность укрепить собственные экономики, создавая условия для качественно нового уровня финансового взаимодействия и интеграции в глобальный рынок.

Для чего, необходимо активно развивать национальные валюты и цифровые валюты, что становится особенно актуальным в условиях нестабильности мировой финансовой системы. По данным исследования, в рамках интеграционных процессов создаются пилотные зоны для демонстрации новых технологий и инструментов, что позволяет тестировать потенциальные решения на практике и запускать совместные инициативы, как это было сделано в Циндао, где функционирует множество фондов для развития российско-китайского взаимодействия [2].

По мнению экспертов, отсутствие единой финансовой системы может стать фактором, замедляющим экономическое сотрудничество между государствами ШОС, особенно когда речь идет о быстром реагировании на современные вызовы [7]. Создание столь необходимой системы могло бы помочь странам-членам интегрироваться более эффективно и безопасно, учитывая раскол в глобальных финансовых потоках.

Проблема создания эффективной альтернативной финансовой инфраструктуры для ШОС также рассматривается как важный фактор экономической безопасности и устойчивости [6]. Страны, вступая в активное сотрудничество в области финансовых технологий, значительно продвигаются в разработке совместных платежных решений и цифровых валют. Это вопрос стратегической важности для формирования общего финансового пространства, что подчеркивается текущими инициативами, направленными на совместное развитие цифровых валют центробанков.

Основной задачей интеграции остается создание устойчивой и взаимовыгодной платформы для интеграции. При этом, важно не забывать о необходимости уважения суверенитета и национальных интересов стран-участниц ШОС. Совместные проекты могут выступить в качестве интеграционного механизма для создания единой и безопасной финансовой системы, обеспечивая высокий уровень доверия между участниками.

Таким образом, достижения в области интеграции финансовых систем целесообразно рассматривать как стратегический шаг к построению более предсказуемого и безопасного экономического пространства в рамках ШОС, что, в свою очередь, будет способствовать повышению конкурентоспособности всего региона на международной арене.

Литература

1. Валюта ШОС: единства позиций в ближайшее время не предвидится [Электронный ресурс]. – URL: https://www.ritmeurasia.ru/news--2024-08-15--valjuta-shos-edinstva-pozicij-v-blizhajshee-vremja-ne-predviditsja-75065 (дата обращения: 15.02.2025)

2. Интеграционные процессы внутри ШОС [Электронный ресурс]. – URL: https://roscongress.org/materials/integratsionnye-protsessy-vnutri-shos-na-novom-ekonomicheskom-prostranstve/ (дата обращения: 22.02.2025)

3. Иран предлагает ввести единую валюту в ШОС. Что думают об этом эксперты? [Электронный ресурс]. – URL: https://asiaplustj.info/news/tajikistan/economic/20220704/iran-predlagaet-vvesti-edinuyu-valyutu-v-shos-chto-dumayut-ob-etom-eksperti (дата обращения: 04.02.2025)

4. Налоговый рай с конфискацией имущества. Деофшоризация по-русски [Электронный ресурс]. – URL: https://zakon.ru/blog/2023/03/26/nalogovyj_raj_s_konfiskaciej_imuschestva_deofshorizaciya_po-russki (дата обращения: 20.02.2025)

5. Новая система расчетов в валютах ШОС и БРИКС позволит нашим предприятиям расширять рынки сбыта [Электронный ресурс]. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/6068224 (дата обращения: 20.02.2025)

6. Панова Г. Финансовая интеграция стран ЕАЭС - ШОС // Постсоветский материк. – 2018. – №3 (19). – С. 71-83.

7. Почему необходима единая финансовая система в странах ШОС? [Электронный ресурс]. –

URL: https://az.sputniknews.ru/20220415/pochemu-neobkhodima-edinaya-finansovaya-sistema-v-stranakh-shos-441149108.html (дата обращения: 22.02.2025)

8. Тригуб Е.Ю. Перспективные направления совершенствования политики деофшоризации: мировая и российская практика // Вестник университета. – 2023. – №1. – С. 170-178.

9. Хейфец Б.А. Новый этап деофшоризации глобальной экономики и российские реалии: Научный доклад. – М.: Институт экономики РАН, 2022. – 64 с.

10.Что нужно знать о китайской системе CIPS, или клиринге трансграничных платежей в юанях? [Электронный ресурс]. – URL: https://finance.rambler.ru/markets/46517271-chto-nuzhno-znat-o-kitayskoy-sisteme-cips-ili-kliringe-transgranichnyh-platezhey-v-yuanyah (дата обращения: 15.02.2025)

11.Шувалов призвал создать новую систему расчетов в валютах ШОС и БРИКС [Электронный ресурс]. – URL: https://www.rbc.ru/finances/23/05/2023/646c677e9a79475702708def (дата обращения: 20.02.2025)

12.World Economic Outlook Database. October 2024. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2024/October/ (дата обращения: 20.02.2025)

Prospects for the integration of financial systems of the SCO member states

Khalova G.O., Liu Yining
Center for Central Asian Studies, ICA RAS

JEL classification: G20, G24, G28, H25, H30, H60, H72, H81, K22, K34

This study examines the development of alternative financial systems within the Shanghai Cooperation Organization (SCO) framework. The financial integration of SCO member states - including China, Russia, and India - has gained strategic importance amid shifting global economic paradigms. These nations are pursuing enhanced financial connectivity through innovative payment systems and technologies, aiming to reduce reliance on conventional financial infrastructure like SWIFT while promoting multicurrency settlements. This transition necessitates deeper systemic integration among participating economies. The analysis demonstrates the SCO's potential to establish an independent financial architecture that could significantly diminish dependence on Western-dominated financial systems. Through examination of current initiatives and emerging trends, the research highlights the organization's capacity to reshape international financial flows.

Keywords: yuan, China, Russia, SCO, CIPS (Cross-Border Interbank Payment System)

References

1. SCO Currency: No Unity of Positions in the Near Future [Electronic resource]. – URL: https://www.ritmeurasia.ru/news--2024-08-15--valjuta-shos-edinstva-pozicij-v-blizhajshee-vremja-ne-predviditsja-75065 (accessed on 15.02.2025)
2. Integration Processes Within the SCO [Electronic resource]. – URL: https://roscongress.org/materials/integratsionnye-protsessy-vnutri-shos-na-novom-ekonomicheskom-prostranstve/ (accessed on 22.02.2025)
3. Iran Proposes Introducing a Single Currency in the SCO. What Do Experts Think About This? [Electronic resource]. – URL: https://asiaplustj.info/news/tajikistan/economic/20220704/iran-predlagaet-vvesti-edinuyu-valyutu-v-shos-chto-dumayut-ob-etom-eksperti (date of access: 04.02.2025)
4. Tax haven with confiscation of property. Deoffshorization in Russian [Electronic resource]. – URL: https://zakon.ru/blog/2023/03/26/nalogovyj_raj_s_konfiskaciej_imuschestva_deofshorizaciya_po-russki (date of access: 20.02.2025)
5. The new system of settlements in the currencies of the SCO and BRICS will allow our enterprises to expand their sales markets [Electronic resource]. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/6068224 (date of access: 20.02.2025)
6. Panova G. Financial integration of the EAEU - SCO countries // Post-Soviet continent. - 2018. - No. 3 (19). - P. 71-83.
7. Why is a single financial system needed in the SCO countries? [Electronic resource]. - URL: https://az.sputniknews.ru/20220415/pochemu-neobkhodima-edinaya-finansovaya-sistema-v-stranakh-shos-441149108.html (date of access: 22.02.2025)
8. Trigub E.Yu. Promising directions for improving the deoffshorization policy: world and Russian practice // University Bulletin. – 2023. – No. 1. – P. 170-178.
9. Kheifets B.A. New stage of deoffshorization of the global economy and Russian realities: Scientific report. – M.: Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, 2022. – 64 p.
10. What do you need to know about the Chinese CIPS system, or clearing of cross-border payments in yuan? [Electronic resource]. – URL: https://finance.rambler.ru/markets/46517271-chto-nuzhno-znat-o-kitayskoy-sisteme-cips-ili-kliringe-transgranichnyh-platezhey-v-yuanyah (date of access: 15.02.2025)
11. Shuvalov called for the creation of a new settlement system in the currencies of the SCO and BRICS [Electronic resource]. – URL: https://www.rbc.ru/finances/23/05/2023/646c677e9a79475702708def (date of access: 20.02.2025)
12. World Economic Outlook Database. October 2024. [Electronic resource]. – URL: https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2024/October/ (date of access: 20.02.2025)

Искусственный интеллект и трансформация рынка труда: вызовы и перспективы

Рязанцева Маргарита Васильевна
к.т.н., доцент, доцент кафедры психологии и развития человеческого капитала, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, mvryazantseva@fa.ru

Якушова Елена Сергеевна
к.э.н, доцент, доцент кафедры стратегического инновационного развития, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, esyakushova@fa.ru

Статья посвящена изучению влияния искусственного интеллекта (ИИ) на современный рынок труда. Отмечается, что внедрение ИИ ведет к замещению определенных рабочих мест и созданию новых высокопроизводительных позиций, требующих специализированных навыков. В исследовании особое внимание уделено росту спроса на специалистов в области ИИ. Авторы изучили динамику вакансии «продуктовый аналитик» и её медианную зарплату в разных городах РФ и странах ближнего зарубежья. Также в работе обсуждаются социальные последствия и вызовы, связанные с внедрением ИИ, включая возможное усиление неравенства, отток молодежи в города-миллионники и необходимость адаптации работников и компаний к новым условиям. В заключении подчеркивается важность разработки образовательных программ и государственной поддержки для успешного перехода к новому типу трудовой деятельности в условиях цифровой трансформации.
Ключевые слова: искусственный интеллект, рынок труда, автоматизация, цифровая трансформация, продуктовый аналитик, профессиональные навыки

Введение

Современный рынок труда трансформируется под воздействием различных факторов, среди которых ключевыми являются технологические и демографические изменения, высокая экономическая неопределенность и активный переход на «зеленые» технологии. По мнению 60% работодателей, которые участвовали в международном опросе, расширение доступа к цифровым технологиям преобразит их бизнес к 2030 году, 86% опрошенных работодателей считают, что технологии искусственного интеллекта (ИИ) приведут к трансформации их бизнеса [1, с. 5].

По прогнозам экспертов, в Китае к 2049 году ИИ заменит около 35,8% существующих рабочих мест (это от 201 до 333 млн существующих рабочих мест при разных темпах внедрения) [2].

Указанные выше факторы воздействуют как на бизнес в целом, так и на конкретные рабочие места: одни профессии исчезают, становясь невостребованными, а другие, напротив, возникают и приобретают значимость на рынке труда. Цифровизация общества стимулирует спрос на связанные с технологиями навыки, включая умение использовать искусственный интеллект и большие данные. «ИИ и большие данные, сети и кибербезопастость, технологическая грамотность, как ожидается, войдут в тройку самых быстрорастущих навыков к 2030 г.» [1, с. 39].

В России тоже активно растёт спрос на сотрудников, обладающих компетенциями в области ИИ: в 2024 г. доля таких сотрудников в российских организациях возросла до 54,8% по сравнению с 46,6% в 2023 г. [3]. По прогнозам Минэкономразвития России, к 2030 году ИИ будет внедрен в 95% отраслей [4].

Таким образом, ИИ оказывает значительное влияние на рынок труда, изменяя структуру занятости и требования к навыкам. Внедрение ИИ в разные сферы хозяйственной деятельности создает как возможности, так и вызовы, требующие адаптации со стороны работников и работодателей. В связи с этим представляется актуальным исследование влияния искусственного интеллекта на рынок труда.

Литературный обзор. В рамках данной работы было решено отказаться от раскрытия сущности и эволюции технологий ИИ, которые достаточно глубоко исследованы в работах К. Абдурахманова и др. [5, с. 228].

Данная статья направлена на изучение проблемы влияния ИИ на рынок труда, которая в настоящее время привлекает широкое внимание как российских, так и зарубежных исследователей. Эксперты выделяют следующие аспекты трансформации рынка труда в результате развития цифровых технологий.

Во-первых, ИИ оказывает влияние на бизнес и на изменение спроса на навыки работников. Л. Алексеева и ее коллеги отмечают значительный рост спроса на навыки, связанные с ИИ, особенно в таких отраслях, как информационные технологии, архитектура, инженерия, науки о жизни и управление [6]. Компании, активно внедряющие ИИ, как правило, имеют более высокую рыночную капитализацию и инвестиции в исследования и разработки. В связи с этим вакансии, требующие навыков ИИ, предлагают более высокую заработную плату, особенно в управленческих профессиях.

По мере появления новых технологий и изменения отраслей промышленности усиливается спрос на новые навыки рабочей силы. Модель McKinsey Future of Work классифицирует 25 навыков рабочей силы по пяти группам: физические и ручные, базовые когнитивные, высшие когнитивные, социальные, эмоциональные и технологические. Модель прогнозирует значительные изменения в спросе на навыки к 2030 году, рисуя картину радикально изменившегося ландшафта навыков. Этот рост отражает растущую важность уникальных человеческих способностей, таких как эмпатия, лидерство и межличностное общение в мире, который становится все более автоматизированным. Навыки, которые активно используются сегодня и, как ожидается, будут значительно расти в спросе, включают в себя передовые ИТ, технологическую инженерию, передовую аналитику данных и креативность. Растущая важность этих навыков подчеркивает необходимость рабочей силы, которая не только технически подкована, но также инновационна и адаптивна. К 2030 году примерно 27% текущих рабочих часов в Европе и 30% в США могут быть автоматизированы, и этот процесс ускорится благодаря появлению генеративного ИИ [7].

Во-вторых, ИИ способствует росту автоматизации в организациях и приводят к замещению существующих рабочих мест технологиями, изменению существующих бизнес-моделей. С. Белл и А. Коринек, Д. Акемоглу и др. делают вывод, что ИИ и автоматизация приводят к замещению рабочих мест, особенно в тех профессиях, где задачи могут быть автоматизированы [8, 9]. ИИ использовался в тестовом режиме примерно в 65% организаций, участвующих в опросе НИУ ВШЭ, проведенного в 2022-2023 гг. [10]. Наиболее активное внедрение технологий ИИ осуществляется среди органов госуправления (54%) [11, 12]. При этом автоматизация может привести к снижению спроса на труд и увеличению неравенства [8, 13].

Эксперты выделили профессии, которые наиболее и наименее подвержены влиянию ИИ [5, с. 234]. Анализ актуального перечня профессий, подверженный влиянию ИИ, представленного в отчете Всемирного экономического форума 2025 г. позволяет сделать вывод, что менее уязвимыми являются инженерные профессии, особенно связанные с информационными технологиями, а также профессии, требующие креативности. Более уязвимыми являются сферы, в которых выполняются рутинные, легко алгоритмизируемые действия [1, с. 18-20]. «Неравномерный доступ к передовым технологиям может вызвать эффект Матфея (неравномерное распределение преимуществ): освоившие технологии ИИ компании и работники будут укреплять свои позиции на рынке, не имеющие доступа к технологиям ИИ или не обладающие компетенциями для их использования будут терять свои конкурентные преимущества. Причем, такое неравенство может создать замкнутый круг лидеров в сфере ИИ» [14].

По результатам анализа удаленной занятости С. Хуэй, О. Решеф и Л. Джоу [15] предположили, что использование моделей генеративного ИИ могут привести к сокращению занятости и доходов фрилансеров, причем непропорционально. В большей степени пострадают более профессиональные работники. Э. Бриньольфссон, Д. Ли, Линдси Рэймонд [16] в своем исследовании доказали, что доступ к инструментам генеративного ИИ повышает производительность работников в среднем на 14%, при этом в большей степени возрастает производительность менее опытных работников и работников с низкой валификаций, что позволяет им продвигаться по карьерной лестнице. В связи с этим, они предположили, что ИИ может трансформировать человеческий капитал и снизить общий спрос на работников.

В-третьих, ученые указывают на социально-экономические последствия внедрения ИИ, такие как дискриминация, социальное неравенство, несправедливое распределение выгод от использования ИИ [8].

Для многих людей работа обеспечивает важнейшие факторы личного благополучия, такие как цель и смысл жизни. Работа обеспечивает и другие положительные внешние эффекты, такие как социальные связи или стабильность, в связи с чем потеря работы или ее смена может оказывать негативное влияние на людей [17].

По мнению К. Пизилелли, «страны с развитой экономики подвержены более сильному воздействию на рынок и занятость в результате внедрения ИИ, чем страны с развивающейся экономкой из за более высокой доли на рынке труда высококвалифицированных специалистов и управленцев» [18].

Несмотря на двойственную природу воздействия ИИ на рынок труда, можно согласиться с утверждением, что «применение искусственного интеллекта в бизнес-процессах является катализатором развития современного рынка труда» [19]. А рост автоматизации в долгосрочной перспективе будет способствовать повышению благополучия людей.

Обзор публикаций, посвященных влиянию ИИ на рынок труда, свидетельствует о большом интересе к данной теме, однако в исследованиях отсутствует

системность. В настоящее время происходит стремительное развитие технологий ИИ и их внедрение в бизнес-процессы, что требует постоянного мониторинга влияния технологий ИИ на рынок труда. Кроме того, в большинстве публикаций анализируются общие изменения ситуации на рынке труда под влиянием технологий ИИ, и не рассматриваются конкретные профессии.

Цель исследования. Цель настоящего исследования заключалась в анализе изменений рынка труда под влиянием технологий ИИ. В качестве конкретного кейса таких изменений была выбрана профессии «продуктовый аналитик».

Научная новизна. В статье выполнен эмпирический анализ ситуации на российском рынке труда в отношении профессии «продуктовый аналитик». Эмпирически доказана гипотеза о более высокой роли профессий, использующих ИИ, в создании ценности кампании, в связи с чем такие специалисты получают более высокую заработную плату.

Гипотезы исследования

1. Развитие технологий ИИ оказывает дуальное влияния на рынок труда: по одним профессиям происходит их вытеснение с рынка, по другим – развитие и приращение функционала.
2. Внедрение ИИ способствует росту числа более высокотехнологичных рабочих мест, росту производительности труда и, как следствие, более высокооплачиваемых рабочих мест.
3. Учитывая наличие положительной корреляции между уровнем социально-экономического развития региона и востребованностью квалифицированных кадров, можно предположить, что в Московском регионе будут наблюдаться самые высокие зарплаты и повышенный спрос на специалистов в сфере информационных технологий.

Методология. Данная работа основана на результатах анализа и систематизации российских и зарубежных научных публикаций, а также данных национальных и международных исследований о влиянии ИИ на отдельные компании и целые отрасли. Для проверки гипотез о трансформации российского рынка труда под влиянием цифровизации авторы использовали данные с платформы онлайн-рекрутинга hh.ru. В процессе работы с научно-практическими материалами авторы применяли общелогические методы исследования (анализ, синтез, индукция и дедукция), а также статистические методы обработки данных.

Результаты исследования

Гипотеза 1. Как отмечалось выше, ИИ трансформирует рынок труда, спрос на профессии. Выполненный научный обзор однозначно подтверждает гипотезу 1, о том, что развитие технологий ИИ оказывает дуальное влияния на рынок труда: по одним профессиям происходит их вытеснение с рынка, по другим – развитие и приращение функционала.

Гипотеза 2. Использование ИИ способствует росту производительности труда, за счет автоматизации рутинных задач, улучшения качества продукции, скорости принятия решений за счет использования ИИ для анализа данных и др. Успешным примером повышения эффективности и производительности труда является банковский сектор, который активно внедряет ИИ в свои бизнес-процессы:

1) Чат-боты и голосовые помощники. Виртуальные ассистенты помогают клиентам получать консультации и решать вопросы круглосуточно, что сокращает нагрузку на операторов колл-центров.

2) Предсказательная аналитика. ИИ используется для анализа данных о клиентах и прогнозирования их потребностей, что позволяет банку предлагать персонализированные продукты и услуги.

3) Фрод-мониторинг. ИИ помогает выявлять подозрительные операции и предотвращать мошеннические действия, что повышает безопасность банковских операций.

Таким образом, внедрение ИИ действительно способствует росту числа высокотехнологичных рабочих мест и повышению производительности труда, открывая новые возможности для развития как отдельных специалистов, так и целых отраслей экономики.

Такие индустрии как здравоохранение, финансы, IT, маркетинг и многие другие, активно внедряют решения, основанные на искусственном интеллекте и машинном обучении, что создает множество перспективных карьерных возможностей (табл. 1).

Таблица 1
Перечень наиболее востребованных профессии в сфере ИИ в 2025 году

№	Профессия	Функциональные обязанности
1.	Data Scientist (Специалист по данным)	анализ и обработка больших данных для разработки и обучения моделей машинного обучения
2.	Machine Learning Engineer (Инженер по машинному обучению)	создание программных решений для внедрения моделей ИИ в реальную продукцию
3.	AI Research Scientist (Исследователь в области ИИ)	проведение исследований в области методологий ИИ и машинного обучения, проектирование, разработка и внедрение передовых алгоритмов ИИ
4.	NLP Engineer (Инженер по обработке естественного языка)	разработка алгоритмов и систем, которые понимают, интерпретируют и генерируют естественную речь (чат-боты, системы автоматического перевода и голосовые ассистенты)
5.	Computer Vision Engineer (Инженер компьютерного зрения)	создание систем, которые способны "видеть" и понимать визуальные данные (автономные автомобили, медицинская диагностика, контроль качества продукции и системы безопасности)
6.	Robotics Engineer (Инженер по робототехнике)	создание умных роботов, которые могут взаимодействовать с окружающей средой и принимать решения на основе данных (дроны, медицинские роботы, автоматизированные производственные системы и др.)

7.	AI Product Manager (Менеджер по продукту ИИ)	отвечает за стратегию разработки и внедрения ИИ-решений в продукцию компании, определяет ключевые направления для применения ИИ
8.	Инженер по искусственному интеллекту (AI Engineer)	проектирование и создание систем искусственного интеллекта
9.	Специалист по этике искусственного интеллекта (AI Ethicist)	обеспечение этичного проектирования и внедрения систем ИИ
10.	Deep Learning Engineer (Инженер по глубокому обучению)	обучение нейронных сетей распознаванию образов и расширенным приложениям
11.	Product Analyst (Продуктовый аналитик)	отвечает за определение потребностей пользователей, проведение маркетинговых исследований, сбор и анализ данных и создание дорожных карт продуктов.

Источник: составлено авторами на основе [20, 21]

Гипотеза 3. В рамках данного исследования было принято решение проверить данную гипотезу на примере профессии «продуктовый аналитик». Это новая профессия для российского рынка труда, она связана с бизнес-аналитикой и большими данными (Big Data). Продуктовый аналитик (Product Analyst) собирает и анализирует данные о поведении пользователей (покупателей), чтобы ответить на вопрос, как развивать продукт. Согласно данным порталов вакансий (таких как hh.ru, LinkedIn), спрос на продуктовых аналитиков в России и мире за последние 5 лет вырос в 2-3 раза.

Анализ данных о числе вакансий, их динамике, уровне оплаты в 2023-2024 гг. демонстрирует устойчивый спрос на данных специалистов и сравнительно выской по сравнению с другими профессиями аналитиков уровень оплаты труда (табл. 2)

Таблица 2
Статистика по вакансии «продуктовый аналитик» (за период с 04.01.2023 по 13.12.2024 г.)

Ключевое слово	Кол-во вакансий	Медианная зарплата, тыс. руб.	Нижний квантиль, тыс. руб.	Верхний квантиль, тыс. руб.
Бизнес аналитик	122	160	130,5	200,0
Аналитик данных	481	209,4	145,0	265,7
Маркетинговый аналитик (Marketing Analyst)	238	200	143,9	217,5
Продуктовый аналитик	**3 998**	**150**	**100,0**	**210,0**
Аналитик BI	52	150	130,0	150,0
Младший аналитик	12	130,5	70,0	180,
Руководитель отдела аналитики	16	200	200,0	250,0
Аналитик баз данных	2	55	55,0	55,0

Источник: составлено авторами на основе данных сервиса hh.ru

Результаты анализа:

1. За двухлетний период на сайте hh.ru было размещено 3 998 вакансий с ключевыми словами «продуктовый аналитик». В то же время эти ключевые слова также встречались в описании вакансий «бизнес-аналитик», «аналитик данных», «маркетинговый аналитик» и др. Это свидетельствует о том, что сфера деятельности продуктового аналитика пока ещё четко не определена.

2. Средняя зарплата по вакансиям «продуктовый аналитик» на сайте hh.ru за анализируемый период составила 160 281 руб., медианная – 150 000 руб. Максимальная зарплата по данной вакансии (до 450 000 руб., после вычета налогов) была указана в объявлении финтех-компании «Точка» в октябре 2024 года для кандидата уровня Senior с опытом работы от 3 лет.

Таблица 3
Динамика количества вакансий и медианной зарплаты продуктового аналитика в период с 2021 по 2024 гг.

Период	Кол-во вакансий	Абс. цепной прирост	Медианная зарплата, тыс. руб.	Абс. цепной прирост
01.01.2023 г.	110	–	125,0	–
01.04.2023 г.	103	-7	165,3	+45,3
01.07.2023 г.	161	+58	200,0	+34,7
01.10.2023 г.	184	+13	140,0	-60,0
01.01.2024 г.	222	+38	150,0	+10,0
01.04.2024 г.	159	-63	130,0	-20,0
01.07.2024 г.	224	+65	150,0	+20,0
01.10.2024 г.	263	+39	173,8	+23,8
01.12.2024 г.	120	-143	208,8	+35,0

Источник: составлено на основе данных сервиса hh.ru

Данные таблицы 4 подтверждают гипотезу о том, что в Московском регионе самый высокий спрос на продуктовых аналитиков. Здесь была размещена вакансия с самой высокой заработной платой от финтех-компании «Точка». Примечательно, что и самая низкая зарплата по вакансии (от 19 000 до 38 000 руб. за месяц, до вычета налогов) также была в Москве – её разместила сама компания HeadHunter, когда искала для себя продуктового аналитика-стажёра без опыта работы.

Таблица 4
Распределение вакансий по городам РФ (за период с 04.01.2023 по 13.12.2024 г.)

№ п/п	Города	Кол-во вакансий	Медианная зарплата, руб.	Мин. значение, руб.	Макс. значение, руб.
1.	Москва	2 808	173 250	20 000	450 000
2.	Санкт-Петербург	429	140 000	47 850	335 000
3.	Екатеринбург	109	100 000	43 500	225 000
4.	Новосибирск	85	100 000	70 000	300 000
5.	Казань	73	119 700	35 000	300 000
6.	Нижний Новгород	40	104 400	40 803	250 000
7.	Ярославль	38	60 900	47 850	87 000
8.	Пермь	20	140 000	87 000	140 000
9.	Челябинск	17	70 000	51 000	90 000
10.	Краснодар	16	234 900	60 000	391 500
11.	Ростов-на-Дону	16	92 500	75 000	300 000
12.	Йошкар-Ола	15	57 900	36 975	100 000
13.	Тюмень	15	130 000	80 000	175 000
14.	Самара	13	з/п не указана	–	–
15.	Воронеж	12	180 000	87 000	225 000
16.	Калининград	12	200 000	37 500	200 000

***Примечание**: для анализа выбраны города, где количество вакансий превышает 10.*
Источник: составлено на основе данных сервиса hh.ru

В то же время самая высокая медианная зарплата по вакансиям была зафиксирована в г. Краснодар. Самую высокую заработную плату в этом городе (450 000 руб. до вычета налогов) предлагала IT-компания Volna.Tech, которая занимается системной интеграцией, автоматизацией технологических и бизнес-процессов предприятия, ИТ-консалтингом. На втором месте Калининград с медианной зарплатой 200 000 руб. Вакансию с такой зарплатой размещала компания ВкусВилл, чтобы найти «продуктового аналитика в команду лояльности» с опытом работы от 3 лет.

Самая низкая медианная зарплата была в объявлениях из Йошкар-Олы (57 900 руб.) и Ярославля (60 900 руб.). Верхний уровень зарплаты по вакансиям для данной профессии в этих городах тоже довольно низкий – 100 000 руб. и 87 000 руб. соответственно. При этом за 100 000 руб. в месяц (после выплаты налогов) компания IT-компания TravelLine (занимается разработкой и ведением платформы для автоматизации процессов гостиничного бизнеса) искала сотрудника с опытом работы от 3 лет. В Ярославле вакансию с зарплатой 87 000 руб. размещала IT-компания «Тензор» – оператор электронного документооборота, сертифицированный EDI-провайдер. Сведения о требованиях к кандидату выяснить не удалось, т.к. данная вакансия уже не отображается в общем поиске HeadHunter и отсутствует на сайте самой компании.

После начала СВО и ввода санкций с российского рынка ушли многие прозападные и некоторые российские компании. В результате этой бизнес-миграции возник спрос на российских ИТ-специалистов в таких странах как Казахстан, Узбекистан, Беларусь. Сравнительные данные по количеству вакансий и уровне оплаты труда продуктовых аналитиков представлены в таблице 5.

Таблица 5
Распределение вакансий по зарубежным странам, чьи вакансии размещены на сайте hh.ru (за период с 04.01.2023 по 13.12.2024 г.)

№ п/п	Страна	Кол-во вакансий	Медианная зарплата, руб.	Мин. значение, руб.	Макс. значение, руб.
1.	Алматы (Казахстан)	65	з/п не указана	–	–
2.	Минск (Респ. Беларусь)	28	200 000	200 000	200 000
3.	Сербия	18	152 250	152 250	152 250
4.	Ташкент (Узбекистан)	17	з/п не указана	–	–
5.	Астана (Казахстан)	16	з/п не указана	–	–
6.	Кипр	13	217 500	125 000	217 500
7.	Тбилиси (Грузия)	11	290 000	290 000	290 000
8.	Армения	9	195 750	174 500	217 500
9.	Гомель (Респ. Беларусь)	3	з/п не указана	–	–
10.	Бишкек (Киргизия)	2	з/п не указана	–	–

Источник: составлено на основе данных сервиса hh.ru

Из представленных в таблице 5 данных видно, что лидером по вакансии «продуктовый аналитик» является Казахстан. К сожалению, в этих объявлениях не указан потенциальный размер заработной платы. При этом работодатели в основном представлены такими отраслями как финансы (Jusan Bank, Bekere Bank, ОА «Народный банк Казахстана») и телекоммуникации (Beeline, АО «Кселл», ТОО «Freedom Telecom»).

Если судить по имеющимся данным, то практически все страны (за исключением Кипра и Сербии), использующие платформу hh.ru для поиска русскоязычных специалистов, относятся к бывшим союзным республикам, и медианный уровень зарплат по данным вакансиям выше, чем в России. Как правило, международные компании ищут кандидата с опытом работы от 3 лет. Как правило, в объявлениях речь идет о работе в офисе работодателя, но есть и предложения с дистанционным форматом сотрудничества. Как ни странно, за исследуемый период 10 из 18 объявлений о наборе продуктовых аналитиков в Сербии было размещено корпорацией Яндекс.

Выводы

1. Развитие технологий ИИ оказывает дуальное влияния на рынок труда. С одной стороны, приводит к сокращению спроса на профессии, связанные с выполнением рутинных и алгоритмизируемых задач, особенно в сферах, где возможна полная автоматизация. С другой стороны, наблюдается рост спроса на высококвалифицированных специалистов в областях, связанных с разработкой, внедрением и управлением ИИ-технологиями.

2. В условиях цифровизации экономики появляются новые специальности, такие как «бизнес-аналитик», «продуктовый аналитик», «инженер по ИИ», которые становятся все более востребованными на рынке труда. Эти профессии требуют глубоких знаний в области анализа данных, машинного обучения и программирования.

3. Москва и крупные мегаполисы демонстрируют наивысший спрос на специалистов в области ИИ, в то время как регионы сталкиваются с дефицитом квалифицированной рабочей силы. Доступ к передовым технологиям и образовательным ресурсам распределяется неравномерно, что провоцирует отток молодежи в города-миллионники и тем самым усиливает разрыв между крупными городами и периферией.

4. Замещение рабочих мест и рост социального неравенства создают вызовы для адаптации работников и общества в целом. Важно разрабатывать программы обучения и переквалификации, а также обеспечивать социальную защиту уязвимых категорий населения.

Заключение. Развитие технологий ИИ действительно оказывает значительное влияние на рынок труда, создавая новые рабочие места и меняя характер существующих. Однако этот процесс сопровождается рядом вызовов, связанных с замещением рабочих мест, неравномерным распределением новых вакансий и социальными последствиями. Для успешного перехода к новой экономике

необходимо развивать программы обучения и переквалификации, а также поддерживать социальную защиту тех, кто сталкивается с трудностями в адаптации к изменениям.

Литература

1. Future of Jobs Report 2025 // Всемирный экономический форум. – URL: https://www.weforum.org/publications/the-future-of-jobs-report-2025/ (дата обращения: 10.02.2025)
2. Zhou G., Chu G., Li L., Meng L. The effect of artificial intelligence on China's labor market // *China Economic Journal.* – 2019. – №13, С. 24-41. https://doi.org/10.1080/17538963.2019.1681201
3. Швецова А. Искусственный интеллект набрал силу // ComNews.ru. – URL: https://www.comnews.ru/content/233574/2024-06-05/2024-w23/1008/ iskusstvennyy-intellekt-nabral-silu?clckid=88aae40e (дата обращения: 12.02.2025)
4. В МЭР прогнозируют достижение внедрения технологий ИИ 95% к 2030 году // ТАСС. – URL: https://tass.ru/ekonomika/20873811 (дата обращения: 12.02.2025)
5. Абдурахманов К.Х. Трансформация рынка труда в условиях внедрения искусственного интеллекта // Экономика труда. – 2023. – Том 10. – № 2. – С. 227–246. https://doi.org/10.18334/et.10.2.117364
6. Alekseeva L., Azar J., Giné M., Samila S., Taska B. The Demand for AI Skills in the Labor Market (October 16, 2019) // *Labor economics (forthcoming).* https://doi.org/10.2139/ssrn.3470610
7. A new future of work: The race to deploy AI and raise skills in Europe and beyond // McKinsey Global Institute. – URL: https://www.mckinsey.com/mgi/our-research/a-new-future-of-work-the-race-to-deploy-ai-and-raise-skills-in-europe-and-beyond#/ (дата обращения: 12.02.2025)
8. Bell S., Korinek A. AI's Economic Peril // *Journal of Democracy.* – 2023. – №34. – С. 151-161. https://doi.org/10.1353/jod.2023.a907696
9. Acemoglu D., Autor D., Hazell J., Restrepo P. Artificial Intelligence and Jobs: Evidence from Online Vacancies // *Journal of Labor Economics.* – 2022. – №40, С. 293-340. https://doi.org/10.1086/718327
10. Туровец Ю.В., Вишневский К.О. Искусственный интеллект в России: кто, что и как внедряет // Институт статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ. – URL: https://issek.hse.ru/news/862013645.html / (дата обращения: 23.02.2025)
11. Михайлов А. Как внедряют искусственный интеллект в России // РБК. — URL: // https://companies.rbc.ru/news/BaaVJRpUWo/kak-vnedryayut-iskusstvennyij-intellekt-v-rossii/ (дата обращения: 23.02.2025)
12. Рязанцева М.В. Цифровая трансформация государственного управления / М.В. Рязанцева // *Экономика, предпринимательство и право*. – 2024. – Том 14. – № 11. – С. 6951-6962. https://doi.org/10.18334/epp.14.11.122116
13. Dauth, W., Findeisen, S., Suedekum, J., & Wößner, N. (2017). German Robots - The Impact of Industrial Robots on Workers. *European Economics: Labor & Social Conditions eJournal*.
14. Вольнов Е. Будущее работы: 9 трендов, которые определят нашу профессиональную жизнь // SETTERS MEDIA. – URL: https://www.setters.media/article/budushchee-raboty-9-trendov-kotorye-opredelyat-nashu-professionalnuyu-zhizn (дата обращения: 10.01.2025)
15. Hui, X., Reshef, O., Zhou, L. (2024). The Short-Term Effects of Generative Artificial Intelligence on Employment: Evidence from an Online Labor Market. *SSRN Electronic Journal*. https://doi.org/10.2139/ssrn.4527336.
16. Brynjolfsson, Erik and Li, Danielle and Raymond, Lindsey, Generative Ai at Work (April 2023). *NBER Working Paper* No. w31161. https://doi.org/10.3386/w31161.
17. Korinek, Anton & Juelfs, Megan. (2022). Preparing for the (Non-Existent?) Future of Work. *SSRN Electronic Journal*. https://doi.org/10.2139/ssrn.4147243.
18. Pizzinelli, C., A. Panton, M. M. Tavares, M. Cazzaniga, and L. Li, (2023). Labor Market Exposure to AI: Cross-country Differences and Distributional Implication. IMF Wokring Paper 23/216.
19. Лукичев П.М., Чекмарев О.П. Вызовы экономики искусственного интеллекта традиционному рынку труда // *Вопросы инновационной экономики*. – 2023. – Том 13. – № 2. – С. 785-802. https://doi.org/10.18334/vinec.13.2.118137
20. Востребованные профессии в сфере искусственного интеллекта в 2025 году. // Teletype.in. – URL: https://teletype.in/@odyssey_community/ai_trends_vacansys_2025 (дата обращения: 10.02.2025)
21. Yashashwy Alok. Top 10 Most In-Demand AI Jobs for 2025 // Analytics Vidhya. –URL: https://www.analyticsvidhya.com/blog/2025/01/top-most-in-demand-ai-jobs/ (дата обращения: 19.02.2025)

Artificial Intelligence and the Transformation of the Labor Market: Challenges and Prospects

Ryazantseva M.V., Yakushova E.S.

Financial University under the Government of the Russian Federation

JEL classification: D20, E22, E44, L10, L13, L16, L19, M20, O11, O12, Q10, Q16, R10, R38, R40, Z21, Z32

The article examines the impact of artificial intelligence (AI) on the modern labor market. It notes that the introduction of AI leads to the substitution of certain jobs and the creation of new high-performance positions that require specialized skills. The study specifically focuses on the growing demand for AI specialists. The authors studied the dynamics of the vacancy "product analyst" and its median salary in different cities of the Russian Federation and the neighboring countries. It also discusses the social consequences and challenges associated with the introduction of AI, including the possible increase in inequality, outflow of youth to million-plus cities and the need for workers and companies to adapt to new conditions. The conclusion emphasizes the importance of developing educational programs and government support

for a successful transition to a new type of work in the context of digital transformation.

Keywords: artificial intelligence, labor market, automation, digital transformation, product analyst, professional skills

References

1. Future of Jobs Report 2025 // World Economic Forum. – URL: https://www.weforum.org/publications/the-future-of-jobs-report-2025/ (accessed: 10.02.2025)
2. Zhou G., Chu G., Li L., Meng L. The effect of artificial intelligence on China's labor market // *China Economic Journal.* – 2019. – No. 13, P. 24-41. https://doi.org/10.1080/17538963.2019.1681201
3. Shvetsova A. Artificial intelligence has gained strength // ComNews.ru. – URL: https://www.comnews.ru/content/233574/2024-06-05/2024-w23/1008/ iskusstvennyy-intellekt-nabral-silu?clckid=88aae40e (accessed: 12.02.2025)
4. The Ministry of Economic Development predicts that the implementation of AI technologies will reach 95% by 2030 // TASS. – URL: https://tass.ru/ekonomika/20873811 (accessed: 12.02.2025)
5. Abdurakhmanov K.Kh. Transformation of the labor market in the context of the introduction of artificial intelligence // Labor Economics. – 2023. – Vol. 10. – No. 2. – P. 227–246. https://doi.org/10.18334/et.10.2.117364
6. Alekseeva L., Azar J., Giné M., Samila S., Taska B. The Demand for AI Skills in the Labor Market (October 16, 2019) // *Labor economics (forthcoming).* https://doi.org/10.2139/ssrn.3470610
7. A new future of work: The race to deploy AI and raise skills in Europe and beyond // McKinsey Global Institute. – URL: https://www.mckinsey.com/mgi/our-research/a-new-future-of-work-the-race-to-deploy-ai-and-raise-skills-in-europe-and-beyond#/ (accessed: 12.02.2025)
8. Bell S., Korinek A. AI's Economic Peril // *Journal of Democracy.* – 2023. – No. 34. – P. 151-161. https://doi.org/10.1353/jod.2023.a907696.
9. Acemoglu D., Autor D., Hazell J., Restrepo P. Artificial Intelligence and Jobs: Evidence from Online Vacancies // *Journal of Labor Economics.* – 2022. – No. 40, P. 293-340. https://doi.org/10.1086/718327.
10. Turovets Yu.V., Vishnevsky K.O. Artificial Intelligence in Russia: Who, What, and How is Implementing It // Institute for Statistical Studies and Economics of Knowledge, National Research University Higher School of Economics. – URL: https://issek.hse.ru/news/862013645.html / (accessed: 23.02.2025)
11. Mikhailov A. How artificial intelligence is being implemented in Russia // RBC. — URL: // https://companies.rbc.ru/news/BaaVJRpUWo/kak-vnedryayut-iskusstvennyij-intellekt-v-rossii/ (дата обращения: 23.02.2025)
12. Ryazantseva, M.V. (2024). Digital transformation of public administration // *Economy, entrepreneurship and law.* – Vol. 14. – No. 11. – P. 6951-6962. – https://doi.org/10.18334/epp.14.11.122116.
13. Dauth, W., Findeisen, S., Suedekum, J., & Wößner, N. (2017). German Robots - The Impact of Industrial Robots on Workers. *European Economics: Labor & Social Conditions eJournal*.
14. Volnov E. The Future of Work: 9 Trends That Will Define Our Professional Lives // SETTERS MEDIA. – URL: https://www.setters.media/article/budushchee-raboty-9-trendov-kotorye-opredelyat-nashu-professionalnuyu-zhizn (accessed: 10.01.2025).
15. Hui, X., Reshef, O., Zhou, L. (2024). The Short-Term Effects of Generative Artificial Intelligence on Employment: Evidence from an Online Labor Market. *SSRN Electronic Journal*. https://doi.org/10.2139/ssrn.4527336.
16. Brynjolfsson, Erik and Li, Danielle and Raymond, Lindsey, Generative Ai at Work (April 2023). *NBER Working Paper* No. w31161. https://doi.org/10.3386/w31161.
17. Korinek, Anton & Juelfs, Megan. (2022). Preparing for the (Non-Existent?) Future of Work. *SSRN Electronic Journal*. https://doi.org/10.2139/ssrn.4147243.
18. Pizzinelli, C., A. Panton, M. M. Tavares, M. Cazzaniga, and L. Li, (2023). Labor Market Exposure to AI: Cross-country Differences and Distributional Implication. IMF Wokring Paper 23/216.
19. Lukichyov, P. M., & Chekmarev, O. P. (2023). Challenges of the artificial intelligence economy to the traditional labor market. *Russian Journal of Innovation Economics*, 13(2), 785-802. https://doi.org/10.18334/vinec.13.2.118137.
20. In-demand professions in the field of Artificial intelligence in 2025. // Teletype.in. – URL: https://teletype.in/@odyssey_community/ai_trends_vacansys_2025 (accessed: 10.02.2025).
21. Yashashwy Alok. Top 10 Most In-Demand AI Jobs for 2025 // Analytics Vidhya. –URL: https://www.analyticsvidhya.com/blog/2025/01/top-most-in-demand-ai-jobs/ (дата обращения: 19.02.2025)

Особенности оценки эффективности управления инновационными рисками образовательной организации в процессе цифровой трансформации деятельности

Адиньяев Семен Ирсильевич
соискатель, Институт проблем рынка РАН, s.adinyaev@mail.ru

Камчатова Екатерина Юрьевна
аспирант, кафедра управление инновациями, Государственный университет управления, kuzkat@mail.ru

В статье рассмотрены основные особенности методов оценки эффективности применительно к управлению инновационными рисками образовательной организации в процессе цифровой трансформации деятельности. Показано, что оценка эффективности системы управления инновационными рисками образовательной организации требует выделения основных параметров эффективности, а затем консолидации их в единый комплекс соответствующих расчетных механизмов. Выделены основные заинтересованные лица, влияющие на процесс управления инновационным риском. Сформирован общий вид контура системы управления инновационными рисками цифровой трансформации образовательной организации принимает. Предложен перечень вопросов об эффективности управления риском, которые являются направлениями количественной оценки эффективности системы управления. Установлена взаимосвязь между важными вопросами направлениями и задачами оценки эффективности системы управления инновационными рисками цифровой трансформации образовательной организации. Выработаны универсальные подходы к оценке эффективности управления инновационными рисками образовательной организации. Разработаны базовые эффекты и результаты процесса цифровой трансформации деятельности. Описан процесс создания специального модуля мониторинга инновационных рисков цифровой трансформации в образовательной организации. Обоснован примерный набор универсальных показателей для расчета эффекта управления инновационным риском цифровой трансформации образовательной организации.

Ключевые слова: инновационный риск; цифровая трансформация деятельности; образовательная организация; управление инновационным риском; эффективность управления риском.

Введение

Поскольку управление – это всегда целенаправленная деятельность, лицам, принимающим решения, необходимо оценивать степень соответствия реализованных мер тем объективным условиям, в которых находится образовательная организация. Не являются исключением задачи, связанные с осуществлением цифровой трансформации деятельности.

Более того, мы полагаем, что в условиях большого разнообразия вариантов реализации инновационных проектов в сфере цифровой трансформации важным условием успешного управления инновационными рисками является оценка эффективности принимаемых решений. Для этого целесообразно использовать специальные методики, которые объединяют не только традиционные и известные методы, но и новые адаптированные к специфике решаемой задачи инструменты.

Таким образом, цель статьи состоит в обосновании методов и принципов оценки эффективности управления инновационными рисками образовательной организации в процессе цифровой трансформации деятельности. Для достижения цели использованы различные источники информации, а также методические положения экономики инноваций.

Литературный обзор

Вопросам управления инновационными рисками посвящены работы различных авторов. Среди работ, рассматривающих близкие направлению проводимого исследования сферы, следует отметить работы А. В. Бандурина [2], А. Ю. Ветровой [6], Л. Магомаевой [10], О. А. Маркова [11], К. Б. Полунина и А. В. Гапотченко [13], А. С. Родионова [15], М. В. Хачатурян [17]. Вместе с тем, как правило, инновационные риски рассматриваются применительно к деятельности предприятий реального сектора и не охватывают деятельность образовательных организаций.

Анализ рисков цифровой трансформации как объектов минимизации проводили различные специалисты, среди которых можно отметить И. Л. Авдееву и П. Ю. Гребенник [1], Д. Р. Будилину [3], А. С. Бысюк и А. В. Антоновского [4], Д. Л. Вавилова и Л. В. Глухову [5], Е. А. Исаеву и А. А. Каирбекова [8], О. В. Шибилеву и В. В. Паршуткину [20], А. А. Юнкину [21]. Однако в работах большинства специалистов риски цифровой трансформации рассматриваются

в контексте анализа последствий, тогда как процесс их возникновения и различные эффекты управления риском не учитываются.

Риски образовательных организаций как самостоятельная категория и объект исследования стали предметом внимания таких авторов как А. П. Гусева [7], Д. И. Колчина [9], В. А. Мельничук [12], Е. Н. Прокофьева [14], А. А. Седанов [16], Н. В. Черноножкина [18], Н. Н. Шевелева [19]. Здесь нужно отметить, что основные рамки проводимых указанными авторами исследований ограничиваются рисками воспитательной и образовательной деятельности, не учитывая вопросы цифровой трансформации деятельности.

Таким образом, вопросы оценки эффективности управления инновационными рисками образовательных организаций в процессе цифровой трансформации деятельности являются актуальными, так как определяют важный результат усилий по повышению конкурентоспособности российских вузов в современной образовательной среде и борьбе за новых обучающихся.

Методология

В процессе исследования использованы графический и табличный методы раскрытия сущности и структуры рассматриваемых явлений. Применяются аналитические процедуры и расчетные методы для установления количественных зависимостей между параметрами и показателями состояния среды. Важную роль в процессе исследования сыграл анализ сущностей, а также контент-анализ, позволившие выявлять важные фрагменты и свойства рассматриваемых объектов, явлений и обстоятельств.

Основные результаты

Решение задачи формирования методики оценки эффективности системы управления инновационными рисками образовательной организации, прежде всего, по нашему мнению, требует выделения основных параметров эффективности, а затем консолидации их в единый комплекс соответствующих расчетных механизмов. Поэтому важно рассмотреть общий вид системы управления инновационными рисками образовательной организации именно как объекта оценки эффективности [2].

Классическая система управления предполагает наличие субъекта управления. Специфика образовательной организации состоит в том, что во внутренней и внешней среде проявления инновационных рисков активно действует несколько групп заинтересованных сторон, в различной степени влияющих на возможности управления инновационным риском (рисунок 1). Каждая группа играет свою роль в процессе управления инновационным риском, а взаимодействие групп обеспечивает более эффективное принятие решений и минимизацию потенциальных рисков.

Вместе с тем, если рассматривать субъекта управления как лицо, принимающее решения по воздействию на риск, то в такой схеме необходимо выделить конкретных работников образовательной организации, в компетенции которых входит непосредственный анализ ситуации и окончательное принятие решения по управлению на те или иные выявленные риски, возникающие в процессе цифровой трансформации.

Рисунок 1 – Основные заинтересованные лица, влияющие на процесс управления инновационным риском
Источник: разработано авторами.

По нашему мнению, таким лицом должен выступать проректор образовательной организации, на которого в соответствии с должностной инструкцией или штатным расписанием возложены обязанности по осуществлению мероприятий в сфере внедрения новых цифровых технологий. То есть, должностное лицо образовательной организации, непосредственно возглавляющее инновационные проекты в сфере цифровой трансформации, должно быть наделено соответствующими полномочиями и ресурсами, во-первых, для разработки программы управления рисками; во-вторых, для управления такими рисками [9].

Таким образом, общий вид контура системы управления инновационными рисками цифровой трансформации образовательной организации принимает классический вид, когда между субъектом и объектом управления установлена не только прямая связь в виде управляющего воздействия, но и обратная – в виде информации о состоянии. Информация о состоянии позволяет субъекту управления корректировать управляющие воздействия для приближения к поставленной цели управления [10].

Наличие в образовательной организации специального контура управления инновационным риском позволяет поставить несколько вопросов об эффективности управления риском, которые и будут являться направлениями количественной оценки эффективности системы управления [3]. По нашему мнению, наиболее важными являются следующие вопросы:

1) какова эффективность функционирования системы управления риском?

2) какова результативность управления риском?

3) какова эффективность связей в системе управления риском?

Для ответа на каждый из поставленных вопросов целесообразно сформировать собственную систему оценок. Тогда в системе управления инновационным риском устанавливаются ключевые элементы, помогающие образовательной организации оценивать эффективность идентификации, расчета и минимизации рисков, связанных с инновациями (таблица 1).

Например, при оценке эффективности анализа вероятности возникновения рисков и их потенциального влияния на организацию целесообразно использовать качественные и количественные методы оценки [12]. В свою очередь, при оценке прозрачности в управлении рисками целесообразно анализировать регулярность отчетов.

Таблица 1
Взаимосвязь между важными вопросами направлениями и задачами оценки эффективности системы управления инновационными рисками цифровой трансформации образовательной организации

Вопрос	Направление	Задачи
Какова эффективность функционирования системы управления риском?	Идентификация рисков	Эффективность выявления потенциальных рисков, включая технологические, рыночные, финансовые и организационные риски
	Оценка рисков	Эффективность анализа и оценки вероятности возникновения рисков и их потенциального влияния на организацию
Какова результативность управления риском?	Управление рисками	Эффективность стратегий и мер по минимизации возможного ущерба и контролю рисков
	Мониторинг и контроль	Эффективность мониторинга рисков и результативность принятых мер реагирования на изменения карты рисков
Какова эффективность связей в системе управления риском?	Коммуникация и отчетность	Прозрачность управления рисками, эффективность коммуникаций с заинтересованными лицами
	Обучение и культура	Эффективность формирования культуры осведомленности о рисках и обучения сотрудников методам управления рисками
	Инструменты и методологии	Эффективность использования различных инструментов и методик для анализа и управления рисками

Источник: разработано авторами.

В наиболее общем виде основные направления оценки эффективности системы управления инновационными рисками в образовательной организации можно использовать ряд универсальных подходов (таблица 2). Эти методы позволяют субъекту управления сформировать целостное представление о состоянии системы управления инновационными рисками и ее эффективности.

Причем в зависимости от сущности подхода имеются различные варианты его использования в процессе анализа эффективности. В частности, основным вариантом использования показателей эффективности является объективный расчет количества выявленных рисков, успешности их минимизации и времени реакции на риски.

Таблица 2
Универсальные подходы к оценке эффективности управления инновационными рисками образовательной организации

Подход	Варианты использования
Анализ процессов	Оценка текущих процессов управления рисками, их структуры и функциональности
Показатели эффективности	Расчет количества выявленных рисков, успешности их минимизации и времени реакции на риски
Опросы и интервью	Сбор мнений работников и студентов о восприятии инновационных рисков и эффективности текущей системы управления ими
Сравнительный анализ	Сравнение системы управления рисками с аналогичными системами в других образовательных организациях
Документация и отчеты	Анализ внутренних отчетов и документов по выявленным рискам и действиям по их управлению

Источник: обобщено авторами.

По нашему мнению, необходимо рассматривать несколько важных направлений, позволяющих наиболее объективно и полно оценить процесс

управления инновационными рисками с точки зрения эффектов и результатов. В частности, в качестве базовых эффектов целесообразно рассматривать:

– результативность цифровой трансформации образовательной организации;

– размер вероятного ущерба в результате цифровой трансформации;

– интересы внутренних заинтересованных лиц во внедрении нововведений.

Здесь под результативностью понимается степень достижения поставленных задач по цифровой трансформации образовательной организации. Соответственно, размер вероятного ущерба оценивает итоговую возможность проявления и масштаб негативных событий [6]. Наконец, степень удовлетворения интересов внутренних заинтересованных лиц оценивает вовлеченность и уровень сопротивления тех лиц, которые, в конечном итоге, пользуются результатами цифровой трансформации.

В качестве затрат на цифровую трансформацию мы предлагаем рассматривать следующие виды бюджетов: бюджет технологического перевооружения; бюджет обучения и развития персонала образовательной организации; бюджет внедрения информационных решений в деятельность. Мы полагаем, что для повышения точности расчета для каждого бюджета необходимо ввести соответствующий поправочный коэффициент, позволяющий определить размер затрат из данного бюджета, приходящихся на операции по цифровой трансформации образовательной организации.

С учетом перечисленных предложений набор формул для оценки эффективности управления инновационным риском цифровой трансформации образовательной организации принимает следующий вид:

$$Эфть_i = \frac{Эфт_i}{Б_{ЦТ}}, \qquad (1)$$

где $Эфть_i$ – эффективность соответствующего базового вида, зависящая от базового эффекта;

$Эфт_i$ – базовый эффект, принимаемый в расчет: 1) результативность; 2) размер вероятного ущерба; 3) интересы внутренних заинтересованных лиц;

$Б_{ЦТ}$ – бюджет цифровой трансформации, учитывающий затраты на управление инновационным риском.

Точный и объективный расчет показателей должен базироваться на соответствующей системе сбора данных, создание которой предполагает усилия всей образовательной организации. Последовательный процесс создания специального модуля мониторинга инновационных рисков представлен на рисунке 2.

Соответственно, для расчета необходимого базового эффекта рассматриваются следующие группы показателей:

1) показатели достижения запланированных результатов цифровой трансформации, фактически достигнутых образовательной организацией – показывают эффективность сопротивления угрозам в процессе цифровой трансформации;

2) показатели минимизации ущерба в процессе цифровой трансформации – иллюстрируют эффективность минимизации размеров ущерба или вероятности наступления негативных событий;

3) показатели учета интересов заинтересованных лиц образовательной организации – описывают уровень вовлеченности и желания персонала и других лиц, влияющих на деятельность образовательной организации, использовать результаты цифровой трансформации, обучаться нововведениям и расширять новые возможности в процессе деятельности.

1. Разработка инструментов непрерывного отслеживания негативных событий
↓
2. Изучение исторических данных по инцидентам, связанным с инновациями, для определения трендов и паттернов
↓
3. Внедрение автоматизированных инструментов пополнения базы данных для мониторинга рисков в реальном времени и генерирования отчетов о состоянии управления рисками
↓
4. Установление допустимых значений ключевых показателей для оценки эффективности системы управления
↓
5. Создание визуальных панелей (дашбордов), представляющих информацию о текущем состоянии управления рисками в формате, удобном для анализа
↓
6. Формирование интегрированных отчетов для ключевых заинтересованных сторон, чтобы они могли быстро оценить состояние управления рисками

Рисунок 2 – Процесс создания специального модуля мониторинга инновационных рисков цифровой трансформации в образовательной организации
Источник: разработано авторами.

Каждая образовательная организация, по нашему мнению, должна разрабатывать собственный набор показателей оценки эффекта управления риском. Тем не менее, мы предлагаем использовать следующий примерный набор показателей, позволяющий проводить универсальный расчет, не зависящий от особенностей конкретной образовательной организации. Такой набор представлен в таблице 3.

Таблица 3
Примерный набор универсальных показателей для расчета эффекта управления инновационным риском цифровой трансформации образовательной организации

Наименование показателя	Формула расчета показателя	Условные обозначения
Показатели достижения запланированных результатов		
Доля управленческих задач, решенных в срок, шт.	$З_t / З_Т$	$З_t$ – количество задач, решенных в срок; $З_Т$ – общее количество управленческих задач
Максимальное превышение сроков	Макс(t_i)	t_i – срок превышения по задаче *i*
Количество задач с превышением бюджета, шт.	$З_b / З_Т$	$З_b$ – количество задач, имеющих превышение бюджета
Максимальное превышение бюджета решения задач, тыс. руб.	Макс(b_i)	b_i – размер превышения бюджета по задаче *i*

Исполнение бюджета решения управленческих задач	$Б_Ф$ / $Б_П$	$Б_П$ – плановый бюджет решения задачи, тыс. руб.; $Б_Ф$ – фактический бюджет решения задачи, тыс. руб.
Показатели минимизации ущерба		
Снижение ущерба	$У_Ф$ / $У_В$	$У_Ф$ – фактический ущерб по рассматриваемой ситуации; $У_В$ – вероятный ущерб по рассматриваемой ситуации
Монетизация ущерба	$У_Ф$ / $Б_Ф$	
Показатели учета интересов заинтересованных лиц		
Средний уровень удовлетворенности	*Среднее(Удовл$_i$)*	*Удовл$_i$* – удовлетворенность i-й группы заинтересованных лиц
Среднее квадратическое отклонение	√Дисп(Удовл$_i$)	

Источник: разработано авторами.

Для того, чтобы оценка эффективности управления инновационными рисками цифровой трансформации в образовательной организации была объективной и полной, по нашему мнению, требуется использовать определенную последовательность шагов, наиболее важными из которых, по нашему мнению, являются:

Шаг 1. Анализ текущей ситуации в сфере управления рисками – для этого необходима, во-первых, идентификация рисков, то есть, определение всех возможных инновационных рисков, которые могут повлиять на образовательную организацию, в процессе цифровой трансформации; во-вторых, оценка рисков для определения вероятности наступления и возможного воздействия каждого из рисков.

Шаг 2. Выбор методики оценки рисков – данный шаг предполагает использование не только качественных методов, например, опросов, интервью, фокус-групп и экспертных оценок для понимания восприятия рисков внутри образовательной организации, но и количественных методов, в том числе, использования статистических данных, математического моделирования и расчета финансовых показателей для оценки ущерба.

Шаг 3. Аудит и ревизия полученной информации – для решения данной задачи используются как внутренние проверки в форме регулярных оценок системы управления рисками внутри образовательной организации с целью выявления слабых мест и степени удовлетворенности основных групп заинтересованных лиц, так и независимый внешний аудит с привлечением независимых экспертов для формирования выводов в части оценки эффективности системы управления рисками.

Преимуществом данного шага для образовательной организации является то, что регулярные внутренние и внешние проверки повышают объективность оценки системы управления рисками. Использование систем мониторинга для отслеживания текущих рисков и оценка их воздействия на организацию. Оценка уровня знаний и подготовки сотрудников в области управления рисками через тестирование и тренинги.

Шаг 4. Проведение заседаний экспертных групп для анализа результатов оценки – на данном шаге целесообразно привлечение независимых экспертов для оценки системы управления рисками, например, в форме круглых столов для обсуждения текущих подходов и сбора рекомендаций по улучшению текущей ситуации.

Шаг 5. Анализ результатов и корректировка стратегии – основными задачами данного шага являются, прежде всего, анализ успехов и неудач с целью выявления эффективных методов и стратегий, а также оценка качества процесса, которая проводится с применением различных моделей качества для оценки процессов управления рисками. Данный шаг позволяет проводить корректировку методов и вносить изменения в систему управления рисками.

Шаг 6. Формирование ключевых показателей эффективности – для лиц, уполномоченных решать задачи в сфере управления инновационными рисками, установление показателей помогает измерять успешность системы управления рисками, а также определять и отслеживать наиболее важные показатели деятельности конкретных работников образовательной организации, наделенных ресурсами и полномочиями по управлению инновационными рисками.

Комплексный подход на основе перечисленных шагов позволяет получить объективную оценку эффективности управления инновационными рисками цифровой трансформации образовательной организации. Тем не менее, все используемые инструменты необходимо адаптировать к специфике конкретной образовательной организации и контексту проводимых мероприятий по цифровой трансформации образовательной деятельности.

Заключение

Использование для оценки эффективности качественных и количественных методов повышает точность результатов оценки и позволяет своевременно корректировать состав управленческих мероприятий. Вместе с тем, целесообразно регулярно пересматривать и обновлять систему показателей и их допустимых значений в соответствии с изменениями как внутри образовательной организации, так и вне её, чтобы обеспечить устойчивость всех аспектов процесса цифровой трансформации.

Литература

1. Авдеева, И. Л. Стратегия цифровой трансформации производственной деятельности предприятия / И. Л. Авдеева, П. Ю. Гребенник // Форпост науки. – 2024. – Т. 18, № 3. – С. 73-82. – DOI 10.22394/sp243.09. – EDN UBTGXM.

2. Бандурин, А. В. Инновационные практики оценки качества воспитания студентов в вузах России / А. В. Бандурин // Инновации и инвестиции. – 2024. – № 8. – С. 108-111. – EDN EWBCOU.

3. Будилина, Д. Р. Риски и угрозы при цифровой трансформации экономической деятельности / Д. Р. Будилина // Цифровая экономика глазами студентов

: материалы IV Международной научной конференции, Казань, 14 мая 2024 года. – Казань: ИП Сагиев А.Р., 2024. – С. 331-337. – EDN EWSGSW.

4. Бысюк, А. С. Глава 10. Цифровая трансформация образования: риски и перспективы в деятельности педагога / А. С. Бысюк, А. В. Антоновский // Приоритетные направления современной психологии и педагогики : Коллективная монография. – Тверь : Тверской государственный университет, 2023. – С. 145-161. – EDN GLFFEN.

5. Вавилов, Д. Л. Концепция цифровой трансформации деятельности государственных унитарных предприятий / Д. Л. Вавилов, Л. В. Глухова // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. – 2020. – Т. 2, № 3(46). – С. 5-14. – EDN XMLKDM.

6. Ветрова, А. Ю. Система управления рисками инновационных программ в рамках корпоративного управления сетевыми организациями розничной торговли / А. Ю. Ветрова // Менеджмент и бизнес-администрирование. – 2022. – № 2. – С. 113-124. – DOI 10.33983/2075-1826-2022-2-113-124. – EDN VGJLHO.

7. Гусева, А. П. Создание риск-ориентированной культуры в образовательной организации как элемент эффективного риск-менеджмента / А. П. Гусева // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2020. – № 4-1(62). – С. 106-108. – DOI 10.24411/2411-0450-2020-10266. – EDN IPWKUB.

8. Исаева, Е. А. Риски банковской деятельности в условиях цифровых трансформаций / Е. А. Исаева, А. А. Каирбеков // Проблемы теории и практики управления. – 2020. – № 12. – С. 55-68. – DOI 10.46486/0234-4505-2020-12-55-68. – EDN AOLBWY.

9. Колчина, Д. И. Выявление рисков при реализации алгоритма управленческих действий в образовательной организации / Д. И. Колчина // Экономика и менеджмент: от теории к практике : Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции, Ростов-на-Дону, 10 августа 2015 года. Том Выпуск II. – Ростов-на-Дону: ИННОВАЦИОННЫЙ ЦЕНТР РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ, 2015. – С. 78-80. – EDN UDHEOL.

10.Магомаева, Л. Анализ и классификация всех методов управления рисками при управлении инновационными проектами / Л. Магомаева // Предпринимательство. – 2013. – № 5. – С. 130-141. – EDN RVONHR.

11.Марков, О. А. Особенности развития проектного управления и управление рисками в инновационной деятельности / О. А. Марков // Актуальные проблемы экономики и управления. – 2016. – № 1(9). – С. 25-30. – EDN VSCTYP.

12.Мельничук, В. А. Компетентность в вопросах управления риском при организации и руководстве образовательной деятельностью / В. А. Мельничук // Наукосфера. – 2023. – № 4-1. – С. 73-76. – DOI 10.5281/zenodo.7825933. – EDN UKSJGN.

13.Полунин, К. Б. Стратегическое управление рисками инновационных программ в условиях корпоративного управления торговых предприятий / К. Б. Полунин, А. В. Гапотченко // Вестник МИРБИС. – 2023. – № 3(35). – С. 181-188. – DOI 10.25634/MIRBIS.2023.3.21. – EDN UGQCBY.

14.Прокофьева, Е. Н. Когнитивные риски образовательных организаций в контексте безопасности / Е. Н. Прокофьева // Когнитивное моделирование в профессиональном образовании: формы, методы, технологии : Сборник статей / Под редакцией Е.Ю. Левиной. – Казань : Институт педагогики, психологии и социальных проблем, 2018. – С. 94-113. – EDN NHPIQE.

15.Родионов, А. С. Управление рисками и риски управления в создании инновационных продуктов / А. С. Родионов // Экономика. Бизнес. Банки. – 2020. – № 10(48). – С. 8-23. – EDN QIOHBW.

16.Седанов, А. А. Риски образовательной организации при изменениях образовательного процесса / А. А. Седанов // Наука и военная безопасность. – 2019. – № 3(18). – С. 100-102. – EDN VCYGPA.

17.Хачатурян, М. В. Особенности управления владельческими рисками, связанными с новыми технологиями в рамках систем корпоративного управления инновационных компаний / М. В. Хачатурян // Инновации и инвестиции. – 2023. – № 6. – С. 119-124. – EDN LHMZJG.

18.Черноножкина, Н. В. Теоретико-концептуальные аспекты управления рисками в образовательной организации высшего образования / Н. В. Черноножкина // Наука и общество: проблемы современных исследований : XII Международная научно-практическая конференция. Сборник статей: в 2 частях, Омск, 27 апреля 2018 года / Под ред. А Э. Еремеева. Том Часть 1. – Омск: Омская гуманитарная академия, 2018. – С. 75-81. – EDN HKUVHL.

19.Шевелева, Н. Н. Риски разработки и реализации индивидуальных образовательных траекторий обучающихся в образовательных организациях: взаимодействие участников образовательных отношений / Н. Н. Шевелева // Вестник РМАТ. – 2016. – № 1. – С. 121-125. – EDN VZSSJN.

20.Шибилева, О. В. Трансформация системы контроля и аудита в организациях бюджетной сферы / О. В. Шибилева, В. В. Паршуткина // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Серия 1: Экономика и управление. – 2024. – № 2(49). – С. 97-107. – DOI 10.21777/2587-554X-2024-2-97-107. – EDN DIPXYP.

21.Юнкина, А. А. Возможности и риски цифровой трансформации операционной деятельности организаций нефтегазового комплекса / А. А. Юнкина // Актуальные проблемы нефти и газа : Сборник трудов V Всероссийской молодежной научной конференции, Москва, 20–21 октября 2022 года. – Москва: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт проблем нефти и газа Российской академии наук, 2022. – С. 225-228. – EDN KQLERO.

Features of assessing the effectiveness of innovative risk management of an educational organization in the process of digital transformation of activities

Adinyaev S.I., Kamchatova E.Yu.

Institute of Market Problems of the Russian Academy of Sciences, State University of Management
JEL classification: D20, E22, E44, L10, L13, L16, L19, M20, O11, O12, Q10, Q16, R10, R38, R40, Z21, Z32

The article considers the main features of the methods of assessing the effectiveness of innovative risk management in an educational organization in the process of digital transformation of activities. It is shown that assessing the effectiveness of the innovative risk management system of an educational organization requires identifying the main parameters of effectiveness, and then consolidating them into a single set of appropriate calculation mechanisms. The main stakeholders influencing the process of innovative risk management are identified. A general view of the contour of the innovative risk management system of digital transformation of an educational organization is formed. A list of questions about the effectiveness of risk management, which are the directions of quantitative assessment of the effectiveness of the management system, is proposed. The relationship between important issues, directions and tasks of assessing the effectiveness of the innovative risk management system of digital transformation of an educational organization is established. Universal approaches to assessing the effectiveness of innovative risk management of an educational organization are developed. Basic effects and results of the digital transformation process of activities are developed. The process of creating a special module for monitoring innovative risks of digital transformation in an educational organization is described. An approximate set of universal indicators for calculating the effect of managing the innovative risk of digital transformation of an educational organization is substantiated.
Keywords: innovative risk; digital transformation of activities; educational organization; innovative risk management; risk management efficiency.

References

1. Avdeeva, I. L. Strategy for digital transformation of enterprise production activities / I. L. Avdeeva, P. Yu. Grebennik // Outpost of science. - 2024. - Vol. 18, No. 3. - P. 73-82. - DOI 10.22394/sp243.09. - EDN UBTGXM.
2. Bandurin, A. V. Innovative practices for assessing the quality of student education in Russian universities / A. V. Bandurin // Innovations and Investments. - 2024. - No. 8. - P. 108-111. - EDN EWBCOU.
3. Budilina, D. R. Risks and threats in the digital transformation of economic activity / D. R. Budilina // Digital economy through the eyes of students: materials of the IV International scientific conference, Kazan, May 14, 2024. – Kazan: IP Sagiyev A.R., 2024. – P. 331-337. – EDN EWSGSW.
4. Bysyuk, A. S. Chapter 10. Digital transformation of education: risks and prospects in the activities of a teacher / A. S. Bysyuk, A. V. Antonovsky // Priority areas of modern psychology and pedagogy: Collective monograph. – Tver: Tver State University, 2023. – P. 145-161. – EDN GLFFEN.
5. Vavilov, D. L. The concept of digital transformation of the activities of state unitary enterprises / D. L. Vavilov, L. V. Glukhova // Bulletin of the Volga University named after V.N. Tatishchev. – 2020. – Vol. 2, No. 3 (46). – P. 5-14. – EDN XMLKDM.
6. Vetrova, A. Yu. Risk management system for innovative programs within the framework of corporate governance of retail chain organizations / A. Yu. Vetrova // Management and business administration. – 2022. – No. 2. – P. 113-124. – DOI 10.33983/2075-1826-2022-2-113-124. – EDN VGJLHO.
7. Guseva, A. P. Creating a risk-oriented culture in an educational organization as an element of effective risk management / A. P. Guseva // Economy and business: theory and practice. – 2020. – No. 4-1(62). – P. 106-108. – DOI 10.24411/2411-0450-2020-10266. – EDN IPWKUB.
8. Isaeva, E. A. Risks of banking activities in the context of digital transformations / E. A. Isaeva, A. A. Kairbekov // Problems of management theory and practice. – 2020. – No. 12. – P. 55-68. – DOI 10.46486/0234-4505-2020-12-55-68. – EDN AOLBWY.
9. Kolchina, D. I. Identification of risks in the implementation of the algorithm of management actions in an educational organization / D. I. Kolchina // Economics and management: from theory to practice: Collection of scientific papers based on the results of the international scientific and practical conference, Rostov-on-Don, August 10, 2015. Volume Issue II. – Rostov-on-Don: INNOVATIVE CENTER FOR DEVELOPMENT OF EDUCATION AND SCIENCE, 2015. – P. 78-80. – EDN UDHEOL.
10. Magomaeva, L. Analysis and classification of all risk management methods in managing innovative projects / L. Magomaeva // Entrepreneurship. – 2013. – No. 5. – P. 130-141. – EDN RVONHR.
11. Markov, O. A. Features of the development of project management and risk management in innovative activities / O. A. Markov // Actual problems of economics and management. – 2016. – No. 1 (9). – P. 25-30. – EDN VSCTYP.
12. Melnichuk, V. A. Competence in risk management issues in organizing and managing educational activities / V. A. Melnichuk // Naukosphere. - 2023. - No. 4-1. - P. 73-76. - DOI 10.5281 / zenodo.7825933. - EDN UKSJGN.
13. Polunin, K. B. Strategic risk management of innovation programs in the context of corporate governance of trade enterprises / K. B. Polunin, A. V. Gapotchenko // MIRBIS Bulletin. - 2023. - No. 3 (35). - P. 181-188. - DOI 10.25634 / MIRBIS.2023.3.21. - EDN UGQCBY.
14. Prokofieva, E. N. Cognitive risks of educational organizations in the context of security / E. N. Prokofieva // Cognitive modeling in professional education: forms, methods, technologies: Collection of articles / Edited by E. Yu. Levina. - Kazan: Institute of Pedagogy, Psychology and Social Problems, 2018. - Pp. 94-113. - EDN NHPIQE.
15. Rodionov, A. S. Risk management and management risks in the creation of innovative products / A. S. Rodionov // Economy. Business. Banks. - 2020. - No. 10 (48). - Pp. 8-23. - EDN QIOHBW.
16. Sedanov, A. A. Risks of an educational organization when changing the educational process / A. A. Sedanov // Science and military security. – 2019. – No. 3(18). – P. 100-102. – EDN VCYGPA.
17. Khachaturyan, M. V. Features of managing ownership risks associated with new technologies within the framework of corporate governance systems of innovative companies / M. V. Khachaturyan // Innovations and Investments. – 2023. – No. 6. – P. 119-124. – EDN LHMZJG.
18. Chernonozhkina, N. V. Theoretical and conceptual aspects of risk management in an educational organization of higher education / N. V. Chernonozhkina // Science and society: problems of modern research: XII International scientific and practical conference. Collection of articles: in 2 parts, Omsk, April 27, 2018 / Ed. A. E. Eremeev. Volume Part 1. – Omsk: Omsk Humanitarian Academy, 2018. – P. 75-81. – EDN HKUVHL.
19. Sheveleva, N. N. Risks of development and implementation of individual educational trajectories of students in educational organizations: interaction of participants in educational relations / N. N. Sheveleva //

Bulletin of the Russian Academic Theatre. – 2016. – No. 1. – P. 121-125. – EDN VZSSJN.
20. Shibileva, O. V. Transformation of the control and audit system in public sector organizations / O. V. Shibileva, V. V. Parshutkina // Bulletin of Moscow University named after S. Yu. Witte. Series 1: Economics and Management. - 2024. - No. 2 (49). - P. 97-107. - DOI 10.21777 / 2587-554X-2024-2-97-107. - EDN DIPXYP.
21. Yunkina, A. A. Opportunities and risks of digital transformation of operational activities of oil and gas organizations / A. A. Yunkina // Actual problems of oil and gas: Collection of works of the V All-Russian youth scientific conference, Moscow, October 20-21, 2022. – Moscow: Federal State Budgetary Scientific Institution Institute of Oil and Gas Problems of the Russian Academy of Sciences, 2022. – P. 225-228. – EDN KQLERO.

Лидогенерация в туризме

Калабкина Ирина Михайловна
кандидат экономических наук, доцент, Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва, i.m.kalabkina@yandex.ru

Аникина Людмила Александровна
кандидат экономических наук, доцент, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, LAAnikina@fa.ru

Абдулвагабова Саида Абдулгапуровна
кандидат педагогических наук, доцент, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Saida2012dag@mail.ru

В погоне за максимизацией прибыли туристские предприятия применяют различные способы, одним из которых является лидогенерация – процесс и методы по привлечению клиентов. В статье анализируется понятийный аппарат категории лидогенерации, российский опыт применения, преимущества от использования, рассматриваются виды лидов и тактика работы с ними. В работе отмечены отечественные каналы привлечения новых лидов. Особое внимание уделяется таким инструментам привлечения, как «лид-магнит», «биржа лидов», геймофикация, таргетинг и другим. Рассмотрены стадии формирования процесса лидогенерации, помогающие эффективно привлекать к бизнесу новых клиентов. Эти этапы рассмотрены применительно к ведущему туристскому предприятию Республики Мордовия ООО «Ветер Странствий». На основе анализа клиентской базы, которая создает возможность для успешного применения лидогенерации, предлагаются каналы привлечения новых лидов: социальные сети, поисковая реклама, участие в туристических выставках. Все вышеизложенное должно способствовать выработке более эффективной политике в туристском бизнесе.
Ключевые слова: лидогенерация, лид, клиентоориентированность, маркетинг, имидж, SEO-оптимизация, целевая аудитория, позиционирование, социальные сети, контент, доход.

Введение. В настоящее время каждое предприятие стремится к максимизации прибыли, которая напрямую зависит от количества клиентов. Поэтому в организациях значение уделяется клиентоориентированности. В связи с этим появился новый термин – лидогенерация. К этому процессу кампании прибегают тогда, когда они планируют увеличить сбыт продукции и услуг. Повышение эффективности работы турфирмы за счет лидогенерации означает переход на новую концепцию бизнеса [8]. Именно лидогенерация предоставляет турбизнесу контакты клиентов, которые соответствуют идеальным запросам, увеличивая конверсию.

Объектом данного исследования является лидогенерация, а предметом – технология внедрения лидогенерации в туристский бизнес.

Цель исследования заключается в выявлении особенностей внедрения лидогенерации в деятельность туристского предприятия.

Для достижения поставленной цели решались следующие задачи:

– рассмотреть теоретические аспекты понятия лидогенерации;

– проанализировать этапы внедрения лидогенерации в деятельность туристского предприятия.

Анализ публикаций по проблематике исследования. Термин лидогенерация появился на западе от аббревиатуры AIDA (Attention, Interest, Desire, Action - внимание, интерес, желание, действие). Еще в конце XIX – начале XX вв. лидогенерацией занимались такие зарубежные ученые С. Рассел, Э. Левис, Р. Батлер, в середине 20 века продолжил исследования А. Петерсон. Все эти ученые связывали лидогенерацию с «воронкой продаж», которая включает перевод потенциальных покупателей в реальных и выход на сделку.

В России термин «лидогенерация» появился в 2007-2009 годах. В первую очередь, это связано с разразившимся экономическим кризисом и противоборством с ним. Ускорил процесс тот факт, что появились новые сервисы для сбора информации по анализу клиентов, такие как Google Analytics и Yandex Метрика. Некоторые российские ученые, занимающиеся этой проблемой, представлены в нижеприведенной таблице 1, как и определения, которые они предлагают.

Таблица 1
Основные понятия лидогенерации

Автор	Определение
Р. Назипов	Лидогенерация – это вид интернет-маркетинга, основанный на генерации (то есть получении) лидов (то есть контактов, потенциальных клиентов) [7].
А. С. Мелехова	Лидогенерация – это процесс получения контактной информации потребителя, заинтере-

	сованного или же потенциально заинтересованного в продукте или услуге, предлагаемых компанией [6].
К. А. Андреева	Лидогенерация – это маркетинговая деятельность по поиску потенциальных клиентов, в результате которой продавцы получают контактные данные возможных покупателей, которые выражают интерес к их продуктам или услугам, что в дальнейшем помогает процессу продаж различных товаров и услуг [3].
А. Смирнов	Лидогенерация – это процесс создания устойчивого потока потенциальных клиентов, который может быть выражен звонками, подпиской на электронную рассылку, созданием аккаунтов в социальных сетях или заполнением заявок на сайте [11].

Определимся с терминологией. Лид – потенциальный клиент организации. Таким образом, резюмируя все вышеприведенные определения, лидогенерацию можно определить как термин, означающий процесс превращения незнакомых людей в потенциальных клиентов.

Методы и методология. Методологической базой исследования выступают общенаучные методы исследования – анализ, синтез, сравнение, анализ статистических данных. Проведенное исследование позволило обосновать этапы развития лидогенерации и рассмотреть их применительно к туристскому предприятию.

Результаты исследования. В российской экономике все больше отраслей, где успешно применяется лидогенерация: продажа недвижимости, финансы, сфера услуг, в том числе туристская область. В настоящее время на российском рынке появляются все больше компаний, которые предоставляют услуги лидогенерации. Формы услуг различные: некоторые компании отдают эти услуги на аутсорсинг, другие сами выполняют эти функции. На отечественном рынке остаются еще фирмы, которые набирают клиентов «по старинке», по личным связям. Обычно, это фирмы с технологически отсталыми отделами продаж, которые не понимают основную цель лидогенерации – не непосредственная продажа, а «подогрев» интереса к товару [1,2].

Применение инструментов лидогенерации дают компаниям определенные преимущества:

– увеличение доходов, так как клиент голосует своими деньгами в пользу определенного бизнеса;

– формирование положительного имиджа, что в свою очередь способствует расширению клиентской базы;

– создание и ведение базы клиентов, что позволяет увеличивать возвратность клиентов и применять корректировку своей политики и тактики [4,5].

Есть несколько классификационных признаков по видам лидогенерации. Например, исследователь в области современного маркетинга Р. Назипов выделяет следующие виды лидов [7]:

1. Холодные лиды (потенциальные клиенты, которые знакомы с продуктом (услугами) предприятия, оставили свои контакты, но не спешат с приобретением).

2. Теплые лиды (клиенты, вступающие в контакт с продавцом, оставляющие свои контактные данные, обговаривающие детали покупки).

3. Горячие лиды (выражающие желание и имеющие возможность купить товар или услугу, постоянные клиенты)

С каждым типом потенциальных клиентов применяется своя особая стратегия и тактика продаж [3; 9; 12]. При этом следует обратить внимание на такую группу клиентов, как дети, поскольку детский туризм – наиболее массовый вид современного туризма [10].

Отечественные каналы привлечения новых лидов следующие: SEO-оптимизация (работа по продвижению сайта), создание информативного контента в соцсетях, геймофикация, таргетинг и ретаргетинг, рассылки на электронную почту, платная реклама в поисковых системах, калаборация с партнерами, контент-маркетинг. В последнее время набирает обороты такой инструмент, который условно называют «биржа лидов». Данное понятие означает, что компания покупает лиды у специализированных фирм. В этом случае, можно быстро запустить рекламу и расширить бизнес. В такой стратегии есть преимущества и недостатки. К преимуществам можно отнести быстрый старт открытия бизнеса. К недостаткам относятся расходы средств на приобретение лидов, приобретение некачественных лидов. Для снижения рисков при приобретении лидов необходимо проводить тщательный анализ фирм, продающих лиды, и заранее планировать работу с разными видами лидов, с учетом специфики своей продукции и услуг.

Еще один инструмент лидогенерации – «лид-магнит», суть которого сделать клиенту предложение, подарить подарок, купон на скидку в обмен на его контактные данные. Можно предложить клиенту товары (услуги) –локомативы, которые продаются по дешевой цене и приманивают клиента, но, вместе с такой «приманкой», можно продать более дорогой товар. Зачастую лид-магнит размещают на сайте, выделяя ярким цветом, или добавляют всплывающее окно.

В туризме инструменты лидогенерации активно используются. Туристские фирмы используют для привлечения лидов свои веб-сайты, социальные сети. Для эффективного продвижения туров туристскими фирмами в социальных сетях используется визуальный контент – фотографии и видео, чтобы привлечь внимание потенциальных клиентов.

Относительно старый прием – E-mail-маркетинг, который является одним из наиболее эффективных инструментов для привлечения и удержания клиентов в туристических компаниях; используется для отправки персонализированных сообщений клиентам, информируя их о новых турах, акциях, специальных предложениях и т.д. Кроме того, e-mail-рассылки помогают поддерживать связь с клиентами, что, в свою очередь, может привести к увеличению продаж и лояльности клиентов. Участие в туристских ярмарках является действенным инструментом привлечения лидов для туристических компаний. На таких ярмарках компании могут представить свои

продукты и услуги, установить контакты с потенциальными клиентами, а также получить обратную связь от посетителей.

Работа над лидогенерацией обычно состоит из нескольких этапов, которые помогают взаимодействовать с потенциальными клиентами и привлекать их в бизнес.

Главные стадии реализации процесса лидогенерации следующие:

1. Идентификация целевой аудитории – то есть определение группы людей, которые могут проявить интерес к турпродукту или услуге фирмы, выявить их потребности и ожидания.

2. Составление уникального контента – создание материалов, которые заинтересуют целевую аудиторию. Это могут быть статьи, посты в социальных сетях, видео, инфографика, кейсы и другие форматы контента, которые будут привлекательны и полезны.

3. Распространение контента – размещение интересной информации на различных платформах, таких, как сайт, блог, социальные сети и другие медиаресурсы. Это поможет привлечь внимание потенциальной аудитории и привести ее на сайт.

4. Сбор контактной информации – номеров телефонов, адресов электронной почты, социальных профилей будущих клиентов, что даст возможность связаться с ними и продолжить взаимодействие.

5. Взаимодействие с аудиторией – начало общения с потенциальными клиентами, предлагая им дополнительную информацию об услугах или товарах, убеждая их в ценности предложений и уникальности туристских услуг.

6. Превращение лидов в реальных клиентов, которые будут приобретать товары или услуги вашей компании.

Эти этапы помогают провести лидогенерацию эффективно, привлечь к бизнесу новых клиентов и нарастить прибыль.

ООО «Ветер странствий» на рынке г. Саранска является ведущим туристским предприятием, которое специализируется на организации путешествий и туров по Республике Мордовия, России и зарубежным странам. На региональном рынке туризма предприятие существует 15 лет. За долгие годы успешной работы компания заслужила репутацию надежного партнера. Однако, чтобы оставаться лидером на туристском рынке и привлекать новых клиентов, необходимо активно работать над генерацией новых лидов. Источником привлечения лидов является клиентская база – обширная информационная система, предназначенная для хранения данных о клиентах, их предпочтениях, запросах, истории путешествий и других деталях. На раннем этапе своей деятельности ООО «Ветер странствий» привлекало своих клиентов через сарафанное радио и официальный сайт. С течением времени, социальные медиа стали играть все более значимую роль. ООО «Ветер странствий» не осталось в стороне и начало активно использовать популярные платформы, такие как ВКонтакте и Telegram, чтобы привлечь новых клиентов. Контент на страницах компании стал более интересным и привлекательным, что способствовало увеличению числа подписчиков и доверию к бренду.

В настоящее время клиентская база ООО «Ветер странствий» составляет 2 950 чел., из них 1 920 чел. (65%) сосредоточена в сервисе «МоиДокументы – Туризм», а также 1030 чел. (35%) в социальных сетях: ВКонтакте 910 чел. (31%), Telegram 120 чел. (4%) (рисунок 1).

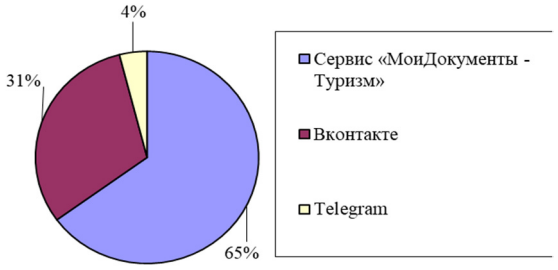

Рис. 1 – Процентное соотношение клиентской базы ООО «Ветер странствий»

«МоиДокументы-Туризм» является универсальной системой для турфирм и туристических агентств. Сотрудники туристского предприятия активно применяют сервис «МоиДокументы-Туризм» для эффективного ведения клиентской базы. Этот инновационный инструмент позволяет им оперативно обрабатывать и хранить важную информацию о клиентах, истории их поездок, а также организовывать работу с партнерами. Благодаря «МоиДокументы-Туризм», сотрудники туристского предприятия значительно сокращают время, затрачиваемое на операционные задачи, и могут сосредоточиться на более важных и стратегических аспектах своей деятельности. Кроме того, сервис позволяет автоматизировать процессы, связанные с формированием документов для клиентов, таких как контракты, счета и билеты, что существенно упрощает и ускоряет работу с клиентами и деловыми партнерами.

Клиентскую базу ООО «Ветер странствий» можно разбить на следующие виды (таблица 2).

Таблица 2
Виды клиентской базы ООО «Ветер странствий»

Вид клиентской базы	Пояснение
Общая база клиентов	В такую базу вносятся потенциальные заказчики, которые в будущем могут стать постоянными клиентами при грамотном взаимодействии с ними. Получить данную информацию можно с помощью маркетингового анализа рынка.
Активная база клиентов	Здесь учитываются покупатели, совершившие хотя бы одну покупку за определённое время. В каждой организации временной промежуток разный, но, в основном, он составляет около месяца.
Неактивная база клиентов	Это хранилище информации о тех клиентах, кто за последнее время не совершил никаких приобретений, но может сделать это в будущем.
Бухгалтерская база клиентов	В данной базе хранится информация о реквизитах покупателей, истории заказов. Актуальными данными являются те, которые клиент использовал последний раз.

Расширенная база клиентов	Один из самых эффективных вариантов клиентских баз. Включает в себя: персональные данные, потребности, количество заказов, регулярность покупок и др.

В настоящее время к целевой аудитории ООО «Ветер странствий» можно отнести мужчин (22%) и женщин (78%). Женщины более тяготеют к туристским поездкам, они более мобильны, эмоциональны и восприимчивы ко всему новому. По возрастной составляющей необходимо отметить, что к целевой аудитории турпредприятия относятся люди в возрасте от 25 до 60 лет (рисунок 2).

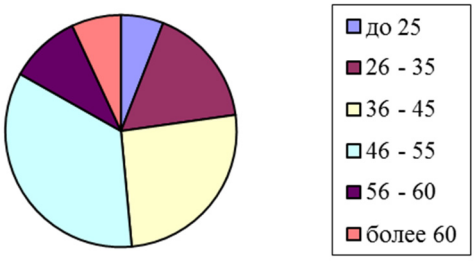

Рис. 2 – Возрастная структура клиентов ООО «Ветер странствий»

Анализ возрастной структуры показал, что ядро целевой аудитории – это люди в возрасте от 36 до 55 лет (суммарное соотношение 61 %). Они имеют стабильный доход и тяготеют к новым путешествиям.

Как правило, клиентами являются семейные пары, которые хотят провести незабываемый отдых вместе, а также не стоит забывать о самостоятельных туристах, так как они также являются важной частью целевой аудитории ООО «Ветер странствий».

Таким образом, клиентская база создает возможность для успешного применения лидогенерации в туристской сфере.

Исследование целевой аудитории является первым этапом в лидогенерации – это точное определение и сегментация целевой аудитории (таблица 3).

Таблица 3
Структура лидов ООО «Ветер странствий»

Вид лидов	Определение
Горячие	Постоянные покупатели компании ООО «Ветер странствий»
Теплые	Люди, которые задают вопросы в сообщениях, общаются в чате, оставляют заявку на обратный звонок, проводят предварительное исследование по туристским услугам, ценам.
Холодные	Потенциальные клиенты, которые знакомы с продуктом компании, но не спешат с покупкой.

Из всех обратившихся в туристское предприятие (теплые лиды) реально делают покупки только приблизительно 65 % (горячие лиды). Таким образом, для теплых и холодных лидов необходимо разрабатывать стратегию по их привлечению. Для привлечения лидов туристское предприятие ООО «Ветер странствий» использует множество каналов: социальные сети, поисковая реклама, участие в туристических выставках. Каждый канал имеет свои особенности и требует индивидуального подхода.

В своей работе туристское предприятие использует социальные сети, как главный инструмент для привлечения лидов. Сегодня социальные платформы являются неотъемлемой частью жизни многих людей, и стоит осознавать важность этих каналов коммуникации. Социальные сети позволяют собирать информацию о пользователях, сегментировать аудиторию и показывать рекламные объявления только тем, кто потенциально заинтересован в продукте компании. Основными платформами ООО «Ветер странствий» является VK и Telegram.

Реклама на основе поисковых запросов является также инструментом продвижения в современном интернет-мире. Компания «Ветер странствий» успешно использует эту стратегию для привлечения новых клиентов и увеличения своей видимости в онлайн-пространстве. Подобный подход позволяет точно позиционировать рекламу перед целевой аудиторией и предлагать ей именно то, что она ищет. Благодаря этому, компания «Ветер странствий» достигает поставленных целей эффективно и эффектно. Такая стратегия продвижения дает возможность охватить широкий круг потенциальных клиентов и привлечь их внимание.

Туристское предприятие ООО «Ветер странствий» для привлечение новых клиентов активно принимает участие в туристских выставках. Так, с 13 по 15 марта 2023 года в Москве на площадке ЦВК «Экспоцентр» ООО «Ветер странствий» приняло участие в международной туристской выставке ИНТУРМАРКЕТ-2023. Данная выставка позволила туристскому предприятию ООО «Ветер странствий» представить компанию и ее специализацию широкой аудитории. Благодаря медийному присутствию и рекламным кампаниям, выставки привлекают множество посетителей, включая профессионалов индустрии, партнеров, туристских агентов и простых туристов.

Вторым этапом привлечения лидогенерации является создание привлекательного и актуального контента. Статьи, блоги, видео, инфографика и новостные обновления помогают не только привлекать внимание, но и устанавливать доверительные отношения с потенциальными клиентами. Каналы и структура привлечения новых клиентов расписаны в таблице 4.

Таблица 4
Каналы и структура привлечения новых клиентов

Каналы привлечения	Структура привлечение клиентов, %
Из социальной сети ВКонтакте	50
Из социальной сети Telegram	20
Из других источников, включая: «сарафанное радио», сайт, участие в выставках	30
ИТОГО	100

Как видно из данных таблицы 4, новые клиенты, больше всего, о туристской фирме «Ветер странствий» и ее предложениях узнают из социальной сети «ВКонтакте», поэтому именно здесь стоит

наращивать рекламную компанию, качественный контент и оптимизацию поисковой системы.

Заключение. Таким образом, ООО «Ветер странствий» активно использует стратегию лидогенерации, умело «подогревая» интерес к своему бизнесу, услугам и новым турмаршрутам. Следующим этапом для кампании будет переход на автоматизацию процессов и бережное использование ресурсов. Процесс лидогенерации расширяется и сопровождается расширением конкуренции, техническим обеспечением и автоматизацией процесса.

Литература

1. Абабков Ю. Н., Абабкова М. Ю., Филиппова И. Г. Маркетинг в туризме: учебник. Москва: ИНФРА-М, 2022. 214 с.
2. Ангелина И. А. Маркетинг в туризме: учебное пособие. Донецк: ДонНУЭТ имени Туган-Барановского, 2020. 203 с.
3. Андреева К. А. Лидогенерация. Маркетинг, который продает. Санкт-Петербург: Питер, 2015, 240 с.
4. Бахшиев Р. Т. Использование инновационных методик генерации лидов: опыт и подходы к масштабируемым решениям в digital-маркетинге // Молодой ученый. - 2024. - № 47 (546). - С. 120-125.
5. Калабкина И. М., Завьялова Д. Д. Технология внедрения бенчмаркинга в туристское предприятие // Сервис в России и за рубежом. - 2024. - № 2. - С. 239-246. DOI: 10.5281/zenodo.12668403.
6. Мелехова А. С. Лидогенерация и лид-скоринг как методы повышения эффективности рекламной кампании // Вестник РЭУ. - 2013. - №1. - С. 75-79.
7. Назипов Р. Лидогенерация: клиентов много не бывает. Санкт-Петербург: Питер, 2016, 208 с.
8. Настюк А. В., Рыжкина Д. А. Технология определения предпочитаемого продукта по заявке лидогенерации // Форум молодых ученых. - 2017. - № 5 (9). - С.1516-1519.
9. Савиновских Д. Ю. Лидогенерация в России: особенности появления и развития // Вестник магистратуры. - 2017. - № 3 (64). - С. 92-94.
10. Сарайкина С. В., Емельянова Н. А., Нехаева Н. Е. Социальное значение детского туризма в регионе // Регионология. 2017. - Т. 25. - №4 (101). - С. 573-587.
11. Смирнов А., Суздаль Ю. ЛИДовое побоище. Маркетинговые инструменты для продвижения бизнеса в интернете. Санкт-Петербург: ИГ «Весь», 2016, 176 с.
12. Carroll B. J. Lead Generation for the Complex Sale: Boost the Quality and Quantity of Leads to Increase Your ROI. London: McGraw-Hill. 2010. 240 p.

Lead generation in tourism

Kalabkina I.M., Anikina L.A., Abdulvagabova S.A.

Mordovian State University named after N. P. Ogaryova, Financial University Under the Government of the Russian, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

JEL classification: B00, D20, E22, E44, L23, L51, L52, M11, M20, M30, Z33

In pursuit of maximizing profits, tourism companies use various methods, one of which is lead generation, a process and methods for attracting customers. The article analyzes the conceptual framework of the category of lead generation, the Russian experience of using it, the advantages of using it, the types of leads and tactics of working with them are considered. The paper highlights domestic channels for attracting new leads. Special attention is paid to such attraction tools as lead magnet, lead exchange, gamification, targeting, and others. The stages of the formation of the lead generation process are considered, which help to effectively attract new customers to the business. These stages are considered in relation to the leading tourism enterprise of the Republic of Mordovia, Wind of Travel LLC. Based on the analysis of the customer base, which creates an opportunity for the successful application of lead generation, channels for attracting new leads are proposed: social networks, search advertising, participation in tourist exhibitions. All of the above should contribute to the development of a more effective policy in the tourism business.

Keywords: lead generation, lead, customer orientation, marketing, image, SEO optimization, target audience, positioning, social networks, content, income.

References

1. Ababkov, Yu. N., Ababkova, M. Yu., & Filippova, I. G. (2022). Marketing v turizme [Marketing in tourism]: textbook. Moscow: INFRA-M. (In Russ.).
2. Angelina, I. A. (2020). Marketing v turizme [Marketing in tourism]: a study guide. Donetsk: DonNUET named after Tugan-Baranovsky. (In Russ.).
3. Andreeva, K. A. (2015). Lidogeneraciya. Marketing, kotoryj prodaet [Lead Generation. Marketing that Sells]. Saint Petersburg: Piter. (In Russ.).
4. Bakhshiev, R. T. (2024). Ispol'zovanie innovacionnyh metodik generacii lidov: opyt i podhody k masshtabiruemym resheniyam v digital-marketinge [Using Innovative Lead Generation Methods: Experience and Approaches to Scalable Solutions in Digital Marketing]. Molodoj uchenyj [Young Scientist], 47(546), 120-125. (In Russ.).
5. Kalabkina, I. M., & Zavyalova, D. D. (2024). Tekhnologiya vnedreniya benchmarkinga v turistskoe predpriyatie [Technology of implementation of benchmarking in a tourism enterprise]. Servis v Rossii i za rubezhom [Service in Russia and abroad], 2, 239-246. doi: 10.5281/zenodo.12668403. (In Russ.).
6. Melekhova, A. S. (2013). Lidogeneraciya i lid-skoring kak metody povysheniya effektivnosti reklamnoj kampanii [Lead generation and lead scoring as methods of increasing the effectiveness of an advertising campaign]. Vestnik REU [Vestnik of the Plekhanov Russian University of Economics],1, 75-79. (In Russ.).
7. Nazipov, R. (2016). Lidogeneraciya: klientov mnogo ne byvaet [Lead generation: there are never too many clients]. Saint Petersburg: Piter. (In Russ.).
8. Nastyuk, A. V., & Ryzhkina, D. A. (2017). Tekhnologiya opredeleniya predpochitaemogo produkta po zayavke lidogeneracii [Technology for determining the preferred product based on a lead generation request]. Forum molodyh uchenyh [Forum of young scientists], 5(9), 156-159. (In Russ.).
9. Savinovskikh, D. Yu. (2017). Lidogeneraciya v Rossii: osobennosti poyavleniya i razvitiya [Lead generation in Russia: features of emergence and development]. Vestnik magistratury [Bulletin of the Magistracy], 3(64), 92-94. (In Russ.).
10. Saraykina, S. V., Emelyanova, N. A., & Nekhaeva, N. E. (2017). Social'noe znachenie detskogo turizma v regione

[Social significance of children's tourism in the region]. Regionologiya [Regionalology], 25(4), 573-587. (In Russ.).
11. Smirnov, A., & Suzdal, Yu. (2016). LIDovoe poboishche. Marketingovye instrumenty dlya prodvizheniya biznesa v internete [LIdovoe poboshiye. Marketing tools for business promotion on the Internet]. Saint Petersburg: IG "Ves". (In Russ.).
12. Carroll, B. J. (2010). Lead Generation for the Complex Sale: Boost the Quality and Quantity of Leads to Increase Your ROI. London: McGraw-Hill. 240 p.

Спрос на языковые услуги и подготовка талантов в развитии трансграничной электронной коммерции между Китаем и Россией

Ван Сяохуань
кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Шэньянского политехнического университета, yuliawang4200@mail.ru.

Китайско-российское трансграничное сотрудничество в области электронной коммерции становится новой точкой роста для развития двусторонней торговли, и важность языковых услуг как моста коммуникации очевидна. В последние годы масштабы трансграничных операций электронной коммерции между Китаем и Россией продолжают расти, а правительства двух стран активно продвигают сотрудничество в области трансграничной электронной коммерции, упрощают процесс таможенного оформления и снижают тарифные барьеры, что оказывает мощную поддержку развитию трансграничной электронной коммерции. Несмотря на трудности, связанные с логистикой и дистрибуцией, платежами и расчетами, соблюдением требований и эксплуатацией, перспективы широки, а потенциал для сотрудничества огромен. В данной статье анализируется спрос на языковые услуги в процессе развития китайско-российской трансграничной электронной коммерции, рассматривается текущее состояние и имеющиеся проблемы в подготовке талантов русского языка, а также предлагаются целевые стратегии подготовки, направленные на обеспечение мощной поддержки талантов для устойчивого развития китайско-российской трансграничной электронной коммерции.

Ключевые слова: китайско-российская трансграничная электронная коммерция; спрос на языковые услуги; подготовка талантов; русский язык; китайско-российская торговля.

Введение

Будучи важными стратегическими партнерами, Китай и Россия в последние годы углубляют свое сотрудничество в области экономики и торговли. Трансграничная электронная коммерция, как одна из развивающихся форм торговли, играет все более важную роль в китайско-российской торговле благодаря своему удобству и эффективности. Однако языковой барьер стал одним из ключевых факторов, сдерживающих бурное развитие китайско-российской трансграничной электронной коммерции. Поэтому очень важно изучить спрос на языковые услуги в процессе развития китайско-российской трансграничной электронной коммерции и соответствующим образом подготовить русскоязычных талантов, чтобы способствовать дальнейшему развитию китайско-российской торговли.

Состояние развития трансграничной электронной коммерции между Китаем и Россией

Китайско-российское сотрудничество в области трансграничной электронной коммерции зародилось в начале XXI века и постепенно расширяется по мере углубления стратегического партнерства между двумя странами. По данным Министерства коммерции Китая, китайско-российский оборот трансграничной электронной коммерции продолжает расти и стал важной частью двусторонней торговли. Китайско-российское сотрудничество в области трансграничной электронной коммерции не только способствует трансграничному движению товаров и услуг, но и содействует общему росту экономик обеих стран. [Юй Цзюань, 2020: 7.]

На российском рынке потребители отдают предпочтение китайским товарам за их экономичность и разнообразие. Платформы электронной коммерции, такие как AliExpress и Alibaba, занимают важное место на российском рынке, обеспечивая российским потребителям удобство совершения покупок. В то же время российский рынок электронной коммерции также активно расширяется на китайском рынке, продавая китайским потребителям российские товары через платформы трансграничной электронной коммерции.

Спрос на языковые услуги в китайско-российской трансграничной электронной коммерции

Источники финансирования. Данная статья подготовлена при поддержке Проекта фундаментальных исследований Департамента образования провинции Ляонин, № JYTMS20230205.

Спрос на услуги перевода

Описание товаров, общение в службу поддержки, информация о платежах и логистике на китайско-российских платформах трансграничной электронной коммерции — все это нуждается в точном переводе. Это требует от переводчиков не только знания русского языка, но и понимания культурных особенностей и потребительских привычек покупателей, чтобы обеспечить точную передачу информации. Между тем, с углубленным развитием китайско-российского трансграничного сотрудничества в области электронной коммерции растет и спрос на профессиональных переводчиков.

Спрос на услуги локализации

Услуга локализации — это адаптация информации о товаре, интерфейсе сайта и т.д. к языку и культуре целевого рынка. В китайско-российской трансграничной электронной коммерции услуги локализации играют важную роль в улучшении потребительского опыта покупок и стимулировании продаж товаров. Требования к услугам локализации включают локализацию описаний товаров, локализацию интерфейсов веб-сайтов и локализацию маркетинговых мероприятий. Это требует от сотрудников службы локализации богатого опыта работы на рынке и навыков межкультурной коммуникации, а также умения точно улавливать потребности потребителей и культурные особенности целевого рынка.

Спрос на многоязычную поддержку обслуживания клиентов

Китайско-российские платформы трансграничной электронной коммерции должны обеспечивать многоязычную поддержку клиентов, чтобы удовлетворить потребности потребителей на разных языков. Многоязычный персонал по обслуживанию клиентов должен не только свободно владеть устным и письменным русским языком, но и знать процессы работы трансграничной электронной коммерции и соответствующие политики, чтобы своевременно и профессионально обслуживать потребителей. По мере расширения китайско-российского рынка трансграничной электронной коммерции растет и спрос на многоязычную поддержку по обслуживанию клиентов.

Состояние и проблемы подготовки талантов, владеющих русским языком

После многих лет развития подготовка русскоязычных талантов в китайских вузах сформировала региональную структуру, сосредоточенную на северо-востоке, Пекине, Шанхае и западных провинциях Китая. Около 150 вузов по всей стране предлагают программы бакалавриата на русском языке со стабильным набором 5-6 тысяч студентов в год и постепенно расширяются до южных провинций. Сохраняя основы традиционного языка и литературы, система учебных программ ускоряет трансформацию в бизнес, право, научно-технический перевод и другие прикладные направления, а некоторые вузы осваивают режим «русский + регионоведение» или модель обучения множественным языкам. Но такие проблемы, как создание цифровых учебных ресурсов и нехватка междисциплинарных преподавателей, по-прежнему сдерживают инновации в обучении. Рынок труда демонстрирует структурные противоречия: конкуренция за традиционные переводческие позиции острая, и существует нехватка составных талантов, владеющих «русский язык + спциальность», а спрос в развивающихся областях, таких как трансграничная электронная коммерция и энергетическое сотрудничество, значительно вырос, но уровень заработной платы в целом ниже, чем в других популярных языках. Кроме того, вузы по-прежнему сталкиваются с проблемами снижения привлекательности источников студентов, недостаточной глубины сотрудничества между университетами и предприятиями, влияния технологии машинного перевода на низкооплачиваемые рабочие места и т. д. В будущем необходимо еще больше углубить интеграцию производства и образования, оптимизировать структуру преподавателей и расширить изучение Центральной Азии и других регионов и стран, чтобы повысить интернационализацию подготовки талантов и их пригодность к предприятиям.

В настоящее время русскоязычные таланты в Китае в основном сосредоточены в области перевода, дипломатии и т. д., в то время как русскоязычных талантов, владеющих операциями трансграничной электронной коммерции, маркетингом и другими профессиональными навыками, относительно немного. Это приводит к формированию единой структуры китайских и российских талантов в области трансграничной электронной коммерции в сфере языковых услуг, что затрудняет удовлетворение диверсифицированного рыночного спроса.

В процессе подготовки русскоязычных талантов практическое обучение является относительно слабым звеном. Студентам не хватает прямого контакта с российским рынком и практического опыта, что затрудняет глубокое понимание потребительского спроса и культурных особенностей российского рынка. Это приводит к тому, что студентам сложно адаптироваться к практической работе в сфере китайско-российской трансграничной электронной коммерции после окончания вуза. Для воспитания русскоязычных талантов необходима команда преподавателей, обладающих богатым педагогическим опытом и навыками межкультурной коммуникации. Однако в настоящее время количество преподавателей русского языка недостаточно, и некоторые из них не обладают профессиональными знаниями и практическим опытом в области трансграничной электронной коммерции. Это ограничивает качество и эффективность воспитания русскоязычных талантов.

Стратегии выращивания талантов русского языка

Оптимизация структуры талантов

Учитывая спрос на разносторонние и профессиональные русскоязычные таланты в сфере трансграничной электронной коммерции между Китаем и Россией, вузы и кафедры русского языка должны оптимизировать структуру талантов и аодготовить

русскоязычных талантов с профессиональными навыками в области трансграничной электронной коммерции, маркетинга и других профессиональных навыков. Этого можно достичь, предлагая соответствующие курсы и организуя практические мероприятия. В то же время следует укреплять сотрудничество с предприятиями, предоставляя студентам возможности для прохождения практики и трудоустройства, чтобы они могли лучше адаптироваться к реальному спросу на работу в сфере трансграничной электронной коммерции между Китаем и Россией.

Оптимизация учебной программы и уделение внимание практическому обучению

Добавить курсы, связанные с трансграничной электронной коммерцией, такие как «Практика трансграничной электронной коммерции», «Деловой русский язык», «Межкультурная коммуникация» и т.д.. Внедрение обучения на конкретных примерах для развития практических способностей студентов путем сочетания с реальными проектами. Укрепление связей между практическим обучением и развитием практических навыков и способностей студентов к межкультурной коммуникации. Этого можно достичь путем организации выездов на места, симуляции деловых переговоров и т.д. В то же время представителей российских предприятий или экспертов можно приглашать в университет для чтения лекций или проведения занятий, что даст студентам больше возможностей для понимания российского рынка и культуры. [Мэйхэба Аблимити, 2021, 103.]

Совершенствования системы мотивации и стимулирования профессорско-преподавательского состава

Совершенствования системы мотивации и стимулирования профессорско-преподавательского состава — это ключ к повышению качества обучения русскому языку. Вузы и кафедры русского языка должны усилить построение преподавательского состава и ввести в него отличных преподавателей с богатым опытом преподавания и навыками межкультурной коммуникации. В то же время следует поощрять участие преподавателей в мероприятиях по обучению и обмену опытом в области трансграничной электронной коммерции, чтобы повысить их профессионализм и практические навыки. Кроме того, можно создать механизм сотрудничества между вузом и предприятием, чтобы приглашать экспертов предприятий в качестве преподавателей, чтобы студенты получали больше практического опыта и практических знаний.

Развитие сотрудничества между вузом и предприятием

Сотрудничество между вузом и предприятием — это важный путь к стыковке подготовки русскоязычных талантов с потребностями трансграничной электронной коммерции в Китае и России. Вузы и кафедры русского языка должны укреплять сотрудничество с предприятиями и совместно разрабатывать учебной программы подготовки талантов. Этого можно достичь путем создания баз стажировок и проведения совместного обучения. В то же время можно пригласить предприятия к участию в такой работе, как составление учебных программ и написание учебников, чтобы приблизить содержание обучения к реальным потребностям. Благодаря сотрудничеству вуза и предприятия можно обеспечить эффективную стыковку подготовки талантливых специалистов с потребностями рынка, повысить актуальность и эффективность подготовки талантливых специалистов, владеющих русским языком.

Расширение каналов международного обмена

Расширение каналов международного обмена — важный способ повышения качества подготовки талантов, владеющих русским языком. Вузы и кафедры русского языка должны укреплять обмены и сотрудничество с российскими вузами и предприятиями, а также поощрять выезд студентов в Россию на учебу или стажировку. Это не только повысит уровень владения языком и способность к межкультурной коммуникации, но и позволит студентам глубже понять российский рынок и культуру. В то же время можно приглашать российских экспертов в университет для академических обменов, чтобы способствовать обменам и сотрудничеству между Китаем и Россией в области трансграничной электронной коммерции.

Выводы

Китайско-российское трансграничное сотрудничество в области электронной коммерции становится новой точкой роста в развитии двусторонней торговли, и важность языковых услуг как моста коммуникации очевидна. Учитывая спрос на талантов, владеющих русским языком, в сфере трансграничной электронной коммерции между Китаем и Россией, вузы и кафедра русского языка должны оптимизировать структуру талантов, усилить практическое обучение, укрепить строительство факультетов, содействовать сотрудничеству между вузами и предприятиями и расширить каналы международных обменов, чтобы повысить качество и эффективность подготовки талантов. В то же время правительство и предприятия должны усилить поддержку подготовки русскоязычных талантов, чтобы обеспечить мощную поддержку талантов для устойчивого развития трансграничной электронной коммерции между Китаем и Россией.

Литература

1. Тюленева Т.И. Сравнительный анализ электронной коммерции России и Китая Московский экономический журнал, 2024(2), С. 144-155.

2. Чан Хун. Исследование ключевых компетенций и меры по подготовки комплексных талантов трансграничной электронной коммерции между Россией и Китаем на фоне «Один пояс и один путь». Китайсие коммерческие известия, 2023(21), С. 126-129.

3. Фэн Цзиньфэн. Исследование интеграции курсов по предпринимательству на специальности русского языка в контексте трансграничной электронной коммерции. Трудоустройство и обеспечение, 2020(03), С. 99-100.

4. Лю Чуньфу, Сюй Яньянь, Ван Вэй. Меры по подготовке русскоязычных талантов трансграничной электронной коммерции на фоне «Интернет+». Вестник Цицикарского педагогического колледжа, 2017(6), С. 19-21.

5.Мэйхэба Аблимити. Анализ стратегии подготовки талантов трансграничной электронной коммерции для специальности русского языка на фоне «Интернет+». Обзор континентального моста, 2021(2), С. 102-103.

6.Ван Тин. Подготовка талантов, владеющих русским языком, на основе режима развития трансграничной электронной коммерции между Китаем и Россией. Вестник Хэйхэского инчтитута, 2022, 13(3), С. 78-79+95.

7.Се Рэй. Анализ пути выращивания русскоязычных талантов для трансграничной электронной коммерции в рамках инициативы «Один пояс и один путь». Чаоюань, 2022(Z1), С. 20-21.

8.Юй Цзюань. Исследование развития трансграничной электронной коммерции между Китаем и Россией на фоне «Один пояс и один путь». Приграничная экономика и культура, 2020(11), С. 7-9.

Demand for language services and talent training in the development of cross-border e-commerce between China and Russia

Wang Xiaohuan
Shenyang Ligong University

JEL classification: B00, D20, E22, E44, L23, L51, L52, M11, M20, M30, Z33

China-Russian cross-border e-commerce cooperation is becoming a new growth point for the development of bilateral trade, and the importance of language services as a communication bridge is obvious. In recent years, the scale of cross-border e-commerce transactions between China and Russia has continued to grow, and the two governments have actively promoted cross-border e-commerce cooperation, simplified customs clearance and reduced tariff barriers, which strongly supports the development of cross-border e-commerce. Despite the difficulties in logistics and distribution, payment and settlement, compliance and operation, the prospects are broad and the potential for cooperation is huge. This paper analyzes the demand for language services in the development of Sino-Russian cross-border e-commerce, reviews the current status and existing problems in Russian language talent training, and proposes targeted training strategies to provide strong talent support for the sustainable development of Sino-Russian cross-border e-commerce.

Keywords: China-Russian cross-border e-commerce; language demand; talent training; Russian language; China-Russian trade.

References

1. Tyuleneva T.I. Comparative analysis of electronic commerce of Russia and China Moscow Economic Journal, 2024(2), P. 144-155.
2. Chang Hong. Research on core competencies and measures to prepare comprehensive talents of cross-border e-commerce between Russia and China under the background of “One Belt and One Road”. China Commercial News, 2023(21), P. 126-129.
3. Feng Jinfeng. Research on the integration of entrepreneurship courses in Russian major in the context of cross-border e-commerce. Employment and Security, 2020(03), P. 99-100.
4. Liu Chunfu, Xu Yanyan, Wang Wei. Measures to train Russian-speaking cross-border e-commerce talents under the background of “Internet+”. Bulletin of Qiqihar College of Education, 2017(6), P. 19-21.
5. Meiheba Ablimiti. Analysis of cross-border e-commerce talent training strategy for Russian language specialty against the background of “Internet+”. Continental Bridge Review, 2021(2), P. 102-103.
6. Wang Ting. Training Russian language talents based on the development mode of cross-border e-commerce between China and Russia. Bulletin of Heihe Inchtitut, 2022, 13(3), P. 78-79+95.
7. Xie Lei. Analyzing the path of cultivating Russian-speaking talents for cross-border e-commerce under the One Belt and One Road Initiative. Chaoyuan, 2022(Z1), P. 20-21.
8.Yu Juan. Research on the development of cross-border e-commerce between China and Russia under the background of “One Belt and One Road”. Cross-border Economy and Culture, 2020(11), P. 7-9.

Сотрудничество Китая и России в области совместных образовательных программ

Ван Сяохуань
кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Шэньянского политехнического университета,
yuliawang4200@mail.ru

В статье исследуются вопросы, затрагивающие проблематику сотрудничества Китая и России в области образования и науки. Рассмотрены особенности и ключевые принципы внедрения совместных образовательных программ, проанализированы важные факторы, влияющие на современные подходы к обучению, например, цифровизация, переход к гибридной модели обучения, использование личностно-ориентированных технологий. Сделан вывод о том, что цифровые технологии в основном применяются для персонализации процесса обучения, процедуры контроля онлайн-экзамена или теста, проверки уровня знаний и работ студентов и выполнения других задач. Автором подчеркивается, что технологии искусственного интеллекта в целом не только решают часть важных задач, но и формируют целые направления и области, которые можно включить в процесс обучения с помощью технологий проектирования обучения.
В статье также говорится о том, что Китай и Россия имеют долгую историческую традицию образовательных обменов. В последние годы языковое сотрудничество и двустороннее обучение за рубежом продолжают развиваться, многоуровневое совместное образование, лежащее в основе экономической глобализации, достигло существенного прогресса, а образовательное сотрудничество, особенно в сфере высшего образования, становится все более обширным, постоянно демонстрируя общую тенденцию развития.
Ключевые слова: совместные образовательные программы, российско-китайское партнерство, международный инновационный проект, высшее образование, российско-китайское образовательное сотрудничество, гибридная модель обучения

Под стратегическим руководством двух глав государств всеобъемлющее партнерство и взаимодействие Китая и России в новую эпоху добилось, несомненно, значительного прогресса. Чтобы подчеркнуть важность языкового и культурного разнообразия, приоритетным направлением в контексте разработки и внедрения совместных образовательных программ является углубление сотрудничества между странами в рамках международных организаций и активное участие в построении глобальной инновационной сети, расширение масштабов двустороннего обучения за рубежом и оптимизация профессиональной и академической структуры иностранных студентов.

Китай и Россия являются крупными мировыми державами и объединены давними и глубокими двусторонними связями. Кажется очевидным, что у народов обеих стран есть общая потребность в профессиональных талантливых кадрах, владеющих как китайским, так и русским языками, а также хорошо знакомых с обеими культурами [24, с. 264; 26, с. 58].

Позиция китайского и российского правительства по поощрению межкультурных обменов является достаточно очевидной и прозрачной. На наш взгляд, понимание идей национальной культуры способствует укреплению дружбы и взаимопонимания между народами стран мира [4, с. 205]. «Годы языков», проводимые между Китаем и Россией, дали толчок волне изучения языков в обеих странах и стали примером языковых и культурных обменов между другими государствами и национальностями.

Как справедливо отмечают представители экспертного сообщества, интеллектуальные возможности образования создают предпосылки реализации принципов демократии, равенства, прав человека, толерантности и межкультурного взаимопонимания [18, с. 43].

Исследователи указывают и на широко задействованную в современном мире интеграцию с вузами и как с источниками кадров, и как с источниками инноваций, дающих конкурентные преимущества [21, с. 101].

По статистическим данным на май 2024 г. Россия и Китай общими усилиями успешно выполнили 167 образовательных программ на китайском и русском языках, запустили 27 проектов в сфере образования. В число межвузовских объединений двух государств входят около 600 университетов. Ассоциация технических вузов РФ и КНР объединяет 40 российских и 36 китайских образовательных организаций. В вузах России получают образование почти 49

тыс. китайских студентов. Более 5 тыс. из которых обучаются в МГУ имени М.В. Ломоносова. В РГПУ имени А.И. Герцена обучается 2557 китайских студентов, в СПбГУП более 2 тыс. Основной площадкой для изучения китайского языка в России являются университеты: 39% от общего числа изучающих китайский язык обучаются в университетах, 31% — в средних школах, 25% — на языковых курсах и 5% — в Институтах Конфуция. Соответственно, за последние 20 лет число университетов, готовящих специалистов со знанием китайского языка, значительно возросло [17].

При поддержке департаментов правительств России и Китая образовательная группа China Today, имеющая богатый опыт в сфере образования, создала российско-китайскую международную школу. Нужно отметить, что данная школа соответствует передовым международным требованиям, со штатом высококлассных преподавателей, в том числе с практикующими преподавателями из Китая. После окончания обучения в школе, студенты смогут учиться не только в российских вузах, но и в Китае, становясь тем самым международно-ориентированными профессионалами [11, с. 123].

Русско-китайская международная школа — это высококлассная международная начальная и средняя школа, расположенная в северо-западном округе Москвы. В школе обучаются ученики начального, среднего и старшего звена, в ней широко используются современные образовательные концепции, опирающиеся на новую международную модель образования. В процессе обучения происходит интеграция российской и китайской культур [8, с. 298]. В свою очередь Today Education Group основала несколько начальных и средних школ в Китае и имеет тесное сотрудничество со многими известными школами и университетами в Китае, а также со школами в других странах мира.

В школе преподают не только россияне, но и китайские преподаватели, всесторонне продвигая преподавание китайского языка в России. Учащиеся начинают систематическое изучение китайского языка уже с начальной школы. Благодаря различным формам практической деятельности, таким как языковые деревни, китайско-российские студенческие обмены, создается богатая языковая среда, позволяющая учащимся свободно владеть китайским языком.

В школе есть различные направления, связанные с искусством и творческими занятиями: оркестры, танцевальные труппы, клубы и специализированные классы по музыке, танцам и искусству; благодаря этому каждый обучающийся может выбрать направление, исходя из своих собственных навыков и интересов. Комплексная физическая подготовка, особые личные навыки и популяризация китайской версии боевых искусств дает возможность каждому ученику приобрести спортивный опыт и гармонично развить как физические, так и умственные качества [7, с. 25].

Безусловно, все более тесные связи между Россией и Китаем, растущий культурный обмен между двумя странами и рост торговли, а также возможности для развития бизнеса и трудоустройства, требуют большого количества профессиональных кадров. В свою очередь Россия и Китай, применяя имеющиеся материальные и интеллектуальные инструментарии, в совместных образовательных проектах концентрируются на следующих приоритетных областях исследований: цифровые технологии, программирование, искусственный интеллект, новейшие инструментарии и нанотехнологии, информационно-коммуникационные разработки, когнитивные и нейронауки, входящие в области психологии и др., включая междисциплинарные проекты, тем самым создавая все условия для появления профессионалов на рынке труда.

Оба государства реализовывают совместную научно-исследовательскую работу зачастую на основе принципа равного финансирования, проводя общие конкурсные проекты с целью поддержки и продвижения фундаментальных и прикладных исследований, постепенно увеличивая процент молодых ученых в гуманитарных проектах; проводя совместную изыскательную деятельность, тематические семинары, круглые столы и вебинары, посвященные проблемам, актуальным как для Китая, так и для России; способствуя открытию научно-исследовательских центров с высококлассными сотрудниками.

Многими исследователями данной тематики было отмечено, что поддерживая и развивая совместную исследовательскую работу на базе объектов «большой науки», обогащаются формы и практика международных академических обменов; тем самым поддерживается совместная работа над публикациями в научных международных изданиях, наглядно показывающих результаты научных исследований двух стран; фиксируются эффективные решения в приоритетных направлениях развития социальной экономики; а также осуществляются разного рода коммуникации в рамках международных организаций БРИКС, ШОС и др.

Создание и развитие «Инновационного фонда совместной науки и технологий Китая» в 2019 г. оказало ощутимое влияние на трансграничное сотрудничество между научными, промышленными и финансовыми сообществами, такими как совместное создание международных инновационных и предпринимательских центров, промышленных парков и новых институтов, охватывающих весь цикл роста от творчества до промышленного применения [12, с. 224].

Исходя из вышесказанного, создается впечатление, что и Россия, и Китай на данный момент как никогда осознают необходимость создания совместной системы обучения и содействия академическим обменам между студентами и научными сотрудниками двух стран.

В частности, это включает в себя проведение двусторонних долгосрочных и краткосрочных академических стажировок, летних школ и академических визитов для содействия обмену опытом между китайскими и российскими учеными; поддержку обме-

нов научными исследованиями в рамках совместных исследовательских планов и проектов; применение целевых подходов к подготовке кадров, повышению профессиональных навыков и обмену передовым опытом между научно-образовательными центрами; разработку программ двойных дипломов, включая совместное руководство диссертациями бакалавров, магистров и докторантов; мероприятий по организации учебных и производственных практик на базе подразделений подготовки магистров и докторантов; изучение возможности создания виртуальных исследовательских центров по приоритетным направлениям сотрудничества Китая и России [6, с. 120]. Нужно отметить, что, и Китай, и Россия удовлетворены успешным сотрудничеством, и обе стороны готовы совместно реализовывать и дальше участвовать в международных научных проектах, инициированных обеими сторонами.

Например, содействовать взаимовыгодному сотрудничеству в рамках крупного научного комплекса Национального института ядерных исследований (NICA) и совместно оказывать финансовую поддержку подпроектам, а также способствовать дальнейшему успешному опыту согласованной работы в рамках БРИКС в контексте научно-исследовательских инноваций [22, с. 80].

Важно отметить, что оба государства выразили желание и в дальнейшем на постоянной основе проводить научные конференции и образовательные форумы в рамках мероприятий «Год инноваций в области науки и технологий Китай-Россия», и Китай, и Россия придерживаются мнения в том, что особое внимание необходимо уделить сотрудничеству в сфере гуманитарных и общественных наук. Это не только основа для укрепления взаимопонимания и взаимного доверия между двумя народами, но и основа для эффективного реагирования на общие вызовы, стоящие перед мировым сообществом.

Высококачественная подготовка молодых талантов рассматривается как важная мера по обеспечению притока талантов, поддерживаются совместные публикации результатов научных исследований двух стран, а также предоставляются соответствующие поощрения лицам и учреждениям, внесшим вклад в развитие совместных образовательных проектов и программ [2, с. 56-57].

Как было сказано ранее, в связи с углублением сотрудничества между Китаем и Россией во всех областях и на всех уровнях, а также организацией инициативы «Один пояс, один путь» в двух странах возник большой спрос на специалистов, владеющих и русским, и китайским языками. Высокий спрос на специалистов профессионального уровня обуславливает необходимость дальнейшего расширения образовательных обменов между Китаем и Россией, в том числе необходимость дальнейшего расширения масштабов двустороннего обучения за рубежом.

Продолжая расширять масштабы двустороннего обучения, необходимо и дальше оптимизировать профессиональную структуру иностранных студентов и повышать уровень обучения за рубежом. Кроме того, необходимо и дальше содействовать созданию аналитических центров для китайско-российских образовательных программ.

Кроме того, исследования о процессе развития и достижениях совместных проектов между Китаем и Россией, а также исследования образовательных обменов и сотрудничестве имеют большое значение для повышения эффективности образовательного процесса в будущем.

В настоящее время исследований в этой области, особенно систематических, крайне мало. Необходимо постоянно обновлять данные, такие как статус обучения китайских и российских студентов по обмену, уровни обучения и т. д.

Исходя из этого, в целях содействия устойчивому и коннотационно-ориентированному обучению в рамках китайско-российских совместных образовательных проектов необходимо в контексте механизма культурного обмена оказывать целевую поддержку фундаментальным исследованиям в области китайско-российского образования с целью понимания ценностных ориентаций, правовых и политических основ, а также основных принципов функционирования совместной системы образования.

На этой основе должен быть разработан механизм доступа, мониторинг процесса и система оценки эффективности проектов, а на основе полученных данных внедрено стандартизированное и научное управление проектами механизма обмена и образовательного сотрудничества, оказана особая поддержка текущим проектам с выдающимися результатами.

Как было сказано ранее, сотрудничество двух стран в сфере обучения за рубежом и между университетами становится все более тесным. Экономическое развитие уже реагирует на эти потребности: в частности, по оценкам аналитиков, китайский язык сейчас уступает по востребованности только английскому на российском рынке труда.

Многие ведущие российские университеты сделали привлечение китайских студентов приоритетом в своей работе в сфере международных отношений. Официальные сайты известных университетов, таких как МГУ и СПбГУ, позволяют частично просматривать контент на китайском языке. Можно говорить о том, что в рамках механизма культурного обмена между Китаем и Россией языковой обмен сформировал устойчивый механизм сотрудничества [23, с. 59].

Можно также с уверенностью сказать о том, что в последние годы принципиально важное влияние на парадигму образовательного процесса оказал ряд факторов, один из которых – появление технологий искусственного интеллекта [13, с. 47] (далее – ИИ) , что привело к существенным изменениям в основах современного образовательного процесса [9, с. 8].

Говоря о развитии технологий ИИ в образовании в целом, важно обратить внимание на то, что в целом эти технологии используются уже достаточно давно. Технологии ИИ также уже широко применяются для визуализации данных (создание инфографики, например, или ботов для интерактивного обучения).

Таким образом, рассматривая вопрос изменения концепции обучения в контексте цифровой трансформации, также важно отметить, что в современном мире формат обучения должен учитывать ряд факторов. К таким факторам относится использование образовательных медиа и цифровых технологий в образовании, они должны соответствовать определенным условиям, таким как удобство и простота использования [10, с. 191; 14, с. 824; 19, с. 215; 25, с. 467].

С тесным развитием отношений между Китаем и Россией «китайский языковой бум» в России продолжает нарастать. Институт Конфуция МГУ предлагает всем желающим изучить китайский язык, продолжая тем самым развивать преподавание китайского языка в России, в полной мере используя различные комплексные методы обучения, способствуя межкультурному общению между странами. Очевидно, что, поскольку спрос на изучение китайского языка в России продолжает расти, работе по международному преподаванию китайского языка еще предстоит пройти долгий путь [3, с. 88-89].

По имеющимся данным, дисбаланс между спросом и предложением на рынке образовательных услуг привел к резкому росту цен на курсы. Если в 2023 г. средняя цена урока китайского языка в московском частном учебно-тренировочном центре составляла 1200-1500 руб., то сейчас она выросла до 2000-3000 руб. Цена курсов с преподавателями-носителями китайского языка выросла примерно с 2000 руб. до 3500 руб. за урок [17]. Нужно отметить, что все больше иностранцев интересуются китайской культурой, соответственно, число желающих изучать китайский язык, продолжает расти [11, с. 125].

Онлайн обучение, ставшее популярным в последнее время, не только способствовало быстрому освоению иностранных языков и традиционной культуры Китая, но также предоставило редкую возможность языковой практики. Это является отражением углубляющегося взаимного доверия между странами, а также является результатом совместных усилий преподавателей и учеников [1, с. 41].

Экономическая глобализация и цифровая трансформация общества диктует новые требования к качеству образования [5, с. 522; 16, с. 22]. Миссия современного времени — воспитывать новые профессиональные кадры, а также развивать высококачественные, молодые таланты с глобальным видением, духом исследования и межкультурными способностями для всестороннего повышения эффективности международного общения [15, с. 81].

На фоне все более частых обменов в политической, экономической и культурной областях между Китаем и Россией две страны постоянно взаимодействуют и проникают в экономическую, политическую, культурную и другие области, оказывая влияние друг на друга. Межкультурные обмены выдвинули новые требования к развитию общественной жизни двух народов. Но только на основе постоянно укрепляющегося чувства идентичности с точки зрения культурных перспектив и ценностей две страны могут внести свой вклад в развитие и исследования политической, экономической и социокультурной сфер двух стран [2, с. 56].

В процессе модернизации общества каждая нация и страна имеют собственную идентичность, позволяющую сохранять свое единство и уникальность. Главным препятствием на пути межкультурного общения является язык, поэтому основная задача межкультурного общения — это изучение языка, выход на путь понимания культурных перспектив и ценностей разных национальностей, разного политического видения и разных убеждений, по этой причине межкультурные обмены между двумя странами просто необходимы. Культурный обмен включает в себя общую реконструкцию практических языковых коллекций и комплексных рамок, таких как системы символов и культурные корни, религиозные традиции, жизненные привычки, политика и исторические корни [20, с. 38]. Поэтому особенно важно, чтобы носители языка и обучающиеся могли взаимодействовать между собой, несмотря на различия в социально-культурном контексте.

На данный момент владение иностранными языками можно обозначить не только инструментарием научно-технического прогресса, но и незаменимым элементом международного сотрудничества и перспективой для международных межкультурных обменов. Несомненно, спрос на универсальных переводчиков с каждым годом будет только расти. Преподаватели, занимающиеся обучением иностранных языков, должны использовать эффективные методы обучения и преподавания, развивая языковые и коммуникативные навыки, адаптируясь к меняющимся социокультурным и политическим условиям. В условиях роста межкультурного иноязычного сотрудничества между Китаем и Россией эти новые социальные изменения выдвинули новые требования к уровню владения русским языком студентов Китая.

Сложность русскоязычного образования и профессиональной деятельности русскоязычных специалистов требует от университетов позиционировать свои основные педагогические задачи на формулировании и развитии новой модели подготовки специалистов. Речь идет о развитии межкультурной компетентности (умении общаться в иноязычных культурных пространствах). Глобализация российско-китайского образования требует появления большого количества профессионалов и развития навыков общения, которые адаптируются к социальному изменению в политической, культурной и профессиональной среде.

При разработке новых моделей обучения необходимо обеспечить способность учащихся различать конкретные трудности и ошибки, образование должно стать в значительной степени универсальным и не ограничиваться национальными границами.

Безусловно, китайско-российский альянс стал важной платформой для всестороннего сотрудничества высокого уровня в сфере высшего образования между Китаем и Россией, внеся важный вклад в непрерывное продвижение гуманитарного и образова-

тельного сотрудничества между странами и содействие дружественному развитию двусторонних отношений.

Не вызывает сомнения необходимость и дальше продолжать расширять масштабы двустороннего взаимодействия в гуманитарной сфере, оказывать поддержку университетам в реализации совместных образовательных проектов, расширять масштабы двусторонних обменов по обучению за рубежом, совместно организовывать летние школы для студентов, осуществлять сотрудничество в области профессионального образования, поддерживать организацию китайско-российского альянса средних школ и поощрять обмены между студентами.

Литература

1. Актамов И.Г. Образование для устойчивого развития в КНР: региональные аспекты // Социальные и политические вызовы модернизации в XXI веке: Материалы международной научно-практической конференции. Улан-Удэ, 06–11 августа 2018 г. / Отв. ред. Бадараев Д.Д. – Улан-Удэ: Бурятский научный центр Сибирского отделения РАН, 2018. – С. 40-41.

2. Бузовская Л.В., Букреева Т.А., Попова А.В., Чернышева Л.А. Современные тенденции развития иноязычного образования. – Курск: ЗАО Университетская книга, 2022. – 84 с.

3. Ван Б. Роль российско-китайских университетских консорциумов в развитии инновационной среды международного образования [Электронный ресурс] // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2019. Т. 8. № 2 (27). – С. 88-90. – URL: https://landraileiu.ru/wp-content/uploads/2023/04/ANI-EU-2019-2.pdf (дата обращения: 09.03.2025).

4. Ван Сяохуань Модель пропаганды национальной культуры за границу // Современное педагогическое образование. 2021. № 1. – С. 205-207.

5. Воробьева Е.С., Краковецкая И.В., Ван С., Нюренбергер Л.Б. Формирование конкурентоспособности системы высшего образования КНР: достижения, проблемы и перспективы // Креативная экономика. 2020. Т. 14. № 4. – С. 509-528.

6. Гурулева Т.Л., Бедарева Н.И. Сотрудничество России и Китая в области создания сетевых университетов и совместных образовательных учреждений [Электронный ресурс] // Высшее образование в России. 2019. Т. 28. № 4. – С. 108-123. – URL: https://vovr.elpub.ru/jour/issue/view/70 (дата обращения: 09.03.2025).

7. Затепякин О.А. Особенности экономических отношений в сфере образования и реформы образования в России // Экономика образования. 2010. № 4 (59). – С. 24-36.

8. Зелезинская Л.А. Программы двух дипломов как вид совместных образовательных программ России и Китая // Kant. 2024. № 3 (52). – С. 297-304.

9. Касимова А.Р. Российско-китайские отношения в области науки и образования на современном этапе // Экономика, статистика и информатика. Вестник УМО. 2013. № 4. – С. 7-11.

10. Козлова М.А., Макарова В.В., Анищенко П.А. [и др.] Оценка эффективности авторской модели сотрудничества между Россией и Китаем в области высшего образования // Финансовая экономика. 2024. № 7. – С. 191-194.

11. Краснова Г.А. Сетевое взаимодействие вузов: сравнительный анализ подходов к реализации адаптера программ в Китае и России // Вестник РУДН. Серия: Информатизация образования. 2016. № 3. – С. 123-130.

12. Крутиков В.К., Косогорова Л.А., Якунина В.А., Вольхин С.Н. Российско-китайское взаимодействие в цифровой сфере // Экономика и предпринимательство. 2023. № 9 (158). – С. 224-227.

13. Любимов А.П., Пономарева Д.В., Барабашев А.Г. Основные понятия искусственного интеллекта. – М.: ООО «Сам Полиграфист», 2019. – 116 с.

14. Ма Хун. Перспективы совместного китайско-российского использования образовательных ресурсов (на примере деятельности университетов в приграничных регионах) // Педагогический журнал. 2022. Т. 12. № 2А. – С. 822-827.

15. Нянь С. Состояние и перспективы сотрудничества между российским Дальним Востоком и Китаем в области образования // Азиатско-тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2022. Т. 24. № 4. – С. 81-90.

16. Право и экономическое развитие: актуальные вопросы: Монография / В.Б. Батиевская, М.В. Келехсаева, Т.Е. Ситохова [и др.]; Гл. ред. Э.В. Фомин. – Чебоксары: ООО «Издательский дом «Среда», 2023. – 196 с.

17. Россия и Китай активно развивают сотрудничество в области науки, высшего образования и молодежной политики // Минобрнауки России. 23.05.2024 [Электронный ресурс]. – URL: https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo/83209/ (дата обращения: 09.03.2025).

18. Рыжов В.Б. Сотрудничество Европейского союза с государствами постсоветского пространства в области образования (на примере программы Erasmus+) [Электронный ресурс] // Международное право. 2019. № 2. – С. 42-50. – URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=29830 (дата обращения: 09.03.2025).

19. Сорокина С.Г., Мусорина О.А. Использование веб-платформы Google classroom для организации самостоятельной работы студентов // Организация самостоятельной работы студентов по иностранным языкам. 2021. № 4. – С. 211-216.

20. Терещенко Т.М., Правдикова А.В. Опыт разработки и внедрения российско-китайских образовательных программ // Педагогическое образование в России. 2016. № 10. – С. 38-42.

21. Филиппов Г.А., Репина А.В. Трансфер образовательных технологий: современный взгляд на предпринимательскую деятельность университетов [Электронный ресурс] // Russian economic bulletin. 2022. Т. 5. № 2. – С. 100-108. – URL: https://kpfu.ru/staff_files/F_729739004/reb_t_5_2_2022.pdf (дата обращения: 09.03.2025).

22.Черных Е.О., Семенов А.В. Социально-экономическое сотрудничество России и Китая в вопросах организации международного инновационного проекта по обеспечению удаленного образования // Проблемы рыночной экономики. 2020. № 4. – С. 73-89.

23.Чжан С. Углубление экономического сотрудничества между Китаем, Монголией и Россией: содействие совместному развитию и процветанию [Электронный ресурс] // Форум молодых ученых. 2024. № 7 (95). – С. 57-61. – URL: https://www.forum-nauka.ru/_files/ugd/b06fdc_7c2c17be5d4c4dc3973f3522485f71a1.pdf?index=true (дата обращения: 09.03.2025).

24.Шагбанова Х.С. Лингвистическая адаптация иностранцев: сущность, структура и функции // Образование и право. 2019. № 8. – С. 264-269.

25.Шагбанова Х.С. Языковая компетентность в онлайн-пространстве в XXI веке // Педагогический журнал. 2021 Т. 11. № 5А. – С. 466-471.

26.Шагбанова Х.С., Лыскова М.И. Влияние уровня знания русского языка на качество обучения китайских студентов в Российской Федерации // Представительная власть – XXI век. 2019. № 7-8. – С. 58-64.

Cooperation between China and Russia in joint educational programs

Wang Xiaohuan
Shenyang Ligong University

JEL classification: B00, D20, E22, E44, L23, L51, L52, M11, M20, M30, Z33

The article examines issues related to cooperation between China and Russia in education and science. The features and key principles of implementing joint educational programs are considered, important factors influencing modern approaches to learning are analyzed, such as digitalization, the transition to a hybrid learning model, and the use of student-centered technologies. It is concluded that digital technologies are used to personalize the learning process, control procedures for online exams or tests, check the level of knowledge and students' work, and perform other tasks. The author emphasizes that artificial intelligence technologies in general not only solve some important problems, but also form entire areas and areas that can be included in the learning process using learning design technologies.

The article also says that China and Russia have a long historical tradition of educational exchanges. In recent years, language cooperation and bilateral overseas education have continued to develop, multi-level joint education, which underlies economic globalization, has made significant progress, and educational cooperation, especially in higher education, has become more and more extensive, constantly showing a general development trend.

Keywords: joint educational programs, Russian-Chinese partnership, international innovation project, higher education, Russian-Chinese educational cooperation, hybrid teaching model

References

1. Aktamov I.G. Education for Sustainable Development in China: Regional Aspects // Social and Political Challenges of Modernization in the 21st Century: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference. Ulan-Ude, August 6–11, 2018 / Ed. Badaraev D.D. – Ulan-Ude: Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 2018. – P. 40–41.
2. Buzovskaya L.V., Bukreeva T.A., Popova A.V., Chernysheva L.A. Modern Trends in the Development of Foreign Language Education. – Kursk: ZAO University Book, 2022. – 84 p.
3. Wang B. The Role of Russian-Chinese University Consortia in the Development of an Innovative Environment for International Education [Electronic Resource] // Azimuth of Scientific Research: Economics and Management. 2019. Vol. 8. No. 2 (27). - P. 88-90. - URL: https://landraileiu.ru/wp-content/uploads/2023/04/ANI-EU-2019-2.pdf (date accessed: 03/09/2025).
4. Wang Xiaohuan Model of Propaganda of National Culture Abroad // Modern Pedagogical Education. 2021. No. 1. - P. 205-207.
5. Vorobyova E.S., Krakovetskaya I.V., Wang S., Nyurenberger L.B. Formation of Competitiveness of the Higher Education System of the PRC: Achievements, Problems and Prospects // Creative Economy. 2020. Vol. 14. No. 4. - P. 509-528.
6. Guruleva T.L., Bedareva N.I. Cooperation between Russia and China in the Field of Creating Network Universities and Joint Educational Institutions [Electronic resource] // Higher education in Russia. 2019. Vol. 28. No. 4. - P. 108-123. - URL: https://vovr.elpub.ru/jour/issue/view/70 (date of access: 03/09/2025).
7. Zatepyakin O.A. Features of economic relations in the field of education and education reform in Russia // Economics of education. 2010. No. 4 (59). - P. 24-36.
8. Zelezinskaya L.A. Double degree programs as a type of joint educational programs of Russia and China // Kant. 2024. No. 3 (52). - P. 297-304.
9. Kasimova A.R. Russian-Chinese relations in science and education at the present stage // Economy, statistics and informatics. Bulletin of UMO. 2013. No. 4. - P. 7-11.
10. Kozlova M.A., Makarova V.V., Anishchenko P.A. [et al.] Evaluation of the effectiveness of the author's model of cooperation between Russia and China in the field of higher education // Financial Economics. 2024. No. 7. - P. 191-194.
11. Krasnova G.A. Network interaction of universities: a comparative analysis of approaches to the implementation of the adapter programs in China and Russia // Bulletin of RUDN. Series: Informatization of education. 2016. No. 3. - P. 123-130.
12. Krutikov V.K., Kosogorova L.A., Yakunina V.A., Volkhin S.N. Russian-Chinese interaction in the digital sphere // Economy and entrepreneurship. 2023. No. 9 (158). - P. 224-227.
13. Lyubimov A.P., Ponomareva D.V., Barabashev A.G. Basic concepts of artificial intelligence. - M .: OOO "Sam Polygraphist", 2019 .-- 116 p.
14. Ma Hong. Prospects for joint Chinese-Russian use of educational resources (on the example of the activities of universities in border regions) // Pedagogical journal. 2022. Vol. 12. No. 2A. - P. 822-827. 15. Nian S. The state and prospects of cooperation between the Russian Far East and China in the field of education // Asia-Pacific region: economics, politics, law. 2022. Vol. 24. No. 4. - P. 81-90.
16. Law and economic development: topical issues: Monograph / VB Batievskaya, MV Kelekhsaeva, TE Sitokhova [et al.]; Ed. -in-chief E.V. Fomin. - Cheboksary: OOO "Publishing house" Sreda ", 2023. - 196 p.
17. Russia and China are actively developing cooperation in the field of science, higher education and youth policy // Ministry of Education and Science of the Russian Federation. 05.23.2024 [Electronic resource]. – URL: https://minobrnauki.gov.ru/press-

center/news/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo/83209/ (date of access: 09.03.2025).
18. Ryzhov VB Cooperation of the European Union with the states of the former Soviet Union in the field of education (on the example of the Erasmus+ program) [Electronic resource] // International law. 2019. No. 2. – P. 42-50. – URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=29830 (date of access: 09.03.2025).
19. Sorokina S.G., Musorina O.A. Using the Google classroom web platform to organize students' independent work // Organization of students' independent work in foreign languages. 2021. No. 4. - P. 211-216.
20. Tereshchenko T.M., Pravdikova A.V. Experience in the Development and Implementation of Russian-Chinese Educational Programs // Pedagogical Education in Russia. 2016. No. 10. - P. 38-42.
21. Filippov G.A., Repina A.V. Transfer of Educational Technologies: A Modern Look at the Entrepreneurial Activities of Universities [Electronic Resource] // Russian Economic Bulletin. 2022. Vol. 5. No. 2. - P. 100-108. - URL: https://kpfu.ru/staff_files/F_729739004/reb_t_5_2_2022.pdf (accessed: 03/09/2025).
22. Chernykh E.O., Semenov A.V. Socio-economic cooperation between Russia and China in organizing an international innovation project to provide distance education // Problems of Market Economy. 2020. No. 4. - P. 73-89.
23. Zhang S. Deepening economic cooperation between China, Mongolia and Russia: assistance joint development and prosperity [Electronic resource] // Forum of young scientists. 2024. No. 7 (95). - P. 57-61. - URL: https://www.forum-nauka.ru/_files/ugd/b06fdc_7c2c17be5d4c4dc3973f3522485f71a1.pdf?index=true (date of access: 03/09/2025).
24. Shagbanova H.S. Linguistic adaptation of foreigners: essence, structure and functions // Education and Law. 2019. No. 8. - P. 264-269.
25. Shagbanova H.S. Language competence in the online space in the 21st century // Pedagogical journal. 2021 Vol. 11. No. 5A. – P. 466-471.
26. Shagbanova H.S., Lyskova M.I. The influence of the level of knowledge of the Russian language on the quality of education of Chinese students in the Russian Federation // Representative power - XXI century. 2019. No. 7-8. – P. 58-64.

Цифровизация и ее роль в повышении эффективности работы вузов России

Гладилина Ирина Петровна
доктор педагогических наук, профессор, Университет Правительства Москвы, shtazi87@mail.ru

Дымный Сергей Сергеевич
кандидат экономических наук, Университет Правительства Москвы

Шаповалов Анатолий Вячеславович
кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права, Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина, anatolyinfo@mail.ru

Миндиярова Нина Ильинична
кандидат технических наук, доцент, доцент кафедры технологических машин и оборудования, Казанский национальный исследовательский технологический университет, niilmi@mail.ru

Червякова Марина Владимировна
старший преподаватель, Тихоокеанский государственный университет, m.tchervyakova@yandex.ru

С каждым днем все больше и больше профессий требуют владения высоким уровнем цифровых компетентностей для работы с современными технологиями, что создает определенный вызов для современной системы образования и науки, которая должна соответствовать мировым тенденциям цифрового развития и, соответственно, требует коренных цифровых изменений. В связи с этим актуальной задачей развития системы высшей школы становится цифровизация, обеспечивающая организационный, технологический, информационный, образовательный уровни высшего учебного заведения. В данной статье раскрываются особенности развития цифровой образовательной среды и анализируются преимущества цифровой трансформации вузов Российской Федерации, направленной на интеграцию цифровых технологий в систему высшего образования, что обеспечит эффективность и качество образовательной деятельности и удовлетворит информационные потребности участников образовательного процесса.
Ключевые слова: цифровизация, цифровая трансформация, цифровая образовательная среда, высшее учебное заведение, российская система высшего образования.

Глобальное проникновение цифровых технологий во все сферы жизнедеятельности человека и общества не оставило в стороне и систему высшего образования, изменив ориентиры развития высшей школы.

В новых реалиях социально-экономической политики Российской Федерации потребность цифровизации в сфере высшего образования является одной из насущных, поскольку «только «через обучение и подготовку совершенно новых специалистов с цифровым мышлением и цифровыми компетенциями» [5, с. 62] может обеспечить качественный переход к цифровому обществу, «инфраструктура которого функционирует посредством цифровых технологий (технологии больших данных и искусственного интеллекта, алгоритмов и алгоритмических систем, облачных вычислений и т.д.), а базовой формой организации и социального взаимодействия являются сетевые структуры и платформы» [2, с. 114].

Сегодня информационные образовательные системы (государственные и негосударственные) развиваются и несут дополнительную ценность в виде генерируемых и аккумулируемых данных. Существующие цифровые платформы в процессе работы и взаимодействии с участниками образовательного процесса накапливают большие объемы данных о поведении участников, которые впоследствии могут использоваться не только для оптимизации работы платформ, но и для создания новых продуктов и услуг [15].

Цифровизацию высших учебных заведений следует рассматривать как новый подход к организации учебно-воспитательного процесса, в основе которого лежит использование в работе вузов информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) - программного обеспечения, цифровых ресурсов и т.п. [6, с. 9].

Следует отметить, что цифровизацию применительно к условиям высшего образования зачастую воспринимают только в ракурсе модного образовательного тренда, довольствуясь ее поверхностным внедрением, например, используя в качестве визуализации учебного материала онлайн-ресурсы или цифровые площадки для оценивания знаний студентов и обработки данных. Но можно ли говорить о роли цифровизации в работе вузов при таком узком решении проблемы?

По мысли И.В. Кучерак, цифровую трансформацию высшей школы следует рассматривать как «внедрение новой образовательной парадигмы, построенной на кроссплатформенном формате с внедрением новейших методик, целью которой яв-

ляется направленность на результат - формирование ключевых компетентностей» [4, с. 91]. Цифровизация высшего образования - это процесс внедрения в учебную и воспитательную деятельность вузов цифровой формы представления информации учебного и управленческого характера, а также актуальных технологий ее хранения и обработки, позволяющих существенно повысить качество образовательного процесса и управления им на всех уровнях. Цифровизация в контексте трансформации системы высшего образования касается изменений технологических и учебных программ, внедрения новых методов и средств обучения, инновационных форм учебной деятельности, планирования работы вуза и оценивания результатов учебного процесса и т.п. В первую очередь необходимо стандартизировать образовательные технологии формирования базовых компетенций студентов, посредством системы цифровых методов и средств обучения, отвечающих запросам современного рынка труда и формирующих у студентов определенный опыт решения профессиональных задач с помощью цифровых технологий [16, 95]. Далее разработать и принять аттестационные нормативы по уровню сформированности цифровых компетенций выпускников вузов, с использованием знаний и опыта заинтересованных отраслей, ведущих компаний в соответствующих сегментах рынка труда.

Необходимость цифровизации российской образовательной сферы отражена в ряде нормативно-правовых документов, утверждение которых началось со второй декады третьего тысячелетия. Уже в Федеральном Законе № 273 «Об образовании в Российской Федерации», принятом 12 декабря 2012 года, было сказано, что «в организациях, осуществляющих образовательную деятельность, в целях обеспечения реализации образовательных программ должны формироваться библиотеки, в том числе цифровые (электронные), которые будут обеспечивать доступ к профессиональным базам данных, информационным справочным и поисковым системам, а также иным информационным ресурсам» [11, с. 59].

Большое влияние на развитие вузов России в контексте цифровизации общества оказал Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы», в котором одним из условий формирования информационного пространства была признана «разработка и реализация партнерских программ образовательных организаций высшего образования и российских высокотехнологичных организаций, в том числе по вопросу совершенствования образовательных программ» [7].

27 июля 2017 года распоряжением Правительства РФ была утверждена программа «Цифровая экономика Российской Федерации» [13], в которой цифровая трансформация системы образования была признана приоритетной целью, поскольку без широкого внедрения цифровых технологий в образовательный процесс невозможно подготовить специалиста, способного работать в условиях цифровизации экономических, социальных, культурных, информационных, политических и иных структур общественного развития.

Данная программа указывает, что уже сделано в рамках цифровизации высшей школы («расширяется применение цифровых технологий», «большинство образовательных организаций имеют выход в Интернет и представлены там на своих сайтах в соответствии с государственными требованиями», «ведется широкая подготовка кадров для цифровой экономики» [13]) и что еще предстоит сделать. В контексте последней проблемы сказано, что большинство российских вузов пока еще не могут быть целостно включены в цифровую информационную среду, поскольку в них «недостаточно активно применяются цифровые инструменты учебной деятельности» по причине серьезного дефицита научно-педагогических кадров, способных организовать учебный процесс с опорой на цифровые технологии [13].

Учитывая вышеупомянутые сложности реализации программы «Цифровая экономика Российской Федерации», в 2024 году количество выпущенных вузами специалистов, готовых умело использовать в своей будущей профессиональной деятельности цифровые технологии составило примерно 120 тыс. человек в год, что крайне мало.

На решение проблем в сфере цифровизации высшего образования направлен проект «Современная цифровая образовательная среда в Российской Федерации», паспорт которого был утвержден 25 октября 2016 года, хотя сам проект был введен в широкую эксплуатацию только Постановлением Правительства РФ № 1836 от 16 ноября 2020 г.

В проекте «Цифровая образовательная среда» была обозначена необходимость создания условий для цифровой трансформации всех образовательных учреждений. При этом подчеркивается, что создания отечественной цифровой платформы, в первую очередь, должно обеспечить информационно-коммуникационную инфраструктуру системы образования, т.к. от ее высокого качества и доступности, что возможно только в условиях его цифровой трансформации, зависят удовлетворение потребностей рынка труда и развития цифровой экономики государства [12].

В 2021 году Министерством образования и науки РФ была принята, а Правительством РФ утверждена «Стратегия цифровой трансформации отрасли науки и высшего образования» [10], направленная на цифровизацию государственных и негосударственных российских организаций высшего образования. В этом документе, имеющем особую значимость для развития цифровой образовательной среды, подчеркивается, что цифровая трансформация, которая рано или поздно затронет все высшие учебные заведения Российской Федерации (как государственные, так и частные) сделает следующее: «станет инструментом повышения качества образования, благодаря повсеместному внедрению практико-ориентированного подхода в обучении; позволит стране выйти из догоняющей пози-

ции, в позицию лидера, задающего тренды; позволит трансформировать процесс управления и существенно повысить качество принятия управленческих решений; объединит три сектора - экономики, науки и образования, которые не должны быть оторванными друг от друга; сделает работу вузов эффективнее, наладив бизнес-процессы и каналы коммуникации не только с подведомственными, но и общественными организациями» [10].

Все вышеупомянутые нормативно-правовые акты стимулируют процесс перевода высшего образовательного учреждения в цифровую среду, благодаря которой «создается цифровой двойник вуза, существующий в интернет-пространстве» [5, с. 62].

По мнению Г.И. Письменского и С.Ф. Сафоновой, «действующее в РФ законодательство в сфере образования, в основном, обеспечивает цифровую трансформацию образовательных организаций и достаточно динамично изменяется в соответствии с запросами цифровой экономики, что определяет вектор достижения ими цифровой зрелости» [9, с. 41].

Российские исследователи считают, что цифровизация, интегрированная в систему высшего образования, способствует консолидации образовательного процесса и делает его более гибким, приспособленным к реалиям современной, цифровой, эпохи. Как отмечают Н. Пиаттоева и Г. Гурова, необходимость широкого внедрения инновационных технологий в экономическую, социальную и другие сферы общественного развития требует широкой подготовки конкурентоспособных профессионалов, представляющих новое поколение, глубоко погруженное в цифровую среду [14, с. 173].

На наш взгляд, именно благодаря цифровизации, в высших учебных заведениях усиливается необходимость совершенствования организационных форм, методов, средств обучения, возможность создания действенного цифрового образовательного пространства. Но при этом цифровизация системы образования не должна сводиться к электронному обучению, в том числе и в дистанционном формате, к формированию цифровой компетентности участников образовательного процесса.

Итак, в соответствии с тенденциями развития цифровой эпохи, охватившими и систему высшего образования, все образовательные, научные, управленческие и другие процессы учреждения высшего образования к 2030 году должны полностью перейти в цифровую среду. Без цифровой трансформации заведение высшего образования не может эффективно организовать качественный образовательный процесс и дистанционную работу своих подразделений с документами, не может нормально функционировать в конкурентных условиях, что негативно влияет на студентов, преподавателей, сотрудников. Традиционные подходы к автоматизации деятельности вуза потеряли эффективность и уже не могут функционировать в изменившихся условиях цифрового общества. Автоматизированные системы обучения, управления, учета и т.д. не только не решают всех задач вуза, и еще и разделяют информационное пространство по отдельным «ячейкам», в соответствии с теми функциональными задачами, для решения которых нужна та или иная информация. А, как известно, разрозненные инструменты, которые не объединены в единую систему решения функциональных задач учреждения, не могут эффективно взаимодействовать в процессе реализации образовательных проектов и управленческих решений.

Чтобы развивать систему российского высшего образования в духе принятой «Стратегии цифровой трансформации», нужны новые подходы, новые концепции деятельности высших учебных заведений. Кроме того, сами вузы не должны остаться в стороне от процесса цифровизации высшего образования, а «инвестировать в развитие своей цифровой инфраструктуры, включая сетевые системы, облачные решения, системы безопасности» [8].

По мысли И.М. Каневской, цифровая трансформация в контексте учебной деятельности актуализирует потребность в проектировании и разработке цифровых образовательных ресурсов, что в свою очередь, требует решения таких задач, как: «ознакомление преподавателей с методиками использования цифровых технологий в образовательном процессе, в том числе, дистанционных и мобильных технологий; овладение профессорско-преподавательским составом вуза методами работы с цифровыми образовательными ресурсами; формирование готовности преподавателей к использованию и созданию цифровых технологий в образовательном процессе, включая информационную и кибернетическую безопасность; готовность к инновационной деятельности; овладение методикой педагогического проектирования цифровых образовательных ресурсов для достижения целей обучения» [3, с. 56].

Правда, следует отметить существенную разницу между уровнем цифровизации провинциальных и столичных вузов. Цифровые ресурсы вуза отражают информацию и отчетность по посещаемости студентами занятий, все аспекты взаимодействия профессорско-преподавательского состава с обучаемыми, все «плюсы» и «минусы» воспитательной и методической работы образовательной организации. Но, к сожалению, многие провинциальные вузы все еще работают «по старинке» и до них еще не дошли те принципы построения единой цифровой системы, принятые в крупных вузах Российской Федерации. Поэтому и возникает сейчас актуальная научная задача, которая заключается в разработке методов и моделей цифровизации всех высших учебных заведений России на основе объединения их функций, процедур и информационных баз в единую цифровую систему, отражающую деятельность всех субъектов образовательного процесса.

Первые шаги в этом направлении были сделаны в 2020 году, когда «на базе Университета Иннополис в Татарстане появился консорциум образовательных учреждений. В него входят 510 вузов, ссузов и организаций дополнительного профессионального образования из 81 региона России» [1]. Целью данного консорциума стало решение проблемы обучения кадров, владеющих цифровыми

технологиями, формирование IT-компетенций преподавателей и методистов вузов. В течение трёх месяцев на образовательной онлайн-платформе Иннополиса проходило обучение по программе курса «Цифровые технологии в преподавании профильных дисциплин».

В настоящее время «многие вузы Российской Федерации самостоятельно развивают цифровые сервисы. Так, в Воронежском государственном техническом университете внедряются новые системы для всех категорий сотрудников; студенты, обучающиеся по специальности «информационные технологии», привлекаются в проекты цифровизации университета; разрабатываются новые дополнительные программы по обучению цифровым компетенциям для преподавателей и студентов. В ближайших планах данного вуза - проект интеграции информационных систем университета и Федеральной налоговой службы для получения сведений о трудоустройстве выпускников и востребованности образовательных программ» [1]. В Государственном университете «Дубна» разработана и внедрена система нейролингвистического программирования (НЛП) и методов машинного обучения на основе компьютерного зрения для адаптивного предоставления учебно-методических материалов с учетом индивидуальных особенностей восприятия студентов. Разработанные алгоритмы показали высокие результаты применения в системах дистанционного обучения для повышения качества взаимодействия студентов с образовательной платформой и улучшения их образовательных результатов [17, с.83].

Итак, высшее образование не может оставаться в стороне от глобальных процессов цифровизации. Сейчас цифровизация образования становится императивом реформирования всей образовательной отрасли, главной и первоочередной задачей эффективного развития информационного общества. Более того, считается, что высшее образование - одна из крупнейших отраслей образовательной системы, которая имеет преимущества в плане получения значительных выгод от цифровой трансформации. Поэтому современная государственная политика в Российской Федерации определяет цифровизацию и цифровую трансформацию не только приоритетной частью реформы образования, но и частью национальной политики.

Литература

1. Вопрос выживания: как российские вузы проходят цифровую трансформацию // URL: https://www.interfax.ru/digital/816040.
2. Добринская Д.Е. Что такое цифровое общество? // Социология науки и технологий. - 2021. - Т. 12. - № 2. - С. 112-129.
3. Каневская И.М. Теоретические аспекты цифровизации высшего образования: проблемы и перспективы развития // Экономика и общество. - 2023. - № 53. - С. 53-58.
4. Кучерак И.В. Цифровизация и ее влияние на образовательное пространство в контексте формирования ключевых компетентностей // Теория и методика профессионального образования. - 2020. - Т. 2. - № 22. - С. 92-94.
5. Ларионов В.Г., Шереметьева Е.Н., Горшкова Л.А. Цифровая трансфомация высшего образования: технологии и цифровые компетенции // Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия: Экономика. - 2021. - № 2. - С. 61–69.
6. Михайлова Ф.Ф. Роль цифровизации образовательного процесса // Молодой ученый. - 2023. - № 46 (493). - С. 9-11.
7. О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы: Указ Президента РФ № 203 (от 09.05.2017) // URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102431687.
8. Павлова А. Университеты выходят в флагманы цифровизации // Российская газета. - 2023. - 7 июня [электронный ресурс].
9. Письменский Г.И., Сафонова С.В. Ведущие российские и зарубежные университеты в условиях цифровой трансформации образования // Человеческий капитал. - 2022. - Т. 2. - № 12 (168). - С. 37-47.
10. Стратегия цифровой трансформации отрасли науки и высшего образования» (от 14.06.2021) // URL: https://minobrnauki.gov.ru.
11. Федеральный закон от 29.12.2012 N 273-ФЗ (ред. от 19.12.2023) «Об образовании в Российской Федерации» // URL: http://static.kremlin.ru/media/acts/files/0001201212300007.pdf.
12. Цифровая образовательная среда: паспорт федерального проекта // URL: https://logia.su/upload/паспорт%20проекта%20ЦОС.pdf
13. Цифровая экономика Российской Федерации: программа // URL: http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf.
14. Piattoeva N., Gurova G. Digitalization of Russian Education: Changing Actors and Spaces of Governance // The Palgrave Handbook of Digital Russia Studies / Eds. D. Gritsenko, M. Wijermars, M. Kopotev. - Switzerland: Palgrave Macmillan, 2021. - Pp, 171-182.
15. Максименко А.Ю. Данные, генерируемые и аккумулируемые в информационных образовательных системах и возможности их использования//Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2024. № 7. С. 27-38.
16. Серебренникова А.В. Совершенствование юридического образования в эпоху цифровизации //Пробелы в российском законодательстве. 2024. Т. 17. №7. С. 090-097. DOI: 10.33693/2072-3164-2024-17-7-090-097. EDN:AJLAES
17. Живетьев А.В., Белов М.А. Адаптивная выдача учебно-методических материалов на основе моделей нейролингвистического программирования по результатам оценки позы учащегося за компьютером или в аудитории средствами машинного обучения // Computational Nanotechnology. 2024. Т. 11.

№ 3. С. 81-88. DOI: 10.33693/2313-223X-2024-11-3-81-88. EDN: QIUKZS

Digitalization and its role in improving the efficiency of higher education institutions in Russia

Gladilina I.P., Dymnyy S.S., Shapovalov A.V., Mindiyarova N.I., Chervyakova M.V.

Moscow Metropolitan Governance Yury Luzhkov University, Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin, Kazan National Research Technological University, Pacific National University

JEL classification: B00, D20, E22, E44, L23, L51, L52, M11, M20, M30, Z33

Every day more and more professions require a high level of digital competence to work with modern technologies, which creates a certain challenge for the modern system of education and science, which must comply with global trends in digital development and, accordingly, requires fundamental digital changes. In this regard, digitalization, which provides organizational, technological, informational, educational levels of higher education institution, becomes an urgent task of the higher education system development. This article reveals the features of the development of digital educational environment and analyzes the advantages of digital transformation of higher education institutions of the Russian Federation, aimed at the integration of digital technologies into the system of higher education, which will ensure the efficiency and quality of educational activities and meet the information needs of participants in the educational process.

Keywords*:* digitalization, digital transformation, digital educational environment, higher school, Russian higher education system.

References

1. A Question of Survival: How Russian universities are undergoing digital transformation // URL: https://www.interfax.ru/digital/816040.
2. Dobrinskaya D.E. What is the digital society? // Sociology of Science and Technology. - 2021. - Vol. 12. - No 2. - Pp. 112-129.
3. Kanevskaya I.M. Theoretical aspects of digitalization of higher education: problems and prospects of development // Economy and Society. - 2023. - No 53. - Pp. 53-58.
4. Kucherak I.V. Digitalization and its impact on the educational space in the context of the formation of key competencies // Theory and Methodology of Professional Education. - 2020. - Vol. 2. - No 22. - Pp. 92-94.
5. Larionov V.G., Sheremetyeva E.N., Gorshkova L.A. Digital transfomation of higher education: technologies and digital competencies // Bulletin of Astrakhan State Technical University. Series: Economics. - 2021. - No 2. - Pp. 61-69.
6. Mikhailova F.F. Role of digitalization of the educational process // Young scientist. - 2023. - No 46 (493). - Pp. 9-11.
7. The Strategy for the Development of Information Society in the Russian Federation for 2017-2030: Decree of the President of the Russian Federation № 203 (from 09.05.2017) // URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102431687.
8. Pavlova A. Universities are entering the flagships of digitalization // Russian Newspaper. - 2023. - June 7 [electronic resource].
9. Pismensky G.I., Safonova S.V. Leading Russian and foreign universities in the conditions of digital transformation of education // Human Capital. - 2022. - Vol. 2. - No 12 (168). - Pp. 37-47.
10. Strategy of Digital Transformation of the Science and Higher Education Sector" (dated 14.06.2021) // URL: https://minobrnauki.gov.ru.
11. Federal Law of 29.12.2012 No 273 (ed. of 19.12.2023) "On Education in the Russian Federation" // URL: http://static.kremlin.ru/media/acts/files/0001201212300007.pdf.
12. Digital Educational Environment: passport of the federal project // URL: https://logia.su/upload/паспорт%20проекта%20ЦОС.pdf.
13. Digital Economy of the Russian Federation: program // URL: http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf.
14. Piattoeva N., Gurova G. Digitalization of Russian Education: Changing Actors and Spaces of Governance // The Palgrave Handbook of Digital Russia Studies / Eds. D. Gritsenko, M. Wijermars, M. Kopotev. - Switzerland: Palgrave Macmillan, 2021. - Pp, 171-182.
15. Maksimenko A.Y. Data, Generated and Accumulated in Information Educational Systems and the Possibilities of Their Use. 2024. № 7. Pp. 27-38.
16. Serebrennikova A.V. Improving Legal Education in the Age of Digitalization // Gaps in Russian Legislation. 2024. Vol.17. №7. Pp. 090-097. (in Russ.). DOI: 10.33693/2072-3164-2024-17-7-090-097. EDN: AJLAES
17. Zhivetyev A.V., Belov M.A. Adaptive Delivery of Educational and Methodological Materials Based on Neurolinguistic Programming Models Based on the Results of Assessing the Student's Posture at the Computer or in the Classroom Using Machine Learning. Computational Nanotechnology. 2024. Vol. 11. No. 3. Pp. 81–88. (In Rus.). DOI: 10.33693/2313-223X-2024-11-3-81-88. EDN: QIUKZS

Оценка маркетингового влияния социальных сетей на качество предоставления фитнес услуг

Ефременко Елена Владимировна
доктор экономических наук, профессор, Луганский государственный университет имени Владимира Даля, efre-elen@mail.ru

Артемьев Борис Викторович
кандидат экономических наук, доцент, Луганский государственный университет имени Владимира Даля, artboris82@gmail.com

Предмет. Оценка маркетингового влияния социальных сетей на качество предоставления фитнес услуг.
Цели. Проведение оценки маркетингового влияния социальных сетей на качество предоставления фитнес услуг.
Результаты. Таким образом, маркетинг в социальных сетях оказывает положительное и значительное влияние на имидж бренда СК «Стимул», что указывает на то, что маркетинговые усилия через социальные сети эффективны в формировании положительного представления о бренде. Хотя маркетинг в социальных сетях не может напрямую влиять на удовлетворенность клиентов, он может оказывать косвенное влияние через имидж бренда.
Выводы. Дальнейшее развитие получили теоретические основы оценки влияния маркетинга в социальных сетях на качество предоставления фитнес услуг на основе методов вероятностной и целенаправленной выборки и модели структурного уравнения с частичным наименьшим квадратом с помощью программного обеспечения SMART PLS 4.0 установлено, что маркетинг в социальных сетях оказывает положительное и значимое влияние на имидж бренда и не оказывает положительного и значимого влияния на удовлетворенность клиентов, качество обслуживания оказывает положительное и значимое влияние на имидж бренда и на удовлетворенность клиентов, имидж бренда оказывает положительное и значительное влияние на удовлетворенность клиентов.
Ключевые слова: маркетинг, социальные сети, оценка, качество, фитнес-услуги, имидж, бренд, рынок услуг.

Введение. Распоряжением Правительства Российской Федерации от 24 ноября 2020 г. № 3081-р «Об утверждении Стратегии развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2030 года» определены стратегические направления развития спорта и физической культуры и как следствие, развитие фитнес индустрии и рынка фитнес услуг [1].

Прогнозируется в результате внедрения всех стратегических инициатив Стратегии развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2030 года повышение уровня вовлеченности населения в индустрию спорта и фитнес до 70-75% всего населения страны.

Компании сферы фитнес услуг должны создавать позитивные и приятные впечатления для клиентов, включая простоту доступа к услугам, удобство их предоставления, а также общую атмосферу и окружение, в которых предоставляются услуги. При высоком уровне конкуренции на рынке фитнес–услуг, где каждый фитнес–клуб пытается увеличить число своих клиентов путем удовлетворения их конкретных потребностей, вопрос об изучении комплекса маркетинга, безусловно, является актуальным [2, С. 266-273.].

Эффективная коммуникация и взаимодействие с клиентами также важны для создания и поддержания сильного имиджа бренда. Компании, занимающиеся обслуживанием, должны создать четкие и эффективные каналы коммуникации со своими клиентами, включая оперативную поддержку клиентов и дружелюбный, отзывчивый подход к вопросам и жалобам клиентов.

Уделяя приоритетное внимание взаимодействию с клиентами и коммуникации с ними, фитнес компании могут выстраивать прочные отношения со своими клиентами и еще больше укреплять имидж своего бренда.

В современной конкурентной среде необходимость в хорошо продуманном и узнаваемом брендинге для фитнес-клубов становится все более важной. Эффективная стратегия брендинга поможет выделить ваш клуб среди других и привлечь новых клиентов [3].

Фитнес-услуга – это комплекс мероприятий, построенный на основе научно обоснованных методов повышения физической активности и здоровья, а также на достижении спортивных результатов [4, С. 93-98.].

Удовлетворенность клиентов является важным аспектом успеха в сфере фитнес услуг, поскольку напрямую влияет на лояльность клиентов и устойчивость бизнеса.

Для достижения высокого уровня удовлетворенности клиентов компании сферы фитнес услуг должны стремиться предоставлять высококачественные продукты и услуги, которые соответствуют ожиданиям клиентов или превосходят их. Это требует глубокого понимания потребностей и предпочтений клиентов, а также стремления к постоянному улучшению качества обслуживания клиентов.

Удовлетворенность клиентов в сфере фитнес услуг часто зависит от двух ключевых факторов: качества обслуживания и общего впечатления от работы с клиентами.

Проблема совершенствования обслуживания клиентов очень актуальна, так как клиенты оставляют отзывы о предоставленных фитнес-услугах, а это влияет на рейтинг и репутацию той или иной сети или же отдельно взятого клуба [5].

Помимо предоставления качественного сервиса, создание позитивного и приятного впечатления от работы с клиентами может повысить лояльность клиентов.

Таким образом отметим, что удовлетворенность клиентов имеет решающее значение для успеха в сфере фитнес услуг. Чтобы удовлетворить своих клиентов, компании должны уделять приоритетное внимание качеству своих услуг, общему впечатлению от клиентов, а также эффективной коммуникации и взаимодействию с ними. Поступая таким образом, они могут повысить лояльность клиентов, увеличить количество постоянных клиентов и повысить эффективность своего бизнеса в целом.

Материалы и методы исследования. Для достижения целей исследования используются количественные методы, которые можно интерпретировать как методы исследования, основанные на философии позитивизма, используемые для исследования определенных групп населения или выборок, методы отбора проб, как правило, выполняются случайным образом, для сбора данных используются исследовательские инструменты, анализ данных является количественным / статистическим с целью тестирования заранее определенные гипотезы.

В этом исследовании используются четыре переменные, а именно маркетинг в социальных сетях, качество обслуживания, имидж бренда и удовлетворенность клиентов.

Результат. В этом исследовании используется выборка по принципу маловероятности с помощью метода целенаправленной выборки. Это неслучайный метод, при котором участники отбираются на основе определенных критериев, соответствующих целям исследования, а не на основе случайного отбора.

Критерии для респондентов, которые были отобраны в ходе этого исследования, были следующими:

1. Респонденты являются клиентами СК «Стимул»;
2. Респонденты являются подписчиками СК «Стимул» в социальных сетях.

Согласно C.G. Sevilla [6], одним из методов, используемых для определения значения выборки, является использование формулы Словина. Результаты расчетов, свидетельствует, что необходимый размер выборки, при генеральной совокупности 534 чел., составляет 102 чел.

Для обработки данных используется программное обеспечение SmartPLS SEM (моделирование структурных уравнений методом частичных наименьших квадратов) [7, С. 145-150.]. PLS обладает способностью объяснять взаимосвязи между переменными и проводить анализ в рамках одного теста.

В табл. 1. представлено частотное распределение респондентов в СК «Стимул».

Таблица 1
Частотное распределение респондентов в СК «Стимул»

Характеристики респондентов	Человек	Доля, %
Гендер		
Мужской	58	56,86
Женский	44	43,14
Возраст		
моложе 21 года	35	34,31
22-30 лет	42	41,18
31-40 лет	16	15,69
старше 40	9	8,82
Профессия		
студент	40	39,22
самозанятый	22	21,57
работник бюджетной сферы	22	21,57
работник реального сектора экономики	18	17,65
Абонемент		
на день	26	25,49
на месяц	76	74,51

Источник: [8]

Из приведенной табл. 1 стоит отметить, что большинство респондентов – мужчины в возрасте от 22 до 30 лет (41,18%), являются студентами (39,22%) и имеют ежемесячный абонемент (74,51%).

Авторы Азхар М., Хусейн Р., Хамид С. в своих научных исследованиях представили результаты оценки влияния маркетинга в социальных сетях (SMM) на намерение совершить покупку, доверие к бренду и лояльность к бренду [9].

Оценка валидности переменных для исследования влияния маркетинга в социальных сетях на качество предоставления фитнес услуг представлена в табл. 2.

Таблица 2
Оценка валидности переменных для исследования влияния маркетинга в социальных сетях на качество предоставления фитнес услуг

Переменная	Индикатор	Коэффициент загрузки	Средняя дисперсия
1	2	3	4
Маркетинг в социальных сетях	Маркетинг в социальных сетях1	0,691	0,615
	Маркетинг в социальных сетях2	0,753	
	Маркетинг в социальных сетях3	0,896	
	Маркетинг в социальных сетях4	0,773	
	Маркетинг в социальных сетях5	0,769	

	Маркетинг в социальных сетях6	0,803	
Качество обслуживания	Качество обслуживания1	0,832	0,744
	Качество обслуживания2	0,871	
	Качество обслуживания3	0,895	
	Качество обслуживания4	0,874	
	Качество обслуживания5	0,804	
	Качество обслуживания6	0,892	
Имидж бренда	Имидж бренда1	0,691	0,697
	Имидж бренда2	0,753	
	Имидж бренда3	0,896	
	Имидж бренда 4	0,773	
	Имидж бренда 5	0,769	
	Имидж бренда 6	0,803	
Удовлетворенность клиентов	Удовлетворенность клиентов1	0,817	0,742
	Удовлетворенность клиентов2	0,876	
	Удовлетворенность клиентов3	0,896	
	Удовлетворенность клиентов4	0,876	
	Удовлетворенность клиентов5	0,799	
	Удовлетворенность клиентов6	0,892	

Источник: [10, С. 311-317.]

В качестве рекомендаций по развитию как контента компании, так и потребительского контента можно предложить следующее: компаниям следует расширять использование социальных сетей в маркетинговой политике; необходимо предоставлять потребителю достаточную и полную информацию о продуктах и компании; важно правильно сочетать компоненты и параметры, делающие маркетинговую стратегию компании привлекательной и приемлемой для пользователей социальных сетей; для этой работы следует формировать рабочие группы, обновляющие контент социальных сетей и отслеживающие реакцию на него своих пользователей [11, С. 286-288.]

Благодаря эффективному внедрению программ маркетинга в социальных сетях компании могут создавать прочные и взаимовыгодные отношения со своими клиентами, повышая их удовлетворенность и стремление, а также создавая или укрепляя бренд [12].

Переменные, использованные в этом исследовании, такие как маркетинг в социальных сетях, качество обслуживания, имидж бренда и удовлетворенность клиентов, в каждом утверждении имеют значение коэффициента загрузки > 0,6, поэтому можно утверждать, что переменные соответствуют требованиям исследования.

Исходя из табл. 2, среднее значение переменной маркетинга в социальных сетях составляет больше 0,5 (0,615), значение переменной качества обслуживания больше 0,5 (0,744), значение переменной имиджа бренда больше 0,5 (0,697), а значение переменной удовлетворенности клиентов больше 0,5 (0,742). Эти результаты указывают на то, что каждая переменная обладает хорошей дискриминантной валидностью.

Следует отметить, что информация, получаемая в ходе маркетинговых исследований в социальных сетях, обладает не меньшей ценностью, чем данные, собираемые традиционными способами, и отвечает ключевым критериям полезности [13].

Пространство социальных сетей превращается сегодня в одну из главных сфер проявления социальной динамики, а сетевой медиаконтент – в базу данных социальной аналитики. Применение методов семантического анализа к исследованию корпуса сетевых медиатекстов позволяет оперативно выявлять стихийно формирующиеся, не вполне очевидные тенденции и формы их проявления, что, в свою очередь, является необходимым условием эффективного социального управления [14, С. 121-136.].

Актуальность исследования вопросов, связанных с маркетинговым анализом фитнес-клубов на рынке фитнес-услуг, обусловлена высокими темпами развития и популяризации фитнес-услуг и, как следствие, проявлением со стороны общества все большего интереса к ним [15, С. 81-95.].

В табл. 3 представлены результаты теста н надежность переменных для исследования влияния маркетинга в социальных сетях на качество предоставления фитнес услуг.

Фитнес-услуга – деятельность исполнителя услуг по удовлетворению потребностей потребителя в формировании, поддержании и укреплении здоровья, физической реабилитации, достижении спортивных результатов, услуги по организации и проведению физкультурно-оздоровительных и спортивно-зрелищных мероприятий [16, С. 45-55.].

Полученные суммарные значения надежности для каждой переменной превышают 0,7. В частности, суммарные значения надежности для маркетинга в социальных сетях, качества обслуживания, имиджа бренда и удовлетворенности клиентов составляют 0,906, 0,948, 0,948 и 0,935. Эти значения, превышающие пороговое значение 0,7, указывают на надежность четырех переменных.

Таблица 3
Результат теста на надежность переменных для исследования влияния маркетинга в социальных сетях на качество предоставления фитнес услуг

Переменная	Комплексная надежность	Альфа Кронбаха
Маркетинг в социальных сетях	0,906	0,875
Качество обслуживания	0,948	0,932
Имидж бренда	0,948	0,914
Удовлетворенность клиентов	0,935	0,931

Источник: [17, С. 3-9.]

Кроме того, как указано в табл. 3, результаты альфа-анализа Кронбаха по каждой переменной следующие: 0,875 для маркетинга в социальных сетях, 0,932 для качества обслуживания, 0,914 для имиджа бренда и 0,931 для удовлетворенности клиентов. Эти результаты демонстрируют, что каждая

переменная соответствует критериям Альфа Кронбаха (больше 0,7), подтверждая высокую надежность всех переменных в исследовании.

В табл. 4 представлены результаты анализа мультиколлинеарности переменных для исследования влияния маркетинга в социальных сетях на качество предоставления фитнес услуг.

Таблица 4
Результаты анализа мультиколлинеарности переменных для исследования влияния маркетинга в социальных сетях на качество предоставления фитнес услуг

Переменная	Имидж бренда	Удовлетворенность клиентов
Маркетинг в социальных сетях	4,345	4,472
Качество обслуживания	2,484	2,484
Имидж бренда		4,334
Удовлетворенность клиентов	3,671	

Источник: [18, С. 78-84.]

Влияние маркетинга в социальных сетях на имидж бренда составляет 4,345, влияние маркетинга в социальных сетях на удовлетворенность клиентов составляет 4,472, влияние качества обслуживания на имидж бренда составляет 2,484, влияние качества обслуживания на удовлетворенность клиентов составляет 2,484, а отношение имиджа бренда к удовлетворенности потребителей равно 4,334 и удовлетворенности потребителей на имидж составляет 3,671. Значение каждой переменной меньше 5, следовательно, мультиколлинеарность между переменными для исследования влияния маркетинга в социальных сетях на качество предоставления фитнес услуг отсутствует.

В табл. 5 представлены результаты тестирования прямого воздействия переменных для исследования влияния маркетинга в социальных сетях на качество предоставления фитнес услуг.

Таблица 5
Результаты тестирования прямого воздействия переменных для исследования влияния маркетинга в социальных сетях на качество предоставления фитнес услуг

Модель	Исходная выборка модели	Т статистика	Значение р
1	2	3	4
Оценивает влияние имиджа бренда на удовлетворенность клиентов	0,534	4,945	0,000
Оценивает влияние качества обслуживания на имидж бренда	0,421	4,601	0,000
Оценивает влияние качества обслуживания на удовлетворенность клиентов	0,278	2,924	0,004
Оценивает влияние маркетинга в социальных сетях на имидж бренда	0,568	6,275	0,000
Оценивает влияние маркетинга в социальных сетях на удовлетворенность клиентов	0,181	1,895	0,059

Источник: [19, С. 57-59.]

Анализ показывает, что наиболее значительное влияние на имидж бренда оказывает переменная маркетинга в социальных сетях, значение которой равно 6,275. На втором месте по значимости находится влияние переменной имиджа бренда на удовлетворенность клиентов, значение которой равно 4,945. Третьим по значимости фактором, влияющим на имидж бренда, является показатель качества обслуживания (4,601). Четвертым по значимости фактором, влияющим на удовлетворенность клиентов, является показатель качества обслуживания (2,924). Пятым по значимости фактором, влияющим на удовлетворенность клиентов, является переменная маркетинга в социальных сетях, значение которой равно 1,895.

Положительные значения коэффициента корреляции по всей модели указывают на благоприятную взаимосвязь между независимыми и зависимыми переменными, при этом более высокие значения указывают на более сильное влияние или корреляцию. Чтобы определить значимость, приведем дополнительные результаты анализа:

- результирующее значение переменной маркетинга в социальных сетях для имиджа бренда со статистикой t, равной 6,275, при значении р, равном 0,000, может быть объяснено статистическим значением t, равным 6,275 > t (таблица 1,96), или значением р, равным 0,000 < 0,05, таким образом, статистически изменяемая переменная маркетинга в социальных сетях оказывает значительное влияние на имидж бренда;
- результирующее значение переменной маркетинга в социальных сетях для удовлетворенности клиентов со статистическим значением t, равным 1,895, при значении р, равном 0,059, может быть объяснено статистическим значением t, равным 1,895 < t таблица 1,96, или значением р, равным 0,059 > 0,05, поэтому статистически переменная маркетинга в социальных сетях не имеет никакого влияния на удовлетворенность клиентов;
- результирующее значение переменной качества обслуживания для имиджа бренда со статистическим значением t, равным 4,601, при значении р, равном 0,000, может быть объяснено статистическим значением t, равным 4,601 > t, таблица 1,96, или значением р, равным 0,000 < 0,05, таким образом, статистически переменная качества обслуживания оказывает значительное влияние на имидж бренда;
- результирующее значение переменной качества обслуживания, влияющее на удовлетворенность клиентов, со статистическим значением t, равным 2,924, при значении р, равном 0,004, может быть объяснено статистическим значением t, равным 2,924 > t, таблица 1,96, или значением р, равным 0,004 < 0,05, таким образом, статистически переменная качества обслуживания оказывает значительное влияние на удовлетворенность клиентов;
- результирующее значение переменной имиджа бренда для удовлетворенности потребителей со статистикой t, равной 4,945, при значении р, равном 0,000, может быть объяснено статистическим значением t, равным 4,945 > t, таблица 1,96, или значением р, равным 0,000 < 0,05, таким образом, стати-

стически переменная имидж бренда оказывает значительное влияние на удовлетворенность потребителей.

В табл. 6 представлены результаты тестирования косвенного воздействия переменных для исследования влияния маркетинга в социальных сетях на качество предоставления фитнес услуг.

Таблица 6
Результаты тестирования косвенного воздействия переменных для исследования влияния маркетинга в социальных сетях на качество предоставления фитнес услуг

Показатели	Модель оценивает влияние качества обслуживания на удовлетворенность клиентов косвенно через имидж бренда	Модель оценивает влияние маркетинга в социальных сетях на удовлетворенность клиентов косвенно через имидж бренда
Исходная выборка модели	0,219	0,300
Среднее значение выборки	0,217	0,307
Стандартное отклонение	0,065	0,073
Т статистика	3,265	3,862
Значение р	0,001	0,000

Источник: [20, С. 19-26.]

Результаты, приведенные в табл. 6. свидетельствуют о том, что статистическое значение t равно 3,862, а значение р равно 0,000, и при коэффициенте 0,300 для влияния маркетинга в социальных сетях на удовлетворенность клиентов через имидж бренд имеет статистическое значение t 3,862 > t таблица 1,96 или значение р 0,000 < 0,05, а коэффициент показывает положительное направление, означает, что имидж бренда в социальных сетях влияет на удовлетворенность клиентов. Следовательно, имидж бренда может стать позитивным и существенным посредником между маркетингом в социальных сетях и удовлетворенностью клиентов.

Любой анализ влияния маркетинга в социальных сетях на удовлетворенность клиентов требует привлечения внимания к имиджу бренда. В этом контексте независимая переменная не может оказывать прямого и существенного влияния на зависимую переменную без привлечения посредника (полного посредничества).

Статистический анализ показывает, что t-значение равное 3,265, р-значение равно 0,001, а коэффициент равен 0,219. Имидж бренда служит посредником между качеством обслуживания и удовлетворенностью клиентов, о чем свидетельствует статистическое значение t, равное 3,265, которое превышает значение t-таблицы, равное 1,96, или значение р, равное 0,001, что ниже порога значимости 0,05. Положительный коэффициент, равный 0,219, означает, что имидж бренда играет положительную и важную роль посредника между качеством обслуживания и удовлетворенностью клиентов.

Можно констатировать, что существует влияние качества обслуживания на удовлетворенность клиентов, не обязательно через имидж бренда, где независимая переменная способна непосредственно и существенно влиять на исследуемую зависимую переменную без привлечения посредника или через него (частичное посредничество).

В результатах исследования рассматривается влияние маркетинга и сервиса в социальных сетях на удовлетворенность клиентов, обусловленную имиджем бренда. Результаты данного исследования основаны на проверке гипотез:

- результаты показывают, что маркетинг в социальных сетях существенно и положительно влияет на имидж бренда. Это согласуется с результатами проверки гипотезы, где t-статистика (6,275) превышает критическое значение (1,96), что указывает на существенный эффект в 0,568 при р-значении 0,000 (< 0,05). Следовательно, маркетинг в социальных сетях оказывает конструктивное и значительное влияние на имидж бренда.

- результаты показывают, что маркетинг в социальных сетях не оказывает положительного и существенного влияния на удовлетворенность потребителей. В соответствии с проверкой гипотезы, t-статистический показатель (1,895) меньше критического значения (1,96), что указывает на величину эффекта 0,181 при р-значении 0,059 (> 0,05). Следовательно, несмотря на привлекательный и эффективный характер маркетинга в социальных сетях, он не вносит существенного вклада в удовлетворенность клиентов;

- результаты показывают, что качество обслуживания оказывает положительное и значительное влияние на имидж бренда. Проверка гипотезы выявила, что t-статистический показатель (4,601) превышает критическое значение (1,96), что указывает на величину эффекта 0,421 при р-значении 0,000 (< 0,05). Следовательно, простота и качество обслуживания положительно влияют на формирование имиджа бренда компании;

- результаты показывают, что качество обслуживания оказывает положительное и значительное влияние на удовлетворенность клиентов. t-статистический показатель (2,924) превышает критическое значение (1,96), выявляя величину эффекта 0,278 при р-значении 0,004 (< 0,05). Следовательно, высококачественный сервис положительно и существенно влияет на удовлетворенность клиентов;

- результаты показывают, что имидж бренда оказывает положительное и значительное влияние на удовлетворенность клиентов. t-статистический показатель (4,945) превышает критическое значение (1,96), что указывает на величину эффекта 0,534 при р-значении 0,000 (< 0,05). Следовательно, устойчивый имидж бренда положительно и существенно влияет на удовлетворенность клиентов.

- результаты проверки гипотезы указывают на то, что имидж бренда служит посредником во взаимоотношениях между маркетингом в социальных сетях и потребителем удовлетворение. Это видно из статистического значения t, равного 3,862, что превышает 1,96, и значения р, равного 0,000, что меньше 0,05. Полученные результаты свидетельствуют о положительном и значительном опосредующем влиянии имиджа бренда на связь маркетинга в социальных сетях с удовлетворенностью клиентов.

Более того, анализ показывает, что влияние маркетинга в социальных сетях на удовлетворенность клиентов полностью определяется имиджем бренда. В этом контексте независимая переменная (маркетинг в социальных сетях) не оказывает прямого и существенного влияния на зависимую переменную (удовлетворенность клиентов), и это влияние предполагает или проходит через посредника (полное посредничество).

- результаты проверки гипотезы показывают, что имидж бренда играет опосредующую роль во взаимосвязи между качеством обслуживания и удовлетворенностью клиентов. Это подтверждается статистическим значением t, равным 3,265, что превышает 1,96, и значением p, равным 0,001, что меньше 0,05, что указывает на положительное и значительное опосредующее влияние имиджа бренда на связь качества обслуживания с удовлетворенностью клиентов. Исходя из полученных результатов, необходимо акцентировать внимание, что существует медиаторный анализ влияния качества обслуживания на удовлетворенность клиентов, опосредованный имиджем бренда, где независимая переменная способна непосредственно и существенно влиять на зависимую переменную (частичное опосредование).

На сегодняшний день клиенты, которые занимаются в СК «Стимул» и довольны предоставляемыми услугами, как правило, рекомендуют его другим, что доказывает тезис о том, что хороший имидж бренда также необходим для того, чтобы услуга пользовалась доверием потребителей.

Выводы. Таким образом, маркетинг в социальных сетях оказывает положительное и значительное влияние на имидж бренда СК «Стимул», что указывает на то, что маркетинговые усилия через социальные сети эффективны в формировании положительного представления о бренде. Хотя маркетинг в социальных сетях не может напрямую влиять на удовлетворенность клиентов, он может оказывать косвенное влияние через имидж бренда.

Маркетинговые усилия СК «Стимул» в социальных сетях могут быть недостаточными для полного удовлетворения потребностей клиентов, но все же могут помочь улучшить имидж бренда. В конечном счете, клиенты могут быть довольны своим опытом в СК «Стимул», если это согласуется с положительным имиджем бренда, который помог создать маркетинг в социальных сетях.

Согласно исследованию, СК «Стимул» может улучшить имидж своего бренда, предоставляя высококачественные услуги, которые не только повышают удовлетворенность клиентов, но и улучшают общее восприятие бренда. Исследование подчеркивает важную взаимосвязь между качеством обслуживания и удовлетворенностью клиентов, а имидж бренда выступает в качестве ключевого посредника между маркетингом в социальных сетях, качеством обслуживания и удовлетворенностью клиентов. Используя маркетинг в социальных сетях для продвижения качественного сервиса, СК «Стимул» может укрепить имидж своего бренда и повысить удовлетворенность клиентов.

Литература

1. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 24 ноября 2020 г. № 3081-р «Об утверждении Стратегии развития физической культуры и спорта в РФ на период до 2030 года» [Электронный ресурс]. – Режим доступа открытый: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74866492/

2. Асомчик А.А. Продвижение фитнес–услуг. Бюллетень науки и практики, 2016. №6. С. 266-273.

3. Брендинг для фитнес-клубов [Электронный ресурс]. – Режим доступа открытый: https://it-vacancies.ru/blog/brending-dlia-fitnes-klubov/

4. Румянцева А.О., Смольянинова Е.Н. Исследование потребительских предпочтений рынка фитнес-услуг города Владивостока. Вестник Алтайской академии экономики и права, 2023. № 7. С. 93-98.

5. Щербаков К.Е., Карфидова Т.Н. Основные факторы, влияющие на уровень обслуживания клиентов в фитнес-клубах. Материалы XV Международной студенческой научной конференции «Студенческий научный форум» [Электронный ресурс]. – Режим доступа открытый: https:scienceforum.ru/2023/article/2018034400">https://scienceforum.ru/2023/article/2018034400

6. Sevilla C.G. Research Methods. Rex Printing Company. Quezon City. Rex Bookstore, Inc., 2007. 333 p.

7. Белько И.В., Криштапович Е.А., Лапко В.В. Метод частных наименьших квадратов в моделях структурных уравнений. Экономика, моделирование, прогнозирование, 2015. №9. С. 145-150.

8. Спортивный клуб «Стимул» [Электронный ресурс]. – Режим доступа открытый: https://youdn.ru/place/121-sportivniy-klub-stimul

9. Азхар М., Хусейн Р., Хамид С. и др. Влияние маркетинга в социальных сетях на поведение при покупке туристических услуг онлайн после COVID-19: опосредующая роль доверия к бренду и лояльности к бренду. Futur Bus, 2023. J 9, 13. [Электронный ресурс]. – Режим доступа открытый: https://doi.org/10.1186/s43093-023-00192-6

10. Шиловский С.В. Влияние контента на вовлеченность потребителей в отношения с брендом в социальных сетях. Традиционные модели рекламы и современные исследования, анализ теории и выявление разрывов. Вестник Алтайской академии экономики и права, 2020. №3. С. 311-317.

11. Рудяга Е.В. Влияние социальных сетей на маркетинг и бизнес. World science: problems and innovations: Сборник статей LVI Международной научно-практической конференции. – Издательство: Наука и Просвещение. Пенза, 2021. С. 286-288.

12. Hanaysha J. The importance of social media advertisements in enhancing brand equity: A study on fast food restaurant industry in Malaysia. International Journal of Innovation, Management and Technology, 2016. № 7(2).

13. Куровский С.В., Ермакова Н.М., Мишин Д.А., Соснин Д.А. Роль лидеров мнений в эффективности

маркетинга влияния и продвижения бренда (на примере косметического ритейла). Вестник евразийской науки, 2024. Т. 16. № 1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа открытый: https://esj.today/PDF/29ECVN124.pdf

14.Галаганова С.Г., Турусина Т.В. Технологии анализа социальных сетей с целью выявления социальных трендов. Человеческий капитал, 2023. № 1(169). С. 121-136. DOI: 10.25629/HC.2023.01.14

15.Калиева О.М., Мантрова М.С., Иневатова О.А., Ватченко Д.А. Исследование предпочтений потребителей фитнес-услуг сообщества фитнес-клуба. Экономические науки, 2021. №1(194). С. 81-95. DOI: 10.14451/1.194.85

16.Билюк А.А., Гончарова Н.Ю. Использование одного из инструментов SMM для продвижения онлайн фитнес-услуг. Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Экономика, 2019. №2. С. 45-55. DOI: 10.18384/2310-6646-2019-2-45-55

17.Перцовский Н.И., Галимов Р.Р. Оценка эффективности проведения маркетинговых исследований в социальных сетях. Практический маркетинг, 2014. №5(207). С. 3-9.

18.Орлова И.В. Подход к решению проблемы мультиколлинеарности с помощью преобразования переменных. Фундаментальные исследования, 2019. № 5. С. 78-84.

19.Меньшенина А.А. Эффективность использования социальных сетей для продвижения фитнес-клуба «FITNESSLAND». Международный научный журнал «Вестник науки», 2023. №2(59). Т. 4. С. 57-59.

20.Кметь Е.Б. Особенности продвижения фитнес-клубов в социальных сетях. Практический маркетинг, 2024. №8 (326). С. 19-26.

Assessment of the marketing impact of social networks on the quality of fitness services

Efremenko E.V., Artemyev B.V.
Vladimir Dahl Lugansk State University

JEL classification: B00, D20, E22, E44, L23, L51, L52, M11, M20, M30, Z33

Subject. Assessment of the marketing impact of social networks on the quality of fitness services.

Purposes. Conducting an assessment of the marketing impact of social networks on the quality of fitness services.

Conclusions. The theoretical foundations for assessing the impact of social media marketing on the quality of fitness services were further developed based on probabilistic and targeted sampling methods and a partial least square structural equation model using SMART PLS 4.0 software. It was found that social media marketing has a positive and significant impact on brand image and does not have a positive and significant impact. on customer satisfaction, The quality of service has a positive and significant impact on brand image and customer satisfaction, brand image has a positive and significant impact on customer satisfaction.

Keywords: marketing, social networks, evaluation, quality, fitness services, image, brand, service market.

References

1. Decree of the Government of the Russian Federation dated November 24, 2020 No. 3081-r «On Approval of the Strategy for the Development of Physical Culture and Sports in the Russian Federation for the period up to 2030» [Electronic resource]. – The access mode is open: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74866492/ (In Russ.)
2. Asomchik A.A. [Promotion of fitness services]. Byulleten' nauki i praktiki =Bulletin of Science and Practice, 2016, No. 6, pp. 266-273. (In Russ.)
3. Branding for fitness clubs [Electronic resource]. – The access mode is open: https://it-vacancies.ru/blog/brending-dlia-fitnes-klubov/ (In Russ.)
4. Rumyantseva A.O., Smolyaninova E.N. [Research of consumer preferences of the fitness services market in Vladivostok]. Vestnik Altajskoj akademii ekonomiki i prava=Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law, 2023, No. 7, pp. 93-98. (In Russ.)
5. Shcherbakov K.E., Karfidova T.N. [The main factors influencing the level of customer service in fitness clubs]. Materialy XV Mezhdunarodnoj studencheskoj nauchnoj konferencii «Studencheskij nauchnyj forum»=Materials of the XV International Student Scientific Conference "Student Scientific Forum" [Electronic resource]. – The access mode is open: https:scienceforum.ru/2023/article/2018034400 ">https://scienceforum.ru/2023/article/2018034400 (In Russ.)
6. Sevilla S.G. Research Methods. Rex Printing Company. Quezon City. Rex Bookstore, Inc., 2007, 333 p.
7. Belko I.V., Krishtapovich E.A., Lapko V.V. [The method of partial least squares in models of structural equations]. Ekonomika, modelirovanie, prognozirovanie= Economics, modeling, forecasting, 2015, No. 9, pp. 145-150. (In Russ.)
8. Sports club «Stimul» [Electronic resource]. – The access mode is open: https://youdn.ru/place/121-sportivniy-klub-stimul (In Russ.)
9. Azhar M., Hussein R., Hamid S. and others. [The impact of social media marketing on online travel buying behavior after COVID-19: the mediating role of brand trust and brand loyalty]. Futur Bus=Futur Bus, 2023, Vol. 9, 13. [Electronic resource]. – The access mode is open: https://doi.org/10.1186/s43093-023-00192-6 (In Russ.)
10. Shilovsky S.V. [The influence of content on consumer engagement in brand relations in social networks. Traditional advertising models and modern research, theory analysis and gap identification]. Vestnik Altajskoj akademii ekonomiki i prava=Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law, 2020, No, 3, pp. 311-317. (In Russ.)
11. Rudyaga E.V. [The influence of social networks on marketing and business. World science: problems and innovations]: Sbornik statej LVI Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii=Collection of articles of the LVI International Scientific and Practical Conference. – Publisher: Science and Enlightenment. Penza, 2021, pp. 286-288. (In Russ.)
12. Hanaysha J. [The importance of social media advertisements in enhancing brand equity: A study on fast food restaurant industry in Malaysia]. International Journal of Innovation, Management and Technology, 2016, Vol. 7(2).
13. Kurovsky S.V., Ermakova N.M., Mishin D.A., Sosnin D.A. [The role of opinion leaders in the effectiveness of marketing influence and brand promotion (using the example of cosmetics retail)]. Vestnik evrazijskoj nauki=Bulletin of Eurasian Science, 2024, Vol. 16, No. 1. [Electronic resource]. – The access mode is open: https://esj.today/PDF/29ECVN124.pdf (In Russ.)
14. Galaganova S.G., Turusina T.V. [Technologies for analyzing social networks in order to identify social trends]. Chelovecheskij kapital=Human Capital, 2023, No. 1(169), pp. 121-136. DOI: 10.25629/HC.2023.01.14 (In Russ.)

15. Kalieva O.M., Mantrova M.S., Inevatova O.A., Vatchenko D.A. [Research of preferences of consumers of fitness services of the fitness club community]. Ekonomicheskie nauki=Economic Sciences, 2021, No, 1(194), pp. 81-95. DOI: 10.14451/1.194.85 (In Russ.)
16. Bilyuk A.A., Goncharova N.Yu. [Using one of the SMM tools to promote online fitness services]. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Ekonomika=Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Economics, 2019, No. 2, pp. 45-55. DOI: 10.18384/2310-6646-2019-2-45-55 (In Russ.)
17. Pertsovsky N.I., Galimov R.R. [Evaluation of the effectiveness of marketing research in social networks]. Prakticheskij marketing=Practical Marketing, 2014. No.5(207). pp. 3-9. (In Russ.)
18. Orlova I.V. [An approach to solving the problem of multicollinearity using variable transformation]. Fundamental'nye issledovaniya=Fundamental Research, 2019, No. 5, pp. 78-84. (In Russ.)
19. Menshenina A.A. [The effectiveness of using social networks to promote the fitness club «FITNESSLAND»]. Mezhdunarodnyj nauchnyj zhurnal «Vestnik nauki»=International scientific journal «Bulletin of Science», 2023, №2(59), Vol. 4, pp. 57-59. (In Russ.)
20. Kmet E.B. [Features of promotion of fitness clubs in social networks]. Prakticheskij marketing=Practical Marketing, 2024, No. 8 (326), pp. 19-26. (In Russ.)

Инновационная деятельность фирмы в развитии экономики: международные аспекты

Курносова Татьяна Ивановна
К.э.н., доцент кафедры экономической теории МГИМО МИД РФ, tk7641437@mail.ru

Филиппов Алексей Геннадьевич
старший консультант, ООО «СК Капитал», alexey.g.philippov@gmail.com

Работа посвящена задаче обновления научных представлений по поводу концепции фирмы с учетом ее роли ключевого субъекта инновационной трансформации экономики и на основе систематизации и осмысления международных аспектов развития инновационной деятельности фирмы. На основе критического осмысления материалов, приведенных в исследовательской литературе, статистических сведений и различных кейсов, рассмотрена идея о том, что в условиях инновационной экономики фирма становится не только производственным, но и когнитивным агентом, генерирующим новые знания, активно взаимодействующим с внешней средой и формирующим экосистемы. Обобщены направления и приведены примеры трансформационного влияния инновационной деятельности фирмы на экономику развитых стран, выделены новые черты и функции инновационных фирм, включая способность выступать платформой либо пригодность для результативного платформенного взаимодействия), способность становиться центрами формирования инновационных экосистем, а также функции по управлению знаниями, актуальные в инновационной экономике. Констатируется, что экономическая теория должна адаптироваться к новым реалиям, предлагая концептуальные модели, объясняющие роль фирмы в условиях глобальных изменений. Современная теория фирмы с учетом международного опыта органично дополняется концепциями платформенной организации и формирования инновационных экосистем, в которых ключевыми активами становятся данные и знания.

Ключевые слова: инновационная деятельность фирмы, инновационные фирмы, агенты трансформации экономики, новая теория фирмы, инновационные модели бизнеса, международные модели инноваций, новый технологический уклад

Введение

Актуальность темы исследования объясняется возрастающей ролью инноваций в обеспечении устойчивого экономического роста, структурной трансформации и повышения конкурентоспособности национальных экономик. В современных условиях глобализации и цифровой трансформации экономических процессов, в значительной мере обусловленных ускорением технологического прогресса и изменением характера конкуренции, возникает необходимость в пересмотре и уточнении отдельных концептуальных положений теории инновационной экономики, переосмысления роли фирмы как экономического агента, способного генерировать и распространять знания, а также формировать новые рынки и трансформировать существующие отрасли.

В актуальных российских условиях значимость активного использования инновационного потенциала компаний и корпораций усиливается необходимостью обеспечения технологического суверенитета и реализации политики импортозамещения для преодоления негативных последствий санкционного давления и реализации комплекса действий по скорейшему решению системно-структурных проблем и диспропорций, сдерживающих экономический рост и негативно влияющих на устойчивость траекторий социально-экономического развития. Решение соответствующих задач требует активизации инновационной деятельности отечественных фирм для создания конкурентоспособных решений, способных заменить импортные аналоги и обеспечить независимость от внешних поставщиков.

Затрагиваемая в настоящем исследовании научная проблема связана с острой необходимостью концептуального осмысления изменений, происходящих в функционировании фирм в условиях инновационной экономики, в том числе в направлении пересмотра традиционных моделей фирмы, которые исторически акцентировали внимание на минимизации издержек и максимизации прибыли в условиях заданных производственных функций.

Предлагаемое исследование основывается на научной предпосылке о том, что в условиях инновационной экономики фирма становится не только производственным, но и когнитивным агентом, генерирующим новые знания, активно взаимодействующим с внешней средой и формирующим экосистемы.

Целью работы выступает обновление научных представлений об инновационной деятельности фирмы в развитии экономики на основе систематического исследования международных аспектов трансформаций экономической роли фирмы.

Инновационные фирмы как ключевые агенты трансформации в развитых экономиках

За последнее десятилетие произошли принципиальные перемены в трансформационной роли инновационных фирм в крупнейших экономиках мира. Следует отметить, что во второй половине XX века деятельность инновационных фирм справедливо рассматривалась как шанс для прорыва развивающихся экономик [1; 2; 3]. Это было связано с доступностью технологий, которые могли быть адаптированы к местным условиям, а также с возможностью интеграции в глобальные цепочки добавленной стоимости через стратегии, преимущественно ориентированные на экспорт.

Однако с конца XX века ситуация в инновационной экономике развитых стран мира откатывается на позиции начала прошлого столетия, когда доминирование крупных корпораций и их способность контролировать ключевые сегменты рынка ограничивали возможности для появления новых игроков, а концентрация капитала и технологий усиливала барьеры входа на рынок для малых и средних предприятий. В последующие годы инновационные трансформации стали происходить еще более ускоренными темпами, апофеоз которых приходится на период продолжающейся ныне цифровой революции, стартовавшей на рубеже 2000-х – 2010-х годов.

В современных развитых экономиках происходит (и во многом к текущему моменту уже завершён) переход от индустриальной к постиндустриальной модели экономики, в которой основными факторами производства выступают знание и информация. Драйверами цифровой трансформации становятся инновационные фирмы, деятельность которых приводит к созданию новых рынков, таких как рынок цифровых услуг, искусственного интеллекта и биотехнологий.

Наиболее значимые цифровые трансформации бизнеса включают автоматизацию производственных процессов, переход к платформенной экономике и развитие концепции устойчивого развития, что требует от фирм интеграции экологических и социальных факторов в свою корпоративную стратегию [4; 5; 6].

Направления трансформационного влияния инновационной деятельности фирмы на экономику развитых (и многих развивающихся) стран многообразны. С учетом наиболее значимых влияний, соответствующие сведения и их ключевые характеристики сведены в Табл. 1.

Необходимо отметить, что, реализуя соответствующие направления, инновационная деятельность фирм оказывает комплексное воздействие на экономику развитых стран, способствуя структурным изменениям в отраслях, созданию новых рынков и рабочих мест, повышению производительности труда и формированию современных систем управления, что подчеркивает ключевую роль фирм, ориентированных на инновации, в обеспечении устойчивого экономического развития.

Новые характеристики и функции фирмы в современной инновационной экономике

С учетом изложенного, представляется важным рассмотреть, какие новые черты и функции фирм актуальны в условиях инновационной экономики. Одной из ключевых функций становится **управление знаниями**. Современная фирма, осуществляющая активную инновационную деятельность, не только аккумулирует внутренние ресурсы знаний, но и активно взаимодействует с внешними источниками – университетами, стартапами и другими участниками экосистемы. В этом смысле управление знаниями становится задачей в том числе тех фирм и прочих экономических агентов, которые напрямую не формулируют стратегические цели собственного инновационного развития и не основывают ключевые бизнес-процессы на инновационной деятельности, однако в силу развития экосистемного подхода в экономике, комплексно вовлечены в процессе приращения знания и практического опыта.

Таблица 1

Направления влияния трансформационного влияния инновационной деятельности фирмы на экономику развитых стран

Направления влияния	Примеры
Содействие трансформации отраслей через внедрение новых технологий	Цифровизация финансового сектора привела к появлению финтех-компаний, изменив контуры финансового рынка и обусловив явление реинтермедиации, трансформирующее традиционные модели финансово-экономических отношений
Формирование новых рынков и новых рабочих мест в трансформирующейся цепочке создания добавленной стоимости	Рынок электромобилей, возглавляемый такими компаниями, как Tesla, стимулирует развитие смежных отраслей – от производства аккумуляторов до инфраструктуры зарядных станций
Радикальное повышение производительности труда	Компании, активно инвестирующие в исследования и разработки, демонстрируют более высокие темпы роста выработки на одного работника. Однако влияние на занятость неоднозначно: автоматизация (цифровизация) может сокращать рабочие места в традиционных секторах, одновременно создавая спрос на высококвалифицированных специалистов
Образование гибких и адаптивных систем управления фирмами	Повсеместное тиражирование и масштабирование с практическим внедрением принципов agile-менеджмента и использованием цифровых платформ для оптимизации бизнес-процессов, что позволяет быстро адаптироваться к изменениям спроса и технологическим вызовам
Развитие экосистемного подхода в межфирменном взаимодействии	Инновационные фирмы становятся центрами формирования экосистем, объединяющих множество участников – от стартапов до университетов и государственных институтов. Экосистемы формируют рыночную синергию, позволяя существенно снижать издержки, интенсифицировать инновационную деятельность, вовлекать в создание добавленной стоимости все большее число участников, а также наилучшим образом реализовывать опережающие обязательства, принятые фирмами в рамках реализации корпоративной социальной ответственности

Источник: Составлено авторами.

Тем самым, другой важной чертой современной фирмы-инноватора является ее **способность выступать платформой для взаимодействия различных участников рынка**, либо **пригодность для результативного платформенного взаимодействия.** Примером эффективных платформенных интеграторов в современной мировой экономике выступают такие корпорации, как Amazon или Alibaba, которые не просто продают товары (в данном конкретном случае – в рамках бизнес-процессов электронной коммерции), но создают платформы для взаимодействия продавцов и покупателей. Не менее важная роль в развитии экономики в условиях бума инновационной деятельности и нового технологического уклада отводится прочим участникам платформенного взаимодействия, на которых возлагаются, помимо прочего, функции разработки специализированных решений для повышения эффективности платформ, стимулирования конкурентоспособности участников экосистемы и обеспечения их интеграции в глобальные рынки.

Еще одна новая черта модели современной фирмы касается компаний – интеграторов и одновременно инициаторов партнерства по цепочке создания ценности в инновационной экономике. Некоторые подобные фирмы становятся **центрами формирования инновационных экосистем**. В качестве примера могут быть приведены такие ныне глобальные корпорации, как Apple или Google, предпринимательский успех которых основан на выстраивании вокруг себя сети разработчиков и прочих партнеров.

Многообразие подходов к развитию инновационной деятельности фирм и их влиянию на экономику развитых стран

Международный опыт характеризует исключительное многообразие подходов к развитию инновационной деятельности фирм и их влиянию на экономику развитых стран, которые в своей совокупности образуют отдельные типичные модели с разной степенью результативности и практической применимости в конкретных страновых условиях. Соответствующие международные подходы могут быть с определенной условностью разделены на три базовых типа моделей развития, систематизированных на Рис. 1 и более подробно описанных далее.

Американская модель развития инновационной деятельности фирм основана на активном применении венчурного капитала, формировании технологических экосистем, инновационном развитии на основе корпоративных инициатив, активного вовлечения университетов в процессы коммерциализации инноваций, а также продуктивной деятельности частных инновационных хабов.

Венчурный капитал выступает основой инновационного развития американских фирм, при этом сфера его привлечения и размещения, механизмы контроля эффективности имеют ряд специфических черт, которые позволяют венчурному капиталу замещать средства государственного финансирования инноваций, активно привлекаемые для стимулирования инновационного развития и обеспечения расширенного воспроизводства инноваций. Более того, в последнее десятилетие наблюдается смещение пропорций в структуре финансирования инновационных фирм США с нарастанием доли венчурного финансирования – с 29,4% в 2014 году до 35,3% в 2023 году [7, P. 11]. Структура источников финансирования инновационных фирм США, сложившаяся в настоящее время, включает 35,2% венчурных средств, 28,9% средств собственников; 19,7% оборотных средств и капитализированной прибыли, 10,2% кредитов и займов, 6,0 % прочих источников [7, P. 11, 26–28], см. Рис. 2.

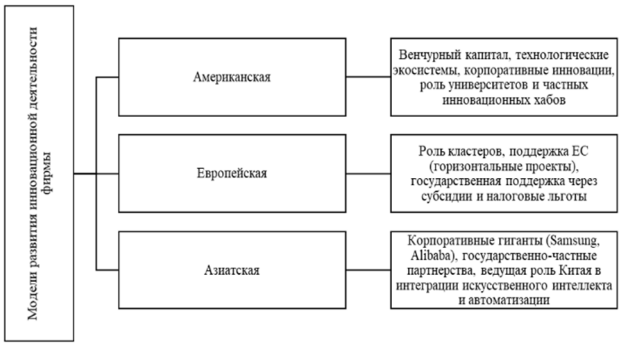

Рис. 1. Ключевые международные модели развития инновационной деятельности фирмы
Источник: Составлено авторами

Привлечение и размещение венчурного капитала в США характеризуются высокой степенью адаптивности к условиям рыночной среды, что позволяет минимизировать риски, связанные с финансированием инновационных проектов.

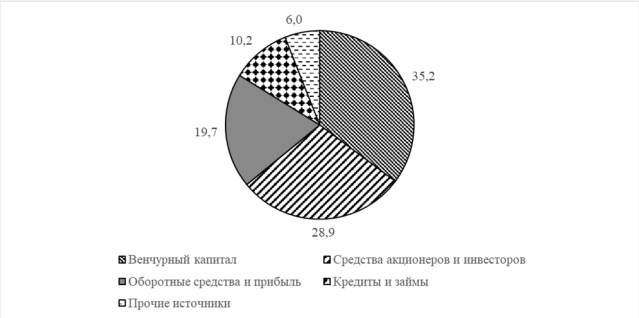

Рис. 2. Структура источников финансирования инновационных фирм США (2024 г., или более ранний период, если не применимо), %
Источник: расчеты авторов на основе [7, P. 11, 26-28]

Как известно, в отличие от традиционных источников государственного финансирования, венчурный капитал обеспечивает гибкость и оперативность в принятии решений, что особенно важно в условиях быстро меняющейся технологической конъюнктуры. Именно это обстоятельство позволяет американской экономике, традиционно получающей крайне ограниченную поддержку от государства, стать глобальным лидером цифрового технологического развития в ходе новейшей индустри-

альной революции. Уникальность механизмов венчурного финансирования, применяемых в США, заключается, помимо прочего, в сочетании институциональной поддержки стартапов и высокой степени вовлеченности инвесторов в управление проектами. Венчурные фонды не только предоставляют финансовые ресурсы, но и активно участвуют в стратегическом планировании, маркетинговом сопровождении и формировании партнерских связей для инновационных компаний, в результате ускоряя процесс масштабирования бизнеса, а также обеспечивая приложение максимально возможных и разумных усилий для того, чтобы результативность их деятельности не зависела от случайного успеха одного из множества стартапов, а обеспечивалась устойчивыми эффектами от практически каждого поддерживаемого начинания с минимальным числом их неудач [8; 9; 10; 11]. Кроме того, следует отметить, что американская модель венчурного финансирования характеризуется высоким уровнем предметной специализации венчурных фондов, которые концентрируются на отдельных отраслях или стадиях развития стартапов, систематически накапливая ключевые компетенции для грамотного отбора фирм и создания условий для их высоко продуктивной и максимально результативной деятельности.

Наряду с венчурным финансированием, одним из ключевых факторов успеха американской модели активации инновационной деятельности фирм выступает активное формирование экономически устойчивых и высокопроизводительных территориальных технологических экосистем фактически без государственного участия. Ярким примером территориальной концентрации высокотехнологичных компаний, стартапов, инвесторов и исследовательских институтов, формирующей уникальную экосистему для генерации и коммерциализации инноваций, выступает знаменитая Кремниевая долина. Специфические характеристики американской модели формирования технологических экосистем включают, прежде всего, создание и устойчивое поддержание развитой инфраструктуры взаимодействия между участниками, наличие благоприятной регуляторной среды, а также высокий уровень социальной мобильности и предпринимательской культуры [12; 13; 14]. Соответствующие факторы способствуют формированию синергетического эффекта от функционирования технологических экосистем, который выражается в ускорении темпов научно-технического прогресса и создании новых рынков.

В инновационной системе США значительную, порой определяющую, роль играют независимые исследовательские университеты (например, Массачусетский технологический институт (MIT) и Стэнфордский университет), которые, располагая масштабной научной и технической базой, а также достаточно широкими финансовыми возможностями (в том числе за счет доходов от инновационной деятельности), не только генерируют фундаментальные знания, но и активно вовлечены в коммерциализацию научных разработок. Американская модель вовлечения исследовательских университетов в коммерциализацию инноваций предусматривает активное участие университетов в создании спин-офф компаний, заключении лицензионных соглашений и привлечении инвестиций через венчурные фонды, что, в свою очередь дает возможность университетам не только обеспечивать устойчивое финансирование собственной научной деятельности, но и интегрироваться в глобальные цепочки добавленной стоимости. Примечательно, что в начале 2020-х годов в структуре доходов крупнейших исследовательских университетов США и соседней Канады доля чистых доходов, получаемых от коммерциализации собственной инновационной деятельности, в операционной прибыли, достигла исторического максимума в 44,5%, с более чем четырехкратным ростом за первые два десятилетия XXI века [15].

Значительное влияние на развитие инновационной экономики США имеют корпоративные инновации крупных компаний (корпораций), которые зачастую не ограничиваются собственными нуждами и операционными потребностями, но также включают долгосрочное инвестирование в фундаментальные исследования. В данном контексте весьма иллюстративным представляется пример компаний, работающих в сфере генеративного искусственного интеллекта и поставляющих свои разработки за плату на открытый рынок. Такие компании, как Open AI* (принадлежит корпорации Meta, признанной экстремистской организацией в России) рассматриваются как потенциальные лидеры будущей инновационной экономики [16; 17] Коммерциализированные инновации, как программное обеспечение и иные продукты, готовые к массовому потреблению, являются своеобразной «внешней оболочкой» инновационной деятельности американских компаний, за которой скрываются масштабные инвестиции в академические исследования и предоставление рынку отдельных платформенных сервисов с открытым кодом, что позволяет вносить вклад и в фундаментальную науку, и в развитие инновационной активности экономики в целом, а также принесет безусловные долгосрочные положительные эффекты для корпораций – инвесторов и инициаторов соответствующих проектов в виде максимально благоприятной среды инновационного развития.

Вместе с инвестированием в НИОКР, многие крупные компании США, прежде всего, из числа отраслей, относящихся к экономике знаний, такие как Apple или Google, для стимулирования предпринимательской активности сотрудников создают внутренние инкубаторы и акселераторы. Принципы действия этих институтов внутрифирменного интрапренерства включают предоставление сотрудникам доступа к ресурсам компании, в том числе исследовательскую инфраструктуру, необходимое финансирование (до 100%), опыт (сотрудников) и технологии, а также создание условий для реализации инновационных идей без необходимости выхода за пределы корпоративной структуры [12; 18]. Пред-

ставленный подход позволяет американским фирмам, и, прежде всего, крупным компаниям (корпорациям) не только удерживать талантливых сотрудников, но также создавать новые направления бизнеса с высокой добавленной стоимостью.

Быстрому росту стартапов способствуют частные инновационные хабы и акселераторы, такие как Y Combinator, обеспечивающие новые инновационные фирмы финансированием, менторством и способствуя их скорейшему выводу на глобальные рынки. Концептуальным отличием американского механизма деятельности частных инновационных хабов и акселераторов выступает их ориентация на создание глобально конкурентоспособных компаний, что преимущественно достигается за счет интенсивного менторства, обеспечения прямого доступа к широким сетям инвесторов и партнеров, а также акцента на быстром масштабировании бизнеса в предоставляемых мерах содействия и поддерживаемых стратегиях развития. Применение данного подхода позволяет американским стартапам занимать лидирующие позиции на мировых рынках, даже несмотря на наличие различных ограничений в стартовых ресурсах и факторах инновационной деятельности фирмы. Y Combinator – это один из наиболее успешных частных бизнес-акселераторов в глобальном масштабе, специализирующийся на поддержке стартапов на ранних стадиях их развития. Его результативность связана с уникальной программой интенсивного обучения предпринимателей, предоставлением стартового капитала и доступом к сети ведущих инвесторов. Благодаря применяемой модели поддержки стартапа, акселератору Y Combinator удалось создать условия для появления таких успешных компаний, как Airbnb и Dropbox [19], что иллюстрирует результативность применения американской модели акселерации инноваций.

Европейская модель укрепления инновационной деятельности фирм в целях развития экономики опирается на два столпа – кластеризацию экономики и предоставления многочисленных мер поддержки преимущественно стимулирующего характера, притом на основе двухуровневой системы – общеевропейских программ и горизонтальных проектов, а также национальной поддержки на уровне конкретных стран с селективным применением мер финансово-экономического содействия, как государственные субсидии и налоговые льготы.

Инновационные кластеры ЕС, среди которых всемирную известность получили такие, как как Sophia Antipolis во Франции, объединяют фирмы, научные учреждения и государственные организации для создания устойчивых экосистем. Уникальность кластеризации европейской экономики с позиций стимулирования инновационной деятельности фирм заключается, прежде всего, в тесной интеграции различных участников экономической системы на основе сочетания экономических стимулов и партнерского финансирования, что позволяет создать синергетический эффект, выражающийся в ускорении трансфера технологий и знаний. Кроме того, европейские кластеры отличает высокая степень институциональной поддержки, включая доступ к финансовым ресурсам, специализированным образовательным программам и возможностям международного сотрудничества [20; 21; 22]. Наконец, вызывает особый интерес удельный вес инновационных продуктов (товаров, работ, услуг), произведенных в кластерных структурах, который в 2024 году составлял 42,5% от валового производства инновационной продукции в ЕС, против 28,9% в США и Канаде, 18,7% в странах Юго-Восточной Азии и 12,5% в среднем по миру [*Deloitte*, 2024. P. 87, 98-101] (см. Рис. 3).

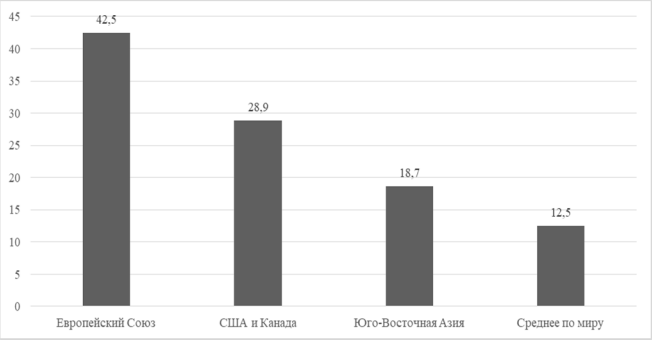

Рис. 3. Удельный вес инновационных продуктов (товаров, работ, услуг), произведенных в кластерных структурах по миру и отдельным ключевым регионам в 2024 г. (данные на 31 октября), % от валового товарооборота по экономикам в денежном выражении
Источник: рассчитано автором по: [15, P. 87, 98-101]

Представленные сведения свидетельствуют о значительной продуктивности европейской кластерной модели в контексте стимулирования инновационного развития, однако имеющиеся данные необходимо дополнять результатами массовых систематических обследований показателей рентабельности и рыночной стоимости капитала участников кластерных структур, в том числе в межстрановых и межрегиональных сопоставлениях. С сожалением приходится констатировать дефицит соответствующих эмпирических данных.

Значительный потенциал европейской кластерной модели содействия инновационной деятельности фирмы может быть также проиллюстрирован материалами отдельных кейсов. Уникальные черты кластера Sophia Antipolis во Франции включают предметную ориентацию на междисциплинарные исследования в области информационных технологий, биотехнологий и экологически устойчивого развития (традиционные кластеры чаще сфокусированы на одной определенной отрасли). Данный кластер характеризуется активным участием международных корпораций, а также ведущих университетов и исследовательских центров с представительствами и лабораториями в кампусах кластера, продуктивное инициативное взаимодействие которых способствует созданию благоприятной среды для научных открытий и их коммерциализации [23]. Формирующееся взаимодействие, помимо прочего, предусматривает вовлечение в совместные проекты, которые без значительных затруднений полу-

чают необходимое финансирование у многочисленных партнеров, включая инвестиционные банки и венчурные компании.

При этом европейская модель кластеризации инновационных систем остается достаточно сложной для воспроизводства в других странах, о чем, помимо прочего, свидетельствует опыт России, прежде всего, прошлого десятилетия, когда в интересах обеспечения стремительного инновационного прорыва при активной реализации инициативы государства стали массово создаваться территориальные экономические кластеры. Однако отсутствие достаточной институциональной поддержки и ограниченность частных инвестиций привели к тому, что многие из кластерных инициатив не достигли заявленных целей [24; 25; 26]. Исследования [27; 28; 29] свидетельствуют, что для успешной реализации кластерной модели стимулирования инновационной деятельности фирм необходимо одновременное совпадение многих условий и усилий, включая наличие развитой инфраструктуры, доступ к квалифицированным кадрам, активное участие частного сектора и поддержка со стороны государственных институтов. Без учета перечисленных факторов результативность кластерного механизма стимулирования инновационной деятельности фирм значительно снижается.

Огромную роль в развитии инновационной деятельности фирм из Европейского Союза оказывает надгосударственное стимулирование. Интерес в данной связи представляют горизонтальные проекты, поддерживаемые общеевропейским правительством через специальные программы, прежде всего, Horizon Europe, направленные на финансирование междисциплинарных исследований и развитие технологий будущего [30]. «Горизонтальный» характер таких проектов заключается в их межсекторальной природе, обеспечивающей взаимодействие между различными отраслями экономики, государством и исследовательскими организациями, в том числе в полном соответствии с принципами модели тройной спирали (Triple Helix) Г. Ицковица и Л. Лейдесдорфа. Реализация таких проектов позволяет создавать инновационные решения на стыке технологий и знаний. Уникальность горизонтальных европейских проектов состоит в способности объединять ресурсы стран-членов ЕС для решения общих задач, что повышает их масштабируемость и эффективность [31]. Следует отметить более высокую результативность горизонтальных проектов в сравнении с другими государственными проектами стимулирования инновационной деятельности фирм, что связано с долгосрочной ориентацией на стратегические приоритеты и более высокой степенью координации между участниками, что подтверждают представленные на Рис. 4 результаты многолетних исследований ведущей европейской и глобальной аудиторско-консалтинговой компании KPMG [7].

Меры общеевропейской проектной и программной поддержки инновационной деятельности фирм дополняются селективной государственной поддержкой на национальном уровне. В частности, многие государства-члены ЕС предоставляют субсидии и налоговые льготы для стимулирования инноваций, прежде всего в таких социально значимых областях, как зеленая экономика и цифровизация социально-экономических систем [32].

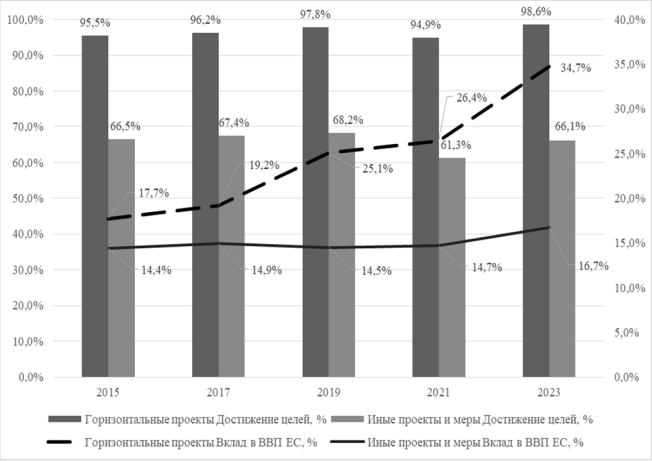

Рис. 4. Показатель целевых результатов, % от заявленного (левая шкала) и обеспеченного вклада в прирост ВВП Европейского Союза, % (правая шкала) горизонтальных проектов и иных мер поддержки (стимулирования) инновационных фирм, оказанных (завершенных) в 2015–2023гг.
Источник: рассчитано авторами по: [7, P. 11, 23-29]

Несмотря на то, что в теории рыночной экономики преобладают воззрения о необходимости ограничения мер подобной государственной поддержки, в контексте влияния правительств стран ЕС на стимулирование инновационной деятельности фирм в первые десятилетия XXI века, скорее, достигаются положительные результаты [33; 34]. Это связано прежде всего с тем, что оказываемая государственная поддержка направлена на устранение рыночных провалов и создание условий для долгосрочного устойчивого развития экономики, и учитывает страновые особенности конкретных государств-участников ЕС, тем самым, гармонично дополняя меры общеевропейской поддержки, оказываемой преимущественно в рамках реализации программно-проектного подхода.

Азиатская модель развития инновационной деятельности фирмы также представляет значительный интерес. В предыдущие десятилетия (с конца 1980-х годов до начала 2000-х годов) лидерами инноватики в регионе выступали Япония и так называемые «новые тигры», включая, прежде всего, Южную Корею. В последние годы, хотя Южная Корея и отчасти Япония сохранили определенные позиции в глобальной инноватики, на ключевую позицию в регионе выходит экономика Китайской Народной Республики и ее специфическая модель развития инновационной деятельности фирм, опирающаяся на сочетании философии улучшения качества, перенятой у региональных пионеров в инновационной сфере, и инструментов государственно-частного партнерства.

Современная азиатская модель инноватики основана на силе корпоративных гигантов, развитие

которых не сдерживается на государственном уровне, в том числе с применением мер антимонопольного регулирования. Крупнейшие корпорации, такие как Samsung, Huawei, Softbank и другие демонстрируют результативность функционирования модели вертикально интегрированных гигантов, которые одновременно занимаются производством, исследованиями и разработками. Успех такой модели в странах Юго-Восточной Азии обусловлен сочетанием долгосрочного государственного планирования, направленного на поддержание высокотехнологичных отраслей, и гибкости частного сектора, который способен быстро адаптироваться к изменениям глобальных рынков. Кроме того, эффективной координации инновационной деятельности в значительной мере способствуют культурные особенности региона, включая акцент на коллективизм и высокую степень доверия внутри корпораций. А типичные негативные эффекты для экономики, связанные с монополизацией рынков, в значительной мере компенсируются значительными корпоративными интенсивными инвестициями таких корпораций в научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы, что создает значительный мультипликативный эффект для национальных экономик [35; 36]. Более того, крупные азиатские фирмы активно вовлечены в глобальные цепочки добавленной стоимости, что позволяет им не только экспортировать продукцию высокой технологической сложности, но и привлекать передовые знания из-за рубежа, а также вовлекать в масштабные цепочки создания ценности многочисленные небольшие фирмы, в том числе семейный бизнес, что поддерживает экономическую конкуренцию и нивелирует негативные эффекты монополизации высокотехнологичного бизнеса.

Опыт КНР продемонстрировал значительный потенциал государственно-частного партнерства (ГЧП) в стимулировании инновационной деятельности фирм. Особую результативность ГЧП демонстрирует в инновационной сфере в странах с формирующимися экономиками [37; 38; 39]. Это связано, прежде всего, с реализацией государствами возможности направлять ключевые ресурсы на приоритетные направления развития технологий, минимизируя риски для частного сектора. ГЧП также играет роль катализатора для привлечения инвестиций в наукоемкие отрасли в условиях недостаточной зрелости рыночных институтов на отдельных формирующихся рынках.

В Китае ГЧП активно способствуют быстрому развитию таких областей, как искусственный интеллект и автоматизация, что достигается за счет масштабных государственных субсидий и создания специализированных технопарков. Соответствующие меры обеспечивают благоприятную экосистему для стартапов и малых инновационных компаний, которые могут сотрудничать с крупными корпорациями и государственными структурами, и постепенно вырастают в конкурентоспособные фирмы, способные вносить системно значимый вклад в развитие национальной экономики.

Особо следует отметить ведущую роль Китая в интеграции искусственного интеллекта и автоматизации, которая обусловлена стратегией «Сделано в Китае 2025». Данная стратегия направлена, в первую очередь, на создание национальной технологической независимости через развитие ключевых отраслей промышленности [40]. Государственная поддержка в виде налоговых льгот, грантов и прямых инвестиций дает возможность китайским фирмам занимать лидирующие позиции на мировом рынке инноваций.

Синергетическое развитие онлайн-бизнеса КНР породило успешные примеры платформенных бизнес-моделей (в первую очередь – Alibaba и Tencent), которые трансформировали не только китайскую экономику, но и глобальные рынки электронной коммерции и финансовых технологий. Специфика платформенных моделей типа Alibaba и Tencent заключается в создании экосистемы услуг, охватывающей широкий спектр потребностей клиентов – от онлайн-торговли до цифровых платежей и облачных вычислений, зачастую интегрированных на платформенном уровне в виде клиентских супер-приложений, одновременно являющихся социальными сетями. Применение данной модели обеспечивает высокий уровень сетевых эффектов, в конечном счете способствующих устойчивому росту объемов получаемой прибыли и укреплению позиций на международных рынках. Однако при этом стоит учитывать, что международную экспансию инновационных фирм Китая в целом ограничивает как внешнеполитическая напряженность, так и растущая глобальная конкуренция с не менее результативными моделями инновационной деятельности фирм, описанными выше.

Таким образом, можно отметить, что инновационная деятельность фирм является ключевым драйвером трансформации экономики на международном уровне, ключевыми агентами которой выступают инновационные фирмы. Разнообразие подходов к активации инновационного потенциала фирмы – от венчурного капитала в США до кластерных инициатив в Европе и государственно-частных партнерств в Азии – подчеркивает необходимость учета национальных особенностей при разработке стратегий поддержки инноваций на уровне правительств и отраслей, и внутрикорпоративных стратегий на уровне конкретных фирм и их экосистем. Между тем, важно учитывать также и то обстоятельство, что сохраняющиеся и во многом усиливающиеся в последние годы глобальные вызовы требуют координации усилий между странами для создания более инклюзивной и устойчивой инновационной экономики. Теоретическая экономика должна сосредоточиться на разработке моделей фирмы, которые интегрируют когнитивные и социальные аспекты ее деятельности, а также учитывать влияние новых технологий на структуру рынков и распределение ресурсов. При этом лучший международный опыт селективно и адаптивно, с учетом ресурсно-факторной обеспеченности инновационной деятельности фирм, предпринимательской культуры и экономиче-

ской ментальности, может перениматься для развития инновационной деятельности фирм в Российской Федерации и странах Евразийского Союза, в том числе в рамках разработки государственных политик и формирования корпоративных стратегий развития.

Барьеры и вызовы инновационной деятельности фирмы.

Несмотря на имеющийся положительный международный опыт, в развитии инновационной деятельности фирмы в современной экономике имеются ограничения и барьеры, а фирмы, фокусирующиеся на инновациях, сталкиваются с рядом вызовов.

Приступая к детальному раскрытию соответствующих аспектов, в первую очередь следует обратить внимание на **двойственную природу инновационных моделей фирмы.** Мировой опыт свидетельствует о том, что платформенные компании, организаторы инновационных бизнес-экосистем, по сути, самостоятельно создают новые рынки и трансформируют традиционные отрасли. С другой стороны, в процессе функционирования и стремительного развития таких фирм актуализируются проблемы монополизации данных, возникают сомнения в социальных последствиях автоматизации, включая усугубляющееся неравенство доступа к ресурсам. Технологические гиганты – неизбежное порождение эффективности инновационных фирм с обновленной организационно-экономической моделью, нередко становятся доминирующими игроками на ключевых рынках, что требует пересмотра антимонопольного регулирования. Кроме того, в стратегию большинства инновационных фирм все еще недостаточно интегрированы модели устойчивого развития - в порыве стремления к масштабной экспансии они реже остальных тратят ресурсы на реализацию экологической и социальной ответственности, а правительства, руководствуясь интересами укрепления конкурентоспособности на мировых рынках в условиях нового технологического уклада прямыми и/или косвенными способами «освобождают» такие компании от необходимости принимать опережающие обязательства в сфере устойчивого развития [41; 42; 43].

Кроме того, рассматривая обновленную модель фирмы в инновационной экономике, важно учитывать, что распространение инноваций сталкивается с рядом барьеров. Это требует особого учета в государственной политике стран и в корпоративных стратегиях.

На сегодня важным барьером в инновационной деятельности фирм в большинстве стран мира выступают **регуляторные ограничения,** зачастую соседствующие с неопределенностью перспектив государственного регулирования, что затрудняет внедрение новых технологий, в особенности в таких сферах, как биотехнологии или финтех.

Для фирм, представляющих регионы с низким уровнем социально-экономического развития, с ограниченной ресурсной обеспеченностью и неблагоприятными факторами инновационной деятельности, доступ к инновациям ограничивает **дефицит инфраструктуры,** включая цифровую и транспортную.

Серьезным препятствием в инновационной деятельности фирмы остается **недостаток человеческого капитала.** Быстрое развитие технологий требует постоянного обновления навыков работников, а темпы профессиональной подготовки сотрудников с ключевыми компетенциями для инновационной экономики уже традиционно существенно отстают от запросов современных фирм.

Наконец, в контексте значимости фактора обмена инновациями в стимулировании и развитии инновационной деятельности фирмы, необходимо указать на такие барьеры, как **культурный барьер,** а также **внутриорганизационное сопротивление изменениям,** которые по отдельности или в своей совокупности замедляют адаптацию и распространение инноваций.

Для преодоления существующих барьеров в инновационной деятельности фирмы важно внедрять комплекс решений, в том числе концептуального характера, как на внутрикорпоративном уровне, так и, зачастую, в рамках отдельных секторов, национальной и даже мировой экономики. На государственном уровне первоочередным образом необходимо внедрение гибких правовых рамок регулирования инновационной деятельности фирм, которые будут стимулировать экспериментирование с новыми технологиями при сохранении безопасности и этичности их использования. Развитие отраслевой инфраструктуры инновационной деятельности необходимо основывать на масштабных инвестициях в цифровизацию сельских и удаленных районов (территорий), а также на модернизации транспортных систем в интересах обеспечения равного доступа к инновациям, бенефициаром которого станет вся инновационная экономика без исключения. Проблему недостатка компетентного человеческого капитала, помимо прочего, возможно решить путем реализации программ переподготовки и повышения квалификации с акцентом на цифровые компетенции, в том числе основанных на инструментах сетевого сотрудничества и партнерского финансирования, а для преодоления культурных барьеров внутри организаций важно внедрять практики открытых инноваций и стимулировать сотрудничество между различными подразделениями.

Представленный перечень решений по преодолению барьеров и вызовов инновационной деятельности фирмы никак не претендует на полноту и закрытый характер. Выше показано лишь наличие практических решений, которые могут поспособствовать устранению соответствующих препятствий, при этом за счет активации новых черт и функций фирмы в экономике знаний поиск и внедрение соответствующих инструментов и мер будет в значительной мере облегчен, а их результативность повысится. На основе обновленных представлений о чертах и функциях фирмы в инновационной экономике, содержании и направленности мер поддержки инновационной деятельности компаний, расширяются возможности поиска комплексных решений

для развития корпоративных стратегий и государственных политик, в конечном счете ориентированных на обеспечение экономической устойчивости, стимулировании экономического роста и неуклонное повышение международной конкурентоспособности фирм и национальных экономик.

Заключение

По результатам проведенного исследования можно констатировать, что ключевые эффекты инновационной деятельности фирмы на экономику включают трансформацию отраслей и содействие смене технологического уклада, создание новых рынков и рабочих мест, усиление влияния инноваций на занятость и производительность труда, распространение гибких и адаптивных моделей корпоративного управления и др. В условиях инновационной экономики актуализируются новые функции фирм и модели государственной поддержки, прежде всего, стимулирования инновационной деятельности фирмы. В американской модели ключевую роль в таком стимулировании играют венчурный капитал, технологические экосистемы, фундаментальные и прикладные корпоративные научно-технические инициативы, плотное вовлечение университетов в коммерциализацию инноваций, высокопродуктивная деятельность частных инновационных хабов. В европейской модели ключевую роль играют кластерные образования, а также надгосударственная и государственная поддержка, в форме реализации государственных проектов, а также через субсидии и налоговые льготы. Азиатская модель основана на силе корпоративных гигантов, через которые продвигается инновационное развитие, и ключевой роли государственно-частных партнерств в стимулировании инноваций (например, Китай, становящийся глобальным инновационным лидером, стремится активизировать роль государства в интеграции искусственного интеллекта и автоматизации как ключевых направлений раскрытия инновационного потенциала фирмы).

При этом несмотря на очевидное разнообразие международных подходов к раскрытию инновационного потенциала фирмы, успешность отдельных применяемых моделей наглядно иллюстрирует растущую значимость инновационных фирм как ключевых агентов трансформации экономики, в том числе на развитых, формирующихся и многих развивающихся рынках.

Обзор ключевых международных аспектов функционирования и стимулирования фирм позволяет констатировать, что даже в континууме многообразных механизмов, зачастую отражающих национальный менталитет, предпринимательскую культуру, ресурсы и факторы экономического и научно-технического развития, инновационная деятельность фирмы становится ключевым фактором трансформации современной экономики. Экономическая теория должна адаптироваться к новым реалиям, предлагая концептуальные модели, объясняющие роль фирмы в условиях глобальных изменений.

Обновленная организационная модель фирмы должна учитывать ее роль как когнитивного агента и интегратора инновационного партнерства, прежде всего, сетевого характера, в частности, в рамках выстраивания бизнес-экосистем. Современная теория фирмы с учетом международного опыта развития и внедрения инновационной деятельности компаний (корпораций) органично дополняется концепциями платформенной организации и формирования инновационных экосистем, в которых ключевыми активами становятся данные и знания. В таких организационно-экономических моделях фирма рассматривается не только как производитель товаров и услуг, но и как координатор сложных сетевых взаимодействий, в значительной мере фокусирующийся на управлении знаниями. Организационная структура фирмы, ориентированной на инновационную деятельность, должна быть гибкой и адаптивной, что позволяет быстро реагировать на изменения внешней среды, помимо прочего, формируя акцент на автономии сотрудников и децентрализации управления.

Литература

1. Mokyr J. The lever of riches: Technological creativity and economic progress. Oxford University Press, 1992. 368 p.
2. Naudé W. Entrepreneurship, developing countries, and development economics: new approaches and insights // Small business economics. 2010. Vol. 34. Pp. 1-12. DOI: 10.1007/s11187-009-9198-2.
3. Tybout J. R. Manufacturing firms in developing countries: How well do they do, and why? // Journal of Economic literature. 2000. Vol. 38. No 1. Pp. 11-44. DOI: 10.1257/jel.38.1.11.
4. Feroz A. K., Zo H., Chiravuri A. Digital transformation and environmental sustainability: A review and research agenda // Sustainability. 2021. Vol. 13. No 3. P. 1530. DOI: 10.3390/su13031530
5. Gomez-Trujillo A. M., Gonzalez-Perez M. A. Digital transformation as a strategy to reach sustainability // Smart and Sustainable Built Environment. 2022. Vol. 11. No 4. Pp. 1137-1162. DOI: 10.1108/SASBE-01-2021-0011
6. Leão P., da Silva M. M. Impacts of digital transformation on firms' competitive advantages: A systematic literature review // Strategic Change. 2021. Vol. 30. No 5. Pp. 421-441. DOI: 10.1002/jsc.2459
7. KPMG Global Innovation Outlook Update. Amstelveen: KPMG, 2025. 98 p.
8. Block J., Sandner P. What is the effect of the financial crisis on venture capital financing? Empirical evidence from US Internet start-ups // Venture Capital. 2009. Vol. 11. No 4. Pp. 295-309. DOI: 10.1080/13691060903184803
9. Cumming D., Henriques I., Sadorsky P. ‘Cleantech’ venture capital around the world // International Review of Financial Analysis. 2016. Vol. 44. Pp. 86-97. DOI: 10.1016/j.irfa.2016.01.015
10. Hege U., Palomino F., Schwienbacher A. Venture capital performance: the disparity between Europe and the United States // Finance. 2009. Vol. 30. No 1. Pp. 7-50. DOI: 10.3917/fina.301.0007

11. Islam M., Fremeth A., Marcus A. Signaling by early stage startups: US government research grants and venture capital funding // Journal of Business Venturing. 2018. Vol. 33. No 1. Pp. 35-51. DOI: 10.1016/j.jbusvent.2017.10.001

12. Addanki S. Dynamics of Corporate Entrepreneurship in Technology Companies: A Study of Strategic Practices and Governing Frameworks Shaping Entrepreneurial Ecosystems : дис. Massachusetts Institute of Technology, 2024.

13. Audretsch D. B. et al. Entrepreneurial ecosystems: economic, technological, and societal impacts // The Journal of technology transfer. 2019. Vol. 44. Pp. 313-325. DOI: 10.1007/s10961-018-9690-4

14. Fukuda K., Watanabe C. Japanese and US perspectives on the National Innovation Ecosystem // Technology in society. 2008. Vol. 30. No1. Pp. 49-63. DOI: 10.1016/j.techsoc.2007.10.008

15. Deloitte Innovation Enterprise Development Outlook 2024. London, 2024. 190 p.

16. Brusseau J. AI human impact: toward a model for ethical investing in AI-intensive companies // Journal of Sustainable Finance & Investment. 2023. Vol. 13. No 2. Pp. 1030-1057. DOI: 10.1080/20430795.2021.1874212

17. Lui A. K. H., Lee M. C. M., Ngai E. W. T. Impact of artificial intelligence investment on firm value // Annals of Operations Research. 2022. Vol. 308. No 1. Pp. 373-388. DOI: 10.1007/s10479-020-03862-8

18. Eyal-Cohen M. Innovation agents // Wash. & Lee L. Rev. 2019. Vol. 76. Issue 1. P. 163.

19. Y Combinator Success Stories: What Sets Sam Altman's Approach Apart? URL: https://press.farm/y-combinator-success-stories-with-sam-altman (дата обращения 09.02.2025).

20. Gryshchenko I. et al. Making use of competitive advantages of a university education innovation cluster in the educational services market // European journal of sustainable development. 2021. Vol. 10. No 2. Pp. 336-336.

21. Hervás-Oliver J. L. et al. The drivers of SME innovation in the regions of the EU // Research Policy. 2021. Vol. 50. No 9. Pp. 104316. DOI: 10.1016/j.respol.2021.104316

22. Suchek N. et al. Innovation and the circular economy: A systematic literature review // Business Strategy and the Environment. 2021. Vol. 30. No 8. Pp. 3686-3702. DOI: 10.1002/bse.2834

23. Hueber O. The Top-Down Innovative Coordination Flows in Sophia Antipolis // 15th Uddevalla Symposium Entrepreneurship and Innovation Networks, Jun 2012, Faro, Portugal. Pp. 409-421.

24. Гагарина Г. Ю., Сорокина Н. Ю., Чайникова Л. Н. Промышленные кластеры в России: старые проблемы и новые вызовы // Вестник Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова. 2021. Т. 18. №. 4 (118). С. 78-85. DOI: 10.21686/2413-2829-2021-4-78-85 EDN: BMYDBL

25. Кетова Н. П., Овчинников В. Н. Политика управления развитием региональных инновационных кластеров // Управление наукой и наукометрия. 2023. Т. 18. №. 1. С. 63-87. DOI: 10.33873/2686-6706.2023.18-1.63-87 EDN: CWFEAW

26. Шмидт А. Н., Гибелев И. В., Томилина Н. С. Стратегическое планирование и инновационная экономика России: причины неудач // Инновационная наука. 2016. №. 2-2 (14). С. 155-160. EDN: XRWVTH

27. Bărbulescu O., Nicolau C., Munteanu D. Within the entrepreneurship ecosystem: Is innovation clusters' strategic approach boosting businesses' sustainable development? // Sustainability. 2021. Vol. 13. No 21. P. 11762. DOI: 10.3390/su132111762

28. Mackiewicz M., Namyślak B. Development conditions for creative clusters in Poland in view of institutional environment factors // Growth and Change. 2021. Vol. 52. No 3. Pp. 1295-1311. DOI: 10.1111/grow.12503

29. Ratanawaraha A., Torquato Cruz R., Perez Cuso M. Policies to promote private sector engagement in Science, Technology and Innovation: Workbook. UN.ESCAP, 2024.

30. Horizon Europe. Research and innovation funding programme until 2027. URL: https://research-and-innovation.ec.europa.eu/funding/funding-opportunities/funding-programmes-and-open-calls/horizon-europe_en (дата обращения 09.02.2025).

31. Veugelers R. et al. The impact of horizon 2020 on innovation in Europe // Intereconomics. 2015. Vol. 50. No 1. Pp. 4-30. DOI: 10.1007/s10272-015-0521-7

32. Žítek V., Olejniczak J. Tax Incentives as an Innovation Policy Tool in New Member States of the EU // International Conference on European Integration 2020. P. 942-949.

33. Dimos C. et al. The relative effectiveness of R&D tax credits and R&D subsidies: A comparative meta-regression analysis // Technovation. 2020. Vol. 115. P. 102450. DOI: j.technovation.2021.102450

34. Kolosok S. et al. Renewable energy innovation in Europe: Energy efficiency analysis // E3S web of conferences. EDP Sciences. 2021. Vol. 234. P. 00021.DOI: 10.1051/e3sconf/202123400021

35.Bai X. et al. Measuring China's green economic recovery and energy environment sustainability: econometric analysis of sustainable development goals // Economic Analysis and Policy. 2022. Vol. 75. Pp. 768-779. DOI: 10.1016/j.eap.2022.07.005

36. Yusuf S. (ed.). Innovative East Asia: the future of growth. World Bank Publications, 2003. 439 p.

37. Feng J., Wang N., Sun G. Measurement of innovation-driven development performance of large-scale environmental protection enterprises investing in public–private partnership projects based on the hybrid method // Sustainability. 2022. Vol. 14. No 9. P. 5096. DOI: 10.3390/su14095096

38. Ning L. et al. Analyzing the role of green innovation and public-private partnerships in achieving sustainable development goals: A novel policy framework // In: Green Innovation and Renewable to Phase Out Fossil Fuels Consumption, 2023. P. 1-17. DOI: 10.1007/s11356-023-26414-6

39. Tan D. et al. Public-private partnership effect on the company technology innovation-empirical and theory: evidence from China // Applied Economics. 2024 Pp. 1-14. DOI: 10.1080/00036846.2024.2311059

40. Made in China 2025. The making of a high-tech superpower and consequences for industrial countries. URL: https://merics.org/en/report/made-china-2025 (дата обращения 09.02.2025).

41. Ghobakhloo M. et al. Industry 4.0, innovation, and sustainable development: A systematic review and a roadmap to sustainable innovation // Business Strategy and the Environment. 2021. Vol. 30. No. 8. Pp. 4237-4257. DOI: 10.1002/bse.2867

42. Lashitew A. A. Corporate uptake of the Sustainable Development Goals: Mere greenwashing or an advent of institutional change? // Journal of International Business Policy. 2021. Vol. 4. No 1. Pp. 184-200. DOI: 10.1057/s42214-020-00092-4

43. Le T. T. How do corporate social responsibility and green innovation transform corporate green strategy into sustainable firm performance? // Journal of Cleaner Production. 2022. Vol. 362. P. 132228. DOI: 10.1016/j.jclepro.2022.132228

Innovative activities of the company in economic development: international aspects

Kurnosova T.I., Filippov A.G.
MGIMO, SK Capital LLC

JEL classification: B00, D20, E22, E44, L23, L51, L52, M11, M20, M30, Z33

The paper is devoted to the task of updating scientific ideas about the concept of the company, taking into account its role as a key subject of innovative transformation of the economy and on the basis of systematization and comprehension of international aspects of the development of innovative activities of the company. Based on a critical understanding of the materials provided in the research literature, statistical data and various cases, the idea is considered that in the conditions of an innovative economy, a company becomes not only a production, but also a cognitive agent that generates new knowledge, actively interacts with the external environment and forms ecosystems. The directions are summarized and examples of the transformative impact of the innovative activities of a company on the economy of developed countries are given, new features and functions of innovative companies are highlighted, including the ability to act as a platform or suitability for effective platform interaction), the ability to become centres for the formation of innovative ecosystems, as well as knowledge management functions that are relevant in an innovative economy. It is stated that economic theory should adapt to new realities, offering conceptual models explaining the role of the company in the context of global changes. The modern theory of the firm, considering international experience, is organically supplemented by the concepts of platform organization and the formation of innovative ecosystems, in which data and knowledge become key assets.

Keywords: innovative activity of the firm, innovative firms, agents of economic transformation, new theory of the firm, innovative business models, international models of innovation, new technological order

References

1. Mokyr J. The lever of riches: Technological creativity and economic progress. Oxford University Press, 1992. 368 p.
2. Naudé W. Entrepreneurship, developing countries, and development economics: new approaches and insights // Small business economics. 2010. Vol. 34. Pp. 1-12. DOI: 10.1007/s11187-009-9198-2.
3. Tybout J. R. Manufacturing firms in developing countries: How well do they do, and why? // Journal of Economic literature. 2000. Vol. 38. No 1. Pp. 11-44. DOI: 10.1257/jel.38.1.11.
4. Feroz A. K., Zo H., Chiravuri A. Digital transformation and environmental sustainability: A review and research agenda // Sustainability. 2021. Vol. 13. No 3. P. 1530. DOI: 10.3390/su13031530
5. Gomez-Trujillo A. M., Gonzalez-Perez M. A. Digital transformation as a strategy to reach sustainability // Smart and Sustainable Built Environment. 2022. Vol. 11. No 4. Pp. 1137-1162. DOI: 10.1108/SASBE-01-2021-0011
6. Leão P., da Silva M. M. Impacts of digital transformation on firms' competitive advantages: A systematic literature review // Strategic Change. 2021. Vol. 30. No 5. Pp. 421-441. DOI: 10.1002/jsc.2459
7. KPMG Global Innovation Outlook Update. Amstelveen: KPMG, 2025. 98 p.
8. Block J., Sandner P. What is the effect of the financial crisis on venture capital financing? Empirical evidence from US Internet start-ups // Venture Capital. 2009. Vol. 11. No 4. Pp. 295-309. DOI: 10.1080/13691060903184803
9. Cumming D., Henriques I., Sadorsky P. 'Cleantech' venture capital around the world // International Review of Financial Analysis. 2016. Vol. 44. Pp. 86-97. DOI: 10.1016/j.irfa.2016.01.015
10. Hege U., Palomino F., Schwienbacher A. Venture capital performance: the disparity between Europe and the United States // Finance. 2009. Vol. 30. No 1. Pp. 7-50. DOI: 10.3917/fina.301.0007
11. Islam M., Fremeth A., Marcus A. Signaling by early stage startups: US government research grants and venture capital funding // Journal of Business Venturing. 2018. Vol. 33. No 1. Pp. 35-51. DOI: 10.1016/j.jbusvent.2017.10.001
12. Addanki S. Dynamics of Corporate Entrepreneurship in Technology Companies: A Study of Strategic Practices and Governing Frameworks Shaping Entrepreneurial Ecosystems : дис. Massachusetts Institute of Technology, 2024.
13. Audretsch D. B. et al. Entrepreneurial ecosystems: economic, technological, and societal impacts // The Journal of technology transfer. 2019. Vol. 44. Pp. 313-325. DOI: 10.1007/s10961-018-9690-4
14. Fukuda K., Watanabe C. Japanese and US perspectives on the National Innovation Ecosystem // Technology in society. 2008. Vol. 30. No1. Pp. 49-63. DOI: 10.1016/j.techsoc.2007.10.008
15. Deloitte Innovation Enterprise Development Outlook 2024. London, 2024. 190 p.
16. Brusseau J. AI human impact: toward a model for ethical investing in AI-intensive companies // Journal of Sustainable Finance & Investment. 2023. Vol. 13. No 2. Pp. 1030-1057. DOI: 10.1080/20430795.2021.1874212
17. Lui A. K. H., Lee M. C. M., Ngai E. W. T. Impact of artificial intelligence investment on firm value // Annals of Operations Research. 2022. Vol. 308. No 1. Pp. 373-388. DOI: 10.1007/s10479-020-03862-8
18. Eyal-Cohen M. Innovation agents // Wash. & Lee L. Rev. 2019. Vol. 76. Issue 1. P. 163.
19. Y Combinator Success Stories: What Sets Sam Altman's Approach Apart? URL: https://press.farm/y-combinator-success-stories-with-sam-altman (Accessed 9 February 2025).
20. Gryshchenko I. et al. Making use of competitive advantages of a university education innovation cluster in the educational services market // European journal of sustainable development. 2021. Vol. 10. No 2. Pp. 336-336.

21. Hervás-Oliver J. L. et al. The drivers of SME innovation in the regions of the EU // Research Policy. 2021. Vol. 50. No 9. Pp. 104316. DOI: 10.1016/j.respol.2021.104316
22. Suchek N. et al. Innovation and the circular economy: A systematic literature review // Business Strategy and the Environment. 2021. Vol. 30. No 8. Pp. 3686-3702. DOI: 10.1002/bse.2834
23. Hueber O. The Top-Down Innovative Coordination Flows in Sophia Antipolis // 15th Uddevalla Symposium Entrepreneurship and Innovation Networks, Jun 2012, Faro, Portugal. Pp. 409-421.
24. Gagarina G. Yu., Sorokina N. Yu., Chainikova L. N. Industrial Clusters in Russia: Old Problems and New Challenges // Bulletin of the Plekhanov Russian University of Economics. 2021. Vol. 18. No. 4 (118). P. 78-85. DOI: 10.21686/2413-2829-2021-4-78-85
25. Ketova N. P., Ovchinnikov V. N. Policy for managing the development of regional innovation clusters // Science Management and Scientometrics. 2023. Vol. 18. No. 1. P. 63-87.DOI: 10.33873/2686-6706.2023.18-1.63-87
26. Schmidt A. N., Gibelev I. V., Tomilina N. S. Strategic planning and innovative economy of Russia: reasons for failures// // Innovative Science. 2016. No. 2-2 (14). P. 155-160.
27. Bărbulescu O., Nicolau C., Munteanu D. Within the entrepreneurship ecosystem: Is innovation clusters' strategic approach boosting businesses' sustainable development? // Sustainability. 2021. Vol. 13. No 21. P. 11762. DOI: 10.3390/su132111762
28. Mackiewicz M., Namyślak B. Development conditions for creative clusters in Poland in view of institutional environment factors // Growth and Change. 2021. Vol. 52. No 3. Pp. 1295-1311. DOI: 10.1111/grow.12503
29. Ratanawaraha A., Torquato Cruz R., Perez Cuso M. Policies to promote private sector engagement in Science, Technology and Innovation: Workbook. UN.ESCAP, 2024.
30. Horizon Europe. Research and innovation funding programme until 2027. URL: https://research-and-innovation.ec.europa.eu/funding/funding-opportunities/funding-programmes-and-open-calls/horizon-europe_en (Accessed 9 February 2025).
31. Veugelers R. et al. The impact of horizon 2020 on innovation in Europe // Intereconomics. 2015. Vol. 50. No 1. Pp. 4-30. DOI: 10.1007/s10272-015-0521-7
32. Žítek V., Olejniczak J. Tax Incentives as an Innovation Policy Tool in New Member States of the EU // International Conference on European Integration 2020. P. 942-949.
33. Dimos C. et al. The relative effectiveness of R&D tax credits and R&D subsidies: A comparative meta-regression analysis // Technovation. 2020. Vol. 115. P. 102450. DOI: j.technovation.2021.102450
34. Kolosok S. et al. Renewable energy innovation in Europe: Energy efficiency analysis // E3S web of conferences. EDP Sciences. 2021. Vol. 234. P. 00021.DOI: 10.1051/e3sconf/202123400021
35.Bai X. et al. Measuring China's green economic recovery and energy environment sustainability: econometric analysis of sustainable development goals // Economic Analysis and Policy. 2022. Vol. 75. Pp. 768-779. DOI: 10.1016/j.eap.2022.07.005
36. Yusuf S. (ed.). Innovative East Asia: the future of growth. World Bank Publications, 2003. 439 p.
37. Feng J., Wang N., Sun G. Measurement of innovation-driven development performance of large-scale environmental protection enterprises investing in public–private partnership projects based on the hybrid method // Sustainability. 2022. Vol. 14. No 9. P. 5096. DOI: 10.3390/su14095096
38. Ning L. et al. Analyzing the role of green innovation and public-private partnerships in achieving sustainable development goals: A novel policy framework // In: Green Innovation and Renewable to Phase Out Fossil Fuels Consumption, 2023. P. 1-17. DOI: 10.1007/s11356-023-26414-6
39. Tan D. et al. Public-private partnership effect on the company technology innovation-empirical and theory: evidence from China // Applied Economics. 2024 Pp. 1-14. DOI: 10.1080/00036846.2024.2311059
40. Made in China 2025. The making of a high-tech superpower and consequences for industrial countries. URL: https://merics.org/en/report/made-china-2025 (Accessed 9 February 2025).
41. Ghobakhloo M. et al. Industry 4.0, innovation, and sustainable development: A systematic review and a roadmap to sustainable innovation // Business Strategy and the Environment. 2021. Vol. 30. No. 8. Pp. 4237-4257. DOI: 10.1002/bse.2867
42. Lashitew A. A. Corporate uptake of the Sustainable Development Goals: Mere greenwashing or an advent of institutional change? // Journal of International Business Policy. 2021. Vol. 4. No 1. Pp. 184-200. DOI: 10.1057/s42214-020-00092-4
43. Le T. T. How do corporate social responsibility and green innovation transform corporate green strategy into sustainable firm performance? // Journal of Cleaner Production. 2022. Vol. 362. P. 132228. DOI: 10.1016/j.jclepro.2022.132228

Разработка универсальной модели управления контентом анимационных проектов в социальных сетях: приоритет качества над временными факторами

Рубайлов Никита Николаевич
аспирант кафедры маркетинга, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, nikrub21@gmail.com

Никишкин Валерий Викторович
д.э.н., профессор кафедры маркетинга, Российский университет им. Г.В. Плеханова, valeriynik@yandex.ru

В статье предложена универсальная модель управления контентом анимационных проектов в социальных сетях, направленная на эффективное продвижение на международных рынках. Исследование демонстрирует, что качество контента, определяемое его способностью вызывать интерес, стимулировать обсуждение и побуждать к распространению, является ключевым фактором вовлеченности аудитории, превосходящим по значимости временные параметры публикации. Разработанная модель основана на централизованном производстве контента в России с последующей локализацией и предусматривает использование искусственного интеллекта для оптимизации процессов управления. На основе сравнительного анализа анимационного проекта «Маша и Медведь» и зарубежных аналогов обоснована эффективность предложенного подхода. Сформулированы рекомендации по созданию высококачественного контента, обеспечивающего успешное продвижение в глобальном цифровом пространстве.

Ключевые слова: анимационные проекты, социальные сети, управление контентом, вовлеченность аудитории, международное продвижение.

Введение

Современный рынок анимационных проектов демонстрирует значительный рост, что во многом обусловлено активным использованием социальных сетей в качестве основного канала продвижения. Более 60% аудитории в возрасте от 18 до 34 лет предпочитает потреблять видеоконтент через платформы, такие как TikTok, YouTube и другие, что подчеркивает их стратегическую важность для выхода анимационных студий на международные рынки [2]. Среди ключевых регионов можно выделить США, Великобританию, Австралию, а также территории MENA, LATAM и Европы, включая Францию, Италию, Германию и Польшу, а также Японию. Однако сложность адаптации контента к различным культурным особенностям этих регионов, а также необходимость оптимизации ресурсов, представляет собой значительную проблему [5]. Традиционно акцент в продвижении делался на выборе оптимального времени публикации, однако анализ показывает, что качество контента, его способность вызывать интерес, обсуждение и желание делиться, играет более значимую роль [6]. В этой связи целью настоящего исследования является разработка универсальной модели управления контентом в социальных сетях, основанной на централизованном подходе с исходной точкой в России и последующей локализацией, с приоритетом на создании высококачественного контента, обеспечивающего вовлеченность аудитории. Для достижения поставленной цели определены следующие задачи: проанализировать роль качества контента в продвижении анимационных проектов; разработать схему создания и распределения регулярного и промо-контента; предложить методы оптимизации ресурсов с использованием искусственного интеллекта; обосновать приоритет качества над временными факторами на основе сравнительного анализа. Методология исследования включает анализ практических кейсов, моделирование процессов и обобщение данных. В результате сформулирована универсальная формула, пригодная для применения анимационными студиями, стремящимися к международному признанию.

Теоретические основы и анализ роли качества контента в продвижении анимационных проектов в социальных сетях. Анимационные проекты обладают значительным потенциалом для продвижения в социальных сетях благодаря их визуальной привлекательности и способности преодо-

левать языковые и культурные барьеры [2]. Исследования показывают, что анимационный контент демонстрирует более высокие показатели вовлеченности аудитории по сравнению с традиционными видеоматериалами. Эффективность продвижения таких проектов определяется качеством контента, регулярностью его публикации, а также адаптацией к современным трендам, включая рост популярности коротких вертикальных видео [7]. Централизованное производство контента с последующей локализацией позволяет оптимизировать затраты, однако требует акцента на создании материалов, которые вызывают интерес, стимулируют обсуждение и побуждают к распространению [5]. Традиционно в продвижении через социальные сети акцент делался на выборе оптимального времени публикации, однако современные данные свидетельствуют, что качество контента играет более значимую роль. Визуальная привлекательность, эмоциональная вовлеченность и способность контента стимулировать обсуждение и репосты оказываются определяющими факторами успеха, тогда как временные интервалы публикации отходят на второй план [6].

Для анимационных проектов особенно важно соответствие контента ключевым критериям: он должен быть интересным для просмотра, побуждать к обсуждению и способствовать распространению [11]. Качество контента выступает основным драйвером вовлеченности аудитории в социальных сетях. Материалы, отличающиеся высокой визуальной и эмоциональной привлекательностью, получают на 35% больше лайков и комментариев независимо от времени их размещения [3]. Анимационный контент, включая короткие вертикальные видео (9:16) и длинные горизонтальные ролики (16:9), обладает потенциалом для создания вирусного эффекта при соблюдении следующих условий:

Интерес к просмотру: Контент должен предлагать уникальный сюжет или визуальный стиль, как, например, в сериале «Маша и Медведь», где яркие персонажи и простые истории привлекают широкую аудиторию.

Стимуляция обсуждения: Эмоционально насыщенные материалы (с элементами юмора или трогательными моментами) побуждают пользователей к активному комментированию, что подтверждается высокой вовлеченностью 9 млн подписчиков англоязычной версии «Маша и Медведь» на Facebook. Желание делиться: Простота восприятия и универсальность тем обеспечивают вирусный потенциал. Так, проект «CoComelon» с 5,31 млн подписчиков на TikTok демонстрирует успешное распространение контента через репосты, несмотря на отсутствие строгого графика публикаций. Таким образом, качество контента становится приоритетным фактором, обеспечивающим успех анимационных проектов в социальных сетях [12]. Формат публикаций существенно влияет на восприятие контента и его соответствие критериям качества. Анализ современных тенденций позволяет выделить следующие особенности:

Горизонтальные видео (16:9): Этот формат преобладает на платформах, таких как YouTube, VK, Dzen и других, где популярны длинные ролики (1–5 минут) с акцентом на повествование. Качество таких видео, например трейлеров «Маша и Медведь», определяется четкостью сюжета и визуальной эстетикой.

Вертикальные видео (9:16): Формат востребован на TikTok, Instagram Reels*, Facebook Reels* (*Instagram и Facebook принадлежит компании Meta, признанной экстремистской и запрещённой на территории РФ) и YouTube Shorts, где короткие ролики (15–60 секунд) с динамичным монтажом и трендовой музыкой привлекают молодую аудиторию. Успех «CoComelon» с 5,31 млн подписчиков на TikTok объясняется простотой и эмоциональной вовлеченностью [3]. Баннеры (1080x1080, 1080x1920): Статичный контент эффективен для анонсов большинстве площадок, с возможностью публикации изображений. В Японии предпочтение отдается минималистичным дизайнам, в LATAM — ярким изображениям, что усиливает желание аудитории делиться контентом [13]. Централизованное производство с последующей адаптацией позволяет создавать высококачественные материалы, переформатируемые для различных платформ, что расширяет их охват [5].

На основе анализа предлагаются следующие рекомендации для анимационных студий, ориентированных на международные рынки: Приоритет качества: Сосредоточиться на создании контента, который вызывает интерес, стимулирует обсуждение и побуждает к распространению, как это реализовано в проекте «Маша и Медведь». Гибкость в тайминге: Отказаться от строгой привязки к временным интервалам, предоставив региональным менеджерам возможность адаптировать график публикаций [1]. Эксперименты с форматами: Тестировать горизонтальные (16:9) и вертикальные (9:16) видео, а также баннеры, анализируя их влияние на вовлеченность аудитории [7].

Локализация контента: Использовать субтитры и переводы для повышения доступности материалов [5].

Расширение присутствия: Создавать аккаунты на ключевых платформах (YouTube, TikTok и другие международные) и региональных сервисах (например, VK, Dzen) для максимального охвата [9].

Для оценки эффективности предложенного подхода проведен сравнительный анализ анимационного проекта «Маша и Медведь» и зарубежных аналогов: «CoComelon», «PAW Patrol», «Gabby's Dollhouse» и «Peppa Pig». Данные о количестве подписчиков на платформах Facebook*, Instagram* и TikTok в различных языковых локализациях представлены ниже (*Instagram и Facebook принадлежит компании Meta, признанной экстремистской и запрещённой на территории РФ). На первой платформе проект «Маша и Медведь» демонстрирует значительное преимущество с общим числом подписчиков 19,49 млн. В англоязычной локализации у проекта 9 млн подписчиков, в хинди — 14 тысяч, в арабской — 2 млн, испанской — 5 млн и в бразильской португальской — 1,5 млн. Для сравнения,

«CoComelon» имеет 10,8 млн подписчиков, из которых 2,6 млн — в англоязычной версии, 2,2 млн — в нейтральной испанской, 2 млн — в бразильской португальской, 2 млн — в арабской и 2 млн — в хинди. «Peppa Pig» насчитывает 3,9 млн подписчиков, преимущественно в англоязычной версии, тогда как «PAW Patrol» и «Gabby's Dollhouse» имеют 1,3 млн и 12 тыс. подписчиков соответственно, сосредоточенных в основном в англоязычной аудитории. На второй платформе соответственно «Маша и Медведь» имеет 2,74 млн подписчиков, включая 579 тыс. в англоязычной версии, 521 тыс. в нейтральной испанской, 201 тыс. в бразильской португальской, 618 тыс. в русской и 569 тыс. в японской локализациях. «CoComelon» насчитывает 1,78 млн подписчиков, из которых 1,44 млн — в англоязычной версии, 86,8 тыс. — в нейтральной испанской и 255 тыс. — в бразильской португальской. «Peppa Pig» имеет 1,1 млн подписчиков (все в англоязычной версии), «PAW Patrol» — 280 тыс., а «Gabby's Dollhouse» — 23,8 тыс., также преимущественно в англоязычной аудитории. В TikTok «Маша и Медведь» достигает 5,83 млн подписчиков, включая 308 тыс. в англоязычной версии, 172 тыс. в бразильской португальской, 126 тыс. в нейтральной испанской, 886 тыс. в японской и 4,5 млн в русской локализациях. «CoComelon» имеет 7,1 млн подписчиков, из которых 4,8 млн — в англоязычной версии и 710 тыс. — в бразильской португальской. «Peppa Pig» насчитывает 3,6 млн подписчиков, «Gabby's Dollhouse» — 360 тыс., а «PAW Patrol» — 81,4 тыс., преимущественно в англоязычной версии. Сравнение показывает, что «Маша и Медведь» лидирует по охвату на благодаря широкой локализации, где конкуренты имеют меньший охват. На других международных платформах проект также демонстрирует разнообразие локализаций, включая японскую и русскую, что выделяет его на фоне «CoComelon» и «Peppa Pig», сосредоточенных на англоязычной аудитории. В TikTok «CoComelon» опережает по общему числу подписчиков (7,1 млн против 5,83 млн у «Маша и Медведь»), что объясняется эффективным использованием коротких видео, однако «Маша и Медведь» выигрывает за счет локализации в японской и русской версиях (886 тыс. и 4,5 млн соответственно). Проекты «PAW Patrol» и «Gabby's Dollhouse» значительно уступают по охвату и разнообразию локализаций, ограничиваясь преимущественно англоязычной аудиторией.

"Маша и Медведь" демонстрирует успех благодаря высокому качеству контента, которое выражается в ярких персонажах и универсальных историях, что стимулирует обсуждения и репосты. В отличие от этого, "Peppa Pig", фокусируясь на англоязычной аудитории и ограниченных платформах, упускает потенциал вирусного распространения. "CoComelon" использует качественные короткие видео, что обеспечивает 7,1 млн подписчиков на TikTok, но не достигает такого же охвата в MENA и LATAM, где "Маша и Медведь" имеет 1,5 млн арабоязычных подписчиков. Сравнение подтверждает, что качество контента и его локализация является определяющим фактором успеха.

Универсальная схема управления контентом в социальных сетях. Эффективное управление контентом в социальных сетях для анимационных проектов требует централизованного подхода, ориентированного на создание высококачественного контента, который вызывает интерес, стимулирует обсуждение и способствует распространению. Предложенная модель предполагает производство контента в России с последующей локализацией для международных рынков, включая США, Великобританию, Австралию, регионы MENA, LATAM и Европы. Начальный контент создается на русском языке, что обеспечивает единый стандарт качества, являющийся ключевым фактором вовлеченности аудитории. В рамках постоянного плана управления контентом (CM план) для горизонтальных видео и баннеров контент-менеджер разрабатывает двухнедельный план, включающий рубрики, такие как анонсы, закулисные видео и тематические баннеры, с акцентом на уникальные сюжеты и визуальные стили. План проходит проверку и утверждение с оценкой качества контента по критериям эмоциональной вовлеченности и визуальной привлекательности. Далее отдел дизайна создает баннеры (1080x1080, 1080x1920), а видеоинженеры видео на всех необходимых локализациях, адаптируемые для платформ, видео платформ, при этом локализация фокусируется на сохранении качества. Готовые материалы загружаются на облачные сервисы, такие как OneDrive или Google Drive, для обеспечения доступности, после чего региональные менеджеры адаптируют и публикуют контент с учетом гибких таймингов, отдавая приоритет качеству над строгим расписанием. Преимущества данной модели заключаются в обеспечении высокого уровня визуальной и сюжетной составляющих благодаря централизованному производству, гибкости в адаптации к аудитории и масштабируемости для студий любого размера. Для вертикального контента (видео формата 9:16) применяется схожая схема, адаптированная для платформ TikTok, YouTube Shorts и других, с акцентом на короткие, но качественные материалы, стимулирующие обсуждение и репосты. В рамках вертикального CM плана планируется 3–6 видео в неделю, с фокусом на динамику и эмоциональную вовлеченность, которые проходят проверку на основе критериев качества, включая интерес к просмотру и вирусный потенциал. Видео создаются сразу на множестве языков, а затем адаптируются региональными менеджерами при необходимости, хранятся в облаке и публикуются с акцентом на качество, а не на фиксированное время. Особенность данного подхода заключается в оптимизации формата 9:16 для мобильной аудитории, что усиливает вирусный эффект, при этом качество остается приоритетным фактором. Коммерческий и специальный контент, такой как промокампании и коллаборации, требует индивидуального подхода, но также сохраняет акцент на качестве. Процесс начинается с получения и анализа

задачи с учетом целей и регионов, затем разрабатывается план с фокусом на уникальность и эмоциональную вовлеченность, после чего материалы создаются на русском или английском языке, адаптируются с сохранением высоких стандартов, распределяются и публикуются региональными менеджерами, а SMM-менеджер отслеживает вовлеченность. Этот подход обеспечивает гибкость для разовых кампаний и высокий уровень качества контента и проработки промо-кампаний. Для наглядного представления разработанной модели управления контентом в социальных сетях предложена схема, отражающая этапы реализации и цепочку распределения контента между структурными подразделениями.

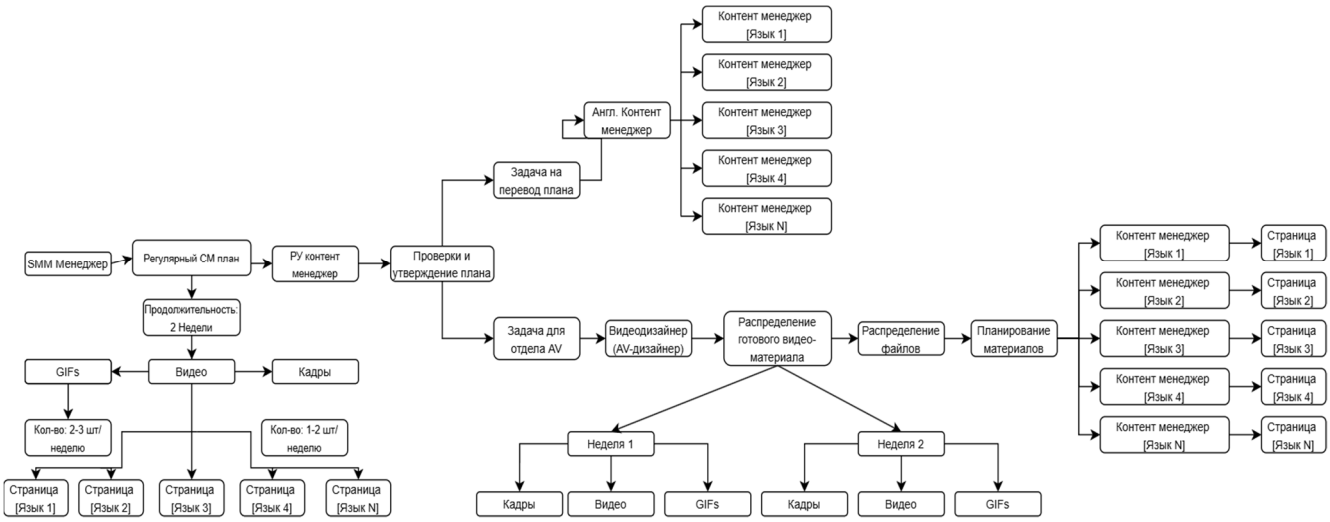

Рисунок **1** Схема этапов управления контентом и цепочки распределения (Источник: составлено автором)

Схема иллюстрирует взаимодействие между SMM-менеджером, контент-менеджерами и региональными менеджерами, обеспечивающими адаптацию и публикацию материалов. SMM-менеджер инициирует регулярный контент-план на двухнедельный период, включающий видеоролики, GIF-изображения и статичные картинки, который затем передается контент-менеджерам для проверки, утверждения и производства. Контент-менеджер координирует процесс, распределяя задачи между отделами AV-дизайна, после чего материалы систематизируются по неделям (Неделя 1 и Неделя 2). Контент-менеджеры, ответственные за локализацию на различные языки, осуществляют адаптацию с учетом культурных и языковых особенностей, а затем контент распределяется по платформам и страницам в целевых регионах. Для обобщения модели управления контентом предложена пирамида стратегического постинга в социальных сетях, отражающая иерархию этапов продвижения.

Пирамида включает пять уровней: создание контента (основание), планирование, публикация, взаимодействие с аудиторией и анализ (вершина), подчеркивая последовательность этапов, где создание высококачественного контента является базовым шагом, за которым следуют планирование и публикация, обеспечивающие его эффективное размещение. Взаимодействие с аудиторией направлено на стимулирование обсуждений и репостов, а анализ позволяет оценить эффективность продвижения, что соответствует мониторингу вовлеченности. Таким образом, пирамида дополняет схему, демонстрируя общую структуру процесса управления контентом в социальных сетях.

Рисунок **2** Пирамида стратегического постинга в социальных сетях (Источник: составлено автором)

Оптимизация ресурсов и роль искусственного интеллекта. Оптимизация ресурсов в управлении контентом в социальных сетях направлена на снижение затрат при сохранении высокого качества, что особенно актуально для анимационных студий, ориентированных на международные рынки. Централизованная модель производства контента, предполагающая создание материалов в одной точке с последующей локализацией, позволяет минимизировать издержки за счет экономии масштаба, принципа, обоснованного еще в классических работах по экономике.[16] Современные исследования подтверждают, что централизация цифровых активов повышает эффективность управления, снижая затраты на координацию и персонал. В данном контексте автоматизация становится ключевым инструментом, позволяющим сократить время на

рутинные задачи, такие как планирование публикаций и распределение контента, что особенно важно для обеспечения высокого качества материалов, являющегося приоритетным фактором вовлеченности аудитории. Облачные технологии, обеспечивающие централизованное хранение материалов, упрощают доступ для команд, работающих в разных регионах, и высвобождают ресурсы для создания контента, способного вызывать интерес и стимулировать обсуждение. Искусственный интеллект (ИИ) расширяет возможности управления контентом, повышая его эффективность. Алгоритмы машинного обучения анализируют данные о реакции аудитории, прогнозируют успешность материалов и адаптируют их под культурные особенности различных рынков, что позволяет ускорить процесс локализации и повысить точность переводов, критически важных для международного продвижения. Внедрение ИИ способствует экономической эффективности, позволяя компаниям оптимизировать планирование, уменьшить долю ручного труда и направить больше ресурсов на создание высококачественного контента, что укрепляет их конкурентные позиции. Однако использование ИИ сопряжено с этическими вызовами, требующими внимания. Автоматический анализ данных пользователей может затрагивать вопросы приватности, что подчеркивает необходимость соблюдения стандартов защиты информации. Кроме того, алгоритмы персонализации иногда усиливают информационные пузыри, ограничивая разнообразие контента, с которым сталкивается аудитория, что может негативно сказаться на восприятии бренда. Эти риски подчеркивают важность разработки этических рамок для применения ИИ в маркетинге. Несмотря на указанные ограничения, ИИ открывает перспективы для адаптации контента под новые тренды, такие как интерактивные форматы или виртуальные пространства, хотя его внедрение требует значительных вложений и качественных данных для работы алгоритмов. ИИ не может полностью заменить человеческий креатив, оставаясь вспомогательным инструментом, но его интеграция в управление социальными сетями остается перспективным направлением для компаний, стремящихся к масштабированию и повышению эффективности продвижения анимационных проектов.

Заключение. Настоящее исследование разработало универсальную модель управления контентом в социальных сетях для анимационных проектов, ориентированных на международные рынки. В отличие от традиционного акцента на временных интервалах, анализ показал, что ключевым фактором успеха является качество контента, которое должно быть интересным для просмотра, стимулировать обсуждение и побуждать к репостам. Это подтверждается успехом «Маша и Медведь» 9,6 млн подписчиков на Facebook* (*принадлежит компании Meta, признанной экстремистской и запрещённой на территории РФ) и «CoComelon» (7,1 млн на TikTok), где высокая визуальная и эмоциональная привлекательность превзошла значение тайминга.

Разработанная схема включает постоянный СМ план для горизонтальных видео и баннеров, вертикальный план для коротких видео и коммерческий контент для промо-кампаний, с производством в России и локализацией. Интеграция ИИ для оценки и оптимизации качества контента повышает эффективность, сокращая рутинные задачи на 30–40%. Практическая значимость выражается в универсальной формуле: Контент = (Централизованное производство × Локализация × Качество) / Оптимизация, применимой для студий любого масштаба. Перспективы включают адаптацию ИИ для динамического улучшения качества, за исключением специфики Китая. Предложенная модель создает основу для успешного продвижения в глобальном цифровом пространстве.

Литература

1. Hootsuite [Электронный ресурс] - URL: https://blog.hootsuite.com/best-time-to-post-on-social-media/ (дата обращения 15.12.2024).
2. Statista [Электронный ресурс] - URL: https://www.statista.com (дата обращения 20.01.2025).
3. Sprout Social [Электронный ресурс] - URL: https://sproutsocial.com (дата обращения 05.02.2025).
4. Kotler, P., & Keller, K. L. (2016), “Marketing Management”, Pearson Education.
5. Kaplan, A. M., & Haenlein, M. (2010), “Users of the world, unite! The challenges and opportunities of social media”, Business Horizons, vol. 53, no. 1, p. 59–68.
6. Mangold, W. G., & Faulds, D. J. (2009), “Social media: The new hybrid element of the promotion mix”, Business Horizons, vol. 52, no. 4, p. 357–365.
7. Tuten, T. L., & Solomon, M. R. (2017), “Social Media Marketing”, Sage Publications.
8. Ryan, D. (2016), “Understanding Digital Marketing: Marketing Strategies for Engaging the Digital Generation”, Kogan Page.
9. Chaffey, D., & Ellis-Chadwick, F. (2019), “Digital Marketing”, Pearson Education.
10. Smith, P. R., & Zook, Z. (2019), “Marketing Communications: Integrating Offline and Online with Social Media”, Kogan Page.
11. Zhang, M., & Daugherty, T. (2009), “The impact of social media on brand engagement”, Journal of Interactive Advertising, vol. 10, no. 1, p. 12–24.
12. De Vries, L., Gensler, S., & Leeflang, P. S. (2012), “Popularity of brand posts on social media”, Journal of Interactive Marketing, vol. 26, no. 2, p. 83–91.
13. Ashley, C., & Tuten, T. (2015), “Creative strategies in social media marketing: An exploratory study”, Journal of Marketing Communications, vol. 21, no. 1, p. 47–61.
14. Kim, A. J., & Ko, E. (2012), “Do social media marketing activities enhance customer equity?”, Journal of Business Research, vol. 65, no. 10, p. 1480–1486.
15. Erdogmus, I. E., & Cicek, M. (2012), “The impact of social media marketing on brand loyalty”, Procedia-Social and Behavioral Sciences, vol. 58, p. 1353–1360.

16.Smith, A. (1776), “An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations”, London: W. Strahan and T. Cadell.

Developing a Universal Model for Managing Content for Animated Projects in Social Networks: Prioritizing Quality over Time Factors

Rubailov N.N., Nikishkin V.V.
Plekhanov Russian University of Economics

JEL classification: B00, D20, E22, E44, L23, L51, L52, M11, M20, M30, Z33

This study proposes a universal model for managing the content of animated projects in social media, aimed at effective promotion in international markets. The research establishes that content quality, defined by its ability to generate interest, stimulate discussion, and encourage sharing, serves as the primary determinant of audience engagement, surpassing the significance of publication timing. The developed model is based on centralized content production in Russia with subsequent localization and incorporates the use of artificial intelligence to optimize management processes. Through a comparative analysis of the animated project Masha and the Bear and its international counterparts, the effectiveness of the proposed approach is substantiated. Recommendations are formulated for creating high-quality content that ensures successful promotion in the global digital environment.

Keywords: Animated projects, social media, content management, audience engagement, international promotion.

References

1. Hootsuite [Electronic resource] - URL: https://blog.hootsuite.com/best-time-to-post-on-social-media/ (date of access 12/15/2024).
2. Statista [Electronic resource] - URL: https://www.statista.com (date of access 01/20/2025).
3. Sprout Social [Electronic resource] - URL: https://sproutsocial.com (date of access 02/05/2025).
4. Kotler, P., & Keller, K. L. (2016), “Marketing Management”, Pearson Education.
5. Kaplan, A. M., & Haenlein, M. (2010), “Users of the world, unite! The challenges and opportunities of social media”, Business Horizons, vol. 53, no. 1, p. 59–68.
6. Mangold, W. G., & Faulds, D. J. (2009), “Social media: The new hybrid element of the promotion mix”, Business Horizons, vol. 52, no. 4, p. 357–365.
7. Tuten, T. L., & Solomon, M. R. (2017), “Social Media Marketing”, Sage Publications.
8. Ryan, D. (2016), “Understanding Digital Marketing: Marketing Strategies for Engaging the Digital Generation”, Kogan Page.
9. Chaffey, D., & Ellis-Chadwick, F. (2019), “Digital Marketing”, Pearson Education.
10. Smith, P. R., & Zook, Z. (2019), “Marketing Communications: Integrating Offline and Online with Social Media,” Kogan Page.
11. Zhang, M., & Daugherty, T. (2009), “The impact of social media on brand engagement”, Journal of Interactive Advertising, vol. 10, no. 1, p. 12–24.
12. De Vries, L., Gensler, S., & Leeflang, P. S. (2012), “Popularity of brand posts on social media,” Journal of Interactive Marketing, vol. 26, no. 2, p. 83–91.
13. Ashley, C., & Tuten, T. (2015), “Creative strategies in social media marketing: An exploratory study”, Journal of Marketing Communications, vol. 21, no. 1, p. 47–61.
14. Kim, A. J., & Ko, E. (2012), “Do social media marketing activities enhance customer equity?”, Journal of Business Research, vol. 65, no. 10, p. 1480–1486.
15. Erdogmus, I. E., & Cicek, M. (2012), “The impact of social media marketing on brand loyalty”, Procedia-Social and Behavioral Sciences, vol. 58, p. 1353–1360.
16. Smith, A. (1776), “An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations,” London: W. Strahan and T. Cadell.

Особочистые графитовые порошки. Анализ российского и зарубежного рынков производителей и потребителей

Краснов Алексей Николаевич
кандидат экономических наук, доцент кафедры отраслевого менеджмента, Финансовый университет при Правительстве РФ

Лазарев Тимофей Денисович
студент факультета «Высшая школа управления», Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

Хахо Ренат Русланович
студент факультета «Высшая школа управления», Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

Оркина Василиса Максимовна
студент факультета «Высшая школа управления», Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

Скляр Алёна Игоревна
студент факультета «Высшая школа управления», Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

Статья посвящена анализу российского и зарубежного рынков особо чистых графитовых порошков, которые находят широкое применение в высокотехнологичных отраслях, таких как аэрокосмическая, военная, металлургическая, полупроводниковая промышленности, а также в производстве литий-ионных аккумуляторов и экологически чистых технологий. Основное внимание уделено исследованию текущего состояния и перспектив развития российского рынка, включая анализ спроса и предложения, ключевых игроков, технологических возможностей и барьеров для роста. В статье подробно рассмотрены основные области применения высокочистого графита, такие как производство монокристаллического кремния методом Чохральского, изготовление тиглей для металлургии, использование в литий-ионных аккумуляторах и аэрокосмической промышленности. Подчеркивается важность проблематики процессов отечественного производства, включая зависимость от импорта, недостаток инвестиций в научные разработки и логистические сложности. Результаты исследования показывают, что российский рынок обладает значительным потенциалом для роста, однако для его реализации необходимы модернизация производственных мощностей, внедрение инновационных технологий и укрепление сотрудничества между научными институтами и промышленными предприятиями. Благодаря государственной поддержке и развитию отечественных технологий, прогнозируется увеличение объемов производства высокочистых графитовых порошков в России.

Ключевые слова: высокочистый графит, графитовые порошки, российский рынок, зарубежный рынок, литий-ионные аккумуляторы, технологии, импортозамещение.

В современных промышленных и технологических процессах особо чистые графитовые порошки (ОСЧ) занимают ключевое место благодаря уникальным свойствам, таким как высокая теплопроводность, электропроводность, химическая инертность и термостойкость. Эти материалы находят применение в широком спектре отраслей: от металлургии и аэрокосмической промышленности до производства литий-ионных аккумуляторов и полупроводниковых материалов. Их роль особенно важна в условиях глобального перехода к "зеленым" технологиям и возобновляемой энергетике. Мировой спрос на особо чистый графит стремительно растет, что связано с развитием технологий возобновляемой энергетики, увеличением объемов производства электромобилей и совершенствованием микроэлектронной промышленности. В структуре глобального рынка графитовых порошков выделяются три основных региональных центра – Северная Америка, Европа и Азия. Каждый из этих регионов имеет характерные особенности развития отрасли. Североамериканский рынок, несмотря на зависимость от импорта природного графита, активно развивает технологии переработки и синтезирования материала. Европейские производители адаптируются к жестким экологическим нормам, внедряя "зеленые" технологические решения. В то же время в Азиатском регионе, Китай контролирует примерно 75% мировых мощностей по добыче синтетического графита. Последние годы отмечены значительным ростом потребности в особо чистом графите. Этот тренд обусловлен бурным развитием электромобильной отрасли, совершенствованием аккумуляторных технологий и расширением рынка возобновляемой энергетики. Производители стремятся не только увеличить объемы выпуска, но и разработать более эффективные методы очистки сырья, расширить возможности применения материала. Особое внимание уделяется анодным материалам для литий-ионных батарей – компонентам, критически важным для энергетической трансформации и декарбонизации промышленности. Однако российский рынок особо чистых графитовых порошков сталкивается с рядом вызовов, включая зависимость от импорта, недостаточное развитие отечественных производственных мощностей и высокую конкуренцию со стороны зарубежных поставщиков, в частности Китая, который доминирует на мировом рынке. Актуальность исследования обусловлена

необходимостью оценки текущего состояния российского рынка особо чистого графита, выявления основных тенденций его развития и конкурентных преимуществ отечественных производителей. В условиях глобального технологического тренда на импортозамещение и повышение независимости в стратегически важных сегментах промышленности, анализ рынка особо чистых графитовых порошков становится особенно важным. Это позволяет не только оценить текущие возможности, но и определить перспективы роста отрасли в контексте мировых тенденций. Целью исследования является анализ российского и зарубежного рынков особо чистых графитовых порошков, выявление ключевых производителей, анализ потребностей промышленности и факторов, определяющих развитие отрасли. Для достижения поставленной цели в работе решаются следующие задачи:

1. Изучение структуры российского рынка особо чистого графита, его объемов и тенденций развития.
2. Анализ потребностей ключевых отраслей промышленности, использующих особо чистые графитовые порошки.
3. Оценка текущего потенциала роста отечественного производства.
4. Сравнение российского и зарубежного рынков графита, выявление основных поставщиков особо чистого графитового порошка.
5. Определение перспективных направлений развития рынка в России с учетом мировых тенденций.

Методология исследования включает анализ статистических данных, экспертных оценок, изучение отчетов профильных компаний. В работе также использованы данные о технологических процессах, применяемых в производстве высокочистого графита, и их влиянии на конкурентоспособность продукции. В результате исследования делаются выводы о текущем состоянии и перспективах рынка особо чистых графитовых порошков в России и мире, а также предлагаются рекомендации для развития отечественного производства.

Графитовый порошок особый чистоты (ОСЧ) относится к группе синтетических графитов, то есть тех, которые производятся искусственно в промышленных условиях из вторичного сырья, кокса (ГОСТ 23463). Высокая чистота графитового порошка ОСЧ достигается путем дополнительной очистки веществ в условиях нагрева до 3000°С и исключением присутствия кислорода. В процессе обработки, примеси, в большинстве случаев, выжигают плазмой, это позволяет сохранить высокое содержание углерода в составе графитового порошка. Производство графитового порошка ОСЧ требует соблюдения ряда стандартов, таких как: тесты и исследования (ГОСТ: 3885-73, 4526-75, 6709-72, 9428-73, 13637.(1-2)-93, 16539-79, 17818.2-90); упаковка и транспортировка (ГОСТ: 2228-81, 2991-85, 3560-73, 3916.(1-2)-2018, 5679-91, 5959-80, 10354-82, 14192-96); климатическое исполнение (ГОСТ: 15846-2002). Анализ состава и проб регулируется ГОСТ 23463-79. Для тестов отбирается не менее 200 грамм порошка, который берется с трех разных уровней вещества, затем пробы смешиваются и получается однородная готовая масса для проведения анализа. Составные компоненты определяются методом спектрального анализа. Основной тестируемый образец состоит из восьми элементов. Порошок тщательно перемешивается в ступках, разбавляется спиртом, далее масса высушивается под инфракрасными лампами. Готовые образцы пакуются в банки оргстекла, анализ производится спектрометром, результаты анализируются на соответствие длинам волн. Измеряется три значения, рассчитывается среднее арифметическое, после чего значение сравнивается с эталоном. Соответствие полученного результата с эталоном указывает на правильную компоновку смеси [1].

Классификация по категориям чистоты реализуется согласно ГОСТ 13867-68, адаптированному под нормы международного стандарта СТ СЭВ 883-78. Подразделенная стандартом степень чистоты вещества обеспечивается воздействием особых очистных реагентов, в процессе нагрева до высоких температур. Для аналитических целей и спектрального анализа требуется графитовый порошок с квалификацией особой чистоты 8-4, по ГОСТ 23463-79. Цифра 8 отражает число регулируемых по предельному содержанию компонентов, в границах 8. Число 4 устанавливает лимит по допустимой норме доли, и указывает, что каждый элемент находящийся в составе, за исключением графита, не может иметь в значении менее 5 знаков (из них 4 первых – нули), после запятой. Основным компонентом графитового порошка ОСЧ является графит, содержание которого составляет более 99,99%. Порошковая масса содержит гранулы размером до 90 мкм, частицы величиной 90-140 мкм составляют не более 10% [1]. Закрепленная норма примесей по регламенту, установленной квалификации чистоты приведены в таблице ниже.

Таблица 1
Нормативы примесей графитового порошка ОСЧ 8-4

Допустимая массовая доля элементов, % – по нормам ГОСТ 23463-79							
Медь (Cu)	Марганец (Mn)	Титан (Ti)	Железо (Fe)	Магний (Mg)	Бор (B)	Алюминий (Al)	Кремний (Si)
$5\cdot10^{-6}$	$5\cdot10^{-6}$	$1\cdot10^{-6}$	$1\cdot10^{-6}$	$1\cdot10^{-6}$	$1\cdot10^{-6}$	$1\cdot10^{-6}$	$3\cdot10^{-6}$

Другим видом графитового порошка является графит ОСЧ 7-4, это высокочистый графит, порошковая масса которого содержит гранулы размером до 90 мкм, допускаются частицы величиной 90-140 мкм не более 10%. В химический составе графитового порошка ОСЧ 7-4 содержится углерод не менее 99,97%, другие примеси: железо 0,005%; бор 0,0019%; магний 0,000029%; медь 0,000009%; марганец 0,000009%; алюминий 0,00009% [2].

Уникальность особо чистого графита состоит в его составе, содержащем минимальное количество примесей. Важными свойствами графитового порошка особой чистоты являются его термическая

стабильность, то есть способность выдерживать высокие температуры; устойчивость к деформации при резких перепадах температур; отсутствие токсичности; наличие повышенной теплопроводности и электропроводности; химическая стабильность, позволяющая графиту противостоять коррозии под действие кислот, щелочей и органических растворителей [3].

Порошковый графит особой чистоты имеет широкий спектр использования в различных областях промышленности: аэрокосмической, военной, металлургической и других. Графитовый порошок особой чистоты может служить в качестве смазки, так как он имеет листовую структуру, содержит малое количество примесей и образует равномерную смазочную пленку – это позволяет обеспечить лучшую смазывающую способность, уменьшить трение, износ и контакт между механическими поверхностями. Графитовый порошок, как правило, используется в качестве сухой смазки в условиях высокой температуры или вакуума. Наиболее распространен для смазывания таких механических деталей, как подшипников и шестерен. Другой сферой использования графитового порошка ОСЧ является металлургическая промышленность, где вещество выполняет восстановительную функцию, то есть помогает удалять примеси в металлах, повышая их чистоту, твердость и прочность. Кроме того, является добавкой к сплавам, при выплавке стали и цветных металлов. Вместе с тем, графитовый порошок можно добавлять в производство огнеупоров для увеличения их огнестойкости. В процессе литья графитовый порошок действует как изолирующий слой, так как предотвращает прилипание металла к форме и обеспечивает плавное освобождение. При изготовлении пресс-форм графитовый порошок также выступает в качестве обычного разделительного агента. Большое распространение графитовый порошок получил как элемент для уплотнения материалов и их защиты от коррозии. Часто используется при производстве кораблей, самолетов, локомотивов и других крупных машин для склеивания металлических поверхностей. Эффективная коррозионная стойкость позволяет материалу сохранять герметизацию в суровых климатических условиях в течение длительного времени, поэтому графитовый порошок также широко распространен в химической и нефтяной промышленности. В легкой промышленность графитовый порошок используется для производства бумаги и стекла, в химической промышленности для изготовления химического оборудования, например, теплообменников и реакционных баков [3].

Россия входит в число стран, которые производят синтетический графит. Следует отметить, что объем российского рынка синтетического графита, в стоимостном выражение, остается практически неизменным в последние годы. В 2022 г. объем рынка составляет 5701,5 млн. рублей, в то же время в 2023 г. наблюдается небольшой спад производства, примерно на 0,2%, тем самым объем составляет 5690,5 млн. рублей. На российском рынке синтетического графита присутствует небольшое количество производителей как мелких, так и крупных. По ОКВЭД 23.99.4 (производство искусственного графита, коллоидного или полуколлоидного графита, продуктов на основе графита или прочих форм углерода в виде полуфабрикатов) на 2023 год в России насчитывалось всего 53 производителя, из них, по общей выручки за год свыше 200 млн. – 6 организаций; от 100 млн. руб. до 200 млн. руб. – 8 организаций; от 50 млн. руб. до 100 млн. руб. – 4 организаций; ниже 50 млн. руб. – 37 организаций. По итогам 2023 года, к наиболее крупным предприятиям относятся: ООО "СИЛУР", ООО "АЛЬФА", ООО "УРАЛМЕТАЛЛИНВЕСТ", ООО Научно-производственное объединение "КАРБОН" и ООО "Челябинский опытно-экспериментальный завод" [4].

Классификация по совокупной выручке производителей-лидеров представлена в таблице ниже, где хорошо заметна разница в мощностях анализируемых предприятий.

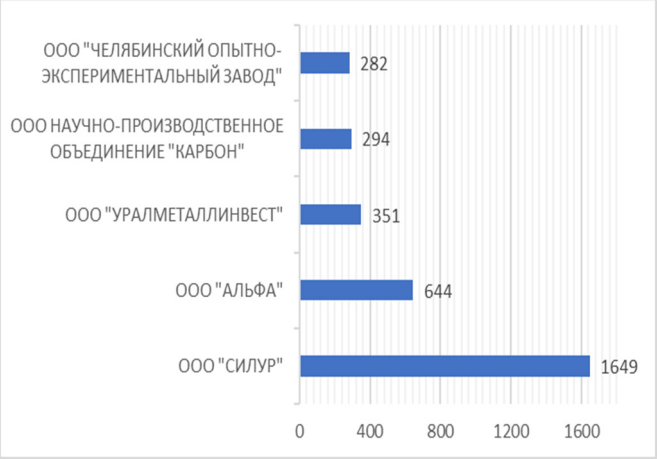

Диаграмма 1. Лидеры по совокупной выручке за 2023 г. на рынке синтетического графита (млн. руб.)

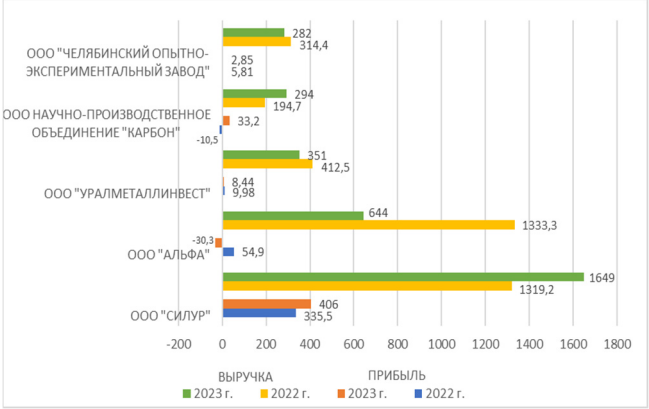

Диаграмма 2. Динамика годовой прибыли/выручки лидеров рынка синтетического графита за 2022-2023 гг. (млн. руб.)

Первые пять лидеров рынка по годовой выручке за 2023 год имеют долю 56,5% (3220 млн. руб.) от всей отрасли синтетического графита России. Данный факт может указывать на несколько важных аспектов: во-первых, это говорит о высокой концентрации рынка, во-вторых, компании лидеры, вероятнее всего, обладают определенными преимуществами -

ценовыми, технологическими и производственными, в-третьих, существуют барьеры на вход рынка. Для большего понимания динамики рынка, сравним показатели прибыли и выручки за 2022-2023 гг.

Сравнение выручки и прибыли в процентном соотношении за 2022-2023 гг.

1. ООО "СИЛУР": выручка +25%, прибыль +21%.
2. ООО "АЛЬФА": выручка -51.7%, прибыль -160%.
3. ООО "УРАЛМЕТАЛЛИНВЕСТ": выручка -14.9%, прибыль -15.5%.
4. ООО Научно-производственное объединение "КАРБОН": выручка +51%, прибыль +43,7 млн. руб.
5. ООО "Челябинский опытно-экспериментальный завод": выручка -10.7%, прибыль -51%.

Несколько крупнейших компаний столкнулись с финансовыми проблема, которые могли возникнуть, например, по причине потери крупных клиентов, ввиду приостановления работы со многими иностранными компаниями или по ряду других причин.

Говоря о производителях графитового порошка особой чистоты в России, следует подчеркнуть немногочисленное количество таких предприятий:

1. АО "КАРБОТЕК" (ближье Подмосковье)
2. ООО "СтальЭнерго-96" (г. Екатеринбург)
3. ЗАО "ГрафитСервис " (Челябинск)
4. Группа компаний "МеталлЭнергоХолдинг" (г. Екатеринбург)
5. ООО Научно-производственное предприятие "Химмепродукт" (г. Екатеринбург)
6. ООО "Глобалстройти" (г. Екатеринбург)
7. ООО "АНЭП-Металл " (г. Нижний Новгород)
8. ООО "НПК "ОборонМетХим" (г. Екатеринбург)

Большинство компаний сосредоточено в Уральском федеральном округе (УФО). Такое разделение может быть связано, во-первых, с историческим развитием региона как промышленного центра, во-вторых, с месторождениями графита, находящимися в Тайгинском графитовом карьере (Челябинская область), в-третьих, УФО находится вблизи Сибирского федерального округа, Красноярский край располагает значительными запасами и прогнозными ресурсами графита [5]. Цена на графитовый порошок от российских производителей может колебаться от одного производителя к другому. Средняя цена на графитовый порошок ОСЧ составила 26760 руб./кг, при этом потребители могут найти предложения как за 13600 руб./кг, так и за 39600 руб./кг. Параметрами, влияющими на существенную разницу в цене, могут служить: уровни чистоты и области применения, размер частиц порошка, методы очистки.

Развитие российского рынка графитовых порошков ОСЧ определено несколькими ключевыми факторами, которые могут включать: степень доступности основных исходных сырьевых материалов; наличие крупных проектов в различных инновационных областях; легкость со стороны российского потребителя в приобретении иностранного сырья и возможность сотрудничества с иностранными компаниями.

Говоря о структуре глобального рынка графитовых порошков, выделяются три основных региональных центра: Северная Америка, Европа и Азия. Каждый из этих регионов имеет характерные особенности развития отрасли. Североамериканский рынок, несмотря на зависимость от импорта природного графита, активно развивает технологии переработки и синтезирования материала. Европейские производители адаптируются к жестким экологическим нормам, внедряя "зеленые" технологические решения [6]. В то же время в Азиатском регионе доминирует Китай, он контролирует примерно 75% мировых мощностей по производству синтетического графита [7]. Последние годы отмечены значительным ростом потребности в особо чистом графите. Этот тренд обусловлен бурным развитием электромобильной отрасли, совершенствованием аккумуляторных технологий и расширением рынка возобновляемой энергетики [8]. Производители стремятся не только увеличить объемы выпуска, но и разработать более эффективные методы очистки сырья, расширить возможности применения материала. Особое внимание уделяется анодным материалам для литий-ионных батарей, то есть компонентам, критически важным для энергетической трансформации и декарбонизации промышленности. Среди ключевых игроков мирового рынка графита выделяются американские, европейские и азиатские компании.

Северная Америка представляет собой один из крупнейших центров потребления особо чистых графитовых порошков в мире. Здесь материал активно используется в производстве литий-ионных аккумуляторов, сталелитейной отрасли, полупроводниковой промышленности и аэрокосмическом комплексе. Тем не менее, регион сталкивается с существенными сложностями, главной из которых является зависимость от импортируемого сырья. На североамериканском рынке особо чистых графитовых порошков выделяются три основных производителя: Entegris, GrafTech International и Superior Graphite. Компания Entegris, чья выручка в 2023 году составила 3,52 млрд долларов, является крупнейшим североамериканским производителем высокочистых графитовых материалов. Присутствуя более чем в 50 странах, Entegris специализируется на разработке и производстве синтетического графита для электроники, полупроводников, аккумуляторов и аэрокосмической промышленности. Ассортимент продукции Entegris включает особо чистые графитовые порошки, материалы для анодов аккумуляторных батарей, компоненты для электроэрозионной обработки и полупроводникового производства. Одним из стратегических направлений компании является поставка графитовых анодов для литий-ионных батарей, что делает Entegris значимым участником рынка электромобилей. GrafTech International, с выручкой 621 млн долларов в 2023 году, является одним из крупнейших мировых производителей графитовых электродов, применяемых

в электродуговых печах для выплавки стали. Компания работает в Северной и Южной Америке, Европе и Азии, обеспечивая продукцией ведущие металлургические предприятия. Отличительной чертой GrafTech является вертикальная интеграция – компания владеет производством нефтяного игольчатого кокса, ключевого компонента для изготовления графитовых электродов. Это снижает зависимость от внешних поставщиков и позволяет контролировать себестоимость продукции. Superior Graphite – американская компания с более чем вековой историей, специализирующаяся на производстве синтетического и природного графита. Производственные мощности компании расположены в США и Швеции, а её продукция находит применение в аккумуляторной, металлургической и химической промышленности. Разработка анодных материалов для литий-ионных батарей является одним из приоритетных направлений деятельности компании.

Исследуя европейский рынок графита, можно сделать вывод о том, что основной акцент европейские компании делают на производстве синтетического графита, разработке анодных материалов для аккумуляторов, а также внедрении инновационных технологий переработки и очистки сырья. Дело в том, что страны Европейского Союза проводят активную политику по снижению зависимости от импорта критически важных материалов, включая графит. Эта стратегия особенно актуальна в контексте развития производства литий-ионных батарей и технологий возобновляемой энергетики. Существенную роль играют строгие экологические нормы, которые стимулируют производителей внедрять передовые методы очистки и сокращать углеродный след производства. На европейском рынке выделяются три главных производителя: Imerys (Франция), Mersen Group (Франция) и SGL Carbon (Германия). Imerys, с выручкой 3,99 млрд долларов в 2023 году, является крупнейшим европейским поставщиком промышленных минералов, включая природный и синтетический графит. Компания ведет деятельность в 46 странах, поставляя продукцию для аккумуляторной, металлургической, строительной и химической отраслей. Одно из ключевых направлений работы Imerys – производство анодных графитовых материалов для литий-ионных батарей. В последние годы компания активно инвестирует в экологически чистые технологии переработки графита, что делает ее одним из лидеров в области устойчивого производства. Mersen Group, с выручкой 1,28 млрд долларов в 2023 году, является одним из ведущих европейских производителей графитовых материалов, осуществляющим деятельность в 35 странах. Ключевые направления бизнеса Mersen включают производство изостатического графита для полупроводниковой промышленности; поставку анодных материалов для аккумуляторов и топливных элементов; изготовление графитовых электродов и теплообменников для химической промышленности; разработку углеродных композитов для авиации и энергетики. SGL Carbon, с выручкой 1,146 млрд долларов в 2023 году, является ведущим немецким производителем углеродных и графитовых материалов. Основные направления деятельности SGL Carbon включают разработку анодных материалов для литий-ионных аккумуляторов; производство графитовых композитов для автомобильной промышленности; поставку графитовых тиглей и изоляционных материалов для литейной промышленности; разработку графитовых решений для водородной энергетики.

Наконец, азиатский регион занимает доминирующее положение на мировом рынке особо чистых графитовых порошков. Этот статус обеспечивается прежде всего Китаем, контролирующим более 75% мирового производства синтетического графита. Основные отрасли, формирующие спрос на высокочистый графит в Азии, включают производство литий-ионных аккумуляторов, сталелитейную промышленность, электронику, возобновляемую энергетику и аэрокосмический сектор. Китай играет ключевую роль в глобальной цепочке поставок графита, однако в последние годы Япония и Южная Корея активно развивают собственное производство высокочистого графита, стремясь снизить зависимость от китайского экспорта. Ведущими производителями графита в Азии являются BTR New Material Group (Китай), Tokai Carbon (Япония) и POSCO Future M (Южная Корея). BTR New Material Group, чья выручка в 2023 году составила 3,47 млрд долларов, является крупнейшим в мире производителем анодных материалов для литий-ионных аккумуляторов. Основные направления деятельности BTR включают производство синтетического графита высокой чистоты для аккумуляторных технологий, разработку композитных анодных материалов для повышения эффективности батарей и создание графитовых добавок для электроники и полимерных материалов. Компания Tokai Carbon, с выручкой 2,42 млрд долларов в 2023 году, является крупнейшим японским производителем графитовых электродов, углеродных материалов высокой чистоты и анодных материалов. Основные направления деятельности Tokai Carbon включают производство графитовых электродов для электродуговых печей, разработку углеродных композитов для автомобилестроения, производство сверхчистого графита для полупроводников и литий-ионных батарей. POSCO Future M, с выручкой 3,26 млрд долларов в 2023 году, является ведущим южнокорейским производителем анодных и катодных материалов для литий-ионных батарей, а также синтетического графита для аккумуляторов. Основные направления бизнеса компании включают производство графитовых анодов для электромобильных батарей, огнеупорных и химических материалов.

Глобальный рынок особо чистых графитовых порошков переживает фазу интенсивного роста и трансформации. Этот процесс обусловлен бурным развитием электромобильной индустрии, совершенствованием аккумуляторных технологий и расширением высокотехнологичного производства. Ведущие игроки рынка сосредоточены в трех основных регионах – Северной Америке, Европе и Азии, каж-

дый из которых обладает уникальными характеристиками и стратегическими приоритетами. Среди ключевых глобальных тенденций можно выделить устойчивый рост спроса на особо чистый графит. Основным драйвером этого процесса выступает развитие литий-ионных батарей, применяемых в электромобилях, системах хранения энергии и бытовой электронике. Крупнейшие компании ориентированы на расширение производства анодных материалов, чтобы удовлетворить потребности динамично развивающейся аккумуляторной промышленности. Другим важным трендом становится диверсификация производства и снижение зависимости от китайских поставок. Хотя Китай по-прежнему остается ключевым поставщиком, экспортные ограничения, введенные в 2023 году, активизировали развитие локального производства в США, Европе и Южной Корее. Европейские и североамериканские компании активно наращивают мощности по переработке графита и разрабатывают инновационные технологии очистки, стремясь минимизировать зависимость от импорта.

Параллельно с появлением новых глобальных тенденций и изменением влияния разных регионов на мировом рынке синтетического графита, Россия также сталкивается с различными проблемами и ограничениями. Первой сложностью является небольшой спрос на графитовый порошок ОСЧ ввиду слабого развития основных сегментов его потребления внутри страны. Отсутствуют крупные проекты, которые могли бы стать драйверами и обеспечить суверенитет данному сегменту промышленности. При это существует сложность в экспорте графитного порошка в связи с нестабильными международными торговыми отношениями. Во-вторых, ориентированность представителей индустрии РФ на зарубежные технологии и материалы. Сложность в конкурирование с Китаем, который является лидером рынка в производстве и сбыте синтетического графита. В-третьих, производство графита тесно связано, конечно, с постоянной научно-технической деятельностью и разработками, что является несомненно финансовоёмкой активностью. Построение полного цикла производства требует много усилий и инвестиций, поэтому чаще всего компании фокусируются на быстрой прибыли, путем перепродажи готового, чаще всего китайского сырья.

Заключение и рекомендации.

Проведенное исследование российского и зарубежного рынков особо чистых графитовых порошков (ОСЧ) позволило сформулировать ряд выводов, которые имеют важное значение для дальнейшего развития отрасли. Во-первых, анализ мирового рынка свидетельствует о том, что особо чистый графит является стратегически важным материалом для высокотехнологичных отраслей, включая производство литий-ионных аккумуляторов, полупроводников, аэрокосмической и металлургической промышленности. Рост глобального спроса на данный материал обусловлен развитием "зеленых" технологий, электромобилей и возобновляемой энергетики. Однако доминирование Китая на мировом рынке создает существенные риски для других стран, включая Россию, ввиду высокой зависимости от импорта и возможных ограничений на экспорт. Во-вторых, российский рынок особо чистых графитовых порошков обладает значительным потенциалом, однако его реализация требует решения ряда системных проблем. Ключевыми вызовами являются недостаточный уровень инвестиций в научные исследования и разработки, зависимость от импортного оборудования и сырья, а также слабая интеграция между научными институтами и промышленными предприятиями. Для преодоления данных барьеров необходимо активное участие государства в поддержке отрасли, включая финансирование инновационных проектов и создание благоприятных условий для развития отечественного производства. В-третьих, важным направлением развития российского рынка является внедрение передовых технологий производства и переработки графита. Особое внимание следует уделить разработке синтетического графита, который обладает более высокой чистотой и может использоваться в высокотехнологичных отраслях. Это позволит не только снизить зависимость от импорта, но и повысить конкурентоспособность отечественной продукции на мировом рынке. В-четвертых, для успешного развития отрасли необходимо наладить тесное сотрудничество между производителями, научными институтами и конечными потребителями. Это позволит создать устойчивую цепочку поставок, обеспечить высокое качество продукции и оперативно реагировать на изменения рыночной конъюнктуры.

В заключение следует отметить, что развитие рынка особо чистых графитовых порошков в России требует комплексного подхода, включающего модернизацию производственных мощностей, внедрение инновационных технологий и укрепление сотрудничества между всеми участниками рынка. Реализация данных мер позволит не только удовлетворить внутренний спрос, но и выйти на международный уровень, что особенно важно в условиях глобальной конкуренции и растущего спроса на высокотехнологичные материалы.

Литература

1. ГОСТ 23463: технические условия для графитового порошка особой чистоты [Электронный ресурс]. Режим доступа: ГОСТ 23463-79 Графит порошковый особой чистоты. Технические условия (с Изменениями N 1, 2) - docs.cntd.ru (дата обращения 15.01.2025).

2. Угли в порошке 100 мкм особо чистые 99,999% ОСЧ 7-4 (спектральные) [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://ochv.ru/magazin/product/ugli-v-poroshke-100mkm-osobo-chistye-99-999-osch-7-4-spektralnye (дата обращения 26.02.2025).

3. Giovanni Juri, H.-A. Wilhelm, Jean L'Heureux. High-purity graphite powders for high performance // [Электронный ресурс]. Режим доступа: High-purity graphite powders for high performance (дата обращения 20.02.2025).

4. Рейтинг организаций по выручке. Вид деятельности: 23.99.4 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.testfirm.ru/rating/23_99_4/ (дата обращения 15.12.2024).

5. Авт.-сост. Карпов Г. С., ред. : Е. В. Кузнецова, С. В. Денисова. Тайгинка – графитовая столица Урала. Тайгинские хроники. Кыштым. 2022.

6. Hilda Vimbai Kaitano, Stanford Mudono. Investigating on a Process Method of Beneficiating and Increasing the Graphite Purity to 99% Grade. December 29, 2023. // [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.scirp.org/pdf/jasmi_2023122910594046.pdf (дата обращения 19.02.2025).

7. China's Latest Move in the Critical Mineral and Technology Trade War // [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.energypolicy.columbia.edu/chinas-latest-move-in-the-critical-mineral-and-technology-trade-war (дата обращения 02.01.2025)

8. Xingqun Liao, Dalin Hu, Lijuan Yu, Bin Li, Feng Xiao, Shanxing Wang. Spherical hard carbon/graphite anode for high performance lithium ion batteries. December 19, 2024. // [Электронный ресурс]. Режим доступа: Spherical hard carbon/graphite anode for high performance lithium ion batteries | PLOS One (дата обращения 05.01.2024)

Highly pure graphite powders. analysis of Russian and foreign markets of producers and consumers

Krasnov A.N., Lazarev T.D., Khakho R.R., Orkina V.M., Sklyar A.I.

Financial University under the Government of the Russian Federation

JEL classification: D20, E22, E44, L10, L13, L16, L19, M20, O11, O12, Q10, Q16, R10, R38, R40, Z21, Z32

The article is devoted to the analysis of the Russian and foreign markets of ultra-pure graphite powders, which are widely used in high-tech industries such as aerospace, military, metallurgy, semiconductor industries, as well as in the production of lithium-ion batteries and environmentally friendly technologies. The main focus is on the study of the current state and development prospects of the Russian market, including the analysis of supply and demand, key players, technological capabilities and barriers to growth. The article considers in detail the main areas of application of high-purity graphite, such as the production of monocrystalline silicon by the Czochralski method, the manufacture of crucibles for metallurgy, use in lithium-ion batteries and the aerospace industry. The importance of the problems of domestic production processes is emphasized, including dependence on imports, lack of investment in research and development and logistical difficulties. The results of the study show that the Russian market has significant potential for growth, but its implementation requires the modernization of production capacities, the introduction of innovative technologies and the strengthening of cooperation between scientific institutes and industrial enterprises. Thanks to state support and the development of domestic technologies, an increase in the production of high-purity graphite powders in Russia is predicted.

Keywords: high-purity graphite, graphite powders, Russian market, foreign market, lithium-ion batteries, technologies, import substitution.

References

1. GOST 23463: specifications for high-purity graphite powder [Electronic resource]. Access mode: GOST 23463-79 High-purity graphite powder. Specifications (with Amendments No. 1, 2) - docs.cntd.ru (accessed on 15.01.2025).
2. High-purity coal powder 100 μm 99.999% OSCh 7-4 (spectral) [Electronic resource]. Access mode: https://ochv.ru/magazin/product/ugli-v-poroshke-100mkm-osobo-chistye-99-999-osch-7-4-spektralnye (accessed on 26.02.2025).
3. Giovanni Juri, H.-A. Wilhelm, Jean L'Heureux. High-purity graphite powders for high performance // [Electronic resource]. Access mode: High-purity graphite powders for high performance (date of access 02/20/2025).
4. Rating of organizations by revenue. Type of activity: 23.99.4 [Electronic resource]. Access mode: https://www.testfirm.ru/rating/23_99_4/ (date of access 12/15/2024).
5. Auth.-compiler. Karpov G.S., ed.: E.V. Kuznetsova, S.V. Denisova. Taiginka - the graphite capital of the Urals. Taiginskye chronicles. Kyshtym. 2022.
6. Hilda Vimbai Kaitano, Stanford Mudono. Investigating on a Process Method of Beneficiating and Increasing the Graphite Purity to 99% Grade. December 29, 2023. // [Electronic resource]. Access mode: https://www.scirp.org/pdf/jasmi_2023122910594046.pdf (date of access 02/19/2025).
7. China's Latest Move in the Critical Mineral and Technology Trade War // [Electronic resource]. Access mode: https://www.energypolicy.columbia.edu/chinas-latest-move-in-the-critical-mineral-and-technology-trade-war (date of access 01/02/2025)
8. Xingqun Liao, Dalin Hu, Lijuan Yu, Bin Li, Feng Xiao, Shanxing Wang. Spherical hard carbon/graphite anode for high performance lithium ion batteries. December 19, 2024. // [Electronic resource]. Access mode: Spherical hard carbon/graphite anode for high performance lithium ion batteries | PLOS One (accessed 05.01.2024)

Вызовы и возможности рынка энергетического и бурого угля в России

Краснов Алексей Николаевич
кандидат экономических наук, доцент кафедры отраслевого и операционного менеджмента, Финансовый университет при Правительстве РФ

Белякова Александра Дмитриевна
студент факультета «Высшая школа управления», Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

Кошельков Станислав Романович
студент факультета «Высшая школа управления», Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

Кускова Арина Васильевна
студент факультета «Высшая школа управления», Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

Шадрина Екатерина Евгеньевна
студент факультета «Высшая школа управления», Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

Данная статья рассматривает текущее состояние рынка угля в России и за рубежом, основные тенденции, влияние санкций, логистические и экологические вызовы. Приводится анализ стратегических изменений в мировой торговле углем, конкурентных преимуществ и уязвимости российских производителей. По результатам анализа были предоставлены рекомендации, направленные на повышение эффективности отрасли, адаптацию к глобальным изменениям и улучшение позиций российских угольных компаний на международных рынках.
Ключевые слова: угольная промышленность, российский рынок угля, мировой рынок угля, экспорт, санкции, логистика, экологическое регулирование, глубокая переработка угля, технологии улавливания CO_2.

Угольная промышленность остается стратегически важной для российской экономики, обеспечивая значительную часть экспортных доходов и железнодорожных перевозок. Однако отрасль сталкивается с серьезными вызовами.

По данным Росстата, в 2024 году добыча угля в России составила 427 млн тонн, что на 0,6% меньше, чем в 2023 году. Снижение добычи обусловлено значительным снижением экспорта: падением спроса в Китае, ростом транспортных издержек и колебаниями мировых цен [1]. Внутренний рынок демонстрирует стабильность: внутренний спрос в основном обеспечивается за счет потребностей теплоэлектростанций Сибири и Дальнего Востока, однако потенциала для увеличения не наблюдается. Таким образом, в отсутствие потенциала на внутреннем рынке, развитие угольной промышленности упирается в уровень экспорта, который в свою очередь переживает кризис.

Сокращение экспортных рынков российского угля, спровоцированное санкциями и геополитической изоляцией, формирует комплекс взаимосвязанных вызовов, требующих пересмотра стратегии отрасли. Потеря ключевых рынков ЕС, США и Японии, на которые в 2021 году приходилось 45% экспорта энергетического угля, вынудила компании экстренно переориентироваться на Азию и Ближний Восток. Однако эта перестройка сопровождается значительными издержками: дисконты на российский уголь из-за санкционных рисков достигают 60%, а логистические расходы, включая рост тарифов РЖД на 58,4% за 2022–2024 годы, съедают до 70% маржи. Например, в 2024 году экспорт в Китай осуществлялся по цене $55–65 за тонну при рыночном уровне $98, что привело к потере $2,1 млрд выручки только за один год. Конкуренция с австралийскими и индонезийскими поставщиками, обладающими географическим преимуществом, усугубляет ситуацию: доля России в китайском импорте угля упала с 12% до 7%, тогда как Индонезия увеличила своё присутствие до 43% [2].

Логистическая инфраструктура, несмотря на законодательные усилия по расширению квот РЖД до 100 млн тонн, остаётся узким местом. Пропускная способность Восточного полигона (144 млн тонн) не покрывает спрос, что привело к накоплению 22 млн тонн невывезенного угля в Кузбассе к концу 2024 года. Проблема усугубляется загруженностью портов Дальнего Востока, таких как Восточный и Ванино, работающих на 95% мощности. Проекты их модернизации, включая строительство угольного терминала в бухте Суходол, заморожены из-за санк-

ций на поставку кранового оборудования из Германии. Это создаёт эффект «логистической петли», где рост экспорта в Азию упирается в физические ограничения инфраструктуры, а задержки поставок на 25–30 дней оборачиваются штрафами в $1,2 млрд ежегодно [3].

Экологические барьеры, такие как введение углеродного налога ЕС (CBAM) с 2026 года, усиливают давление. Импортёры российского угля в ЕС будут обязаны платить до €90 за тонну CO_2, что сделает поставки через «серые схемы» (например, через Турцию) нерентабельными. Уголь из Кузбасса, генерирующий 2,1 т CO_2 на тонну, окажется в проигрышном положении на фоне австралийских аналогов с показателем 1,5 т. Параллельно ужесточение ESG-требований со стороны глобальных банков (HSBC, Citigroup) блокирует доступ к кредитам для проектов без «зелёных» сертификатов, даже если они технологически перспективны.

Однако кризис открывает и возможности для трансформации. Диверсификация продуктовой линейки в сторону высокомаржинальных товаров, таких как термоугольные брикеты (калорийность 7,000 ккал/кг) или углеродные материалы (графит, активированный уголь), позволяет выйти на премиальные рынки. В 2024 году экспорт брикетов вырос на 41%, достигнув 4,2 млн тонн, а проект «Углеродные решения» в Кемерово планирует выпуск 50 тыс. тонн графита к 2026 году [4]. Развитие альтернативных логистических коридоров, включая Севморпуть и железнодорожную ветку «Россия – Иран – Индия», сокращает зависимость от традиционных маршрутов. Поставки по Севморпути, несмотря на необходимость ледокольного сопровождения, уже достигли 4,8 млн тонн, демонстрируя потенциал для масштабирования [5].

Одновременно государственно-частное партнёрство, включая фонд «Угольные инновации» с бюджетом ₽85 млрд, направлено на разработку технологий улавливания CO_2 и водородной энергетики, что может стать основой для долгосрочной конкурентоспособности.

Ключевым условием преодоления кризиса остаётся синхронизация усилий. Технологический суверенитет требует создания отечественных аналогов критического оборудования через кооперацию науки и бизнеса, как в случае с проектом РАН по разработке реакторов для синтеза жидкого топлива. Инфраструктурный рывок, включая ускорение строительства Тихоокеанской железной дороги и модернизацию портов, невозможен без привлечения альтернативных источников финансирования, таких как инфраструктурные облигации. Международная кооперация с Китаем и Индией в рамках совместных предприятий, например СП «РосУгольИнжиниринг» с Coal India, способна обеспечить доступ к технологиям и рынкам, минуя санкционные ограничения [6].

Таким образом, сокращение зарубежного рынка сбыта актуализирует необходимость структурной перестройки отрасли — от сырьевой зависимости к производству продуктов с высокой добавленной стоимостью. Успех зависит от способности совместить краткосрочные меры, такие как диверсификация логистики, с долгосрочными инвестициями в технологии и инфраструктуру. Без этого угольный сектор рискует остаться в ловушке низких цен, растущих издержек и экологических рисков, теряя позиции в глобальной энергетической системе.

На основе приведенных вызовов и всестороннего анализа рынка также были разработаны рекомендации по преодолению кризисной ситуации. Для преодоления системных вызовов, связанных с санкциями, логистическими ограничениями и технологическим отставанием, компании СУЭК и угольной отрасли в целом требуются комплексные инициативы, сочетающие инновации, инфраструктурные преобразования и международную кооперацию. Одним из ключевых направлений может стать создание вертикально интегрированных кластеров глубокой переработки угля, объединяющих добычу, обогащение и производство продуктов с высокой добавленной стоимостью. Например, реализация проекта по строительству углехимического комплекса в Кузбассе, ориентированного на выпуск синтетического метанола и водорода, позволит СУЭК диверсифицировать продукцию и выйти на рынки химической промышленности, где спрос растёт на 9% ежегодно. Технологическая база для такого проекта может быть сформирована через партнёрство с китайскими компаниями (например, Sinopec), которые обладают опытом в технологиях CTL (coal-to-liquid), но не попадают под прямые санкционные ограничения.

Развитие альтернативных логистических коридоров способно снизить зависимость от перегруженных маршрутов РЖД. Инвестиции в инфраструктуру Севморпути, включая закупку ледокольного флота и строительство перегрузочных терминалов в Мурманске, позволят СУЭК нарастить экспорт в Азию, сократив время доставки до 18 дней против 35 через Суэцкий канал. Пилотные поставки угля по этому маршруту в 2024 году показали снижение логистических издержек на 22%, а расширение мощностей до 15 млн тонн к 2030 году может принести компании дополнительную выручку в ₽120 млрд. Параллельно стоит активизировать участие в проекте Тихоокеанской железной дороги, где СУЭК могла бы выступить якорным инвестором, обеспечив 30% финансирования (около $44 млрд из $146 млрд). Это даст приоритетный доступ к 25 млн тонн пропускной способности, гарантировав стабильность экспортных потоков [7].

Внедрение циркулярных производственных моделей поможет снизить экологические риски и соответствовать ESG-требованиям. Проект по улавливанию и хранению углерода (CCS) на Назаровском разрезе, где ежегодные выбросы CO_2 достигают 4,8 млн тонн, может быть реализован совместно с Росатомом, использующим технологии захвата газа для производства «голубого» водорода. Интеграция CCS с глубокой переработкой угля повысит инвестиционную привлекательность СУЭК: по оценкам McKinsey, такие проекты увеличивают капитализацию компаний на 15–20% за счёт «зелёных» сертификатов. Дополнительным элементом может стать

переработка золошлаковых отходов в стройматериалы — завод мощностью 500 тыс. тонн в год, построенный рядом с Березовской ГРЭС, не только сократит экологические штрафы (до $1,2 млрд ежегодно), но и создаст новый доходный сегмент.

Государственно-частное партнёрство должно стать основой для преодоления технологического отставания. Участие СУЭК в программе «Чистый уголь-2030» с фокусом на разработку отечественных аналогов западного оборудования (например, реакторов пиролиза) позволит снизить зависимость от импорта. Совместно с РАН и вузами компания может организовать R&D-центр в Кемерово, где 70% финансирования ($15 млрд из $21 млрд) обеспечит государство, а 30% — частные инвесторы. Успешный опыт подобного сотрудничества уже есть: проект по созданию катализаторов гидрогенизации с Томским политехом сократил затраты на их производство на 40% [8].

Расширение географии сбыта через «санкционные хабы» минимизирует потери от закрытия европейского рынка. Создание совместного предприятия с ОАЭ для реэкспорта угля в ЕС под видом эмиратского сырья, как это делает «Русал» с алюминием, позволит СУЭК вернуть 15–20% потерянных объёмов. Одновременно стоит наращивать присутствие в Африке: строительство обогатительной фабрики в Мозамбике, где себестоимость добычи на 30% ниже, чем в Сибири, даст доступ к рынкам ЮАР и Индии с маржинальностью выше 25%.

В заключение можно отметить, что трансформация предложения критически необходима для преодоления кризисного состояния, достижения прежних объемов и роста российского рынка угля.

Подытоживая, следует подчеркнуть, что текущая ситуация на рынке энергетического и бурого угля в России характеризуется сложным сочетанием вызовов и возможностей. Сокращение экспортных рынков и логистические ограничения требуют структурной перестройки отрасли, смещения акцента с сырьевой зависимости на производство продуктов с высокой добавленной стоимостью. Успех в достижении прежних объемов и дальнейшем росте российского рынка угля напрямую зависит от способности совместить краткосрочные меры по диверсификации логистики с долгосрочными инвестициями в технологии, инфраструктуру и международную кооперацию.

Литература

1. Coal consumption by country 2024 // World Population Review. URL: https://worldpopulationreview.com/country-rankings/coal-consumption-by-country
2. Breaking Down Silos: Lessons from Indonesia's Coal Transition Kick-off // RMI. URL: https://rmi.org (дата обращения: 10.02.2025).
3. Accelerating Just Transitions for the Coal Sector – Analysis // IEA. URL: https://iea.org (дата обращения: 10.02.2025).
4. Boom and Bust Coal 2024 // Global Energy Monitor. URL: https://globalenergymonitor.org (дата обращения: 10.02.2025).
5. Scraping By 2023: Global coal miners and the urgency of a just transition // Global Energy Monitor. URL: https://globalenergymonitor.org (дата обращения: 10.02.2025).
6. Coal 2024 – Analysis // IEA. URL: https://iea.org (дата обращения: 10.02.2025).
7. Топливо времени: перспективы развития экспорта российского угля. URL: https://tedo.ru/coal-export-prospects-2024 (дата обращения: 10.02.2025).
8. Восточный полигон // Нефтегаз.RU. URL: https://neftegaz.ru/tech-library/transportirovka-i-khranenie/839795-vostochnyy-poligon/ (дата обращения: 10.02.2025).

Challenges and Opportunities of the Energy and Brown Coal Market in Russia

Krasnov A.N., Belyakova A.D., Koshelkov S.R., Kuskova A.V., Shadrina E.E.

Financial University under the Government of the Russian Federation

JEL classification: D20, E22, E44, L10, L13, L16, L19, M20, O11, O12, Q10, Q16, R10, R38, R40, Z21, Z32

This article examines the current state of the coal market in Russia and abroad, the main trends, the impact of sanctions, logistical and environmental challenges. An analysis of strategic changes in the global coal trade, competitive advantages and vulnerabilities of Russian producers is provided. Based on the results of the analysis, recommendations were provided aimed at increasing the efficiency of the industry, adapting to global changes and improving the positions of Russian coal companies in international markets.

Keywords: coal industry, Russian coal market, global coal market, export, sanctions, logistics, environmental regulation, deep coal processing, CO2 capture technologies.

References

1. Coal consumption by country 2024 // World Population Review. URL: https://worldpopulationreview.com/country-rankings/coal-consumption-by-country
2. Breaking Down Silos: Lessons from Indonesia's Coal Transition Kick-off // RMI. URL: https://rmi.org (access date: 02/10/2025).
3. Accelerating Just Transitions for the Coal Sector – Analysis // IEA. URL: https://iea.org (access date: 02/10/2025).
4. Boom and Bust Coal 2024 // Global Energy Monitor. URL: https://globalenergymonitor.org (access date: 02/10/2025).
5. Scraping By 2023: Global coal miners and the urgency of a just transition // Global Energy Monitor. URL: https://globalenergymonitor.org (accessed on 10.02.2025).
6. Coal 2024 – Analysis // IEA. URL: https://iea.org (accessed on 10.02.2025).
7. Fuel of Time: Prospects for the Development of Russian Coal Exports. URL: https://tedo.ru/coal-export-prospects-2024 (accessed on 10.02.2025).
8. Eastern Polygon // Neftegaz.RU. URL: https://neftegaz.ru/tech-library/transportirovka-i-khranenie/839795-vostochnyy-poligon/ (accessed on 10.02.2025).

О совершенствовании методов управления инновационными проектами на предприятиях сферы жилищно-коммунального хозяйства

Бальзанников Михаил Иванович
доктор технических наук, профессор, кафедра экономики, организации и стратегии развития предприятия, Самарский государственный экономический университет, mibsgasu@mail.ru

Алексеенко Александр Алексеевич
аспирант, кафедра экономики, организации и стратегии развития предприятия, Самарский государственный экономический университет, alexalexeenko1993@yandex.ru

Актуальным направлением исследований является совершенствование методов управления инновационными проектами на предприятиях сферы жилищно-коммунального хозяйства, поскольку способствует повышению показателей экономической эффективности их функционирования. К важным аспектам мотивации эффективной работы разработчиков относится закрепление и обеспечение охраны авторских прав. В статье приводятся способы удостоверения авторства и обеспечение охраны авторских прав. В статье анализируются известные системы управления инновационной деятельностью организаций ЖКХ. Отмечаются их недостатки. Описывается новый авторский подход по усовершенствованию системы управления инновационной деятельностью применительно к управляющим компаниям, обслуживающим жилые многоквартирные дома. В разработанном методе предлагается дополнительно ввести подсистему аналитики с блоком выявления потребительских предпочтений и блоком принятия решений. Таким образом система обеспечит возможность учета потребительских предпочтений потребителей инновационных технических решений, в частности, собственников многоквартирного дома. Предложенный метод обеспечит повышение обоснованности выбора управляющей организацией, обслуживающей жилые многоквартирные дома, варианта инновационного технического решения.
Ключевые слова: жилищно-коммунальное хозяйство, управляющая компания, многоквартирный дом, инновационная деятельность, охрана авторских прав.

Разработка и внедрение результатов инновационных достижений имеют большое значение для повышения экономической эффективности функционирования предприятий практически во всех сферах материального производства отраслей народного хозяйства страны, в том числе, в области жилищно-коммунального хозяйства [1-5]. При этом многие исследователи считают, что весьма результативным методом создания инновационных технических средств и технологий является применение проектного проектирования [6, 7].

Именно поэтому в настоящее время методы проектного проектирования получили широкое распространение в ведущих отраслях: на предприятиях нефтегазовых комплексов [8], на машиностроительных предприятиях [9], и, конечно же, в ракетно-космической отрасли [10]. К сожалению, в сфере жилищно-коммунального хозяйства (ЖКХ) такие подходы используются очень мало. В месте с тем, за счет целевого проектного проектирования можно получить существенный рост показателей экономической эффективности деятельности предприятий сферы ЖКХ, причем, не только ресурсоснабжающих, но и управляющих компаний, обслуживающих гражданские здания.

Таким образом, совершенствование методов управления инновационными проектами на предприятиях сферы жилищно-коммунального хозяйства, в том числе, управляющих компаний, можно отнести к важным актуальным направлениям исследований.

Анализ публикаций показал, что авторы научных работ часто предлагают оригинальные элементы для рассматриваемых методических подходов к управлению проектами [4-6]. При этом важным аспектом таких разработок является охрана авторских прав на усовершенствованные методики. Особенно значимым можно считать закрепление и охрану авторских прав инновационной разработки за членами команды проекта, поскольку такое признание непременно послужило бы актом проявления поощрительных и стимулирующих мер, фактором мотивации эффективной проектной деятельности [11].

Реализовать такие стремления авторов и менеджеров проектов применительно к создаваемым новым методам весьма проблематично.

Основные положения по охране прав на результаты интеллектуальной деятельности определены Гражданским кодексом Российской Федерации. Так, разделе VII указано, что «результатом интеллектуальной деятельности по разработке новых технических решений являются изобретения и полезные

модели». Только таким разработкам предоставляется правовая охрана как объектам патентных прав. При этом: «В качестве изобретения охраняется техническое решение в любой области, относящееся к продукту (в частности, устройству) или способу (процессу осуществления действий над материальным объектом с помощью материальных средств)». И далее: «Не являются полезными моделями и изобретениями, в частности: … 4) правила и методы … хозяйственной деятельности» [12].

Таким образом, любые новые разработки, касающиеся методов повышения эффективности управления предприятиями, методов организации их инновационной деятельности не признаются объектами патентных прав, поскольку не являются техническими и, к тому же, относятся к методам хозяйственной деятельности.

Управляющие компании, обслуживающие жилые многоквартирные дома сферы ЖКХ, естественно, являются хозяйствующими субъектами, а, следовательно, новшества, так необходимые этой сфере деятельности, не охраняются законодательством РФ как объекты патентных прав.

Выполненный анализ опубликованных патентов в сфере ЖКХ показал, что тем не менее имеется незначительное количество патентов на тему совершенствования инновационной деятельности в рамках управления предприятием. Примерами именно таких разработок являются следующие.

Запатентована система управления инновационной деятельностью организации [13]. Система включает блок формирования инновационной бизнес-стратегии, блок определения сферы бизнес-деятельности и блок планирования инновационной деятельности, а также блок доводки инновации и блок реализации инновации [13]. Эта система предназначена для достижения технического результата за счет моделирования процесса инновационной деятельности организации. Сам технический результат авторы декларируют как «расширение функциональной возможности и обеспечение моделирования и исследования процесса инновационной деятельности предприятия с более высокой точностью отражения реальных инновационных процессов» [13].

Таким образом, в этом патенте акцент сделан не на совершенствование самой хозяйственной деятельности, а на модель процесса инновационной деятельности и расширение ее (модели) функциональных возможностей. Здесь модель представлена как техническое средство.

Другой пример, связанный с управлением инновационной деятельностью организации описан в патенте [14]. Разработка называется «Устройство для управления интеллектуальными ресурсами предприятия» и включает блок приема технических инновационных предложений, блок расчета экономического эффекта, блок хранения технических предложений и блок реализации инновации. Эта система позволяет принимать технические инновационные предложения на этапе формирования инноваций, оценивать экономическую эффективность технических предложений, а также, хранить технические предложения и передавать экономически эффективные решения в блоки, связанные с реализацией инноваций. Новое предложение о включении блока оценки экономической эффективности инновационных разработок обеспечивает выбор технических предложений с экономической позиции, что весьма важно для любых организаций.

Как видим, в этом патенте акцент сделан также не на совершенствование самой хозяйственной деятельности, а на автоматизированную систему как техническое устройство, совершенствование которой позволит получить технический результат – сокращение времени расчета экономического эффекта инновационного предложения.

Таким образом, можно заключить, что осуществление охраны авторских прав в качестве объектов патентных прав на результаты интеллектуальной деятельности по совершенствованию методов управления инновационными проектами на предприятиях сферы жилищно-коммунального хозяйства возможно либо опосредованно – а, именно, через используемые технические средства с получением технического результата, либо, если речь идет об экономическом эффекте или совершенствовании хозяйственной деятельности предприятия, – каким-либо другим способом.

Среди других способов охраны авторских прав на результаты интеллектуальной деятельности при необходимости могут использоваться [15]:

1) Депонирование. В этом случае разработанный авторский метод в виде, например, научной статьи, пересылается на хранение в депозитарий организации, имеющей право такой деятельности. Автору выдается документ, который удостоверяет от кого была принята эта статья и дату приоритета. В России функционируют несколько таких платформ, например, Единый депозитарий результатов интеллектуальной деятельности, Национальный реестр интеллектуальной собственности (n'RIS) и другие.

2) Письмо себе. Автор (авторы) может распечатанную или записанную на электронный носитель научную статью отправить себе по почте ценным письмом с описью вложения. Если полученный конверт не вскрывать, то почтовый штамп поможет доказать наличие научного материала на указанную дату.

3) Нотариальное фиксирование времени предъявления научного материала. При этом нотариус удостоверяет дату и время получение материала, один экземпляр возвращает автору, а другой оставляет на хранение.

4) Размещение своей научной работы в Интернете с указанием даты и своего имени.

Следует учесть, что, в отличие от предоставления правовой охраны как на объекты патентных прав, эти четыре способа направлены лишь на подтверждение авторства научной работы и могут помочь в установлении авторства и даты создания научной работы в качестве дополнительного доказательства в случае судебных разбирательств об авторстве. Способы являются логическим следствием положений статьи 1300 Гражданского кодекса Российской Федерации: «Информацией об

авторском праве признается любая информация, которая идентифицирует произведение, автора или иного правообладателя, … которая содержится на оригинале или экземпляре произведения, приложена к нему … , а также любые цифры и коды, в которых содержится такая информация» [12].

Авторы настоящей статьи считают очень важным учесть положения статьи 1259 Гражданского Кодекса: «1. Объектами авторских прав являются ***произведения науки***, литературы и искусства независимо от достоинств и назначения произведения, а также от способа его выражения». И далее: «5. Авторские права не распространяются на идеи, концепции, принципы, методы, процессы, системы, способы, решения технических, организационных или иных задач …» [12].

По вопросу о том, что включается в понятие «***произведение науки***», уточнения приведены в ГОСТе «Научные произведения» [16]. Так, формулируется, что: «4.3 научное произведение: охраняемый результат интеллектуальной деятельности, полученный в ходе самостоятельного творческого труда физического лица (группы лиц) в сфере науки, выраженный в определенной объективной форме и содержащий новое научное знание». И далее: «5.1 … виды научных произведений: а) научная монография; б) научный доклад; в) научно-технический отчет; г) научная статья; д) диссертация; …» [16].

Таким образом, из приведенного следует, что на методы управления организациями, как и на методы управления инновационными проектами на предприятиях сферы жилищно-коммунального хозяйства, как таковые, охрана авторских прав не распространяется. Однако, опубликованные научные статьи, в которых излагаются разработанные усовершенствованные методы и которые обладают такими основными правовыми признаками, как творческий характер, новизна и объективная форма выражения, несомненно являются охраняемыми объектами авторских прав.

В качестве иллюстрации возьмем настоящую статью. Она: 1) очевидно имеет творческий характер, поскольку создана интеллектуальной творческой деятельностью авторов; 2) выражена в объективной форме и размещена на материальном носителе научной информации – на страницах научного журнала. Далее рассмотрим аспект 3 – обладание новизной, признаком которой является представление в ней новых материалов.

Авторы считают, что описанные выше в качестве примеров запатентованные системы управления инновационной деятельностью организаций [13 и 14] имеют определенные недостатки. А именно: имеют узкие функциональные возможности, обусловленные тем, что не учитывают потребительские предпочтения той группы людей (конкретному сообществу), для которой инновационное техническое решение предназначено.

Вместе с тем, при разработке инновационных технических решений, предназначенных для реализации в целях повышения комфортности и удовлетворения потребностей конкретных людей, например, собственников жилого многоквартирного дома, кроме экономических, должны учитываться и потребительские предпочтения этих собственников. Потребительские предпочтения зависят от положения собственников в обществе, от социальной группы жителей, от уровня их культуры, образования, семейного положения и традиций. Поэтому потребительские предпочтения собственников конкретного жилого многоквартирного дома уникальны, т.е. отличаются (являются специфическими) от потребительских предпочтений жителей других жилых многоквартирных домов.

В связи с этим, потребительские предпочтения, наряду с экономической эффективностью, следует учитывать при выборе инновационных технических решений, направленных на повышение уровня комфортности проживания жителей конкретных жилых многоквартирных домов.

Таким образом, очевидна необходимость дальнейшего усовершенствования этих систем путем устранения указанного недостатка, а именно, расширения функциональных возможностей системы за счет обеспечения возможности учета потребительских предпочтений конкретного сообщества потребителей (граждан, собственников помещений), и, тем самым, повышения обоснованности выбора организацией инновационных технических решений, что очень важно для таких организаций, как управляющие компании, обслуживающие жилые многоквартирные дома сферы ЖКХ, поскольку они непосредственно взаимодействуют с жителями этих домов.

В качестве одного из вариантов усовершенствования систем предлагается следующее.

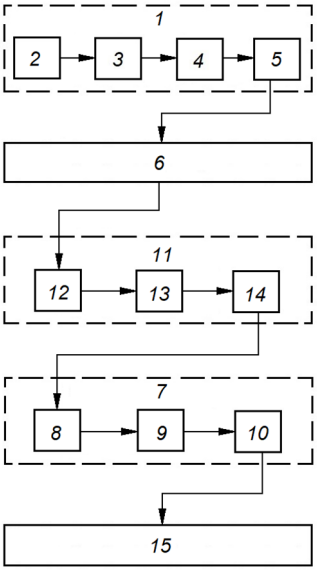

Рис. 1. Схема системы управления инновационной деятельностью управляющей организации: 1 – подсистема формирования инноваций, 2 – блок приема технических инновационных предложений, 3 – блок формирования инновационной бизнес-стратегии, 4 – блок определения сферы бизнес-деятельности, 5 – блок планирования инновационной деятельности, 6 – блок расчета экономического эффекта, 7 – подсистема внедрения, 8 – блок хранения технических предложений, 9 – блок доводки инновации, 10 – блок реализации инновации.

Систему, включающую блоки 1-10 (рис. 1) предлагается дополнительно снабдить подсистемой

аналитики 11 с блоком выявления альтернативных вариантов реализации технического решения 12, блоком выявления потребительских предпочтений 13 и блоком принятия решений 14, а также блоком оценки удовлетворенности реализацией технического решения 15.

Здесь блок выявления альтернативных вариантов реализации технического решения 12 предназначен для формирования ряда вариантов по исполнению отобранного технического решения. Например, если в качестве инновационного технического решения рассматривается устройство видеонаблюдения за внутридомовой и прилегающей к многоквартирному дому территорией, то в качестве альтернативных вариантов реализации этого решения могут анализироваться места установки видеокамер, количество используемых видеокамер, марка видеокамер, параметры видеокамер и т.п. Далее, выявленные альтернативные варианты реализации технического решения переводятся в блок выявления потребительских предпочтений 13. Потребительские предпочтения могут быть определены посредством формирования анкет для заинтересованных лиц – собственников многоквартирного дома, заполнения этих анкет собственниками, ввод результатов анкетирования в компьютер и выполнение их анализа. В результате анализа определяется иерархия предпочтений, которая переводится в блок принятия решений 14. В блоке принятия решений 14 на основании полученной иерархии вариантов принимается тот вариант, который в большей степени соответствует потребительским предпочтениям собственников и, далее, переводится для дальнейшей обработки посредством подсистемы внедрения 7. Для формирования обратной связи в предлагаемой системе предусмотрен блок оценки удовлетворенности реализацией технического решения 15. Посредством этого блока определяется насколько собственники многоквартирного дома (потребители инновации) удовлетворены реализацией технического решения. Оценка может быть выполнена посредством заполнения анкеты или посредством голосования в чате на базе одного из мессенджеров. Такая обратная связь позволит учесть замечания и улучшить организацию работы управляющей организации по разработке и внедрению инновационных технических предложений.

Использование предлагаемого решения позволит расширить функциональные возможности системы за счет обеспечения возможности учета потребительских предпочтений потребителей инновационных технических решений (собственников многоквартирного дома) по конкретному варианту реализации инновации. Это обеспечит повышение обоснованности выбора управляющей организацией варианта инновационного технического решения не только исходя из экономических позиций, но и с учетом потребительских предпочтений конкретного сообщества потребителей (собственников многоквартирного дома).

Из изложенного следует, что представленный материал соответствует выше названному аспекту 3, т.е. обладает новизной, поскольку описывает новую разработку по усовершенствованию системы управления инновационными проектами на предприятиях сферы жилищно-коммунального хозяйства в рамках проектного проектирования.

Таким образом, настоящий материал (как и многие другие публикации в научных журналах) относится к научному произведению, по виду соответствующему как «научная статья», и является объектом авторских прав, подлежащим охране согласно законодательству Российской Федерации.

Выводы:

1. Организация проектного проектирования с целью разработки и внедрения результатов инновационных технических средств и технологий на предприятиях сферы жилищно-коммунального хозяйства, в том числе, управляющих компаний, обслуживающих гражданские здания, имеют большое значение для повышения экономической эффективности функционирования таких предприятий.

2. Важным фактором мотивации эффективной работы команды проекта является использование поощрительных и стимулирующих мер для членов команды. Среди этих факторов весьма значимым аспектом можно считать закрепление и обеспечение охраны авторских прав за членами команды проекта при создании инновационного решения.

3. При разработке инновационных решений, касающихся совершенствования методов управления инновационными проектами на предприятиях сферы жилищно-коммунального хозяйства, относящихся к хозяйственной деятельности предприятия, удостоверение авторства и обеспечение охраны авторских прав возможно: а) опосредованно – а, именно, через используемые технические средства с получением технического результата; б) фиксацией материалов разработки при помощи почтовых отправлений, нотариальных действий и т.п.; в) публикацией научной статьи в научном периодическом издании при условии соответствия материалов статьи таким правовым критериям, как творческий характер, новизна и объективная форма выражения.

4. Приведенное описание авторской разработки по усовершенствованию системы управления инновационной деятельностью проектной команды на предприятиях сферы жилищно-коммунального хозяйства, в частности, управляющих компаний, обслуживающих жилые многоквартирные дома, иллюстрирует обладание научной статьей признака «новизна».

5. Новый подход усовершенствованной системы заключается в расширении функциональных возможностей системы за счет обеспечения возможности учета потребительских предпочтений потребителей инновационных технических решений (собственников многоквартирного дома) по конкретному варианту реализации инновации. Такой учет обеспечит повышение обоснованности выбора управляющей организацией варианта инновационного технического решения не только исходя из экономических позиций, но и с учетом потребительских предпочтений конкретного сообщества потребителей

(собственников конкретного многоквартирного дома).

Литература

1. Карпова Н.В. Инновации на службе ЖКХ // Известия Дагестанского ГАУ. 2022. № 1 (13). С. 81-85.
2. Мазбудов М.С. Управление качеством услуг ЖКХ на основе инноваций // Экономика и предпринимательство. 2017. № 5-1 (82). С. 735-739.
3. Киященко Л.Т., Хроменкова Г.А., Науменков А.В. Возможности применения инноваций в ЖКХ при проведении капитального ремонта // Фундаментальные исследования. 2023. № 1. С. 31-37.
4. Евсеева С.А. Инновации в управлении взаимодействиями с заинтересованными сторонами управляющей организации в сфере ЖКХ // Экономика и предпринимательство. 2017. № 7 (84). С. 821-824.
5. Енин Е.В., Алексеенко А.А. Разработка инновационных решений управляющими компаниями жилищно-коммунального хозяйства // Наука XXI века: актуальные направления развития. Сборник научных статей XIII Международной научно-практической конференции. Самара, 2024. С. 46-49.
6. Камшилов С.Г. Реализация проектной деятельности предприятиями на современном этапе: принципы, особенности, методики // Общество, экономика, управление. 2024. Т. 9. № 2. С. 49-56.
7. Семенюк Е.С. Организация проектной деятельности на предприятии // Академическая публицистика. 2021. № 12-2. С. 182-186.
8. Карев В.Г. Особенности реализации проектной деятельности на предприятиях НГК // Инновационная наука. 2023. № 12-1. С. 67-72.
9. Долженко С.Б., Захаров С.И., Филоненко О.Н. Исследование мотивационных факторов повышения результативности и эффективности проектной деятельности // Общество, экономика, управление. 2022. Т. 7. № 4. С. 21-27.
10. Дементьева Ю.Н. Особенности управления проектной деятельностью на предприятиях оборонно-промышленного комплекса: эффективность реализации проектных методик в ракетно-космической отрасли // Индустриальная экономика. 2022. № 3-6. С. 507-510.
11. Романенко М.А. Факторы успешности проектной деятельности на предприятиях // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. 2021. Т. 10. № 4. С. 56-61.
12. Гражданский кодекс Российской Федерации.
13. Патент РФ на полезную модель 36546, МПК G06F 19/00 Система для моделирования интеллектуально-инновационной деятельности организации // Багов В.П., Селезнев Е.Н., опубл. 10.03.2004, бюлл. № 7.
14. Патент РФ 2601135 МПК G06Q 10/06. Устройство для управления интеллектуальными ресурсами предприятия // Опубл. 27.10.2016, бюлл. № 30.
15. URL: https://www.advgazeta.ru/ag-expert/advices/4-sposoba-dokazat-svoe-avtorstvo (дата обращения: 03.03.2025).
16. ГОСТ 34831-2022. Межгосударственный стандарт. Интеллектуальная собственность. Научные произведения. – Дата введения 2022-08-01.

On improvement of methods of innovative projects management at enterprises of the housing and communal services sector

Balzannikov M.I., Alekseyenko A.A.
Samara State University of Economics

JEL classification: D20, E22, E44, L10, L13, L16, L19, M20, O11, O12, Q10, Q16, R10, R38, R40, Z21, Z32

The actual direction of research is the improvement of methods of innovative projects management at enterprises in the sphere of housing and communal services, because it contributes to the improvement of indicators of economic efficiency of their functioning. The important aspects of motivation of effective work of developers include fixing and ensuring copyright protection. In the article the ways of authorship certification and ensuring copyright protection are given. The article analyzes the known systems of management of innovation activity of housing and communal services organizations. Their shortcomings are noted. A new author's approach to improve the management system of innovation activity in relation to management companies servicing residential apartment buildings is described. In the developed method it is proposed to introduce additionally the subsystem of analytics with the block of consumer preferences identification and the block of decision-making. Thus the system will provide an opportunity to take into account consumer preferences of consumers of innovative technical solutions, in particular, owners of apartment buildings. The proposed method will provide an increase in the validity of the choice of innovative technical solution option by the management organization servicing apartment buildings.

Keywords**:** housing and communal services, management company, apartment building, innovation activities, copyright protection.

References

1. Karpova N.V. Innovations in the service of housing and communal services // Izvestiya Dagestanskoe GAU. 2022. № 1 (13). С. 81-85.
2. Mazbudov M.S. Managing the quality of housing and communal services based on innovation // Economics and Entrepreneurship. 2017. № 5-1 (82). С. 735-739.
3. Kiyashchenko, L.T.; Khromenkova, G.A.; Naumenkov, A.V. Possibilities of innovation application in the housing and utilities sector during the capital repair // Fundamental Research. 2023. № 1. С. 31-37.
4. Evseeva, S.A. Innovations in the management of interactions with stakeholders of the managing organization in the sphere of housing and communal services // Economics and Entrepreneurship. 2017. № 7 (84). С. 821-824.
5. Enin E.V., Alekseenko A.A. Development of innovative solutions by managing companies of housing and communal services // Science of the XXI century: actual directions of development. Collection of scientific articles XIII International scientific-practical conference. Samara, 2024. С. 46-49.
6. Kamshilov S.G. Realization of project activity by enterprises at the present stage: principles, features, methods // Society, Economics, Management. 2024. Т. 9. № 2. С. 49-56.
7. Semenyuk E.S. Organization of project activity at the enterprise // Academic publicistica. 2021. № 12-2. С. 182-186.
8. Karev, V.G. Features of project activity realization at the enterprises of NGK // Innovatsionnaya nauka. 2023. № 12-1. С. 67-72.

9. Dolzhenko S.B., Zakharov S.I., Filonenko O.N. Study of motivational factors to improve the effectiveness and efficiency of project activities // Society, Economics, Management. 2022. T. 7. № 4. C. 21-27.
10. Dementieva, Yu.N. Features of project activity management at the enterprises of the defense-industrial complex: the effectiveness of project methodologies implementation in the rocket and space industry // Industrial Economics. 2022. № 3-6. C. 507-510.
11. Romanenko M.A. Factors of success of project activity at enterprises // Bulletin of the Siberian Institute of Business and Information Technologies. 2021. T. 10. № 4. C. 56-61.
12. Civil Code of the Russian Federation.
13. Russian Federation patent for utility model 36546, MPK G06F 19/00 System for modeling intellectual and innovative activity of an organization // Bagov V.P., Seleznev E.N., publ. 10.03.2004, Bulletin No. 7.
14. Patent RF 2601135 MPK G06Q 10/06. Device for management of intellectual resources of the enterprise // Published 27.10.2016, Bulletin No. 30.
15. URL: https://www.advgazeta.ru/ag-expert/advices/4-sposoba-dokazat-svoe-avtorstvo (date of reference: 03.03.2025).
16. GOST 34831-2022. Interstate standard. Intellectual property. Scientific works. - Date of introduction 2022-08-01.

Анализ и оценка особых экономических зон для развития инвестиционно-инновационной деятельности в регионах РФ

Барыкина Юлия Николаевна
кандидат экономических наук, доцент, Иркутский национальный исследовательский технический университет, barykinayn@mail.ru

Черных Алексей Георгиевич
кандидат технических наук, доцент, Иркутский государственный аграрный университет им. А.А. Ежевского,
kandida2006@yandex.ru

В статье проведен анализ и дана оценка ОЭЗ для развития инвестиционно-инновационной деятельности в регионах РФ. Цель исследования заключается в изучении теоретических и эмпирических вопросов функционирования ОЭЗ. Предметом исследования является развитие теоретических подходов к существующим механизмам ОЭЗ, направленным на развитие инвестиционно-инновационной деятельности. В статье обобщены авторские подходы к определению и пониманию сущности ОЭЗ, которые позволили уточнить определение понятия «особая экономическая зона». Авторская позиция к определению понятия ОЭЗ, учитывает взаимосвязь между привлечением инвестиций, развитием инноваций, отражающую их взаимодействие на экономическое развитие регионов РФ. Выделены способы анализа и оценки ОЭЗ, которые позволили выявить непосредственное влияние на развитие инвестиционно-инновационной деятельности регионов РФ. Дополнена традиционная классификация ОЭЗ категориями, направленными на эффективное формирование инструментов развития инновационной деятельности российских регионов. Обобщенная и дополненная классификация ОЭЗ более точно подчеркивает уникальность функционирования ОЭЗ, а также их роль в развитии регионов. В целом, ОЭЗ выступают эффективным механизмом, направленным на трансформацию экономики регионов РФ, на стимулирование инвестиций, а также на стимулирование инновационной активности как резидентов данных зон, так и организаций, осуществляющих инновационную деятельность.
Ключевые слова: резидент, особая экономическая зона, регион, экспорт, инновации, инвестиции, трансформация, инвестиционный потенциал, особый экономико-правовой режим.

В экономической практике особые экономические зоны (далее ОЭЗ) оказывают значительное влияние на активизацию инвестиционно-инновационной деятельности в регионах РФ [1]. ОЭЗ выступают эффективным инструментом государственной политики, направленным на создание благоприятных условий для привлечения иностранных и внутренних инвестиций, а также внедрения инновационных практик и новых технологий [2]. В свою очередь, вопросы функционирования и влияния ОЭЗ на экономическое развитие регионов РФ являются предметом научных исследований. Анализ эффективности ОЭЗ позволяет оценить их вклад в повышение конкурентоспособности регионов, уровень инвестиционной привлекательности и способность к инновационному развитию [3].

ОЭЗ представляют собой географически обособленные территории, на которых действует особый экономико-правовой режим, направленный на привлечение инвестиций, стимулирование промышленного производства и развитие инфраструктуры регионов РФ. В экономической литературе учеными представлены различные подходы к определению и пониманию сущности свободной экономической зоны и особой экономической зоны [4]. Следует отметить, что в российском законодательстве после принятия Федерального закона № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах ив Российской Федерации» в 2005 году термин «свободная» был заменен на «особая», что по мнению В.Г. Вишнякова «…связано с усилением государственного контроля над внешнеэкономической деятельностью ОЭЗ с целью предотвращения их превращения в оффшорные зоны». Приведем авторские подходы к определению и пониманию сущности свободной экономической зоны и особой экономической зоны в таблице 1 [5].

Таблица 1
Авторские подходы к определению и пониманию сущности ОЭЗ

ФИО авторов	Описание подхода
Т.П. Данько, Э.М. Окрут	В своей работе «Свободные экономические зоны» отмечают «СЭЗ являются суверенной территорией государства, являющейся частью хозяйственного комплекса страны, где обеспечивается производство и распределение общественного продукта для достижения общенациональных целей с использованием специальных механизмов регулирования общественно-экономических отношений».
С.Н. Шевцова	Рассматривает ОЭЗ как элемент национальной и региональной социально-экономической системы, имеющий определенную целостность и

	специфические задачи, такие как снижение транзакционных издержек, торговых и административных барьеров, создание благоприятной среды для инвестиций, для решения которых установлен особый хозяйственный режим, распространяющийся на резидентов ОЭЗ.
О.В. Мушаева	В своем исследовании «Особые экономические зоны как инструмент развития экономики по инновационному пути» акцентирует внимание на вкладе ОЭЗ в продвижение инноваций и технологического прогресса.
И.А. Майбуров, Ю.Б. Иванов, Ф.Ф. Адигамова	В монографии «Особые экономические зоны: зарубежный и отечественный опыт» рассматривают ОЭЗ как инструмент привлечения инвестиций и стимулирования экономического развития»
А.Л. Кутырин, А.А. Лавров	В работе «Особые экономические зоны: теория и практика» рассматривают ОЭЗ как инструмент государственной политики, направленный на стимулирование регионального развития и интеграцию в мировую экономику. Авторы подчеркивают «ОЭЗ способствуют привлечению иностранных инвестиций, созданию рабочих мест и повышению конкурентоспособности регионов».
Е.В. Попов, А.В. Рогачев	В научной статье «Особые экономические зоны как фактор инновационного развития» отмечают роль ОЭЗ в продвижении инноваций и технологического обновления экономики. Они утверждают «ОЭЗ выступают площадками для апробации новых технологий и бизнес-моделей, что способствует ускорению научно-технического прогресса».
М.В. Ковалев	Анализирует разнообразные модели ОЭЗ в мире и их адаптацию в российской практике. Автор выделяет особенности функционирования ОЭЗ в РФ и предлагает рекомендации по повышению их эффективности.
Н.Н. Ливенцев, А.В. Пороховский	Рассматривают ОЭЗ как элемент внешнеэкономической политики государства. Авторы подчеркивают «создание ОЭЗ способствует либерализации внешнеэкономической деятельности и интеграции страны в мировую экономику».
Т.А. Акимова, О.В. Малышева	Анализируют трудности, с которыми сталкиваются ОЭЗ в РФ, и предлагают пути их преодоления. Авторы отмечают необходимость совершенствования законодательной базы и инфраструктуры для успешного функционирования ОЭЗ.

Таким образом, ОЭЗ являются эффективным инструментом экономической политики, их функционирование, эффективность и факторы исследуются в многих трудах отечественных и зарубежных ученых [6]. Так, одни ученые в своих работах рассматривают ОЭЗ как механизм стимулирования экономического роста и привлечения инвестиций, однако их подход в меньшей степени затрагивает социальные аспекты развития зон с особым статусом. Другие ученые акцентируют внимание на правовых и институциональных основах, что позволяет глубже понять административные механизмы ОЭЗ, но при этом не уделяется достаточное внимание вопросам международного опыта и адаптации успешных моделей [7]. Некоторые авторы в своих работах изучают ОЭЗ в рамках глобализации, что подчеркивает их роль в международных экономических процессах, однако не учитывается региональная специфика [9].

На основании анализа авторских подходов к определению и пониманию сущности свободной экономической зоны и особой экономической зоны можно сделать вывод о том, что в исследованиях учитываются важные аспекты функционирования ОЭЗ, однако не всегда рассматривают их в комплексной взаимосвязи [8]. Недостаточно проработаны вопросы влияния ОЭЗ на развитие инвестиционно-инновационной деятельности в российских регионах. В исследованиях не учитывается целый ряд факторов, таких как интеграция инновационных и инвестиционных потоков через ОЭЗ, их взаимодействие с локальными потребностями и специфическими условиями регионов, а также влияние на устойчивое развитие экономики [10]. На наш взгляд, требует уточнения и взаимодействие ОЭЗ с национальной и региональной инновационной системой, их роль в поддержке стартапов, технологических и научных кластеров.

С учетом вышесказанного, можно уточнить определение понятия «особая экономическая зона» и представить в следующей трактовке: *«Особая экономическая зона – это обособленная территория, на которой действует специальный экономико-правовой режим, направленный на стимулирование инвестиций, инновационной деятельности и внешнеэкономической активности, способствующий структурной трансформации экономики региона, повышению его инвестиционной привлекательности и устойчивому развитию, с интеграцией инновационных решений и технологий, а также созданием условий для развития научно-технических и производственных кластеров».* Уточненное авторами определение понятия «особая экономическая зона» учитывает взаимосвязь между привлечением инвестиций, развитием инноваций и воздействием данных процессов на социально-экономическое развитие регионов РФ.

Вышеназванные исследования, несмотря на различие подходов, представляют интерес, прежде всего в плане используемых методов анализа и оценки ОЭЗ для развития инвестиционно-инновационной деятельности в регионах РФ. Значимость методов анализа и оценки ОЭЗ заключается в комплексном подходе к выявлению эффективности использования этих территориальных образований как инструментов государственной политики. Необходимо выделить основные способы анализа и оценки ОЭЗ в развитии инвестиционно-инновационной деятельности регионов РФ (таблица 2) [11].

Несомненная важность этих способов (таблица 2) состоит в их способности оказывать прямое влияние на инвестиционно-инновационное развитие регионов РФ посредством особых экономических зон [12]. Так, оценка инфраструктурных и институциональных факторов позволяет выявить степень развития логистических и технологических мощностей,

которые являются основой для привлечения инвесторов. В свою очередь, современная транспортная и производственная инфраструктура позволяет снизить затраты на ведение бизнеса, а продуманная система налоговых преимуществ и таможенных послаблений позволяет создать конкурентные условия для отечественных и зарубежных организаций. Данные меры способствуют увеличению инвестиционных потоков и развитию отраслей.

Таблица 2
Способы анализа и оценки ОЭЗ в развитии инвестиционно-инновационной деятельности регионов РФ

Способы анализа	Основные характеристики	Примеры регионов РФ
Оценка инфраструктурных и институциональных факторов	Исследование уровня развития инфраструктуры, технологических мощностей, доступности инженерных сетей, качества государственного регулирования.	ОЭЗ «Алабуга» (Республика Татарстан) – развитая индустриальная инфраструктура, предоставление готовых площадок для инвесторов.
Изучение инвестиционной привлекательности	Анализ динамики инвестиций, сравнительный анализ с другими регионами и странами, выявление факторов привлечения инвесторов.	ОЭЗ «Тольятти» (Самарская область) – привлечение инвесторов в автомобилестроение благодаря налоговым льготам.
Оценка инновационного потенциала	Анализ кооперации между научно-исследовательскими центрами, университетами и предприятиями, степень внедрения новых технологий.	ОЭЗ «Санкт-Петербург» - центр инновационных разработок в IT, фармацевтике и приборостроении.
Социально-экономический эффект и устойчивость развития	Влияние ОЭЗ на создание рабочих мест, рост доходов населения, развитие смежных отраслей.	ОЭЗ «Липецк» - рост занятости в промышленном секторе, развитие производственных цепочек.
Формирование инновационных кластеров	Создание промышленных кластеров, синергия между предприятиями, научными учреждениями и стартапами.	ОЭЗ «Дубна» (Московская область) – центр инновационных технологий, привлечение ученых и инженеров.
Интеграция цифровых технологий и инфраструктурных инноваций	Использование цифровых технологий, автоматизация процессов.	ОЭЗ «Технополис Москва» - разработка и внедрение высокотехнологичных решений в области здравоохранения и электроники.
Оценка влияния внешних факторов и международного сотрудничества	Оценка роли ОЭЗ в глобальной экономике, привлечение иностранных инвестиций, геополитические факторы.	ОЭЗ «Ульяновск» - активное сотрудничество с европейскими авиастроительными компаниями.
Оценка методологической базы и показателей эффективности	Разработка KPI в части объема инвестиций, уровня занятости, НИОКР, анализ и применение международных практик.	ОЭЗ «Тверь» - методология оценки эффективности промышленных объектов.
Оценка долгосрочных перспектив и устойчивости	Анализ потенциальных рисков, адаптация к изменениям, разработка программ развития.	ОЭЗ «Хабаровск» - программы устойчивого развития в условиях удаленности и климатических особенностей.

Кроме того, изучение инвестиционной привлекательности показывает, насколько ОЭЗ способны конкурировать с аналогичными площадками в других странах. Привлечение крупных отечественных и иностранных компаний приводит к росту капиталовложений, созданию новых рабочих мест и увеличению налоговых поступлений в региональные бюджеты. Обращает на себя внимание тот факт, что оценка инновационного потенциала позволяет определить уровень взаимодействия между предприятиями и научными центрами, что играет важную роль в коммерциализации инноваций [13].

Наряду с этим необходимо выделить наиболее эффективные способы влияния ОЭЗ на инвестиционно-инновационное развитие регионов РФ. Так, наибольшее воздействие оказывают формирование инновационных кластеров, внедрений цифровых технологий и инфраструктурных инноваций. Данные факторы обеспечивают долгосрочный экономический эффект, способствуя технологическому развитию и укреплению позиций страны на международном рынке. В целом, эффективное функционирование особых экономических зон приводит к модернизации региональной экономики, повышению уровня жизни населения и созданию благоприятной среды для развития высокотехнологичного производства [14].

В научных исследованиях, посвященным ОЭЗ, представлено множество различных классификаций, основанных на различных подходах и критериях. Различные подходы к классификации учитывают территориальные, функциональные, экономические, отраслевые и институциональные характеристики. Необходимо отметить, что существующие классификации ОЭЗ имеют важное значение для анализа их эффективности, определения инвестиционной привлекательности и выявления перспективных направлений развития [15].

Большинство существующих классификаций основаны на общепринятых параметрах, таких как функциональное назначение зон, характер предоставляемых льгот, уровень инновационной активности и отраслевое распределение резидентов [16]. Однако для более точного анализа необходимо учитывать такие дополнительные признаки, как уровень инвестирования, степень привлечения финансирования, степень интеграции в мировую экономику и уровень цифровизации. Предлагается расширить традиционную классификацию особых экономических зон уточненными классификационными признаками, направленными на развитие инвестиционно-инновационной деятельности регионов РФ (рисунок 1).

Обобщенная классификация ОЭЗ РФ в области инвестиционно-инновационного развития регионов представляет собой основу для анализа и систематизации, которая позволяет комплексно оценить роль таких в экономике. В свою очередь, эффективность классификации заключается в следующем.

Во-первых, это своего рода структурирование многообразного функционала ОЭЗ, то есть применение таких признаков, как функции, льготы, уровень инвестиционной привлекательности, степень инновационной активности, цели и задачи, позволит выявить сильные и слабые стороны ОЭЗ и определить их место в региональной и национальной экономике.

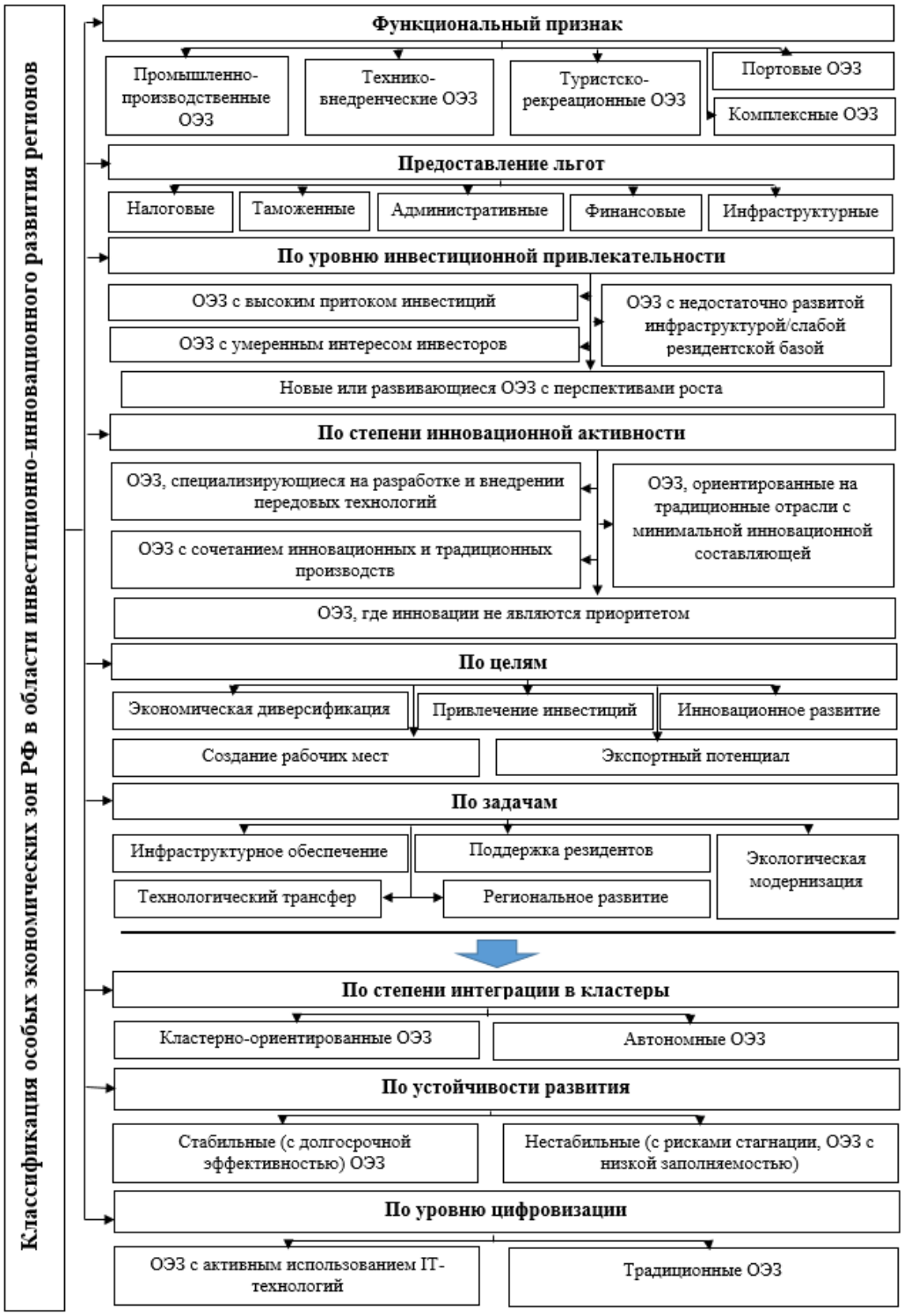

Рисунок 1. – Классификация особых экономических зон РФ в области инвестиционно-инновационного развития регионов

Во-вторых, классификация позволяет определить высокий инвестиционный и инновационный потенциал зон, а также те зоны, которые требуют доработки или изменения программы развития. Например, разделение по уровню инвестиционной привлекательности и инновационной активности позволяет идентифицировать приоритетные направления государственной поддержки.

Особую ценность представляют классификационные признаки, дополненные авторами. Авторская позиция обогащает классификацию такими признаками, как степень интеграции в кластеры, учет устойчивости развития и уровень цифровизации, делая ее более современной и многоаспектной. Кроме того, дополненные классификационные признаки не только расширяют аналитические возможности, но и подчеркивают уникальность характеристики ОЭЗ, которые могут быть упущены при использовании исключительно традиционных подходов.

По состоянию на 01 октября 2024 года на территории РФ функционируют 53 особые экономические зоны. В состав ОЭЗ входят зоны четырех типов: промышленно-производственного типа, технико-внедренческого типа, туристско-рекреационного типа, портовые зоны. Основным направлением развития ОЭЗ в РФ является промышленное производство, доказательством этому служит количество промышленно-производственных зон, которые занимают лидирующую позицию, составляя 34 из 53 функционирующих ОЭЗ. На втором месте ОЭЗ туристско-рекреационного типа, их количество 10 из общего числа ОЭЗ. Несмотря на то, что туристический потенциал в РФ считается высоким, но доля данного типа ОЭЗ среди других остается незначительной (18,9%). По нашему мнению, это связано с ограниченным развитием туристической инфраструктуры, а также с высокой зависимостью от внешних факторов.

В свою очередь, доля зон технико-внедренческого типа составляет 13,2 % от общего количества, их всего 7 из 53 ОЭЗ. Данный сегмент остается небольшим, так как развитие инновационных технологий требует значительных инвестиций, а также высокой квалификации кадров. Кроме того, в РФ до сих наблюдается недостаток венчурного капитала, что ограничивает развитие зон данного типа. На территории РФ функционируют всего 2 портовые зоны, расположенные в Ленинградской области (ОЭЗ «Усть-Луга») и в Приморском крае (ОЭЗ «Находка»).

К причинам преобладания промышленно-производственных зон в регионах РФ относятся: индустриализация и импортозамещение; экономическая устойчивость, программы поддержки и льготные условия, развитая промышленная база в регионах. В сравнении с другими типами ОЭЗ, промышленно-производственные зоны подтверждают высокий уровень инвестиций, обширный доступ к государственной поддержке и налоговым преимуществам, а также развитую инфраструктуру и наличие производственных мощностей. Вместе с тем следует подчеркнуть, что технико-внедренческие зоны имеют потенциал роста, но требуют увеличения финансирования инноваций. В свою очередь, туристско-рекреационные ОЭЗ могут стать перспективным направлением при условии туристической инфраструктуры. На наш взгляд, портовые ОЭЗ заслуживают внимания со стороны инвесторов, так как остаются нишевым инструментом, сосредоточенным в стратегических точках территории страны [18].

В соответствии с требованиями Министерства экономического развития Российской Федерации к инвестиционным проектам, реализуемым резидентами ОЭЗ можно отметить, что ведение минимальных требований к объему инвестиций и их структуре способствует формированию устойчивого инвестиционного климата в ОЭЗ. Данные меры ориентированы на привлечение долгосрочных капиталовложений, снижение рисков незавершенных проектов и обеспечение экономической эффективности создаваемой инфраструктуры [19]. Обязательное выполнение основной части инвестиций в первые три года стимулирует ускоренное развитие промышленных и технологических объектов, что особенно важно для достижения целей импортозамещения и технологических процессов. Безусловно сущность этих требований сводится инвестиционно-инновационной деятельности регионов РФ, однако послабление требований для проектов позволит повысить доступность ОЭЗ для среднего бизнеса, а освобождение от ограничений крупных инвесторов (с вложениями свыше 5 млрд. рублей) позволит создать приемлемые условия для привлечения стратегически значимых производств. Приведенные нами меры способствуют развитию инвестиционно-инновационного потенциала страны, повышая конкурентоспособность экономики и стимулируя приток внебюджетных средств в ключевые отрасли [20].

Опираясь на теоретические и эмпирические исследования по вопросам функционирования особых экономических зон, а также на результаты, полученные в ходе обобщения и анализа опыта, можно выделить роль частных инвестиций в ОЭЗ и их влияние на развитие инвестиционно-инновационной деятельности регионов РФ. Таким образом, частные инвестиции в ОЭЗ промышленно-производственного типа способствуют развитию высокотехнологичных отраслей, таких как машиностроение и химическая промышленность и др. В свою очередь привлечение капитала позволяет создавать новые производственные мощности, модернизировать объекты основных средств, внедрять инновационные технологии и увеличивать объемы экспортных отношений.

Частные инвестиции в ОЭЗ туристско-рекреационного типа позволяют развивать туристическую инфраструктуру, способствуя развитию туристических услуг, созданию рабочих мест и повышению привлекательности регионов РФ.

В целом, частные инвестиции оказывают значительное влияние на инвестиционную-инновационную деятельность выражается в развитии новых технологий, расширении производственных мощностей, улучшении инфраструктуры и создании благоприятных условий для бизнеса.

Представим долю частных инвестиций по типам ОЭЗ за 2023 год на рисунке 2.

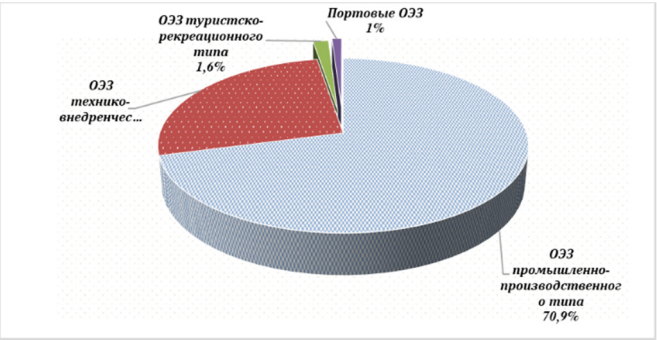

Рисунок 2 – Доля частных инвестиций по типам ОЭЗ за 2023 год (в %)

Общий объем частных инвестиций в ОЭЗ составил 659 558 млн. рублей. Наибольшая доля приходится на зоны промышленно-производственного типа – 70,9 % (467 394 млн. руб), что указывает на

их значимость для экономики. Второе место занимают зоны технико-внедренческого типа – 26,5% (174 605 млн. руб.), что свидетельствует о востребованности логистической инфраструктуры. Доля частных инвестиций туристско-рекреационных зон составляет 1,6 % (10 401 млн. руб.), а доля портовых особых экономических зон составляет 1% (7 158 млн. руб.). Низкая доля инвестиций в зонах туристско-рекреационного типа и портового типа говорит о меньшей привлекательности этих направлений для резидентов ОЭЗ.

Проведенное исследование позволило нам сделать выводы, касающихся роли ОЭЗ в развитии инвестиционно-инновационной деятельности регионов Российской Федерации. Во-первых, ОЭЗ выступают эффективным инструментом государственной политики, направленным на стимулирование инвестиций, инновационной активности и структурную трансформацию экономики регионов РФ. Во-вторых, разделение ОЭЗ по типологии показывает различные уровни эффективности в зависимости от их направления и региона. Промышленные ОЭЗ занимают лидирующие позиции, благодаря развитой инфраструктуре и государственной поддержке, что способствует притоку инвестиций и развитию производства.

Важно отметить, что методы оценки эффективности ОЭЗ, такие как анализ инфраструктурных факторов, инновационного потенциала, социально-экономического эффекта и интеграции цифровых технологий, показывают важность комплексного подхода для оценки их вклада в экономическое развитие регионов РФ.

Литература

1. Barykina Y.N., Shao Y. Integration of renewable energy sources into energy systems // В сборнике: Ensuring sustainable development in the context of agriculture, energy, ecology and earth science (ESDCA-III-2023) (IOP Conference Series: Earth and Environmental Science). III International scientif ic and practical conference. Bristol, 2023. С. 12018.
2. Chernykh A.G., Barykina Y.N., Morozevich O.A. Development of methods for minimizing energy losses in electrical networks / IOP Conference Series: Earth and Environmental Science. 2022. Т. 1070. № 1. С. 012006.
3. Krasovskaya, O. A. Application of BIM Technologies as IT Projects for Digital Transformation in Industry / O. A. Krasovskaya, V. E. Vyaznikov, A. I. Mamaeva // Digital and Information Technologies in Economics and Management : Proceedings of the International Scientific and Practical Conference "Digital and Information Technologies in Economics and Management" (DITEM2021), Moscow, 23–25 ноября 2021 года. – Moscow: Springer International Publishing, 2022. – P. 104-116.
4. Krasovskaya, O. A. Types and methods of application of information technologies in the transport industry of Siberia / O. A. Krasovskaya, A. E. Chigir // IOP Conference Series: Materials Science and Engineering : International Conference on Transport and Infrastructure of the Siberian Region, SibTrans 2019, Moscow, 21–24 мая 2019 года. Vol. 760. – Moscow: Institute of Physics Publishing, 2020. – P. 012031.
5. Nechaev A.S., Antipina O.V. Assessing the innovation attractiveness of areas: problems and solutions // Journal of Advanced Research in Law and Economics. 2016. Т. 7. № 3. С. 561-571.
6. Nechaev A.S., Antipina O.V. Assessing the innovation attractiveness of areas: problems and solutions // Journal of Advanced Research in Law and Economics. 2016. Т. 7. № 3. С. 561-571.
7. Rasputina A.V., Nechaev A.S., Ilina E.A. An analysis of the construction industry and the impact of taxation on its development in the Baltic and Scandinavian countries // В сборнике: IOP Conference Series: Earth and Environmental Science. Сер. "International Baikal Investment and Construction Forum "Spatial Restructuring of Territories"" 2021. С. 012168.
8. Алюшина, А. С. Особые экономические зоны как объекты институциональных инноваций / А. С. Алюшина // Научный прогресс как ключевой фактор развития сферы знаний: Сборник научных трудов. – Казань: ООО "СитИвент", 2020. – С. 54-58.
9. Барыкина Ю.Н., Лузгина Я.А. Инновации – основной движущий фактор роста экономики страны // В сборнике: Информатизация и виртуализация экономической и социальной жизни. Материалы IV Межвузовской студенческой научно-практической конференции с международным участием (электронное издание). Иркутский национальный исследовательский технический университет. 2018. С. 200-202.
10. Булатова, Е. Р. Оценка эффективности развития промышленности и инноваций: особая экономическая зона (на примере Санкт-Петербурга) / Е. Р. Булатова // Экономические науки. – 2021. – № 198. – С. 21-25. – DOI 10.14451/1.198.21.
11. Вязников, В. Е. Инновационная стратегия устойчивого развития предприятия / В. Е. Вязников, О. А. Красовская, А. Э. Чигир // Информатизация и виртуализация экономической и социальной жизни : Материалы VII Всероссийской студенческой научно-практической конференции с международным участием, Иркутск, 20 ноября 2019 года. – Иркутск: Иркутский национальный исследовательский технический университет, 2019. – С. 161-164.
12. Гатауллин, Р. Ф. Инновационный фактор в развитии особых экономических зон / Р. Ф. Гатауллин, Э. И. Тагирова // Финансовый бизнес. – 2024. – № 9(255). – С. 20-23.
13. Долгополов, Д. В. Проблемы институционального взаимодействия в области развития инноваций России на примере особых экономических зон / Д. В. Долгополов // Инновационная экономика и менеджмент: методы и технологии : сборник статей участников V Международной научно-практической конференции, Москва, 10–11 ноября 2020 года. – Москва: Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова Издательский Дом (типография), 2020. – С. 44-48.
14. Колодин, В. С. Особые экономические зоны технико-внедренческого типа как форма трансфера

инноваций / В. С. Колодин, Е. Е. Зайцева // Известия Байкальского государственного университета. – 2021. – Т. 31, № 4. – С. 478-487.

15.Королев, Ю. А. Способы стимулирования развития инноваций в особых экономических зонах / Ю. А. Королев // Казанская наука. – 2010. – № 3. – С. 80-86.

16.Нечаев А.С. Критерии целесообразности применения лизинга для технического переоснащения ряда предприятий Иркутской области // Ученые записки Российской Академии предпринимательства. 2008. № 16. С. 174-179.

17.Нечаев А.С., Антипина О.В. Необходимость реализации государственных мероприятий в целях повышения эффективности деятельности инновационно-активных предприятий // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. 2014. № 9 (69). С. 25.

18.Ованесян С.С., Нечаев А.С. Расчет необходимого коэффициента ускорения в управлении амортизацией основных средств // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2003. № 3-4. С. 4-8.

19.Орлов, А. К. Инновация ценности как инструмент повышения конкурентоспособности особых экономических зон / А. К. Орлов, Е. Р. Буадзе // Приволжский научный журнал. – 2012. – № 3(23). – С. 209-213.

20.Шильникова Г.Г., Нечаев А.С. Исторические этапы амортизационной политики XX-XXI веков // Депонированная рукопись Г.Г. Шильникова, А.С. Нечаев № 57 314 04.07.2002.

Analysis and evaluation of special economic zones for the development of investment and innovation activities in the regions of the Russian Federation

Barykina Yu.N., Chernykh A.G.

Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk State Agrarian University named after A.A. Ezhevsky

JEL classification: D20, E22, E44, L10, L13, L16, L19, M20, O11, O12, Q10, Q16, R10, R38, R40, Z21, Z32

The article analyzes and evaluates the SEZ for the development of investment and innovation activities in the regions of the Russian Federation. The purpose of the study is to examine the theoretical and empirical issues of the SEZ functioning. The subject of the study is the development of theoretical approaches to the existing mechanisms of the SEZ aimed at developing investment and innovation activities. The article summarizes the author's approaches to defining and understanding the essence of the SEZ, which made it possible to clarify the definition of the concept of "special economic zone". The author's position on the definition of the concept of the SEZ takes into account the relationship between attracting investment, development of innovations, reflecting their interaction on the economic development of the regions of the Russian Federation. The methods of analysis and evaluation of the SEZ are highlighted, which made it possible to identify the direct impact on the development of investment and innovation activities of the regions of the Russian Federation. The traditional classification of the SEZ is supplemented with categories aimed at the effective formation of tools for the development of innovation activities of Russian regions. The generalized and supplemented classification of SEZs more accurately emphasizes the uniqueness of the functioning of SEZs, as well as their role in the development of regions. In general, SEZs act as an effective mechanism aimed at transforming the economy of the regions of the Russian Federation, stimulating investment, and stimulating innovative activity of both residents of these zones and organizations implementing innovative activities.

Keywords: resident, special economic zone, region, export, innovation, investment, transformation, investment potential, special economic and legal regime.

References

1. Barykina Y.N., Shao Y. Integration of renewable energy sources into en-energy systems // In the collection: Ensuring sustainable development in the context of agriculture, energy, ecology and earth science (ESDCA-III-2023) (IOP Conference Series: Earth and Environmental Science). III International scientific and practical conference. Bristol, 2023, pp. 12018.
2. Chernykh A.G., Barykina Y.N., Morozevich O.A. Development of methods for minimizing energy losses in electrical networks / IOP Conference Se-ries: Earth and Environmental Science. 2022. T. 1070. No. 1. S. 012006.
3. Krasovskaya, O. A. Application of BIM Technologies as IT Projects for Digital Transformation in Industry / O. A. Krasovskaya, V. E. Vyaznikov, A. I. Mamaeva // Digital and Information Technologies in Economics and Management: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference "Digital and Information Technologies in Economics and Management" (DITEM2021), Mos-cow, November 23–25 2021. – Moscow: Springer International Publishing, 2022. – P. 104-116.
4. Krasovskaya, O. A. Types and methods of application of information technologies in the transport industry of Siberia / O. A. Krasovskaya, A. E. Chigir // IOP Conference Series: Materials Science and Engineering: International Conference on Transport and Infrastructure of the Siberian Region, SibTrans 2019, Moscow, May 21–24, 2019. Vol. 760. – Moscow: Institute of Physics Publishing, 2020. – P. 012031.
5. Nechaev A.S., Antipina O.V. Assessing the innovation attractiveness of areas: problems and solutions // Journal of Advanced Research in Law and Eco-nomics. 2016. T. 7. No. 3. P. 561-571.
6. Nechaev A.S., Antipina O.V. Assessing the innovation attractiveness of areas: problems and solutions // Journal of Advanced Research in Law and Economics. 2016. Vol. 7. No. 3. Pp. 561-571.
7. Rasputina A.V., Nechaev A.S., Ilina E.A. An analysis of the construction industry and the impact of taxation on its development in the Baltic and Scandinavian countries // In the collection: IOP Conference Series: Earth and Environmental Science. Ser. "International Baikal Investment and Construction Forum "Spatial Restructuring of Territories"" 2021. Pp. 012168.
8. Alyushina, A.S. Special economic zones as objects of institutional innovations / A.S. Alyushina // Scientific progress as a key factor in the development of the knowledge sphere: Collection of scientific papers. – Kazan: OOO "SitIvent", 2020. – P. 54-58.
9. Barykina Yu.N., Luzgina Ya.A. Innovations are the main driving factor in the growth of the country's economy // In the collection: Informatization and virtualization of economic and social life. Proceedings of the IV Interuniversity Student Scientific and Practical Conference with International Participation (electronic publication). Irkutsk National Research Technical University. 2018. P. 200-202.
10. Bulatova, E. R. Evaluation of the effectiveness of industrial and innovation development: special economic zone (on the example of St. Petersburg) / E. R. Bulatova //

Economic sciences. - 2021. - No. 198. - P. 21-25. - DOI 10.14451 / 1.198.21.
11. Vyaznikov, V. E. Innovative strategy for sustainable development of the enterprise / V. E. Vyaznikov, O. A. Krasovskaya, A. E. Chigir // Informatization and virtualization of economic and social life: Proceedings of the VII All-Russian student scientific and practical conference with international participation, Irkutsk, November 20, 2019. - Irkutsk: Irkutsk National Research Technical University, 2019. - P. 161-164.
12. Gataullin, R. F. Innovative factor in the development of special economic zones / R. F. Gataullin, E. I. Tagirova // Financial business. - 2024. - No. 9 (255). - P. 20-23.
13. Dolgopolov, D. V. Problems of institutional interaction in the field of innovation development in Russia on the example of special economic zones / D. V. Dolgopolov // Innovative economics and management: methods and technologies: collection of articles by participants of the V International scientific and practical conference, Moscow, November 10-11, 2020. - Moscow: Lomonosov Moscow State University Publishing House (printing house), 2020. - P. 44-48.
14. Kolodin, V. S. Special economic zones of the technology implementation type as a form of innovation transfer / V. S. Kolodin, E. E. Zaitseva // Bulletin of the Baikal State University. - 2021. - Vol. 31, No. 4. - P. 478-487.
15. Korolev, Yu. A. Ways to stimulate the development of innovations in special economic zones / Yu. A. Korolev // Kazan science. - 2010. - No. 3. - P. 80-86.
16. Nechaev A.S. Criteria for the feasibility of using leasing for technical re-equipment of a number of enterprises in the Irkutsk region // Scientific Notes of the Russian Academy of Entrepreneurship. 2008. No. 16. P. 174-179.
17. Nechaev A.S., Antipina O.V. The need to implement government measures to improve the performance of innovative enterprises // Management of economic systems: electronic scientific journal. 2014. No. 9 (69). P. 25.
18. Ovanesyan S.S., Nechaev A.S. Calculation of the required acceleration coefficient in the management of fixed assets depreciation // Bulletin of the Irkutsk State University of Economics. 2003. No. 3-4. P. 4-8.
19. Orlov, A.K. Value innovation as a tool for improving the competitiveness of special economic zones / A.K. Orlov, E.R. Buadze // Volga Region Scientific Journal. - 2012. - No. 3 (23). - P. 209-213.
20. Shilnikova G.G., Nechaev A.S. Historical stages of depreciation policy in the XX-XXI centuries // Deposited manuscript of G.G. Shilnikova, A.S. Nechaev No. 57 314 04.07.2002.

Влияние государственной политики на эффективность особых экономико-правовых режимов в субъектах РФ

Барыкина Юлия Николаевна
кандидат экономических наук, доцент, кафедра экономики и цифровых бизнес-технологий, Институт экономики, управления и права, Иркутский национальный исследовательский технический университет, barykinayn@mail.ru

Ильина Елена Андреевна
кандидат экономических наук, доцент, кафедра экономики и бухгалтерского учета, Институт экономики, управления и прикладной информатики Иркутский государственный аграрный университет им. А.А. Ежевского, ielena1771@bk.ru

Пригожин Вячеслав Львович
кандидат экономических наук, доцент, кафедра менеджмента Институт экономики, управления и права, Иркутский национальный исследовательский технический университет, prigozhins@mail.ru

Нечаев Андрей Сергеевич
доктор экономических наук, профессор, кафедра экономики и цифровых бизнес-технологий, Институт экономики, управления и права Иркутский национальный исследовательский технический университет, n-a-s@mail.ru

Исследование посвящено анализу влияния государственной политики на эффективность особых экономико-правовых режимов в субъектах РФ. Цель исследования заключается в рассмотрении теоретических и практических основ государственной политики в области особых экономико-правовых режимов. Предметом исследования выступает выявление и обобщение основных факторов и принципов, влияющих на эффективность функционирования ОЭЗ. В статье выделены основные виды особых экономико-правовых режимов в субъектах РФ, а также определены их характерные черты, установлены основные преференции и приведены практические примеры их реализации. В рамках исследования, авторами обобщены и установлены факторы, влияющие на эффективность функционирования ОЭЗ, которые заключаются в современных технологиях цифровизации и автоматизации, экологической устойчивости, институциональной поддержки бизнеса, развитии социальной инфраструктуры региона, кластеризации ОЭЗ по сферам деятельности и другие. Отмечены функции различных институтов как на федеральном, так и на региональном уровнях, которые направлены на скоординированную работу для решения поставленных целей в деятельности ОЭЗ.
Ключевые слова: резидент, особая экономическая зона, регион, инвестиции, особый экономико-правовой режим, инвестиционная привлекательность, государственная политика, органы власти, региональная экономическая политика.

В настоящее время одной из приоритетных задач государственной политики в области социально-экономического развития регионов Российской Федерации является формирование благоприятного делового климата, привлечение инвестиций и стимулирование предпринимательской деятельности [1]. В этой связи особые экономико-правовые режимы выступают эффективным инструментом для решения таких задач. Особые экономико-правовые режимы представляют собой комплекс мер правового, налогового и административного характера, направленных на создание более выгодных условий для введения бизнеса в отдельных территориях [2]. К основным видам особых экономико-правовым режимам в субъектах РФ, действующие в рамках отдельных отраслей, относятся: особые экономические зоны (далее ОЭЗ), территории опережающего социально-экономического развития (далее ТОСЭР), специальные налоговые и правовые режимы (табл. 1) [3].

Таблица 1
Основные виды особых экономико-правовых режимов в субъектах РФ

Вид режима	Характерные черты	Основные преференции	Практические примеры
ОЭЗ	Территории с особым режимом ведения бизнеса, направленные на привлечение инвестиций и развитие приоритетных отраслей	Налоговые льготы, таможенные послабления, упрощенные административные процедуры, инфраструктурная поддержка	ОЭЗ «Алабуга» (Республика Татарстан), ОЭЗ «Технополис Москва».
ТОСЭР	Создаются в моногородах и отдельных территориях для диверсификации экономики, привлечения инвестиций и создания рабочих мест.	Сниженные ставки по налогам, страховые взносы, субсидии и др.	ТОСЭР «Набережные Челны» (Республика Татарста), ТОСЭР «Кемерово» (Кемеровская область).
Специальные налоговые и правовые режимы	Временные или постоянные механизмы регулирования отдельных отраслей или регионов с целью стимулирования из развития	Упрощенное налогообложение, снижение административной нагрузки, особые условия для инвесторов.	«Сколково», режим самозанятых граждан.

Особое значение приобретает государственная политика в рамках регулирования и развития особых экономико-правовых режимов, определяющая их эффективность, поскольку именно государство формирует законодательную основу их функционирования, устанавливает меры поддержки для инвесторов и резидентов, а также осуществляет контроль за их развитием [4]. На федеральном и региональном уровнях разрабатываются и реализуются программы стимулирования экономической активности в таких зонах, включающие налоговые льготы, снижение административных ограничений, создание инфраструктуры и предоставление иных преференций [5]. Однако эффективность мер поддержки существенно различается в зависимости от региона, что обусловлено разными уровнями социально-экономического развития субъектов РФ, различиями в качестве управления, а также спецификой применяемых правовых механизмов.

Следует отметить, что наряду со значительным наличием числа особых экономико-правовых режимов, практика их реализации в субъектах РФ не достигает ожидаемых результатов. Такой недостаток может быть связан с несогласованностью уровней управления, бюрократическими и административными ограничениями, недостаточной инфраструктурной и институциональной поддержкой, ограниченной информированностью участников рынка, отсутствием долгосрочной программой развития и др [6]. Также, в ряде случаев наблюдаются проблемы, связанные с недостаточным притоком инвестиций, сложностями в администрировании и регулировании деятельности резидентов зон с особым статусом [7]. Такие проблемы во многом обусловлены несовершенством правовых механизмов и недостаточной адаптацией государственной политики к региональным особенностям. В связи с этим актуальным становится вопрос о выявлении ключевых факторов, влияющих на эффективность функционирования особых экономико-правовых режимов, а также обоснование комплекса мер, способствующих их совершенствованию (рис. 1).

Одним из основных факторов выступает нормативно-правовое регулирование [8]. На наш взгляд, суть нормативно-правового регулирования должно заключаться в обеспечении стабильных правил и требований ведения хозяйствующей деятельности резидентами ОЭЗ. Постоянные изменения законодательной базы или ее недостаточная проработанность приводит к снижению доверия инвесторов и препятствует долгосрочному функционированию, а также планированию работы в ОЭЗ [9].

Следует выделить инвестиционный климат, как основной фактор, влияющий на эффективность функционирования ОЭЗ, так как он учитывает социально-политические и экономические условия, а также доступ к финансовым ресурсам [10].

Важную роль играют налоговые и таможенные преференции, поскольку сниженная налоговая нагрузка и предоставление льгот, например, для ввоза сырья и оборудования позволяют резидентам значительно сократить производственные издержки [11]. Однако, без развитой инфраструктуры региона даже самые выгодные налоговые условия не смогут привлечь инвесторов, так как отсутствие транспортных узлов, недостаток энергетических мощностей или слабая телекоммуникационная сеть могут стать серьезным препятствием для развития бизнеса.

Рисунок 1 – Факторы, влияющие на эффективность функционирования ОЭЗ

Эффективность ОЭЗ во многом зависит от успешного управления и администрирования, поэтому сокращение административных ограничений и наличие единого подхода к взаимодействию с государственными органами упростят введение бизнеса резидентами ОЭЗ [12]. В свою очередь, конкурентные преимущества ОЭЗ, такие как доступ к природным ресурсам, благоприятные климатические условия и другие способствуют успешному развитию зоны, особенно если они применяются в рамках инвестиционных проектов.

Не менее важным фактором выступает географическое расположение региона. Так, например, близость субъекта к международным границам, портам или крупным городам существенно упрощает логистику и снижает транспортные расходы [13]. Однако даже при удачном расположении субъекта отсутствие доступа к финансированию может стать серьезным препятствием. По нашему мнению, ОЭЗ должны предоставляться льготное кредитование, субсидии и разрабатываться инвестиционные программы, поскольку без финансо-

вой поддержки многие предприятия не смогут реализовывать крупномасштабные инновационные проекты.

Важно отметить, что успешное функционирование особых экономико-правовых режимов зависит от совокупного сочетания традиционных и современных факторов [14]. В свою очередь государственная политика должна быть направлена не только на обеспечение налоговых льгот и развитой инфраструктуры, но и на гибкость регулирования, цифровизацию, развитие человеческого капитала и международное сотрудничество, что приведет к значительным объемам привлечения инвестиций, созданию новых рабочих мест и повышению конкурентоспособности национальной экономики.

Министерство экономического развития Российской Федерации играет ключевую роль в создании, развитии и функционировании ОЭЗ на территории страны. Согласно Постановлению Правительства РФ от 05 июня 2008 года № 437 данное Министерство является федеральным органом власти, осуществляющим функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию ОЭЗ [15]. Нами были выделены основные функции Министерства в отношении ОЭЗ (рис.2).

Рисунок 2 – Функции Министерства экономического развития в отношении ОЭЗ

Резюмируя рисунок 2, отметим, что Министерство экономического развития РФ выполняет комплексные функции, направленные на эффективное развитие и функционирование ОЭЗ, что способствует привлечению инвестиций, развитию высокотехнологичных отраслей и повышению конкурентоспособности субъектов РФ.

Следует отметить, что развитие ОЭЗ требует скоординированной работы различных институтов на федеральном и региональных уровнях. К различным институтам как на федеральном, так и на региональном уровнях можно отнести: органы государственной власти субъектов РФ, управляющие компании и наблюдательные советы [16]. К тому же роль Правительства субъектов РФ заключается в проведении экспертизы проектной документации и результатов инженерных изысканий, что необходимо для обеспечения качества и соответствия проектов установленным требованиям.

В свою очередь, управляющая компания выполняет широкий спектр задач, направленных на обеспечение устойчивого развития ОЭЗ. Обобщим функции управляющей компании как элемента региональной политики ОЭЗ и представим в табл. 2.

Таблица 2
Функции управляющей компании как элемента региональной политики ОЭЗ [17,18,19]

№ п/п	Функция	Описание
1	Развитие инфраструктуры ОЭЗ в субъектах РФ	Организация создания и последующего функционирования объектов инфраструктуры ОЭЗ в субъектах РФ
2	Привлечение резидентов и инвесторов	Работа по привлечению резидентов и других инвесторов, заинтересованных в ведении деятельности в ОЭЗ
3	Планирование занимаемой территории	Разработка генерального плана застройки и развития ОЭЗ
4	Государственный заказ	Выполнение функций государственного заказчика при планировании и создании инфраструктуры, финансируемой из бюджета
5	Получение технических условий	В целях подключения объектов ОЭЗ к инженерным сетям и передача их застройщикам
6	Управление недвижимостью	Контроль за использованием земельных участков и объектов недвижимости в пределах ОЭЗ
7	Информационная открытость	Публикация данных о земельных участках, не переданных в аренду.

В рамках скоординированной работы различных институтов для развития и эффективного функционирования ОЭЗ немаловажную роль играет наблюдательный совет, который выполняет надзорные и координирующие функции (рис. 3) [20]. Надзорные и координирующие функции включают в себя: организацию координации деятельности по развитию ОЭЗ, контроль за исполнением соглашений о создании ОЭЗ, изучение, утверждение и мониторинг выполнения планов развития зоны, оказание поддержки проектам резидентов и привлеченным инвесторам [21].

Таким образом, функционирование ОЭЗ во многом зависит от эффективности работы ключевых институтов, ответственных за их развитие и управление. В свою очередь, взаимодействие Правительства РФ, управляющей компании и наблюдательного совета определяет, в первую очередь, успешность привлечения инвестиций, развития инфраструктуры и реализации поставленных целей в рамках ОЭЗ. Взаимодействие всех институтов позволяет достичь высокой эффективности функционирования ОЭЗ, а распределение функций между государственными органами и управляющими структурами создаст условия для ускоренного и эффективного развития ОЭЗ, что положительно скажется на темпах экономического роста региона и страны.

В субъектах РФ эффективное развитие ОЭЗ осуществляется в соответствии с соблюдением ряда принципов региональной политики, обеспечивающих баланс между государственным регулированием, инвестиционной привлекательностью и объединением ОЭЗ в общую экономическую систему страны. Принципы региональной политики в ОЭЗ направлены на создание преимущественных условий для формирования устойчивой и конкурентоспособной экономической среды. Выделим основные принципы региональной политики в ОЭЗ в таблице 3 [22].

Таблица 3
Основные принципы региональной политики в ОЭЗ

№ п/п	Принцип региональной политики	Характерные черты
1	Баланс выравнивающих и стимулирующих мер	Региональная политика должна включать как механизмы стимулирования предпринимательской активности, так и меры по устранению диспропорций в развитии территорий. Стимулирующие меры, реализуемые посредством институциональных механизмов, направлены на совершенствование бизнеса, тогда как выравнивающие меры обеспечиваются инструментами бюджетной политики. Для эффективного управления, функционирования и достижения целей создания ОЭЗ важно гармоничное сочетание этих двух направлений.
2	Согласованность с государственной политикой	Основные направления ОЭЗ развития ОЭЗ должны быть согласованы с приоритетными направлениями федеральной экономической политики. Несмотря на наличие особого экономико-правового режима в ОЭЗ, их развитие не должно противоречить общегосударственной стратегии, а должно быть логичным дополнением или продолжением.
3	Межрегиональная интеграция	Регионы, использующие специальные режимы для развития предпринимательской деятельности, могут в полной мере реализовать свои конкурентные преимущества только при наличии активного взаимодействия с другими субъектами РФ.
4	Комплексный подход к социально-экономическому развитию субъектов РФ	Региональная политика в ОЭЗ должна учитывать не только экономические факторы, но и аспекты социальной жизни населения, такие как, развитие здравоохранения, жилищного сектора, образования и других сфер деятельности. Создание комфортной среды способствует не только притоку инвестиций, но и привлечению высококвалифицированных кадров, что является важным условием для устойчивого развития региона.

Таким образом, реализация эффективной региональной политики на территориях с особых экономико-правовым режимом с соблюдением принципов, представленных в табл. 3 позволит добиться эффективных результатов в предпринимательской деятельности резидентами ОЭЗ [23].

В заключении следует отметить, что особые экономико-правовые режимы являются основным элементом государственной политики, направленной на повышение инвестиционной привлекательности субъектов РФ, стимулирование экономической активности и диверсификацию экономики. Введение таких режимов, как ОЭЗ, ТОСЭР, а также специальные налоговые и правовые режимы, способствует формированию преимущественных условий для ведения бизнеса, привлечению отечественных и зарубежных инвесторов, созданию новых рабочих мест и повышению конкурентоспособности отдельных регионов.

В процессе исследования было установлено, что эффективность функционирования особых экономико-правовых режимов зависит от множества факторов, включая нормативно-правовое регулирование, инвестиционный климат, налоговые и таможенные преференции, уровень развития инфраструктуры, административные процедуры и географическое расположение субъектов РФ. Государственная политика в данной сфере должна обеспечивать не только создание благоприятных условий для снижения, но и устранение барьеров, упрощение условий предоставления льгот, а также обеспечение четких и стабильных правил ведения бизнеса.

Литература

1. Barykina Y.N., Shao Y. Integration of renewable energy sources into energy systems // В сборнике: Ensuring sustainable development in the context of agriculture, energy, ecology and earth science (ESDCA-III-2023) (IOP Conference Series: Earth and Environmental Science). III International scientif ic and practical conference. Bristol, 2023. С. 12018.
2. Chernykh A.G., Barykina Y.N., Morozevich O.A. Development of methods for minimizing energy losses in electrical networks / IOP Conference Series: Earth and Environmental Science. 2022. Т. 1070. № 1. С. 012006.
3. Krasovskaya, O. A. Application of BIM Technologies as IT Projects for Digital Transformation in Industry / O. A. Krasovskaya, V. E. Vyaznikov, A. I. Mamaeva // Digital and Information Technologies in Economics and Management : Proceedings of the International Scientific and Practical Conference "Digital and Information Technologies in Economics and Management" (DITEM2021), Moscow, 23–25 ноября 2021 года. – Moscow: Springer International Publishing, 2022. – P. 104-116.
4. Krasovskaya, O. A. Types and methods of application of information technologies in the transport industry of Siberia / O. A. Krasovskaya, A. E. Chigir // IOP Conference Series: Materials Science and Engineering : International Conference on Transport and Infrastructure of the Siberian Region, SibTrans 2019, Moscow, 21–24 мая 2019 года. Vol. 760. – Moscow: Institute of Physics Publishing, 2020. – P. 012031.
5. Nechaev A.S., Antipina O.V. Assessing the innovation attractiveness of areas: problems and solutions // Journal of Advanced Research in Law and Economics. 2016. Т. 7. № 3. С. 561-571.
6. Nechaev A.S., Antipina O.V. Assessing the innovation attractiveness of areas: problems and solutions // Journal of Advanced Research in Law and Economics. 2016. Т. 7. № 3. С. 561-571.

7. Rasputina A.V., Nechaev A.S., Ilina E.A. An analysis of the construction industry and the impact of taxation on its development in the Baltic and Scandinavian countries // В сборнике: IOP Conference Series: Earth and Environmental Science. Сер. "International Baikal Investment and Construction Forum "Spatial Restructuring of Territories"" 2021. С. 012168.

8. Ахметов, Т. Р. Сравнительный анализ особых экономических зон в регионах России и зарубежом в аспекте научно-технологического развития экономики / Т. Р. Ахметов, С. М. Гаймалова // Управленческий учет. – 2024. – № 9. – С. 14-20.

9. Барыкина Ю.Н., Лузгина Я.А. Инновации – основной движущий фактор роста экономики страны // В сборнике: Информатизация и виртуализация экономической и социальной жизни. Материалы IV Межвузовской студенческой научно-практической конференции с международным участием (электронное издание). Иркутский национальный исследовательский технический университет. 2018. С. 200-202.

10.Вязников, В. Е. Инновационная стратегия устойчивого развития предприятия / В. Е. Вязников, О. А. Красовская, А. Э. Чигир // Информатизация и виртуализация экономической и социальной жизни : Материалы VII Всероссийской студенческой научно-практической конференции с международным участием, Иркутск, 20 ноября 2019 года. – Иркутск: Иркутский национальный исследовательский технический университет, 2019. – С. 161-164.

11.Горовой, А. А. Особые экономические зоны как инструмент государственной инновационной политики / А. А. Горовой, В. Г. Марута // Экономика и предпринимательство. – 2016. – № 8(73). – С. 142-146.

12.Есаулова, О. В. Особые экономические зоны как один из основных инструментов государственной инвестиционной политики / О. В. Есаулова // Инновации и инвестиции. – 2010. – № 3. – С. 26-28.

13.Мишальченко, Ю. В. Государственная промышленная политика и особые экономические зоны в современных условиях: международные экономические и правовые аспекты / Ю. В. Мишальченко, А. В. Торопыгин, Т. И. Ююкина // Международный правовой курьер. – 2016. – № 2(14). – С. 12-18.

14.Нечаев А.С. Критерии целесообразности применения лизинга для технического переоснащения ряда предприятий Иркутской области // Ученые записки Российской Академии предпринимательства. 2008. № 16. С. 174-179.

15.Нечаев А.С., Антипина О.В. Необходимость реализации государственных мероприятий в целях повышения эффективности деятельности инновационно-активных предприятий // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. 2014. № 9 (69). С. 25.

16.Ованесян С.С., Нечаев А.С. Расчет необходимого коэффициента ускорения в управлении амортизацией основных средств // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2003. № 3-4. С. 4-8.

17.Питченко, Д. С. Особые экономические зоны как активное средство государственной политики / Д. С. Питченко // Актуальные вопросы научных исследований : материалы Международной (заочной) научно-практической конференции, Душанбе, 23 ноября 2016 года. – Душанбе: Научно-издательский центр "Мир науки" (ИП Вострецов Александр Ильич), 2016. – С. 108-110.

18.Скорниченко, Н. Н. Роль особых экономических зон в реализации государственной политики импортозамещения / Н. Н. Скорниченко // Актуальные вопросы управления региональными социально-экономическими системами : Сборник научных статей Международной научно-практической конференции, Курск, 05–06 июня 2024 года. – Курск: ЗАО "Университетская книга", 2024. – С. 341-344.

19.Третьякова, О. А. Государственная политика создания и регулирования особых экономических зон в Российской Федерации / О. А. Третьякова // Вестник науки. – 2024. – Т. 2, № 11(80). – С. 330-336.

20.Тюрина, Ю. Г. Формирование и реализация государственной политики в контексте развития особых экономических зон / Ю. Г. Тюрина, М. А. Троянская // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2017. – Т. 13, № 6(351). – С. 1079-1092.

21.Фрумина, С. В. Особые экономические зоны: введение в теорию вопроса / С. В. Фрумина // Финансы и кредит. – 2019. – Т. 25, № 1(781). – С. 39-54. – DOI 10.24891/fc.25.1.39.

22.Шильникова Г.Г., Нечаев А.С. Исторические этапы амортизационной политики XX-XXI веков // Депонированная рукопись Г.Г. Шильникова, А.С. Нечаев № 57 314 04.07.2002.

23.Янова, Е. А. Особые экономические зоны как элемент государственной инновационной политики / Е. А. Янова, М. В. Валдайцева, Н. В. Грибанова // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2019. – № 5-2. – С. 120-124.

Analysis and assessment of economic features for the development of investment and innovation activities in the regions of the Russian Federation

Nechaev A.S., Ilyina E.A., Prigozhin V.L., Barykina Yu.N.
Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk State Agrarian University named after A.A. Ezhevskogo

JEL classification: D20, E22, E44, L10, L13, L16, L19, M20, O11, O12, Q10, Q16, R10, R38, R40, Z21, Z32

The study is devoted to the analysis of the influence of public policy on the effectiveness of special economic and legal regimes in the constituent entities of the Russian Federation. The purpose of the study is to consider the theoretical and practical foundations of public policy in the field of special economic and legal regimes. The subject of the study is the identification and generalization of the main factors and principles influencing the effectiveness of the SEZ. The article highlights the main types of special economic and legal regimes in the constituent entities of the Russian Federation, as well as defines their characteristic features, establishes the main preferences and provides practical examples of their implementation. As part of the study, the authors summarized and identified the factors influencing the effectiveness of the SEZ, which consist of modern digitalization and automation

technologies, environmental sustainability, institutional support for business, development of social infrastructure in the region, clustering of SEZs by areas of activity, etc. The functions of various institutions at both the federal and regional levels are noted, which are aimed at coordinated work to achieve the goals set in the activities of the SEZ.

Keywords: resident, special economic zone, region, investments, special economic and legal regime, investment attractiveness, state policy, authorities, regional economic policy.

References

1. Barykina Y.N., Shao Y. Integration of renewable energy sources into energy systems // В сборнике: Ensuring sustainable development in the context of agriculture, energy, ecology and earth science (ESDCA-III-2023) (IOP Conference Series: Earth and Environmental Science). III International scientif ic and practical conference. Bristol, 2023. С. 12018.
2. Chernykh A.G., Barykina Y.N., Morozevich O.A. Development of methods for minimizing energy losses in electrical networks / IOP Conference Series: Earth and Environmental Science. 2022. Т. 1070. № 1. С. 012006.
3. Krasovskaya, O. A. Application of BIM Technologies as IT Projects for Digital Transformation in Industry / O. A. Krasovskaya, V. E. Vyaznikov, A. I. Mamaeva // Digital and Information Technologies in Economics and Management : Proceedings of the International Scientific and Practical Conference "Digital and Information Technologies in Economics and Management" (DITEM2021), Moscow, 23–25 ноября 2021 года. – Moscow: Springer International Publishing, 2022. – P. 104-116.
4. Krasovskaya, O. A. Types and methods of application of information technologies in the transport industry of Siberia / O. A. Krasovskaya, A. E. Chigir // IOP Conference Series: Materials Science and Engineering : International Conference on Transport and Infrastructure of the Siberian Region, SibTrans 2019, Moscow, 21–24 мая 2019 года. Vol. 760. – Moscow: Institute of Physics Publishing, 2020. – P. 012031.
5. Nechaev A.S., Antipina O.V. Assessing the innovation attractiveness of areas: problems and solutions // Journal of Advanced Research in Law and Economics. 2016. Т. 7. № 3. С. 561-571.
6. Nechaev A.S., Antipina O.V. Assessing the innovation attractiveness of areas: problems and solutions // Journal of Advanced Research in Law and Economics. 2016. Т. 7. № 3. С. 561-571.
7. Rasputina A.V., Nechaev A.S., Ilina E.A. An analysis of the construction industry and the impact of taxation on its development in the Baltic and Scandinavian countries // В сборнике: IOP Conference Series: Earth and Environmental Science. Сер. "International Baikal Investment and Construction Forum "Spatial Restructuring of Territories"" 2021. С. 012168.
8. Akhmetov, TR Comparative analysis of special economic zones in the regions of Russia and abroad in terms of scientific and technological development of the economy / TR Akhmetov, SM Gaymalova // Management accounting. - 2024. - No. 9. - P. 14-20.
9. Barykina Yu.N., Luzgina Ya.A. Innovations are the main driving factor in the growth of the country's economy // In the collection: Informatization and virtualization of economic and social life. Proceedings of the IV Interuniversity Student Scientific and Practical Conference with International Participation (electronic publication). Irkutsk National Research Technical University. 2018. P. 200-202.
10. Vyaznikov, V. E. Innovative strategy for sustainable development of the enterprise / V. E. Vyaznikov, O. A. Krasovskaya, A. E. Chigir // Informatization and virtualization of economic and social life: Proceedings of the VII All-Russian student scientific and practical conference with international participation, Irkutsk, November 20, 2019. - Irkutsk: Irkutsk National Research Technical University, 2019. - P. 161-164.
11. Gorovoy, A. A. Special economic zones as an instrument of state innovation policy / A. A. Gorovoy, V. G. Maruta // Economics and entrepreneurship. - 2016. - No. 8 (73). - P. 142-146.
12. Esaulova, O. V. Special economic zones as one of the main instruments of state investment policy / O. V. Esaulova // Innovations and investments. - 2010. - No. 3. - P. 26-28.
13. Mishalchenko, Yu. V. State industrial policy and special economic zones in modern conditions: international economic and legal aspects / Yu. V. Mishalchenko, A. V. Toropygin, T. I. Yuyukina // International legal courier. - 2016. - No. 2 (14). - P. 12-18.
14. Nechaev A.S. Criteria for the feasibility of using leasing for technical re-equipment of a number of enterprises in the Irkutsk region // Scientific notes of the Russian Academy of Entrepreneurship. 2008. No. 16. P. 174-179.
15. Nechaev A.S., Antipina O.V. The need to implement government measures to improve the efficiency of innovative enterprises // Management of economic systems: electronic scientific journal. 2014. No. 9 (69). P. 25.
16. Ovanesyan S.S., Nechaev A.S. Calculation of the required acceleration coefficient in the management of fixed assets depreciation // Bulletin of the Irkutsk State University of Economics. 2003. No. 3-4. P. 4-8.
17. Pitchenko, D.S. Special economic zones as an active tool of state policy / D.S. Pitchenko // Current issues of scientific research: materials of the International (correspondence) scientific and practical conference, Dushanbe, November 23, 2016. – Dushanbe: Scientific Publishing Center "World of Science" (IP Vostretsov Alexander Ilyich), 2016. – P. 108-110.
18. Skornichenko, N. N. The role of special economic zones in the implementation of state policy of import substitution / N. N. Skornichenko // Actual issues of management of regional socio-economic systems: Collection of scientific articles of the International scientific and practical conference, Kursk, June 5-6, 2024. – Kursk: ZAO "University Book", 2024. – P. 341-344.
19. Tretyakova, O. A. State policy of creation and regulation of special economic zones in the Russian Federation / O. A. Tretyakova // Herald of science. – 2024. – Vol. 2, No. 11 (80). – P. 330-336.
20. Tyurina, Yu. G. Formation and implementation of state policy in the context of the development of special economic zones / Yu. G. Tyurina, M. A. Troyanskaya // National interests: priorities and security. – 2017. – Vol. 13, No. 6 (351). – P. 1079-1092.
21. Frumina, S. V. Special economic zones: introduction to the theory of the issue / S. V. Frumina // Finance and credit. – 2019. – Vol. 25, No. 1 (781). – P. 39-54. – DOI 10.24891/fc.25.1.39.
22. Shilnikova G.G., Nechaev A.S. Historical stages of depreciation policy of the XX-XXI centuries // Deposited manuscript by G.G. Shilnikova, A.S. Nechaev No. 57 314 07/04/2002.
23. Yanova, E. A. Special economic zones as an element of state innovation policy / E. A. Yanova, M. V. Valdaitseva, N. V. Gribanova // Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law. – 2019. – No. 5-2. – pp. 120-124.

Роль субъектов малого и среднего предпринимательства в обеспечении социально-экономической устойчивости крупных городов (на примере Великого Новгорода)

Бусурин Сергей Владимирович
аспирант, Академия труда и социальных отношений, sbusurin@mail.ru

В данной статье представлен анализ инструментов промышленной политики, направленной на сохранение социально-экономической устойчивости крупных городов. Выявлено, что меры, направленные на поддержку субъектов малого и среднего предпринимательства, позволяют иметь твердую и устойчивую ресурсную базу, позволяющая иметь стабильный источник доходов бюджета крупного города. Выявлена определенная «со зависимость» в развитии между органами местного самоуправления и субъектами малого и среднего предпринимательства. Определена перспектива социально-экономической устойчивости крупных городов за счет дополнительных налоговых поступлений от субъектов малого и среднего предпринимательства и передачи части налога, взимаемого в связи с применением упрощенной системы налогообложения в бюджеты городов. Даны рекомендации по сохранению особого режима упрощенной системы налогообложения, как потенциально одного из важных источников дохода крупных городов. Проанализирована перспектива поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства со стороны государства. Рассмотрено положительное влияние на социально-экономическую устойчивость городов внедрения мастер-планов.

Ключевые слова: промышленная политика, социально-экономическая устойчивость, Великий Новгород, моногорода, мастер-план, субъекты малого и среднего предпринимательства.

Введение

Крупнейшие города являются центрами модернизации экономики и человеческого капитала и безусловно обладают большей устойчивостью в связи со сложным промышленным и более гибким экономическим комплексом, и соответственно большим количеством числа налогоплательщиков [2]. В связи с введёнными санкциями и необходимостью сохранения устойчивого социально-экономического развития городов, являющихся локомотивами экономического роста страны необходимо рассматривать управленческие и экономические инструменты сохранения этого развития. Безусловно, данная задача является комплексной из-за индивидуальных особенностей и условий развития городов, но именно эти особенности подразумевают политику селективных мер поддержки для поддержания социально-экономической устойчивости крупных городов. Селективность мер экономической поддержки крупных городов предполагает целенаправленный выбор инструментов для решения конкретных проблем или стимулирования определённых секторов экономики. Это позволяет оптимизировать распределение ресурсов и повысить эффективность государственной поддержки, учитывая особенности и потребности каждого города. Селективный подход способствует более сбалансированному и устойчивому развитию крупных городских агломераций. Крупные города и региональные центры (далее – крупные города) играют ведущую роль в экономике нашей страны. В них проживет более 70% населения и эта цифра с каждым годом растет и устойчивое социально-экономическое развитие крупных городов является фактором стабильности страны. Этим определяется актуальность выбранной темы исследования. Целесообразность выбранной темы вытекает из непрекращающихся нерыночных методов экономического давления, которые потенциально могут нести риски для социально-экономической стабильности крупных городов. Научная новизна работы состоит в определении подхода к социально-экономической устойчивости крупных городов, как факторе мер промышленной политики и мер региональной бюджетной политики направленных на развитие МСП. Целью данной работы является проведение анализа мер и подходов, влияющих на социально-экономическую стабильность крупных городов и показать, что именно развитие МСП является стратегически важным элементом социально-экономической устойчивостью крупных

городов. Задачами представленного исследования будут рассмотрение роли МСП в экономике страны и их роль в экономической и социальной устойчивости городов.

Существует множество критериев, по которым можно судить о социально-экономическом состоянии территории. Основными экономическими показателями, характеризующими развитие региона и его устойчивость, выступают: – валовый региональный продукт (ВРП) на душу населения; – динамика роста ВРП; – инфляция и банковские процентные ставки, индекс промышленного производства и т.д. [21]. Важной составляющей, которая влияет на социально-экономическую устойчивость связана с эффективностью планирования и расходования бюджетных средств и соответственно различных методик анализа бюджета [4], [5], [7]. Большая долговая нагрузка бюджетов городов является фактором, который ставит под сомнение стабильную социально-экономическую ситуацию, и некоторые авторы выражают мнение, что необходимо контролировать предельный объём долговой нагрузки [3]. Многие авторы утверждают, что основой стабильной экономики страны [и безусловно городов] является эффективное функционирование малого и среднего бизнеса [1] и это позитивно сказывается на социально-экономической устойчивости и повышает возможность администрации города решать экономические и социальные вопросы, как оперативные, так и стратегические. И здесь и выше речь идет о ресурсном обеспечении, которое невозможно в полной мере без качественного управления бюджетом и стабильным поступлением средств в него. Этого можно достичь развитием экономики города, в том числе МСП, используя инструменты промышленной политики [22].

Методология исследования

Объектом данного исследования являются крупные города. Предметом исследования будут управленческие и экономические инструменты, направленные на социально-экономическую устойчивость крупных городов. Исследователи в своих трудах не в полной мере осветили вопросы, связанными с использованием инструментов промышленной политики, направленных на дальнейшую социально-экономическую устойчивость крупных городов. И в частности, влияние на эти процессы укрепление роли МСП в экономике страны и крупных городов. Методология исследования основана на использовании общенаучных методов познания (анализ, синтез, логический, индукции) при рассмотрении вопросов, связанных с факторами социально-экономической устойчивости крупных городов. А также частнонаучных методов (сравнительный и системный) при изучении особенностей и сходных характеристик, рассматриваемых объектов исследования.

Результаты исследования и их обсуждение

Малое и среднее предпринимательство (МСП) является важным элементом экономики, которое оказывает влияние на развитие народного хозяйства, рост конкурентоспособности отрасли, активизацию внедрения инноваций, создание рабочих мест и обеспечение существенной доли населения доходами, предоставление социальной защиты и повышение благосостояния населения. Доля МСП в валовом внутреннем продукте нашей страны относительно стабильна. В 2020 году ее доля составляла 20,8 %, а в 2023 году 21,0% [5]. Этот показатель говорит о том, что МСП поступательно развиваются вместе с ростом всей экономики страны. Для МСП созданы предпосылки для дальнейшего развития, а именно около 5,3 трлн рублей получит малый и средний бизнес в рамках финансовых программ Корпорации МСП до 2030 года рублей [18]. В регионах активно работают центры «Мой бизнес», которые оказывают всестороннюю поддержку субъектам МСП. Центры помогают снизить административные издержки для МСП, упрощая взаимодействие с государственными органами. Кроме того, внедряются цифровые сервисы, которые облегчают ведение бизнеса и делают его более эффективным. Это способствует развитию предпринимательской среды и улучшению условий для роста МСП.

Таблица 1
Основные финансовые показатели работы малых и средних предприятий в РФ

Финансовые показатели	Малые предприятия			Средние предприятия		
	2021	2022	2023	2021	2022	2023
Сальдированный финансовый результат (прибыль минус убыток), млрд руб.	5 242,4	6 012,6	11 598,6	886,8	1 122,5	1 315,1
Рентабельность проданных товаров, продукции (работ, услуг), %	8,3	9,5	13,0	8,1	9,7	9,9
Рентабельность активов предприятий, %	3,4	5,4	8,4	7,3	8,2	8,5

Источник: составлено автором на основе [5]

Анализируя данные таблицы 1 необходимо отметить, что основные экономические показатели деятельности субъектов МСП динамично развиваются на протяжении нескольких лет. Данный факт свидетельствует о позитивной конъюнктуре рынка и эффективности мер поддержки МСП в течении этого периода. Но, однако, учитывая, что роль и место МСП в экономике нашей страны по сравнению со странами запада находится на невысоком уровне и эту ситуацию необходимо исправлять, то в среднесрочной перспективе предусмотрены дополнительные меры и задачи. К 2030 году МСП должна расти быстрее ВВП на 20%, то есть быстрее, чем в среднем экономика [17]. В 2025 г. в РФ запускается новый

нацпроект «Эффективная конкурентная экономика», в котором развитие МСП выйдет на новый уровень. Фокус смещается с увеличения количества субъектов МСП на рост дохода на 1 работника МСП в 1,2 раза быстрее, чем рост ВВП [9].

Важной составляющей социально-экономической стабильности крупных городов является ресурсное обеспечение решения возникающих вопросов, стоящих перед администрацией города. Основной проблемой местного налогообложения на сегодняшний день является дефицит местных бюджетов. Несбалансированность местных бюджетов выражается в нехватке средств для решения возложенных на органы местного самоуправления полномочий, а также для реализации переданных им государственных полномочий. Несбалансированность местного бюджета и нехватка средств являются серьёзной проблемой, которая требует комплексного подхода и принятия эффективных мер на всех уровнях управления. Решение этой проблемы позволит обеспечить устойчивое развитие муниципальных образований и повышение качества жизни населения. Необходимо отметить, что перечень местных налогов и сборов, установленных статьёй 15 Налогового кодекса Российской Федерации являются: земельный налог; налог на имущество физических лиц; торговый сбор; туристический налог. Но исходя из практики исполнения бюджетов крупных городов их основной проблемой является формирование их доходной части за счет малой доли отчислений от федеральных налогов и сумм местных налогов [19]. По нашему мнению, основным резервом для пополнения бюджета крупных городов, является налог с деятельности малого и среднего бизнеса. На основании п. 2 ст. 56 БК РФ налог, взимаемый в связи с применением УСН, включая минимальный налог, подлежит зачислению в бюджеты субъектов РФ по нормативу 100%. В настоящий момент, некоторые регионы передают часть налогов, взымаемых в связи с применением упрощенной системы налогообложения (далее- УСН) на местный уровень. В Новгородской области принят региональный закон, который последовательно, начиная с 2018 года передает доходы от УСН в бюджеты муниципалитета по следующей схеме: с 1 января 2018 года - 50 процентов, с 1 января 2019 года - 60 процентов, с 1 января 2020 года - 70 процентов, с 1 января 2021 года - 80 процентов, с 1 января 2022 года - 90 процентов, с 1 января 2023 года - 100 процентов [7]. Тем самым данная практика создает ресурсную базу для социально-экономической устойчивости местных бюджетов и самого крупного города Новгородской области Великого Новгорода. Эта мера, за счет дополнительного источника дохода позволяет решать острые проблемы города и является мощным стимулом для поддержки и развития МСП со стороны муниципалитета.

Из данных Таблицы 2 видно, что доля поступления в бюджет налога в связи с применением УСН непрерывно растет. Это связано, как и с общими тенденциями роста эффективности МСП связанными с мерами поддержки, так и с передачей доли этих налогов с регионального в городской бюджет. Безусловно нужно учитывать и инфляционную составляющую. С учетом того, что МСП непосредственно работают в городах и их доля в перспективе будет только расти, то они крайне заинтересованы в поступательном развитии инфраструктуры города. С другой стороны, мы можем с уверенностью утверждать прямую заинтересованность и стимул в развитии МСП местными органами власти, являющимися важным стратегическим элементом экономического развития города и базой его социально-экономической устойчивости.

Таблица 2
Данные по поступлению средств в бюджет г. Великий Новгород

Период, год	Доходы бюджета - всего, тыс.руб.	Налоговые и неналоговые доходы, тыс.руб.	Налоги на совокупный доход, тыс.руб.	Налог, взимаемый в связи с применением упрощенной системы налогообложения, тыс.руб.
2021	6 759 835,5	2 360 572,7	753081,5	655664,5
2022	7 120 489,8	2 559 793,8	897293,0	844329,0
2023	10 452 378,8	2 868 898,4	1 040 731,0	1 009 313,0
2024	10 071 168,0	3 610 976,8	1 552 043,0	1 491 171,0

Источник: составлено автором на основе [8]

Муниципалитеты обладают правом самостоятельно формировать стратегические документы, что является важным аспектом местного самоуправления. Это позволяет учитывать специфику и потребности конкретного муниципального образования, разрабатывать и реализовывать программы и проекты, направленные на улучшение качества жизни населения. Стратегические документы муниципалитетов могут включать в себя планы развития инфраструктуры, программы поддержки предпринимательства, меры по улучшению экологической ситуации и другие инициативы. Они разрабатываются с учётом анализа социально-экономического положения, потребностей жителей и перспектив развития территории. Самостоятельность в формировании стратегических документов способствует повышению эффективности управления на местном уровне, активизации участия граждан в принятии решений и повышению их доверия к власти. Это также способствует более тесному взаимодействию между различными уровнями власти и общественными институтами.

Именно эта концепция сейчас реализуется в связи с поручениями Президента РФ В.В. Путиным в послании ФС РФ. Пр-616, п.21 г) - необходимо определить перечень, включающий в себя не менее 200 крупных и малых городов, городских агломераций, обеспечив разработку, утверждение и реализацию мастер-планов и планов комплексного социально-экономического развития (с распределением включенных в эти планы мероприятий по годам и определением источников их финансирования) [10]. Согласно ВЭБ РФ, документ должен состоять из

следующих пунктов: введения, результатов диагностики, сценариев городского развития, видения городского развития, ключевых проектов, основных направлений развития (с точки зрения мобильности, застройки, водно-зеленого каркаса, общественных пространств, инженерной инфраструктуры, социальной сферы, городских производств, малого и среднего предпринимательства, туризма, инновационного развития, культуры, экологии, цифровизации и жизнестойкости), механизмов реализации и мониторинга [15] . Данный документ предполагает поэтапность внедрения его основных положений, что позволит реализовать принцип дифференцированности в части помощи территориям с относительно низким уровнем социально-экономического развития [14]. Таким образом, мастер план в полной мере отражает потребности, как городского населения, так и бизнес-сообщества и играют ключевую роль в стратегическом планировании развития городов. Они позволяют определить приоритетные направления, оптимизировать использование ресурсов и обеспечить устойчивое развитие, что соответствует целям национального развития до 2030 года. Мастер-планы способствуют гармоничному сочетанию экономического роста, социального благополучия и экологической устойчивости крупных городов.

Заключение

В представленной работе проанализировано несколько важных акцентов, связанных с параметрами, влияющими на социально-экономическую стабильность крупных городов. Оценена роль МСП в экономике страны. На примере города Великий Новгород показана положительная тенденция по наполняемости муниципального бюджета за счет поступления дополнительных средств по УСН. Показано, что именно МСП являются важной ресурсной базой, которая в последствии сможет диверсифицировать экономику крупных городов и показать существенный экономический рост. УСН особый налоговый режим, к которому прибегают МСП и именно этот режим позволяет получать дополнительные источники доходов и сохранять социально-экономическую стабильность крупным городам. Выявлен новый инструмент промышленной политики, который в перспективе даст дополнительный импульс к развитию экономики города. Речь идет о работе над созданиями мастер-планов. Массовое внедрение мастер-планов позволит достичь комплексности при реализации программ социально-экономического развития территорий, для которых они разрабатываются. Данное решение — это один из элементов проведения промышленной политики, направленной на комплексное социально-экономическое развитие городов, что позволит существенно сбалансировать и укрепить экономику и социальную сферу крупных городов.

Литература

1. Демидова Н.Е., Шершова Е.В. Анализ малого и среднего бизнеса в России: проблемы и перспективы развития // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2020. № 12-2. С. 284-290.
2. Зубаревич Н.В. Города как центры модернизации экономики и человеческого капитала // Общественные науки и современность. 2010. №5. С. 5–19.
3. Киселева Е.Г. Оценка долговой устойчивости бюджетной системы регионов. Текст электронный // Финансы: теория и практика. 2022. №26(3). С. 110-128.
4. Косов М.Е., Голубцова Е.В., Новикова Е.С. Повышение бюджетной устойчивости регионов с учетом тенденций экономического развития Российской Федерации (на примере Республики Карелии) //Финансы: теория и практика. 2024. №28(5). С. 109-120.
5. Малое и среднее предпринимательство в России 2024. Статистический сборник «Основные показатели деятельности малых и средних предприятий 1.1. Основные экономические показатели деятельности предприятий». URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Mal_pred_2024.pdf (дата обращения: 24.03.2025).
6. Коротина Н.Ю. Методика анализа финансового состояния бюджетов муниципальных образований // Бухгалтерский учет в бюджетных и некоммерческих организациях 17 (353) – 2014. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/metodika-analiza-finansovogo-sostoyaniya-byudzhetov-munitsipalnyh-obrazovaniy (дата обращения: 24.03.2025).
7. Областной закон от 06.03.2009 №482-ОЗ «О межбюджетных отношениях в Новгородской области» (ред. 29.10.2019), Текст электронный // Официальный сайт Министерства финансов Новгородской области. URL: https://minfin.novreg.ru/activity/interbudgetaryrelations/zakony-o-mezhbyudzhetnykh otnosheniyakh/?ysclid=m5zmocegaz680515709 (дата обращения: 24.03.2025).
8. Отчеты об исполнении бюджета г. Великий Новгород, официальный сайт Администрации Великого Новгорода. URL: https://gorodnovgorod.gosuslugi.ru/deyatelnost/napravleniya-deyatelnosti/Finance/ ispolnenie-byudzheta-velikogonovgoroda/?ysclid=m4zwrrhb99902252518 (дата обращения: 24.03.2025).
9. Перечень поручений по реализации Послания Президента Федеральному Собранию. Официальный сайт Администрации Президента РФ. URL: http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/73759 (дата обращения: 24.03.2025).
10. Постановление Правительства РФ от 29.07.2014 N 709 «О критериях отнесения муниципальных образований Российской Федерации к монопрофильным (моногородам) и категориях монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов) в зависимости от рисков ухудшения их социально-экономического положения». ГАРАНТ. URL:

https://base.garant.ru/70707142/ (дата обращения: 24.03.2025).
11. Распоряжение Правительства РФ от 29.07.2014 №1398-р «Об утверждении перечня монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации». КонсультантПлюс, URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_166540/
12. Распоряжение Правительства РФ от 27.12.2021 г. №3887-р. // Официальный сайт Государственной системы правовой информации. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202112300044 (дата обращения: 24.03.2025).
13. Распоряжение Правительства РФ от 28.12.2024 N 4146-р «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года». КонсультантПлюс, URL: https://www.consultant.ru/law/ hotdocs/87971.html (дата обращения: 24.03.2025).
14. Руднева Т.А. Применение инструментов комплексного развития территории и мастер-планирования при реализации мегапроектов // Architecture and Modern Information Technologies. 2024. №4(69). С. 279-291.
15. На поддержку моногородов в РФ в этом году направят более 1,6 миллиарда рублей. Официальный сайт Парламентской газеты. URL: https://www.pnp.ru/economics/na-podderzhku-monogorodov-v-rf-v-etom-godu-napravyat-bolee-16-milliarda-rubley.html (дата обращения: 24.03.2025).
16. Об итогах нацпроекта МСП и целях до 2030 года. Официальный сайт АНО «Центр содействия развитию предпринимательства Новосибирской области». URL: https://mbnso.ru/news/ob-itogakh-natsproekta-msp-i-tselyakh-do-20230-goda-asskazala-zamministraekonomicheskogorazvitiya/?ysclid=m5yz653r52690266764 (дата обращения: 24.03.2025).
17. Предпринимательство: новая роль и компетенция в экономике России». Официальный сайт АНО «Национальные проекты». URL: https://xn--80aapampemcchfmo7a3c9ehj.xn--p1ai/upload/itogi-msp/MSP_2024.pdf (дата обращения: 24.03.2025).
18. Около 5,3 трлн рублей получит малый и средний бизнес в рамках финансовых программ Корпорации МСП до 2030 года». Официальный сайт «Центр «Мой бизнес» - URL: https://mb53.ru/news/okolo-5-3-trln-rubley-poluchit-malyy-i-sredniy-biznes-v-ramkakh-finansovykh-programm-korporatsii-msp/?sphrase_id=48527 (дата обращения: 24.03.2025).
19. Солодовникова О.А. Правовое регулирование местных налогов в Российской Федерации: проблемные вопросы // В сборнике: Актуальные проблемы правового, социального и политического развития России Материалы X Международной научно-практической конференции студентов, магистрантов, аспирантов. 2017. С. 259-261.
20. Тасуева Т. С., Цуцулаева Б. Р. Индикаторы устойчивого развития экономики региона // Вестник ГГНТУ. Гуманитарные и социально-экономические науки. 2021. Т. 17. № 4 (26). С.23-28.
21. Тойшева О.А., Панцева Е.Ю. Необходимость формирования и реализации промышленной политики городского промышленного комплекса с целью устойчивого развития экономики малых и средних городов. // Интернет-журнал «НАУКОВЕДЕНИЕ» Том 7, №4 (2015), URL: http://naukovedenie.ru/PDF/83EVN415.pdf (дата обращения: 24.03.2025).
22. Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2024 года (Статистический бюллетень). Официальный сайт Федеральной службы государственной статистик, URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/BUL_MO_2024.xlsx (дата обращения: 24.03.2025).

The role of small and medium business entities in ensuring social and economic sustainability of large cities (on the example of Veliky Novgorod)

Busurin S.V.
Academy of Labor and Social Relations

JEL classification: D20, E22, E44, L10, L13, L16, L19, M20, O11, O12, Q10, Q16, R10, R38, R40, Z21, Z32

This article presents an analysis of industrial policy tools aimed at maintaining the socio-economic stability of large cities. It is revealed that measures aimed at supporting small and medium-sized businesses make it possible to have a solid and stable resource base, which allows to have a stable source of income for the budget of a large city. A certain "co-dependence" in the development between local self-government bodies and small and medium-sized businesses is revealed. The prospect of socio-economic stability of large cities is determined due to additional tax revenues from small and medium-sized businesses and the transfer of part of the tax levied in connection with the application of the simplified taxation system to the budgets of cities. Recommendations are given to preserve the special regime of the simplified taxation system, as potentially one of the important sources of income for large cities. The prospects for supporting small and medium-sized businesses by the state are analyzed. The positive impact of the introduction of master plans on the socio-economic sustainability of cities is considered.

Keywords: industrial policy, socio-economic sustainability, Veliky Novgorod, single-industry towns, master plan, small and medium-sized businesses.

References

1. Demidova N.E., Shershova E.V. Analysis of small and medium businesses in Russia: problems and development prospects // Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law. 2020. No. 12-2. P. 284-290.
2. Zubarevich N.V. Cities as centers of economic and human capital modernization // Social Sciences and Modernity. 2010. No. 5. P. 5–19.
3. Kiseleva E.G. Assessment of debt sustainability of the regional budget system. Electronic text // Finance: Theory and Practice. 2022. No. 26(3). P. 110-128.

4. Kosov M.E., Golubtsova E.V., Novikova E.S. Increasing the budget sustainability of regions, taking into account the trends in economic development of the Russian Federation (on the example of the Republic of Karelia) // Finance: Theory and Practice. 2024. No. 28 (5). P. 109-120.
5. Small and medium-sized businesses in Russia 2024. Statistical digest "Key performance indicators of small and medium-sized enterprises 1.1. Key economic performance indicators of enterprises." URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Mal_pred_2024.pdf (accessed: 03/24/2025).
6. Korotina N.Yu. Methodology for analyzing the financial condition of municipal budgets // Accounting in budgetary and non-profit organizations 17 (353) - 2014. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/metodika-analiza-finansovogo-sostoyaniya-byudzhetov-munitsipalnyh-obrazovaniy (accessed: 03/24/2025).
7. Regional Law of 06.03.2009 No. 482-OZ "On Interbudgetary Relations in the Novgorod Region" (as amended on 29.10.2019), Electronic Text // Official website of the Ministry of Finance of the Novgorod Region. URL: https://minfin.novreg.ru/activity/interbudgetaryrelations/zakony-o-mezhbyudzhetnykh otnosheniyakh/?ysclid=m5zmocegaz680515709 (date of access: 24.03.2025).
8. Reports on the execution of the budget of Veliky Novgorod, official website of the Administration of Veliky Novgorod. URL: https://gorodnovgorod.gosuslugi.ru/deyatelnost/napravleniya-deyatelnosti/Finance/ispolnenie-byudzheta-velikogonovgoroda/?ysclid=m4zwrrhb99902252518 (date of access: 24.03.2025).
9. List of instructions for the implementation of the Presidential Address to the Federal Assembly. Official website of the Presidential Administration of the Russian Federation. URL: http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/73759 (date of access: 24.03.2025).
10. RF Government Resolution No. 709 of 29.07.2014 "On the criteria for classifying municipalities of the Russian Federation as single-industry (single-industry towns) and categories of single-industry municipalities of the Russian Federation (single-industry towns) depending on the risks of deterioration of their socio-economic situation". GARANTEE. URL: https://base.garant.ru/70707142/ (date of access: 24.03.2025).
11. RF Government Resolution No. 1398-r of 29.07.2014 "On approval of the list of single-industry municipalities of the Russian Federation". ConsultantPlus, URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_166540/
12. Order of the Government of the Russian Federation of 27.12.2021 No. 3887-r. // Official website of the State System of Legal Information. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202112300044 (date of access: 24.03.2025).
13. Order of the Government of the Russian Federation of 28.12.2024 N 4146-r "On approval of the Strategy for spatial development of the Russian Federation for the period up to 2030 with a forecast up to 2036". ConsultantPlus, URL: https://www.consultant.ru/law/hotdocs/87971.html (date of access: 24.03.2025).
14. Rudneva T.A. Application of tools of integrated development of the territory and master planning in the implementation of megaprojects // Architecture and Modern Information Technologies. 2024. No. 4 (69). Pp. 279-291.
15. More than 1.6 billion rubles will be allocated to support single-industry towns in the Russian Federation this year. Official website of the Parliamentary Newspaper. URL: https://www.pnp.ru/economics/na-podderzhku-monogorodov-v-rf-v-etom-godu-napravyat-bolee-16-milliarda-rubley.html (date of access: 24.03.2025).
16. On the results of the national SME project and goals until 2030. Official website of the ANO "Center for Assistance to Entrepreneurship Development of the Novosibirsk Region". URL: https://mbnso.ru/news/ob-itogakh-natsproekta-msp-i-tselyakh-do-20230-goda-asskazala-zamministraekonomicheskogorazvitiya/?ysclid=m5yz653r52690266764 (date of access: 24.03.2025). 17. Entrepreneurship: a new role and competence in the Russian economy. Official website of the ANO "National Projects". URL: https://xn--80aapampemcchfmo7a3c9ehj.xn--p1ai/upload/itogi-msp/MSP_2024.pdf (accessed: 24.03.2025).
18. Small and medium-sized businesses will receive about 5.3 trillion rubles within the framework of the financial programs of the SME Corporation until 2030. Official website of the My Business Center - URL: https://mb53.ru/news/okolo-5-3-trln-rubley-poluchit-malyy-i-sredniy-biznes-v-ramkakh-finansovykh-programm-korporatsii-msp/?sphrase_id=48527 (accessed: 03/24/2025).
19. Solodovnikova O.A. Legal regulation of local taxes in the Russian Federation: problematic issues // In the collection: Actual problems of legal, social and political development of Russia Proceedings of the X International scientific and practical conference of students, master's students, postgraduates. 2017. Pp. 259-261.
20. Tasueva T.S., Tsutsulaeva B.R. Indicators of sustainable development of the regional economy // Bulletin of GGNTU. Humanitarian and socio-economic sciences. 2021. Vol. 17. No. 4 (26). P.23-28.
21. Toisheva O.A., Pantseva E.Yu. The need to form and implement industrial policy of the urban industrial complex in order to achieve sustainable development of the economy of small and medium-sized cities. // Internet journal "NAUKOVEDENIE" Vol. 7, No. 4 (2015), URL: http://naukovedenie.ru/PDF/83EVN415.pdf (date accessed: 03/24/2025).
22. Population of the Russian Federation by municipalities as of January 1, 2024 (Statistical Bulletin). Official website of the Federal State Statistics Service, URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/BUL_MO_2024.xlsx (date of access: 24.03.2025).

Цифровая трансформация и зарубежные иностранные инвестиции: формирование новых конкурентных преимуществ для предприятий

Инин Цзун
аспирант, Высшая школа менеджмента, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, jyzyy925@outlook.com

Ли Сяоминь
аспирант, кафедра сравнительной политологии, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

Цифровая трансформация служит важнейшей стратегической парадигмой для повышения конкурентоспособности предприятий и стимулирования общественного развития. В то время как предыдущие исследования изучали ее влияние на экономические показатели, существуют ограниченные знания о том, как она влияет на поведение фирм в отношении прямых иностранных инвестиций (OFDI). В этом исследовании изучается, как цифровая трансформация изменяет конкурентные преимущества фирм, влияя на склонность к зарубежным иностранным инвестициям, посредством теоретического вывода и эмпирической проверки с использованием данных китайских компаний, котирующихся на бирже акций класса А. Основные выводы следующие: во-первых, результаты регрессии с фиксированными эффектами показывают, что цифровая трансформация значительно повышает склонность фирм к зарубежным иностранным инвестициям, причем результаты остаются надежными даже после решения проблем эндогенности и проведения дополнительных проверок. Во-вторых, цифровые предприятия демонстрируют более сильную реакцию своих решений о прямых иностранных инвестициях за рубежом на деятельность по цифровой трансформации. В-третьих, анализ механизмов показывает, что улучшение общей производительности факторов производства и сокращение внутренних затрат на управление служат двойными путями, посредством которых цифровая трансформация усиливает преимущества владения и интернализации. Однако преимущества интернализации показывают отсроченный эффект из-за организационной адаптации. Эти выводы расширяют парадигму OLI на контекст цифровой экономики и предоставляют практические рекомендации по стратегической интернационализации и поэтапному управлению цифровым переходом.
Ключевые слова: Цифровая трансформация; Внешние прямые иностранные инвестиции (OFDI); Преимущество парадигмы OLI; Общая производительность факторов производства (TFP); Внутренние затраты на управление

Since the 2008 financial crisis, global outward foreign direct investment (OFDI) has undergone structural contraction with the scale of worldwide capital outflows declining by approximately 30% between 2007 and 2023, according to the World Investment Report by the United Nations Conference on Trade and Development (UNCTAD). This decline is largely due to cultural differences, technological barriers, and intensified international competition, which create significant challenges for firms operating overseas[1]. To overcome these obstacles, firms must innovate and build new competitive advantages to successfully adapt to the increasingly complex global business environment. Conversely, China's outward foreign direct investment (OFDI) more than quadrupled during the same period, with its share in global capital flows rising from 1.21% to 9.54%. The sustained growth of China's outward foreign direct investment (OFDI) in recent years, supports its position as a prominent global investor, consistently ranking among the top three globally for twelve consecutive years.

In parallel with the rapid growth of OFDI, the digital economy has emerged as a primary driver of economic growth in China. Data released by China's national statistical authority show that the scale of the digital economy nearly quadrupled between 2012 and 2023, with its share of GDP rising from less than 12% to over 35%. During this period, digital economy growth accounted for over 60% of China's GDP expansion.

Emerging scholarship in international economics increasingly attributes the growth in China's outward FDI (OFDI) to digital economy (Han et al. 2024; Q. Wei and Shi 2024; W. Tang et al. 2025). Government initiatives—including digital development strategies (Castro and Lopes 2022; Wilson and Mergel 2022), enhanced digital infrastructure (O 2023; J. Tang and Zhao 2023), and improved cross-border digital trade and investment rules under RCEP (Lacey 2023; Deng et al. 2024)—have provided robust support for corporate internationalization. Furthermore, digital transformation has upgraded traditional industries, propelling manufacturing and services toward high-value-added sectors (Sturgeon 2021; Su et al. 2021; Guan et al. 2022; Kan et al. 2022), thereby enhancing global competitiveness and amplifying both capacity and demand for outward investment. Concurrently, emerging models like digital service trade and cross-border e-commerce have accelerated, diversifying OFDI modalities (Xiong et al. 2022; Y. He 2024). These studies mainly adopt a macroeconomic perspective to examine how the digital economy influences the total OFDI at national or regional scales. However, since

OFDI is inherently a firm-level strategic decision, macro-level analyses fail to capture the underlying micro-level mechanisms. In contrast, firm-level investigations provide more granular insights into corporate decision-making processes and offer actionable implications for international business strategy.

On the other hand, existing studies increasingly highlight the economic performance of digital transformation for enterprises at micro perspective (Jardak and Hamad 2022; Peng and Tao 2022; Zhai et al. 2022). On the other hand, existing studies increasingly highlight the economic performance of digital transformation for enterprises at micro perspective (Jardak and Hamad 2022; Peng and Tao 2022; Zhai et al. 2022). However, research on its impact on firms' outward foreign direct investment (OFDI) behavior remains limited. Therefore, this study addresses the following key questions: Does digital transformation reshape enterprises with new competitive advantages in overseas investment? In which specific dimensions do these advantages manifest? Do the enabling effects of digital transformation vary across companies with different attributes?

Our research advances the literature in three key dimensions: (1) Micro-Level Perspective: This study adopts a firm-level perspective to analyze how corporate digital transformation shapes outward foreign direct investment (OFDI) behavior, addressing a critical gap in existing literature that predominantly focuses on macroeconomic frameworks. By anchoring the analysis at the enterprise level, we provide concrete policy implications and actionable managerial recommendations. (2) Mechanism Analysis: Building on the OLI theory, we dissect the mediating mechanisms through total factor productivity (TFP) enhancement and internal management costs optimization, offering a dual-channel explanation for how digital capabilities translate into global expansion decisions. (3) Heterogeneity Insights: Through granular analysis of firm size and digital maturity thresholds, we identify differentiated pathways for enterprises with varying characteristics, enabling policymakers and corporate strategists to design context-specific digital globalization roadmaps.

The theory related to foreign direct investment (FDI) can be traced back to the initial Monopolistic Advantage Theory. Hymer (1960) first proposed this theory, which argues that multinational corporations (MNCs) enter foreign markets due to specific monopolistic advantages, such as technological expertise, marketing capabilities, and economies of scale. These advantages help firms overcome disadvantages in foreign markets, including cultural differences and adaptation costs. Building upon this foundation, internalization theory offers insights into how firms leverage monopolistic advantages by internalizing transactions to mitigate market imperfections, thereby facilitating their international operations (Buckley and Casson 2016). The integration of these theories facilitated the development of Dunning's OLI paradigm, which combines ownership, location, and internalization advantages to explain foreign direct investment (FDI) (Dunning 1977, 2015; Dunning and Lundan 2008). According to the OLI paradigm, FDI is the preferred mode of internationalization when firms possess all three advantages, while a lack of any dimension may lead to alternative strategies. The OLI paradigm has become a core framework for analyzing MNC behavior due to its integrative nature, wide applicability, and flexibility. Subsequent scholars have expanded and deepened the eclectic theory of international production (OLI paradigm) to adapt it to new economic environments and research demands. For instance, North (1990) emphasized institutional factors in location choices (North 1990; Trevino et al. 2008), Cantwell (2000) explored knowledge acquisition through FDI (Cantwell and Piscitello 2000), and Narula argued that digitalization diminishes traditional location advantages(Narula 2010, 2012). Recent literature has incorporated digital platforms and digital technologies into the analysis of internationalization advantages (Jean and Kim 2020; Nambisan et al. 2019; Stallkamp and Schotter 2021). Drawing upon the OLI paradigm and its theoretical extensions, this paper explores how digital transformation influences firms' OFDI behavior and the underlying mechanisms.

Digital economic development exerts a significant influence on cross-border investment activities. The literature concentrates on the macro-level digital economy or the digital divide between countries, examining how the digital economy influences outward foreign direct investment (Arvin et al. 2021; Z. Liu and Ding 2023; Fan et al. 2024), foreign direct investment attraction (Bobenič Hintošová and Bódy 2023; Cheng et al. 2023; Götz 2020; Götz et al. 2023; Klimenko and Qu 2023a; Y. Wei 2023; Zhong and Ma 2024), and the coordinated development of both (Li et al. 2024). Scholars have reached a consensus that the macro-level digital economy has a positive impact on foreign direct investment (FDI). For example, Arvin et al. (2021) argue that digital innovation significantly lowers entry barriers in global markets through advanced connectivity solutions, thereby amplifying enterprises' OFDI potential. Likewise, the high returns associated with these technologies have also attracted more IFDI (Arvin et al. 2021), a view echoed by the research of Yujie Li et al (Li et al. 2024).

Digital transformation (DT) is defined as the implication of SMACIT technologies related to Social, Mobile, Analytics, Cloud, Internet of Things (IoT), and other forms of digital technologies (Guinan et al. 2019; Koch et al. 2021). Digital transformation plays an important role in enhancing firm value, performance, and sustainable development. First of all, digital transformation fosters technological innovation (Guo et al. 2021; Jafari-Sadeghi et al. 2021; Fang and Liu 2024; Xue et al. 2024), directly enhancing total factor productivity (TFP). Second, digital transformation, such as internet technologies, digital services, artificial intelligence, and e-Commerce enhance, strengthens the flow of information-not only communication between individuals (customer-business-supplier, in any order) (Obal and Lancioni 2013; Reinartz et al. 2019; Faruquee et al. 2021; Fernández-Rovira et al. 2021; Cosa 2023; Hamann-Lohmer et al. 2023; Karttunen et

al. 2023) but also the flow between individuals and objects, particularly through the implementation of Internet of Things (IoT) technologies. Specially, customer-business interactions help collect data on how customers engage with products and services. This increased engagement leads to higher profits for firms. Improved communication among employees boosts internal management efficiency, and cross-functional collaboration is a key part of digital transformation (Obal and Lancioni 2013; Fernández-Rovira et al. 2021; Cosa 2023). Better communication between business and supplier improves supply chain management (Obal and Lancioni 2013; Faruquee et al. 2021; Karttunen et al. 2023). The communication between individuals and objects is reflected in the application of Internet of Things (IoT) technology. IoT supports businesses in providing value-added services and enhancing sustainability (S. Ding et al. 2023), while IoT enables flexible manufacturing, improving production flexibility in the production sector (Ooi et al. 2023; Vlachos et al. 2024). Third, digital transformation has led to new business models and reshaped how value is created. Even traditional manufacturers now need to integrate services and software into their products, turning them into channels for valuable data (Björkdahl 2020). Fourth, digital transformation alters the organizational structure of companies. With this structure, the unit is granted a relative degree of flexibility conducive to innovation, while still maintaining access to existing resources (Hanelt et al. 2021; Z. He et al. 2022). Moreover, This process fundamentally alters corporate culture, leadership dynamics, and workforce skill structures, collectively reducing administrative costs and improving operational efficiency (Chatterjee et al. 2022; M. Liu et al. 2025). But in the early stage of transformation, digital transformation may even lead to higher management costs due to initial high investments, employee training, process adjustments, and time and resources needed for system adaptation (Teng et al. 2022, 2022; Escoz Barragan and Becker 2024).

Building upon the preceding evaluation of digital transition's economic ramifications, this inquiry synthesizes the following principal deductions:

On one hand, digital transformation brings about technological innovation, improves information flow efficiency, fosters business model innovation, and optimizes organizational structures. These factors directly enhance Total Factor Productivity (TFP), thereby strengthening the market competitiveness of firms (Y. Wu et al. 2023; Wang and Shao 2024; Zhuo and Chen 2023). Building on Heterogeneous Firm Theory, the heterogeneity of enterprise productivity serves as a primary determinant in the selection of internationalization strategies. Enterprises with the highest productivity levels typically exhibit a stronger propensity to enter foreign markets through foreign direct investment (FDI) rather than relying exclusively on export-oriented approaches. This strategic preference stems from the inherent characteristics of FDI, which generally entails higher fixed costs, greater operational risks, and more substantial resource commitments compared to conventional export strategies. Only firms possessing sufficiently elevated productivity levels can effectively offset these expenditures through enhanced economies of scale, technological superiority, or managerial efficiencies, thereby leveraging FDI to secure greater market share in target economies (Helpman et al. 2004; Helpman 2006). Accordingly, we propose the hypothesis:

H1: Digital transformation can enhance a firm's total factor productivity thereby strengthening ownership advantages, ultimately promoting OFDI.

On the other hand, digital transformation decreases internal management costs and improves organizational management efficiency at the mid-to-late stage of transformation. Therefore, if digital transformation can lower internal management costs and improve internal control efficiency, it will enhance a firm's internalization incentives and promote its entry into international markets via outward foreign direct investment (OFDI). Because this approach helps firms reduce the risks of key data and core technology diffusion within internal markets, maintaining their competitive advantage (Martens 2021). Specially, as data mining and utilization are fundamental to digital transformation in a company (Hannila et al. 2022; Hu et al. 2022), and data itself has become a strategic asset and business secret in the digital economy (Birch et al. 2021). Due to its replicability and low marginal cost, data possesses non-competitiveness and non-exclusivity, meaning it quickly depreciates once it spreads in the market (Martens 2021). Similarly, digital business models are easily replicated (Chai et al. 2021). As a result, firms are more likely to opt for internal integration rather than outsourcing, enabling greater control over data management and reducing knowledge diffusion risks when selecting an international production organization model.

H2: Digital transformation can reduce internal management costs, thereby strengthening internalization advantages, ultimately promoting OFDI.

Fig 1 illustrates how digital transformation (DT) influences OFDI advantages and its operational mechanisms from an enterprise-level perspective.

The central explanatory variable in this study is digital transformation (DT). Building upon established methodological frameworks in corporate disclosure analysis (Jardak and Hamad 2022; Peng and Tao 2022; Xue et al. 2024; Zhai et al. 2022), we operationalize the DT composite index through advanced text mining of corporate annual reports. The quantification protocol involves a systematic framework comprising three analytical phases: (1) lexical identification of digitalization concepts across three strategic domains - technology infrastructure, organizational empowerment, and application scenarios; (2) construction of a multi-tiered weighting system that synthesizes term frequencies with strategic relevance coefficients; and (3) implementation of log-transformation to mitigate distributional skewness inherent in innovation intensity metrics, thereby enabling parametric statistical analysis. This multi-stage approach ensures both conceptual alignment with theoretical constructs and empirical robustness in measurement.

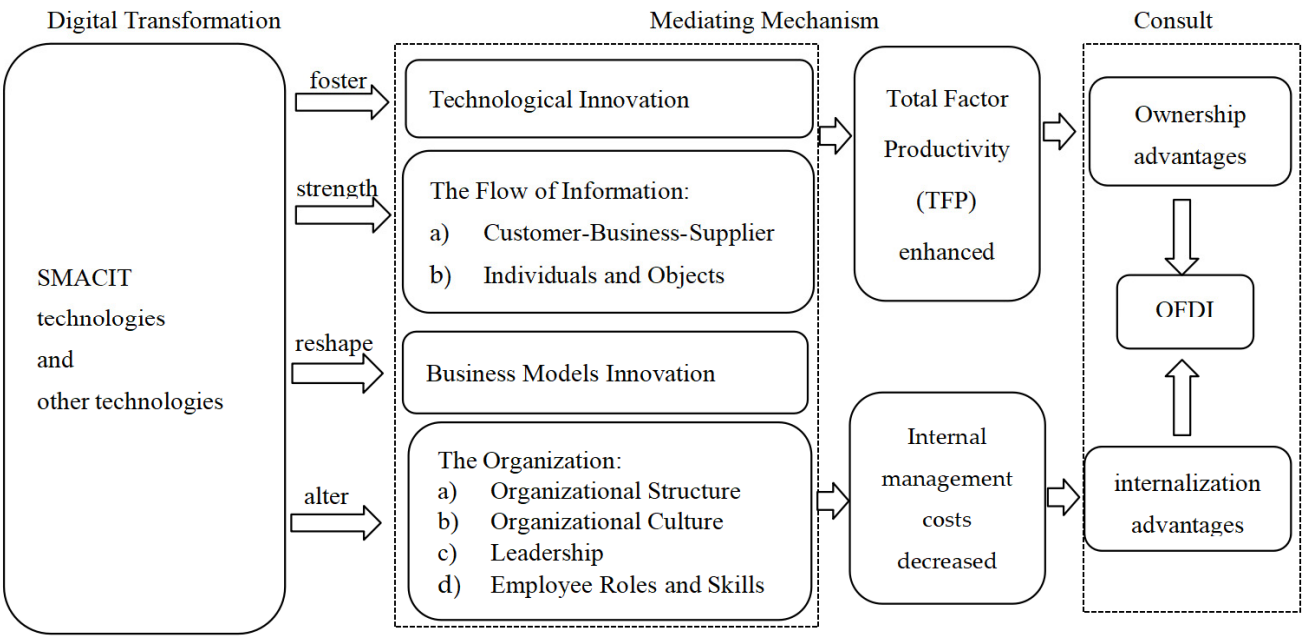

Fig.1 The impact and mechanism of the DT on the advantage of OFDI on the perspective of enterprise

The outcome variable, outward foreign direct investment (OFDI) engagement, is operationalized as a dichotomous measure: it assumes a value of 1 if the firm initiated at least one OFDI project in a given year t, and 0 otherwise.

Tabel 1
Variable descriptions

Variable Name	Operational Definition	Symbol
OFDI Engagement	Dichotomous indicator: 1 if firm initiated outward FDI in fiscal year t, 0 otherwise.	ofdi
Digital Transformation	Composite index measuring DT intensity through textual analysis of strategic disclosures.	DT
Structural Characteristics		
- Capital Intensity	Asset-to-revenue ratio (Total Assets / Operating Revenue)	capital
- Firm Age	Natural logarithm of years since incorporation (Ln [Current Year - Establishment Year])	age
- Ownership Structure	State-owned enterprise dummy: 1 for SOEs, 0 otherwise	soe
Financial Capacity		
- Cash Flow Ratio	Operating cash flow scaled by total assets	cashflow
- Financial Constraints	Kauffman-Zingales index (higher values = tighter constraints)	kz
Strategic Orientation		
- R&D Intensity	R&D expenditures as percentage of operating revenue	rdspendsum ratio
- Board Independence	Proportion of independent directors on the board	director

Control variables. To mitigate potential confounding effects, this analysis integrates control variables spanning three primary dimensions of firm heterogeneity: (1) Structural characteristics: Capital intensity (capital), firm age (age), and state-owned enterprise affiliation (soe); (2) Financial capacity: Operating cash flow ratio (cashflow) and financial constraint severity (kz), measured via the Kauffman-Zingales index; (3) Strategic orientation: R&D expenditure ratio (rdspendsumratio) and board independence (director), quantified as the proportion of independent directors. Full operational definitions and measurement protocols are systematically detailed in Table 1.

This study integrates data from three principal sources: outward foreign direct investment (OFDI) records were compiled by synthesizing greenfield investment data from the FDI Markets Database with cross-border merger and acquisition (M&A) records from the Zephyr Database; firm-level financial and governance variables were extracted from the CSMAR Database. The data integration process followed three sequential steps: (1) merging Zephyr and FDI Markets datasets to establish a comprehensive record of OFDI events; (2) purging the CSMAR sample of abnormal entities, including backdoor-listed firms, financially distressed ST stocks, delisted companies, firms with negative age values, and those reporting negative total assets; and (3) implementing annual cross-database alignment through firm name matching. The resulting panel spans 2009–2022, with continuous variables subjected to Winsorization at the 1st and 99th percentiles to mitigate extreme value distortions.

Table 2 presents the descriptive statistics for key variables, including mean, standard deviation, minimum, and maximum values. The dependent variable ofdi exhibits a mean of 0.034, indicating that 3.4% of firms in the sample undertook outward foreign direct investment (OFDI) activities during the observation period. The core independent variable DT composite index demonstrates substantial cross-sectional variation, with a mean of 2.086 (SD = 1.543) and a range spanning from 0 (no observable digital transformation efforts) to 7.512 (advanced digital maturity). This division reflects the different paths firms take in adopting digital transformation, providing empirical grounding for analyzing its role in internationalization strategies. Ownership structure (soe) reveals that state-owned enterprises (SOEs)

constitute 21.9% of the sample (mean = 0.219), suggesting non-SOEs dominate overseas investment activities. This aligns with China's economic pattern, where private enterprises increasingly drive globalization initiatives.

Table 2
Descriptive statistical analysis table of data.

Variables	N	Mean	Std. Dev.	Min	Max
ofdi	29805	0.034	0.180	0.000	1.000
DT	29805	2.086	1.543	0.000	7.512
cashflow	29805	0.050	0.070	-0.658	0.839
soe	29142	0.291	0.454	0.000	1.000
rdspendsumratio	29805	5.128	5.138	0.030	29.880
inddirect	29802	37.679	5.569	14.290	80.000
kz	26405	0.742	2.426	-11.472	11.395
capital	29805	2.272	1.469	0.430	9.008
age	29805	3.166	0.238	1.946	4.190

Empirical Strategy

To examine how corporate digital transformation (DT) influences outward foreign direct investment (OFDI) decisions, we employ the following equation:

$$Log(ofdi_{i,j,t}) = \alpha_0 + \alpha_1 DT_{i,t-1} + \sum \gamma_k \ Controls_{k,i,t} + \theta_j + \tau_t + \varepsilon_{i,j,t} \ (1)$$

Key Components:

$ofdi_{i,t}$: Binary variable equal to 1 if firm i in industry j undertook OFDI in year t, and 0 otherwise.

$DT_{i,t-1}$: Digital transformation intensity index for firm i, lagged by one year to address reverse causality concerns.

$Controls_{k,i,t}$ denotes the set of control variables, including cashflow, soe, rdspendsumratio, indirect, kz, capital and age.

θ_j: Industry fixed effects.

τ_t: Year fixed effects

$\varepsilon_{i,j,t}$: Firm-level idiosyncratic error, clustered by firm to account for serial correlation.

Table 3 presents the empirical relationship between digital transformation (DT) and firms' outward foreign direct investment (OFDI) behavior. Column (1) reports baseline estimates without controls, revealing that digital transformation significantly increases the probability of OFDI participation. The coefficient of 0.225 ($p < 0.01$) indicates a robust positive association, suggesting that DT-driven firms are 25.2% more likely to engage in OFDI compared to non-DT peers. This result remains robust in Column (2) after incorporating firm-level controls, with the coefficient retaining both magnitude (0.225, $p < 0.01$) and statistical significance. The observed results align with two complementary mechanisms: First, productivity enhancement: Digital transformation fosters technological, organizational and business innovation (Vial 2019; Vărzaru and Bocean 2024), enabling firms to enhance productivity. Elevated productivity reduces the marginal costs of international expansion, lowering barriers to foreign market entry—a critical determinant of OFDI in heterogeneous firm trade theory. Second, DT improves managerial efficiency and reduces long-term coordination costs by streamlining information flows and internal communication (Lanzolla et al. 2020; J. Liu et al. 2023a). Firms with lower internal frictions are better positioned to navigate the complexities of cross-border investments, consistent with the predictions of transaction cost economics. These findings substantiate the hypothesis that digital transformation strengthens firms' OFDI propensity through dual channels of productivity enhancement and internal management costs decrease, underscoring DT's role as a strategic enabler of global expansion.

Table 3
Results of baseline regression.

Variables	(1)	(2)
L.DT	0.225*** (7.847)	0.225*** (7.347)
cashflow		3.901*** (5.822)
soe		0.041 (0.484)
rdspendsumratio		0.022** (2.104)
inddirect		0.031*** (5.671)
kz		0.120*** (5.731)
capital		-0.339*** (-7.849)
age		0.421** (2.494)
_cons	-5.567*** (-5.524)	-8.353*** (-6.118)
Year FE	YES	YES
Industry FE	YES	YES
Pseudo R2	0.0634	0.0895
N	24159	23167
Log likelihood	-3804.9562	-3537.8634

Note: □, □□, □□□ represent significance at the 10%, 5%, and 1% levels, respectively. The values in parentheses are clustered standard errors. The same applies to the table below.

Table 4 reports robustness checks for alternative operationalizations of the core explanatory and dependent variables. Columns (1)-(3) present results using three distinct dimensions of corporate digital transformation (DT): the technology infrastructure index, organizational empowerment index, and application scenarios index. These indices, constructed through text analysis (methodological details in Section 3.1.1), replace the original composite DT measure. The estimated coefficients for these alternative DT proxies are 0.227, 0.168, and 0.210, respectively, all statistically significant at the 1% level ($p < 0.01$), confirming the baseline conclusion that DT enhances firms' propensity for foreign direct investment. In Column (4), the dependent variable is redefined from a binary OFDI indicator to the frequency of OFDI engagements. The coefficient for DT remains positive and significant (0.015, $p < 0.01$), demonstrating that the core finding—digital transformation drives international expansion—is robust to alternative measurement frameworks. The consistency of statistical significance across specifications underscores the stability of DT's effect on global strategic decisions, reinforcing the theoretical linkage between digital capabilities and cross-border investment behavior.

Global financial shocks constitute exogenous shocks that may simultaneously constrain corporate digital transformation (DT) initiatives and diminish overseas investment capacity. The concurrent contraction of DT efforts and OFDI propensity during

crisis periods creates simultaneity bias due to unobserved factors that jointly determine both outcomes. Empirical models that neglect these overlapping shocks risk overestimating the causal effect of digitalization on internationalization. To mitigate these identification challenges, our methodological framework excludes crisis-period observations—removing data from 2009-2010 (the 2008 global financial crisis) to isolate non-shock conditions. Similarly, we use the annual frequency of OFDI engagements instead of the binary OFDI indicator to capture investment intensity.

Table 4
Results of Robustness Tests for Variable Replacement

Variables	the core explanatory variable replacement				dependent variable replacement
	(1)	(2)	(3)		(4)
L.DT	0.227*** (7.012)	0.168*** (4.499)	0.210*** (6.177)		0.015*** (7.677)
Controls	YES	YES	YES		YES
Year FE	YES	YES	YES		YES
Industry FE	YES	YES	YES		YES
(Pseudo) R2	0.0887	0.0850	0.0874		0.054
N	23167	23167	23167		24001
Log likelihood	-3540.759	-3555.0397	-3545.7607		-

As reported in Table 5, the results demonstrate persistent statistical validity of the core relationship. After excluding observations from 2009–2010 to account for lagged effects of the 2008 financial crisis (Table 5, Column 1), the baseline model retains a significant digitalization coefficient of 0.226 (p <0.01). This robustness persists when operationalizing foreign investment through annual OFDI frequency (Table 5, Column 2), with a coefficient of 0.015 (p <0.01). The stability across both specifications—binary participation and continuous intensity measures—confirms that the digital transformation effect withstands temporal shocks and different outcome measures.

Table 5
Results of Robustness Tests for altering the empirical sample

Variables	Excluding samples from 2009 and 2010	
	(1)	(2)
L.DT	0.226*** (7.343)	0.015*** (7.641)
Controls	YES	YES
Year FE	YES	YES
Industry FE	YES	YES
(Pseudo) R2	0.0859	0.0541
N	22566	23391
Log likelihood	-3517.4748	-

The findings show that digital transformation significantly boosts firms' outward foreign direct investment (OFDI) propensity. To address potential endogeneity, we use the Instrumental Variables (IV) method, with the average digital transformation level of peer firms in the same region, industry, and year as the instrument. This instrument is justified by industry correlations and peer effects in digitalization. The IV satisfies the exclusion restriction by influencing OFDI decisions only through its effect on the firm's own DT adoption.

The instrumental variable estimation outcomes presented in Table 6 demonstrate robust two-stage characteristics. First-stage diagnostics (Column 1) confirm the instrument's strong predictive validity for digital transformation (coefficient = 0.769, p <0.01). The second-stage causal estimates (Column 2) reveal statistically significant positive effects of digital transformation on OFDI (coefficient = 0.285, p <0.05). These results hold when using OFDI frequency as an alternative measure (Columns 3–4). The Cragg-Donald Wald F-statistic (1924.474) confirms no weak instrument problem. Diagnostic tests validate the IV, with the Anderson LM test (p = 0.000) and Stock-Yogo test ensuring the instrument is strong. Overall, these results support the causal role of digital transformation in promoting OFDI.

Table 6
The Instrumental Variable Regression Result

Variables	$ofdi$		$ofdi$ frequency	
	First Stage	Second Stage	First Stage	Second Stage
	DT	OFDI	DT	OFDI frequency
IV	0.769*** (47.461)		0.709*** (43.87)	
L.DT		0.285** (2.574)		0.015** (2.14)
Controls	YES	YES	YES	YES
Year FE	YES	YES	YES	YES
Industry FE	YES	YES	YES	YES
Anderson canon. corr. LM statistic	-	-	1788.38 <0.000>	-
Cragg-Donald Wald F statistic	-	-	1924.474 [16.38]	-
(Pseudo) R2	0.5403	0.0806		
N	25804	20413	24,002	24,002
Log likelihood	-	-3414.3818	-	-

Note: The numbers in "<>" for the Anderson canonical correlation LM statistic represent the p-values, while the numbers in "[]" for the Cragg-Donald Wald F statistic denote the critical values at the 10% level according to the Stock-Yogo test. Source: Stock-Yogo (2005).

Columns (1)-(2) of Table 7 demonstrate a divergence in the effects of digital transformation (DT) between digital-native (DN) and non-digital (ND) enterprises. DN firms show a stronger enhancement in OFDI (DN's 0.509 vs. ND's 0.172), driven by synergistic technological effects. This difference stems from the technological advantages inherent in digital-native firms: integrated data systems and intelligent management platforms that jointly enhance production efficiency and investment decision-making (Klimenko and Qu 2023b; Stallkamp et al. 2023). On the other hand, non-digital enterprises face two main constraints: (1) insufficient digital resources and (2) organizational inertia from traditional management practices, which diminish the OFDI-boosting potential of their digital transformation efforts (Yang et al. 2025).

Table 7
Heterogeneity analysis result by digitalization attributes

Variables	Differentiated By digitalization attributes	
	(1) Digital-native firms	(2) Non-Digital firms
L.DT	0.509*** (6.455)	0.172*** (5.020)
Controls	YES	YES
Year FE	YES	YES
Industry FE	YES	YES
(Pseudo) R2	0.1268	0.0887
N	4,214	18,464
Log likelihood	-613.622	-2882.0487

To examine the mechanism through which digital transformation influences firms' OFDI behavior, as discussed in the theoretical analysis in Section 2, this study draws on the approach of Jiang Ting (2022) (Jiang 2022). The empirical model constructed is shown in Equation (2):

$$M_{i,j,t} = \beta_0 + \beta_1 DT_{i,t-1} + \sum \gamma_k \ Controls_{k,i,t} + \theta_j + \tau_t + \varepsilon_{i,j,t} \ (2)$$

$M_{i,j,t}$ represents the mediating variables, encompassing the firm's total factor productivity (TFP) and internal management costs. TFP is measured by the Levinsohn-Petrin semi-parametric estimator. While internal management costs are captured by the firm's management expense ratio (Manage), which is the ratio of management expenses to operating income. A lower internal management costs ratio suggests greater management efficiency (Feng et al. 2009). The estimation results are presented in Table 8.

Table 8
Regression Results: Impact Mechanism of Digital Transformation (DT) on OFDI

Variables	Total factor productivity (TFP)		Internal management costs (Manage)	
	(1)	(2)	(3)	(4)
L.DT	0.078*** (22.050)		-0.001 (-1.537)	
L2.DT		0.076*** (19.680)		-0.001** (-2.253)
Controls	YES	YES	YES	YES
Year FE	YES	YES	YES	YES
Industry FE	YES	YES	YES	YES
Adj R-squared	0.507	0.509	0.365	0.357
N	23772	20014	24001	20192

As evidenced in Columns (1)-(2) of Table 8, digital transformation (DT) exerts persistent positive effects on firms' Total Factor Productivity (TFP). Both one-period and two-period lagged DT measures demonstrate statistically significant coefficients at the 1% level, confirming theoretical expectations. This catalytic relationship operates through dual mechanisms: (1) direct TFP enhancement via DT-driven technological innovation, information flow optimization, and organizational restructuring (Luo et al. 2025; Song et al. 2025; J. Wu et al. 2025), and (2) indirect productivity gains through industry-wide virtual agglomeration effects enabled by cross-firm digital interoperability (Y. Ding et al. 2024; H. Liu et al. 2024).

Elevated total factor productivity (TFP) facilitates superior resource optimization and cost-efficiency gains, thereby augmenting firms' competitive positioning in international markets. According to the OLI theory, this productivity-driven advantage reinforces firm-specific ownership endowments, creating an endogenous impetus for outward foreign direct investment (OFDI) through enhanced capacity to internalize cross-border value creation opportunities. This further supports the hypothesis presented in Section 2.

The econometric estimates in Table 8 reveal temporal dynamics in digitalization's administrative cost effects. This is confirmed in the regression results—when lagged by one period, the coefficient is -0.001, but it is not statistically significant (Column 3, Table 8). This is because, in the early stages of digital transformation, the effect on reducing management costs may be not significant and could even lead to an increase in management costs, as firms must make significant investments to adopt and implement digital technologies, including hardware procurement, software development, and employee training. Additionally, adapting to digital technologies often requires firms to restructure their organizational framework and business processes, potentially leading to operational disruptions and efficiency declines, further driving up internal management costs (Teng et al. 2022, 2022; Escoz Barragan and Becker 2024).

As digital transformation progresses and technologies mature, firms gradually optimize business processes and enhance resource allocation efficiency through digital tools. Higher levels of automation reduce dependency on human resources, data-driven management optimizes decision-making, and improved cross-departmental and cross-regional collaboration lowers internal transaction costs. Ultimately, digital transformation achieves substantial reductions in firms' internal management costs through economies of scale and improved resource utilization efficiency, demonstrating long-term cost-reduction effects (Chen and Xu 2023; J. Liu et al. 2023b). This is confirmed in the regression results—the coefficient is negative (-0.001) when lagged by two period, significant at the 5% level (Column 4, Table 8). This is consistent with our theoretical analysis results, thereby validating hypothesis proposed in section 2.

Through theoretical and empirical research, this paper examines how digital transformation enhances firms' advantages in outward foreign direct investment (OFDI) using micro-level data from China between 2009 and 2022. The findings are as follows: First, digital transformation (DT) significantly increases firms' OFDI propensity. This conclusion remains robust after addressing endogeneity issues, adjusting the measurement of key variables, and excluding the effects of the financial crisis. Second, compared to non-digital firms, digital transformation is more beneficial for the OFDI propensity of digital firms. Third, the mechanism analysis reveals that digital transformation improves firms' total factor productivity and reduces internal management costs, thereby strengthening both ownership and internalization advantages, ultimately promoting OFDI.

Based on the research findings, businesses should prioritize digital transformation to boost overseas investment by improving productivity and cutting

management costs through technologies like AI and cloud platforms. Companies should tailor strategies: digital firms can focus on high-tech exports, while traditional firms may acquire digital capabilities through partnerships. Governments need to support this shift by offering financial incentives, fostering digital skills training, and establishing risk assessment systems to address cross-border challenges like data regulations. Collaborative efforts between enterprises and policymakers will maximize the benefits of digitalization in global expansion.

This paper still has some limitations. First, it only examines the impact of digital transformation on OFDI propensity, with insufficient analysis of post-investment evaluations. Second, although the main mechanisms of digital transformation are explored, other factors such as policy environment and cultural differences, which may influence OFDI decisions, are not fully addressed. Future research could incorporate these additional factors for a more comprehensive assessment of digital transformation's role in corporate internationalization.

Digital Transformation and OFDI: How It Shapes New Competitive Advantages for Enterprises

Yingying Zong, Xiaomin Li
Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

JEL classification: D20, E22, E44, L10, L13, L16, L19, M20, O11, O12, Q10, Q16, R10, R38, R40, Z21, Z32

Digital transformation serves as a critical strategic paradigm for enhancing enterprise competitiveness and driving societal development. While previous studies have examined its effect on economic performance, limited knowledge exists on how it influences firms' outward foreign direct investment (OFDI) behavior. This study investigates how digital transformation reshapes firms' competitive advantages to influence OFDI propensity through theoretical derivation and empirical verification using data from Chinese A-share listed companies. The main findings are as follows: First, fixed-effects regression results show that digital transformation significantly enhances firms' OFDI propensity, with the results remaining robust even after addressing endogeneity concerns and conducting additional checks. Second, digital-native enterprises exhibit a stronger responsiveness of their outward foreign direct investment decisions to digital transformation activities. Third, mechanism analysis reveals that improvements in total factor productivity and internal management cost reduction serve as dual pathways through which digital transformation strengthens ownership and internalization advantages. However, internalization advantages show a delayed effect due to organizational adaptation. These findings extend the OLI paradigm to the context of the digital economy and provide practical guidance for strategic internationalization and phased digital transition management.

Keywords: Digital Transformation; Outward Foreign Direct Investment (OFDI); OLI Paradigm Advantage; Total Factor Productivity (TFP); Domestic Governance Costs

References

1. Alharthi, M., Islam, M. M., Alamoudi, H., & Murad, M. W. (2024). Determinants that attract and discourage foreign direct investment in GCC countries: Do macroeconomic and environmental factors matter? PLOS ONE, 19(2), e0298129. https://doi.org/10.1371/journal.pone.0298129
2. Arvin, M. B., Pradhan, R. P., & Nair, M. (2021). Uncovering interlinks among ICT connectivity and penetration, trade openness, foreign direct investment, and economic growth: The case of the G-20 countries. Telematics and Informatics, 60, 101567. https://doi.org/10.1016/j.tele.2021.101567
3. Birch, K., Cochrane, D., & Ward, C. (2021). Data as asset? The measurement, governance, and valuation of digital personal data by Big Tech. Big Data & Society, 8(1), 20539517211017308. https://doi.org/10.1177/20539517211017308
4. Cantwell, J., & Piscitello, L. (2000). Accumulating technological competence: its changing impact on corporate diversification and internationalization. Industrial and Corporate Change, 9(1), 21–51. https://doi.org/10.1093/icc/9.1.21
5. Castro, C., & Lopes, C. (2022). Digital Government and Sustainable Development. Journal of the Knowledge Economy, 13(2), 880–903. https://doi.org/10.1007/s13132-021-00749-2
6. Chai Y., Zhang H., & Ma S. (2021). Research on International Business Theory in the Digital Economy Era: New Developments and New Discoveries. Foreign Social Sciences, (1), 85–103, 159.
7. Chatterjee, S., Chaudhuri, R., Vrontis, D., & Jabeen, F. (2022). Digital transformation of organization using AI-CRM: From microfoundational perspective with leadership support. Journal of Business Research, 153, 46–58. https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2022.08.019
8. Chen, Y., & Xu, J. (2023). Digital transformation and firm cost stickiness: Evidence from China. Finance Research Letters, 52, 103510. https://doi.org/10.1016/j.frl.2022.103510
9. Escoz Barragan, K., & Becker, F. S. R. (2024). Keeping pace with the digital transformation — exploring the digital orientation of SMEs. Small Business Economics. https://doi.org/10.1007/s11187-024-00947-7
10. Fan, H., Wang, K., Hu, F., Zhou, J., Han, J., & Hu, Y. (2024). Does fintech facilitate enterprise outward foreign direct investment? Evidence from China. The Journal of International Trade & Economic Development, 0(0), 1–20. https://doi.org/10.1080/09638199.2024.2338395
11. Fang, X., & Liu, M. (2024). How does the digital transformation drive digital technology innovation of enterprises? Evidence from enterprise's digital patents. Technological Forecasting and Social Change, 204, 123428. https://doi.org/10.1016/j.techfore.2024.123428
12. Feng, M., Li, C., & McVay, S. (2009). Internal control and management guidance. Journal of Accounting and Economics, 48(2), 190–209. https://doi.org/10.1016/j.jacceco.2009.09.004
13. He, Y. (2024). Chinese digital platform companies' expansion in the Belt and Road countries. The Information Society, 40(2), 96–119. https://doi.org/10.1080/01972243.2024.2317058
14. He, Z., Huang, H., Choi, H., & Bilgihan, A. (2022). Building organizational resilience with digital transformation. Journal of Service Management, 34(1), 147–171. https://doi.org/10.1108/JOSM-06-2021-0216
15. Nambisan, S., Zahra, S. A., & Luo, Y. (2019). Global platforms and ecosystems: Implications for international business theories. Journal of International Business Studies, 50(9), 1464–1486. https://doi.org/10.1057/s41267-019-00262-4
16. Narula, R. (2010). Keeping the Eclectic Paradigm Simple. Multinational Business Review, 18(2), 35–50. https://doi.org/10.1108/1525383X201000009
17. Teng, X., Wu, Z., & Yang, F. (2022). Impact of the Digital Transformation of Small- and Medium-Sized Listed Companies on Performance: Based on a Cost-Benefit

Analysis Framework. Journal of Mathematics, 2022(1), 1504499. https://doi.org/10.1155/2022/1504499
18. Zhuo, C., & Chen, J. (2023). Can digital transformation overcome the enterprise innovation dilemma: Effect, mechanism and effective boundary. Technological Forecasting and Social Change, 190, 122378. https://doi.org/10.1016/j.techfore.2023.122378

Инновационное развитие особых экономических зон регионов: теоретический и практический подход (на примере СКФО)

Магомаев Тамирлан Рамзанович
старший преподаватель кафедры «Информационные системы в экономике» Грозненского государственного нефтяного технического университета им. акад. М.Д. Миллионщикова,
Medici86@mail.ru

Аюбова Латифа Салавдиевна
студент Грозненского государственного нефтяного технического университета им. акад. М.Д. Миллионщикова

В научной статье рассмотрены теоретические и практические аспекты роли и влияния особых экономических зон на формирование региональной инновационной системы регионов Северо-Кавказского федерального округа (СКФО). Определены основные тенденции, наблюдаемые в инновационном развитии особых экономических зон. Проанализированы ключевые проблемы и барьеры, которые препятствуют достижение главных целей развития инновационной экономики в регионах СКФО, путем применение кластерного подхода в создании особых экономических зон. Сформированы перспективы развития региональной инновационной системы СКФО с учетом положительного влияния на нее функционирования особых экономических зон.
Ключевые слова: региональная инновационная система, особые экономические зоны, свободные экономические зоны, кластерный подход, инновационная экономика, регионы СКФО.

Введение

В ходе прошлый научных исследований нами было установлено, что регионы СКФО имеет одну из низких оценок текущего инновационного потенциала среди регионов России, по причине чего они рискуют потерять свои конкурентные позиции, ведь современные условия цифровой трансформации требуют формирования устойчивость и эффективной региональной инновационной системы и инновационной экономики, производства.

При этом современный этап развития региональной инновационной системы в субъектах России характеризуется ключевой проблемой – наличием цифрового неравенства. Это обусловлено недостатками действующей государственной инновационной политики, которые необходимо совершенствовать при помощи реализации мероприятий, направленных на развитие и функционирование соответствующей инфраструктуры. Сюда может относится создание особых экономических зон.

Основные результаты

Инновационные процессы в экономике регионов России выступают необходимым условием, обеспечивающего конкурентную выживаемость государства на мировом рынке. Конкуренция между производителями достигает новых пиков борьбы, где важным критерием остается технологичность и инновационность. Благодаря инновационным процессам создаются инновации, внедряемые в производство, управление и продукцию. Поэтому так важно уделять этим вопросам внимание органов власти, заинтересованных в стимулировании инновационных процессов, как условия национальной и региональной экономической безопасности.

Формирование актуальности инновационного развития экономики в регионах России обусловлено условиями цифровизации и цифровой трансформации, которые меняют тенденции в производстве и потреблении, создают новые технологии и продукцию, спрос которых увеличивается с каждым годом. К тому же последствия пандемии Covid-19 продемонстрировали практическую эффективность цифровых решений, направленных на перевод сотрудников на удаленную работу, автоматизацию бизнес-процессов и производства, оптимизации расходов на складские помещения, офисы и цепочки поставок в логистике грузов. Все эти практические аспекты и тенденции привели к повышенному интересу, направленному на решение актуальных задач по

стимулированию инновационных процессов в экономике.

В рамках последних лет, можно выявить следующие инновационные процессы в развитии экономики, которые применимы в российской практике [3; 4]:

1. Применение кластерного подхода в организации локальных экономических систем, основными хозяйствующими субъектами которых являются инновационно-ориентированные компании.
2. Формирование моделей государственно-частного партнерства в создании научно-исследовательских центров и образовательных комплексов, которые предоставляют поддержку и помощь инновационно-ориентированным предприятиям.
3. Использование альтернативных форм финансирования инновационной деятельности, посредством создания государственных бизнес-инкубаторов и акселераторов, предоставления помощи венчурным фондам и краудфандинговым платформам.
4. Организация стимулирующих условий инновационно-ориентированной деятельности предприятий на территории особых экономических зон в регионах, где приоритетным является создание дополнительных стимулов и льгот, позволяющих обеспечить преодоление препятствующих барьеров для развития региональной инновационной системы.

Под «особой экономической зоной» подразумевается составная часть национального единого экономического пространства, где используются специфические условия для ведения предпринимательской и инвестиционной деятельности, заключающиеся во вводе налоговых льгот и кредитных стимулов для субъектов бизнеса и частных инвесторов.

Создание и развитие ОЭЗ в России способствует решению следующих задач: увеличение уровня экспортного потенциала; стимулирование создание новых рабочих мест и увеличение занятости населения; организация инновационно-ориентированного производства продукции с высокой добавленной стоимостью [2].

В нынешнее время в России функционирует примерно 50 свободных экономических зон. Их структура изображена на диаграмме рис. 1. Основную долю ОЭЗ составляют промышленно-производственные зоны, которые характеризуются созданием на территории производственных объектов, производственной инфраструктуры и мощностей, позволяющих производить продукцию с налоговыми и кредитными льготами, что снижает себестоимость производства. При этом технико-внедренческие ОЭЗ составляют лишь 14% доли от всего количества специальных зон. Однако их функции НИОКР забирают на себя и промышленно-производственные зоны, совмещающие разработки, внедрение инноваций и производство прежней продукции.

Особые экономические зоны предлагают бизнесу ряд конкурентных преимуществ для реализации проектов, в том числе [5]:

1. Минимальные административные барьеры.
2. Налоговые льготы и таможенные преференции.
3. Сниженные цены на аренду и выкуп земли.
4. Помощь в реализации инвестиционного проекта.

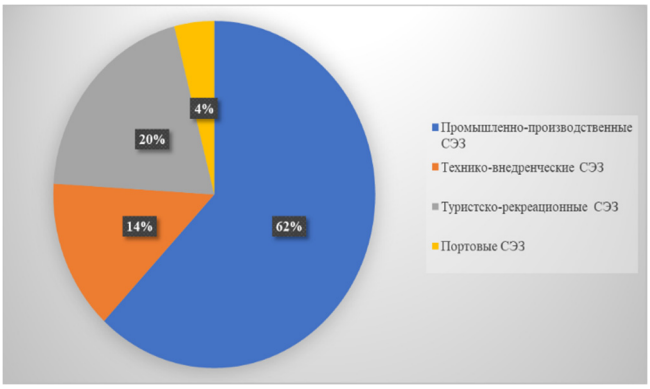

Рисунок 1 – Структура функционирующих ОЭЗ в России [1].

По состоянию на 2023 г. на территориях ОЭЗ в СКФО зарегистрировано 45 резидента (105 % от плановых значений). При этом зарегистрирован 1 резидент с участием иностранных инвесторов в составе акционеров (участников) и резидентов, реализующих соглашения об осуществлении деятельности в ОЭЗ с привлечением иностранных инвестиций, за период с начала функционирования ОЭЗ.

На территориях ОЭЗ в СКФО резидентами создано 1 655 рабочих мест (126 % от плановых значений). Объем инвестиций, в том числе капитальных вложений, осуществленных резидентами на территориях ОЭЗ в СКФО за 2023 г., составил 2,232 млрд руб. (185 % плановых значений), за период с начала функционирования ОЭЗ в СКФО – 6,856 млрд руб. (150 % от плановых значений).

Объем выручки от продажи товаров, выполнения работ, оказания услуг за вычетом НДС и (или) сумм доходов за 2023 г. составил 758 млн руб. (83 % от плановых значений), за период с начала функционирования ОЭЗ в СКФО – 3,198 млрд руб. (89 % от плановых значений).

Объем израсходованных средств федерального бюджета, направленных на финансирование создания объектов инженерной, транспортной, социальной, инновационной и иной инфраструктуры (за исключением пассажирских подвесных канатных дорог, горнолыжных трасс, систем искусственного снегообразования и сооружений инженерной защиты склонов) ОЭЗ в СКФО, за 2023 г. составил 3,209 млрд руб. (186 % от плановых значений), за период с начала функционирования ОЭЗ в СКФО – 8,802 млрд руб. (163 % от плановых значений).

Объем налогов, уплаченных в бюджеты бюджетной системы России, за вычетом объема налога на добавленную стоимость, фактически возмещенного резидентам особой экономической зоны и управляющей компании в соответствии с законодательством РФ о налогах и сборах, за 2023 г. составил 101 млн руб. (48 % от плановых значений), за период с начала функционирования ОЭЗ в СКФО – 728 млн руб. (78 % от плановых значений).

Объем страховых взносов, уплаченных резидентами ОЭЗ и управляющей компанией ОЭЗ, за 2023

г. составил 15,8 млн руб. (10 % от плановых значений), за период с начала функционирования ОЭЗ в СКФО – 105 млн руб. (7 % от плановых значений). За год оценки эффективности на территориях ОЭЗ в Северо-Кавказском федеральном округе построены и введены в эксплуатацию 11 объектов инженерной инфраструктуры (275 % от плановых значений), за период с начала функционирования ОЭЗ – 247 объектов инженерной инфраструктуры (108 % от плановых значений).

Заключение

Эффективность функционирования особых экономических зон в регионах СКФО отражает открытие новые рабочих мест, создание объектов инфраструктуры, которые направлены на инфраструктурную поддержку инновационно-ориентированной деятельности. Важность ОЭЗ обусловлена тем, что в их рамках создаются стимулирующие условия льготного налогообложения, позволяющих перенаправить финансовые резервы предприятий на инвестиции в НИОКР. Также предоставляется доступ к региональной инновационной инфраструктуре, которая позволяет улучшать взаимосвязь между наукой, бизнесом и инвесторами, проводя успешную коммерциализацию инноваций.

С целью повышения эффективности функционирования особых экономических зон в СКФО для развития региональной инновационной системы необходимо постоянно совершенствовать законодательство в этой сфере, а также создавать оптимальные методы контроля за его реализацией. Кроме того, обязательным условием является стабилизация правовой, социальной и, конечно же, экономической ситуации в стране. Это позволит привлечь новых резидентов и обеспечить устойчивое развитие территорий через повышение инвестиционной привлекательности ОЭЗ.

Литература

1. Белоусова С.Н., Трубин А.Г. Оценка влияния особых экономических зон промышленно-производственного типа на социально-экономическое развитие регионов // Национальная безопасность / nota bene. 2023. №4. С. 61-72.
2. Дмитриева О.А., Лузин К.Н. Свободные экономические зоны и территории опережающего развития: современная проблематика // Путеводитель предпринимателя. 2023. Т. 16. № 2. С. 38-49.
3. Кузнецов А.А. Проблемы инновационного развития в региональной экономической системе // Экономика и управление: проблемы, решения. 2023. Т. 2. № 9 (139). С. 73-77.
4. Селиверстов Ю.И., Чижова Е.Н. Западным санкциям Россия должна противопоставить импортозамещение и инновации // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2022. № 5-3. С. 442-449.
5. Харитонова Ю.Н., Азарченко Я.А. Практика развития и функционирования свободных экономических зон в России // В сборнике: Исследование различных направлений современной науки: социальные и гуманитарные науки. Москва, 2023. С. 101-104.
6. Отчет о результатах функционирования особых экономических зон. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/cbb3dd2a3836539769b9a50284bd2888/otchet_oez_2022.pdf (дата обращения: 23.03.2025).
7. Балашов К.Г., Кравченко Н.В. Правовое регулирование предпринимательской деятельности в особых экономических зонах: проблемы и перспективы // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2024. Т. 14. № 2. С. 56-68.
8. Соколова Е.Н., Бутко Д.В. Роль особых экономических зон в решении региональных проблем // Экономический вектор. 2024. № 1 (36). С. 75-78.
9. Бокарева Е.В., Евреинов О.Б., Чхиквадзе Н.А., Данилова В.А., Крылов Н.А. Особые экономические зоны, как механизм взаимодействия государства и бизнеса // Инновации и инвестиции. 2024. № 1. С. 419-422.
10. Мельников Р.М., Григорова Е.Г. Факторы эффективности особые экономических зон в российских условиях // Региональная экономика: теория и практика. 2024. Т. 22. № 5 (524). С. 916-940.

Innovative development of special economic zones of regions: theoretical and practical approach (on the example of the NCFD)

Magomaev T.R., Ayubova L.S.

Grozny State Oil Technological University named after Academician M.D. Millionshchikov

JEL classification: D20, E22, E44, L10, L13, L16, L19, M20, O11, O12, Q10, Q16, R10, R38, R40, Z21, Z32

The scientific article examines theoretical and practical aspects of the role and influence of special economic zones on the formation of the regional innovation system of the regions of the North Caucasus Federal District (NCFD). The main trends observed in the innovative development of special economic zones are identified. The key problems and barriers that hinder the achievement of the main goals of the development of the innovative economy in the regions of the NCFD are analyzed, through the use of a cluster approach in the creation of special economic zones. The prospects for the development of the regional innovation system of the NCFD are formed, taking into account the positive impact of the functioning of special economic zones on it.

Keywords: regional innovation system, special economic zones, free economic zones, cluster approach, innovative economy, regions of the NCFD.

References

1. Belousova S.N., Trubin A.G. Assessing the Impact of Special Economic Zones of Industrial and Production Type on the Socioeconomic Development of Regions // National Security / nota bene. 2023. No. 4. P. 61-72.
2. Dmitrieva O.A., Luzin K.N. Free Economic Zones and Territories of Advanced Development: Modern Issues // Entrepreneur's Guide. 2023. Vol. 16. No. 2. P. 38-49.
3. Kuznetsov A.A. Problems of Innovative Development in the Regional Economic System // Economy and Management: Problems, Solutions. 2023. Vol. 2. No. 9 (139). P. 73-77.
4. Seliverstov Yu.I., Chizhova E.N. Russia Should Counter Western Sanctions with Import Substitution and

Innovations // Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law. 2022. No. 5-3. P. 442-449.
5. Kharitonova Yu.N., Azarchenko Ya.A. Practice of development and functioning of free economic zones in Russia // In the collection: Study of various areas of modern science: social and humanitarian sciences. Moscow, 2023. P. 101-104.
6. Report on the results of functioning of special economic zones. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/cbb3dd2a3836539769b9a50284bd2888/otchet_oez_2022.pdf (date of access: 03/23/2025).
7. Balashov K.G., Kravchenko N.V. Legal regulation of entrepreneurial activity in special economic zones: problems and prospects // Bulletin of the South-West State University. Series: History and Law. 2024. Vol. 14. No. 2. P. 56-68.
8. Sokolova E.N., Butko D.V. The role of special economic zones in solving regional problems // Economic vector. 2024. No. 1 (36). P. 75-78.
9. Bokareva E.V., Evreinov O.B., Chkhikvadze N.A., Danilova V.A., Krylov N.A. Special economic zones as a mechanism of interaction between the state and business // Innovations and Investments. 2024. No. 1. P. 419-422.
10. Melnikov R.M., Grigorova E.G. Factors of the effectiveness of special economic zones in Russian conditions // Regional Economy: Theory and Practice. 2024. Vol. 22. No. 5 (524). P. 916-940.

Анализ особенностей моделей государственного управления экономикой города Москвы под воздействием разных внешних факторов в 2008, 2014, 2020 и 2022 гг. и оценка их эффективности

Пуртов Кирилл Сергеевич
аспирант Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, PurtovKS@mos.ru

Город Москва за последние десятилетия столкнулся с несколькими серьезными внешними вызовами – глобальным финансовым кризисом 2008 г., санкционно-валютным шоком 2014 г., пандемией COVID-19 в 2020 г. и новым санкционным давлением в 2022 г. Цель данного исследования – проанализировать особенности моделей государственного управления экономикой Москвы под влиянием этих различных внешних факторов и оценить эффективность принятых мер. В работе представлено сопоставление антикризисной политики городских властей в указанные периоды, включающее поддержание инвестиций, социально ориентированные расходы и специальные меры поддержки бизнеса и занятости. Установлено, что Москва выработала устойчивую модель антикризисного управления: во всех случаях город не сокращал инвестиций в развитие, сохранял социальные обязательства и оперативно вводил меры поддержки пострадавших отраслей. Это позволило смягчить негативные последствия кризисов – например, в 2008–2009 гг. удалось сохранить положительный рост, в 2014–2015 гг. избежать спада инвестиций, в 2020 г. ограничить снижение торговли до 3%, а в 2022 г. – удержать спад ВРП на уровне ~3–4% при рекордно низкой безработице. Обсуждаются причины высокой эффективности московской модели (диверсификация экономики, координация с федеральным центром и др.), а также ее ограничения и уроки для дальнейшего развития. Результаты исследования свидетельствуют о том, что опыт Москвы в антикризисном управлении экономикой способствует быстрому восстановлению и повышению устойчивости городского хозяйства в условиях внешних потрясений.
Ключевые слова: Москва; государственное управление; экономика города; внешние факторы; экономический кризис; санкции; пандемия; антикризисные меры; инвестиционная политика; эффективность.

Кризис 2008–2009 гг. — глобальный финансовый шок и оперативные антикризисные меры

Мировой финансовый кризис 2008 года привел к резкому ухудшению внешнеэкономической конъюнктуры для России: сократились внешние кредиты, упали сырьевые цены, на национальном уровне разразился банковский кризис ликвидности. Для Москвы – финансового центра страны с постиндустриальной экономикой – этот шок оказался существенным. Темпы роста столичного ВРП замедлились с ~7–8% до около 6% в 2008 г., промышленное производство фактически остановилось[3], а в 2009 г. экономика вступила в рецессию. В этих условиях городское Правительство (возглавляемое Ю.М. Лужковым) реализовало антикризисную программу, направленную на смягчение социально-экономических последствий.

Ключевой особенностью модели управления 2008–2009 гг. стало сохранение (насколько возможно) запланированных инвестиций и проектов развития, несмотря на сокращение доходов. В частности, Москва не отказывалась от крупных инфраструктурных строек и продолжала финансирование адресной инвестиционной программы из бюджета. Такой подход соответствовал стратегии контрциклической поддержки экономики: в интервью тех лет отмечалось, что город “никогда не снижал объем инвестиций, даже в самой сложной ситуации, а наоборот старался его наращивать”[9].

Помимо этого, упор был сделан на поддержку рынка труда и малого бизнеса. В столице была развернута программа содействия занятости (переквалификация высвобождаемых работников, общественные работы), усилена социальная защита населения. Для малого и среднего предпринимательства город предоставлял льготы и гарантии по кредитам – по сообщениям прессы, уже к октябрю 2008 г. власти Москвы выдали сотни гарантий для привлечения банковского финансирования малому бизнесу. Благодаря принятым мерам, хотя темпы роста экономики резко упали, Москве удалось избежать глубокой депрессии: по итогам 2009 г. спад ВРП города был заметный, но преодоленный уже в последующие год-два.

Фактически кризис 2008–2009 гг. выявил уязвимость московской экономики к глобальным потрясениям, но и показал эффективность активного вме-

шательства города для поддержания базовых процессов. Сохранение положительной динамики по основным показателям (пусть минимальной) можно расценить как относительный успех примененной модели управления, учитывая более сильное падение ВВП страны. В дальнейшем московские власти учли уроки этого кризиса – в частности, возникла практика заранее закладывать в бюджет резервные "антикризисные" фонды и программы переобучения, что впоследствии помогло быстрее реагировать на новые вызовы[7].

Кризис 2014–2015 гг. — санкционно-валютный шок и политика устойчивого развития

Следующий серьезный внешний удар пришелся на 2014 год, когда после геополитических событий весны 2014 г. против России были введены первые пакеты западных санкций, совпавшие по времени с обвалом цен на нефть. Это спровоцировало резкое падение курса рубля и всплеск инфляции (к концу 2014 г.), в стране началась экономическая рецессия. Для Москвы данный кризис означал сразу несколько негативных факторов: подорожание импортируемых товаров и оборудования, уход или сокращение активности ряда иностранных компаний, рост стоимости кредитов.

Тем не менее, опыт 2009 г. подготовил город к активному противодействию кризисным явлениям. Модель управления экономикой Москвы в 2014–2015 гг. отличалась преемственностью основных принципов антикризисной политики и одновременным внедрением новых акцентов. С одной стороны, город вновь сделал ставку на поддержание инвестиционной активности: даже в условиях сокращения доходов бюджет Москвы сохранил или увеличил расходы на развитие инфраструктуры. Как отметил мэр С.С. Собянин, и в 2010, и в 2014 гг. Москва "не снижала никогда объем инвестиций… чего бы нам это ни стоило, и это всегда запускало мотор экономики"[4]. Действительно, по официальным данным, даже в 2014–2015 гг. объем вложений в основной капитал в городе не упал, а показал небольшой рост – во многом за счет реализации крупных проектов (строительства метро, дорог, инфраструктуры для новой Москвы и др.)[2].

Таким образом, столица сознательно шла на увеличение бюджетных вложений для стимуляции деловой активности, рассчитывая через год-два получить эффект в виде восстановления налоговой базы[1]. С другой стороны, кризис 2014 г. потребовал от городских властей новых мер, связанных со спецификой санкций. Так, в Москве началась политика импортозамещения на региональном уровне: город стимулировал локализацию производств, развитие собственного пищевого и легкого производства, создание технопарков. Программы поддержки малого бизнеса включали субсидии и гранты для предприятий, переналаживающих производство на отечественное сырье и материалы.

Важной задачей стала стабилизация потребительского рынка и занятости. Для сдерживания роста цен городские структуры работали над бесперебойным снабжением продовольствием, расширением ярмарок и поддержкой торговых сетей. Одновременно реализовывались социальные инициативы: индексация городских социальных выплат в ответ на инфляцию, расширение адресной помощи малоимущим. Следует отметить, что бюджет Москвы в те годы испытывал давление (в 2015 г. зафиксировано снижение доходов), однако благодаря предыдущей "подушке безопасности" и оптимизации расходов (отказ от неэффективных или дорогостоящих проектов) столице удалось избежать существенного дефицита.

По итогам данного кризиса московская экономика проявила заметную устойчивость: спад деловой активности был ограниченным и краткосрочным. Уже с 2016 г. город вернулся к росту основных показателей. Москва "парировала" шок 2014–2015 гг. значительно успешнее, чем кризис 2009 г.: ни инвестиций, ни занятости, ни базовых услуг не пришлось жертвовать, более того – кризис послужил толчком к структурным сдвигам в экономике города (увеличению доли обрабатывающих производств и технологий в структуре ВРП к последующим годам)[5].

Таким образом, модель госуправления образца 2014–2015 гг. можно считать эффективной: она сочетала проверенные меры (инвестиционную и социальную экспансию) и новые подходы (локализация экономики), это позволило Москве относительно мягко пройти период санкционно-валютного потрясения.

Кризис 2020 г. — пандемия COVID-19 и координированные антикризисные действия

Пандемия коронавирусной инфекции, начавшаяся весной 2020 года, создала беспрецедентный по характеру внешний шок, затронувший одновременно систему здравоохранения, социальную сферу и экономику. Введенные против эпидемии ограничительные меры (локдауны, режимы самоизоляции) весной 2020 г. привели к почти полному прекращению деятельности ряда отраслей (общественного питания, гостиничного бизнеса, торговли непродовольственными товарами, культуры, спорта). Москва как крупнейший мегаполис и эпицентр первых волн пандемии оказалась в крайне уязвимом положении: помимо угрозы здоровью населения, город столкнулся с резким падением пассажиропотока, туристического потока, выручки малого бизнеса. Для городского управления COVID-кризис стал проверкой на гибкость и скорость реагирования. Модель управления московской экономикой в 2020 г. характеризуется беспрецедентно широким комплексом антикризисных мер и тесной координацией с федеральным центром.

Во-первых, при введении ограничений Правительство Москвы стремилось по возможности сохранить функционирование основных секторов экономики. После жесткого локдауна весны 2020 г. городские власти уже летом того же года начали поэтапно возобновлять деятельность предприятий, а осенью постарались избежать полного закрытия экономики, вводя точечные ограничения. Собянин

подчеркивал, что даже на пике пандемии Москва “максимально старалась не ограничивать деятельность секторов экономики, чтобы оградить их от убытков”[4]. Этот подход позволил уже к концу 2020 г. удержать снижение оборота торговли всего на ~3% год к году, а в ряде отраслей отметить восстановительный рост[1].

Во-вторых, город оперативно развернул масштабные меры поддержки бизнеса и горожан. В общей сложности в 2020 г. было принято несколько пакетов антикризисных мер на городском уровне: отсрочки и снижение арендных платежей для арендаторов городского имущества, субсидии предприятиям на выплату зарплат и проценты по кредитам, освобождение от торгового сбора и ряда налогов для наиболее пострадавших компаний, гранты предприятиям общепита и туриндустрии, поддержка самозанятых и пр. Также Москва присоединилась к федеральным программам льготного кредитования и внедрила собственные – через городской Фонд поддержки промышленности и предпринимательства. В результате 11 тыс. столичных компаний получили экстренную помощь на сумму ~30 млрд руб., а льготных кредитов было одобрено на 180 млрд руб.[10].

В-третьих, особое внимание уделялось рынку труда. Город изыскал возможности сохранить финансирование всех бюджетных учреждений и госзаказов, предотвращая увольнения. Для потерявших работу граждан была усилена служба занятости: внедрены программы переобучения, стажировок, субсидируемого найма. Эти меры, вкупе с оживлением экономики к лету 2020 г., привели к тому, что всплеск безработицы носил временный характер, а затем уровень безработицы в Москве опустился до рекордно низких значений[10].

В-четвертых, Москва действовала в тесной связке с федеральным правительством. Многие меры (например, льготные кредиты под обязательство сохранения занятости) реализовывались совместно: город оперативно дофинансировал и обеспечил участие своих предприятий в госпрограммах[11]. Такая скоординированность доказала эффективность – по оценкам, антикризисные шаги правительства РФ и Москвы взаимно дополняли друг друга, ускоряя восстановление. Хотя 2020 год завершился сокращением ВРП столицы (по оценке ~2–3%), уже во втором полугодии начался отскок экономической активности. К концу 2021 г. экономика Москвы не только восстановилась, но и превысила докризисный уровень по ряду показателей[1].

Столичный рынок услуг продемонстрировал способность к быстрому росту при снятии ограничений, а промышленность – к наращиванию объемов за счет компенсации выпавших месяцев. Эффективность модели управления 2020 г. проявилась в том, что спад оказался менее глубоким и продолжительным, чем ожидалось, а социальные обязательства были выполнены полностью (город даже привлек заимствования около 700 млрд руб., но не сократил ни одной социальной выплаты)[1].

Москва вошла в число лидеров среди регионов по качеству антикризисной политики: исследователи Высшей школы экономики включили Москву в тройку городов с наиболее эффективными экономическими мерами в период пандемии[6]. Это признание подтверждает результативность выбранной модели – сочетания жестких (но краткосрочных) ограничений с масштабным финансовым “впрыском” в экономику и быстрой адаптацией управления.

Кризис 2022 г. — новая волна санкций и акцент на устойчивость экономики

Последний из рассматриваемых периодов – 2022 год – ознаменовался беспрецедентным санкционным давлением на российскую экономику в связи с известными геополитическими событиями конца февраля. В кратчайшие сроки многие зарубежные компании объявили о приостановке или прекращении работы в России, были нарушены логистические цепочки импорта, финансовый сектор столкнулся с отключением от глобальных систем (SWIFT и др.), введены ограничения на экспорт технологий. Для Москвы эти внешние шоки означали значительный отток иностранных брендов из потребительского сектора, риск потери тысяч рабочих мест в филиалах международных корпораций, а также угрозу дефицита определенных импортных товаров и комплектующих.

Благодаря опыту 2014 и 2020 гг., столичное правительство встретило новый кризис во всеоружии. Модель управления экономикой Москвы в условиях санкций 2022 г. строилась на принципах превентивных действий, максимальной мобилизации внутренних ресурсов и укрепления экономической самостоятельности города. Уже в первые недели марта 2022 г. мэром была создана специальная Комиссия по повышению устойчивости развития экономики Москвы. Этот штаб, возглавленный лично С.С. Собяниным, начал ежедневно отслеживать ситуацию в отраслях и координировать меры реагирования.

Опираясь на методы, успешно зарекомендовавшие себя в борьбе с последствиями пандемии, власти Москвы сформировали пакет первоочередных шагов. Во-первых, сохранение занятости стало центральной задачей. Город активно взаимодействовал с работодателями: проводились встречи с бизнес-сообществом, выявлялись проблемные точки (например, риск увольнений в компаниях-импортёрах или у зарубежных фирм)[11]. Для предотвращения всплеска безработицы Москва оперативно запустила городской кадровый центр для трудоустройства высвобождаемых сотрудников, особенно из иностранных компаний. Правительство РФ со своей стороны субсидировало кредиты на поддержание занятости, а Москва через свой Фонд содействия кредитованию малого бизнеса обеспечила упрощенный доступ столичных предприятий к этим программам. Из городского бюджета было сразу выделено 7 млрд руб. на льготное кредитование предприятий под сохранение рабочих мест[11]. Эти шаги принесли результат: массовых увольнений удалось избежать, официальный уровень безработицы остался минимальным (~0,5–0,6%)[10].

Во-вторых, сделан упор на импортозамещение и локализацию производства. Под санкциями особенно остро встала необходимость замены импорта в ряде отраслей – от пищевой продукции до сложной электроники. Москва объявила о мерах стимулирования для предприятий, готовых наращивать выпуск востребованных товаров локально. В короткие сроки город перепрофилировал часть промышленности: например, простаивающие сборочные линии иностранных автоконцернов переориентировались на выпуск другой техники. Согласно данным городского департамента, обрабатывающие производства Москвы в 2022 г. продемонстрировали рост по многим направлениям, особенно в высокотехнологичных сегментах – электронике, химии, фармацевтике. Это во многом заслуга ранее заложенной политики – за последние годы доля промышленности и IT в экономике столицы существенно увеличилась, что укрепило ее устойчивость[5].

В-третьих, город продолжил инвестиционную и социально ориентированную политику. Несмотря на выпадающие доходы (~5% бюджета), Москва сохранила все социальные программы и проекты развития[8]. Как и прежде, более половины расходов бюджета направлено на социальную сферу и поддержку граждан. Инвестиционный бюджет остался около 1,1 трлн руб. в год, позволяя не останавливать стройки.

В-четвертых, обеспечена гибкость нормативного регулирования: так, городские власти оперативно упростили процедурные барьеры для бизнеса (ускоренное оформление закупок, отсрочки исполнения госконтрактов для предприятий, столкнувшихся с санкциями). Были продлены на 2022 г. ранее действовавшие налоговые льготы для IT-компаний, снижены ставки по аренде земли для промышленников и т.д. Благодаря совокупности этих мер экономика Москвы в 2022 году продемонстрировала относительную стабильность. По оценке В. Ефимова, спад ВРП составил порядка 3–4% вместо планировавшегося до кризиса роста[8]. Это означало, что пессимистичные прогнозы (минус 8–10% и более) не реализовались – удар оказался смягчен грамотной антикризисной политикой.

Показательно, что по итогам года число малых и средних предприятий в столице не сократилось, а напротив, выросло на 4,1%, совокупная выручка торговых и сервисных предприятий тоже увеличилась (в номинальном выражении). Государственная поддержка в 30 млрд руб. помогла тысячам компаний адаптироваться к новым условиям[10]. Конечно, некоторые отрасли пострадали серьезно – автомобильная промышленность фактически встала, произошел отток части квалифицированных кадров за рубеж, ускорилась инфляция. Тем не менее, московская экономика выдержала “санкционный шторм” во многом благодаря проактивной модели управления, нацеленной на оперативное решение точечных проблем и одновременное поддержание общего макроэкономического равновесия. В рейтинге регионов по устойчивости к санкциям Москва вновь оказалась в числе лучших, продемонстрировав, по выражению Собянина, что, “закалившись” в предыдущих кризисах, стала только сильнее[11].

Так, сравнительный обзор показывает, что каждый внешний кризисный фактор встречался Москвой набором мер, наиболее релевантных данной ситуации, однако прослеживаются и единые принципы. Во все рассматриваемые периоды городское руководство сохраняло приверженность инвестиционно-активной и социально ответственной политике, дополняя ее особыми инициативами (будь то гарантийная поддержка бизнеса в 2008 г., импортозамещение в 2014 г., цифровые сервисы и льготы в 2020 г. или кадровые программы в 2022 г.). Фактические данные свидетельствуют: экономика Москвы каждый раз довольно быстро восстанавливала утраченные позиции – например, уже в 2021 г. достигнут рекордный рост промышленности и инвестиций, а начало 2022 г. еще показывало продолжение этой положительной динамики, прерванной новой волной санкций. В 2023 г. столичная экономика вернулась к росту (~3–5% по прогнозам), подтверждая результативность антикризисных моделей.

Подводя итог, исследование подтверждает, что Москва выработала устойчивую и гибкую модель государственного управления своей экономикой в условиях различных внешних факторов, которая доказала свою эффективность на практике. Нами систематизирован опыт города в кризисные годы, сравнительно проанализированы подходы и результаты, сделаны выводы об их действенности. Практическая значимость работы заключается в том, что выявленные механизмы (инвестиционная политика, поддержка МСП, координация с федеральными органами и др.) могут быть использованы при разработке антикризисных мер в других регионах и городах.

Полученные выводы также формируют основу для дальнейших исследований – например, для количественной оценки вклада конкретных мер в динамику экономических показателей или для сравнения Москвы с мегаполисами других стран. В целом же опыт Москвы демонстрирует, что сочетание стратегического видения (неостанавливать развитие) и оперативного управления (адресно реагировать на вызовы) позволяет городскому хозяйству успешно противостоять даже самым серьезным внешним потрясениям.

Литература

1. «Власти Москвы считают, что экономика города вернется в норму к концу 2021 года» [Электронный ресурс]. – ТАСС, 2020. – URL: https://tass.ru/obschestvo/9973885 (дата обращения: 22.03.2025).

2. «Дефицит бюджета Москве не грозит, считает Собянин» [Электронный ресурс]. – ТАСС, 2016. – URL: https://tass.ru/moskva/3475173 (дата обращения: 22.03.2025).

3. «Кризис замедлил рост экономики Москвы в 2008 году до 6%» [Электронный ресурс]. – Banki.ru, 2009. – URL:

https://www.banki.ru/news/lenta/?id=869535 (дата обращения: 22.03.2025).

4. «Собянин назвал срок сохранения «эффекта пандемии» в экономике Москвы» [Электронный ресурс]. – Известия, 2020. – URL: https://iz.ru/1085755/2020-11-11/sobianin-nazval-srok-sokhraneniia-effekta-pandemii-v-ekonomike-moskvy (дата обращения: 22.03.2025).

5. «Экономика Москвы продемонстрировала стабильность и устойчивость к кризисам» [Электронный ресурс]. – Аналитический центр Москвы, 2023. – URL: https://ac-mos.ru/news/3563/ (дата обращения: 22.03.2025).

6. Батманова А. «ВШЭ включила Москву в лидеры по эффективности экономики при пандемии» [Электронный ресурс]. – РБК, 2020. – URL: https://www.rbc.ru/economics/07/09/2020/5f562de29a794757e5507ad5 (дата обращения: 22.03.2025).

7. Бикбов А., Осетинская Е. «Антикризисная комиссия правительства реанимирует меры 2008 года» [Электронный ресурс]. – РБК, 2015. – URL: https://www.rbc.ru/economics/23/01/2015/54c24a939a7947795bf0f336 (дата обращения: 22.03.2025).

8. Виноградова Е. «Власти Москвы оценили потери столичной экономики в 2022 году» [Электронный ресурс]. – РБК, 2022. – URL: https://www.rbc.ru/economics/15/08/2022/62f8e0d69a79477363ef7ad3 (дата обращения: 22.03.2025).

9. Волкова С. «Собянин: «Борьба с коронавирусом уже обошлась Москве в 500 миллиардов рублей»» [Электронный ресурс]. – Комсомольская правда, 2020. – URL: https://www.msk.kp.ru/daily/2171207/4319859/ (дата обращения: 22.03.2025).

10. Дорожный В. «Столица в цифрах. Как Москва пережила трудности 2022 г.» [Электронный ресурс]. – Ведомости, 2022. – URL: https://www.vedomosti.ru/gorod/ourcity/articles/stolitsa-v-tsifrah-kak-moskva-perezhila-trudnosti-2022-g (дата обращения: 22.03.2025).

11. Суханов Ю. «Московская экономика готова преодолеть кризис» [Электронный ресурс]. – Московский комсомолец, 2022. – URL: https://www.mk.ru/moscow/2022/03/13/moskovskaya-ekonomika-gotova-preodolet-krizis.html (дата обращения: 22.03.2025).

Analysis of the Features of Public Management Models of the Moscow City Economy under the Influence of Various External Factors in 2008, 2014, 2020 and 2022 and Assessment of Their Effectiveness

Purtov Kirill Sergeevich
Russian Economic University. G.V. Plekhanov

JEL classification: D20, E22, E44, L10, L13, L16, L19, M20, O11, O12, Q10, Q16, R10, R38, R40, Z21, Z32

Over the past decades, the city of Moscow has faced several serious external challenges - the global financial crisis of 2008, the sanctions and currency shock of 2014, the COVID-19 pandemic in 2020 and new sanctions pressure in 2022. The purpose of this study is to analyze the features of public management models of the Moscow economy under the influence of these various external factors and assess the effectiveness of the measures taken. The paper presents a comparison of the anti-crisis policies of city authorities in the specified periods, including investment support, socially oriented spending and special measures to support business and employment. It has been established that Moscow has developed a sustainable model of anti-crisis management: in all cases, the city did not reduce investment in development, maintained social obligations and promptly introduced measures to support the affected industries. This made it possible to mitigate the negative consequences of the crises: for example, in 2008–2009 it was possible to maintain positive growth, in 2014–2015 it was possible to avoid a decline in investment, in 2020 it was possible to limit the decline in trade to 3%, and in 2022 it was possible to keep the decline in GRP at a level of ~3–4% with record low unemployment. The article discusses the reasons for the high efficiency of the Moscow model (economic diversification, coordination with the federal center, etc.), as well as its limitations and lessons for further development. The results of the study indicate that Moscow's experience in anti-crisis economic management contributes to the rapid recovery and increased sustainability of the urban economy in the face of external shocks.

Keywords: Moscow; public administration; city economy; external factors; economic crisis; sanctions; pandemic; anti-crisis measures; investment policy; efficiency.

References

1. "Moscow authorities believe that the city's economy will return to normal by the end of 2021" [Electronic resource]. - TASS, 2020. - URL: https://tass.ru/obschestvo/9973885 (date of access: 22.03.2025).
2. "Budget deficit does not threaten Moscow, says Sobyanin" [Electronic resource]. - TASS, 2016. - URL: https://tass.ru/moskva/3475173 (date of access: 22.03.2025).
3. "Crisis slowed Moscow's economic growth in 2008 to 6%" [Electronic resource]. – Banki.ru, 2009. – URL: https://www.banki.ru/news/lenta/?id=869535 (date of access: 22.03.2025).
4. “Sobyanin named the duration of the “pandemic effect” in the Moscow economy” [Electronic resource]. – Izvestia, 2020. – URL: https://iz.ru/1085755/2020-11-11/sobianin-nazval-srok-sokhraneniia-effekta-pandemii-v-ekonomike-moskvy (date of access: 22.03.2025).
5. “The Moscow economy has demonstrated stability and resilience to crises” [Electronic resource]. – Moscow Analytical Center, 2023. – URL: https://ac-mos.ru/news/3563/ (date of access: 22.03.2025).
6. Bat'manova A. "HSE included Moscow among the leaders in economic efficiency during the pandemic" [Electronic resource]. – RBC, 2020. – URL: https://www.rbc.ru/economics/07/09/2020/5f562de29a794757e5507ad5 (date of access: 22.03.2025).
7. Bikbov A., Osetinskaya E. "The government's anti-crisis commission is reviving the measures of 2008" [Electronic resource]. – RBC, 2015. – URL: https://www.rbc.ru/economics/23/01/2015/54c24a939a7947795bf0f336 (date of access: 22.03.2025).
8. Vinogradova E. "Moscow authorities assessed the losses of the capital's economy in 2022" [Electronic resource]. – RBC, 2022. – URL: https://www.rbc.ru/economics/15/08/2022/62f8e0d69a79477363ef7ad3 (date of access: 22.03.2025).
9. Volkova S. "Sobyanin: "The fight against coronavirus has already cost Moscow 500 billion rubles"" [Electronic resource]. – Komsomolskaya Pravda, 2020. – URL: https://www.msk.kp.ru/daily/2171207/4319859/ (date of access: 22.03.2025).
10. Dorozhny V. "The capital in numbers. How Moscow survived the difficulties of 2022" [Electronic resource]. –

Vedomosti, 2022. – URL: https://www.vedomosti.ru/gorod/ourcity/articles/stolitsa-v-tsifrah-kak-moskva-perezhila-trudnosti-2022-g (date of access: 22.03.2025).
11. Sukhanov Yu. "The Moscow economy is ready to overcome the crisis" [Electronic resource]. – Moskovsky Komsomolets, 2022. – URL: https://www.mk.ru/moscow/2022/03/13/moskovskaya-ekonomika-gotova-preodolet-krizis.html (date of access: 22.03.2025).

Государственное регулирование естественных монополий: инструменты, проблемы, направления реформирования

Строев Владимир Витальевич
доктор экономических наук, профессор, Государственный университет управления, Vv_stroev@guu.ru

Рогуленко Татьяна Михайловна
доктор экономических наук, профессор, Государственный университет управления, tmguu@mail.ru

Близкий Роман Сергеевич
доктор экономических наук, профессор, Государственный университет управления, blizkeyrs@gmail.com

Бодяко Анна Владимировна
доктор экономических наук, профессор, профессор Финансовый университет при Правительстве РФ, anna.bodyako@inbox.ru

Статья посвящена исследованию проблем государственного регулирования естественных монополий и оценке эффективности используемых инструментов, а также выявлению перспективных направлений реформирования данной сферы. Актуальность обусловлена необходимостью оптимизации контроля монопольных структур с целью поддержания экономической стабильности и качества предоставляемых услуг. Новизна работы определяется анализом зарубежного опыта и разработкой рекомендаций по реформированию механизмов тарифного регулирования. В рамках статьи описаны основные инструменты государственного воздействия, изучены преимущества и недостатки различных подходов к контролю цен и стимулированию конкуренции. Особое внимание уделено цифровизации как инструменту повышения прозрачности и эффективности регулирования. Работа ставит перед собой цель обосновать направления совершенствования регулирования естественных монополий. Использованы сравнительный и аналитический методы, анализ нормативно-правовых актов и источников по теме. В заключении формулируются предложения по реформированию регулирования. Статья будет полезна для специалистов в области экономики и государственного управления.

Ключевые слова: государственное регулирование, естественные монополии, тарифное регулирование, цифровизация, конкурентные механизмы, реформирование, административные инструменты, прозрачность отчетности, стимулирующее регулирование, инвестиционные программы.

Введение

Актуальность темы обусловлена необходимостью эффективного государственного регулирования естественных монополий для обеспечения стабильного функционирования экономики. Недостатки традиционных механизмов контроля цен приводят к перекосам в экономических интересах монополистов и потребителей, что требует разработки новых решений.

Цель статьи состоит в выявлении проблем и разработке рекомендаций по совершенствованию государственного регулирования естественных монополий.

В связи с данной целью ставятся следующие задачи:

1) Рассмотреть существующие инструменты государственного регулирования тарифов естественных монополий.

2) Проанализировать проблемы, возникающие при использовании административных методов контроля.

3) Предложить направления реформирования, ориентированные на цифровизацию и повышение прозрачности деятельности естественных монополий.

Новизна работы заключается в систематизации зарубежного опыта и разработке подходов к цифровизации и стимулирующему регулированию, направленному на баланс экономических интересов участников рынка.

Материалы и методы

В статье были изучены работы исследователей, посвященные различным направлениям регулирования естественных монополий. А.Г. Блинов [2] исследовал административно-правовые механизмы, используемые для контроля деятельности монополий. Ю.Е. Маркова [9] анализировала проблемы реформирования монополий, делая акцент на необходимости баланса интересов сторон. И.А. Абросимова [1] предложила модель поэтапного реформирования с разделением на инфраструктурную и производственную стадии. Т.А. Краснова [6-8] предложила инструменты цифровой трансформации и направления совершенствования тарифного регулирования. Р.М. Бращин [3] акцентировал внимание на методах государственного регулирования естественных монополий. Д.И. Низамов [10] отметил проблемы завышения затрат в тарифных расчетах. А.А. Давидюк [5] выявил последствия децентрализации и отсутствия конкуренции. А.А. Газимагомедова [4] изучила механизмы судебного решения тарифных споров и проблемы их применения.

В статье были использованы сравнительный метод, анализ нормативной документации, а также метод систематизации и обобщения информации.

Результаты

Методы ценового контроля, в том числе установление тарифов и ограничений на их рост, получили особое распространение среди регулирующих органов, поскольку дают возможность удерживать цену на минимально допустимом уровне и сохранять экономическую стабильность. В настоящее время естественные монополии являются особым приоритетом в правовой системе, имеют особые характеристики и оказывают значительное влияние на развитие экономики. Подобная роль хозяйствующих субъектов обусловлена технологическими особенностями их функционирования и полной либо частичной уникальностью конечного продукта. Их деятельность связана с тем, что наличие дублирующих структур сопровождается ощутимым увеличением совокупных затрат, поэтому единственный поставщик на рынке считается эффективнее, чем параллельное сосуществование множества конкурентов [2].

Осуществление государственного управления в этой сфере подразумевает применение механизмов, способных ограничить монопольный рост цен, а также стимулировать отраслевое развитие. Существует некоторая абсолютизация ценового регулирования, хотя опыт зарубежных стран показывает, что контроль за тарифами не является единственным способом воздействия на экономическое поведение субъектов естественных монополий. При рассмотрении таких мер специалисты исходят из того, что субъекты, обладающие устойчивым положением на рынке, склонны к формированию тарифов, ориентированных главным образом на извлечение прибыли, а не на достижение баланса интересов потребителей и производителя [9]. Воздействие административных инструментов, как указывают исследователи, часто сопровождается дополнительными издержками, связанными с обеспечением прозрачности отчетности, проверок и других форм надзора. Привлечение конкурентных механизмов в ряде сегментов (железнодорожные перевозки, связь, аэропортовые услуги) рассматривается как путь к повышению качества предоставляемой продукции, а также к появлению возможностей привлечения частных инвестиций.

Доказана необходимость поэтапного реформирования, при котором предоставляются гарантии надежного снабжения стратегическими ресурсами и пресекаются злоупотребления доминирующим положением. Осуществление реформ правительства России для естественных монополий основывается на разделении технологических процессов на две стадии: инфраструктурную и производственную [1]. Считается, что подобный формат позволяет стимулировать конкуренцию там, где это целесообразно, и сохранить единый оператор там, где затраты на появление дополнительных участников рынка выходят за пределы экономической эффективности [2]. В то же время отсутствие должного надзора за деятельностью субъектов монополий при реализации таких преобразований способно приводить к росту операционных расходов, перекрестному субсидированию одних групп потребителей за счет других и замедлению технологического обновления [6].

Проблемы децентрализации деятельности предприятия и отсутствие конкурентной среды часто приводят к неэффективному использованию ресурсов, а также к замедлению внедрения современных методов управления [5]. В связи с этим особое внимание уделяется упрощению порядка раскрытия информации о формировании тарифов и реальному контролю над сметами расходов. Считается, что требуются современные цифровые решения, способные снизить диспропорцию между органом регулирования и хозяйствующим субъектом в доступе к первичной отчетности. Некоторые эксперты настаивают на необходимости перехода к долгосрочным тарифным соглашениям, при которых предприятие берет на себя повышенные инвестиционные обязательства, а регулирующий орган гарантирует предсказуемость ценовых параметров [10].

Существует практика, когда компания искусственно завышает расчетные показатели, что позволяет ей добиться роста тарифа: Реформирование — это сложный и медленный процесс, который невозможен без внесения изменений в законодательство и без разработки специального сектора в исполнительной системе [4]. Увеличение состава основных фондов при сохранении прежних объемов выпуска, завышение норм технологических потерь и перенос части затрат с нерегулируемой деятельности на регулируемую — те методы, которые создают перекос в отношениях между монополистом и конечным пользователем. Специалисты, изучавшие реформы в электроэнергетике, писали, что отсутствие четкой демаркации внутри компании по видам деятельности побуждает ее включать нерелевантные расходы в тарифообразование [1]. При этом регулирование, ориентированное лишь на покрытие средних затрат, подрывает стимулы к повышению эффективности, так как все текущие издержки без разбора компенсируются конечной ценой.

Расчеты, основанные на принципе «инфляция минус», периодически приводят к высокой судебной активности между предприятиями и регулирующими ведомствами, поскольку непрозрачность смет и разночтения в документах вызывают встречные претензии. В работах подчеркивается, что подобное противостояние порождает непредсказуемость итоговых ценовых значений, а расходы на разрешение споров дополнительно ложатся на интересы бюджета и самих монополистов [4]. При этом многие замечают, что необходимость сдерживания тарифов для конечных пользователей входит в разногласие с задачей поддерживать инвестиции в инфраструктурные проекты.

Практика реформирования естественных монополий в зарубежных юрисдикциях подтверждает эффективность стимулирующего регулирования, ориентированного на рост производительности: предусмотренная система штрафов и надбавок к

установленным тарифам побуждает компании снижать издержки и обновлять фонды. По отдельным отраслям эксперты фиксируют преимущество долгосрочных инвестиционных программ, если они жестко привязаны к показателям надежности, экономии ресурсов и иных производственных параметров [7]. Параллельно сохраняется дискуссия о том, как совместить рыночное поведение субъектов с мерами господдержки, без перекашивания конкурентных возможностей других участников отраслевых рынков [8]. Реформирование не вызывает катастрофических ценовых последствий, если установлены прозрачные правила долгосрочного ценообразования и понятные механизмы контроля исполнения.

Равным образом остаются вопросы о том, как обеспечивать цифровую трансформацию секторов, связанных с естественными монополиями, не увеличивая тарифное бремя для потребителей. Имеется точка зрения, что перевод основных операций в электронную среду способен повысить прозрачность и оперативность при предоставлении данных о фактических расходах и загрузке мощностей [10]. Подобные процессы, по мнению некоторых авторов, приводят к расширению конкурентных ниш внутри отрасли, если создавать независимые операторы передачи данных или независимых поставщиков услуг [3]. В то же время количество примеров, когда внедрение цифровых платформ приводило к существенному улучшению обслуживания и снижению цен, пока невелико.

Регуляторы стремятся не допустить ситуаций, когда монополист сохраняет полный контроль над инфраструктурой, не гарантируя доступ остальным поставщикам и пользователям на недискриминационных условиях. Для этого используются мониторинги инвестиционных проектов и дополнительные отчеты о распределении финансовых потоков. Проблемы децентрализации деятельности предприятия, скрытые барьеры и несовершенство механизма ценообразования включают субсидирование и создают дисбаланс в развитии отрасли. Изложенные в публикациях способы повышения открытости финансовой отчетности сводятся к усилению контроля со стороны антимонопольной службы, уполномоченных региональных органов и общественных организаций.

Экономические исследования указывают на обязательность поощрения снижения затрат монополиста, развития новых технологий и рационального распределения ресурсов, иначе нагрузка на бюджет из-за дополнительного субсидирования растет, а рост тарифов тормозит конкурентоспособность смежных отраслей [10]. Некоторые специалисты настаивают на том, что четко прописанные в законодательстве механизмы публичного мониторинга качества услуг и единые правила недискриминационного доступа к сети являются действенным ограничителем злоупотреблений [2].

Реформирование — это сложный и медленный процесс, который невозможен без внесения изменений в законодательство, а также без тщательной проработки параметров тарифного управления и планирования. Системное переосмысление государственного вмешательства предполагает многоэтапный ход: от обоснования отдельных мер до их закрепления в правовых нормах и введения мониторинговых инструментов. Такой подход создает перспективы для выработки прозрачных правил ценообразования, одновременно гарантируя потребителям доступность услуг и сохранение удовлетворительного финансового состояния предприятий.

Обсуждение

Наблюдаемые механизмы регулирования, основанные преимущественно на контроле стоимости и ограничении тарифного роста, часто приводят к тому, что предприятия с доминирующим положением стремятся обосновать все расходы без должного учета экономической целесообразности. Многие участники рынка, обладающие исключительными правами в сфере транспорта, энергетики и коммуникаций, фактически контролируют структуру затрат и пользуются информационной асимметрией, осложняющей деятельность надзорных органов. Подобная ситуация искажает цену конечного продукта, что в определенных случаях стимулирует скрытое субсидирование одних категорий потребителей за счет других.

Проведенные исследования показывают, что долговременные инвестиционные программы в данных сферах нередко формируются без четкого привязывания к снижению издержек или улучшению качества обслуживания. Значительная часть проектов в промышленной и инфраструктурной областях ориентирована на получение тарифной надбавки, поскольку хозяйствующие субъекты не сталкиваются с реальной конкуренцией и способны переносить финансовые риски на потребителя. В рамках таких условий становятся заметными конфликты между монополистами и регуляторами, возникающие при изменении методик учета затрат. В ходе судебных слушаний затрагиваются вопросы обоснованности включения отдельных статей расходов, достоверности сведений о физическом износе оборудования и размере непроизводительных потерь.

Одновременно появился интерес к цифровым технологиям, позволяющим обеспечить сбор сведений о фактических параметрах деятельности. Применение интеллектуальных систем мониторинга теоретически дает шанс оперативно устанавливать реальное состояние сетей, отслеживать краткосрочные пиковые нагрузки и предотвращать злоупотребления при формировании тарифов. Проблема кроется в том, что переход к цифровому формату требует затрат, а механизм их компенсации пока неоднозначен: операторы не готовы финансировать модернизацию без гарантий долгосрочной окупаемости, а пользователи опасаются неоправданного удорожания услуг.

Анализ дискуссий в научной литературе и практики разных государств указывает на пользу сочетания тарифных ограничений с методами стимулирования, поощряющими повышение эффективности работы и привлечение вложений в инфраструктуру.

Такая стратегия предполагает публичное обсуждение плановых параметров, введение показателей надежности и прозрачные принципы возмещения затрат. В ряде стран разработаны механизмы премий и штрафных санкций за превышение целевых расходов или ухудшение качества. Подобный подход укрепляет дисциплину и повышает доверие со стороны делового сообщества, поскольку исключает искусственное завышение смет и отсутствие разумных стимулов к снижению издержек.

Представляется целесообразным продолжать изучение эффективности этих механизмов, уделяя внимание не только ценовым методам, но и созданию благоприятных условий для технологического переоснащения. Установление долгосрочных правил, ориентированных на баланс интересов всех сторон, содействует формированию единой структуры надзора и предупреждает риск административных барьеров для новых инвесторов. Внимание к цифровым решениям и унификации принципов тарифообразования позволит двигаться в направлении предсказуемой стоимости услуг, снижая при этом вероятность судебных споров и случаев непрозрачного распределения ресурсов.

Заключение

В результате исследования рассмотрены основные инструменты государственного регулирования тарифов и выявлены проблемы, связанные с недостаточной прозрачностью отчетности, отсутствием конкурентной среды и административными издержками. Установлено, что необходим переход к цифровым технологиям, которые обеспечивают доступ к первичной информации и снижают затраты регулирования. Предложено реформирование тарифного регулирования с введением долгосрочных соглашений, ориентированных на инвестиционную активность и повышение качества предоставляемых услуг.

Рекомендовано разделение технологических процессов на инфраструктурную и производственную стадии, внедрение механизмов стимулирующего регулирования и долгосрочных инвестиционных программ с четкими параметрами эффективности. Доказано, что цифровизация способствует сокращению диспропорций в доступе к информации между регулятором и субъектом монополии и минимизирует возможности злоупотреблений со стороны монополистов.

Литература

1. Абросимова, И. А. Реформирование естественных монополий в Российской Федерации // Актуальные вопросы современной экономической науки: Материалы XI Международной научной конференции, Астрахань, 21 апреля 2021 года / Сост. Е. О. Вострикова, Л. П. Гвоздарёва. – Астрахань: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Астраханский государственный университет», 2021. – С. 120–124. – EDN YZPQDN.

2. Блинов, А. Г. К вопросу об административно-правовом регулировании деятельности субъектов естественных монополий // Вестник СГЮА. – 2024. – № 5 (160). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-administrativno-pravovom-regulirovanii-deyatelnosti-subektov-estestvennyh-monopoliy (дата обращения: 11.03.2025).

3. Бращин, Р. М. Методы государственного регулирования естественных монополий // Вестник РЭА им. Г. В. Плеханова. – 2008. – № 6. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/metody-gosudarstvennogo-regulirovaniya-estestvennyh-monopoliy (дата обращения: 11.03.2025).

4. Газимагомедова, Н. Х. Теоретические и практические проблемы процессуального регулирования банкротства естественных монополий // Закон и право. – 2023. – № 11. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-i-prakticheskie-problemy-protsessualnogo-regulirovaniya-bankrotstva-estestvennyh-monopoliy (дата обращения: 11.03.2025).

5. Давидюк, А. А. Государственное регулирование естественных монополий в России // Экономика глазами молодых: Материалы Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых, Томск, 13–14 мая 2022 года / Под общ. ред. М. В. Чикова. – Томск: Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2022. – С. 10–12. – EDN FTRRFN.

6. Краснова, Т. А. Навигатор регулирования естественных монополий как инструмент цифровой трансформации методов антимонопольного законодательства // Финансовые рынки и банки. – 2021. – № 5. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/navigator-regulirovaniya-estestvennyh-monopoliy-kak-instrument-tsifrovoy-transformatsii-metodov-antimonopolnogo-zakonodatelstva (дата обращения: 11.03.2025).

7. Краснова, Т. А. Особенности и специфика целей государственного регулирования естественных монополий // Инновации и инвестиции. – 2021. – № 2. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-i-spetsifika-tseley-gosudarstvennogo-regulirovaniya-estestvennyh-monopoliy (дата обращения: 11.03.2025).

8. Краснова, Т. А. Разработка направлений развития тарифного регулирования естественных монополий // Экономика. Информатика. – 2022. – № 3. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/razrabotka-napravleniy-razvitiya-tarifnogo-regulirovaniya-estestvennyh-monopoliy (дата обращения: 11.03.2025).

9. Маркова, Ю. Е. Анализ современных проблем реформирования естественных монополий в Российской Федерации // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2021. – № 9-2. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-sovremennyh-problem-reformirovaniya-estestvennyh-monopoliy-v-rossiyskoy-federatsii (дата обращения: 11.03.2025).

10. Низамов, Д. И. Проблемы тарифного регулирования естественных монополий в России // Вестник ЧелГУ. – 2024. – № 10 (492). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-tarifnogo-regulirovaniya-estestvennyh-monopoliy-v-rossii (дата обращения: 11.03.2025).

State regulation of natural monopolies: tools, problems, directions of reform

Stroev V.V., Rogulenko T.M., Blizkiy R.S., Bodyako A.V.
State University of Management, Financial University under the Government of the Russian Federation

JEL classification: D20, E22, E44, L10, L13, L16, L19, M20, O11, O12, Q10, Q16, R10, R38, R40, Z21, Z32

The article is devoted to the study of the problems of state regulation of natural monopolies and the assessment of the effectiveness of the instruments used, as well as the identification of promising areas for reforming this area. The relevance is due to the need to optimize the control of monopoly structures in order to maintain economic stability and quality of services provided. The novelty of the work is determined by the analysis of foreign experience and the development of recommendations for reforming tariff regulation mechanisms. The article describes the main instruments of state influence, studies the advantages and disadvantages of various approaches to price control and competition stimulation. Particular attention is paid to digitalization as a tool for increasing the transparency and effectiveness of regulation. The work aims to substantiate the directions for improving the regulation of natural monopolies. Comparative and analytical methods, analysis of regulatory legal acts and sources on the topic are used. In conclusion, proposals for reforming regulation are formulated. The article will be useful for specialists in the field of economics and public administration.

Keywords: state regulation, natural monopolies, tariff regulation, digitalization, competitive mechanisms, reform, administrative instruments, transparency of reporting, incentive regulation, investment programs

References

1. Abrosimova, I. A. Reforming Natural Monopolies in the Russian Federation // Current Issues of Modern Economic Science: Proceedings of the XI International Scientific Conference, Astrakhan, April 21, 2021 / Comp. E. O. Vostrikova, L. P. Gvozdareva. - Astrakhan: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Astrakhan State University", 2021. - P. 120-124. - EDN YZPQDN.
2. Blinov, A. G. On the Issue of Administrative-Legal Regulation of the Activities of Natural Monopoly Entities // Bulletin of SSLA. - 2024. - No. 5 (160). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-administrativno-pravovom-regulirovanii-deyatelnosti-subektov-estestvennyh-monopoliy (date of access: 11.03.2025).
3. Brashchin, R. M. Methods of state regulation of natural monopolies // Bulletin of the Plekhanov Russian Economic Academy. – 2008. – No. 6. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/metody-gosudarstvennogo-regulirovaniya-estestvennyh-monopoliy (date of access: 11.03.2025).
4. Gazimagomedova, N. Kh. Theoretical and practical problems of procedural regulation of bankruptcy of natural monopolies // Law and Right. – 2023. – No. 11. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-i-prakticheskie-problemy-protsessualnogo-regulirovaniya-bankrotstva-estestvennyh-monopoliy (date of access: 11.03.2025).
5. Davidyuk, A. A. State regulation of natural monopolies in Russia // Economy through the eyes of young people: Proceedings of the International Conference of students, graduate students and young scientists, Tomsk, May 13-14, 2022 / Under the general editorship of M. V. Chikov. – Tomsk: National Research Tomsk State University, 2022. – P. 10–12. – EDN FTRRFN.
6. Krasnova, T. A. Navigator of regulation of natural monopolies as a tool for digital transformation of antitrust legislation methods // Financial markets and banks. – 2021. – No. 5. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/navigator-regulirovaniya-estestvennyh-monopoliy-kak-instrument-tsifrovoy-transformatsii-metodov-antimonopolnogo-zakonodatelstva (date of access: 11.03.2025).
7. Krasnova, T. A. Features and specifics of the goals of state regulation of natural monopolies // Innovations and investments. – 2021. – No. 2. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-i-spetsifika-tseley-gosudarstvennogo-regulirovaniya-estestvennyh-monopoliy (date of access: 11.03.2025).
8. Krasnova, T. A. Development of directions for the development of tariff regulation of natural monopolies // Economy. Informatics. - 2022. - No. 3. - URL: https://cyberleninka.ru/article/n/razrabotka-napravleniy-razvitiya-tarifnogo-regulirovaniya-estestvennyh-monopoliy (date of access: 11.03.2025).
9. Markova, Yu. E. Analysis of modern problems of reforming natural monopolies in the Russian Federation // Economy and business: theory and practice. - 2021. - No. 9-2. - URL: https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-sovremennyh-problem-reformirovaniya-estestvennyh-monopoliy-v-rossiyskoy-federatsii (date of access: 11.03.2025).
10. Nizamov, D. I. Problems of tariff regulation of natural monopolies in Russia // Bulletin of ChelSU. – 2024. – No. 10 (492). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-tarifnogo-regulirovaniya-estestvennyh-monopoliy-v-rossii (date of access: 11.03.2025).

Программно-целевое управление в государственном секторе: современные тенденции и вызовы

Строев Владимир Витальевич
доктор экономических наук, профессор, Государственный университет управления, 109542, Российская Федерация, Vv_stroev@guu.ru

Рогуленко Татьяна Михайловна
доктор экономических наук, профессор, Государственный университет управления, tmguu@mail.ru

Близкий Роман Сергеевич
доктор экономических наук, профессор, Государственный университет управления, blizkeyrs@gmail.com

Бодяко Анна Владимировна
доктор экономических наук, профессор, профессор Финансовый университет при Правительстве РФ, anna.bodyako@inbox.ru

Горлов Виктор Владимирович
доктор экономических наук, профессор кафедры финансового менеджмента Российского университета нефти и газа им И.С. Губкина, stoikost@yandex.com

В статье рассмотрены различные подходы к определению термина «программно-целевое управление». Перечислены ключевые преимущества программно-целевого управления. Описан произошедший в России переход от «планирования ресурсов» к концепции «планирования результатов». Обозначены важнейшие направления совершенствования программно-целевого подхода: повышение гибкости и адаптивности программ; оптимизация координации между различными ведомствами и уровнями власти; повышение заинтересованности широкой общественности в контроле и мониторинге реализации программ; разработка эффективной системы комплексной оценки результативности программ и проектов; применение цифрового инструментария, в т.ч. искусственного интеллекта.
Ключевые слова: программно-целевое управление, программа, цифровизация, адаптивность, планирование результатов

Методы программно-целевого управления достаточно успешно используются во всем мире – как в развитых, так и в развивающихся странах. Программно-целевой подход позволяет мобилизовать ресурсы, обеспечить подъем экономики и высокую динамику развития различных отраслей, искоренить социальное неравенство и дискриминацию [3, с. 24]. В данной связи научный анализ конкретных направлений реализации программно-целевого метода представляется нам особенно *актуальным* – особенно при учете изменчивости внешней макроэкономической и геополитической среды. Кроме того, актуальность темы обусловлена важностью трансформации управленческих режимов и оптимизацией распределения финансовых, научно-технологических, промышленных, оздоровительных, культурно-образовательных и энергетических ресурсов [10, с. 12].

Прежде всего следует рассмотреть существующие дефиниции категории «программно-целевое управление». С. А. Умерова предлагает рассматривать данный термин с двух позиций – в узком и широком смысле. В рамках широкой интерпретации программно-целевое управление можно понимать как эффективный подход к решению масштабных проблем посредством разработки и реализации целостной системы программных мер, взаимоувязанных по ресурсам, срокам и исполнителям. В узком смысле программно-целевое управление определяется как управление посредством программ, позволяющих решать значимые социально-экономические проблемы [11, с. 109].

Аналогичные определения предлагают С. Н. Сычанина и Р. А. Шичиях: в широком смысле программно-целевой метод управления обозначает «воздействие субъекта управления на объект управления, вырабатываемое на основе методологии системного анализа», а в узком – разработку и реализацию целевых комплексных и ведомственных программ [9, с. 38]. Авторы, обобщив имеющиеся в современной научной литературе определения, выявили следующие характерные черты программно-целевого управления: (1) управление согласно установленным целям и задачам; (2) согласование целей и задач между собой; (3) разработка мероприятий, направленных на достижение целей; (4) ресурсное обеспечение; (5) контроль качества и полноты реализации [9, с. 38].

Р. А. Кочкарев предлагает следующую дефиницию: программно-целевой подход – совокупность методов управления, основанных на планировании расходов и соответствующем бюджетировании и применяемых в целях повышения эффективности

управления за счет концентрации ресурсов на действительно важных направлениях [3, с. 27].

По мнению А. Д. Кяримовой, отечественный опыт имплементации программно-целевых методов существенно отличается от зарубежного; можно сказать, что для России программно-целевой подход стал неким методологическим продолжением механизмов советской плановой экономики. Программно-целевой подход, по мнению автора, следует понимать как реализацию мероприятий в рамках логической цепочки «выявление проблемы – постановка цели – разработка решения – реализация решения» [4, с. 308].

Несколько по-иному программно-целевой подход интерпретирует Х. Д. Арсланова с соавт.: программно-целевые методы управления основаны на программах – результатах согласования интересов всех субъектов социальных и экономических реформ. При этом, по мнению исследователей, программу не следует трактовать в качестве набора константных целей и запланированных результатов: современные методы программно-целевого управления предполагают мобильность, подвижность, адаптивность программ, возможность оперативной корректировки задач, ресурсов, ожидаемых результатов [1, с. 97].

Е. В. Жигаленко определяет программно-целевые методы следующим образом: «инструменты реализации общественных целей аппарата государственного управления по обеспечению социально-экономического развития страны, где применяются бюджетные ресурсы по достижению конечных целей и решения стратегически важных задач» [2, с. 481].

Новый этап развития программно-целевого подхода в управлении в нашей стране начался в 2014 г., когда был принят Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации». В практику управления вошли такие категории, как «программирование», «прогнозирование», «стратегическое планирование». Со временем программно-целевые методы стали сочетаться с методами проектного управления, возникли новые виды программ (приоритетные, пилотные и др.) [11, с. 115].

Как показала практика последнего десятилетия, программно-целевое управление позволяет повысить качество управления бюджетными средствами, улучшить координацию между различными ведомствами и обеспечить прозрачность при принятии решений.

В течение этого времени в стране был осуществлен переход от «планирования ресурсов» к концепции «планирования результатов». В рамках концепции управления результатами бюджетные ассигнования выделяются строго в соответствии с планируемыми результатами [3, с. 28].

На текущий момент программно-целевые методы применяются в различных областях: в сфере поддержки импортозамещения, в области содействия развитию малого и среднего предпринимательства, в области привлечения оборотных и инвестиционных ресурсов, в промышленности и в социальной сфере [5, с. 34].

На современном этапе одним из наиболее важных направлений теоретических и прикладных исследований выступает повышение гибкости и адаптивности программ. Эффективная программа, с одной стороны, должна обеспечивать устойчивость и стабильность, а с другой – обладать динамичностью и пластичностью для адаптации к изменениям внешней среды. Различные исследователи, при этом, предлагают разные способы достижения высокого уровня адаптивности [8, с. 103].

В практике, тем не менее, все еще сохраняются некоторые риски, связанные с недостаточной подвижностью программно-целевых методов. Одной из ключевых проблем программно-целевого управления в государственном секторе Российской Федерации является то, что государственные программы разрабатываются на длительный срок, а механизмы их корректировки часто оказываются недостаточно оперативными, что затрудняет адаптацию к изменяющейся социально-экономической среде.

Финансирование мероприятий привязано к заранее утвержденным сметам, что ограничивает возможности перераспределения средств в зависимости от возникающих приоритетов. Изменение объемов бюджетирования и перенаправление средств требует сложных согласований, что делает невозможным быстрое реагирование на кризисные явления, такие как экономические спады, стихийные бедствия или технологические вызовы.

Еще одним риск-фактором является сложность координации между различными ведомствами и уровнями власти. Государственные программы нередко предполагают участие нескольких министерств, каждое из которых действует в рамках собственной компетенции. Отсутствие эффективных механизмов межведомственного взаимодействия приводит к несогласованности действий, что затрудняет внесение оперативных изменений в стратегию реализации программ.

Как считают многие российские исследователи, преодоление всех вышеописанных проблем программно-целевого управления возможно за счет совершенствования механизмов мониторинга и обратной связи, внедрения современных цифровых инструментов управления и повышения уровня координации между различными участниками программ. Необходимо разработать и апробировать механизмы оперативного перераспределения ресурсов и упростить процедуры внесения изменений в программы.

Е. В. Жигаленко в качестве одного из рисков называет слабую заинтересованность широкой общественности в контроле и мониторинге реализации программ. Значительная часть населения не обладает знанием о реализации тех или иных программ и проектов, не понимает взаимосвязь между качеством жизни и направлениями программно-целевого управления [2, с. 482].

Таким образом, общественный контроль за исполнением социально значимых программ имеет фрагментарный характер, и степень вовлеченности населения в процессы принятия решений остается весьма низкой. Такая ситуация, в свою очередь,

негативно сказывается на доверии населения к государственным институтам и государственной власти в целом.

Кроме того, отсутствие активного участия населения в процессах программно-целевого управления приводит к тому, что обратная связь от граждан практически не учитывается при разработке программ. Решение данной проблемы возможно посредством мероприятий по информированию населения о механизмах их реализации и вовлечению граждан в процессы контроля и мониторинга. Внедрение цифровых платформ, позволяющих в режиме реального времени отслеживать исполнение государственных программ, а также проведение широкомасштабных общественных обсуждений, может способствовать формированию более эффективной связи между обществом и государством.

Многие специалисты говорят также о проблеме отсутствия эффективной системы комплексной оценки результативности программ и проектов. Данная проблема обусловлена сложностью формулирования объективных критериев оценки, недостаточную разработанность методологических подходов и отсутствие единой системы анализа данных.

В настоящее время оценка эффективности программ зачастую носит формальный характер. Достижение количественных показателей, зафиксированных в программных документах, не всегда свидетельствует о фактическом улучшении качества жизни населения или о решении поставленных проблем. Отсутствие интегрированной системы сбора и обработки данных затрудняет проведение сопоставительного анализа программ, реализуемых в различных регионах, а также ограничивает возможности межведомственного взаимодействия.

Е. В. Жигаленко в данной связи говорит о необходимости разработки комплексной системы по оценке социальной и экономической эффективности реализации программ и проектов. По мнению автора, оценка эффективности должна проводиться не по тем показателям, которые доступны лишь по завершении программы, а по текущим показателям – так, чтобы была возможной коррекция программы по мере ее исполнения [2, с. 482].

Н. А. Пруель и Л. Н. Липатова, в свою очередь, указывают: даже Счетная палата России не может оценить эффективность большой части реализуемых программ. Кроме того, в практике применяются многие показатели, которые не имеют взаимосвязи с мероприятиями [6, с. 235].

Специалисты, кроме того, заявляют о таких проблемных аспектах применения программно-целевого метода, как: недостаточное финансовое обеспечение, отсутствие взаимосвязи мероприятий и планируемого результата, противоречие мероприятий правовым, организационным, культурным, социальным условиям, неучет фактора социального восприятия и одобрения (неодобрения) [4, с. 310].

Одним из перспективных направлений в развитии программно-целевого подхода выступает применение цифрового инструментария. Информационные технологии, указывает Д. В. Скульский с соавт., позволяют оптимизировать процесс принятия решений, обеспечить эффективный контроль за реализацией программ и повысить прозрачность управления [8, с. 103].

Цифровизация играет ключевую роль в совершенствовании программно-целевого управления в государственном секторе. Уже на сегодняшний день цифровые технологии позволяют обеспечивать автоматизацию процессов планирования, мониторинга и оценки результативности исполнения программ.

Согласно документу «Цифровая экономика Российской Федерации», формирование цифровой инфраструктуры в стране и внедрение цифровых практик в деятельность государственных органов власти являются приоритетными направлениями деятельности в области публичного администрирования. Органы власти должны быть вооружены современными цифровыми технологиями и применять их в целях повышения результативности деятельности [7, с. 30-31].

Одним из важнейших направлений цифровизации рассматриваемой нами прикладной области, по нашему мнению, является создание единой государственной информационной системы, которая объединит данные о реализации программ и проектов на всех уровнях управления. Такая система позволяет в режиме реального времени отслеживать исполнение бюджетных обязательств, степень достижения целевых показателей, а также выявлять возможные отклонения от планируемых результатов.

На сегодняшний день ведутся дискуссии о применении технологий больших данных (Big Data) и искусственного интеллекта в разработке, планировании, реализации и мониторинге программ.

Одним из ключевых направлений использования машинного интеллекта является предиктивная аналитика. В контексте рассматриваемой нами области предиктивная аналитика может быть использована для составления прогнозов эффективности программных мероприятий на основе исторических данных, текущих экономических показателей и социальных факторов. Алгоритмы могут выявлять скрытые закономерности и предлагать корректировки уже в процессе реализации государственных программ или при их разработке, тем самым снижая вероятность неэффективного расходования бюджетных средств.

Как отмечено выше, несовершенство методологий оценки качества исполнения программ выступает одной из значимых проблем имплементации программно-целевых методов. Отчасти данную проблему можно разрешить посредством технологий автоматизированного мониторинга исполнения программ, основанного на анализе потоков данных из множества источников: отчетности ведомств, государственных и частных цифровых платформ, обратной связи от граждан и др.

Тем не менее, «оцифровка» программно-целевых методов может потенциально повлечь за собой ряд рисков: необходимость обеспечения кибербезопасности, кадровый дефицит специалистов, кото-

рые могут обслуживать, внедрять и применять новые цифровые инструменты, недостаточность нормативно-правовой базы в области цифровизации управления и т. п.

Таким образом, проведенное исследование позволяет прийти к следующим выводам:

1. В широком смысле программно-целевое управление определяется в качестве методологического подхода к решению масштабных проблем посредством разработки и реализации целостной системы программных мер. В узком смысле программно-целевое управление – это управление посредством программ, позволяющих решать значимые социально-экономические проблемы.

2. Программно-целевое управление позволяет повысить качество управления бюджетными средствами, улучшить координацию между различными ведомствами и обеспечить прозрачность при принятии решений.

3. За последнее десятилетие в России был осуществлен переход к концепции «планирования результатов». В рамках концепции управления результатами бюджетные ассигнования выделяются строго в соответствии с планируемыми результатами.

4. Как показывает анализ научной литературы и практики, на современном этапе перспективными направлениями работы по совершенствованию программно-целевого подхода выступают следующие:

– повышение гибкости и адаптивности программ;

– оптимизация координации между различными ведомствами и уровнями власти;

– повышение заинтересованности широкой общественности в контроле и мониторинге реализации программ;

– разработка эффективной системы комплексной оценки результативности программ и проектов;

– применение цифрового инструментария, в т.ч. искусственного интеллекта.

Литература

1. Арсланова, Х. Д. Программно-целевое управление развитием: зарубежный опыт и особенности / Х. Д. Арсланова, Ш. Д. Арсланов // РППЭ. – 2022. – № 3 (137). – С. 95-101.
2. Жигаленко, Е. В. Программно-целевые методы в государственном управлении: возможные риски и перспективы развития / Е. В. Жигаленко // Инновации и инвестиции. – 2023. – № 10. – С. 481-483.
3. Кочкаров, Р. А. Планирование, прогнозирование и программно-целевое управление экономикой / Р. А. Кочкаров // Финансы: теория и практика. – 2012. – № 4. – С. 23-30.
4. Кяримова, А. Д. Программно-целевой подход инновационного развития: российский и зарубежный опыт / А. Д. Кяримова // Экономика и управление. – 2022. – № 3. – С. 306-312.
5. Лаженцев, В. Н. Программно-целевая мобилизация ресурсов / В. Н. Лаженцев // Проблемы прогнозирования. – 2023. – № 1. – С. 32-41.
6. Пруель, Н. А. Об эффективности программно-целевого подхода в российском исполнении / Н. А. Пруель, Л. Н. Липатова // Россия: тенденции и перспективы развития. – 2022. – № 17-1. – С. 235-238.
7. Сапрыка, В. А. Цифровизация публичного управления в странах ЕАЭС / В. А. Сапрыка, А. В. Пастюк, Н. И. Кулакова // Цифровая социология. – 2021. – № 3. – С. 27-35.
8. Скульский, Д. В. Процессы программно-целевого планирования и их автоматизация / Д. В. Скульский, В. Ф. Шуршев, М. И. Шикульский // Инженерно-строительный вестник Прикаспия. – 2023. – № 3 (45). – С. 102-109.
9. Сычанина, С. Н. Программно-целевое управление: генезис и тенденции развития / С. Н. Сычанина, Р. А. Шичиях // Научный вестник ЮИМ. – 2013. – № 4. – С. 37-42.
10. Тихомиров, Ю. А. Динамика управления в современном обществе / Ю. А. Тихомиров // Журнал российского права. – 2021. – № 11. – С. 5-18.
11. Умерова, С. А. Развитие программно-целевого управления в СССР и России / С. А. Умерова // Промышленность: экономика, управление, технологии. – 2018. – № 2 (71). – С. 109-115.

Program-based management in the public sector: modern trends and challenges

Stroev V.V., Rogulenko T.M., Blizkiy R.S., Bodyako A.V., Gorlov V.V.

State University of Management, Financial University under the Government of the Russian Federation, Gubkin Russian University of Oil and Gas

JEL classification: D20, E22, E44, L10, L13, L16, L19, M20, O11, O12, Q10, Q16, R10, R38, R40, Z21, Z32

The article considers various approaches to defining the term “program-based management”. The key advantages of program-based management are listed. The transition from "resource planning" to the concept of "results planning" that took place in Russia is described. The most important areas for improving the program-based approach are outlined: increasing the flexibility and adaptability of programs; optimizing coordination between various departments and levels of government; increasing public interest in monitoring and controlling program implementation; developing an effective system for comprehensive assessment of program and project performance; using digital tools, including artificial intelligence.

Keywords: program-based management, program, digitalization, adaptability, results planning

References

1. Arslanova, Kh. D. Program-targeted development management: foreign experience and features / Kh. D. Arslanova, Sh. D. Arslanov // RPPE. - 2022. - No. 3 (137). - P. 95-101.
2. Zhigalenko, E. V. Program-targeted methods in public administration: possible risks and development prospects / E. V. Zhigalenko // Innovations and investments. - 2023. - No. 10. - P. 481-483.
3. Kochkarov, R. A. Planning, forecasting and program-targeted management of the economy / R. A. Kochkarov // Finance: theory and practice. - 2012. - No. 4. - P. 23-30. 4. Kyarimov, A. D. Program-targeted approach to innovative development: Russian and foreign experience / A. D. Kyarimov // Economy and Management. - 2022. - No. 3. - P. 306-312.

5. Lazhentsev, V. N. Program-targeted mobilization of resources / V. N. Lazhentsev // Problems of forecasting. - 2023. - No. 1. - P. 32-41.
6. Pruel, N. A. On the effectiveness of the program-targeted approach in the Russian implementation / N. A. Pruel, L. N. Lipatova // Russia: trends and development prospects. - 2022. - No. 17-1. - P. 235-238.
7. Sapryka, V. A. Digitalization of Public Administration in the EAEU Countries / V. A. Sapryka, A. V. Pastyuk, N. I. Kulakova // Digital Sociology. - 2021. - No. 3. - P. 27-35.
8. Skulsky, D. V. Processes of Program-Target Planning and Their Automation / D. V. Skulsky, V. F. Shurshev, M. I. Shikulsky // Engineering and Construction Bulletin of the Caspian Region. - 2023. - No. 3 (45). - P. 102-109.
9. Sychanina, S. N. Program-Target Management: Genesis and Development Trends / S. N. Sychanina, R. A. Shichiyakh // Scientific Bulletin of YUIM. – 2013. – No. 4. – P. 37-42.
10. Tikhomirov, Yu. A. Dynamics of Management in Modern Society / Yu. A. Tikhomirov // Journal of Russian Law. – 2021. – No. 11. – P. 5-18.
11. Umerova, S. A. Development of Program-Targeted Management in the USSR and Russia / S. A. Umerova // Industry: Economics, Management, Technology. – 2018. – No. 2 (71). – P. 109-115.

Барьеры, препятствующие полноценной реализации целей государственной политики в сфере физической культуры и спорта

Фомин Вячеслав Андреевич
аспирант факультета государственного и муниципального управления, Московский городской педагогический университет, fominva@mgpu.ru

В статье представлены ключевые проблемы, препятствующие полноценной реализации целей государственной политики в сфере физической культуры и спорта. В работе выделены следующие ключевые проблемы: частичная доступность объектов спорта, в том числе в сельских территориях, а также для лиц с ограниченными возможностями здоровья; недостаточность вовлечения граждан, прежде всего, детей и молодёжи; недостаточное развитие адаптивной физической культуры и адаптивного спорта; несовершенство системы подготовки спортивного резерва; недостаточность финансирования спортивных проектов и программ в ряде регионов; ограниченность применения цифровых технологий в управлении; наличие проблем координации между различными ответственными государственными органами; недостаточное внимание к популяризации здорового образа жизни и физической культуры в образовательных учреждениях. Установлено, что несмотря на значительный прогресс в отечественной сфере физической культуры и спорта, последствия уделения недостаточного внимания перечисленным проблемам могут привести к стагнации физической культуры и спорта в условиях неопределённой геоэкономической обстановки.
Ключевые слова: физическая культура, спорт, государственная политика, государственное управление, проблемы

Введение. Современная государственная политика Российской Федерации в области физической культуры и спорта направлена на повышение уровня вовлеченности населения в регулярные занятия спортом и улучшение спортивной инфраструктуры. По данным на конец 2024 г., доля граждан, систематически занимающихся физической культурой и спортом, достигла 57 %, т.е. примерно 75 млн человек. В рамках федерального проекта «Спорт — норма жизни» с 2019 года введено в эксплуатацию около 500 спортивных объектов, на что было выделено 141,4 млрд рублей, из которых более 80 % направлено на развитие спортивной инфраструктуры [1]. Несмотря на эти достижения, уровень обеспеченности регионов спортивными сооружениями к середине 2024 года составил лишь 64,5 %, что свидетельствует о сохраняющихся диспропорциях в доступности спортивных объектов, особенно в сельских территориях. Кроме того, несмотря на то что в 2024 году доля студентов, регулярно занимающихся физической культурой, превысила 3,8 млн человек [3], однако показатели вовлеченности детей и молодежи в занятия физической культурой и спортом должны повышшаться. Таким образом, несмотря на позитивные тенденции, в рамках государственного управления остаются нерешенные вопросы, связанные с равномерным развитием спортивной инфраструктуры, увеличением вовлеченности молодежи и обеспечением доступности спортивных объектов для всех категорий населения, а также иными аспектами, которым в научной литературе не всегда уделяется внимание в комплексе. Данное исследование направление на восполнение этого пробела.

Результаты и их обсуждение. Государственная политика Российской Федерации в сфере физической культуры и спорта основывается на стратегическом планировании и программном подходе, направленном на формирование условий для массового вовлечения граждан в занятия физической культурой и спортом, а также на повышение конкурентоспособности отечественного спорта на международной арене. Ключевым документом, определяющим приоритеты и механизмы реализации государственной политики в данной сфере, является Стратегия развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2030 года, утверждённая распоряжением Правительства РФ от 24 ноября 2020 года № 3081-р [4]. В рамках этой стратегии заявлена масштабная цель и множество задач (рис. 1), а также предусмотрено 11 приоритет-

ных направлений, включая развитие спортивной инфраструктуры, формирование системы подготовки спортивного резерва, внедрение цифровых технологий в управление отраслью и обеспечение доступности спортивных объектов для всех категорий населения (рис. 2). Для достижения поставленных целей разработана государственная программа Российской Федерации «Развитие физической культуры и спорта», утверждённая постановлением Правительства РФ от 30 сентября 2021 года № 1661 [5], которая предусматривает комплекс мероприятий по повышению уровня физической подготовленности граждан, модернизации существующих и созданию новых спортивных объектов, а также по совершенствованию системы управления в сфере физической культуры и спорта. Реализация указанных документов осуществляется на федеральном, региональном и муниципальном уровнях с учётом межведомственного взаимодействия и привлечения внебюджетных источников финансирования, что способствует формированию единой и скоординированной государственной политики в данной сфере.

Тем не менее несмотря на усилия государства по развитию физической культуры и спорта, президент России В. В. Путин недавно отметил, что «нужно стремиться к тому, чтобы как можно больше людей в стране занимались физкультурой и спортом» [6]. Однако в практике государственного управления на пути полноценной реализации целей государственной политики в сфере физической культуры и спорта существуют определённые препятствия, которые ограничивают реализацию поставленных целей.

Частичная доступность объектов спорта, в том числе в сельских территориях, а также для лиц с ограниченными возможностями здоровья. Доступность спортивной инфраструктуры в России остаётся неоднородной и характеризуется существенными различиями между городскими и сельскими регионами. Так, в крупных городах сформирована относительно развитая сеть спортивных объектов, обеспеченная соответствующей инфраструктурой и квалифицированными кадрами, однако в сельских территориях значительная часть объектов спорта пребывает в состоянии, не отвечающем современным нормативным требованиям и стандартам безопасности.

Ограниченные возможности местных региональных бюджетов, недостаток специалистов и удалённость населённых пунктов от административных центров способствуют возникновению территориальных диспропорций, что препятствует формированию равных условий для систематических занятий физической культурой жителей сельских регионов.

Серьёзной проблемой также является недостаточная приспособленность многих спортивных объектов для граждан с ограниченными возможностями здоровья и инвалидов. Несмотря на наличие в Российской Федерации законодательных норм, регулирующих доступную среду, значительная часть инфраструктуры остаётся малопригодной для лиц с нарушениями опорно-двигательного аппарата, зрения и иных категорий граждан. В частности, отсутствие пандусов, специализированного оборудования и необходимого транспортного обеспечения ограничивает возможность их участия в спортивных мероприятиях и регулярных занятиях физической культурой, что препятствует реализации государственной цели по интеграции людей с инвалидностью в активную общественную жизнь.

Рисунок 1 — Цели и задачи Стратегии развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2030 года [4]

Кроме того, ограниченный доступ к современным спортивным сооружениям усиливает социальную изоляцию граждан с ограниченными возможностями здоровья, а также создаёт препятствия для выявления и развития спортивного потенциала среди этой категории населения. Вследствие недостаточной адаптации инфраструктуры значительное число перспективных спортсменов не может полноценно

реализовать свой потенциал в области спорта с ограниченными возможностями, что противоречит стратегическим задачам по развитию инклюзивной спортивной среды и достижению высоких результатов российскими спортсменами на международном уровне.

Рисунок 2 — Направления реализации Стратегии развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2030 года [4]

Недостаточность вовлечения граждан, прежде всего, детей и молодёжи.

Недостаточная вовлечённость различных групп населения в регулярные занятия физической культурой выступает значимым препятствием для достижения целей государственной политики в области укрепления общественного здоровья. Несмотря на меры, направленные на формирование условий для занятий спортом, мотивация граждан остаётся сравнительно низкой, прежде всего, среди молодёжи и детей. Обусловлено это рядом социально-экономических факторов, включая широкое распространение цифровых развлечений (в частности, поколение Z всё чаще проводит время в социальных сетях), снижение авторитета физической культуры в системе социальных ценностей и недостаточную популяризацию спорта как престижной и необходимой составляющей повседневной жизни. Сложившаяся ситуация усугубляется отсутствием эффективной системы мотивации молодого поколения к физической активности. В образовательных учреждениях физическая культура часто воспринимается учащимися как формальная дисциплина, в результате чего её потенциал в формировании устойчивого интереса к активному образу жизни реализуется недостаточно. Кроме того, ограниченность числа мероприятий, показывающих связь физической активности с жизненным успехом и социальным статусом, способствует формированию пассивного отношения к спортивным занятиям среди молодёжи.

Ещё одним негативным фактором является недостаточная включённость семьи в формирование привычки регулярной физической активности у детей и подростков. Так, модели родительского поведения часто не предусматривают активного участия в совместных занятиях спортом, вследствие чего у ребёнка не формируется установка на физическую культуру как на естественный компонент образа жизни. В сочетании с недостаточно развитой системой внеучебной спортивной активности это формирует условия, при которых уровень физической активности молодых граждан остаётся ниже показателей, необходимых для достижения государственных ориентиров в области повышения здоровья населения.

Недостаточное развитие адаптивной физической культуры и адаптивного спорта. Развитие адаптивной физической культуры и адаптивного спорта в России также сталкивается с комплексом системных ограничений, препятствующих достижению соответствующих государственных целей. Несмотря на наличие профильных нормативных актов и стратегий, практическая реализация направлений адаптивного спорта сталкивается с недостаточным организационным и кадровым обеспечением на региональном и муниципальном уровнях. Меры государственной поддержки зачастую носят эпизодический характер, что не позволяет сформировать устойчивые механизмы интеграции людей с особыми потребностями в систематические занятия физической культурой. Сложность представляет и кадровое обеспечение адаптивного спорта, в рамках которого наблюдается дефицит специалистов с необходимым уровнем подготовки и компетенций: значительная часть тренеров и педагогов физической культуры обладает недостаточной квалификацией в области организации и проведения занятий с участием лиц, имеющих нарушения здоровья [7]. Существующая практика переподготовки специалистов также остаётся недостаточно эффективной, поскольку многие образовательные программы не отражают реальные потребности спортсменов-инвалидов, что ограничивает возможность достижения высоких результатов в адаптивных видах спорта.

Кроме кадровых и организационных сложностей, адаптивный спорт в Российской Федерации сталки-

вается с проблемой восприятия обществом спортивных достижений людей с ограниченными возможностями здоровья. Несмотря на отдельные успехи российских паралимпийцев, широкое общественное признание адаптивного спорта остаётся на низком уровне, что сдерживает его развитие как отдельного спортивного направления. В результате этого формирование позитивного имиджа адаптивной физической культуры затрудняется, что негативно отражается на мотивации потенциальных участников и возможности дальнейшего расширения охвата данной категории граждан.

Несовершенство системы подготовки спортивного резерва. Система подготовки спортивного резерва в России сталкивается с комплексом организационных недостатков, препятствующих эффективному воспроизводству профессиональных спортсменов высокого уровня. Наиболее серьёзными из них выступают разобщённость и несогласованность подходов между отдельными спортивными школами и центрами подготовки, что затрудняет создание единой методологической основы спортивного образования [8]. Вследствие отсутствия единой системы стандартов и требований к тренировочному процессу происходит неоднородность подготовки молодых спортсменов, усложняющая их дальнейшую интеграцию в профессиональный спорт.

Другим важным фактором, снижающим качество подготовки спортивного резерва, является недостаточное кадровое обеспечение спортивных организаций, специализирующихся на подготовке молодых спортсменов. Отсутствие современной методической подготовки тренеров, а также недостаточный уровень их мотивации и финансового вознаграждения существенно ограничивают возможности выявления и развития одарённых спортсменов. Невысокий престиж тренерской профессии и недостаток перспектив карьерного роста в этой сфере снижают привлекательность данной деятельности для молодых специалистов, что усугубляет кадровый дефицит.

Также на эффективности подготовки спортивного резерва негативно отражается несовершенство системы мониторинга и оценки результатов работы спортивных школ и центров. Формальные критерии, которые применяются для оценки качества подготовки молодых спортсменов, часто не отражают реальные показатели их физического и психологического состояния, а также способности выдерживать высокие тренировочные нагрузки. В результате потенциально талантливые спортсмены остаются за пределами внимания специалистов, что ведёт к потере спортивного потенциала страны и не позволяет в полной мере реализовать государственные цели в области спорта высших достижений.

Недостаточность финансирования спортивных проектов и программ в ряде регионов. Финансирование спортивных программ и проектов на региональном уровне нередко не соответствует заявленным целям и нормативным стандартам, что ограничивает возможность реализации эффективной спортивной политики. В ряде субъектов Российской Федерации финансовые ресурсы распределяются неравномерно, вследствие чего отдельные муниципальные образования не способны обеспечить должную поддержку базовых мероприятий в сфере физической культуры. Сокращение бюджетных расходов на спорт в условиях экономической нестабильности приводит к ограничению числа доступных для населения спортивных мероприятий и секций, что негативно сказывается на достижении поставленных государством задач. Финансовый дефицит в региональных бюджетах также препятствует своевременному ремонту и модернизации действующих спортивных сооружений, что увеличивает риски для занимающихся физической культурой граждан. Часть спортивной инфраструктуры регионального уровня находится в состоянии технического износа, однако запланированные мероприятия по реконструкции нередко откладываются ввиду нехватки бюджетных ассигнований, что приводит к постепенному снижению функциональности спортивных объектов и в долгосрочной перспективе негативно отражается на их эффективности.

Кроме того, недостаточность финансовых ресурсов препятствует формированию устойчивой системы привлечения квалифицированных тренерских кадров на места. В регионах материальные стимулы, способные мотивировать тренеров и специалистов по спортивной подготовке к долгосрочной работе с населением, недостаточны. Вследствие этого возникает текучка кадров, не позволяющая обеспечить необходимую последовательность и качество тренировочного процесса, что снижает конкурентоспособность местных спортсменов и замедляет формирование спортивного резерва.

Ограниченность применения цифровых технологий в управлении. Внедрение цифровых технологий в управление сферой физической культуры и спорта в России пока не достигло необходимого уровня для комплексного решения задач, заявленных государством. Несмотря на постепенное расширение использования цифровых решений, интеграция информационных систем управления спортом и физической культурой на различных уровнях власти остаётся неполной. Неравномерность в применении современных платформ и приложений снижает оперативность обмена данными и препятствует эффективному планированию спортивных мероприятий и анализу вовлечённости населения в регулярные занятия физической культурой.

Кроме этого, в рамках государственного управления наблюдается нехватка квалифицированных специалистов, способных эффективно использовать возможности цифровых решений в управлении. При этом для интеграции цифровых платформ требуется не только техническое оснащение, но и соответствующая профессиональная подготовка кадров, что на данный момент не обеспечено в достаточной степени. Следствием этого становится недоиспользование потенциала уже имеющихся

цифровых инструментов, способных оптимизировать процессы управления и повысить прозрачность решений на всех уровнях.

Существующая практика цифровизации в регионах также отличается неоднородностью: если в отдельных субъектах, как правило, городах-миллионниках, успешно реализуются проекты с применением передовых цифровых технологий, то в других подобные инициативы находятся на начальном этапе или ограничены фрагментарным применением отдельных цифровых сервисов. Сложившаяся ситуация обусловлена различиями в доступе регионов к ресурсам и отсутствием единой федеральной платформы, способной объединить информацию о состоянии спортивной инфраструктуры, тренерских кадрах и численности занимающихся граждан. Данное обстоятельство ограничивает возможность комплексного анализа и снижает эффективность принимаемых управленческих решений в сфере государственного управления физической культурой и спортом.

Наличие проблем координации между различными ответственными государственными органами. Координация действий органов государственной власти в реализации политики в области физической культуры и спорта характеризуется определёнными затруднениями, связанными с различием в приоритетах и подходах к организации спортивной деятельности. Так, на федеральном уровне сформированы стратегические ориентиры и нормативная база, однако при передаче полномочий в регионы наблюдаются несогласованность и расхождения в трактовке поставленных задач, что порождает организационные затруднения. Разница в понимании целей и приоритетов приводит к тому, что отдельные направления спортивной политики реализуются менее эффективно, чем предусматривалось изначально.

На региональном и муниципальном уровнях взаимодействие ответственных ведомств по вопросам реализации спортивных программ характеризуется недостаточной оперативностью и недостаточной скоординированностью действий. Сложности возникают в процессе согласования мероприятий и распределения обязанностей, поскольку часто решения принимаются разными структурами власти, имеющими собственные процедуры и регламенты [9]. Рассогласованность замедляет процесс реализации спортивных инициатив и может стать причиной нерационального расходования бюджетных средств и административных ресурсов.

Важным фактором, затрудняющим межведомственное взаимодействие в сфере физической культуры и спорта, является недостаточно эффективное информационное взаимодействие между органами власти разных уровней, в результате которого появляется разрыв между планируемыми мероприятиями и их практическим воплощением, поскольку решения, принятые на федеральном уровне, не всегда своевременно доводятся до региональных и муниципальных органов власти. Следствием подобной ситуации является замедление выполнения спортивных программ и невозможность своевременной корректировки планов с учётом возникающих на местах обстоятельств и потребностей.

Недостаточное внимание к популяризации здорового образа жизни и физической культуры в образовательных учреждениях. Популяризация здорового образа жизни и физической культуры в образовательных учреждениях остаётся на сегодняшний день недостаточно системной и глубокой, несмотря на наличие соответствующих образовательных стандартов и нормативных требований. Во многих случаях внимание образовательных организаций концентрируется на формальном выполнении учебных планов, в то время как задачи воспитания культуры физической активности воспринимаются как второстепенные. К сожалению, подобный подход ограничивает возможность полноценного формирования у обучающихся устойчивых навыков и мотивации к ведению активного и здорового образа жизни [10].

Некоторый формализм в организации уроков физической культуры приводит к снижению интереса учащихся к занятиям спортом и физической активностью. Кроме того, отсутствие инновационных форм организации занятий и недостаток практического применения современных методик делают занятия менее привлекательными для молодёжи: вместо осознания важности физической культуры как элемента личного успеха и социальной активности, учащиеся нередко воспринимают занятия спортом как обязательную нагрузку, не связанную с их жизненными ориентирами [11]. Важным фактором, который ограничивает охват детей и подростков спортивными занятиями также является недостаточная активность образовательных организаций в организации внеучебных мероприятий, направленных на популяризацию здорового образа жизни. Таким образом, потенциал образовательных учреждений в формировании устойчивой привычки к здоровому образу жизни реализуется не в полной мере, что может затруднить выполнение государственных задач по улучшению здоровья и физической подготовленности подрастающего поколения, особенно в контексте необходимости следования традиционным духовно-нравственным ценностям и отечественного конституционализма [12].

Далее целесообразно обобщить перечисленные проблемы (табл. 1).

Безусловно, стоит подчеркнуть, что представленные проблемы не означают, что цели отечественной государственной политики в сфере физической культуры и спорта не достигаются или что сама сфера пребывает в состоянии стагнации. Напротив, достигнутый за последние годы прогресс характеризуется стабильным ростом численности регулярно занимающихся спортом граждан, развитием спортивной инфраструктуры и успехами российских спортсменов на международной арене, даже в условиях пандемии COVID-19 [13] и санкционных ограничений [14].

Однако вместе с тем сохраняющиеся сложности отражают необходимость усилий, направленных на сбалансированное развитие спортивной

деятельности в различных регионах страны и среди всех групп населения.

Таблица 1
Ключевые проблемы полноценной реализации целей государственной политики в сфере физической культуры и спорта

Проблема	Последствия проблемы
Частичная доступность спортивных объектов	Территориальное неравенство, снижение числа занимающихся граждан
Недостаточность вовлечения детей и молодёжи	Пассивное отношение к спорту, слабая мотивация, ухудшение здоровья молодёжи
Недостаточная развитость адаптивного спорта	Ограниченная социализация инвалидов, нереализованный спортивный потенциал
Несовершенство подготовки спортивного резерва	Недостаток квалифицированных спортсменов, упущенные таланты
Недофинансирование региональных спортивных программ	Износ инфраструктуры, текучесть тренерских кадров, неравномерное развитие спорта
Ограниченность цифровизации управления	Снижение оперативности управления, затруднение обмена информацией
Проблемы координации между государственными органами	Несогласованность действий, медленная реализация программ
Недостаточность популяризации физкультуры в образовании	Формальное отношение учащихся, низкая физическая активность школьников

Источник: составлено автором

Необходимо признать, что определённые позитивные сдвиги в организации физической культуры и спорта на региональном уровне свидетельствуют о способности государственной политики эффективно решать отдельные задачи в этой области. Например, множество успешных спортивных инициатив и проектов реализуется в субъектах, обладающих достаточными финансовыми ресурсами и высоким управленческим потенциалом. Вместе с тем значительная часть регионов испытывает затруднения с практическим воплощением аналогичных инициатив по причине нехватки ресурсов и ограниченных возможностей органов власти.

При этом отдельные направления государственной политики отражают заметную динамику развития даже в условиях ограниченных ресурсов и существующих организационных трудностей. Ярким примером выступает увеличение интереса к массовому спорту среди представителей разных возрастных категорий, в том числе благодаря общероссийским спортивным мероприятиям и акциям, нацеленным на формирование позитивного образа физической активности. Такой результат стал возможен за счёт грамотного распределения усилий между федеральными и региональными органами власти и активности общественных спортивных организаций. В целом, достигнутый процесс представлен в таблице ниже (табл. 2). В будущем планируется достичь существенного улучшения показателей физической культуры и спорта (табл. 3).

Таблица 2
Основные достижения реализации государственной политики Российской Федерации в сфере физической культуры и спорта

Направление	Показатель	Увеличение	Период
Спортивная инфраструктура	Количество объектов спорта	+10 тыс.	2015–2019
	Доля объектов, приспособленных для лиц с ОВЗ	7 %	2015–2019
	Общая обеспеченность населения спортивной инфраструктурой	5,4 %	2019–2023
	Средняя загрузка спортивных объектов	18 %	2015–2019
Адаптивный спорт	Доля систематически занимающихся лиц с ОВЗ	21,46 %	2012–2023
	Доля сооружений, подходящих для адаптивного спорта	18,3 %	2015–2023
	Среднегодовой темп роста числа подготовленных специалистов	в среднем + 18 % в год	2012–2019
Научно-кадровое обеспечение	Численность специалистов в отрасли	+ 81,3 тыс. человек	2014–2023
	Рост доли тренеров среди специалистов	30 %	2014–2023
Спорт высших достижений	Доля спортсменов, вошедших в топ-8 на чемпионате мира и чемпионате Европы	17,8 %	2019–2023
Финансовое обеспечение	Объём расходов на сферу физической культуры и спорта	+ 272 млрд рублей	2019–2023

Источник: составлено автором по данным [4]

Таблица 3
Целевые показатели реализации Стратегии-2030

Наименование показателя	Ед. изм.	2025	2026	2027	2028	2029	2030
Доля граждан, СЗФКиС	%	59,8	61,6	63,6	64	67	70
Доля лиц с ОВЗ и инвалидов, СЗФКиС	%	25	26	27	28	29	30
Уровень удовлетворенности	%	60	62	64	66	68	70
Доля внебюджетных источников в расходах	%	13	14	15	16	18	20
Доля субъектов сферы спорта, интегрированных в цифровую среду	%	85	90	95	100	—	—
Доля граждан в возрасте 3–29 лет, СЗС	%	89,5	90	90,6	91	—	—
Доля граждан в возрасте 30–54 (женщины) и до 59 лет (мужчины), СЗС	%	52	55	57	60,5	63	70
Доля граждан в возрасте 55–79 лет, СЗС	%	22	26	30	33	36,5	45
Обеспеченность граждан спортивными сооружениями	%	62	64	66	68	70	74
Количество штатных работников	тыс. чел.	427	434	441	448	455	470
Доля трудоспособных граждан, СЗС	%	57,2	59,8	62,5	65,1	65,3	73

Источник: составлено автором по данным [4]
Примечание: СЗФКиС — систематически занимающихся физической культурой и спортом; СЗС — систематически занимающихся спортом

Таким образом, несмотря на наличие обозначенных проблем, сфера физической культуры и спорта в России обладает значительным потенциалом для

дальнейшего развития и совершенствования. Реализация государственной политики в данной области отражает устойчивую позитивную динамику, которая нуждается в дополнительной поддержке для устранения имеющихся барьеров. Системные решения по корректировке отдельных направлений политики способны существенно повысить эффективность спортивной отрасли, что позволит в полной мере достичь поставленных государством целей.

Выводы. Современная система государственного управления в сфере физической культуры и спорта отражает высокий уровень программной целеустремлённости государства и нормативного обеспечения, однако её практическая реализация связана с рядом барьеров, затрудняющих достижение целевых ориентиров. Выявленные ограничения отражают неоднородность условий в разных субъектах Российской Федерации, а также сохраняющийся разрыв между стратегическими установками и институциональными возможностями на местах. При наличии позитивных тенденций — роста числа занимающихся спортом граждан и повышением обеспеченности спортивной инфраструктурой — не все направления государственной политики реализуются с одинаковой эффективностью, что проявляется в региональной фрагментарности, недостаточности цифровизации, а также в ограниченности институциональных механизмов межведомственного взаимодействия.

Для повышения результативности государственной политики требуется как сохранение программной преемственности и финансовой устойчивости, так и усиление системной согласованности управленческих решений на всех уровнях. Корректировка организационных механизмов, устранение выявленных узких мест в инфраструктурном, кадровом и нормативном аспектах, а также расширение каналов общественной и профессиональной обратной связи могут способствовать укреплению субъектного потенциала спорта и позволят перейти от чисто количественных ориентиров к более качественным изменениям. Именно такая трансформация способна обеспечить устойчивое развитие сферы физической культуры и спорта в долгосрочной перспективе.

Литература

1. Итоги реализации федерального проекта «Спорт – норма жизни» // «Спорт – норма жизни» (31.12.2024). — URL: https://norma-sport.ru/news/itogi_realizatsii_federalnogo_proekta_sport_norma_zhizni_.html (дата обращения: 26.03.2025).

2. Дмитрий Чернышенко и Михаил Дегтярев рассказали о строительстве спортивных объектов по федеральным проектам «Спорт – норма жизни» и «Бизнес-спринт» // Министерство спорта России. — URL: https://www.minsport.gov.ru/press-center/news/dmitrij-chernyshenko-i-mihail-degtyarev-rasskazali-o-stroitelstve-sportivnyh-obektov-po-federalnym-proektam-sport-norma-zhizni-i-biznes-sprint/ (дата обращения: 26.03.2025).

3. Число регулярно занимающихся физкультурой студентов превысило 3,8 млн в 2024 году // Объясняем.рф (25.01.2025). — URL: https://объясняем.рф/articles/news/chislo-regulyarno-zanimayushchikhsya-fizkulturoy-studentov-prevysilo-3-8-mln-v-2024-godu (дата обращения: 26.03.2025).

4. Об утверждении Стратегии развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2030 года: Распоряжение Правительства РФ N 3081-р от 24.11.2020 (ред. от 17.12.2024) // СПС «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_369118/ (дата обращения: 26.03.2025).

5. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие физической культуры и спорта» и о признании утратившими силу некоторых актов и отдельных положений некоторых актов Правительства Российской Федерации: постановление Правительства Российской Федерации N 1661 от 30 сентября 2021 года (с изменениями на 21 декабря 2024 года) // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. — URL: https://docs.cntd.ru/document/608851173 (дата обращения: 26.03.2025).

6. Путин: Занятия спортом должны быть "максимально бесплатными" для граждан // Российская газета (04.06. 2024). — URL: https://rg.ru/2024/06/04/putin-zaniatiia-sportom-dolzhny-byt-maksimalno-besplatnymi-dlia-grazhdan.html (дата обращения: 26.03.2025).

7. Иванова И. Б. Государственное регулирование в сфере физической культуры и спорта // Вестник экспертного совета. — 2024. — № 3 (38). — С. 19-25.

8. Германов Г. Н. и др. Перспективные направления научно-исследовательской работы и организационно-управленческого совершенствования системы подготовки спортивного резерва // Физическая культура, спорт-наука и практика. — 2021. — № 4. — С. 55-62.

9. Осокин Н. А., Попов Н. А. Приоритетные направления развития физической культуры и спорта в Российской Федерации в контексте межведомственного взаимодействия // Спорт: экономика, право, управление. — 2021. — № 2. — С. 26-31.

10. Новосёлова Е. Н. Физическая культура и спорт как факторы здоровья и формирования здорового образа жизни // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. — 2021. — Т. 27. — № 1. — С. 112-130.

11. Куровский С. В., Мишин Д. А., Посельская А. Н., Бурдик В., Куровская М. А. Совершенствование психолого-педагогической системы профилактики экстремизма в молодежной среде // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. — 2024. — Т. 13. — № 5-1. — С. 55-67.

12. Мишин Д. А., Куровский С. В., Смолин П. В. Проблемы и перспективы развития отечественного конституционализма // Современное общество и право. — 2024. — № 4 (71). — С. 45-50.

13. Куровский С. В., Мишин Д. А., Судакова Ю. Е. Методика обучения студентов физической культуре

и спорту в условиях социальных ограничений и изоляции (на примере пандемии COVID-19) // Современное педагогическое образование. — 2025. — № 2. — С. 300-306.

14.Летягина Е. Н., Щербаков В. А., Мольков Н. О. Актуализация стратегии развития физической культуры и спорта в российской федерации на период до 2030 года в современных условиях // Управленческий учет. — 2022. — № 10. — С. 89-95.

Barriers preventing the full implementation of the goals of state policy in the field of physical culture and sports

Fomin V.A.
Moscow City University

JEL classification: D20, E22, E44, L10, L13, L16, L19, M20, O11, O12, Q10, Q16, R10, R38, R40, Z21, Z32

The article presents the key problems that hinder the full implementation of the goals of state policy in the field of physical culture and sports. The following key problems are highlighted in the work: partial accessibility of sports facilities, including in rural areas, as well as for people with disabilities; insufficient involvement of citizens, primarily children and youth; insufficient development of adaptive physical culture and adaptive sports; imperfection of the sports reserve training system; insufficient financing of sports projects and programs in a number of regions; limited use of digital technologies in management; problems of coordination between various responsible government agencies; insufficient attention to the promotion of a healthy lifestyle and physical education in educational institutions. It has been established that despite significant progress in the domestic field of physical culture and sports, the consequences of paying insufficient attention to these problems can lead to stagnation of physical culture and sports in an uncertain geo-economic environment.

Keywords: physical education, sports, public policy, public administration, problems

References

1. The results of the implementation of the federal project "Sport is the norm of life" // "Sport is the norm of life" (31.12.2024). — URL: https://norma-sport.ru/news/itogi_realizatsii_federalnogo_proekta_sport_norma_zhizni_.html (accessed: 26.03.2025).
2. Dmitry Chernyshenko and Mikhail Degtyarev spoke about the construction of sports facilities under the federal projects "Sport is the norm of life" and "Business Sprint" // Ministry of Sports of Russia. — URL: https://www.minsport.gov.ru/press-center/news/dmitrij-chernyshenko-i-mihail-degtyarev-rasskazali-o-stroitelstve-sportivnyh-obektov-po-federalnym-proektam-sport-norma-zhizni-i-biznes-sprint / (accessed: 26.03.2025).
3. The number of students regularly engaged in physical education exceeded 3.8 million in 2024 // Explain.rf (25.01.2025). — URL: https://объясняем.рф/articles/news/chislo-regulyarno-zanimayushchikhsya-fizkulturoy-studentov-prevysilo-3-8-mln-v-2024- godu (accessed: 26.03.2025
4. 4. On approval of the Strategy for the Development of Physical Culture and Sports in the Russian Federation for the period up to 2030: Decree of the Government of the Russian Federation No. 3081-r dated 24.11.2020 (as amended on 17.12.2024) // SPS "ConsultantPlus". — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_369118 / (accessed: 26.03.2025).
5. On the approval of the State program of the Russian Federation "Development of Physical Culture and Sports" and on the invalidation of Certain Acts and Individual Provisions of Certain Acts of the Government of the Russian Federation: Decree of the Government of the Russian Federation No. 1661 of September 30, 2021 (as amended on December 21, 2024) // Electronic Fund of Legal and Regulatory-Technical documents. — URL: https://docs.cntd.ru/document/608851173 (accessed: 26.03.2025).
6. Putin: Sports activities should be "as free as possible" for citizens // Rossiyskaya Gazeta (04.06.2024). — URL: https://rg.ru/2024/06/04/putin-zaniatiia-sportom-dolzhny-byt-maksimalno-besplatnymi-dlia-grazhdan.html (accessed: 26.03.2025).
7. Ivanova I. B. State regulation in the field of physical culture and sports // Bulletin of the Expert Council. — 2024. — № 3 (38). — P. 19-25.
8. Germanov G. N. et al. Promising areas of research and organizational and managerial improvement of the sports reserve training system // Physical culture, sport-science and practice. — 2021. — No. 4. — P. 55-62.
9. Osokin N. A., Popov N. A. Priority areas for the development of physical culture and sports in the Russian Federation in the context of interdepartmental cooperation // Sports: economics, law, management. — 2021. — No. 2. — P. 26-31.
10. Novoselova E. N. Physical culture and sport as factors of health and formation of a healthy lifestyle // Bulletin of the Moscow University. Series 18. Sociology and Political Science. — 2021. — Vol. 27. — No. 1. — P. 112-130.
11. Kurovsky S. V., Mishin D. A., Poselskaya A. N., Burdik V., Kurovskaya M. A. Improvement of the psychological and pedagogical system of prevention of extremism among youth // Psychology. Historical and critical reviews and modern research. — 2024. — Vol. 13. — No. 5-1. — P. 55-67.
12. Mishin D. A., Kurovsky S. V., Smolin P. V. Problems and prospects of development of Russian constitutionalism // Modern society and law. — 2024. — № 4 (71). — P. 45-50.
13. Kurovsky S. V., Mishin D. A., Sudakova Yu. E. Methods of teaching students' physical culture and sports in conditions of social restrictions and isolation (on the example of the COVID-19 pandemic) // Modern pedagogical education. — 2025. — No. 2. — P. 300-306.
14. Letyagina E. N., Shcherbakov V. A., Molkov N. O. Actualization of the strategy for the development of physical culture and sports in the Russian Federation for the period up to 2030 in modern conditions // Managerial accounting. — 2022. — No. 10. — P. 89-95.

Цифровая трансформация как драйвер высококачественного развития региональной экономики: сравнительный анализ опыта Китая и России

Чжан Синьи
аспирант, Санкт-Петербург государственный университет
swift0604@gmail.com

В эпоху цифровой экономики цифровая трансформация стала важной движущей силой, способствующей высококачественному развитию региональной экономики.
В статье рассмотрены основные направления цифровой трансформации, включая стимулирование инновационной деятельности, модернизацию промышленного комплекса, оптимизацию распределения ресурсов и повышение конкурентоспособности рынков. Проведен сравнительный анализ государственной политики двух стран, включающий изучение политического фона, реализации конкретных инициатив и достигнутых результатов. На примере нескольких регионов было выявлено, что цифровая трансформация способствует развитию инновационного потенциала региональных экономик, совершенствованию структуры промышленности, а также повышению эффективности использования ресурсов и укреплению позиций на рынке.
Ключевые слова: цифровая трансформация; региональная экономика; качественное развитие; инновации; модернизация промышленности

Введение

Со стремительным развитием информационных технологий цифровая трансформация становится ключевой тенденцией глобального экономического роста. На уровне региональной экономики цифровые технологии трансформируют традиционные модели развития, формируя новые источники жизнеспособности и обеспечивая импульс для достижения высоких показателей качества регионального роста.

Изучение механизмов и подходов к реализации цифровой трансформации приобретает особую значимость, поскольку оно способствует устойчивому экономическому росту регионов и укреплению их конкурентоспособности. Особый интерес представляет анализ опыта Китая и России — крупнейших развивающихся экономик, которые активно внедряют цифровые технологии в целях повышения как качества, так и эффективности развития региональных экономик. Тем не менее, существующие различия в экономической основе, структуре промышленности и политической среде двух стран предопределяют особенности и отличия в стратегиях и подходах к цифровой трансформации.

Данная статья ставит своей целью:

1. Исследовать ключевые механизмы цифровой трансформации, влияющие на развитие региональной экономики.
2. Проанализировать различия в политике и стратегии цифровизации Китая и России.
3. Предложить теоретические и практические рекомендации для дальнейшего продвижения цифровой трансформации.

Проведенный анализ подчеркивает актуальность интеграции цифровых технологий в социально-экономическое развитие регионов для укрепления их конкурентных позиций в условиях глобальной цифровизации.

Понятие цифровой трансформации

Современное определение цифровой экономики было сформулировано в рамках Инициативы G20 по развитию цифровой экономики и сотрудничеству, утвержденной на саммите лидеров G20 в Ханчжоу в сентябре 2016 года. Согласно данному определению, цифровая экономика представляет собой экономическую систему, в которой цифровые знания и информация выступают ключевыми факторами про-

изводства, современные информационные сети используются в качестве основного носителя, а эффективное применение информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) становится важным драйвером повышения эффективности и оптимизации экономической структуры.

На практике одним из наиболее значимых проявлений цифровизации является цифровая трансформация промышленности, которая обеспечивает внедрение новых технологий, повышение производительности и улучшение управленческих процессов. Цифровая трансформация развивается параллельно с расширением сфер применения цифровых технологий, характеризующихся сетевым взаимодействием, интеллектуализацией, информатизацией и акцентом на данные как ключевой ресурс.

Несмотря на растущую глубину исследований в области цифровой трансформации за последние годы, в научной среде отсутствует единое подходящее концептуальное определение этого явления. Различия в интерпретации цифровой трансформации обусловлены многообразием исследовательских подходов, акцентами на различных аспектах технологии и их влиянии на экономические и социальные системы. Концепция цифровой трансформации получила широкое распространение в зарубежных научных исследованиях, которые начались значительно раньше, чем в отечественной науке. Однако до сих пор не выработано единого подхода к ее определению. Современные исследования в данной области акцентируют свое внимание на четырех ключевых «постулатах» цифровой трансформации.

Во-первых, цифровая трансформация характеризуется высокой степенью проницаемости, что позволяет ей интегрироваться в различные сферы деятельности и преобразовывать традиционные подходы к организации процессов. Эрик Столтерман был первым, кто заявил, что цифровая трансформация несет повсеместные изменения. В свою очередь, согласно мнению Цзюй Сюй, цифровая трансформация становится ключевым инструментом для организаций, стремящихся обеспечить устойчивый рост в условиях нестабильности и неопределенности внешней среды. Этот процесс позволяет компаниям адаптироваться к изменениям, оптимизировать внутренние процессы и повышать свою конкурентоспособность за счет внедрения цифровых технологий.

Обобщение существующих подходов было отражено в трудах Боба Хайнингса, который определяет цифровую трансформацию как совокупный эффект многочисленных цифровых инноваций. По его мнению, данные инновации способствуют появлению новых участников, организационных структур, ценностей и убеждений. В то же время такие изменения могут угрожать, вытеснять или, напротив, дополнять существующие правила и практики в рамках организаций, экосистем и отраслей.

Помимо этого, цифровая трансформация призвана способствовать росту эффективности бизнеса за счет повышения эффективности взаимодействия. К такому выводу пришел Джордж Вестерман: по мнению исследователя, логика цифровой трансформации состоит в том, чтобы способствовать росту эффективности бизнеса за счет повышения эффективности цифровых технологий. Подобный подход также отражается в работах Майкла Фицджеральда, который подчеркивает, что цифровая трансформация - это способ инновационного развития бизнес-моделей за счет использования цифровых технологий для улучшения качества обслуживания клиентов и повышения эффективности взаимодействия с ними.

В-третьих, цифровая трансформация обладает положительными внешними эффектами. Как отмечает Джордж Вестерман, внедрение цифровых технологий в деятельность компаний способствует повышению эффективности их работы, росту внутренней мотивации сотрудников и, как следствие, улучшению производительности. Кроме того, цифровая трансформация позволяет организациям более успешно конкурировать в условиях усиливающейся цифровой конкуренции.

Наконец, цифровая трансформация обладает двойственной природой. Как отмечают Сол Берман и Лисю Ли, компании, внедряющие цифровые технологии, получают возможность более эффективно выявлять потенциальные возможности, что способствует успешной реализации интрапренерских инициатив и повышению производительности. Однако вместе с тем риски, связанные с процессом трансформации, часто ложатся непосредственно на компании, что требует от них дополнительных усилий по управлению изменениями и минимизации возможных потерь.

Ахмед Бонфур, французский исследователь в области цифровизации, отмечает, что цифровая трансформация позволяет компаниям не только оптимизировать человеческие ресурсы, но и совершенствовать бизнес-процессы в целом. Тем не менее, он подчеркивает, что данный процесс может сопровождаться значительными рисками и потенциальным ущербом для организаций. Этот ущерб может включать как прямые финансовые потери, так и косвенные негативные последствия, связанные с перестроением организационной структуры и внедрением новых технологий. Данный подход отражает важность осознания как преимуществ, так и угроз, связанных с цифровой трансформацией, требующих продуманного управления изменениями.

Китайские исследования «цифровой трансформации» берут свое начало с момента официального государственного объявления о необходимости цифровизации. Вклад ряда китайских ученых позволяет уточнить ключевые аспекты этого процесса.

Сяо Сюй рассматривает цифровую трансформацию как неотъемлемое условие развития предприятий, акцентируя внимание на влиянии цифровых технологий на формирование стоимости компании. По его мнению, цифровизация обеспечивает рост ценности предприятий в конкурентной среде.

Так, Ван Нучэн отмечает, что использование цифровых технологий способствует изменению организационной структуры и бизнес-моделей компаний. Эти изменения позволяют предприятиям не

только модернизировать внутренние процессы, но и адаптироваться к условиям цифровой экономики, что обеспечивает конкурентные преимущества.

В свою очередь, Чэнь Цинцзян подчеркивает, что цифровая трансформация основывается на применении цифровых средств и платформ для содействия инновациям в организации. В совокупности, это способствует повышению эффективности, улучшению организационных показателей и созданию условий для устойчивого развития компаний.

Таким образом, анализ используемых в данном труде научных трудов позволяет сделать ряд выводов относительно цифровой трансформации предприятий.

Во-первых, концепция цифровой трансформации не имеет единого общепринятого определения. Различные подходы и перспективы изучения приводят к вариативности интерпретаций. Это подчеркивает необходимость унификации концептуальных вопросов. В случае невозможности достижения консенсуса, следует ориентироваться на наиболее признанные и обоснованные концепции, предлагающие систематизированные рамки для анализа.

Во-вторых, в текущих исследованиях отсутствует единообразие в подходах к измерению цифровой трансформации предприятий. Даже популярные методы, такие как текстовый анализ, приводят к различным эмпирическим результатам из-за разницы в ключевых словах и подходах к построению индикаторов. Это требует разработки более согласованных методологических подходов, включая унификацию определения, коннотации и способов измерения цифровой трансформации.

Наконец, важным направлением является расширение исследовательского охвата данной темы. Это предполагает учет временного контекста, применение теоретического анализа с позиций политической экономии, использование современных инструментов измерения, а также проведение научно обоснованного анализа. Данные шаги помогут обеспечить более глубокое понимание феномена цифровой трансформации и способствуют развитию прикладных и теоретических исследований в данной области.

Понятие и показатели оценки высококачественного регионального экономического развития

Под высококачественным развитием региональной экономики подразумевается процесс экономического роста, характеризующийся высоким качеством и эффективностью в региональном масштабе. Этот процесс включает несколько ключевых аспектов: стабильность экономического роста, оптимизацию структуры промышленности, повышение инновационного потенциала, а также обеспечение устойчивости в использовании ресурсов и сохранение окружающей среды.

Оценка высококачественного развития региональной экономики может базироваться на ряде показателей, к которым относятся:

Темпы экономического роста, отражающие стабильность и динамику развития;

Доля ключевых отраслей в промышленной структуре, что демонстрирует эффективность её оптимизации;

Вклад инновационной деятельности, оцениваемый через количество патентов, внедрение новых технологий и прирост добавленной стоимости;

Показатели энергопотребления, отражающие эффективность использования ресурсов;

Параметры охраны окружающей среды, включая снижение выбросов загрязняющих веществ и использование возобновляемых источников энергии.

Данные показатели позволяют комплексно оценить уровень и качество развития региональной экономики, а также выявить её потенциал для устойчивого роста.

Механизмы цифровой трансформации для обеспечения высококачественного развития региональной экономики

Механизмы, стимулирующие инновации

Цифровая трансформация открывает доступ к богатым информационным ресурсам и предоставляет мощные технологические инструменты для развития региональных инноваций. Современные технологии, такие как большие данные и искусственный интеллект, позволяют предприятиям обрабатывать и анализировать большие объемы данных. Это способствует более точному пониманию рыночного спроса и тенденций технологического развития, что, в свою очередь, помогает оптимизировать процессы научных исследований и разработок (НИОКР) и повышать их эффективность.

Цифровые технологические платформы играют ключевую роль в устранении географических и отраслевых барьеров, обеспечивая межрегиональный и межотраслевой обмен инновационными ресурсами. Эти платформы способствуют ускорению процессов распространения знаний и диффузии технологий, что стимулирует формирование и развитие региональных инновационных экосистем.

Примером успешного внедрения цифровых технологий является инновационный кластер Чжунгуаньцунь. Используя преимущества цифровой платформы, этот регион стал центром концентрации ведущих мировых научных и технологических талантов, университетов, исследовательских институтов и инновационных компаний. В Чжунгуаньцуне достигнуты значительные успехи в таких областях, как искусственный интеллект и биомедицина. Эти достижения внесли значительный вклад в высококачественное развитие экономики Пекина, продемонстрировав потенциал цифровой трансформации для ускорения инновационной деятельности.

Механизм модернизации промышленности

Цифровая трансформация радикально изменяет традиционные отрасли промышленности, модернизируя их с использованием цифровых технологий

для достижения более высокого уровня интеллектуализации и сетевого взаимодействия. В частности, применение промышленной интернет-платформы позволяет производственным компаниям обеспечивать взаимодействие между различными элементами производственного оборудования, что способствует эффективному мониторингу в реальном времени и оптимизированному планированию процессов производства. Это, в свою очередь, повышает производительность и качество продукции, а также снижает затраты и увеличивает гибкость производства.

В секторе услуг цифровые технологии привели к появлению новых форм деятельности, таких как электронная коммерция, цифровые финансы, онлайн-образование и другие инновации, которые значительно расширили возможности этого сектора. Они не только улучшили качество предоставляемых услуг, но и увеличили их добавленную стоимость, сделав их доступнее для более широкого круга потребителей.

Примером успешной цифровой трансформации является Ханчжоу, где компании, такие как Alibaba, сыграли ключевую роль в создании цифровых экосистем. Этот город стал важным центром для электронной коммерции, цифровой логистики и других областей, что способствовало значительным изменениям в традиционном бизнесе и его переходу в цифровую экономику. В результате Ханчжоу стал известным мировым центром цифровой экономики, а региональная промышленная структура была оптимизирована и модернизирована.

Данные примеры подчеркивают, как цифровизация не только изменяет отдельные отрасли, но и оказывает глубокое воздействие на всю экономику региона, обеспечивая инновационные подходы к производству и улучшению качества услуг.

Механизм оптимизации распределения ресурсов

Неоспоримым является тот факт, что цифровая трансформация повысила эффективность и точность распределения региональных ресурсов, прежде всего, за счет создания цифровых рыночных платформ и интеллектуальных систем принятия решений.

В первую очередь, цифровые платформы для различных рынков факторов производства (таких как капитал, труд и технологии) делают информацию о спросе и предложении более доступной и симметричной. Это способствует более свободному движению этих факторов, разумному ценообразованию и снижению транзакционных издержек.

С другой стороны, компании могут использовать анализ больших данных и алгоритмы искусственного интеллекта для оперативной корректировки состава факторов производства, что позволяет им быстро адаптироваться к изменениям рыночного спроса и достигать оптимального распределения ресурсов.

Примером успешного внедрения этих технологий является Шанхайская свободная экономическая зона (ЗСТ). Здесь созданные цифровые платформы, такие как единое окно для международной торговли, значительно упростили взаимодействие между различными государственными департаментами (таможенными, карантинными, финансовыми и другими). Это улучшило координацию деятельности, повысило эффективность распределения ресурсов и значительно увеличило международную конкурентоспособность региона.

Эти примеры отражает влияние цифровизации на более эффективное распределение ресурсов и повышение эффективности экономики на региональном уровне.

Механизм стимулирования жизнеспособности рынка

В последние годы применение цифровых технологий значительно снизило порог доступа на рынок для малых и средних предприятий (МСП), что обеспечило им возможность использовать цифровые инструменты и услуги по более доступным ценам. Это, в свою очередь, способствовало активному участию МСП в рыночной конкуренции и улучшению их позиций на рынке.

Одним из наиболее значимых факторов, способствующих росту конкурентоспособности МСП, является использование платформ электронной торговли, социальных сетей и других каналов цифрового маркетинга. Эти инструменты предоставляют предприятиям более широкий охват аудитории и позволяют эффективно таргетировать потребителей, что способствует увеличению клиентской базы и повышению узнаваемости бренда.

Кроме того, развитие цифрового финансирования сыграло ключевую роль в преодолении проблем, связанных с трудностями получения финансирования и высокими затратами на заемные средства для МСП. Цифровизация финансовых услуг повысила доступность капитала для предпринимателей, что, в свою очередь, способствовало улучшению рыночной жизнеспособности и инновационного потенциала МСП.

Ярким примером успешной цифровой трансформации является город Шэньчжэнь, где малые и средние технологические предприятия, благодаря использованию цифровых технологий, смогли значительно ускорить свое развитие. Множество таких компаний заняли ключевые позиции на глобальном рынке смартфонов, беспилотных летательных аппаратов, умного оборудования и других высокотехнологичных продуктов. Это привело к формированию динамичной экосистемы инноваций и предпринимательства, которая сыграла важную роль в экономическом росте региона.

Политика и практика цифровой трансформации в Китае

Предпосылки и история развития политики

Правительство Китая придает особое значение цифровой трансформации, рассматривая её как важную стратегическую инициативу, способствующую качественному экономическому развитию. В

последние годы страна разработала и реализовала несколько ключевых программных документов, направленных на развитие цифровых технологий в различных секторах экономики. Среди них можно выделить план действий «Интернет плюс», стратегию «Строительство цифрового Китая» и программу по развитию промышленного Интернета.

Эти инициативы обеспечивают политическую поддержку и создают правовые и институциональные гарантии для цифровой трансформации. Они направлены на стимулирование внедрения инновационных технологий в бизнес-процессы, улучшение инфраструктуры и повышение конкурентоспособности китайской экономики на глобальной арене. В результате, в последние годы наблюдается значительный рост использования цифровых платформ, что способствует ускоренному развитию таких отраслей, как высокие технологии, электронная коммерция, финансы и промышленность.

Содержание политики и ее основные инициативы

Укрепление цифровой инфраструктуры

Правительство Китая активно содействует развитию цифровой инфраструктуры, такой как сети 5G, центры обработки больших данных и промышленный интернет, создавая прочную основу для цифровой трансформации. По состоянию на июнь 2024 года в Китае будет создана крупнейшая в мире сеть 5G, включающая более 3,83 миллиона базовых станций. Также наблюдается значительное расширение числа центров обработки больших данных, что является важным шагом для повышения эффективности цифровых технологий в стране.

Содействие цифровой трансформации отраслей

Китайское правительство активно поддерживает цифровую трансформацию традиционных отраслей экономики, стимулируя предприятия к внедрению цифровых технологий для повышения их производительности и уровня цифровизации. В частности, в обрабатывающей промышленности реализуются пилотные проекты по внедрению интеллектуального производства, что способствует цифровой модернизации производственных процессов. В сельском хозяйстве активно используются такие технологии, как Интернет вещей и электронная коммерция для сельскохозяйственной продукции, что способствует повышению эффективности производства и улучшению каналов сбыта.

Развитие индустрии цифровой экономики

Одним из приоритетных направлений государственной политики является развитие индустрии цифровой экономики. Китай активно поддерживает цифровые предприятия через создание специализированных индустриальных парков, предоставление налоговых льгот и финансовых субсидий. Эти меры способствуют привлечение большего числа компаний в сектор цифровой экономики. В дополнение к этому, усиливается поддержка научно-исследовательской деятельности и инноваций в области цифровых технологий, что способствует повышению конкурентоспособности китайской цифровой экономики на глобальной арене.

Усиление подготовки кадров «цифровых талантов»

С целью поддержания устойчивого роста цифровой экономики, китайское правительство активно развивает систему подготовки специалистов в области цифровых технологий и управления. В результате реформ в системе образования и профессионального обучения был подготовлен значительный резерв цифровых кадров. Также осуществляется привлечение высококвалифицированных специалистов из-за рубежа, что способствует обеспечению необходимого кадрового потенциала для эффективной цифровой трансформации.

Практические примеры и эффективность

Развитие цифровой экономики в провинции Чжэцзян: электронная коммерция как драйвер регионального экономического развития

Ханчжоу, являющийся центром электронной коммерции в Китае, стал ярким примером успешной цифровой трансформации. В городе была сформирована крупнейшая в мире промышленная экосистема электронной коммерции, с ведущим игроком на рынке — компанией Alibaba. В результате цифровой трансформации Ханчжоу была создана полноценная промышленная цепочка, включающая торговые платформы, платежные системы, логистику и аналитические технологии. Развитие электронной коммерции в регионе способствовало не только модернизации традиционной торговли, но и появлению новых отраслей, таких как цифровой маркетинг и электронная коммерция. Оборот электронной коммерции в Ханчжоу стабильно занимает одно из ведущих мест в стране, а вклад этой индустрии в местный ВВП превышает 50%. Это также привлекло в город значительные инвестиции, высококвалифицированные человеческие ресурсы и капиталы, что способствовало улучшению инновационного потенциала и структурной оптимизации региональной экономики.

Цифровая трансформация промышленности в Шэньчжэне: цифровые инновации как основа модернизации промышленности

Шэньчжэнь, известный как инновационная столица Китая, продемонстрировал выдающиеся результаты в области цифровой трансформации промышленности. Город является центром технологических инноваций и приложений, особенно в таких сферах, как 5G, искусственный интеллект, облачные вычисления и беспилотники. В Шэньчжэне расположены ведущие мировые компании, такие как Huawei, Tencent и DJI, которые играют ключевую роль в развитии технологий, способствующих интеллектуализации производства. Успешная интеграция технологий 5G и Интернета вещей в про-

мышленный процесс, а также развитие новых отраслей, таких как промышленный интернет и интеллектуальные устройства, внесли значительный вклад в модернизацию обрабатывающей промышленности Шэньчжэня. Благодаря этому Шэньчжэнь стал не только центром инноваций, но и мировым лидером в цифровой экономике, продемонстрировав высокий уровень конкурентоспособности региональной экономики.

Политика и практика цифровой трансформации в России

Предпосылки и история развития политики цифровизации

Российское правительство рассматривает цифровую трансформацию как одно из ключевых стратегических направлений для обеспечения устойчивого экономического роста в долгосрочной перспективе. В последние годы наблюдается усиление государственной поддержки цифровой трансформации, что проявляется в разработке и реализации соответствующих стратегий и инициатив. Одним из важнейших документов является «Стратегия развития цифровой экономики Российской Федерации», в которой сформулирована цель достичь цифровой трансформации экономики к 2030 году.

В рамках данной стратегии были приняты меры, направленные на развитие цифровых технологий в различных секторах экономики, улучшение инфраструктуры и повышение цифровой грамотности. Среди ключевых направлений — создание условий для активного внедрения цифровых технологий в промышленность, финансы, здравоохранение, образование и другие области. Эти меры направлены на модернизацию национальной экономики, повышение её конкурентоспособности и улучшение качества жизни граждан с использованием цифровых решений.

Содержание политики цифровизации и ее основные инициативы

Модернизация цифровой инфраструктуры

Российское правительство активно увеличивает инвестиции в цифровую инфраструктуру, что способствует строительству широкополосных сетей, сетей мобильной связи и центров обработки данных. Особое внимание уделяется развитию новых коммуникационных технологий, таких как спутниковая связь и квантовая связь, направленных на повышение безопасности и надежности цифровой инфраструктуры. Эти меры создают основу для дальнейшего внедрения цифровых решений и увеличивают устойчивость инфраструктуры в условиях быстрых технологических изменений.

Поддержка НИОКР и инноваций в области цифровых технологий

Ключевым элементом государственной стратегии является усиленная поддержка научных исследований и разработок (НИОКР) в области цифровых технологий. В России был создан Фонд развития цифровой экономики, который оказывает финансовую помощь для поддержки научных институтов и инновационных предприятий, занимающихся цифровыми технологиями. Также наблюдается активизация сотрудничества с международными технологическими компаниями, что способствует внедрению передового опыта и технологий в управление и развитие цифровых решений.

Содействие цифровой трансформации предприятий

Одним из приоритетных направлений государственной политики является стимулирование цифровой трансформации в сфере бизнеса. Российское правительство поощряет предприятия внедрять цифровые технологии для повышения производительности, улучшения процессов управления и оптимизации бизнес-операций. В частности, государство оказывает поддержку в виде консультационных услуг и обучающих программ по вопросам цифровой трансформации, помогая компаниям разрабатывать и внедрять стратегии цифровизации. Наряду с этим активно расширяется использование цифровых технологий в сфере государственных услуг, что способствует повышению эффективности работы государственных органов и улучшению управления.

Обучение и подготовка кадров «цифровых талантов»

Для успешной реализации цифровой трансформации необходимо развитие кадрового потенциала в области цифровых технологий. Российское правительство уделяет большое внимание подготовке цифровых специалистов, увеличивая инвестиции в образовательные учреждения и программы профессиональной подготовки. В результате реализации этих инициатив, страна формирует значительный резерв высококвалифицированных кадров в области цифровых технологий и управления, что содействует внедрению инноваций в различных секторах экономики.

Практические кейсы и эффективность

Строительство «умного города» в Москве

Москва, являясь столицей Российской Федерации, служит примером успешной реализации цифровой трансформации на уровне городского управления. В рамках проекта «умного города» была построена интеллектуальная инфраструктура, которая позволяет управлять городом с использованием цифровых технологий. Например, в области управления дорожным движением используются большие данные и искусственный интеллект для оптимизации транспортных потоков и повышения эффективности движения. В сфере государственных услуг внедрение электронных сервисов значительно упростило взаимодействие граждан с государственными органами, улучшив доступность и качество государственных услуг.

Цифровая трансформация компании «Роснефть»

Ключевым примером цифровой трансформации в российской промышленности является крупная нефтяная компания «Роснефть». В компании была проведена комплексная цифровизация всех этапов

— от добычи и транспортировки нефти до её реализации. Использование передовых цифровых технологий позволило значительно повысить эффективность производства и управления. Также компания активно сотрудничает с международными партнерами, что способствует внедрению инноваций в нефтяную отрасль и продвижению цифровых технологий в глобальном масштабе.

Сравнительный анализ политики цифровой трансформации с использованием примеров Китая и России

Ниже представлена таблица, сравнивающая политику цифровой трансформации в Китае и России, которая охватывает ключевые инициативы и подходы, направленные на обеспечение качественного развития региональной экономики, а также анализ соответствующих данных.

Таблица 1
Сравнение политики цифровой трансформации в Китае и России.

Аспекты	Китай	Россия
Цели политики	Содействие развитию цифровых, высокотехнологичных и интеллектуальных отраслей промышленности в каждом регионе страны. Совместная трансформация всей промышленной цепочки, повышение комплексной конкурентоспособности региональной экономики и создание новых преимуществ в цифровой экономике.	Реализация цифровой трансформации как ключевого направления национальной стратегии развития, направленного на увеличение доли цифровой экономики в экономике страны, содействие диверсификации отраслей и повышение общей конкурентоспособности на международной арене.
Направления поддержки политики	Трансформация традиционных отраслей: производство, финансы, культура и туризм, бизнес и торговля; акцент на развитии промышленной экологии цифровой экономики и содействии интеграции крупных, средних и малых предприятий.	Создание информационной инфраструктуры, исследования и разработки в области цифровых технологий, развитие цифрового бизнеса и электронной коммерции, цифровизация сфер жизнеобеспечения (например, здравоохранения, образования, служб занятости и т. д.).
Политика финансовой поддержки	Цель политики заключается в оказании финансовой поддержки со стороны центральных и местных органов власти для стимулирования цифровой трансформации. Примером является пилотная программа Китая по созданию городов для цифровой трансформации малых и средних предприятий, которая включает фиксированные стимулы для пилотных городов. Также предусмотрено создание промышленных фондов и предоставление другой поддержки для развития проектов в области цифровой экономики.	Предприятиям, реализующим проекты цифровой трансформации, предоставляются льготные кредиты, а в отношении инновационных малых и микропредприятий, пилотных проектов по созданию отечественных цифровых решений и других соответствующих предприятий могут быть применены субсидии.
Политика развития кадров «цифровых талантов»	Ускорение подготовки инновационных и цифровых талантов для цифровой экономики через увеличение финансовых инвестиций в образование и научно-исследовательские институты. Университеты и предприятия получают поддержку и стимул к сотрудничеству между промышленностью и академией, с целью подготовки профессионалов, способных эффективно адаптироваться к потребностям цифровой трансформации.	Акцент на формирование талантов в области цифровой экономики через университеты и научно-исследовательские институты. Уделяется внимание подготовке профессионалов, однако механизм сотрудничества между образовательными учреждениями и предприятиями для практического формирования таких кадров остается относительно слабым.
Политика безопасности данных и защиты конфиденциальности	Постоянное совершенствование законов и нормативных актов, касающихся безопасности данных, усилении надзора за их защитой, создании механизма раннего предупреждения о рисках безопасности данных и ужесточении наказаний за утечку данных и другие правонарушения, что способствует повышению уровня доверия к цифровой экономике и защите персональных данных.	Несмотря на существование таких законов, как «О защите информации, информационных технологий и защите информации» и «О персональных данных», в сравнении с Китаем России необходимо ускорить практическую имплементацию этих законов и повысить уровень технической защиты данных для устранения существующего отставания.
Субъекты реализации политики	Министерство промышленности и информационных технологий, Министерство финансов и другие ведомства разных отраслей совместно с местными органами власти работают над продвижением про-	Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации возглавляет реализацию государственной программы «Цифровая экономика».

	граммы, создавая механизм, который соединяет центральные и местные власти и предусматривает сотрудничество между государством и предприятиями.	
Политика поддержки предприятий	Стимулирование интернет-платформ, промышленных предприятий и других компаний к открытию своих цифровых ресурсов и возможностей трансформации, что поможет малым и средним предприятиям (МСП) достичь цифровой трансформации. Помимо этого, акцентируется внимание на поддержке специализированных и новых предприятий, а также «газелей» в цифровой экономике.	Стимулирование малых и средних предприятий (МСП) к использованию цифровых технологий для завершения цифровой трансформации и создания собственных конкурентных преимуществ в отраслевых цепочках. Также предусмотрено предоставление МСП льготных условий кредитования, включая кредиты под залог интеллектуальной собственности.
Политика оценки эффективности цифровой трансформации	Создана относительно полномасштабная система показателей для оценки эффективности реализации цифровой трансформации. Оценка которая проводится по ряду параметров и критериев, таких как: масштаб цифровой экономики, уровень цифровизации промышленности и эффективность цифровой трансформации предприятий. Меры по реализации политики постоянно корректируются в соответствии с результатами оценок.	Система оценки эффективности цифровой трансформации постоянно совершенствуется и в настоящее время фокусируется главным образом на показателях роста цифровой экономики и развития цифровой инфраструктуры.

Цели политики цифровизации Китая и России: общие черты и различия

Общие черты

Политика цифровой трансформации в Китае и России ориентирована на стимулирование экономического роста и повышение национальной конкурентоспособности. Обе страны выделяют цифровую экономику в качестве ключевого направлением для будущего развития. В свою очередь, цифровая трансформация способствует повышению производственной эффективности, оптимизации промышленной структуры и стимулированию инноваций.

Различия

Политика цифровой трансформации Китая ориентирована на модернизацию промышленности и стимулирование инноваций. В частности, акцент сделан на использовании цифровых технологий для интеллектуальной, экологичной и ориентированной на услуги трансформации традиционных отраслей, развитии новых секторов экономики и повышении качества и эффективности производства. В отличие от Китая, политика цифровой трансформации России больше фокусируется на создании цифровой инфраструктуры, исследованиях и разработках в области цифровых технологий, а также на повышении уровня цифровых технологий и укреплении инновационного потенциала страны. Особое внимание уделяется обеспечению информационной безопасности, что является важной составляющей стратегического подхода к цифровой трансформации.

Сходства и различия в политике цифровой трансформации Китая и России

Сходства

1. Правительства как Китая, так и России придают большое значение созданию цифровой инфраструктуры и увеличивают инвестиции в сети 5G, центры обработки больших данных и промышленный интернет.

2. Обе страны активно поддерживают предприятия в проведении цифровой трансформации, предоставляя политическую и финансовую поддержку.

3. В обоих государствах осуществляется внимание на развитие цифровых талантов, увеличены инвестиции в образовательные учреждения и внедрены программы подготовки специалистов в области цифровых технологий.

Различия

1. Политические инициативы Китая в области цифровой трансформации промышленности носят более конкретный и глубокий характер, включая пилотные проекты и создание индустриальных парков. Россия же акцентирует внимание на НИОКР и инновациях, укрепляя международное сотрудничество и создавая специальные фонды для поддержки цифровых технологий.

2. Китай акцентирует внимание на роли рынка и стимулирует активное участие социального капитала в развитии цифровой экономики. В России, напротив, бóльшее внимание уделяется роли государства как главного драйвера цифровой экономики. 3. В Китае цифровая экономика интегрируется с реальным сектором экономики через использование цифровых технологий в производстве, сельском хозяйстве и услугах. В России же цифровая трансформация в большей степени сосредоточена на развитии технологий, и их применение в реальном секторе ограничено.

Результаты Китая и России по реализации политики цифровизации

Общие черты

1. Масштабы цифровой экономики в обеих государствах растут вместе с расширением сферы применения цифровых технологий.

2. Цифровые отрасли обеих стран достигли определенного развития, и появился ряд конкурентоспособных на международном уровне предприятий цифровой экономики.

3. Цифровая трансформация Китая и России сыграла положительную роль в содействии развитию региональных экономик стран, что выразилось в повышении качества развития и конкурентоспособности региональных экономик государств.

Различия

1. Цифровая экономика Китая развивается быстрыми темпами и занимает одну из лидирующих позиций в мире. В России, напротив, цифровая экономика развивается медленнее, и ее масштабы пока ограничены внедрением современных технологий лишь крупными предприятиями и государственными структурами. 2. Развитие цифровой экономики в России относительно Китая несколько замедленно, также российские масштабы цифровой экономики невелики. Применение цифровых технологий в России сосредоточено в основном на некоторых крупных предприятиях и государственных службах, а степень интеграции цифровой экономики с реальным сектором экономики низкая.

3. Цифровая трансформация в Китае оказала положительное влияние на занятость и доходы населения, тогда как в России основной акцент был сделан на повышении уровня информатизации и обеспечении информационной безопасности.

Пути цифровой трансформации для обеспечения качественного развития региональной экономики

Укрепление цифровой инфраструктуры

Цифровая инфраструктура является ключевым инструментом для реализации цифровой трансформации на региональном уровне. Эффективное развитие такой инфраструктуры требует значительных инвестиций в ключевые компоненты, включая сети 5G, центры обработки данных, платформы облачных вычислений и промышленный интернет.

Особое внимание следует уделить улучшению покрытия сети, повышению скорости передачи данных и расширению мощностей для хранения и обработки данных. Важно также обеспечить взаимодействие между регионами, преодолевая информационные барьеры и способствуя межрегиональному обмену данными и ресурсами. Регионы могут стимулировать участие частных операторов связи, интернет-компаний и других структур в развитии цифровой инфраструктуры, внедряя инновационные модели строительства и инвестирования. Это обеспечит не только финансовую стабильность, но и повышенную эффективность эксплуатации и управления цифровыми центрами.

Содействие глубокой интеграции цифровых технологий и реальной экономики

Для успешной цифровой трансформации региона необходимо ориентировать предприятия на увеличение инвестиций в цифровые технологии, а также стимулировать их интеграцию в реальный сектор экономики. В сфере производства важным шагом является внедрение платформ промышленного интернета, а также цифровизация производственного оборудования и оптимизация производственных процессов. Это позволит повысить эффективность и качество продукции, а также улучшить управление цепочками поставок.

В сельском хозяйстве акцент должен быть сделан на использовании «Интернета вещей» (IoT, Internet of Things), больших данных и искусственного интеллекта для внедрения точного мониторинга, интеллектуальной ирригации и отслеживания качества сельскохозяйственной продукции, что, в результате, приведет к модернизации сельского хозяйства.

В сфере услуг важнейшей задачей является поддержка цифровой трансформации традиционных торговых предприятий, развитие электронной коммерции, цифровых финансов и других инновационных форм бизнеса. Внедрение цифровых технологий в реальный сектор экономики создаст новые точки роста и оптимизирует промышленную структуру региона.

Оптимизация цифровой экологической среды

Для успешной цифровой трансформации региона необходима хорошо развитая цифровая экосистема. Это включает в себя не только правовую и политическую поддержку, но и развитие рыночной среды для цифровых предприятий. Региональные власти должны совершенствовать нормативно-правовую базу, стимулировать инновации, защищать интеллектуальную собственность и обеспечивать равные условия для конкуренции. Стоит отметить, что одним из ключевых элементов является создание системы мониторинга цифровой экономики, что позволит не только отслеживать эффективность цифровых инициатив, но и своевременно принимать решения на основе точных данных.

Не менее важно развивать цифровую культуру и повышать уровень цифровой грамотности среди населения, чтобы создать благоприятную атмосферу для инноваций. Помимо этого, необходимо активно развивать международное сотрудничество и обмен опытом, что поспособствует улучшению позиций региональной цифровой экономики на мировом уровне.

Заключение

Цифровая трансформация является не только важным фактором повышения конкурентоспособности региона, но и необходимым условием для его устойчивого развития. Инновационные механизмы стимулирования, оптимизация распределения ресурсов, а также внедрение цифровых технологий играют основополагающую роль в повышении эффективности производства, улучшении качества услуг и

создании новых точек роста для экономики. Успешный опыт китайских городов, таких как Шэньчжэнь и Ханчжоу, служит примером для других регионов и стран, в том числе России, где уже внедрены различные меры по реализации политики цифровизации. Несмотря на достигнутые результаты, существует множество различий в подходах двух рассматриваемых в статье стран, которые могут быть использованы для взаимного обмена опытом и адаптации лучших практик.

Для дальнейшего развития региональной экономики необходимо продолжать усиление цифровой инфраструктуры, способствовать глубокой интеграции цифровых технологий в реальный сектор, а также создавать благоприятную цифровую экосистему, отвечающую местным условиям. Важно отметить, что с каждым годом цифровая трансформация становится все более значимым фактором, определяющим положение регионов на мировой арене. Использование этого потенциала будет способствовать высококачественному развитию экономики и повышению конкурентоспособности в эпоху цифровых технологий.

Будущие исследования должны сосредоточиться на изучении механизмов цифровой трансформации для регионального экономического развития и на создании научной основы для выработки эффективных политических решений. В частности, можно развивать исследования в контексте цифровой трансформации в Китае и России, а также обобщать полученные результаты для применения в других странах и регионах. В условиях быстрого развития технологий политика цифровой трансформации должна регулярно адаптироваться и совершенствоваться в рамках обеспечения устойчивого и качественного развития на региональном уровне.

Литература

1. Stolterman E, Fors A C. Information technology and the good life// Information systems research: relevant theory and informed practice, 2004: 687-692.
2. Xu J, Yu Y, Zhang M, et al. Impacts of digital transformation on eco-innovation and sustainable performance: Evidence from Chinese manufacturing companies// Journal of Cleaner Production, 2023, 393: 136278.
3. Hinings B, Gegenhuber T, Greenwood R. Digital innovation and transformation: An institutional perspective// Information and Organization, 2018, 28(1): 52-61.
4. Westerman G, Tannou M, Bonnet D, et al. The Digital Advantage: How digital leaders outperform their peers in every industry// MITSloan Management and Capgemini Consulting, MA, 2012, 2: 2-23.
5. Fitzgerald M, Kruschwitz N, Bonnet D, et al. Embracing digital technology: A new strategic imperative// MIT sloan management review, 2014, 55(2): 1.
6. Westerman G, Bonnet D, McAfee A. Leading digital: Turning technology into business transformation[M]. Harvard Business Press, 2014
7. Berman S J. Digital transformation: opportunities to create new business models// Strategy & leadership, 2012, 40(2): 16-24.
8. Li L. Digital transformation and sustainable performance: The moderating role of market turbulence// Industrial Marketing Management, 2022, 104: 28-37
9. Bounfour A. Digital futures, digital transformation// IEEE Software, 2016.
10. Сяо Сюй, Ци Юдун. Ценностное измерение и теоретическая логика цифровой трансформации промышленности // Реформа, 2019,(08):61-70.
11. Ван Нучэн, Ван Свей, Лю Ренхуай. Исследование модели цифровой зрелости предприятия. Management Review,2021,33(12):152-162.
12. Чэнь Цинцзян, Ван Янмэн, Ван Манфен. Исследование когортного эффекта цифровой трансформации предприятия и влияющих на него факторов // Журнал менеджмента, 2021, 18(05):653-663.

Digital Transformation as a Driver of High-Quality Development of Regional Economy: A Comparative Analysis of China and Russia's Experience

Zhang Xinyi
St. Petersburg State University

In the era of digital economy, digital transformation has become an important driving force contributing to high-quality development of regional economy.

The article considers the main areas of digital transformation, including stimulating innovation, modernizing the industrial complex, optimizing resource allocation and increasing market competitiveness. A comparative analysis of the state policies of the two countries is conducted, including a study of the political background, implementation of specific initiatives and achieved results. Using the example of several regions, it was revealed that digital transformation contributes to the development of the innovative potential of regional economies, improving the industrial structure, as well as increasing the efficiency of resource use and strengthening market positions.

Keywords: digital transformation; regional economy; high-quality development; innovation; industrial modernization

References

1. Stolterman E, Fors A C. Information technology and the good life // Information systems research: relevant theory and informed practice, 2004: 687-692.
2. Xu J, Yu Y, Zhang M, et al. Impacts of digital transformation on eco-innovation and sustainable performance: Evidence from Chinese manufacturing companies // Journal of Cleaner Production, 2023, 393: 136278.
3. Hinings B, Gegenhuber T, Greenwood R. Digital innovation and transformation: An institutional perspective // Information and Organization, 2018, 28(1): 52-61.
4. Westerman G, Tannou M, Bonnet D, et al. The Digital Advantage: How digital leaders outperform their peers in every industry // MITSloan Management and Capgemini Consulting, MA, 2012, 2: 2-23.
5. Fitzgerald M, Kruschwitz N, Bonnet D, et al. Embracing digital technology: A new strategic imperative/ MIT Sloan management review, 2014, 55(2): 1.
6. Westerman G, Bonnet D, McAfee A. Leading digital: Turning technology into business transformation[M]. Harvard Business Press, 2014
7. Berman S J. Digital transformation: opportunities to create new business models// Strategy & leadership, 2012, 40(2): 16-24.

8. Li L. Digital transformation and sustainable performance: The moderating role of market turbulence // Industrial Marketing Management, 2022, 104: 28-37
9. Bounfour A. Digital futures, digital transformation // IEEE Software, 2016.
10. Xiao Xu, Qi Yudong. Value Dimension and Theoretical Logic of Industrial Digital Transformation // Reform, 2019, (08): 61-70.
11. Wang Nucheng, Wang Xuei, Liu Renhuai. Research on the Model of Enterprise Digital Maturity. Management Review, 2021, 33 (12): 152-162.
12. Chen Qingjiang, Wang Yanmeng, Wang Manfeng. Research on the Cohort Effect of Enterprise Digital Transformation and Factors Affecting It // Journal of Management, 2021, 18 (05): 653-663.

Информационные технологии в банковском секторе: основные направления развития

Асрян Альберт Сейранович
соискатель, кафедра международных финансов, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, asryan_albert@mail.ru.

Актуальность. Цифровая трансформация всех областей экономики, в том числе банковского сектора, делает вопрос внедрения инновационных технологий в банковские модели управления бизнесом критически важным параметром, определяющим будущую структуру банковского бизнеса, моделей и алгоритмов управления внутрибанковскими операционными процессами. В отсутствие четко сформированной стратегии цифровизации и практического плана инновационной перестройки коммерческие банки могут быть вытеснены с рынка банковских услуг цифровыми банками-конкурентами, а наиболее острым образом данное противостояние традиционных и цифровых моделей банкинга проявится в секторе розничных банковских услуг.
Цель. Анализ основных цифровых технологий и финансовых инноваций, внедрение которых позволит коммерческим банкам обеспечить цифровую трансформацию текущих бизнес-моделей управления банковской деятельностью. Практическое моделирование использования основных технологических инноваций в операционных направлениях деятельности коммерческого банка в целях повышения удовлетворённости клиентов предоставляемым розничным банковским сервисом, а следовательно, повышения конкурентоспособности банковского бизнеса.
Методология проведения работы. В процессе написания статьи применены следующие научные методы исследований: дедукции и индукции, анализа и синтеза, логический метод, сравнительный и системный анализ, экономико-статистические методы. В качестве теоретической основы использованы научные труды отечественных и зарубежных авторов по проблеме цифровизации технологий управления банковским бизнесом.
Результаты. Выделены классы цифровых технологий, составляющих основу современной четвёртой промышленной революции, за счёт внедрения и эксплуатации которых возможно обеспечить требующееся технологическое обновление банковского сектора.
Область применения результатов. Данное исследование обладает прикладным характером и может быть использовано отечественными и зарубежными банками в качестве корпоративной дорожной карты по цифровизации блока розничных услуг, а также возможно частичное использование полученных результатов по отдельным направления данного исследования коммерческими банками, реализующими стратегию точечной цифровизации своих бизнес-моделей управления розничным банкингом.
Выводы. Получено практическое подтверждение необходимости внедрения основных разновидностей инновационных технологий в модели управления коммерческих банков: проанализированы основные направления и варианты практического применения инновационных достижений в розничном банкинге с указанием конкретных примеров на отечественном и иностранном рынках розничных банковских услуг. Как итог, сформулирован вывод о критической необходимости применения коммерческими банками современных информационных технологий в целях удержания рыночных позиций в банковском секторе, а также в целях обеспечения возможности адекватной конкурентной борьбы с инновационным игроками банковского рынка.
Ключевые слова: цифровизация, инновации, прогресс, цифровой банк.

В рамках технологической перестройки моделей жизнедеятельности человечества, а именно в части цифровой трансформации экономических отношений в общем и финансового сектора в частности, необходимо обратить внимание на такое понятие, как «сквозные технологии». Оно, по мнению большинства исследователей, представляет собой ключевой аспект текущей эпохи цифровизации ввиду того, что сквозные технологии проникают и сплошным образом видоизменяют целые экономические системы, рынки и финансовые области. Можно сказать, что они относятся к технологиям многократного применения в различных отраслях экономики. С точки зрения специалистов Центра подготовки руководителей цифровой трансформации РАНХиГС, сквозные технологии не связаны с отдельным продуктом или услугой или сферой деятельности, а могут применяться во многих индустриях, отраслях, секторах экономики: одновременно в образовании, медицине, экономике, строительстве.

Стоит обратить внимание на дорожные карты, разработанные Министерством цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации в рамках реализации федеральной программы «Цифровая экономика». Каждая из них посвящена определённой сквозной технологии, которой государством присвоен повышенный приоритет при реализации соответствующей федеральной программы:

– технологии виртуальной и дополненной реальности;
– квантовые технологии;
– новые производственные технологии.
– технологии беспроводной связи;
– системы распределённого реестра;
– компоненты робототехники и сенсорика;
– искусственный интеллект и нейротехнологии.

В рамках реализации государственной политики в сфере цифровой трансформации и внедрения инновационных технологий в наиболее значимых отраслях народного хозяйства государственными органами были созданы перечни так называемых «субтехнологий» развития сквозных цифровых технологий, а именно:

1. В рамках развития искусственного интеллекта и нейротехнологий были выделены следующие направления:

– компьютерное зрение;
– обработка естественного языка;
– распознавание и синтез речи;
– рекомендательные системы и интеллектуальные системы поддержки принятия решений;

– перспективные методы и технологии искусственного интеллекта;

– нейропротезирование;

– нейроинтерфейсы, нейростимуляция и нейросенсинг.

2. В рамках развития технологий виртуальной и дополненной реальности были выделены следующие направления:

– средства разработки VR/AR-контента и технологии совершенствования пользовательского опыта (UX) со стороны разработчика;

– платформенные решения для пользователей: редакторы создания контента и его дистрибуции;

– технологии захвата движений в VR/AR и фотограмметрии;

– интерфейсы обратной связи и сенсоры для VR/AR;

– технологии графического вывода;

– технологии оптимизации передачи данных для VR/AR.

3. В рамках развития систем распределённых реестров были выделены следующие направления:

– технологии обеспечения целостности и непротиворечивости данных (консенсус);

– технологии создания и исполнения децентрализованных приложений и смарт-контрактов;

– технологии организации и синхронизации данных.

4. В рамках развития технологий беспроводной связи были выделены следующие направления:

– WAN (глобальная сеть связи, охватывающая большие территории и включающая большое количество узлов связи);

– WLAN (беспроводная локальная связь, технологии сетей связи, предназначенные для обеспечения беспроводного покрытия и доступа в рамках локальных пространств);

– PAN (беспроводная персональная связь; технологии сетей связи, построенных «вокруг» человека, то есть связывающие устройства, используемые человеком в рамках его активности);

– MAN (городская вычислительная сеть; сети связи, используемые для обеспечения покрытия в пределах города);

– BAN (нательная компьютерная сеть, технологии беспроводных нательных компьютерных сетей).

Дадим более развёрнутый обзор перспективам применения некоторых указанных выше цифровых инноваций и технологий в рамках современного развития банковского сектора, особо уделив внимание прикладному характеру внедрения соответствующих технологий в модели управления банковским бизнесом.

Первоначально определены основные разновидности современных цифровых технологий с наибольшим положительным потенциалом от их практической реализации: технологии и алгоритмы искусственного интеллекта, высокоскоростные беспроводные способы связи, инновационные технологии на базе систем распределённых (децентрализованных) реестров, а также прорывные технологии виртуальной и дополненной реальностей. Каждое из выделенных направлений будет декомпозировано на составляющие его субтехнологии с последующим практическим моделированием способов применения этих технологий в контексте цифровизации текущих моделей управления банковскими бизнес-процессами. Для большей наглядности автором по каждому из выделенных инновационных направлений будут приведены практические примеры реализации этих финансовых инноваций в реально функционирующих отечественных и иностранных коммерческих банках с указанием достигнутых показателей оптимизации и повышения экономической эффективности.

Технологии виртуальной и дополненной реальности

Технология виртуальной реальности (virtual reality, VR) – это комплексная технология, позволяющая погрузить человека в иммерсивный виртуальный мир при использовании специализированных устройств (шлемов виртуальной реальности; датчиков и сенсоров виртуальной реальности). Виртуальная реальность обеспечивает полное погружение в компьютерную среду, окружающую пользователя и реагирующую на его действия естественным образом. В своей простейшей форме виртуальная реальность включает 360-градусные изображения или видео.

Технология дополненной реальности (augmented reality, AR) – технология, позволяющая интегрировать информацию с объектами реального мира в форме текста, компьютерной графики, аудио- и иных представлений в режиме реального времени. Информация предоставляется пользователю с использованием heads-up display (индикатор на лобовом стекле), очков или шлемов дополненной реальности (HMD) или иной формы проецирования графики для человека (например, смартфон или проекционный видеомэппинг).

Применительно к банковскому сектору перечисленные инновационные технологии наиболее перспективны в следующих областях управления банковским бизнесом:

– *управление банковским персоналом*: цифровая перестройка процедур найма нового персонала и трансформация внутрикорпоративных образовательных программ с целью построения цифровой среды для обучения и повышения квалификации банковских сотрудников.

Новые технологические решения в сфере управления персоналом предоставляют возможность проводить внутреннюю бизнес-аналитику, измерять и прогнозировать производительность труда сотрудников, групп исполнителей или целых подразделений, облегчают работу службы управления персоналом с помощью автоматизации рутинных процедур [1, с. 274].

Заслуживает внимания практика применения инструментов виртуальной и дополненной реальности подразделениями Сбербанка, где подобные инновации применяются для обучения сотрудников

банка, осуществляющих непосредственные коммуникации с клиентами: разработан виртуальный тренажер, предусматривающий многочисленные сценарии нестандартных ситуаций, требующий от сотрудников проявления навыков лояльности, стрессоустойчивости и работы с возражениями проблемных клиентов. Данный тренажер позволяет существенно повысить степень удовлетворённости и качество обслуживания пользователей розничных банковских услуг за счет должной подготовки операционного персонала к возможным сценариями проблемных ситуаций в общении с клиентами банка.

– *организация дистанционных каналов взаимодействия между клиентами и банкам в формате 24/7*: обеспечение круглосуточного клиентского сервиса, в том числе через доступ к цифровой банковской среде, в которой клиенту могут быть предоставлены виртуальными банковскими помощниками и ассистентами (виртуальный персональный менеджер) все необходимые услуги и продукты;

– *построение новых цифровых каналов продаж классических банковских продуктов*: например, продажа ипотеки без необходимости очной явки клиента по фактическому адресу расположения объекта недвижимости, взамен чего клиент будет иметь возможность прохождения виртуального рум-тура по интересующему его объекту.

На данный момент маркетинговые проекты с использованием иммерсивных, то есть погружающих технологий в России есть у Сбербанка, Альфа-банка, ВТБ, Райффазен-банка и у других финансовых корпораций. Технологии VR/AR призваны решать сразу несколько задач: использоваться в качестве маркетингового инструмента, расширять каналы продаж, а также являться коммуникативным и информационным каналами. Анализируя деятельность Сбербанка, следует отметить, что его Корпоративный университет обучает своих сотрудников, используя VR-очки, быть вежливыми по отношению к незащищённым слоям населения, то есть 360- градусная съёмка позволяет работникам прочувствовать сложности, с которыми сталкиваются пожилые люди или инвалиды во время выполнения простых действий в банке [2, с. 147].

Как уже было отмечено выше, инновационные технологии виртуальной (VR) и дополненной (AR) реальностей обеспечивают цифровую трансформацию классических технологий по подбору, обучению, адаптации и развитию персонала в рамках построения виртуальной обучающей среды банка. Обучение в виртуальной реальности чрезвычайно эффективно в качестве инструмента развития персонала организации. Возможность полностью погрузиться в сценарий обучения и прочувствовать его приводит к более активному взаимодействию с учебным материалом, лучшему пониманию обучающих концепций и запоминанию информации. Также инструменты виртуальной реальности могут быть успешно использованы вместо реальных сценариев обучения, когда они слишком дороги, опасны или отнимают большое количество организационных ресурсов для подготовки. К примеру, речь идёт об обучении охранников кассовых узлов или инкассаторов денежной наличности [3, с. 65].

Технологии искусственного интеллекта

Для более полноценного раскрытия содержания технологий этой категории необходимо несколько шире пояснить отдельные субтехнологии, работающие на базе искусственного интеллекта, а именно:

– *компьютерное зрение* – технология, направленная на извлечение информации из визуальных данных и принятие решений на основе этой информации. Технология используется для распознавания лиц и жестов, поиска и извлечения информации на изображениях, интеллектуальной обработки документов; в финансовом секторе компьютерное зрение применяется, например, для распознавания информации на бумажных носителях и перевода её в цифровой вид;

Достаточно интересным является внедрение технологии компьютерного зрения на базе платформы Luna в операционные модели обслуживания клиентов, реализованное Московским кредитным банком. Банк запустил пилотный проект с отделением для обслуживания физических лиц, оборудованное камерами наружного наблюдения, которые в режим реального времени анализируют весь клиентский путь от входа в отделение, далее весь внутренний маршрут и точки контакта клиента с банковским сервисом, вплоть до выхода клиента из отделения. Цель применения данной инновационной технологии в сборе и анализе данных об эмоциональном состоянии клиента в процессе получения банковских услуг, выявление особенностей поведенческих моделей с учетом социально-демографических параметров (возраст, пол, образование), определение времени ожидания клиента в очереди, качество и оперативность обслуживания сотрудниками банка, а в последующем собранная и систематизированная информация используется при разработке и реализации обучающих программ для банковского персонала.

– *обработка естественного языка* – класс решений, направленных на понимание языка и генерацию текста, несущего смысл, а также общение на естественном языке при взаимодействии компьютера и человека (например, «Интеллектуальный поиск ответов в тексте и "понимание" запросов пользователя», «Автоматический выбор и интеграция навыков», «Интеллектуальный поиск по базе документов», «Мультизадачные разговорные ассистенты»);

– *распознавание и синтез речи* – класс решений, позволяющих осуществлять перевод речевого запроса в текстовый вид, в том числе анализ тембра и тональности голоса, распознавание эмоций, а также синтезировать речь (например, «Проверки подлинности речи», «Распознание сложных смысловых конструкций и сленга в речи», «Проверка подлинности личности говорящего»); на финансовом рынке указанные технологии применяются для разработки голосовых чат-ботов, виртуальных ассистентов, речевой аналитики, аутентификации клиентов, а также

при построении двухуровневой системы функционирования колл-центров банков.

Виртуальный банковский помощник с функцией распознавания и синтеза речи эффективно может справиться с функцией выполнения холодного прозвона клиентской базы банка. Холодные звонки часто происходят по одному и тому же сценарию: оператор устанавливает контакт с клиентом, спрашивает, как можно обратиться, и доводит информацию о банковской услуге или продукте. Если клиент заинтересован, то оператор продолжает диалог. Часто клиент отказывается от предложения и оператор переходит к следующему клиенту. Эту стадию на себя может взять виртуальный робот, он определит степень заинтересованности клиента и в случае успеха переключит его на живого оператора контактного центра банка. Преимуществом такого сценария является скорость и рациональное использование человеческих ресурсов. Виртуальный робот может отслеживать готовность операторов к обработке лидов и, если возникает ситуация, когда нет свободного оператора, то система останавливает обзвон до момента освобождения сотрудников колл-центра банка [4, с. 46].

Также инструменты искусственного интеллекта, способные синтезировать голосовую речь, сегодня применяется и для информирования заемщиков об образовавшейся задолженности по банковским розничным кредитам. Так, например, «Сбербанк» использует в тестовом режиме систему для обзвона физических лиц с задолженностью по кредитам «IronLady», которая использует алгоритмы искусственного интеллекта, что в среднем на 20% повысило платежную дисциплину проблемных заемщиков в последующих платежных периодах [5, с. 48].

– *рекомендательные системы и интеллектуальные системы поддержки принятия решений* – класс решений, обеспечивающий выполнение процесса без участия человека, поддержку в выборе решений, а также прогностическое моделирование объектов, которые будут интересны пользователю (например, «Поддержка принятия и верификация решений надзорных органов», «Системы управления рыночными рисками»).

Среди ключевых направлений применения инновационных технологий на базе искусственного интеллекта на финансовом рынке можно выделить следующие функциональные направления:

– *скоринг / автоматическая оценка кредитоспособности;*

Особый интерес вызывает практика использования машинного обучения при создании скоринговых систем управления кредитными рисками в розничном блоке, которую реализовал Альфа-Банк на базе своей лаборатории машинного интеллекта, где разрабатываются и обучаются на реальных больших массивах данных соответствующие нейронные сети. Уже сейчас разработанный банком автоматический скоринг обучен анализировать потоки транзакций потенциальных и действующих заемщиков по используемым банковскими картам (дебетовым и кредитным), а также платежную активность по текущими счетам, также система автоматически обрабатывает все доступные источники кредитных историй заемщика (как внутрибанковские, так и внешние базы данных), особое внимание нейросеть уделяет наличию в прошлой кредитной истории потенциального заемщика обращений в микрокредитные организации, что существенно повышает уровень кредитного риска такого клиента.

– *андеррайтинг / индивидуальная оценка кредитоспособности и рисков;*

– *торговля банковскими продуктами и услугами / каналы, восприятие, бренд;*

– *инвестиционное консультирование / алгоритмическая торговля, анализ торговых сигналов;*

– *управление банковскими рисками, в первую очередь, кредитными рисками;*

– *банковский маркетинг в условиях цифровизации финансового сектора (обработка и анализ поведенческих данных с помощью Big Data);*

– *взаимодействие с клиентами (чат-боты, голосовые и виртуальные ассистенты, роботы-помощники);*

– *противодействие мошенничеству / противодействие отмыванию преступных доходов, реализация процедуры «знай своего клиента».*

Механизмы искусственного интеллекта различной степени сложности и внедрённости в клиентский опыт взаимодействия с банками сделают возможным, а фактически уже реализуют повсеместный доступ клиентов к банковским услугам в реальном времени с возможностью получения консультаций по интересующим их вопросам в удобном месте и в удобное время. Уже сейчас мы можем фиксировать, что многие банки выявили необходимость не только в предоставлении банковских услуг клиентам в реальном времени с учётом использования машинного интеллекта, но и в разработке бесшовных финансовых экосистем, что позволит снизить «трения» клиента при взаимодействии с банковскими подразделениями и, как следствие, повысить его клиентскую удовлетворённость и последующую лояльность в отношениях со своим банком [6, с. 264].

Стоит отметить, что использование передовых технологий искусственного интеллекта ведущими финансовыми учреждениями неуклонно растет: около 60 процентов респондентов сектора финансовых услуг, опрошенных McKinsey Global AI Survey, сообщают, что их компании внедрили по крайней мере одну возможность искусственного интеллекта. Чаще всего используются технологии искусственного интеллекта в следующих сферах: автоматизация процессов с помощью роботов (36%) для структурированных операционных задач; виртуальные помощники или разговорные интерфейсы (32%) для отделов обслуживания клиентов; и методы машинного обучения (25 процентов) для выявления мошенничества и поддержки андеррайтинга и управления рисками [7, с. 391-392].

Обратим внимание на современные тренды автоматизации технологий управления персоналом на базе искусственного интеллекта, которые позволяют обеспечить высокий уровень проникновения

технологических новшеств в сферу HR-менеджмента преимущественно с помощью разработки и внедрения комплексных автоматизированных информационных систем, использующих алгоритмы машинного интеллекта в дополнении с такими субтехнологиями, как датчики дополненной реальности, Big Data, облачные технологии. Как правило, функциональное содержание таких информационных систем коррелирует с основными участками деятельности служб по управлению персоналом, а именно включает следующие блоки [8, с. 33]:

– система управления человеческими ресурсами,
– система управления человеческим капиталом,
– сервисы по подбору персонала,
– система HR-аналитики,
– база данных о кандидатах и открытых вакансиях,
– система кадрового делопроизводства,
– система учёта рабочего времени,
– корпоративная коммуникационная сеть.

Особое внимание среди разновидностей технологий искусственного интеллекта стоит обратить на *алгоритмы распознавания и синтеза человеческой речи*, которые в повседневной жизни выступают личными голосовыми ассистентами человека. Внедрение таких голосовых помощников в повседневную жизнедеятельность потребителей услуг, в том числе банковских, уже набирает существенные темпы. Особенно актуальна данная технология для слепых людей, людей со слабым зрением и иным физиологическими ограничениями. Алгоритмы распознавания речи обеспечивают или расширяют доступ данной категории граждан к печатной или электронной информации, ежедневной или социальной деятельности, а также к рынку банковских услуг.

Применительно к розничному банкингу *голосовые помощники* постепенно могут стать одним из основных каналов коммуникаций между клиентами и банками, так как они всегда доступны, удобны в пользовании, полностью встроены в повседневную жизнь людей, а самое главное, обладают навыками индивидуализации предлагаемых банковских продуктов. Голосовые помощники, используя алгоритмы искусственного интеллекта, с высокой степенью вероятности могут смоделировать и предугадать потребности клиентов, сформировать наиболее актуальные и подходящие предложения [6, с. 264].

Одним из первых банков, который внедрил в свою работу такую информационную технологию, как голосовой помощник, является «Тинькофф Банк». За несколько лет успешной работы, голосовой помощник банка «Олег» может распознать порядка 95% произнесенных голосов. Благодаря обращению к голосовому помощнику, пользователь может решить следующие вопросы: перевести денежные средства со своего счета на счет пользователя банков Тинькофф или Сбербанк; получить консультацию по имеющимся в банке Тинькофф продуктам и услугам; осуществить отправку документов по электронной почте; изменить свои личные персональные данные во внутренней системе банка; приобрести билеты в кинотеатр; забронировать столик в ресторане [9, с. 267].

Банк «Хоум Кредит» использует основанных на ИИ чат-ботов и голосовых помощников. Выяснилось, что благодаря их применению более 90% клиентов ограничиваются ответом робота и более суток после полученной «консультации» в колл-центр повторно не обращаются. За счёт использования чат-бота Тинькофф-банк экономит от 30 до 200 млн руб в месяц. Успешной реализацией интеллектуальных речевых технологий стал бот, разработанный Альфа-банком. Он был создан в 2018 году с ориентацией на зарплатные проекты банка. До внедрения бота специалисты банка каждый день принимали большое число типовых вопросов об условиях открытия и ведения зарплатных расчётных счетов. Интеллектуальная система быстро позволила решить проблему такого рода типовых обращений. В результате операционисты колл-центра смогли внимательнее относиться к более содержательным вопросам [10, с.38].

Противодействие мошенничеству – ещё одно направление, в котором расширяется использование механизмов искусственного интеллекта. Благодаря способности анализировать большие объёмы данных, выявлять нетипичные транзакции и отслеживать аномалии, трудно заметные для человека, технологии искусственного интеллекта позволили за счёт снижения ресурсоёмкости вывести процедуры обнаружения фактов мошенничества на новый уровень, превосходящий классический анализ контрольных факторов риска [11, с. 163]. В режиме реального времени выявляются подозрительные события и блокируются нехарактерные для клиента транзакции (например, с признаками мошенничества с кредитными картами); в случае необходимости алгоритм подключает сотрудника банка для проведения более детальной проверки и анализа документов и изображений.

Отдельно стоит указать на использование в банковском секторе *биометрических данных*, которые обрабатываются алгоритмами и технологиями искусственного интеллекта. Биометрические данные служат неотъемлемой частью цифровой трансформации банковского сектора, делая клиентский опыт более удобным и эффективным, а также существенно повышая защищённость каналов связи между клиентами и банками, что позволяет снизить финансовые потери от противоправных действий третьих лиц с денежными средствами клиентов банков [12, с.87–88]. На данный момент биометрическая идентификация в банках осуществляется только по голосу и изображению лица клиента, однако существуют точки зрения, указывающие на возможность расширения данного перечня биометрических параметров. Так, существуют предложения по применению дактилоскопической идентификации в банках. На сегодняшний момент ЕБС не содержит такой базы данных, поэтому в таком случае банки должны будут сами создать такую информационную систему [13, с. 71]. Наиболее масштабный пример зарубежного опыта внедрения технологий

биометрии в банковский секторе представляет индийская система биометрического распознавания граждан «Aadhaar», которая содержит в себе более 1,2 млрд образцов биометрических данных жителей страны, в том числе, отпечатки пальцев и скан-образцы глаз. Данная система позволила индийскому правительству существенно увеличить финансовую инклюзивность населения столь большой страны, как Индия, с помощью предоставления базовых банковских услуг по открытию текущих счетов и выписку банковских карт дистанционно по средствам идентификации граждан с использованием этой системы биометрии.

Благодаря технологиям искусственного интеллекта появилось одно из перспективных направлений развития продаж в банковском сектора – продажи с использованием *Big Data или «больших данных»*. Умение использовать накопленные данные о клиентском поведении, возможность собирать и обрабатывать клиентские активности в режиме реального времени, анализировать и создавать новые потребительские сегменты в зависимости от выявленных динамик внутри поведенческих моделей потребителей банковских услуг предстают неотъемлемой частью современных эффективных моделей управления банковскими продажами. В свою очередь, качественная и оперативная обработка такого огромного массива информации в режиме реального времени возможна только с использованием алгоритмов искусственного интеллекта.

Данная технология актуально не только для коммерческих банков, но и для Центрального Банка Российской Федерации, так как ему необходимо ежеминутно анализировать огромное количество информации, которая поступает из коммерческих банков в виде их разнообразных форм отчетности. Анализируя эту информацию ЦБ РФ принимает решение о введении различных контрольно-надзорных процедур по отношению к тому или иному банку или же о лишении банковской лицензии ввиду грубых нарушений требований ЦБ РФ. Кроме того, ЦБ РФ осуществляет анализ состояния экономики в стране, процент закредитованности населения и многие другие показатели. Технология Big data способна существенно упростить и ускорить этот процесс. Данная технологи также помогает Центральному Банку Российской Федерации в рамках пруденциального надзора своевременно предупреждать потенциальные нарушения со стороны кредитных организаций [14, с.15].

Технологии беспроводной сети

Технологии беспроводной связи – подкласс информационных технологий, служат для передачи информации между двумя и более точками на расстоянии, не требуя проводной связи. В качестве носителя информации в таких сетях выступают радиоволны различных диапазонов, инфракрасное, оптическое или лазерное излучение.

Применительно к развитию и цифровой трансформации розничного сегмента банковского сектора необходимо выделить следующие инновационные направления:

– *облачные технологии*. На текущем этапе научно-технического прогресса ни один коммерческий банк не может считаться цифровым, соответственно, конкурентоспособным на банковском рынке, если им не используются в операционных моделях управления облачные сервисы, позволяющие оптимизировать технологическую инфраструктуру банка и организовать внутренние бизнес-процессы наиболее эффективным образом с точки зрения как достижения показателей рентабельности банковской деятельности, так и оптимизации затратной части операционных бюджетов банков.

На сегодняшний день можно выделить три основные категории моделей облачных вычислений, обладающих наибольшим прикладным потенциалом [15, с. 184-185]:

1. Инфраструктура как услуга (IaaS)
2. Платформа как услуга (PaaS)
3. Программное обеспечение как услуга (SaaS).

Главным преимуществом для банков является гибкость облачных бизнес-моделей управления и инструментов, позволяющих сокращать операционные циклы разработки новых розничных банковских продуктов. Это способствует более быстрому и эффективному реагированию на потребности клиентов банков. Облачные вычисления позволяют развивать новые продукты без капитальных вложений, а также позволяют коммерческим банкам переносить в облако некритичные сервисы, включая исправления ПО, клиентское обслуживание и другие вычислительные процессы. В результате банки могут больше сосредоточиться на бизнесе финансовых услуг, аналитике данных, а не на ИТ.

– *Big Data.* Технология была затронута выше, но необходимо отметить, что с точки зрения технологической составляющей реализация этой инновационной функции просто невозможна без наличия высокоскоростных технологий беспроводной связи, с помощью которых производится сбор и передача анализируемых массивов данных.

Согласно опросам участников банковского рынка, предварительные результаты внедрения технологии Big Data в банковские модели управления следующие [16, с. 1233-1234]:

-улучшение клиентского сервиса более чем на 10%: 46%;

-улучшение реагирования на запросы клиентов: 41%;

-рост эффективности обработки клиентских запросов на 10%: 36%;

-улучшение процессов планирования компании: 32 %;

-оптимизация затрат на сервис: 28 %

-улучшение взаимодействий с клиентами: 28 %;

-улучшение клиентского сервиса: 27 %;

-сокращение цикла обработки заявок: 14%.

– *дистанционные каналы связи между клиентами и розничными банками.* В цифровую эпоху, когда у потребителя есть онлайн-доступ практически к любым видам услуг, в том числе к банковским услугам, важнейшим критерием удовлетворённости клиента банка служит оперативность и простота полу-

чения той или иной банковской услуги. Для получения этой услуги в распоряжении у клиента есть смартфон с мобильным приложением банка, используя который, он может переводить денежные средства, оплачивать любые интернет-покупки, выпускать новые банковские карты (в том числе виртуальные, без эмиссии пластиковых носителей), открывать или закрывать банковские вклады и осуществлять прочие банковские операции, воспользоваться встроенными автоматизированными сервисами, которые на основе обученного искусственного интеллекта с высокой степенью качества удовлетворят его индивидуальные запросы, что в целом создаёт высокий уровень общей потребительской полезности для клиента новой цифровой формации [17, с. 213].

– *цифровые платежи клиентов*: оплата по QR-кодам, перевод денежных средств через системы быстрых платежей по мобильному номеру телефона или номеру банковской карты получателя средств, p2p-переводы, использование онлайн-терминалов оплаты (облачные кассы), платежи через мобильные банк-клиенты.

Согласно социологическому исследованию ЦБ РФ, граждане все чаще отдают предпочтение безналичным платежам: с помощью банковских карт расплачиваются 79% респондентов, через мобильный банк – 38%, систему быстрых платежей Банка России предпочитают 18% : данная статистика только подтверждает инфраструктурную важность развития и внедрения инновационных технологий данной группы инноваций (беспроводные технологии связи). Главными аргументами в пользу выбора карточных расчетов являются простота расчетов (55%), а также возможность совершения дистанционных операций (34%) [18, с. 33-34].

Технологии распределённого реестра

Технологии систем распределённого реестра представляют собой новый подход к созданию баз данных, ключевой особенностью которого предстаёт отсутствие единого центра управления. Каждый узел составляет и записывает обновления реестра независимо от других узлов. В отличие от распределённых баз данных каждый участник системы распределённого реестра хранит всю историю изменений и валидирует добавление любых изменений в систему с помощью алгоритма консенсуса, который математически гарантирует невозможность подделки данных при определённой доле достоверных нод.

Согласно данным, указанным в Дорожной карте развития цифровой технологии «Системы распределённого реестра», технология распределённого реестра выступает инфраструктурной, так как обеспечивает функционирование базисного слоя хранения и обмена данными, что применимо в операционных процессах любой другой «сквозной» цифровой технологии. Наибольший синергетический эффект достигается с технологиями искусственного интеллекта, где системы распределённого реестра могут использоваться с целью хранения и обмена данными для субтехнологий обработки и утилизации данных или технологий обогащения данных. Также системы распределённого реестра могут использоваться совместно с субтехнологиями обработки естественного языка, распознавания и синтеза речи и с системами поддержки принятия решений в качестве среды обмена обезличенными данными для обучения алгоритмов.

Основные направления прикладного применения указанной технологии относительно банковского сектора:

– *разработка и внедрение усиленных квалифицированных электронных кодов доступа к банковским услугам*: биометрические технологии, криптографические средства защиты, которые позволят существенно снизить уровень финансовых потерь банков и клиентов вследствие усиления противодействия внешним мошенническим атакам;

– *введение в финансовый оборот новых форм безналичных цифровых активов:* начиная с цифровых национальных валют (согласно Концепции цифрового рубля, подготовленной в апреле 2021 года Центральным банком РФ, в основу технологической составляющей цифрового рубля были положены алгоритмы и технологии распределённых реестров), заканчивая использованием в гражданском обороте в качестве платёжного средства криптографических платежных средств – криптовалют, в том числе биткоинов и альткоинов, токенизированных активов, стейблкоинов;

– *внедрение цифровых средств информационной безопасности и защиты данных клиентов*, минимизация рисков утечки данных и несанкционированного доступа третьих лиц к банковской тайне и персональным данным потребителей банковских услуг, внедрение инновационных средств отказоустойчивости технологической инфраструктуры банков за счёт возможности оперативного перераспределения операционных процессов на резервные узлы внутри системы распределённых реестров (вопрос повышения отказоустойчивости банковской инфраструктуры в разрезе повсеместного внедрения технологий искусственного интеллекта, влекущего за собой появление информационных рисков нового порядка, остаётся достаточно актуальным и требующим серьёзного анализа [19, с. 289–290]).

Так, технология распределенного реестра широко используется в банковской сфере Европы, Америки и Китая [20, с. 13]:

1. платформа We.Trade была создана в 2017 году девятью банками, включая Deutsche Bank, KBC, Nordea, HSBC, Robobank, Natixis, UnitCredit и Societe Generale. Цель этой платформы – совершать трансграничные транзакции. Это уникальная платформа на основе смарт-контрактов в реальном времени, которая обеспечивает интерфейс «Знай своего клиента»;

2. платформа Batavia была разработана 5 банками, включая Commerzbank, UBS, CaixaBank, Bank of Montreal, с использованием технологии блокчейн. Это позволило обеспечить безопасные транзакции в короткие сроки, поэтому Batavia ис-

ключила оплату счетов и сэкономила время, используя децентрализованную общую бухгалтерскую книгу.

Изучение вопросов текущей цифровой трансформации представляет собой крайне важный аспект научного интереса и анализа, без которого невозможно обеспечить адекватную и эффективную инновационно-технологическую перестройку традиционных моделей функционирования экономических систем, в том числе в банковском секторе.

Именно банковский сектор – одна из флагманских отраслей экономики, внутри которой происходят масштабные процессы внедрения цифровых технологий и финансовых инноваций, позволяющих адаптировать банковские модели управления бизнеса к новым цифровым реалиям функционирования коммерческих банков.

Исследователи компании Autonomous Next полагают, что благодаря инновационным технологиям банки мира на 22% снизят общие расходы к 2030 году. В соответствии с представленными оценками, уже к 2024 году Азиатско-Тихоокеанский регион станет основным локомотивом использования искусственного интеллекта в деятельности банков. За счёт систем ИИ азиатские банки смогут обеспечить дополнительные продажи и сэкономить общие затраты на величину около 50,6 млрд долл. Это существенный прирост по сравнению с 11,5 млрд долл. экономического эффекта достигнутого за счёт применения данных технологий в 2018-м году. Предполагается, что к 2030 году общий экономический эффект составит уже 98,6 млрд долл. [21, с. 34-35].

При этом стоит отметить, что вопрос цифровой трансформации как глобального финансового рынка, так и каждого отдельно взятого банка уже не относится к вопросам текущей бизнес-тактики, а представляет собой стратегический критерий выживания финансово-кредитных учреждений в условиях повсеместной цифровизации экономики.

В статье был дан обзор основным инновационным технологиям, посредством внедрения которых в текущие банковские бизнес-процессы возможно обеспечить цифровую перестройку деятельности коммерческих банков, обеспечив конкурентоспособное положение банков на современном цифровом финансовым рынке. Добавим, что подавляющее большинство приведённых в статье инновационных технологий носит сквозной характер, то есть предполагает комплексное внедрение нескольких технологий одновременно в целях достижения высоких показателей эффективности цифровой трансформации банковского бизнеса.

Соответственно, банком будущего, цифровым банком уровня 4.0, может быть только та кредитная организация, которая на уровне стратегии и ежедневной операционной деятельности способна будет обеспечить эффективное внедрение и применение цифровых технологий во всех функциональных направлениях банковской деятельности.

Литература

1. Иванова Е. М. Цифровое управление человеческими ресурсами в современных условиях бизнеса / Е. М. Иванова // Журнал правовых и экономических исследований. – 2022. – № 4. – с. 271–275.
2. Айвазова М.А. Применение технологий виртуальной и дополненной реальности в банковской сфере / М.А.Айвазова // Международный научный журнал «Вестник науки».– 2020 г.– № 12.– с. 146–149.
3. Сарник К. А. Программа обучения персонала организации с применением технологий VR / К. А. Сарник, О. Л. Чуланова // Материалы Афанасьевских чтений. – 2021. – № 1. – с. 64–77.
4. Зборенко А.А. Применение технологии распознавания речи в бизнесе / А.А.Зборенко // Международный научный журнал «Молодой ученый».– 2020.–№ 26.–с. 45–47.
5. Камалян В.М. Использование искусственного интеллекта при заключении и исполнении кредитного договора / В.М. Камалян // Юридическая наука.– 2021.–№ 1.–с.45–49.
6. Асрян А.С. Искусственный интеллект в современном банкинге / А.С. Асрян // Инновации и инвестиции. – 2023.–№ 12.–с. 263–266.
7. Миронова В.Н. Применение искусственного интеллекта в сфере одобрения кредитных сделок с клиентами / В.Н. Миронова, Д.Н.Грин // Московский экономический журнал. – 2021.– № 5.– с. 387–394.
8. Литвинюк А. А. Современные технологии управления персоналом / А. А. Литвинюк, Л. С. Бабынина, Л. Н. Иванова–Швец. – Москва: Инфра–М, 2023. – 220 с.
9. Стороженко В.А. Чат–боты и голосовые помощники как инструменты кастомизации и оптимизации банковского сектора / В.А. Стороженко //Вестник науки. – 2023.–№ 7.– с. 265–269.
10. Городецкая О.Ю. Ключевые тренды применения искусственного интеллекта в банковской сфере / О.Ю. Городецкая, Я.Л. Гобарева // Финансовые рынки и банки. – 2022.–№ 12.– с.34–42.
11. Субботина В.С. Мошенничество с сфере кибертехнологий / В.С. Субботина // Международная научная конференция молодых исследователей «Социально–гуманитарные проблемы образования и профессиональной самореализации»: сборник материалов. – 2023.– № 6.– с.161–164.
12. Пичков О. Б. Цифровая трансформация мировой экономики / О. Б. Пичков, С. В. Шитьков, А. А. Уланов, К. А. Патрунина. – М.: МГИМО–Университет, 2022. – 247 с.;
13. Егин В.В. Применение биометрической идентификации в банках: проблемы и перспективы / В.В. Егин // Вестник Пензенского государственного университета. – 2021. –№ 3.– с.69–73.
14. Семенов А.В. Применение технологии "БиГ дата" в российском банковском секторе / А.В. Семенов // Вопросы российской юстиции. – 2019. –№ 4. – с. 12–18.
15. Виноградова А.Р. Облачные вычисления и особенности их использования в банковской сфере

/ А.Р. Виноградова, С.П. Черепанов // Скиф. Вопросы студенческой науки. – 2020.– № 11.– с.183–186.

16.Петрова Ю.С. Особенности применения технологии Big Data в банковском секторе / Ю.С. Петрова // Экономика и социум. – 2022.– № 3.– с. 1232–1238.

17.Асрян А.С. Розничные отделения банков: изменения в условиях цифровизации экономики / А.С. Асрян // Инновации и инвестиции. – 2023.–№ 11.–с. 211–214.

18.Зубов С.А. Обзор платежных систем в первой половине 2023 г. / С.А.Зубов // Экономическое развитие. – 2023–№ 9.– с.33–37.

19.Болонин А. И. / Риски внедрения искусственного интеллекта в банковский сектор / Болонин А. И., А. С. Асрян // Инновации и инвестиции. — 2024. – № 2. – с. 288–291.

20.Лукашенок Т.Р. Применение блокчейн–технологий в банковском секторе / Т.Р. Лукашенок // Прогрессивная экономика. – 2021.– № 5.– с.5–19.

21.Городецкая О.Ю. Ключевые тренды применения искусственного интеллекта в банковской сфере /О.Ю. Городецкая, Я.Л. Гобарева // Финансовые рынки и банки. – 2022. – № 12. – с. 34–42.

Information technologies in the banking sector: main directions of development

Asryan A.S.

Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

JEL classification: G20, G24, G28, H25, H30, H60, H72, H81, K22, K34

Relevance. The digital transformation of all areas of the economy, including the banking sector, makes the issue of introducing innovative technologies into banking business management models a critically important parameter determining the future structure of the banking business, models and algorithms for managing intrabank operational processes. In the absence of a well-formed digitalization strategy and a practical plan for innovative restructuring, commercial banks may be ousted from the banking services market by competing digital banks, and this confrontation between traditional and digital banking models will be most acute in the retail banking sector.

Purpose. Analysis of the main digital technologies and financial innovations, the introduction of which will allow commercial banks to ensure the digital transformation of current business models of banking management. Practical modeling of the use of basic technological innovations in the operational activities of a commercial bank in order to increase customer satisfaction with the retail banking service provided, and therefore increase the competitiveness of the banking business.

Method. In the process of writing the article, the following scientific research methods were used: deduction and induction, analysis and synthesis, logical method, comparative and system analysis, economic and statistical methods. Scientific works of domestic and foreign authors on the problem of digitalization of banking business management technologies are used as a theoretical basis.

Results. The main classes of digital technologies, which form the basis of the modern fourth industrial revolution, have been singled out, and it is possible to ensure the required digital renewal of the banking sector through the introduction and operation of these technologies.

The scope of the results. This study has an applied character and can be used by domestic and foreign banks as a corporate roadmap for digitalization of the retail services block, and it is also possible to partially use the results obtained in certain areas of this study by commercial banks implementing a strategy of point digitalization of their business models of retail banking management.

Conclusions. Practical confirmation of the need to introduce the main types of innovative technologies into the management model of commercial banks has been obtained: the main directions and options for the practical application of innovative achievements in retail banking have been analyzed, indicating specific examples in the domestic and foreign retail banking markets. As a result, the conclusion is formulated about the critical need for commercial banks to use modern information technologies in order to maintain market positions in the banking sector, as well as in order to ensure adequate competition with innovative players in the banking market.

Keywords: digitalization, innovation, progress, digital banking.

References

1. Ivanova E. M. Digital human resource management in modern business conditions / E. M. Ivanova // Journal of Legal and Economic Research. - 2022. – №. 4. – p. 271-275.
2. Aivazova M.A. Application of virtual and augmented reality technologies in the banking sector / M.A.Aivazova // The international scientific journal "Bulletin of Science".- 2020– №. 12.– p. 146-149.
3. Sarnik K. A. The training program for the organization's personnel using VR technologies / K. A. Sarnik, O. L. Chulanova // Materials of Afanasiev readings. – 2021. – №. 1. – p. 64-77.
4. Zborenko A.A. Application of speech recognition technology in business / A.A.Zborenko // The international scientific journal "Young Scientist".– 2020.– № 26.–p. 45-47.
5. Kamalyan V.M. The use of artificial intelligence in the conclusion and execution of a loan agreement / V.M. Kamalyan // Legal science.- 2021.– №. 1.–p.45-49.
6. Asryan A.S. Artificial intelligence in modern banking / A.S. Asryan // Innovation and investment. - 2023.– №. 12.–p. 263-266.
7. Mironova V.N. The use of artificial intelligence in the field of approving credit transactions with clients / V.N. Mironova, D.N.Green // Moscow Economic Journal. – 2021.– №. 5.– p. 387-394.
8. Litvinyuk A. A. Modern technologies of personnel management / A. A. Litvinyuk, L. S. Babynina, L. N. Ivanova–Shvets. – Moscow: Infra–M, 2023. – 220 p.
9. Storozhenko V.A. Chatbots and voice assistants as tools for customization and optimization of the banking sector / V.A. Storozhenko //Bulletin of Science. - 2023.– №. 7.– p. 265-269.
10. Gorodetskaya O.Yu. Key trends in the use of artificial intelligence in the banking sector / O.Yu. Gorodetskaya, Ya.L. Gobareva // Financial markets and banks. – 2022.– №. 12.– p.34-42.
11. Subbotina V.S. Fraud in the field of cyber technologies / V.S. Subbotina // International scientific Conference of young researchers "Socio–humanitarian problems of education and professional self–realization": collection of materials. – 2023.– №. 6.– p.161-164.
12. Pichkov O. B. Digital transformation of the world economy / O. B. Pichkov, S. V. Shitkov, A. A. Ulanov, K. A. Patrunina. – M.: MGIMO University, 2022. – 247 p.;
13. Egin V.V. Application of biometric identification in banks: problems and prospects / V.V. Egin // Vestnik Penza State University. - 2021. –№. 3.– p.69-73. 14. Semenov A.V.

Application of BiG Date technology in the Russian banking sector / A.V. Semenov // Issues of Russian justice. – 2019. –№. 4. – p. 12-18.
15. Vinogradova A.R. Cloud computing and features of their use in the banking sector / A.R. Vinogradova, S.P. Cherepanov // Skif. Questions of student science. – 2020.– №. 11.– p.183-186.
16. Petrova Yu.S. Features of the application of Big Data technology in the banking sector / Yu.S. Petrova // Economics and society. - 2022.– №. 3.– p. 1232-1238.
17. Asryan A.S. Retail branches of banks: changes in the conditions of digitalization of the economy / A.S. Asryan // Innovation and investment. - 2023.– №. 11.–p. 211-214.
18. Zubov S.A. Review of payment systems in the first half of 2023 / S.A.Zubov // Economic development. – 2023–№. 9.– p.33-37.
19. Bolonin A. I. / Risks of introducing artificial intelligence into the banking sector / Bolonin A. I., A. S. Asryan // Innovation and investment. — 2024. – №. 2. – p. 288-291.
20. Lukashenok T.R. Application of blockchain technologies in the banking sector / T.R. Lukashenok // Progressive Economics. – 2021.– №. 5.– p.5-19.
21. Gorodetskaya O.Yu. Key trends in the use of artificial intelligence in the banking sector /O.Yu. Gorodetskaya, Ya.L. Gobareva // Financial markets and banks. – 2022. – №. 12. – p. 34-42.

Премиум-банкинг и цифровая трансформация в России

Зубкова Светлана Валерьевна
кандидат экономических наук, доцент, Финансовый университет при правительстве Российской Федерации, zubkovasv@inbox.ru)

Лучкин Никита Сергеевич
студент, Финансовый университет при Правительстве РФ, luchkinnikita2002@gmail.com

Рынок Premium banking в России развивается стремительно благодаря росту благосостояния состоятельных клиентов и их повышенным требованиям к банковскому обслуживанию. Банки предлагают эксклюзивные услуги, включая управление капиталом, инвестиционные консультации и консьерж-сервис.
Статья посвящена исследованию особенностей поведения и предпочтений целевого потребителя в сегменте Premium banking в России в условиях цифровой трансформации банковского сектора. Исследование сфокусировано на выявлении ключевых факторов, определяющих выбор и лояльность клиентов данного рынка. В статье представлена концептуальная модель анализа потребительского поведения в премиальном банковском секторе, учитывающая психологические и социально-экономические аспекты принятия решений.
Использование больших данных, искусственного интеллекта и других цифровых технологий в системе Премиум-банкинга позволяет по-новому организовать изучение клиентов, относящихся к данному сегменту, их лояльность и разработку персонализированных банковских продуктов. Изучение поведения клиентов в премиальном банковском сегменте требует детального подхода, который охватывает различные аспекты их взаимодействия с банком, в том числе lifestyle-интересы.
Ключевые слова: премиальные клиенты, потребности, факторы выбора банка, смена банка, lifestyle-интересы, клиентские профили, потребительское поведение, предпочтения, премиум-банкинг.

Цифровая трансформация экономики, включая банковский сектор, развитие цифровых платформ и экосистем привели к широкому распространению встроенных финансовых услуг, персонализации клиентского опыта и медленному стиранию граней банковского обслуживания розничных клиентов и клиентов премиум-сегмента. Бурный рост платежных сервисов позволяет как банкам, так и другим финансовым и нефинансовым компаниям, получить огромный массив данных о клиентах, их предпочтениях, целях, интересах и др. Быстрая и бесплатная регистрация, возможность получения финансовой услуги у большинства поставщиков, делает банковскую кредитную организацию уязвимой перед существенным расширением конкурентной среды. Уже обычные клиенты с невысокими доходами имеют возможность получать персонализированное обслуживание, что снижает значимость выделения премиум-сегмента в банке.

В этих условиях перед банками стоит серьезная задача сохранить свои преимущества на рынке в банковском обслуживании, в первую очередь, клиентов, относящихся к премиум сегменту. Правильная сегментация и определение факторов, влияющих на выбор основного банка, данной категории клиентов, с использованием лучшего цифрового опыта, позволит существенно повысить эффективность клиентской политики и банковского бизнеса в целом. Опрос, проведенный компанией Bain and Company в 2023 году, выявил, что именно эти факторы напрямую коррелируют с показателем лояльности клиентов (Net Promoter Score (SM) — ключевым показателем лояльности). Цифровые банки, которые ранее в большей степени ориентировались на средний сегмент, активно выходят на рынок премиум-банкинга [1], и при этом показывают значительно более высокий показатель лояльности. Это говорит о том, что общее снижение показателя лояльности клиентов классических банков в ближайшем будущем может привести к снижению интереса к их услугам со стороны и премиум клиентов несмотря на то, что они всегда относились к наиболее лояльной группе. Современные премиум-клиенты уже привыкли к персонализации в других отраслях, ожидая от банков то же самое. Клиенты готовы доверять банкам свои персональные данные в обмен на понимание их личных приоритетов.

Проведенный опрос также показал, что в современных условиях для клиентов становится важным такой фактор, как приверженность банка принципам ESG, сферу которых также осваивают необанки.

Таким образом активно развиваются встречные процессы со стороны цифровых и классических банков в борьбе за клиентов с высокими доходами. И в

этой борьбе будут побеждать кредитные организации, для которых «правильно с первого раза» будет такой же простой задачей, как и для цифровых банков и финтехкомпаний, что требует фиксировать детали банковской услуги, затрагивать множество функций внутри банка и множество базовых процессов, таких как принцип «знай своего клиента» и борьба с отмыванием денег [1].

Чтобы выйти из этой сложной борьбы победителем, банку необходимо понимать потребности клиента, формировать стратегию для активного взаимодействия с ним в нужные моменты, развивать коммуникации на основе его действий с учетом постоянного расчета эффективности.

Изучение предпочтений клиентов при выборе основного банка для совершения ежедневных операций и реализации долгосрочных инвестиционных целей, является основой клиентской политики банка, в том числе сегментирования клиентов и выделения премиум-сегмента [2].

Предпочтения современных премиум клиентов основаны на опыте, который учитывает их уникальные потребности, что вполне доступно банкам с использованием аналитики данных и искусственного интеллекта.

В первую очередь банкам необходимо обеспечить плавный переход между каналами, впечатления и эмоциональную связь, приоритеты в сфере здоровья и благополучия, а также другие преимущества для своих премиум-клиентов.

Чтобы понять, как клиенты выбирают банк в премиальном сегменте, нужно учитывать не только финансовые показатели, но и их стиль жизни, эмоции и уровень доверия к бренду. В отличие от массового рынка, где решения часто основаны на выгодных условиях, состоятельные клиенты обращают внимание на эксклюзивность сервиса и репутацию финансового учреждения. Один из подходов рассматривает выбор банка не только как рациональный процесс, но и как эмоциональное решение. Клиенты могут ориентироваться на личные впечатления, рекомендации или престиж компании, даже если условия обслуживания схожи с конкурентами. Это объясняется тем, что премиальные банковские услуги связаны не только с управлением финансами, но и с определенным статусом. Также есть мнение, что предпочтения премиальных клиентов во многом определяются их образом жизни. Например, тем, кто часто путешествует и инвестирует за границей, важен доступ к международным финансовым инструментам. Другие, наоборот, ценят конфиденциальность и высокий уровень персонального сопровождения. В результате банки вынуждены адаптировать свои предложения под разные категории клиентов. Важный аспект – доверие. В этом сегменте клиенты ждут не просто качественного обслуживания, а долгосрочных отношений с банком. Если персональный менеджер понимает потребности клиента, предлагает удобные решения и поддерживает стабильную коммуникацию, вероятность смены банка снижается. При изучении поведения премиальных клиентов важно учитывать не только классические модели принятия решений, но и концепции поведенческой экономики. Например, согласно теории перспектив, клиенты могут по-разному воспринимать выгоды и риски, что влияет на их выбор банковских услуг. Кроме того, эффект приверженности бренду (brand loyalty) играет ключевую роль: даже если конкурент предлагает лучшие условия, клиент может остаться в банке, которому доверяет. Интересно также сравнить российский рынок Premium banking с западным опытом. В странах с развитой банковской системой (США, Великобритания, Швейцария) премиальные клиенты ориентируются не только на персонализированный сервис, но и на репутацию банка в международном масштабе. Российские же клиенты, по данным исследований, больше ценят гибкость обслуживания и скорость реакции на запросы. Это подтверждается высоким интересом к digital-решениям, что заставляет банки активно развивать онлайн-сервисы.

Концептуальная модель изучения поведения. Изучение поведения клиентов в премиальном банковском сегменте требует детального подхода, который охватывает различные аспекты их взаимодействия с банком. Для этого была разработана модель, которая объединяет ключевые факторы, влияющие на выбор банка и лояльность клиентов, а также причины, побуждающие их менять финансового партнера. Модель основана на понимании того, что потребности премиальных клиентов значительно отличаются от запросов массовой аудитории. Для них важны не только финансовые показатели, но и уровень обслуживания, который учитывает их индивидуальные особенности. Например, многие клиенты хотят, чтобы банк стал их надежным партнером, способным предлагать решения, которые соответствуют их долгосрочным целям. Ключевым элементом модели стало исследование причин, по которым клиенты меняют банк. В этом сегменте даже незначительные недочеты в сервисе могут стать решающими. Если клиент сталкивается с неудобным интерфейсом, низкой скоростью ответа на запросы или не получает обещанных услуг, это может привести к утрате доверия. Особое внимание в модели уделяется влиянию стиля жизни клиентов. Например, их финансовое поведение часто связано с личными интересами, такими как инвестиции в искусство, недвижимость или управление международными активами. Поэтому для банка важно учитывать эти предпочтения и предлагать соответствующие продукты и сервисы. Концептуальная модель помогает не только систематизировать информацию о клиентах, но и выявить основные тенденции их поведения. Она становится полезным инструментом для разработки стратегий, которые позволят банкам лучше понимать запросы премиальных клиентов и предлагать решения, способные удовлетворить их ожидания.

Проведенное исследование показало:

1. При выборе банка премиальные клиенты ориентируются не только на финансовые условия, но и на репутацию, уровень сервиса и персонализированный подход.

2. Развитие цифровых технологий влияет на лояльность клиентов: удобные онлайн-сервисы и персонализированные рекомендации повышают удовлетворенность.

3. Финансовые предпочтения клиентов зависят от их образа жизни: международные инвесторы ценят доступ к зарубежным рынкам, а статусные клиенты — эксклюзивные предложения.

4. Основные причины смены банка — низкое качество обслуживания, медленная реакция на запросы и отсутствие индивидуального подхода.

5. Премиальные клиенты разделяются на группы с разными приоритетами: одни ищут стабильность, другие — технологичность, третьи — статусные привилегии.

Выводы: Проведенное исследование показало, что премиальные клиенты в сегменте Premium banking предъявляют высокие требования к персонализации банковских услуг, качеству сервиса и цифровым решениям. Ключевым фактором лояльности является индивидуальный подход: клиенты ожидают, что банк будет предлагать персонализированные финансовые решения, оперативно реагировать на запросы и учитывать их lifestyle-интересы. Цифровизация играет все более значимую роль в выборе банка. Удобство мобильных сервисов, доступ к аналитике в реальном времени и возможность удаленного управления финансами становятся важными критериями удовлетворенности клиентов. Однако даже самые продвинутые digital-решения не могут полностью заменить личное взаимодействие и доверительные отношения с персональным менеджером. Анализ причин смены банка показал, что основными факторами недовольства являются низкое качество обслуживания, медленная реакция на запросы клиентов, отсутствие индивидуального подхода и недостаточная гибкость условий. Даже незначительные проблемы в сервисе могут привести к тому, что состоятельные клиенты начнут рассматривать альтернативные финансовые учреждения. Исследование также подтвердило гипотезу о том, что сегмент премиальных клиентов неоднороден и включает различные группы с разными финансовыми предпочтениями. Среди них можно выделить консервативных инвесторов, цифровых новаторов, статусных клиентов, глобальных инвесторов и активных предпринимателей. Каждая из этих групп предъявляет специфические требования к банковскому обслуживанию, что делает необходимым дальнейшее развитие стратегий сегментации и персонализации.

Литература

1. https://www.bain.com/insights/customer-behavior-and-loyalty-in-banking-global-edition-2023/

2. Premium banking в России 2021 / Frank RG. – 2022. – URL: https://frankrg.com/wp-content/uploads/2022/01/3e8a5f94dc56.pdf (дата обращения: 27.02.2025).

3. Premium banking в России 2023 – сегмент Top Affluent / Frank RG. – 2023. – URL: https://frankrg.com/wp-content/uploads/2023/11/7b757a0165a4.pdf (дата обращения: 27.02.2025).

4. Особенности банковского обслуживания премиальных клиентов / С. В. Иванова // Вестник финансового университета. – 2019. – № 4. – С. 52–60. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-bankovskogo-obsluzhivaniya-premialnyh-klientov (дата обращения: 28.02.2025).

5. Средства премиальных клиентов в российских банках выросли на треть / Ведомости. – 27.10.2023. – URL: https://www.vedomosti.ru/finance/articles/2023/10/27/1002798-sredstva-premialnih-klientov-v-rossiiskih-bankah-virosli-na-tret (дата обращения: 28.02.2025).

6. Как изменился private banking и что его ждет в России / РБК Тренды. – 27.01.2023. – URL: https://trends.rbc.ru/trends/innovation/cmrm/63d7cf309a79471c7ee193d6 (дата обращения: 28.02.2025).

7. Private Banking в России 2024 / Frank RG. – 2024. – URL: https://frankrg.com/wp-content/uploads/2024/01/d1bd0552d657.pdf (дата обращения: 28.02.2025).

8. Premium banking: что клиентам важнее всего / Frank Media. – 15.06.2018. – URL: https://frankmedia.ru/5118 (дата обращения: 01.03.2025).

9. Особенности обслуживания клиентов Private Banking в российском коммерческом банке / А. П. Сидоров // Финансовые исследования. – 2017. – № 2. – С. 45–53. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-obsluzhivaniya-klientov-private-banking-v-rossiyskom-kommercheskom-banke.pdf (дата обращения: 01.03.2025).

10. Новый баланс: как выбрать банк премиального обслуживания / Forbes. – 01.06.2024. – URL: https://www.forbes.ru/spetsproekt/513546-novyj-balans-kak-vybrat-bank-premial-nogo-obsluzivania (дата обращения: 01.03.2025).

11. Premium Banking – новые возможности в новой реальности / Expert South. – 15.07.2021. – URL: https://expertsouth.ru/articles/premium-banking-novye-vozmozhnosti-v-novoy-realnosti/ (дата обращения: 01.03.2025).

Premium Banking and Digital Transformation in Russia

Zubkova S.V., Luchkin N.S.

Financial University under the Government of the Russian Federation

JEL classification: G20, G24, G28, H25, H30, H60, H72, H81, K22, K34

The Premium banking market in Russia is developing rapidly due to the growing wealth of wealthy clients and their increased demands for banking services. Banks offer exclusive services, including capital management, investment consulting and concierge service.

The article is devoted to the study of the behavioral characteristics and preferences of the target consumer in the Premium banking segment in Russia in the context of the digital transformation of the banking sector. The study is focused on identifying the key factors that determine the choice and loyalty of clients in this market. The article presents a conceptual model for analyzing consumer behavior in the premium banking sector, taking into

account the psychological and socio-economic aspects of decision-making.

The use of big data, artificial intelligence and other digital technologies in the Premium Banking system allows for a new way of studying customers in this segment, their loyalty and developing personalized banking products. Studying customer behavior in the premium banking segment requires a detailed approach that covers various aspects of their interaction with the bank, including lifestyle interests.

Keywords: premium customers, needs, factors of choosing a bank, changing banks, lifestyle interests, customer profiles, consumer behavior, preferences, premium banking.

References

1. https://www.bain.com/insights/customer-behavior-and-loyalty-in-banking-global-edition-2023/
2. Premium banking in Russia 2021 / Frank RG. – 2022. – URL: https://frankrg.com/wp-content/uploads/2022/01/3e8a5f94dc56.pdf (accessed: 02/27/2025).
3. Premium banking in Russia 2023 – Top Affluent segment / Frank RG. – 2023. – URL: https://frankrg.com/wp-content/uploads/2023/11/7b757a0165a4.pdf (accessed: 02/27/2025).
4. Features of banking services for premium clients / S. V. Ivanova // Bulletin of the Financial University. - 2019. - No. 4. - P. 52-60. - URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-bankovskogo-obsluzhivaniya-premialnyh-klientov (date of access: 02/28/2025).
5. Premium clients' funds in Russian banks increased by a third / Vedomosti. - 10/27/2023. - URL: https://www.vedomosti.ru/finance/articles/2023/10/27/1002798-sredstva-premialnih-klientov-v-rossiiskih-bankah-virosli-na-tret (date of access: 02/28/2025).
6. How has private banking changed and what awaits it in Russia / RBC Trends. - 27.01.2023. - URL: https://trends.rbc.ru/trends/innovation/cmrm/63d7cf309a79471c7ee193d6 (date of access: 28.02.2025).
7. Private Banking in Russia 2024 / Frank RG. - 2024. - URL: https://frankrg.com/wp-content/uploads/2024/01/d1bd0552d657.pdf (date of access: 28.02.2025).
8. Premium banking: what is most important to clients / Frank Media. - 15.06.2018. – URL: https://frankmedia.ru/5118 (date of access: 01.03.2025).
9. Features of servicing Private Banking clients in a Russian commercial bank / A. P. Sidorov // Financial research. – 2017. – No. 2. – P. 45–53. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-obsluzhivaniya-klientov-private-banking-v-rossiyskom-kommercheskom-banke.pdf (date of access: 01.03.2025).
10. New balance: how to choose a premium service bank / Forbes. – 01.06.2024. – URL: https://www.forbes.ru/spetsproekt/513546-novyj-balans-kak-vybrat-bank-premial-nogo-obsluzivania (date of access: 01.03.2025).
11. Premium Banking – new opportunities in the new reality / Expert South. – 15.07.2021. – URL: https://expertsouth.ru/articles/premium-banking-novye-vozmozhnosti-v-novoy-realnosti/ (date of access: 01.03.2025).

IPO как инструмент привлечения капитала российских публичных компаний на финансовом рынке

Коновалова Мария Евгеньевна
доктор экономических наук, профессор, директор Института национальной и мировой экономики, Самарский государственный экономический университет, mkonoval@mail.ru

Кузьмина Ольга Юрьевна
кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории, Самарский государственный экономический университет, pisakina83@yandex

Жиронкин Сергей Александрович
профессор кафедры открытых горных работ, Кузбасский государственный технический университет, zhironkin@inbox.ru

Искосков Максим Олегович
доктор экономических наук, профессор, директор Института финансов, экономики и управления Тольяттинский государственный университет, maksim250881@mail.ru

Бадриева Азалия Азатовна
магистрант, Самарский государственный экономический университет, badrievaaa@mail.ru

В настоящее время в условиях жестких финансовых ограничений вопросы привлечения инвестиционных ресурсов приобретают особую актуальность. Российский финансовый рынок, несмотря на достаточно небольшую история представляется весьма привлекательным для инвестиционных вложений. Наблюдаемые в последние несколько лет процессы импортозамещения обусловливают развитие отечественный предприятий различной отраслевой направленности. Одним из инструментов привлечения инвестиционных средств является IPO, которое в последние несколько лет стало популярным направлением привлечения денежных средств для компаний в связи с нарастающей глобализацией и развитием мирового рынка капитала. Многие компании со временем начинают проявлять интерес к привлечению дополнительного финансирования для расширения собственной деятельности вне зависимости от размера организации. Подобный спрос со стороны организаций объясняется тем, что рынок данного способа фондирования предполагает привлечение крупного капитала без возможных обязательств со стороны кредиторов, поэтому российские компании стали активно интересоваться проведением первичного публичного размещения акций. В данной статье авторами было уделено особое внимание практическому исследованию влияния IPO на финансовое состояние компании, а также изучению рынка первичных публичных размещений в целом. Для более глубокого погружения в тему был рассмотрен рынок IPO высокотехнологичных компаний, а также был составлен тренд развития рынка первичного публичного размещения на пятилетнем горизонте планирования.
Ключевые слова: IPO, привлечение средств, размещение, компании, финансирование, риск, доходность, ценные бумаги, институциональные инвесторы

Введение. Вопросы привлечения инвестиционных ресурсов посредством первичного размещения ценных бумаг на финансовом рынке исследуются многими учеными экономистами. Среди наиболее известных трудов в области инвестиционного процесса посредством процедуры IPO можно отметить работы Ю.А. Афанасьевой [1], И.А. Богуш [2], П.В. Гулькина [3], Я.М. Миркина [4], А.И. Соснило[5]. Современным процессам осуществления процедуры первичного размещения ценных бумаг публичными компаниями посвящены труды В.Ю. Гайдаева В [6], М.Е. Григорьева [7], К.А. Демидкиной [8] и других. Специфика осуществления процедуры IPO на российском финансовом рынке рассматривается такими учеными как: А.Е. Молчановой [9], Д.Н. Проскурина [10], В.В. Петрусенко [11], И.Р. Кузьмин [12], Е. С. Матерова [13], Ефимович, А. С.[14]. Тем не менее, следует заметить, что в представленных трудах отсутствует глубокий анализ особенностей осуществления процедуры первичного размещения ценных бумаг на российском финансовом рынке, с присущими ему преимуществами перед другими формами привлечения инвестиционных ресурсов.

Для того, чтобы провести данный анализ большое значение имеет такая группа источников как статистика, публикуемая на сайтах Банка России, а также сайте Московской биржи и показывающая количество осуществлённых IPO российскими предприятиями и организациями за последние несколько лет.

Цель исследования заключается в анализе и оценке процесса IPO российских публичных компаний в современных условиях жестких финансовых ограничений, геополитической и экономической нестабильности, а также в разработке рекомендаций по совершенствованию процедуры публичного размещения ценных бумаг на финансовом рынке.

Материал и методы исследования

В процессе исследования применялись общенаучные методы познания, среди локальных методов можно отметить аналогию, синтез, дедукцию, индукцию, метод экспертных оценок. Использование данных методологических инструментов позволило авторам проанализировать современный рынок IPO и показать значение первичного размещения ценных бумаг с целью привлечения инвестиционных ресурсов. Применение метода событийного анализа позволил оценить эффективность размещения ценных бумаг за счет динамики цены акции на бирже.

Результаты исследования и их обсуждение

Многие компании со временем начинают становиться заинтересованными в привлечении дополнительного финансирования для расширения собственной деятельности вне зависимости от размера организации. Помимо, всем известного, кредитования существует еще один эффективный способ привлечения денег на финансовом рынке, а именно первичное публичное размещение акций или как принято называть этот процесс в мировой практике «IPO».

IPO в последние несколько лет стало популярным направлением привлечения денежных средств для компаний в связи с нарастающей глобализацией и развитием мирового рынка капитала [1], ведь IPO даёт ряд преимуществ в качестве диверсификации источников финансирования, отсутствия залога при привлечении средств (как в том же кредите) и жестких временных рамок возврата денег.

В российской же практике законодательно термин IPO не закреплен. Предположительно, это обусловлено тем, что история возникновения и распространения этого процесса является не столь продолжительной, и ко всему прочему, российский рынок IPO не может похвастаться большим объемом выпуска среди компаний, следствием чего можно назвать несформированный целостный понятийный аппарат данного явления [2]. Поэтому четко законодательно определённого термина IPO не существует, и многие отечественные авторы не пришли к единому мнению по поводу толкования данного определения. Однако сформировалось некое общее определение процесса IPO в экономическом пространстве, под которым понимается «первичное публичное размещение» акций, с целью их последующей продажи на фондовом рынке. Причем первичный выход компании на биржу подразумевает «публичность», то есть ориентацию на распределение ценных бумаг среди широкого круга инвесторов.

Рынок IPO в России имеет неоднородную структуру и динамику [3].

Российский рынок первичных публичных размещений до пандемии не отличался обилием выпусков. На рис.1 наглядно продемонстрирована динамика проведения первичных публичных размещений на российских биржевых площадках в натуральном выражении.

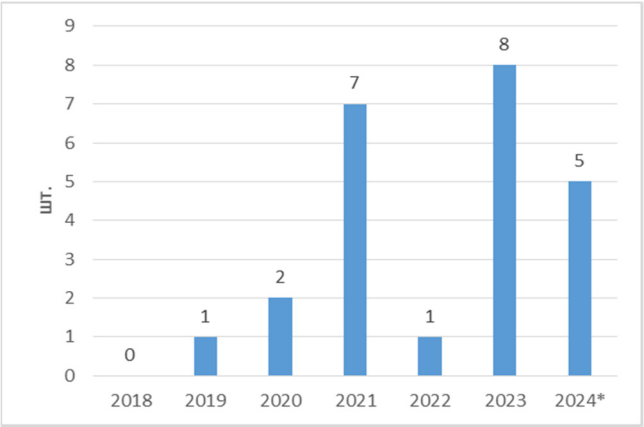

Рис. 1. Число проведение IPO в России за последние 7 лет

Относительно небольшая динамика IPO до 2023 года (кроме 2021 года), говорит о том, что крупные компании, заинтересованные в привлечении большого капитала, не рассматривали Россию как площадку для реализации своих планов, поэтому их внимание привлекали зарубежные рынки капитала:

Во-первых, до 2021 года наблюдалась малая активность частных инвесторов, так по данным Московской биржи (рис. 2.) число таких инвесторов до 2022 года не превышало 42% [4]. Однако уже после 2022 года их число выросло на 32,7% [8, 11]. Поэтому для компаний, планирующих выйти на IPO, было нецелесообразно проводить крупные размещения на отечественных площадках до санкций.

Во-вторых, на российском рынке исторически наблюдается стремительное развитие нескольких секторов (например, нефти и газа), другие же сферы проигрывают им, что собственно и вызывает трудности для других компаний из различных отраслей, при размещении на отечественном рынке [1, 14].

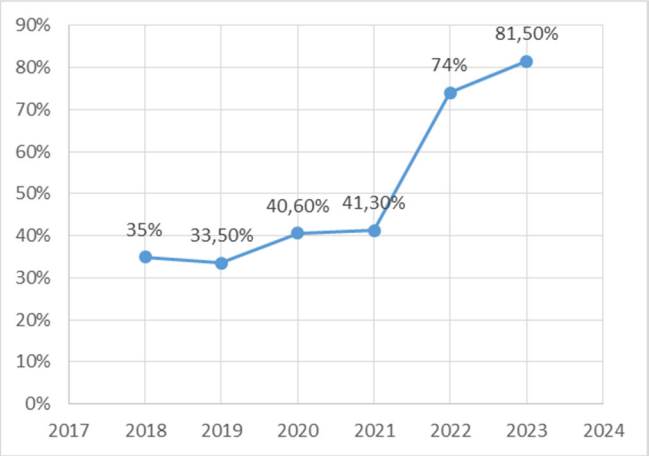

Рис. 2. Динамика доли частных инвесторов в объеме торгов акциями за 6 лет

В-третьих, до 2022 года можно было говорить о сильной зависимости российского рынка от иностранного капитала. Это упрощало возможность для крупных компаний привлечь большие инвестиции (в период 2022 года девальвация рубля способствовала росту российского рынка акций, ориентированных на экспорт).

Проанализировав данные, можно сказать, что рынок IPO после 2022 года сильно трансформировался [2]. Крупные игроки сменились менее сильными, иностранные биржи закрыли свои площадки для российских компаний из-за геополитической напряженности.

Активность розничных инвесторов стала драйвером роста финансового рынка в целом (рис. 3). В 2023 году на смену сильным крупным игрокам пришли розничные инвесторы, которые поднимали рынок за счёт увеличения числа мелких сделок, т.е. наблюдался рост ликвидности [9]. К тому же, запрет торговли иностранными акциями вынудил российских инвесторов обратить свое внимание на отечественный финансовый рынок, вливая в него свои сбережения.

Рис. 3. Структура инвесторов в объеме торгов акциями в 2022-2023 г

Напряженная геополитическая обстановка особенно сильно ударила по отрасли информационных технологий. В связи с уходом с российского рынка зарубежных IT-компаний и программных обеспечений [10], Россия стала вкладывать все больше сил и ресурсов, чтобы заменить их на отечественные аналоги, поэтому для России стало особенно важно развивать данный сегмент и привлекать дополнительный инвестиционный капитал через проведение IPO [3,12].

Российский рынок IT рос из года в год на основании отчёта Strategy Partners, к тому же, темпы его роста были более чем в 2,5 раза выше мировых показателей (рис. 4), средний темп прироста составлял 13,51% [5]. До 2022 года объем рынка в среднем возрастал на 27,56%, однако в 2022 году из-за обострения геополитической ситуации и ухода зарубежных производителей ПО и других IT компаний, отечественный рынок упал на 9,87%.

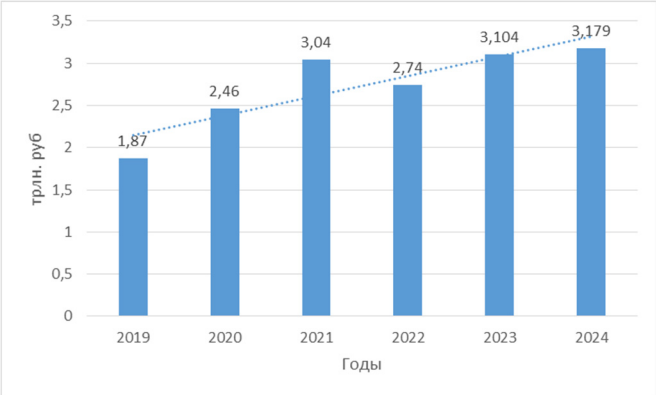

Рис. 4. Состояние российского рынка IT за 5 лет

На основании имеющихся данных, авторами был составлен индивидуальный прогноз состояния рынка IT через 5 лет по линейному тренду (рис. 5). Так, уже к 2028 году объем высокотехнологичного рынка может составить более 4,5 триллионов рублей, сохраняя при этом среднегодовой темп развития на уровне 7,13%.

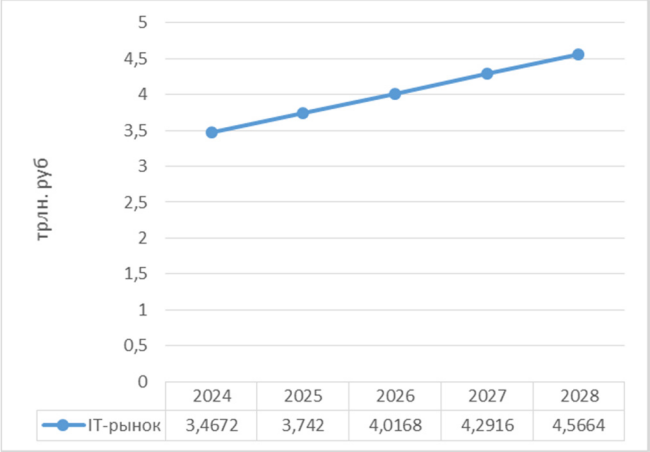

Рис. 5. Прогноз состояния рынка IT через 5 лет

В целом, можно утверждать, что в течение 5 лет рынок IT только будет набирать обороты, в связи с этим целесообразно полагать, что для наращивания темпов развития компании будут заинтересованы в проведении IPO [13,12]. Также об этом может свидетельствовать рост индекса MOEXIT, который представляет собой сектор «информационных технологий» [4]. Он, в свою очередь, по данным investing.com вырос за год на 84,91%, что опережает темп роста индекса IMOEX, который вырос за год лишь на 30,16%.

Помимо рассмотрения общей динамики рынка IPO, был также рассмотрен реальный пример влияния первичного публичного размещения на деятельность компании ПАО «ВУШ Холдинг». Компания предоставляет услуги шеринга электрических самокатов, однако с уверенность Whoosh нельзя полностью отнести к простому сегменту «кикшеринга», так как он представляет собой гибрид микромобильности и IT-решений. Для расширения сферы своего влияния, а также усовершенствования технологий, компания решила привлечь деньги посредством выпуска акций на биржу 14 декабря 2022 года, выпустив бумаги по цене 185 рублей, что в целом дало определённые результаты: мультипликаторы, также, как и основные финансовые показатели (в том числе выручка, чистая прибыль и EBITDA в среднем выросли в 2 раза через год после размещения, а долговая нагрузка также имела тенденцию к снижению) (рис. 6), что свидетельствует об относительно успешном привлечении денежных средств (таб. 1).

Таблица 1
Мультипликаторы и коэффициенты ПАО «Вуш Холдинг»

Коэффициенты	*2019*	*2020*	*2021*	*2022*	*2023*
E/A (коэффициент автономии)	0,12	0,16	0,47	0,43	0,32
D/A (коэф. фин. зависимости)	0,88	0,84	0,53	0,57	0,68
C/D (ден.сред. к долгу)	0,23	0,03	0,14	0,42	0,25
Cash Ratio	0,23	0,06	0,34	1,38	1,13
Quick Ratio	0,27	0,07	0,73	1,71	1,42
Current Ratio	0,78	0,12	1,02	1,97	1,91
P/E Ratio	-	-	10,10	27,63	12,47
P/BV Ratio	-	-	7,69	3,74	4,22
P/S Ratio	-	-	4,48	2,61	2,26
ROE	101,21%	106,90%	74,68%	17,06%	33,84%
ROA	11,99%	16,86%	34,90%	7,27%	10,70%

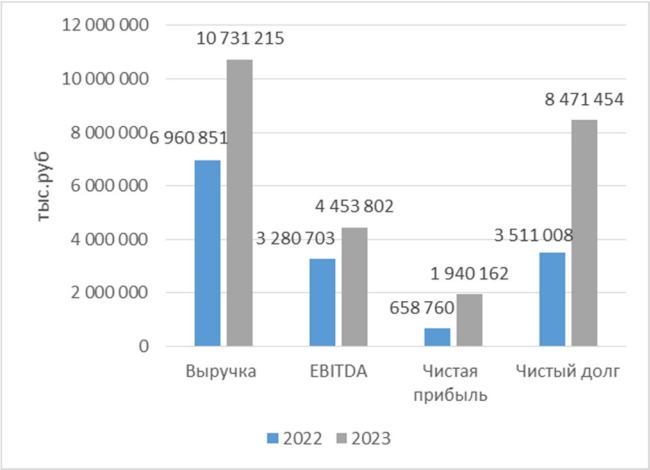

Рис. 6 – Результаты деятельности ПАО «Вуш Холдинг» после IPO

Также при детальном рассмотрении компании после выхода на IPO также был проведен событийный анализ, который позволил оценить эффективность размещения за счет динамики цены акции на бирже. Данный метод позволяет наблюдать за реакцией рынка на определённые события.

В качестве окна событий рассматривался курс акций компании через один, три и шесть месяцев после IPO. В первый месяц после начала торгов акции Whoosh снизились на 11,17%, возможно, это произошло по причине того, что ожидания инвесторов, которые планировали спекулировать на росте цены актива в первые дни торгов, не оправдались, поэтому они стали активно закрывать позиции, увидев просадку (рис.7).

Через 3 месяца акции выросли на 7,76%, а уже через 6 месяцев на 20,62% [12]. В целом можно говорить, что акции ПАО «Вуш Холдинг» имели восходящий тренд на протяжении полугода с момента IPO, поэтому можно судить об относительно эффективном первичном публичном размещении. Конечно, в начале месяца наблюдалось снижение цены, но в целом это нормальная практика для многих компаний после размещения.

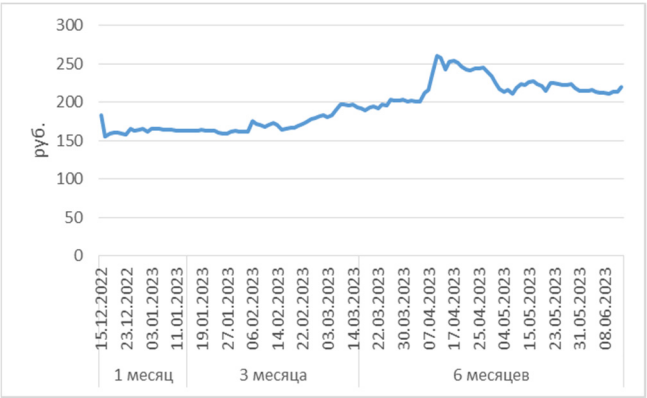

Рис.7 – Диапазон изменения цен акций ПАО «Вуш Холдинг» после IPO

Помимо проведенного анализа, об успешности первичного публичного размещения позволяет также судить соотношение полученного эффекта и затрат. В хозяйственной практике принято считать, что на IPO закладывается до 10-12% от планируемого привлечения. Исходя из данных отчетности 2023 года, можно говорить, что ПАО «Вуш Холдинг» находится в пределах допустимой нормы, так как оценка её эффективности составила 7,4% (таб. 2), что лишний раз говорит об относительно хорошо проведенном IPO [30].

Таблица 2
Показатели эффективности IPO Whoosh

Реальный объем привлеченных средств (тыс.руб)	2100000
Затраты на IPO (тыс.руб)	155314

Whoosh смогла относительно хорошо провести IPO, итогом которого стало кратное превышение многих финансовых показателей, расширение парка средств индивидуальной мобильности во многих городах, а также усовершенствование электросамокатов.

Подводя итог сказанному, можно сказать, что развитие экономического потенциала организаций невозможно без привлечения инвестиций. Не только относительно молодым и развивающимся компаниям необходима финансовая поддержка, но и достаточно крупным и зрелым организациям для масштабирования их деятельности. Российский рынок IPO показывал различную динамику за последние пару лет. Адаптация к меняющимся условиям позволила рынку с 2022 года носить сугубо внутренний характер. Россия смогла приспособиться к изменившимся условиям, в частности стала укреплять IT-отрасль, что принесло значительные вливания в финансовый рынок. Также компания ПАО «Вуш Холдинг» на собственном примере продемонстрировала, как IPO может эффективно влиять на функционирование, кратное увеличение финансовых показателей и расширение компании, за счет привлеченного капитала на финансовом рынке.

Заключение

Расширение деятельности компаний невозможно без привлечения инвестиций. IPO – это один из методов получения денег от различных инвесторов в целях оказания финансовой помощи компаниям.

В ходе написания статьи были полномерно изучены основные этапы проведения первичного публичного размещения акций, а также установлены основные причины и цели, которые преследуют различные участники в IPO.

Российский рынок IPO, также, как и глобальный, в последние несколько лет переживал взлеты и падения, вызванные различными политическими и экономическими ситуациями. Изучение рынка показало, что он способен адаптироваться к любым трудностям, примером чего и послужило оживление после пандемии в 2021 году и геополитической напряженности в 2022 году.

Несмотря на относительно малый объем рынка, IPO в России с 2022 года носит сугубо внутренний характер, теперь же российским компаниям запрещен вход на иностранные площадки. Несмотря на

то, что российский рынок резко отрезали от мирового, Россия смогла приспособиться к изменившимся условиям, в частности стала укреплять IT-отрасль, так как за последние несколько лет сегмент информационных технологий показывал бурный рост во всем мире. Так, по прогнозам объем рынка IT в России уже к 2028 году может достигнуть 4,5-5,6 триллионов рублей. Именно поддержка со стороны государства будет способствовать тому, что российские высокотехнологичные компании все чаще будут размещать свои акции на отечественной площадке, тем самым развивая рынок первичных публичных размещений.

В рамках изучения данной темы была рассмотрена относительно молодая, развивающаяся компания ПАО «Вуш Холдинг» (единственная организация, вышедшая на IPO в 2022 году). Whoosh в силу своей специфичной деятельности, связанной не только с предоставлением услуг шеринга средств индивидуальной мобильности, но и с высокотехнологичными решениями, представлял особый интерес к рассмотрению. Не смотря на тяжелый в экономическом и политическом плане 2022 год, компания все же решила выйти на IPO в столь трудный год, а инвесторы, соскучившись по размещениям с пристальным вниманием следили за IPO.

Рост финансовых показателей до размещения привлек многих. После относительно хорошего IPO, показатели компании выросли многократно, однако в силу возможных ограничений со стороны законодательства и прекращении оказания господдержки, перспективы на столь долгосрочный рост пока туманны. Также оценку эффективности размещения помог дать событийный анализ, который на горизонте 1,3 и 6 месяцев после IPO показал неплохой рост динамики цены акций на бирже.

Литература

1. Афанасьева Ю. Что такое IPO и как на нем заработать? / Афанасьева Ю., [Электронный ресурс] // Финам: [сайт]. — URL: https://www.finam.ru/publications/item/chto-takoe-ipo-i-kak-na-nem-zarabotat-20200723-13400/?ysclid=lrguez4zk8816251904#title1 (дата обращения: 20.03.2024)

2. Богуш, И. А. IPO в практике российских компаний / И. А. Богуш, Е. А. Курбатова // Наука и общество: проблемы современных гуманитарных исследований: Сборник трудов V Всероссийской очно-заочной научно-практической конференции студентов-стипендиатов Оксфордского Российского Фонда в рамках Международной недели науки и мира СГУ - 2019, Саратов, 16 ноября 2019 года / Под редакцией Д.Н. Конакова. – Саратов: ИЦ "Наука", 2020. – С. 45-47. – EDN WTKSTW (дата обращения: 20.03.2024)

3. Гулькин П., IPO. Начало работы: практическое пособие по первоначальному публичному предложению акций (IPO) / П. Гулькин. — СПб.: Альпари, 2002. — 238 с. (дата обращения: 20.03.2024)

4. Миркин Я.М. Методические рекомендации для эмитентов по подготовке IPO / Я.М. Миркин. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://blog.iteam.ru/metodicheskie-rekomendatsii-dlya-emitentov-po-podgotovke-ipo/ (дата обращения: 20.03.2024)

5. Соснило, А. И. Анализ и оценка эффективности IPO Российских компаний / А. И. Соснило, А. С. Оноре, Г. С. Оноре // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия: Экономика и экологический менеджмент. – 2023. – № 1. – С. 27-33. – DOI 10.17586/2310-1172-2023-16-1-27-33. – EDN KUYTIC (дата обращения: 20.03.2024)

6. Гайдаев В., Технологичные инвестиции / Гайдаев В., [Электронный ресурс] // Коммерсантъ: [сайт]. — URL: https://www.kommersant.ru/doc/6522850?ysclid=ltsoo8veq61670045 (дата обращения: 20.03.2024)

7. Григорьев М. Что такое IPO и как заработать на компаниях, выходящих на биржу: гид для новичков на фондовом рынке / Григорьев М., [Электронный ресурс] // rb.ru: [сайт]. — URL: https://rb.ru/opinion/what-is-ipo/?ysclid=ltx5u0e0em723296256#how-to-join (дата обращения: 20.03.2024)

8. Демидкина К. Сервис аренды самокатов Whoosh планирует IPO / Демидкина К., Тофанюк. Е. [Электронный ресурс] // forbes.ru: [сайт]. — URL: https://www.forbes.ru/svoi-biznes/477007-servis-arendy-samokatov-whoosh-planiruet-ipo?ysclid=lx0emccc1y824300389 (дата обращения: 04.06.2024)9.

9. Молчанова А., Первичное размещение акций IPO / А. Молчанова [Электронный ресурс] // Совкомблог: [сайт]. — URL: https://journal.sovcombank.ru/umnii-potrebitel/pervichnoe-razmeschenie-aktsii-ipo?ysclid=lsdds65d5615401838#h_102399392121697708515617 (дата обращения: 20.03.2024)

10. Проскурин. Д., Склюев. И. Кикшеринг в России 2023 / Проскурин. Д., Склюев. И. [Электронный ресурс] // truesharing.ru: [сайт]. — URL: https://truesharing.ru/tp/44076/ (дата обращения: 04.06.2024)

11. Петрусенко, В. В. Анализ проведенных IPO на мировых биржах, их преимущества и недостатки / В. В. Петрусенко // Вестник науки. – 2024. – Т. 1, № 7(76). – С. 123-125.

12. Кузьмин, И. Р. Проведение IPO как способ привлечения капитала / И. Р. Кузьмин, Т. Е. Малышева // Современные проблемы инновационной экономики. – 2024. – № 11. – С. 206-211. – DOI 10.52899/978-5-88303-710-7_206

13. Российский рынок IPO в современных кризисных условиях: риски и тенденции / Е. С. Матерова, А. А. Курилова, И. В. Копылов, П. Г. Федоров // Экономическое развитие России. – 2024. – Т. 31, № 7. – С. 143-149.

14. Ефимович, А. С. Ренессанс российского рынка IPO / А. С. Ефимович // Вестник Академии знаний. – 2024. – № 5(64). – С. 466-469.

IPO as a tool for raising capital of russian public companies in the financial market

Konovalova M.E., Kuzmina O.Yu., Zhironkin S.A., Iskoskov M.O., Badrieva A.A.
Samara State University of Economics, Kuzbass State Technical University, Tolyatti State University

JEL classification: G20, G24, G28, H25, H30, H60, H72, H81, K22, K34

Currently, in conditions of severe financial constraints, the issues of attracting investment resources are becoming particularly relevant. The Russian financial market, despite its rather small history, seems to be very attractive for investment. The import substitution processes observed in the last few years have led to the development of domestic enterprises of various industry orientations. One of the tools for attracting investment funds is the IPO, which has become a popular way of raising funds for companies in recent years due to the increasing globalization and development of the global capital market. Over time, many companies begin to show interest in attracting additional financing to expand their own activities, regardless of the size of the organization. This demand from organizations is explained by the fact that the market for this type of financing involves attracting large capital without possible obligations from creditors, so Russian companies have become actively interested in conducting an initial public offering of shares. In this article, the authors paid special attention to the practical study of the impact of the IPO on the financial condition of the company, as well as the study of the initial public offerings market in general. For a deeper dive into the topic, the IPO market of high-tech companies was considered, and the trend of development of the initial public offering market over a five-year planning horizon was compiled.

Keywords: IPO, fundraising, placement, companies, financing, risk, profitability, securities, institutional investors

References

1. Afanasyeva Yu. What is an IPO and how to make money on it? / Afanasyeva Yu., [Electronic resource] // Finam: [website]. — URL: https://www.finam.ru/publications/item/chto-takoe-ipo-i-kak-na-nem-zarabotat-20200723-13400/?ysclid=lrguez4zk8816251904#title1 (date accessed: 20.03.2024)
2. Bogush, I. A. IPO in the practice of Russian companies / I. A. Bogush, E. A. Kurbatova // Science and society: problems of modern humanitarian research: Collection of works of the V All-Russian in-person and correspondence scientific and practical conference of students-scholars of the Oxford Russian Fund within the framework of the International Week of Science and Peace of Saratov State University - 2019, Saratov, November 16, 2019 / Edited by D.N. Konakov. - Saratov: IC "Science", 2020. - P. 45-47. – EDN WTKSTW (date of access: 20.03.2024)
3. Gulkin P., IPO. Getting Started: A Practical Guide to Initial Public Offerings (IPO) / P. Gulkin. - St. Petersburg: Alpari, 2002. - 238 p. (date of access: 20.03.2024)
4. Mirkin Ya.M. Methodological Recommendations for Issuers on Preparing an IPO / Ya.M. Mirkin. [Electronic resource]. – Access mode: https://blog.iteam.ru/metodicheskie-rekomendatsii-dlya-emitentov-po-podgotovke-ipo/ (date of access: 20.03.2024)
5. Sosnilo, A. I. Analysis and evaluation of the IPO efficiency of Russian companies / A. I. Sosnilo, A. S. Honore, G. S. Honore // Scientific journal of NRU ITMO. Series: Economics and environmental management. – 2023. – No. 1. – P. 27-33. – DOI 10.17586/2310-1172-2023-16-1-27-33. – EDN KUYTIC (date accessed: 20.03.2024)
6. Gaidaev V., Technological investments / Gaidaev V., [Electronic resource] // Kommersant: [site]. - URL: https://www.kommersant.ru/doc/6522850?ysclid=ltsoo8veq61670045 (date accessed: 20.03.2024)
7. Grigoriev M. What is an IPO and how to make money on companies going public: a guide for beginners in the stock market / Grigoriev M., [Electronic resource] // rb.ru: [site]. — URL: https://rb.ru/opinion/what-is-ipo/?ysclid=ltx5u0e0em723296256#how-to-join (date of access: 20.03.2024)
8. Demidkina K. Scooter rental service Whoosh plans an IPO / Demidkina K., Tofanyuk. E. [Electronic resource] // forbes.ru: [website]. — URL: https://www.forbes.ru/svoi-biznes/477007-servis-arendy-samokatov-whoosh-planiruet-ipo?ysclid=lx0emccc1y824300389 (date of access: 04.06.2024)9.
9. Molchanova A., Initial Public Offering (IPO) / A. Molchanova [Electronic resource] // Sovcomblog: [site]. — URL: https://journal.sovcombank.ru/umnii-potrebitel/pervichnoe-razmeschenie-aktsii-ipo?ysclid=lsdds65d5615401838#h_102399392121697708515617 (accessed: 20.03.2024)
10. Proskurin. D., Sklyuev. I. Kicksharing in Russia 2023 / Proskurin. D., Sklyuev. I. [Electronic resource] // truesharing.ru: [site]. — URL: https://truesharing.ru/tp/44076/ (date accessed: 04.06.2024)
11. Petrusenko, V. V. Analysis of IPOs conducted on world stock exchanges, their advantages and disadvantages / V. V. Petrusenko // Bulletin of Science. - 2024. - Vol. 1, No. 7 (76). - P. 123-125.
12. Kuzmin, I. R. Conducting an IPO as a way to attract capital / I. R. Kuzmin, T. E. Malysheva // Modern problems of innovative economics. - 2024. - No. 11. - P. 206-211. – DOI 10.52899/978-5-88303-710-7_206
13. Russian IPO market in modern crisis conditions: risks and trends / E. S. Materova, A. A. Kurilova, I. V. Kopylov, P. G. Fedorov // Economic development of Russia. – 2024. – Vol. 31, No. 7. – P. 143-149.
14. Efimovich, A. S. Renaissance of the Russian IPO market / A. S. Efimovich // Bulletin of the Academy of Knowledge. – 2024. – No. 5(64). – P. 466-469.

Корпоративные облигации к источник финансирования субъектов малого и среднего бизнеса

Коновалова Мария Евгеньевна
доктор экономических наук, профессор, Самарский государственный экономический университет, mkonoval@mail.ru

Кузьмина Ольга Юрьевна
кандидат экономических наук, доцент Самарский государственный экономический университет, pisakina83@yandex.ru

Жиронкин Сергей Александрович
доктор экономических наук, профессор, Кузбасский государственный технический университет, zhironkin@inbox.ru

Джумаев Султан Ровшанович
аспирант, Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, economy12@mail.ru

Доценко Елена Юрьевна
кандидат экономических наук, доцент, Российский государственный экономический университет им. Г.В. Плеханова, dotsenko.ey@rea.ru

Проблемы развития малого и среднего бизнеса в настоящее время вызывают интерес как научного, так и бизнес сообщества в связи с возрастающей необходимостью формирования экономического суверенитета нашей страны. Традиционно именно субъекты МСП наиболее чутко реагируют на изменение внешней и внутренней конъюнктуры, что обусловливает их гибкость, адаптивность и подвижность в организации производственных процессов. Ограничения внешнего фондирования, вызванные беспрецедентным санкционные давлением, обусловливает необходимость поиска дополнительных источников финансирования. Инструменты финансового рынка в этой связи представляются достаточно оптимальным механизмом привлечения инвестиционных средств. Цель статьи состоит в развитии теоретических и методических аспектов осуществления эмиссии корпоративных облигаций, а также в выработке практических рекомендаций по размещению данного вида ценных бумаг на Московской бирже. Авторами статьи рассмотрены компании малого и среднего бизнеса, относящиеся к сектору роста на Московской бирже, проведен анализ мер их государственной поддержки, показаны особенности эмиссии облигаций данными хозяйствующими субъектами.
Кроме того, определенным результатом научной работы является разработанные авторами практические рекомендации по увеличению инвестиционной привлекательности деятельности НПФ на российском финансовом рынке, а также сформулированные основные направления совершенствования инвестиционной деятельности НПФ по размещению пенсионных резервов и инвестированию пенсионных накоплений, в составе которых выделен ряд новых перспективных направлений.
Ключевые слова: корпоративные облигации, сектор роста, Московская биржа, купонный доход, прибыль, рыночная стоимость, эмиссия, выпуск.

Введение.

Малое и среднее предпринимательство играет важную роль в экономическом развитии государства, хоть оно и более чувствительно к экономическим колебаниям и связано с более высокими рисками, однако количество субъектов, занимающихся малым и средним предпринимательство, динамично растет на протяжении нескольких лет. По состоянию на январь 2024 года количество субъектов МСП, включая юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, составляет6 561 582, из которых 17% (1 122 056) субъектов приходится на Приволжский федеральный округ, в то время как на январь 2023 года количество субъектов насчитывало 5 991 349 с таким же процентным соотношением Приволжского федерального округа, прирост за год составил 9,5% или 570 233 субъекта, что говорит о динамичном росте сектора.

Однако дополнительное привлечение средств является неотъемлемой частью развития сектора, поэтому государство активно учувствует в формировании национальных проектов, один из которых «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы». Ключевыми источниками фондирования МСП являются кредиты, субсидии, гранты, а также облигации.

Облигации являются альтернативой банковским кредитам и займам и уже получили свое признание среди инвесторов. Особенностью данного источника является то, что таким способом компания покрывает кассовые разрывы в краткосрочном и долгосрочном периодах, и привлекает к себе внимание на фондовом рынке

Степень разработанности проблемы исследования. В состоянии экономической нестабильности в стране обсуждение проблем и перспектив развития корпоративных облигаций в секторе МСП привлекут за собой положительные результаты и изменения.

Большое количество трудов учёных посвящено изучению теоретических основ корпоративных облигаций, среди которых авторы: Земцов С.П. [1]., Козлов В.М. [2], Жмурко И.М. [3]., Бельзецкий М.А. [4]., Паршин М.А. [5]., Берзон Н.И.[6]. К трудам ученых, посвященных развитию рынка корпоративных облигаций в современных условиях можно отнести: Полянина А. В. [7], Фролова, Е. В. [8], Савалей В. В. [9]. Однако, несмотря на обилие работ, посвященных выпуску и обращению корпоративных облигаций, до сих пор слабо изученными остаются такие вопросы, как механизмы управления рисками при использовании облигаций в финансировании МСП,

влияние политических и экономических факторов на их доходность и другие аспекты, требующие дополнительного исследования и анализа.

Для того, чтобы провести данный анализ большое значение имеет такая группа источников как статистика, публикуемая на сайтах Банка России, а также сайтах конкретных НПФ и показывающая результаты инвестиционной деятельности по рынку НПФ в целом и отдельных фондов в частности.

Цель исследования развитии теоретических и методических аспектов осуществления эмиссии корпоративных облигаций, а также в выработке практических рекомендаций по размещению данного вида ценных бумаг на Московской бирже.

Материал и методы исследования

В процессе исследования применялись общенаучные методы познания, среди локальных методов можно отметить аналогию, синтез, дедукцию, индукцию, метод экспертных оценок. Использование данных методологических инструментов позволило авторам проанализировать современный рынок корпоративных облигаций и показать значение инвестирования в финансовый рынок для развития малого и среднего бизнеса.

Результаты исследования и их обсуждение

Девелопмент является наиболее предпочтительной отраслью для инвестора по следующим причинам:

1. В связи с высокими рисками девелоперских компаний, как правило, выдаются облигации с более высокими купонными ставками, что не может не заинтересовать инвесторов;
2. Девелоперские компании защищены от инфляции, так как цены на недвижимость растут вместе с инфляцией;
3. Долгосрочный стабильный доход для инвестора, так как компании девелоперы выпускают облигации как правило на более долгий срок;
4. Цены на недвижимость связаны с экономическими циклами, и в период подъема рост сказывается на доходности облигаций;
5. Диверсификация портфеля;
6. Интересная отрасль для инвестора.

Исходя из вышесказанного, проанализируем сектор девелопмента в Секторе Роста и рассмотрим биржевые облигации компаний, которые входят в него. Рассмотрим в таблице 2.1 компании-эмитентов, являющихся малыми и средними предприятиями и входящими в Сектор Роста.

В рамках программы «МСП и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» в 2019 году «Талан» получил одним из первых субсидии при размещении на бирже в «Секторе Роста» в размере до 1,5 млн. руб. и компенсацию в размере 70% от прошедших купонных выплат.[1]

Деятельность ООО «Легенда» также направлена на девелопмент –строительство недвижимости премиум и комфорт класса. Компания вышла на рынок площадки Сектор Роста в 2018 году и с тех пор разместила 4 выпуска облигаций по Программе биржевых облигаций общим объемом 10 млрд. руб. 11.05.2023 выпустила биржевые облигации серии ЛЕГЕНДА2Р1 общим объемом 3 000 000 руб., по номинальной стоимости 1000 руб. Купонные выплаты проводятся ежеквартально в течении 4 лет до 06.05.2027. Рейтинговое агентство АКРА присвоило компании кредитный рейтинг BBB (умеренный уровень финансовой устойчивости).

По состоянию на 31 декабря 2023 года компания помимо выпуска облигационного займа имеет следующие задолженности: кредиты банков и задолженности по процентам. Рассмотрим подробнее на рисунке 1 объемы задолженности каждой:

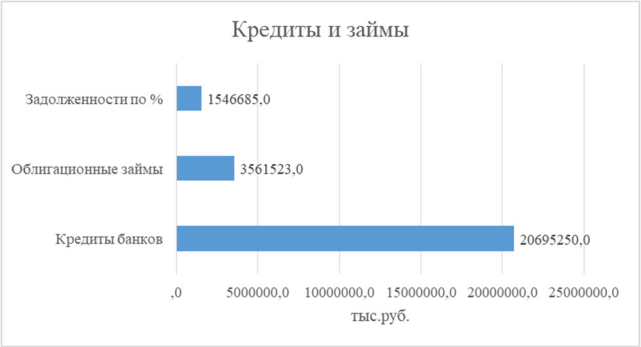

Рисунок 1 – Кредиты и займы ООО «Легенда»
Источник: составлено автором на основе консолидированной финансовой отчетности ООО «Легенда» за 2023 год

Из диаграммы следует, что компания помимо облигационного займа прибегает к традиционному источнику фондирования бизнеса- кредитованию, которая на 2023 год составляет 80% от всего объема заимствований

В таблице 1 предоставлены меры господдержки ООО «Легенда», в том числе консультационные услуги и предоставление субсидий и грантов.

Таблица 1
Меры господдержки ООО «Легенда»

Дата предоставления поддержки	Орган предоставивший поддержку	Вид поддержки
01.10.2020	Министерство экономического развития РФ	Финансовая поддержка. Предоставление субсидий и грантов.
01.07.2020	Министерство экономического развития РФ	Финансовая поддержка. Предоставление субсидий и грантов.
04.10.2019 Срок: 08.07.2021	АО "Российский банк поддержки малого и среднего предпринимательства"	Финансовая поддержка. Инвестиции в капитал.

Источник: составлено автором на основе аналитического портала Audit-it (дата обращения: 12.04.2024) URL: https://www.audit-it.ru/contragent/1107847309063_ooo-legenda

Компания часто получила поддержку от Министерства Экономического Развития РФ в рамках программы «МСП и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» в 2020 году в виде субсидий и грантов, а также в 2019 году от

банка поддержки МСП финансовую поддержку в виде инвестиций в капитал.

В 2007 году Игорем Сагиряном и инвестиционной группой «Ренессанс Капитал» была создана Федеральная Группа Компаний «РКС Девелопмент», в которой Игорь являлся основным бенефициаром. Группа Компаний являются крупными игроками на российском рынке недвижимости и каждый год удостаивается номинации «Надежный застройщик России» [2].

ООО «Торговый дом РКС» выпустило в обращение 4 выпуска биржевых облигаций, из которых 2 на сегодняшний день уже погашены. Рассмотрим краткую характеристику бумаг в таблице 2.

Таблица 2
Бумаги компании ООО «Торговый дом РКС»

Выпуск	Начало размещения	Дата погашения	Сумма размещения	Номинальная стоимость(руб.)	Статус
ТД РКС-1-боб	26.05.2020	23.05.2023	500 000 000	1000	Погашен
ТД РКС-002Р-01	23.12.2020	20.12.2023	500 000 000	1000	Погашен
ТД РКС-002Р-02	22.02.2022	18.02.2025	1 000 000 000	1000	В обращении
ТД РКС-002Р-03	19.06.2023	15.06.2026	950 000 000	1000	В обращении

Источник: составлено автором на основе данных Мосбиржи

В 2020 году компании был присвоен кредитный рейтинг от рейтингового агентства НКР на уровне «BBB-ru», прогноз «стабильный». В таблице 3 рассмотрим меры государственной поддержки ООО «Торговый дом РКС».

Компания часто получила поддержку от Министерства Экономического Развития РФ в рамках программы «МСП и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» в 2020,2022 и 2023 году в виде субсидий и грантов, а также в 2020 году от банка поддержки МСП финансовую поддержку в виде инвестиций в капитал.

Таблица 3
Меры государственной поддержки ООО «Торговый дом РКС».

Дата предоставления	**Орган, предоставивший поддержку**	**Вид поддержки**
22.02.2023	Министерство экономического развития РФ	Финансовая поддержка. Предоставление субсидий и грантов.
25.10.2022	Министерство экономического развития РФ	Финансовая поддержка. Предоставление субсидий и грантов.
26.08.2022	Министерство экономического развития РФ	Финансовая поддержка. Предоставление субсидий и грантов.
29.12.2020	Министерство экономического развития РФ	Финансовая поддержка. Предоставление субсидий и грантов.
23.12.2020	АО "Российский банк поддержки малого и среднего предпринимательства"	Финансовая поддержка. Инвестиции в капитал.
01.10.2020	Министерство экономического развития РФ	Финансовая поддержка. Предоставление субсидий и грантов.
11.06.2020	Министерство экономического развития РФ	Финансовая поддержка. Предоставление субсидий и грантов.
26.05.2020 Срок: 23.05.2023	АО "Российский банк поддержки малого и среднего предпринимательства"	Финансовая поддержка. Инвестиции в капитал.

Источник: составлено автором на основе аналитического портала Audit-it (дата обращения: 12.04.2024) URL: https://www.audit-it.ru/contragent/1172375015042_ooo-td-rks

Следующей девелоперской компанией является ООО «Охота Групп», входящая в сектор МСП в категорию «малое предприятие», со среднесписочной численностью 30 человек. Компания ведет свою деятельность с 2003 года, основной деятельностью является комплексное развитие территорий, строительство жилых домов и их реконструкция [3].

В 2020 году компания вышла на рынок ценных бумаг и разместила облигации на Московской бирже. Рассмотрим характеристику биржевых облигаций в таблице 4. – Облигации компании ООО «Охота Групп».

Таблица 4
Размещенные облигации ООО «Охота Групп»

Выпуск	Начало размещения	Дата погашения	Сумма размещения	Номинальная стоимость(руб.)	Состояние выпуска
Охта Групп-БО-ПО1	16.12.2020	113.12.2023	300 000 000	1000,00	Погашен
Охта Групп-БО-ПО2	16.11.2021	12.11.2024	1 000 000 000	1000,00	В обращении
Охта Групп-БО-ПО3	11.10.2023	07.10.2026	500 000 000	1000,00	В обращении

Источник: составлено автором на основе данных Мосбиржи

24 августа 2023 рейтинговое агентство АКРА подтвердило кредитный рейтинг компании на уровне BB(RU), прогноз по кредитному рейтингу "позитивный".

Помимо финансирования путем облигационного займа компания в 2022 году получила банковский кредит от Банка ВТБ в размере (с учётом процентов

по кредиту) не более 1 100 000 000 руб. на строительство жилья. В залог были предоставлены 12 земельных участников от застройщика[4]

ООО «АСПЭК- Домстрой» является крупной девелоперской компанией в Удмуртской области, на сегодняшний день компанией успешно реализован 71 проект. На компанию в Удмуртской области приходится около 6% регионального рынка. Компания находится на рынке строительства с 2005 года и на сегодняшний день входит в топ-5 девелоперов в регионе по объемам строительства с отметкой 75 тыс.м$^{2.}$

В 2021 году компания вышла на рынок ценных бумаг и осуществила на данный момент единственную эмиссию биржевых облигаций в Секторе Московской биржи, которая еще не погашена.Рассмотрим характеристику бумаги в таблице 5.

Таблица 5
Облигация компании ООО «АСПЭК-Домстрой»

Выпуск	Начало размещения	Дата погашения	Сумма размещения (руб.)	Номинальная стоимость(руб.)	Ставка купона (%)	Состояние выпуска
АСПЭК Дом01	23.12.2021	19.12.2024	294 573 000	750,00	14,50	В обращении

Источник: составлено автором на основе данных Мосбиржи

В марте 2023 года рейтинговым агентством НКР был присвоен кредитный рейтинг BB-.ru со стабильным прогнозом. Помимо фондирования за счет облигаций компания не финансируется за счет других источников и не получала гратов и субсидий.

В 2014 году на рынок строительства жилья вышла компания АО АПРИ «Флай Плэнинг». Компания является лидером по строительству жилья в Челябинске и на первый квартал 2024 года его объем составляет 700 тысяч кв. жилья. На данный момент занимает 1 место по объему ввода жилья и занимает лидирующую позицию в рейтинге застройщиков Челябинской области. В 2017 году компания сообщила об увеличении уставного капитала до отметки 475 млн.руб., что говорит об укреплении финансовой устойчивости компании и повышении уровня надежности застройщика, а в апреле 2018 года АО АПРИ «Флай Плэнинг» вышла на рынок ценных бумаги разместила на бирже свои первые облигации. Рассмотрим подробнее эмиссию облигаций компании в таблице 6.

10 августа 2023 года рейтинговое агентство НКР повысило кредитный рейтинг АО АПРИ "Флай Плэнинг" с BB-.ru до BB.ru со стабильным прогнозом.

Фондирование компании также происходит преимущественно за счет выпуска облигаций, исходя из таблицы мы видим, что компания размещала почти каждый год новый выпуск по Программе биржевых облигаций в общей сумме на 2,1 млрд.руб.

Анализируя формы фондирования бизнеса, на примере сектора «девелопмент», можно сделать вывод, о том, что преимущество компании финансируются за счет выпуска облигационных займов и получении грантов и субсидий, в некоторых случаях получении инвестиций в капитал от Банка МСП [5].

Таблица 6
Эмиссия облигаций АО АПРИ «Флай Плэнинг»

Выпуск	АПРИФП БО1	АПРИФП БП1	АПРИФП БП2	АПРИФП БП3	АПРИФП БП4	АПРИФП БП5
Начало размещения	12.04.2018	12.02.2019	10.07.2019	14.11.2019	23.12.2020	23.06.2022
Дата погашения	11.04.2019	27.01.2022	06.07.2022	10.11.2022	20.12.2023	19.06.2025
Сумма размещения (руб)	200 млн	200 млн	300 млн	400 млн	500 млн	500 млн
Номинальная стоимость(руб.)	1000	1 000,00	250,00	250	250	1000
Ставка купона (%)	18	16	15	14,25	13	24
Состояние выпуска	Погашен	Погашен	Погашен	Погашен	Погашен	В обращении

Источник: составлено автором на основе данных Мосбиржи

Рассмотрим основные причины, при которых малые и средние предприятия сталкиваются с трудностями при получении поддержки:

— Государственные гранты желают получить все субъекты МСП, однако чаще это удается компаниям с прорывными идеями, активно внедряющими в компанию инновациями, которые позволят решить множество проблем, а компании с ограниченным потенциалом роста могут столкнуться с трудностями;

— Конечно, на получение финансирования влияют финансовые показатели и прибыльность бизнеса, которые могут заинтересовать инвесторов, а компании с высокими задолженностями не заинтересуют и вряд ли получат дополнительные кредиты и инвестиции;

— Влияет так же географическое местоположение, так как компании, находящиеся в крупных регионах и городах, имеют больше шансов на получение субсидий и грантов, а более отдаленные, отсталые регионы менее вероятны в получении инвестиций;

— На получение финансирования влияют хорошие связи компании с инвесторами, банками, государственными органами, что увеличит возможности компании в получении финансирования.

В 2024 году заканчивается программа поддержки малого и среднего предпринимательства «МСП и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы», благодаря которой многие компании получили дополнительное финансирование. Однако, для повышения доступности следует ввести новые программы государственной поддержки, направленные на стимулирование инноваций и предоставляющие дополнительное финансирование малого и среднего бизнеса, только в данном

случае можно обеспечить устойчивое развитие сектора.

В условиях нестабильности экономической ситуации в стране, финансовые рынки все больше требуют к себе внимания и эффективного функционирования, особенно это относится к площадкам, оказывающим поддержку малому и среднему бизнесу. Здесь особое значение имеет «Сектор Роста», признанный облегчить доступ к финансированию для МСП.

Для того, чтобы оценить эффективность работы площадки, перспективы и возникающие проблемы необходимо проанализировать динамику состояния малого и среднего бизнеса в России, так как именно от нее зависит дальнейшее развитие площадки «Сектор роста» на Московской бирже.

Каждый регион нуждается в конкурентной среде, повышении качества жизни населения и новых рабочих местах, что ведет к снижению уровня безработицы и росту налоговых поступлений в бюджеты региона, а малое и среднее предпринимательство помимо вышесказанного так же наиболее оперативно создаёт и применяет новые технологии и разработки, однако текущая геополитическая ситуация в стране вводит свои коррективы.

Помимо геополитических вызовов страна недавно столкнулась с эпидемиологической ситуацией, так же оказавшей отрицательное влияние на рост и развитие МСП. Введенные санкции против России так же негативно повлияли на его экономику, в том числе на развитие сектора, так как они являются беспрецедентными по своему масштабу. Оценим влияние антиковидных ограничений и геополитических вызовов на сектор МСП, рассмотрев его статистику в разрезе страны [6].

На рисунке 2 приведена статистика количества МСП в России в целом, включая физических и юридических лиц. На текущую дату, в России преобладает количество микропредприятий как среди юридических лиц, так и физических и его доля составляет в целом 96,47 % от общего количества субъектов, на малый и средний бизнес приходится 3,25% и 0,29% соответственно. Это может быть связано с низкими барьерами входа на рынок и низким операционными доходами, так же важно отметить государственную поддержку в виде льготного финансирования и налоговых льгот. Рост количества микропредприятий в будущем приведет к расширению фирмы и в дальнейшем выходу на финансовый рынок, в том числе в «Сектор Роста»

Что касается численности занятых сфере, то количество человек с каждым годом ускоренно растет и на сегодняшний день эта отметка в 31,5 млн. чел. Рост делает сектор более привлекательным для квалифицированных специалистов, которые будут привносить новые идеи и развивать бизнес, в том числе с помощью выхода на рынок ценных бумаг в дальнейшем.

В таблице 7 рассмотрим эффективность площадки Сектор Роста за период 2020-2024 гг., изменение его показателей и дальнейшие перспективы.Из таблицы следует, что за 4 года на площадке существенно увеличилось как количество эмитентов (на 45 эмитентов), так и объем размещения (на 8,34 млрд. руб. или 149%). Увеличение объема ценных бумаг до 14 млрд. руб. свидетельствует о значительном росте активности на рынке ценных бумаг. В целом, это является позитивным сигналом для экономики, точнее о росте доверия инвесторов в секторе, его развитии, повышении прозрачности и потенциале для его дальнейшего роста, но требует внимания к возможным рискам и необходимости регулирования рынка [7].

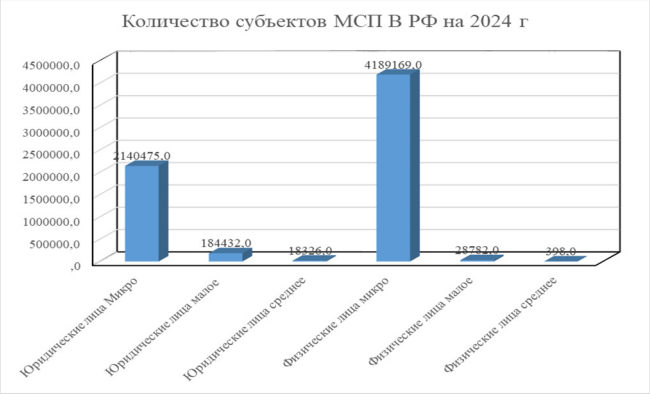

Рисунок 2. – Количества МСП в России
Источник: составлено автором по: Федеральная налоговая служба // Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства [Электронный ресурс] // Официальный сайт – URL: https://rmsp.nalog.ru/statistics.html (дата обращениия:15.05.24)

Рисунок 3 – Численность занятых в сфере МСП
Источник: Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС) [Электронный ресурс]. — Режим доступа https://www. fedstat.ru/ (дата обращения:11.05.24)

Таблица 7
Выпуск облигаций субъектами МСП в Секторе Роста

Показатель	2020	2024
Количество эмитентов,ед.	11	56
Срок обращения облигаций, лет	от 2- 5	от 2-6
Место нахождение эмитента	Москва, Санкт-Петербург, Екатеринбург, Казань, Новосибирск	
Объем размещения ,млрд.руб.	5,62	14
Купонная ставка,%	от 9-18	от 9-24

Источник: составлено автором по данным Московской биржи

Для того, чтобы оценить сектор и перспективы его развития, попробуем провести сравнительный анализ со схожей площадкой за рубежом. Варшавская фондовая биржа еще в 2007 г. предложила эмитентам, а также инвесторам сектор NewConnect, специализированный в интересах молодых быстроразвивающихся фирм, которым необходим основной капитал от 100 тыс. долл. США.

NewConnect предполагает собою альтернативную фондовую биржу, позволяющую маленьким фирмам размещать акции, обмен в которой ведется за пределами регулируемого рынка. Низкие барьеры входа на рынок и низкие затраты на размещение сделали сектор более востребованным и уникальным. Первое время площадка пользовалась популярность только у мелких предприятий, однако позже она модернизировалась с целью привлечения всех типов компаний и стала называться NewConnect 2.0.

Особенностью этого сектора является Совет Авторизованных советников, смысл в том, что 12 членов совета постоянно будут следить за качествами услуг, предоставляемых на бирже и следить за его развитием. Тем самым, они берут на себя больше ответственности за развитие рынка и это привлечет в сектор более крупных игроков.

В новой версии сектора ужесточаются барьеры входа на рынок. На сегодняшний день площадка является одной из самых популярных вЦентральной и Восточной Европе. На рисунке 4 рассмотрим количество эмитентов площадки NewConnect за 2017-2021 гг.

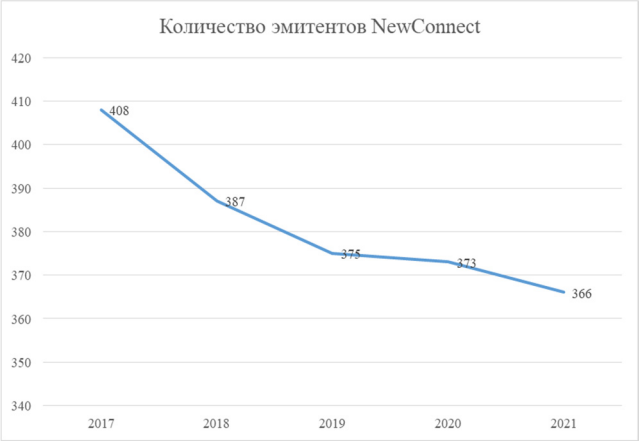

Рисунок 4 – Количество эмитентов NewConnect
Источник: составлено автором на основе NewConnectMainStatisticaasofJune 2021, NewConnect. Availableat: https://newconnect.pl/newconnect-главная-статистика (дата обращения: 12.05.2024).

Рисунок показывает, что количество эмитентов за 4 года заметно снизилось, снижение за последние 2 года может быть связано с эпидемиологической ситуацией в мире или снижением заинтересованности площадки среди инвесторов.

Биржа поддерживает два индекса, которые измеряют эффективность компаний, зарегистрированных на бирже: широко составленный NCIndex (который включает все компании, зарегистрированные на NewConnect) и NSX Life Science (который включает компании из фармацевтического и биотехнологического секторов) [8].

Как говорилось выше, у Московской биржи так же есть индекс для оценки состояния деловой активности малого и среднего бизнеса - Индекс RSBI (Russia Small Business Index) совместно с ПСБ, Опора России и MAGRAM Market Research, поэтому в этом биржи являются схожими. На следующей таблице 8 попробуем сравнить «Сектор Роста» Московской биржи и «NewConnect» Варшавской фондовой биржи.

Таблица 8
Сравнительная характеристика бирж

Критерий	Сектор Роста	NewConnect
Назначение	Привлечение инвестиций в компании малой и средней капитализации	Привлечение инвестиций в компании малой и средней капитализации
Требования	Более гибкие ,чем на основном рынке	Более гибкие, чем на основном рынке
Финансовые инструменты	Акции, облигации,Паи ЗПИФов	Акции, облигации
Регулирование	Московская биржа	Варшавская фондовая биржа
Процесс листинга	Менее затратный ,чем на основном рынке	Менее затратный ,чем на основном рынке
Количество эмитентов	56	366

Источник: составлено автором на основе вышесказанной информации

В целом, площадки являются аналогичными по большинству критериев и оба помогают МСП в привлечении инвестиций. Оба обеспечивают доступность для большинства компаний и предлагают более гибкие условия по сравнению с основными рынками, однако российскому сектору есть куда расти, анализируя количество эмитентов на бирже и особенность в виде Совета Авторизованных советников «Newconnect».

Подводя вывод второй главе, можно сделать вывод о том, что облигационные займы открывают перед эмитентами новые возможности и являются перспективным инструментом фондирования малого и среднего бизнеса и является достойным альтернативным источником банковскому кредитованию [9]. Однако, есть ряд факторов, ограничивающих распространение облигационного займа у МСП. Корпорация предоставляет небольшим компаниям возможности и способы поддержки для роста, включая субсидии, якорные инвестиции, льготное кредитование и многое другое. Поэтому у финансово устойчивых компаний, с качественным управлением и четкой стратегией есть все возможности для выхода на новый рынок.

Наибольший интерес из сегментов МСП в Секторе Роста вызвала отрасль «Девелопмент» с долей 17% от общего количества, в числе которой находятся 6 компаний-эмитентов биржевых облигаций. Рассчитаем эффективность облигационного

займа на примере компании ООО «Легенда» из этого сегмента.

Девелоперская компания **«LEGENDA Intelligent Development»** ведет свою деятельность с 2010 г. Возглавляет организацию Клюев Алексей Васильевич. **«LEGENDA Intelligent Development»** позиционирует себя как девелопер с европейскими подходами к новому жилью. Основной упор делается на качестве проектирования и строительства, на функциональности планировок и продуманности инфраструктуры. «Герасимов и партнеры», а также проектная организация «МГП» занимаются проектированием для компании. В портфолио у девелопера находится более 10 объектов зданий, большая часть из которых уже сдана. Компания включена в число системообразующих организаций Санкт-Петербурга. Согласно финансовому отчету за 2023 год активы компании составляют 55 млрд.руб.

Таблица 9
Общая характеристика компании

Полное наименование	Общество с ограниченной ответственностью «Легенда»
Краткое наименование	ООО "Легенда"
Дата регистрации	20.09.2010
Уставный капитал	550 млн руб.
Среднесписочное количество сотрудников	7 человек
Юридический адрес	196210, Санкт-Петербург город, ул. Стартовая, д. 8, ЛИТЕР А, офис 307 каб. 1
Фактический адрес	196210, Санкт-Петербург город, ул. Стартовая, д. 8, ЛИТЕР А, офис 307 каб. 1
Руководитель	Клюев Алексей Васильевич

Источник: составлено автором на основе данных официальной страницы ООО «Легенда» URL: https://legenda-dom.ru/ (дата обращения:24.05.2024)

Основной вид деятельности компании по ОКВЭД: 41.2 Строительство жилых и нежилых зданий

Дополнительные виды деятельности:

41.20 Строительство жилых и нежилых зданий

42.99 Строительство прочих инженерных сооружений, не включенных в другие группировки

43.11 Разборка и снос зданий

43.12 Подготовка строительной площадки

Руководителем организации (лицом, имеющим право без доверенности действовать от имени юридического лица) с 12 октября 2017 гявляется генеральный директор Клюев Алексей Васильевич (ИНН:781120819386). Он также является генеральным директором компании ООО «Люмен», основным видом деятельности которой является аренда и управление недвижимым имуществом, а также является учредителем 4 организаций.

ООО «Легенда» является Материнской компанией и владеет долями в уставном капитале дочерних обществ, большая часть из которых занимается девелопментом и выполняет функции управляющей компании, одновременно выступает качестве эмитента ценных бумаг на бирже.

Рассмотрим далее основных бенефициаров Группы Компаний ООО «Легенда», а также дочерние организации, принадлежащие Группе.

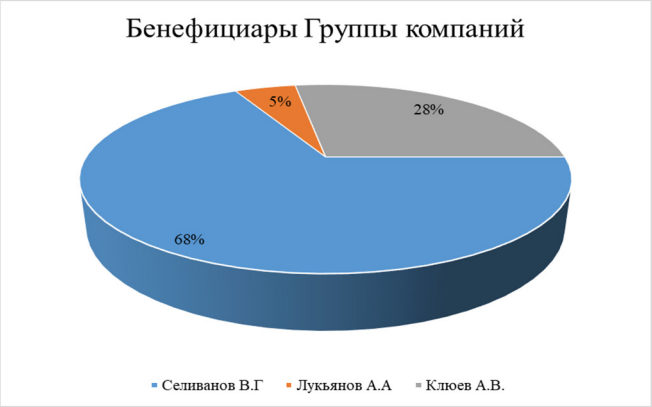

Рисунок 5. – Бенефициары Группы компаний
Источник: составлено на основе презентации ООО «Легенда» с сайта Московской биржи. URL: https://www.moex.com/a6996 (дата обращения: 24.05.2024)

Ключевым бенефициаром на 2024 год является Селиванов Василий Геннадьевич, основатель LEGENDAи председатель Совета директоров, владеющим 67,5% компании.

Всего дочерних организации Материнской компании ООО «Легенда 27 организаций, в числе которых:

1. ООО «Легенда Констршн»;
2. ООО «Легенда Дом»;
3. ООО «Легенда Комфорт»;
4. ООО «Легенда Смарт»;
5. ООО «Легенда Инест»;

Компания вышла на финансовый рынок 08.06 2018 года, выпустив Программу биржевых облигаций в «Секторе Роста» серии 001Р общим объемом 10 млрд. руб. В мае 2023 года также выпустила Программу облигаций, которые на сегодняшний день котируются на бирже. Рассмотрим подробнее выпуски в таблице 10, составленной на основе данных сайта Московской биржи в разделе «Сектор Роста».

Таблица 10
Выпуски ООО «Легенда»

Выпуск	Начало размещения	Дата погашения	Сумма (руб.)	Состояние выпуска
Легенда-001Р-01-боб	12.07.2018	08.07.2021	2 545 245 000	Погашен
Легенда-001Р-02-боб	03.03.2020	14.03.2023	2 000 000 000	Погашен
Легенда-001Р-03-боб	27.07.2020	07.08.2023	1 200 000 000	Погашен
Легенда-001Р-04-боб	06.04.2021	08.04.2025	4 000 000 000	В обращении
Легенда-002Р-01	11.05.2023	06.05.2027	3 000 000 000	В обращении
Легенда-002Р-02	-	-	3 000 000 000	Готовится

Источник: составлено на основе презентации ООО «Легенда» с сайта Московской биржи. URL: https://www.moex.com/a6996 (дата обращения: 24.05.2024)

Большая часть выпусков первой Программы являются погашенными на сегодняшний день. На бирже обращаются бумаги серии 001Р-04-боб и Легенда-002Р-01 из второй программы, а также готовится к размещению 2 серия 002Р-02 объемом 3 млрд.руб. Общий облигационный долг составляет 7 000 млн. руб. Рейтинговое агентство АКРА присвоило компании кредитный рейтинг ВВВ (умеренный уровень финансовой устойчивости).

Компания занимает 72 место в отрасли и уступает своим конкурентам – «Норд-Строй», ООО «Меридиан».» Петропрофиль Плюс»

Для оценки эффективности влияния облигационного займа на показатели компании ООО «Легенда», необходимо рассмотреть динамику основных финансовых показателей за последние несколько лет «до» и «после», опираясь на бухгалтерскую отчетность. Первый выпуск был осуществлён в конце 2018 года, поэтому будем рассчитывать показатели до 2018 и после- 2019,2020,2021 гг. В таблице 11 и 12 продемонстрированы показатели финансового состояния компании.

Таблица 11
Показатели финансового состояния компании «До», тыс. руб.

	"До" выпуска облигации			
	2016	2017	2018	Средний темп роста
Активы	6 680 539	10 463 191	12 221 192	136,71%
Обязательства	6 338 507	9 569 478	10 202 006	128,79%
Операционная прибыль	571 998	997 792	1 542 664	164,52%
Выручка	4 611 289	5 401 772	8 100 071	133,55%
Чистая прибыль	393 570	717 438	1 158 316	171,87%

Источник: составлено на основе финансовой отчетности ООО «Легенда»

Таблица 12
Показатели финансового состояния компании «После»,тыс.руб.

	"После" выпуска облигаций			Средний темп роста
	2019	2020	2021	
Активы	15 917 320	17 261 372	24 550 825	127,0%
Обязательства	13 426 200	13 729 853	20 298 038	127,2%
Операционная прибыль	1 403 759	1 318 805	2 135 334	115,6%
Выручка	7 452 828	9 895 776	10 803 034	111,3%
Чистая прибыль	804 816	571 237	830 404	95,3%

Источник: составлено на основе финансовой отчетности ООО «Легенда»

В целом, показатели финансового состояния компании после выпуска облигаций увеличились: увеличение активов означает, что компания инвестировала в новые основные средства и пополнила запасы, увеличение обязательств связано с выпуском облигаций, увеличение операционной прибыли говорит о том, что компания эффективно управляет расходами и получает больше прибыли; так же положительно повлиял выпуск на выручку компании, однако чистая прибыль снизилась. Это говорит об увеличении не операционных расходов (% по облигациям, дополнительные расходы на финансирование в связи с выпуском облигаций) [10].

Далее стоит рассмотреть показатели финансовой устойчивости ООО «Легенда» за 2016- 2021г в таблице 13.

Таблица 13
Показатели финансовой устойчивости ООО «Легенда»

	2016	2017	2018	2019	2020	2021	по отрасли 2021
1.Коэффициент автономии	0,05	0,09	0,17	0,16	0,20	0,17	0,09
2.Коэффициент обеспеченности собственными оборотными средствами	0,04	0,07	0,15	0,13	0,11	0,11	0,02
3.Коэффициент финансовой устойчивости	0,21	0,32	0,44	0,41	0,56	0,73	0,21
4.Коэффициент маневренности	0,75	0,86	0,92	0,83	0,49	0,62	0,56
5.Коэффициент финансового рычага	18,53	10,71	5,05	5,39	3,89	4,77	7,99

Источник: составлено на основе финансовой отчетности ООО «Легенда»

Для сравнения приведем значения коэффициентов по строительной отрасли за 2021 год. На 2021 год показатели финансовой устойчивости компании являются выше, чем в отрасли, это является положительным сигналом.

Коэффициент автономии является лучше среднеотраслевого, то есть как минимум половина аналогичных организаций имеют меньшую долю собственных средств и обладают меньшей финансовой устойчивостью.

Значение коэффициента обеспеченности собственными средствами составляет 0,11 и также является выше среднеотраслевого показателя, однако при сравнении со значением 2018 года, показатель снизился, что говорит о том, что компания стала более зависима от внешнего финансирования.

В мировой практике принято считать нормальным коэффициент финансовой устойчивости К ≥ 0,6., он входит в норму, однако стоит сравнивать со среднеотраслевым значением, где у компании показатель выше, чем в отрасли. По сравнению с показателем 2018 года он увеличился, что говорит о том,

что после выпуска облигаций «Легенда» стала более зависимой от долгосрочных источников финансирования и менее зависимой от краткосрочных.

Показатель маневренности отражает долю собственных средств, которыми предприятие может относительно свободно распоряжаться. Значение показателя 0,62 входит в норму и является выше среднеотраслевого значения, что говорит о хорошем финансовом состоянии компании [15].

Величина коэффициента финансового рычага характеризует объем заемных средств, который приходится на рубль собственных средств, вложенных в активы предприятия. Значение компании является чуть ниже среднеотраслевого, однако является нормальным, а снижение его показателя говорит об увеличении компанией доли собственных средств за счет привлечения облигационного займа.

Далее стоит рассмотреть показатели платежеспособности компании ООО «Легенда» в таблице 14.

В среднем 2,37 часть текущих обязательств можно погасить, мобилизовав все оборотные средства. Это является оптимальным значением для российского рынка. Оборотных средств достаточно для погашения краткосрочных обязательств и компания не окажется под угрозой банкротства, однако значение среднеотраслевое значение в 1,21 ниже, чем значение за 2021 год, это говорит о высокой ликвидности компании и меньший финансовый риск.

Таблица 14
Показатели платежеспособности ООО «Легенда»

	2016	2017	2018	2019	2020	2021
1.Коэффициент текущей ликвидности	1,25	1,46	1,77	1,64	2,04	3,44
2.Коэффициент быстрой ликвидности	0,36	0,65	0,44	0,43	0,64	0,77
3. Коэффициент абсолютной ликвидности	0,01	0,22	0,05	0,04	0,09	0,04

Источник: составлено на основе финансовой отчетности ООО «Легенда»

Оптимальным значением коэффициента быстрой ликвидности является значение 0,7-0,8, наша компания входит в рекомендуемую норму, однако в отрасли значение чуть выше- 0,86. До выпуска облигаций компанией среднее значение было 0,48, что намного ниже рекомендуемой нормы и говорит о том, что компания неэффективно управляла оборотным капиталом, был риск неплатежеспособности и необходимость в привлечении дополнительных средств, после чего и выпустила серию облигаций [14].

Значение среднеотраслевого коэффициента абсолютной ликвидности составляет 0,1, в то время, как у компании 0,04. Низкое значение говорит о том, что компания не может погасить 100% своего долга незамедлительно и имеет финансовые трудности.

Далее стоит рассмотреть показатели эффективности деятельности компании ООО «Легенда» в таблице 15.

Рентабельность продаж составила 34,07%, то есть с каждого рубля выручки компания получит порядка 37 копейки прибыли. Прибыль от продаж в каждом рубле выручки выше, чем у большинства аналогичных организаций, так как в отрасли это значение в 3,6%

Таблица 15
Показатели эффективности деятельности ООО «Легенда»

	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Рентабельность продаж	24,18 %	33,30%	27,52%	31,00%	26,84%	34,07%
Норма чистой прибыли	8,53%	13,28%	14,30%	10,80%	5,77 %	7,69 %
Рентабельность активов	5,9%	6,86 %	9,48 %	5,06 %	3,31 %	3,38 %
Рентабельность собственного капитала	115%	80,28%	57,37%	32,31%	16,28%	19,53%

Источник: составлено на основе финансовой отчетности ООО «Легенда»

Норма чистой прибыли показывает, сколько копеек чистой прибыли получает организация в каждом рубле выручки. У ООО "Легенда" этот показатель составил 7,69%, однако до выпуска значение было выше. Данное значение лучше, чем у большинства аналогичных организаций в 1,3%

Рентабельность активов составила 3,38%, что является достаточно высоким значением, по сравнению со среднеотраслевым - 2,3% и указывает на эффективность использования активов для получения выручки и служит положительным сигналом. Однако снижение после облигационного займа говорит о том, что компания инвестировала эти средства в активы, которые не приносят достаточной прибыли или связано с выплатой % по облигациям, увеличившим расходы компании.

Снижение рентабельности собственного капитала говорит о том, что компания менее эффективно использует средства инвесторов в получении прибыли. так же значение 2021 года ниже среднеотраслевого - 41,9%. Снижение может быть связано с эпидемиологической ситуацией в стране, в следствие чего значительно снизилась рентабельность активов и собственного капитала. [11]

Далее рассмотрим и проанализируем показатели деловой активности ООО «Легенда» в таблице 16.

Показатели деловой активности значительно выросли за 3 года, однако для оценки необходимо привести данные среднеотраслевого значения. Так, оборачиваемость оборотных активов в отрасли составляет-175, значение коэффициента компании значительно выше нормы. Это значит, что компания

стала более быстрее превращать свои оборотные средства в деньги.

Таблица 16
Показатели деловой активности ООО «Легенда»

	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Оборачиваемость оборотных активов, в днях	522	698	543	759	570	775
Оборачиваемость дебиторской задолженности, в днях	135	201	117	181	123	156
Оборачиваемость активов, в днях	529	707	551	780	637	829

Источник: составлено автором на основе финансовой отчетности ООО «Легенда»

Оборачиваемость дебиторской задолженности так же выросла до отметки 156 дней, когда отраслевое –88, это говорит об эффективном управлении денежными потоками и сокращении риска неплатежа.

Отраслевое значение оборачиваемости активов составляет 209 дней, в то время. как у компании в 4 раза выше, это говорит о том, что компания стала быстрее превращать свои активы в деньги.

Рассмотрим далее показатели маржи ООО «Легенда»

Таблица 17
Показатели маржи ООО «Легенда»

	2 016	2 017	2018	2019	2020	2021
Валовая маржа	24,2	33,3	27,5	31	26,8	34,1
Операционная маржа (Operatin gmargin)	12,4	18,5	19	18,8	13,3	19,8
Чистая маржа (Net Margin)	8,53	13,28	14,3	10,8	5,77	7,69

Источник: составлено автором на основе финансовой отчетности ООО «Легенда»

Вывод по валовой марже: в среднем 30,6 % от дохода остается компании после оплаты всех прямых расходов, связанных с производством и закупкой товаров, до этого оставалось в среднем 28,3% Нормальным считается значение коэффициента от 20% до 40%. Но преимущество перед конкурентами на рынке гарантирует процент выше 40. Рассчитанный коэффициент входит в норму. [12] В среднем 17,3 % является доход, оставшийся после вычета прямых расходов и операционных затрат. Значение чистой маржи в отрасли строительства колеблется в диапазоне 6-8%, наш коэффициент входит в норму.

На основе финансового отчета можно посчитать Чистый денежный поток для компании, определяющийфинансовое состояние предприятия и способность предприятия повышать свою стоимость и инвестиционную привлекательность.

Таблица 18
Чистый денежный поток ООО «Легенда»

	2 016	2 017	2018	2019	2020	2021
NCF	(10 356)	1 495 556	(1 222 416)	5 771	345 641	(409 865)

Источник:составлено автором на основе финансовой отчетности ООО «Легенда»

Чистый денежный поток или NCF (NET CASH FLOW) высчитывается путем суммирования денежных потоков от инвестиционной, финансовой и операционной деятельности. После выпуска облигаций NCF> 0 на протяжении 2 полных лет, это значит, что инвестиционный проект привлекателен для осуществления вложения [13]. Отрицательное значение на последний год может быть связано с выплатами % по облигациям и их погашением, так как срок погашения 2021 год.

Анализ хозяйственной деятельности ООО «Легенда» показал, что основные показатели как ликвидности, так и платежеспособности находятся в пределах рекомендуемых практикой значений, за редким исключением, что связано со спецификой исследуемого сектора рынка.

Выпуск облигаций компанией наиболее оказал влияние на показатели финансового состояния, деловой активности и рентабельности продаж компании. Однако, даже при улучшении показателей, снижение рентабельности активов и капитала указывает на неэффективность использования своих активов и капитала. Причиной этому могут быть увеличение операционных издержек или использование капитала в нерентабельные проекты.

Литература

1. Земцов С. П., Царева Ю. В. Тенденции развития сектора малых и средних предприятий в условиях пандемии и кризиса //Экономическое развитие России. – 2020. – Т. 27. – №. 5. – С. 71-82.

2.Козлов В. М. Российский рынок корпоративных облигаций: возможности роста в условиях санкций [Текст] / В. М. Козлов // Инновации и инвестиции. — 2023. — № 1. — С. 115-11.

3. Жмурко И. М. О роли облигационных займов в финансовой деятельности государства //Вестник научных конференций., 2021. – №. 2-1. – С. 40-43.

4. Бельзецкий А. Анализ эффективности корпоративных облигационных займов //Банковский вестник. – 2021. – №. 1. – С. 58-71.

5. Паршин М.А. Перспективы развития финансового рынка в Российской Федерации: корпоративные облигации и структурные облигации // Russian Economic Bulletin. – 2020. – № 2. -С.194-199

6. Берзон Н.И. Фондовый рынок: учеб. пособие для высш. учеб. заведений экон. профиля / Н.И. Берзон, Е.А. Буянова, М.А. Кожевников, А.В. Чаленко. 2-е изд. - М.: Вита-Пресс, 1999. - 400 с.

7. Полянин А. В., Соболева Ю. П., Тарновский В. В. Цифровизация процессов малого и среднего

предпринимательства //Управленческое консультирование. – 2020. – №. 4 (136). – С. 80-96.

8. Фролова Е. В. Особенности мирового и российского рынков корпоративных облигаций в условиях глобализации: специальность 08.00.14 «мировая экономика»: Диссертация на соискание доктора экономических наук / Фролова, Е. В.; — Москва, 2010. — 163 с.

9. Савалей В. В. Рынок корпоративных облигаций в России: особенности сегментации и возможности расширения / В. В. Савалей // Вестник Омского университета. Серия: Экономика. – 2021. – Т. 19, № 3. – С. 38-49. – DOI 10.24147/1812-3988.2021.19(3).38-49.

10. Штырхацкая К. К. Проблемы развития рынка корпоративных облигаций России / К. К. Штырхацкая // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2019. – № 12-3(39). – С. 220-223. – DOI 10.24411/2500-1000-2019-11969.

11. Полякова, Т. Н. Российский рынок корпоративных рублевых облигаций: состояние и проблемы развития / Т. Н. Полякова // Вестник Омского университета. Серия: Экономика. – 2005. – № 1. – С. 109-115.

12. Паршин, М. А. Место рынка корпоративных облигаций в развитии экономики / М. А. Паршин // Russian Economic Bulletin. – 2019. – Т. 2, № 5. – С. 7-10.

13. Корольков, Г. Н. Влияние параметров временной структуры процентных ставок на выпуски корпоративных облигаций / Г. Н. Корольков // Микроэкономика. – 2008. – № 7. – С. 106-110. – EDN JXFZNX.

14 Гранты для молодых предпринимателей // Мой бизнес URL: https://xn--90aifddrld7a.xn--p1ai/anticrisis/granty-dlya-molodykh-predprinimateley (дата обращения: 09.04.2024).

15. Национальный проект «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» [Электронный ресурс]: https://www.economy.gov.ru/material/directions/nacionalnyy_proekt_maloe_i_srednee_predprinimatelstvo_i_podderzhka_individualnoy_predprinimatelskoy_ini ciativy

Corporate bonds as a source of financing for small and medium-sized businesses

Konovalova M.E., Kuzmina O.Yu., Zhironkin S.A., Dzhumaev S. R., Dtsenko E.Yu

Samara State University of Economics, Kuzbass State Technical University, Vladimir State University named after A. G. and N. G. Stoletov, Plekhanov Russian State University of Economics

JEL classification: G20, G24, G28, H25, H30, H60, H72, H81, K22, K34

The problems of developing small and medium-sized businesses are currently of interest to both the scientific and business community due to the increasing need to form the economic sovereignty of our country. Traditionally, it is SMEs that are most sensitive to changes in the external and internal market conditions, which determines their flexibility, adaptability and mobility in the organization of production processes. Restrictions on external funding caused by unprecedented sanctions pressure necessitate the search for additional sources of financing. In this regard, financial market instruments seem to be a fairly optimal mechanism for attracting investment funds. The purpose of the article is to develop the theoretical and methodological aspects of corporate bond issuance, as well as to develop practical recommendations for the placement of this type of securities on the Moscow Stock Exchange. The authors of the article reviewed small and medium-sized businesses related to the growth sector on the Moscow Stock Exchange, analyzed their government support measures, and showed the specifics of bond issuance by these business entities.

In addition, a certain result of the scientific work is the practical recommendations developed by the authors to increase the investment attractiveness of NPFs in the Russian financial market, as well as the formulated main directions for improving the investment activities of NPFs for the placement of pension reserves and investment of pension savings, which include a number of new promising areas.

Keywords: corporate bonds, growth sector, Moscow Stock Exchange, coupon income, profit, market value, issue, issue.

References

1. Zemtsov S. P., Tsareva Yu. V. Development trends of the small and medium-sized enterprise sector in the context of a pandemic and crisis // Economic development of Russia. - 2020. - Vol. 27. - No. 5. - P. 71-82.
2. Kozlov V. M. Russian corporate bond market: growth opportunities in the context of sanctions [Text] / V. M. Kozlov // Innovations and investments. - 2023. - No. 1. - P. 115-11.
3. Zhmurko I. M. On the role of bond loans in the financial activities of the state // Bulletin of scientific conferences., 2021. - No. 2-1. - P. 40-43.
4. Belzetsky A. Analysis of the effectiveness of corporate bond loans // Banking Bulletin. - 2021. - No. 1. – P. 58-71.
5. Parshin M.A. Prospects for the Development of the Financial Market in the Russian Federation: Corporate Bonds and Structured Bonds // Russian Economic Bulletin. – 2020. – No. 2. -P.194-199
6. Berzon N.I. Stock Market: a textbook for higher educational institutions with an economic profile / N.I. Berzon, E.A. Buyanova, M.A. Kozhevnikov, A.V. Chalenko. 2nd ed. - Moscow: Vita-Press, 1999. - 400 p.
7. Polyanin A.V., Soboleva Yu.P., Tarnovsky V.V. Digitalization of Small and Medium-Sized Entrepreneurship Processes // Management Consulting. – 2020. – No. 4 (136). – P. 80-96.
8. Frolova E. V. Features of the world and Russian corporate bond markets in the context of globalization: specialty 08.00.14 "world economy": Dissertation for Doctor of Economics / Frolova, E. V.; - Moscow, 2010. - 163 p.
9. Savalej V. V. Corporate bond market in Russia: features of segmentation and expansion opportunities / V. V. Savalej // Bulletin of Omsk University. Series: Economics. - 2021. - Vol. 19, No. 3. - P. 38-49. - DOI 10.24147/1812-3988.2021.19(3).38-49.
10. Shtyrkhatskaya K. K. Problems of Development of the Russian Corporate Bond Market / K. K. Shtyrkhatskaya // International Journal of Humanities and Natural Sciences. - 2019. - No. 12-3 (39). - P. 220-223. - DOI 10.24411 / 2500-1000-2019-11969.
11. Polyakova, T. N. Russian corporate ruble bond market: state and development problems / T. N. Polyakova // Bulletin of Omsk University. Series: Economy. - 2005. - No. 1. - P. 109-115.

12. Parshin, M. A. Place of the corporate bond market in economic development / M. A. Parshin // Russian Economic Bulletin. – 2019. – Vol. 2, No. 5. – P. 7-10.
13. Korolkov, G. N. The Impact of Parameters of the Term Structure of Interest Rates on Corporate Bond Issues / G. N. Korolkov // Microeconomics. – 2008. – No. 7. – P. 106-110. – EDN JXFZNX.
14 Grants for Young Entrepreneurs // My Business URL: https://xn--90aifddrld7a.xn--p1ai/anticrisis/granty-dlya-molodykh-predprinimateley (accessed: 04/09/2024).
15. National project “Small and medium entrepreneurship and support for individual entrepreneurial initiative” [Electronic resource]: https://www.economy.gov.ru/material/directions/nacionalnyy_proekt_maloe_i_srednee_predprinimatelstvo_i_podderzhka_individualnoy_predprinimatelskoy_ini ciativy

Офсетные контракты как инструмент сокращения диспропорций пространственного развития России

Чайка Кристина Дмитриевна
стажер-исследователь отдела планирования и организации НИР Института права и национальной безопасности, РАНХиГС при Президенте РФ, okd10@mail.ru

Предмет. Проблема реализации потенциала офсетных контрактов как инструмента сокращения диспропорций пространственного развития России в контексте ограниченного доступа к внешним источникам финансирования и необходимости локализации производства товаров, ограниченных к ввозу в РФ.
Цель. Выявление внутренних и внешних барьеров развития офсетных контрактов, выработка предложений по совершенствованию практики офсетной контрактации в целях обеспечения регионального экономического развития.
Методы. Анализ статистических данных, сравнительно-правовой анализ, экспертные оценки и нормативный анализ изменений в регулировании офсетов.
Результаты. Выявлен крайне низкий уровень использования офсетных контрактов в РФ, установлены ключевые барьеры развития механизма. Приведено обоснование эффективности использования межрегиональных офсетных контрактов в целях снижения неравенства экономического развития регионов за счет формирования «офсетных агломераций».
Выводы. Для масштабирования офсетной контрактации необходимо законодательно закрепить возможность заключения контрактов на федеральном уровне и внедрить частную офсетную инициативу, что снизит асимметрию рисков и привлечет бизнес. Создание «офсетных агломераций» позволит привлечь инвестиции в дотационные регионы и снизить дисбалансы пространственного развития, а учреждение региональных центров по работе с офсетами позволит преодолеть дефицит экспертизы и унифицировать процессы.
Ключевые слова: офсетный контракт, контракт со встречными инвестиционными обязательствами, региональное развитие, долгосрочные инвестиции, пространственное развитие.

За период 2019-2024 гг. объем прямых иностранных инвестиций в российскую экономику сократился на 60%, составив всего 12,1 млрд долларов в 2024 году против 30 млрд долларов в 2019 г. [31,8] В контексте современной экономической ситуации существует необходимость развития новых эффективных инвестиционных механизмов, которые смогли бы стать драйверами роста и локализации производства продукции в рамках импортозамещения и упрочения технологического суверенитета.

Одним из возможных решений задачи привлечения долгосрочных инвестиций в экономику является использование механизма офсетных контрактов, или контрактов со встречными инвестиционными обязательствами. Такие соглашения представляют собой форму партнерства частной и публичной стороны, при которой частная сторона-инвестор берет за себя обязательства по созданию, модернизации и/или освоению производства определенного товара или услуги, а государство гарантирует закупку соответствующего товара или услуги на определенный срок по определенной цене.

Согласно действующему законодательству на стороне заказчика может выступать субъект Российской Федерации в лице органа исполнительной власти, а на стороне инвестора – российское юридическое лицо, предельный срок контракта составляет 10 лет, а минимальный объем инвестиций – 100 млн рублей (400 млн рублей для межрегионального контракта) [30]. Следует отметить, что данная сумма была снижена в результате вступления в силу 1 июля 2022 года федерального закона от 02.07.2021 № 360-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», ранее она составляла 1 млрд руб. Таким образом, учитывая определение встречного исполнения обязательств, данного в ст. 238 ГК РФ, при выполнении частным инвестором своих обязательств по созданию (модернизации, освоению) производства товара или услуги, являющегося предметом контракта, государство включает данную компанию в реестр единственных поставщиков и в течение определенного контрактом срока осуществляет закупки.

Для частного инвестора офсетный контракт предоставляет возможность расширения производства с меньшими рисками. По условиям соглашения заказчик гарантирует инвестору определенный уровень закупок, что позволяет минимизировать риск недостаточного спроса, который традиционно принимает на себя предприниматель, развертывающий новые производственные мощности. Кроме того,

включение в реестр единственных поставщиков позволяет хозяйствующему субъекту реализовывать продукцию в качестве единственного поставщика не только непосредственно органу исполнительной власти, который выступает заказчиком по данному офсету, но и другим заказчикам в рамках данного региона (в течение срока действия соглашения).

С точки зрения государства использование контрактов со встречными инвестиционными обязательствами выступает способом существенной экономии бюджетных средств и привлечения долгосрочного финансирования. По оценкам Фонда «Кристалл роста», на сегодняшний день около 15-20% от общего объема госзакупок могут быть реализованы в форме офсетного контракта, что в денежном выражении оценивается в 15-20 трлн рублей в перспективе до 2034 года, и соответствует привлечению 1,5-3 трлн рублей частных инвестиций [9]. Таким образом, на сегодняшний день российская экономика недополучает средства в размере более 1% ВВП.

В качестве успешных кейсов организации производства в рамках офсетных контрактов можно привести заводы по производству медицинских препаратов «Биокад» и «Р-Опра» в г. Зеленограде (Калининградская область), завод по производству детского питания «Вимм-Билль-Данн», предприятие по выпуску лекарственных препаратов «МЭЗ» и завод по производству медицинских изделий «Гемамед» в г. Москве.

По сумме гарантированных закупок лидируют сферы фармацевтики и медицинских изделий, а также детского питания. Кроме того, «портфель» офсетных контрактов на сегодняшний день включает примеры соглашений о поставке канцелярских товаров, систем для хранения архивов, троллейбусов, тюльпанов и т.д. Диапазон возможных сфер применения механизма очень широк, однако на сегодняшний день реализация носит точечный характер: мы наблюдаем единичные случаи заключения контрактов со встречными инвестиционными обязательствами, а также низкий уровень вовлеченности регионов.

Несмотря на преимущества данного инвестиционного механизма, на сегодняшний день его использование носит весьма ограниченный характер. По состоянию на 2024 год в Российской Федерации было заключено только 33 офсетных контракта, из которых 25 – в Москве или с участием г. Москвы (в случае межрегиональных контрактов) [11]. По словам мэра Москвы С. С. Собянина, совокупный объем закупок составляет около 413 млрд руб., также в рамках реализации данных соглашений будет создано около 7 тысяч рабочих мест [7].

Учитывая потенциал офсетных контрактов и крайне низкий уровень их использования в регионах, актуален поиск ответа на вопрос о причинах, препятствующих распространению данного инвестиционного механизма.

Согласно опросу, проведенному компанией «You&Partners», информацией о возможности реализации проектов в форме офсетных контрактов владеет 91% опрошенных регионов, при этом только 31% респондентов сообщил о планах реализации потенциальных проектов с использованием данного механизма. Фактически же опыт работы с офсетными контрактами имеют еще меньшее число регионов [7].

На основании этих данных, из рассмотрения был исключен фактор недостаточной информированности потенциальных участников соглашений. Учитывая, что регионы и хозяйствующие субъекты осведомлены о механизме, но не используют его, разумно предположить о наличии иных барьеров его реализации.

Характеристика барьеров, упоминающихся в научных и экспертных материалах, приведена в таблице 1. Автором они классифицированы на внутренние и внешние: к первым относятся недостатки самого механизма, ко второму – создающие преграду реализации механизма внешние условия.

Таблица 1
Характеристика внутренних и внешних барьеров развития механизма офсетных контрактов

Внутренние барьеры	Внешние барьеры
➢ Отсутствие возможности заключения офсетных контрактов на федеральном уровне. Как было сказано в пункте выше, большинство дотационных регионов не готовы брать на себя ответственность за гарантию обеспечения спроса в долгосрочной перспективе. Потребности региональных органов власти могут по объему не покрывать затраты, вложенные частной стороной на инвестиционной стадии. ➢ Отсутствие предварительного контроля со стороны Федеральной антимонопольной службы. Так как по условиям офсетного контракта инвестор вносится в реестр единственных поставщиков, у него возникают риски аннулирования контракта со стороны антимонопольного органа. ➢ Превалирование рисков инвестора над рисками публичного партнера: инвестиционная стадия проекта длится как правило несколько лет и требует существенных капиталовложений от частной стороны. Изменившаяся за это время внешняя ситуация может помешать реализации спроса, и основные риски в данном случае примет на себя вложившийся в производство инвестор	➢ Дисбаланс сроков бюджетного планирования и реализации офсетного контракта: бюджет региона закладывается на 3 года, тогда как офсетный контракт заключается как правило на 10 лет. ➢ Нехватка бюджетных средств для обеспечения достаточного уровня спроса, при котором инвестору было бы выгодно вкладывать средства в создание или модернизацию производства. Данный барьер характерен в основном для дотационных регионов, и на сегодняшний день его влияние минимизировано введением возможности заключения межрегиональных контрактов: благодаря этому механизму спрос может быть обеспечен регионом с более устойчивой экономической ситуацией.

Источник: составлено автором на основе [4-6]

По мнению автора, существует еще один барьер, который препятствует распространению данного механизма – отсутствие законодательной возможности заключения контракта на основе частной инициативы. На сегодняшний день порядок заключения контракта со встречными инвестиционными обязательствами регулируется ст. 111.4 ФЗ-44, которая

предусматривает в п.1 ч.1, что «закупка осуществляется на основании акта высшего исполнительного органа субъекта Российской Федерации». Однако если проанализировать практику заключения концессионных соглашений, родственного по правовой природе механизма, то можно заметить, что в период 2020-2023 гг. стабильно более половины от общего числа контрактов заключаются в порядке частной концессионной инициативы (см. таблицу №2).

Таблица 2
Доля концессионных соглашений, заключенных в порядке частной концессионной инициативы

	2020	2021	2022	2023
Количество заключенных концессионных соглашений	296	305	466	316
Из них заключено на основе частной концессионной инициативы	157	187	275	176
Доля концессионных соглашений, заключенных по частной концессионной инициативе	53%	61%	59%	56%

Источник: составлено и рассчитано автором на основе [20,23,24]

Другим барьером является отсутствие накопленного опыта у заказчиков. Как уже было сказано выше, подавляющее большинство контрактов заключаются в Москве – сегодня это единственный регион, имеющий достаточный «портфель» контрактов и наработанную практику.

Автор в качестве меры преодоления вышеуказанных барьеров предлагает концепцию «офсетных агломераций»: заключение межрегиональных контрактов между экономически сильным регионом-донором и территориально близкими регионами-реципиентами. Регион-центр агломерации выступает гарантом спроса и формирует на своей территории единый региональный центр, уполномоченный на заключение контрактов – такая централизация позволит быстрее и эффективнее обучить специалистов-сотрудников центров и аккумулировать опыт работы с офсетными контрактами, не разделяя между разными органами исполнительной власти в регионе. Например, перспективными видится сотрудничество в рамках межрегиональных офсетных контрактов между Республикой Татарстан и граничащими с ней регионами: Ульяновской, Самарской, Оренбургской, Кировской областями, а также Удмуртской, Чувашской Республиками, Республикой Марий Эл и Башкортостаном. Центром «офсетной агломерации» в Сибирской федеральном округе мог бы стать Красноярский край, а в Северо-Западном – г. Санкт-Петербург.

Отметим, что некоторые попытки централизации заключения офсетных контактов на региональном уровне уже предпринимаются. Так, в г. Ижевске в мае 2024 года создан «Офсет центр». Согласно уставу, предметом деятельности центра является обеспечение заключения контрактов со встречными инвестиционными обязательствами в целях удовлетворения консолидированных потребностей заказчиков в товарах/услугах. Основные функции центра включают в себя:

- планирование и подготовку документации для заключения контракта,
- непосредственно заключение контрактов,
- приемку товаров/услуг по контракту совместно с получателем,
- оплату товаров/услуг по контракту,
- контроль за исполнением контракта.

Однако по состоянию на конец января 2025 года ни одного контракта центром не заключено. Согласно сведениям портала Rusprofile последний контракт был заключен 5 сентября 2023 года правопредшественником данной организации - казенным учреждением Удмуртской Республики "Центр "Правовая Помощь" [26].

Более успешные примеры демонстрирует зарубежная практика, в частности - деятельность International Offset Corporation (IOC). Данная компания специализируется на управлении офсетными соглашениями, зачастую в контексте оборонных и аэрокосмических контрактов. Компания выступает посредником между сторонами офсетного контракта, принимая на себя обязательства по поиску исполнителей встречного (офсетного) требования и выступая своего рода гарантом исполнения обязательств. Одна из инноваций в деятельности компания – практика «альтернативных валют» при заключении контрактов. IOC выявляет и оценивает материальные, природные, интеллектуальные и иные ресурсы, которыми владеют страны-стороны контракта и выступает посредником при переговорах, предлагая различные варианты безденежного расчета теми ресурсами, которые наиболее выгодны или находятся в избытке у одной из стран и полезны другой стране. Примерами таких валют могут служить: выведенные из эксплуатации военные базы и порты, право на добычу нефти, полезных ископаемых, права на рыболовство и т.д.

Однако необходимо учитывать, что зарубежная интерпретация офсетных контрактов существенно отличается от отечественной: в основном офсетные соглашения за рубежом используют во внешней торговле, преимущественно в сфере торговли продукцией военного назначения, и предполагают возникновения встречных (компенсационных) обязательств у продавца военной техники при превышении определенной цены контракта. Сами обязательства могут быть выполнены в форме инвестиций в страну-покупателя, трансфера технологий, обучения специалистов, локализации производства и т.д. на сумму, составляющую определенный процент (может быть как менее 100%, так и более) от стоимости основного контракта. В этой связи преломление зарубежного опыта должно производиться с

большой осторожностью и учетом специфики механизма.

Таким образом офсеты могут стать инструментом выравнивания пространственного экономического развития: дотационные регионы получат возможность привлечь инвестиции за счет межрегиональных контрактов. Самостоятельно регионам со слабым уровнем экономического развития сложно привлекать инвестиции из-за потенциально низкого уровня спроса. Межрегиональные контракты позволяют локализовать производство на территории одного региона при условии, что гарантию спроса обеспечит другой регион. На начало 2025 года всего в России заключено 3 межрегиональных соглашения.

1. Контракт на поставку щебня. Согласно заключенному в начале 2024 года соглашению между Москвой и Республикой Карелия, правительства регионов обязуются производить закупку около 13,7 миллионов тонн щебня у карельского поставщика, который, в свою очередь, принял на себя обязательства по развертыванию соответствующего производства. Срок реализации контракта составит 10 лет. Общая сумма контракта, согласно заявлению на официальном интернет-портале Правительства Карелии, составит 61 млрд рублей. Частным инвестором выступит ООО «БИОЭН ТРЕЙД», чьи инвестиционные обязательства составят более 1,5 млрд рублей, при первоначально заявленной в контракте сумме обязательных инвестиций в 780 млн руб. [18]

2. Контракт на поставку стабилизирующей добавки для щебеночно – мастичных асфальтобетонов. Соглашение заключено Москвой и Владимирской областью 21 июля 2024 года. По его условиям, на территории Владимирской области будет развернуто производство добавки, повышающей прочность и долговечность дорожного покрытия, поставщику гарантированы закупки около 7,9 тыс. тонн продукции ежегодно в течение 10 лет (фактически – 8 лет, с учетом заложенных 2 лет на инвестиционную стадию) [13].

3. *Контракт на поставку посадочных комплектов тюльпанов. Соглашение Москвы и Оренбургской области направлено на импортозамещение луковиц тюльпанов, которые на сегодняшний день запрещены к ввозу в РФ. Сумма закупки составит около 2,5 млрд рублей, в рамках которой инвестор отгрузит около 104,8 млн луковиц [17].*

Заметим, что все три упомянутых региона, заключивших контракты с Москвой, являются получателями дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности. Такое сотрудничество выгодно обеим сторонам контракта: в рамках вышеописанных кейсов Республика Карелия, Владимирская и Оренбургская области приобретают новое производство, дополнительные рабочие места и рост отчислений в бюджет, а Москва – закупку качественной продукции по стабильной и более низкой за счет локализации производства за пределами столицы цене в течении 10 лет.

В целях масштабирования практики офсетной контрактации целесообразным видится также предоставление бизнесу возможности инициировать заключение контрактов. Дополнительным эффектом от реализации данной меры станет повышение капитализации компаний-инвесторов: заключая офсетный контракт, бизнес получает гарантированный долгосрочный денежный поток, что позитивно сказывается на оценке компании рынком. Таким образом, частная сторона получает инструмент увеличения собственной капитализации. Кроме того, благодаря механизму частной инициативы процесс заключения соглашений становится менее коррупциогенным по сравнению с ныне действующим: частный инвестор, выступая инициатором проекта, снижает зависимость от монополии региональных чиновников на формирование параметров закупки.

Проведенное исследование демонстрирует, что офсетные контракты обладают значительным потенциалом для привлечения инвестиций в регионы в условиях возросших бюджетных расходов государства и необходимости решения задач импортозамещения и локализации производства, однако их применение остаётся ограниченным из-за внутренних и внешних барьеров. Успешные кейсы подтверждают эффективность контрактов, однако их масштаб остаётся незначительным. Основные проблемы включают дисбаланс сроков бюджетного планирования и реализации офсетного контракта, отсутствие законодательной возможности заключения соглашений на основе частной инициативы, а также низкий уровень опыта регионов. Предложенные меры — межрегиональные «офсетные агломерации» и централизация управления — могут способствовать снижению экономического неравенства регионов России.

Литература

1. Аналитическое исследование. Офсетный контракт 2.0// You&Partners. – июнь 2022. – URL: https://youandpartners.ru/upload/medialibrary/5d3/Analiticheskoe-issledovanie_Ofsetnyy kontrakt-2.0.pdf (дата обращения: 10.01.2025)

2. Аналитическое исследование. Офсетный контракт 2.0// You&Partners. – июнь 2022. – URL: https://youandpartners.ru/upload/medialibrary/5d3/ Analiticheskoe-issledovanie_ Ofsetnyy-kontrakt-2.0.pdf (дата обращения: 10.01.2025)

3. Аскеров А. Ф.-О., Бессмертный И. В. Сущность пространственного развития территории: подходы к определению // Московский экономический журнал. 2022. №6. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/suschnost-prostranstvennogo-razvitiya-territorii-podhody-k-opredeleniyu (дата обращения: 16.02.2025).

4. Бойчук А. В. Моделирование процесса заключения офсетного контракта // Прогрессивная экономика. 2024. №9. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/modelirovanie-protsessa-zaklyucheniya-ofsetnogo-kontrakta (дата обращения: 14.01.2025)

5. Бойчук А. В. Факторный анализ реализации офсетных контрактов в России // Прогрессивная экономика. 2024. №8. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/faktornyy-analiz-

realizatsii-ofsetnyh-kontraktov-v-rossii (дата обращения: 14.01.2025).
6. Буракова И. К. Новые правила в регулировании государственного контракта со встречными инвестиционными обязательствами (офсетный контракт) // НАУ. 2022. №82-1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/novye-pravila-v-regulirovanii-gosudarstvennogo-kontrakta-so-vstrechnymi-investitsionnymi-obyazatelstvami-ofsetnyy-kontrakt (дата обращения: 12.01.2025).
7. В Москве заключены 22 из 28 российских офсетов// РИА Новости. – 2024. - https://ria.ru/20240722/moskva-1961260080.html (дата обращения: 09.01.2025)
8. Венчуру нужен микроскоп//Коммерсантъ. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/6552547?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (дата обращения: 03.01.2025)
9. Выступление Александра Галушки на пленарной сессии Форума «Кристалл роста: к русскому экономическому чуду». – 17.12.2024 – URL: https://crystalforum.ru/ (дата обращения 08.01.2025)
10.Д. Н. Киргетов. Роль администраций муниципалитетов и правительства региона в организации и модерации проектов государственно-частного и муниципально-частного партнерства // ЕГИ. 2023. №6 (50). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rol-administratsiy-munitsipalitetov-i-pravitelstva-regiona-v-organizatsii-i-moderatsii-proektov-gosudarstvenno-chastnogo-i (дата обращения: 16.02.2025).
11.Данные портала «ЕИС Закупки» - URL: https://zakupki.gov.ru (дата обращения 08.01.2025)
12.И В. Чистникова, Е П. Дружникова, Т Н. Добродомова. Стратегическое управление пространственным развитием территорий // ЕГИ. 2023. №6 (50). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/strategicheskoe-upravlenie-prostranstvennym-razvitiem-territoriy (дата обращения: 16.02.2025).
13.Информация о закупке. ЕИС Закупки. – URL: https://zakupki.gov.ru/epz/order/notice/ok20/view/common-info.html?regNumber=017320000142 4000827 (дата обращения 12.01.2025)
14.Киреева А. В. Современные проблемы институционального регулирования экономических отношений в сфере государственно-частного партнерства // Вестник евразийской науки. 2020. №4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-problemy-institutsionalnogo-regulirovaniya-ekonomicheskih-otnosheniy-v-sfere-gosudarstvenno-chastnogo-partnerstva (дата обращения: 16.02.2025).
15.Кугач А. А., Кугач В. В. Механизмы организации закупок лекарственных средств: зарубежный опыт // Вестник фармации. 2022. №2 (96). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/mehanizmy-organizatsii-zakupok-lekarstvennyh-sredstv-zarubezhnyy-opyt (дата обращения: 16.01.2025)
16.Ляпин А. С. Поддержка инновационного развития с помощью инструментов системы государственных закупок // Государственная служба. 2024. №3 (149). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/podderzhka-innovatsionnogo-razvitiya-s-pomoschyu-instrumentov-sistemy-gosudarstvennyh-zakupok (дата обращения: 16.02.2025).
17.Москва заключит межрегиональные офсетные контракты на благоустройство и возведение дорог// ТАСС. – 2024. - URL: https://tass.ru/ekonomika/21129709 (дата обращения 11.01.2025)
18.Москва и Карелия заключили первый в России межрегиональный офсетный контракт. Официальный интернет-портал Республики Карелия. – URL: https://gov.karelia.ru/news/11-03-2024-moskva-i-kareliya-zaklyuchili-pervyy-v-rossii-mezhregio nalnyy-ofsetnyy-kontrakt/ (дата обращения: 10.01.2025)
19.Муравьева А. О. Инструменты и методы повышения инвестиционной привлекательности региона на основе его инфраструктурного развития // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2024. №5. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/instrumenty-i-metody-povysheniya-investitsionnoy-privlekatelnosti-regiona-na-osnove-ego-infrastrukturnogo-razvitiya (дата обращения: 16.02.2025).
20.Обзор судебной практики по отдельным вопросам заключения концессионных соглашений в порядке частной инициативы//Качкин и партнеры. – 2020. - URL: https://www.kachkin.ru/wp-content/uploads/2020/09/kachkin_i_partnery_obnovlennaya-spravka-po-otdelnym-voprosam-chki-1.pdf
21.Петраков А. Ю. Привлечение инвестиций с помощью офсетного контракта // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2020. №7 (71). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/privlechenie-investitsiy-s-pomoschyu-ofsetnogo-kontrakta (дата обращения: 15.01.2025)
22.Проскурнова К. Ю. Инструменты оценки пространственного развития регионов // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). 2024. №1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/instrumenty-otsenki-prostranstvennogo-razvitiya-regionov (дата обращения: 16.02.2025).
23.Результаты мониторинга заключения и реализации заключенных концессионных соглашений. Министерство экономического развития Российской Федерации. – 2023. – URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/da0e1ae71d826dca19b593406d9f98e4/rezultaty_monitoringa_za_2023_115-fz.pdf.
24.Результаты мониторинга заключения и реализации заключенных концессионных соглашений. Министерство экономического развития Российской Федерации. – 2022. – URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/46511ac37e10a7e560e603fedf85dc7e/rezultaty_monitoringa_za_2022_115-fz.pdf.pdf
25.Савинов Ю. А., Фатьянов А. А. Разработка коммерческих предложений на поставку ПВН с учетом офсетных соглашений // Российский внешнеэкономический вестник. 2015. №7. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/razrabotka-kommercheskih-predlozheniy-na-postavku-pvn-s-

uchetom-ofsetnyh-soglasheniy (дата обращения: 15.01.2025).

26.Сведения о заключенных контрактах бюджетного учреждения удмуртской республики "Офсет центр" – URL: https://www.rusprofile.ru/gz/4154818 (дата обращения: 15.01.2025)

27.Смотрицкая И. И., Шувалов С. С. Контрактный институт публичных закупок: современный вектор развития // ЭТАП. 2024. №6. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kontraktnyy-institut-publichnyh-zakupok-sovremennyy-vektor-razvitiya (дата обращения: 16.02.2025).

28.Спицына Т. А., Марголина Е. В. Проблемы и перспективы применения механизма государственно-частного партнерства в промышленности // Экономические системы. 2023. №3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-i-perspektivy-primeneniya-mehanizma-gosudarstvenno-chastnogo-partnerstva-v-promyshlennosti (дата обращения: 10.01.2025).

29.Титова Г. Г. Контракт со встречными инвестиционными обязательствами (офсетный) как перспективный правовой инструмент реализации гражданско-правового механизма заключения публичного контракта по итогам электронного аукциона в сфере закупок товаров, работ и услуг // Аграрное и земельное право. 2022. №12 (216). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kontrakt-so-vstrechnymi-investitsionnymi-obyazatelstvami-ofsetnyy-kak-perspektivnyy-pravovoy-instrument-realizatsii-grazhdansko (дата обращения: 16.01.2025).

30.Федеральный закон "О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд" от 05.04.2013 N 44-ФЗ. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144624/ (дата обращения: 02.01.2025)

31.Чистый приток прямых иностранных инвестиций в Россию в 2019 году составил более 30 млрд долларов США// Евразийский Банк Развития. – URL: https://eabr.org/press/releases/chistyy-pritok-pryamykh-inostrannykh-investitsiy-v-rossiyu-v-2019-godu-sostavil-bolee-30-mlrd-dollar/ (дата обращения: 03.01.2025)

Offset contracts as a tool for reducing disproportions in Russia's spatial development

Chaika K.D.
RANEPA

JEL classification: G20, G24, G28, H25, H30, H60, H72, H81, K22, K34

Subject. The problem of realizing the potential of offset contracts as a tool for reducing disproportions in Russia's spatial development in the context of limited access to external sources of financing and the need to localize the production of goods restricted for import to the Russian Federation.

Goal. Identification of internal and external barriers to the development of offset contracts, development of proposals for improving the practice of offset contracting in order to ensure regional economic development.

Methods. Analysis of statistical data, comparative legal analysis, expert assessments and normative analysis of changes in the regulation of offsets.

Results. An extremely low level of use of offset contracts in the Russian Federation was revealed, key barriers to the development of the mechanism were identified. The article provides a rationale for the effectiveness of using interregional offset contracts to reduce inequality in the economic development of regions by creating "offset agglomerations".

Conclusions. To scale up offset contracting, it is necessary to legislatively enshrine the possibility of concluding contracts at the federal level and introduce a private offset initiative, which will reduce the asymmetry of risks and attract business. The creation of "offset agglomerations" will attract investment to subsidized regions and reduce imbalances in spatial development, and the establishment of regional centers for working with offsets will overcome the lack of expertise and unify processes.

Keywords: offset contract, contract with reciprocal investment obligations, regional development, long-term investments, spatial development.

References

1. Analytical research. Offset Contract 2.0// You&Partners. – June 2022. – URL: https://youandpartners.ru/upload/medialibrary/5d3/Analiticheskoe-issledovanie_Ofsetnyy kontrakt-2.0.pdf (accessed: 01/10/2025)
2. Analytical research. Offset Contract 2.0// You&Partners. – June 2022. – URL: https://youandpartners.ru/upload/medialibrary/5d3 / Analiticheskoe-issledovanie_ Ofsetnyy-kontrakt-2.0.pdf (accessed: 01/10/2025)
3. Askerov A. F.-O., Bessmertny I. V. The essence of spatial development of a territory: approaches to definition // Moscow Economic Journal. 2022. No. 6. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/suschnost-prostranstvennogo-razvitiya-territorii-podhody-k-opredeleniyu (date of reference: 02/16/2025).
4. Boychuk A.V. Modeling the process of concluding an offset contract // Progressive Economics. 2024. No. 9. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/modelirovanie-protsessa-zaklyucheniya-ofsetnogo-kontrakta (date of request: 14.01.2025)
5. Boychuk A.V. Factor analysis of the implementation of offset contracts in Russia // Progressive Economics. 2024. No. 8. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/faktornyy-analiz-realizatsii-ofsetnyh-kontraktov-v-rossii (date of reference: 01/14/2025).
6. Burakova I. K. New rules in the regulation of the state contract with counter-investment obligations (offset contract) // NAU. 2022. №82-1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/novye-pravila-v-regulirovanii-gosudarstvennogo-kontrakta-so-vstrechnymi-investitsionnymi-obyazatelstvami-ofsetnyy-kontrakt (date of request: 12.01.2025).
7. 22 out of 28 Russian offsets have been concluded in Moscow// RIA Novosti. – 2024. - https://ria.ru/20240722/moskva-1961260080.html (date of request: 09.01.2025)
8. A venture needs a microscope//Kommersant. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/6552547?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (accessed: 01/03/2025)
9. Alexander Galushka's speech at the plenary session of the Forum "Crystal of Growth: towards the Russian Economic Miracle". – 12/17/2024 – URL: https://crystalforum.ru / (accessed 08.01.2025)
10. D. N. Kirgetov. The role of municipal administrations and the regional government in the organization and moderation of public-private and municipal-private

partnership projects // EGI. 2023. №6 (50). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rol-administratsiy-munitsipalitetov-i-pravitelstva-regiona-v-organizatsii-i-moderatsii-proektov-gosudarstvenno-chastnogo-i (date of access: 02/16/2025).
11. Data from the EIS Procurement portal - URL: https://zakupki.gov.ru (accessed 08.01.2025).
12. I. V. Chistnikova, E. P. Druzhnikova, T. N. Dobrodomova. Strategic management of spatial development of territories // EGI. 2023. No. 6 (50). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/strategicheskoe-upravlenie-prostranstvennym-razvitiem-territoriy (date of request: 02/16/2025).
13. Purchase information. EIS Purchases. – URL: https://zakupki.gov.ru/epz/order/notice/ok20/view/common-info.html?regNumber=017320000142 4000827 (accessed 12.01.2025).
14. Kireeva A.V. Modern problems of institutional regulation of economic relations in the field of public-private partnership // Bulletin of Eurasian Science. 2020. No. 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-problemy-institutsionalnogo-regulirovaniya-ekonomicheskih-otnosheniy-v-sfere-gosudarstvenno-chastnogo-partnerstva (date of request: 02/16/2025).
15. Kugach A. A., Kugach V. V. Mechanisms of organization of procurement of medicines: foreign experience // Bulletin of Pharmacy. 2022. No. 2 (96). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/mehanizmy-organizatsii-zakupok-lekarstvennyh-sredstv-zarubezhnyy-opyt (date of access: 01/16/2025)
16. Lyapin A. S. Support for innovative development using the tools of the public procurement system // Civil Service. 2024. No. 3 (149). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/podderzhka-innovatsionnogo-razvitiya-s-pomoschyu-instrumentov-sistemy-gosudarstvennyh-zakupok (date of request: 02/16/2025).
17. Moscow will conclude interregional offset contracts for the improvement and construction of roads // TASS. - 2024. - URL: https://tass.ru/ekonomika/21129709 (accessed 11.01.2025)
18. Moscow and Karelia have signed the first inter-regional offset contract in Russia. The official Internet portal of the Republic of Karelia. – URL: https://gov.karelia.ru/news/11-03-2024-moskva-i-kareliya-zaklyuchili-pervyy-v-rossii-mezhregio nalny-ofsetny-kontrakt/ (accessed: 01/10/2025)
19. Muravyeva A. O. Tools and methods of increasing the investment attractiveness of the region based on its infrastructural development // Humanities, socio-economic and social sciences. 2024. No.5. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/instrumenty-i-metody-povysheniya-investitsionnoy-privlekatelnosti-regiona-na-osnove-ego-infrastrukturnogo-razvitiya (date of request: 02/16/2025).
20. Review of judicial practice on certain issues of concluding concession agreements as a private initiative//Kachkin and Partners. – 2020. - URL: https://www.kachkin.ru/wp-content/uploads/2020/09/kachkin_i_partnery_obnovlennaya-spravka-po-otdelnym-voprosam-chki-1.pdf
21. Petrakov A. Y. Attracting investments using an offset contract // Bulletin of the O. E. Kutafin University. 2020. No. 7 (71). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/privlechenie-investitsiy-s-pomoschyu-ofsetnogo-kontrakta (date of request: 15.01.2025)
22. Proskurnova K. Y. Tools for assessing the spatial development of regions // Bulletin of the Moscow University. Episode 21. Management (state and society). 2024. No. 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/instrumenty-otsenki-prostranstvennogo-razvitiya-regionov (date of application: 02/16/2025).
23. Results of monitoring the conclusion and implementation of concluded concession agreements. Ministry of Economic Development of the Russian Federation. – 2023. – URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/da0e1ae71d826dca19b593406d9f98e4/rezultaty_monitoringa_za_2023_115-fz.pdf.
24. The results of monitoring the conclusion and implementation of concluded concession agreements. Ministry of Economic Development of the Russian Federation. – 2022. – URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/46511ac37e10a7e560e603fedf85dc7e/rezultaty_monitoringa_za_2022_115-fz.pdf.pdf
25. Savinov Yu. A., Fatyanov A. A. Development of commercial proposals for the supply of PVN, taking into account offset agreements // Russian Foreign Economic Bulletin. 2015. No. 7. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/razrabotka-kommercheskih-predlozheniy-na-postavku-pvn-s-uchetom-ofsetnyh-soglasheniy (date of request: 01/15/2025).
26. Information about the concluded contracts of the budget institution of the Udmurt Republic "Offset Center" – URL: https://www.rusprofile.ru/gz/4154818 (date of request: 15.01.2025)
27. Smotritskaya I. I., Shuvalov S. S. Contract Institute of public procurement: a modern vector of development // STAGE. 2024. №6. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kontraktnyy-institut-publichnyh-zakupok-sovremennyy-vektor-razvitiya (date of reference: 02/16/2025).
28. Spitsyna T. A., Margolina E. V. Problems and prospects of using the mechanism of public-private partnership in industry // Economic systems. 2023. No. 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-i-perspektivy-primeneniya-mehanizma-gosudarstvenno-chastnogo-partnerstva-v-promyshlennosti (date of request: 10.01.2025).
29. Titova G. G. Contract with counter investment obligations (offset) as a promising legal instrument for the implementation of a civil law mechanism for concluding a public contract based on the results of an electronic auction in the field of procurement of goods, works and services // Agrarian and Land Law. 2022. №12 (216). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kontrakt-so-vstrechnymi-investitsionnymi-obyazatelstvami-ofsetnyy-kak-perspektivnyy-pravovoy-instrument-realizatsii-grazhdansko (date of request: 16.01.2025).
30. Federal Law "On the Contract System in the field of procurement of goods, works, and services for State and Municipal Needs" dated 05.04.2013 No. 44-FZ. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144624 / (date of request: 02.01.2025)
31. The net inflow of foreign direct investment to Russia in 2019 amounted to more than 30 billion US dollars// Eurasian Development Bank. – URL: https://eabr.org/press/releases/chistyy-pritok-pryamykh-inostrannykh-investitsiy-v-rossiyu-v-2019-godu-sostavil-bolee-30-mlrd-dollar / (date of request: 03.01.2025)

Применение зеленых облигаций как инструмента зеленого финансирования

Шибзухова Рената Абубакировна
кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономики и учетно-аналитических информационных систем, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, rrr_77_77@mail.ru

Ваславский Ян Ильич
кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры политической теории, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, vaslavsky@yandex.ru

Золотова Яна Владимировна
кандидат экономических наук, доцент, доцент Высшей школы менеджмента, Тихоокеанский государственный университет, rozohka@mail.ru

Шахов Денис Андреевич
кандидат социологических наук, генеральный директор, ООО "Ростра", roctra@mail.ru

Устойчивое развитие бизнеса на принципах ESG является одним из главных трендов на повестке дня мирового и финансового сообщества и невозможно без адекватных источников финансирования, поскольку, по оценкам, инвестиционные расходы в этой области исключительно высоки. По этой причине обеспечение адекватного финансирования настолько важно, что его следует выделить в отдельный элемент. Целью данной статьи является характеристика методов применения «зеленых» облигаций как инструмента «зеленого» финансирования. В статье представлены проекты, которые имеют право на финансирование посредством выпуска зеленых облигаций, а также определены общие принципы выпуска и размещения зеленых облигаций. Результаты исследования подтвердили, что зеленые облигации как инновационный финансовый инструмент способствуют финансированию устойчивого развития и представляют собой значительный источник капитала для организаций, ищущих средства для финансирования мероприятий по достижению ЦУР.
Ключевые слова: зеленое финансирование, зеленые облигации, выпуск и размещение зеленых облигаций, Цели устойчивого развития (ЦУР), экологические проекты.

Введение

Реализация Целей устойчивого развития (ЦУР) требует привлечения средств для финансирования проектов, направленных на зеленую трансформацию экономики. Одним из решений в этой области, значение которого систематически возрастает, является зеленое фмнансирование. В настоящее время под зеленым финансированием обычно понимают любую финансовую деятельность, направленную на обеспечение максимального экологического эффекта [1]. Таким образом, цель зеленого финансирования состоит в направлении финансовых потоков из различных секоторов экономики (государственного, частного, некоммерческого) для реализации ЦУР.

Зеленое финансирование в первую очередь служит для обеспечения потока денежных средств для реализации экологически чистых инвестиций и является частью более широкой концепции – устойчивого финансирования [2] и охватывает только экологические вопросы, в то время как устойчивое финансирование имеет более широкий взгляд, добавляя социальные, экономические и управленческие (институциональные) вопросы. Таким образом, можно сказать, что устойчивое финансирование характеризуется комплексным подходом к проблеме финансирования, в то время как зеленое финансирование охватывает только одну часть, а именно экологическую составляющую. В то же время следует отметить, что зеленое финансирование - это более широкая концепция, чем климатическое финансирование и учитывает действия не только в области климата, но и другие экологические проблемы.

Учитывая, что зеленое финансирование ограничивается вопросами охраны окружающей среды, его все равно не следует рассматривать исключительно как концепцию снижения риска экологических опасностей. Его все чаще рассматривают как фактор, способствующий инновациям и привносящий новое качество в экономическое развитие обществ [3].

Зеленое финансирование может быть реализовано посредством многочисленных механизмов. Среди них следует отметить следующие: зеленый банкинг, зеленые фонды, зеленые кредиты, зеленые облигации, зеленые публичные предложения акций (IPO), рынки эмиссии, зеленые рейтинги, индексы зеленого фондового рынка, база данных по экологическим издержкам, сети зеленых инвесторов, зеленое страхование, обязательства кредито-

ров, обязательная публикация информации об экологически чистых или загрязняющих окружающую среду решениях, используемых в компании.

Данное исследование посвящено таким специализированным ценным бумагам как зеленые облигации.

Впервые в мире зеленые облигации (Climate Awareness Bonds) были выпущены Европейским инвестиционным банком (ЕИБ) в июле 2007 года. Затем Всемирный банк (ВБ) взял на себя роль глобального эмитента в этом отношении, выпустив в 2008 году зеленые долговые ценные бумаги [4]. Облигации являются одним из примеров инноваций, с помощью которых ВБ стремится стимулировать действия государственного и частного секторов по борьбе с изменением климата. Они стали важным инструментом ВБ в достижении целей в области устойчивого развития, тем самым закрепив за ними роль важнейшего эмитента зеленого долга и пионера в сопоставлении экологических инвестиций с финансовыми инструментами [5].

Обзор литературы. «Зеленые» облигации, хотя и относительно новый инструмент, но являются предметом многочисленных теоретических и эмпирических анализов. Это подтверждается определениями, представленными в таблице 1.

Таблица 1
Определения зеленых облигаций

Источник	Определение
[6]	вид ценных бумаг, выпущенных для привлечения инвестиций в целях финансирования/рефинансирования инвестиционных проектов, направленных на улучшение состояния окружающей среды, способствующих созданию экономики с низким уровнем выбросов и устойчивостью к изменению климата
[7]	самая популярная форма финансирования проектов, связанных с устойчивым развитием; эти инструменты отличаются необходимостью определения целевого показателя выбросов, реализация которого должна оказать положительное влияние на окружающую среду (так называемый зеленый целевой показатель выбросов).
[8]	типичная долговая ценная бумага, соответствующая стандартам облигаций, отличительной чертой которой является цель, сопутствующая выпуску этих инструментов (т.е. финансирование инвестиционных проектов в выбранных областях)
[9]	новейшая инновация в области устойчивого финансирования, представляющая собой долговой инструмент, выпускаемый корпорациями, местными органами власти, правительствами и международными институтами; доходы от его выпуска предназначены для финансирования проектов с низким уровнем выбросов, безопасных для климата.
[10]	тип облигаций, доходы от которых должны использоваться для финансирования или рефинансирования экологических проектов

Исследователи отмечают, что зеленые облигации также могут финансировать – в дополнение ко всем широко понимаемым экологическим проектам – деятельность в этой области [11]. Однако исследователи подчеркивают, что концепция изменения климата неразрывно связана с экологией, и поэтому с практической точки зрения между этими инструментами существует большая согласованность и считать климатические облигации синонимами зеленых или экологических облигаций не является ошибкой [12]. В исследованиях проанализированы факторы, определяющие развитие рынка зеленых облигаций с точки зрения финансирования чистой энергетики [11], важность зеленых облигаций для устойчивого развития [13] и последствия зеленых облигаций для эмитентов [14] и инвесторов.

Целью данной статьи является характеристика общих принципов применения зеленых облигаций как инструмента зеленого финансирования.

Методы исследования

В статье был выбран качественный подход к исследованию, в соответствии с которым были поставлены следующие исследовательские вопросы: (1) Какие проекты имеют право на финансирование посредством выпуска зеленых облигаций? (2) Каковы общие принципы выпуска и размещения зеленых облигаций?

Комплекс теоретических методов исследования включал: метод теоретического обобщения для определения проектов, имеющих право на финансирование посредством выпуска зеленых облигаций; метод структурно-логического анализа при определении общих принципов выпуска и размещения зеленых облигаций.

Результаты исследования

Общей чертой определений, представленных в таблице 1, является конкретное целевое назначение средств, получаемых от выпуска зеленых облигаций. Поэтому эмитенту необходимо распознавать категории проектов, подлежащих финансированию с помощью зеленых облигаций. Эти категории представлены в таблице 2.

Таблица 2
Проекты, имеющие право на финансирование посредством выпуска зеленых облигаций

№	Вид деятельности	Направления использования средств от выпуска зеленых облигаций
1	Возобновляемая энергия	устройства и продукты, связанные с производством и передачей возобновляемой энергии
2	Энергоэффективность	повышение энергоэффективности сетей теплоснабжения, новых/реконструируемых зданий и сооружений; устройства и оборудование, аккумулирующие энергию; интеллектуальные энергосети
3	Предупреждение и мониторинг загрязнения окружающей среды	сокращение атмосферных выбросов загрязняющих веществ, мониторинг парниковых газов, рекультивация почв, мониторинг, сокращение и утилизация отходов, включая их преобразование в энергию
4	Устойчивое управление производством продуктов питания и землепользованием	устойчивые растениеводство и животноводство, экологически безопасное сельское хозяйство, устойчивое производство аквaресурсов, устойчивое лесохозяйство, защита и восстановление природных ландшафтов
5	Защита биоразнообразия	охрана окружающей среды и природных ландшафтов в аспекте биоразнообразия
6	Чистый транспорт	инфраструктура экологически чистого транспорта, в т.ч. развитие электрического, гибридного, немоторизованного, мультимодального транспорта; снижение вредных выбросов на транспорте

7	Устойчивое управление водными ресурсами	инфраструктура, обеспечивающая поставку чистой и/или питьевой воды; очистка сточных вод; эффективные системы водоотведения; регулирование водных артерий и другие методы нивелирования риска затоплений и наводнений
8	Адаптация к изменениям климата	создание и развитие систем наблюдения за климатом, систем раннего оповещения о климатических катастрофах и стихийных бедствиях
9	Экологически эффективные продукты и технологии циклической экономики	разработка и внедрение продукции с экомаркировкой или экосертификатом, использование ресурсоэффективных решений в дистрибуции и упаковке
10	Зеленые здания	инвестиции в недвижимость, соответствующие стандартам и требованиям сертификации, установленным на региональном, национальном и международном уровнях

Примечание: ***собственная разработка.***

Обсуждение результатов

На международном финансовом рынке для того, чтобы облигации были признаны зелеными, они должны пройти процесс сертификации, за который отвечает ICMA - Международная ассоциация рынка капитала [8], международный институт с признанной репутацией, выпускающий общепринятые руководящие принципы в этой области (ICMA The Green Bond Principles, GBP). Они являются одними из важнейших международно признанных принципов выпуска зеленых облигаций и подлежат периодическим обновлениям.

ICMA классифицирует облигации как зеленые, если они соответствуют четырем базовым критериям GBP, а доходы от них направляются только на полное или частичное финансирование/рефинансирование проектов, представленных в таблице 2.

ICMA отмечает, что по мере развития этого сегмента финансового рынка могут появиться новые разновидности зеленых облигаций. Примером таких инновационных инструментов являются голубые облигации, целью которых является поддержка проектов, способствующих защите морей и океанов, управлению рыболовством и других проектов, направленных, среди прочего: для защиты экономики океана, что в свою очередь связано с достижением ЦУР [13].

Зеленые облигации, как и другие финансовые инструменты, можно классифицировать по различным критериям, включая географическое разделение, валюты выпуска, категории эмитентов, применяемых стандартов, например, Инициативы по климатическим облигациям (CBI) или ICMA и других. Разделение зеленых облигаций по типу эмитентов представлено в таблице 3.

Процесс выпуска зеленых облигаций во многом напоминает стандартный процесс выпуска облигаций. Отличительной чертой зеленых облигаций в процессе выпуска является четкое планирование использования полученных средств, т.е. направление их на природоохранную деятельность с учетом получения мнений и представления специально определенных периодических отчетов. Процесс выпуска зеленых облигаций можно разделить на следующие этапы [6]: 1) этап перед принятием решения о выпуске (анализ и оценка возможных альтернатив в аспекте потребности эмитента в финансировании и общей ситуации на финансовом рынке), 2) этап, предшествующий выпуску (подготовка выпуска), 3) выпуск зеленых облигаций (процедура сбора средств), 4) этап после выпуска (использование средств от выпуска и отчетность).

Таблица 3
Разделение зеленых облигаций по типу эмитента [10]

Эмитенты зеленых облигаций		
Международные финансовые институты	Эмитенты, связанные с правительством	Коммерческие, нефинансовые предприятия
Играют наиболее значительную роль на рынке зеленых облигаций; стимулируют спрос и предложение; влияют на ликвидность рынка; устанавливают рыночные стандарты, правила выбросов.	Занимают большую долю в общем объеме рынка зеленых облигаций.	Крупные компании, реализующие стратегию КСО, ищут средства для финансирования проэкологических проектов, в том числе рассчитывают на имиджевые преимущества, связанные с выпуском зеленых облигаций.
Примеры		
ЕИБ, Группа Всемирного банка, другие банки развития	Экспортно-кредитные агентства, экспортно-импортные банки, местные государственные учреждения, финансирующие государственные проекты	Большая доля энергетической и строительной отраслей

Примечание: ***собственная разработка.***

В процессе выпуска зеленых облигаций первый этап, предшествующий принятию решения об их выпуске, является особенно важным и весьма длительным. Подтверждением того, что эмиссия ценных бумаг носит характер зеленых облигаций, является выдача сертификата уполномоченными органами. Это специализированные субъекты финансового рынка, которые выносят заключение, называемое «заключением второй стороны». Наиболее известные и знаменитые включают в себя, среди прочих: CICERO Shades of Green и Sustainalytics (Morningstar Sustainalytics) [11].

Размещение выпусков зеленых облигаций на рынках привело к расширению торговли этими ценными бумагами. Это привело к созданию в 2014 году первых индексов, которые облегчают принятие решений потенциальными инвесторами относительно покупки или продажи зеленых облигаций. Листинг индексов зеленых облигаций отвечает одному из условий функционирования этого рынка с точки зрения информации, т.е. ликвидации информационного разрыва. Индексы предоставляют информацию о доходности этих ценных бумаг (ставках доходности) и позволяют сравнивать ценные бумаги между собой.

На рынке зеленых облигаций используется множество индексов. Одним из них является индекс зеленых облигаций Bank of America Merrill Lynch. В нем

представлена эффективность долговых ценных бумаг, средства от выпуска которых будут использоваться исключительно для проектов, направленных на предотвращение климатических изменений и достижение экологической устойчивости. Другими известными индексами рынка зеленых облигаций являются: 1) Индекс зеленых облигаций S&P; 2) Индексы зеленых облигаций Bloomberg MSCI, 3) Индекс зеленых облигаций Solactive [7]. Организации, рассчитывающие индексы зеленых облигаций, выступают в качестве сертификационных учреждений (Bank of America Merrill Lynch, Moody's, S&P и другие). Каждая из этих организаций использует собственную методологию для выбора компонентов индекса [7].

Платформа Standard & Poors также позволяет торговать зелеными облигациями. Она публикует тематические индексы, которые могут стать основой для принятия потенциальными инвесторами решений о покупке или продаже зеленых облигаций. Среди прочего, зеленые облигации перечислены: на фондовых биржах в Лондоне, Франкфурте (Sustainable Investment, Франкфуртская фондовая биржа), Осло, Стокгольме и Мексике. Многие фондовые биржи готовятся начать торговлю этими ценными бумагами. На каждой фондовой бирже есть отдельная секция, посвященная устойчивому рынку, включающая сегмент зеленых облигаций [11]. На Австралийской и Гонконгской фондовых биржах, Нью-Йоркской фондовой бирже NYSE также осуществляются выпуски зеленых облигаций, однако выделенных секций нет.

Вместе с тем, рынок облигаций, который сейчас обеспечивает около трети общего финансирования корпораций во всем мире, не играет значительной роли именно в «зеленом» финансировании. Сегодня всего около 1% облигаций, выпущенных во всем мире, обозначаются как «зеленые» [11]. Рынок зеленых облигаций динамично развивается, и это утверждение подтверждается объемами эмиссий, осуществляемых на мировом рынке. Стоит отметить, что общая стоимость выпущенных корпоративных облигаций увеличивается. До недавнего времени преобладали облигации, выпущенные государственными учреждениями. Это изменение подтверждает уже укоренившуюся тенденцию устойчивого финансирования. В рамках адаптации к ним выпускаются многочисленные устойчивые долговые ценные бумаги, включая зеленые облигации. Потенциал расширения рынка зеленых облигаций является значительным, если будут решены рыночные и институциональные проблемы, сдерживающие его развитие.

Заключение

Экологические проблемы становятся все большей угрозой дальнейшему развитию человечества. Их решение требует срочных действий в больших масштабах. Круг проблем также расширяется. Более того, простых решений в виде стандартов или запретов уже недостаточно для достижения необходимых целей. Необходимо использовать более совершенные и сложные инструменты. Новые решения, которые были бы дружественны к окружающей среде, часто требуют значительных инвестиционных затрат, финансирования изобретений и новых инновационных технологий. Это обусловливает необходимость усиления акцента на финансовых решениях.

Зеленое финансирование - это решение, которое частично удовлетворит вышеупомянутые потребности. Его цель - создать соответствующую систему, которая позволит достичь экологических целей стабильным и долгосрочным образом. Рынок зеленых облигаций является ответом на растущие потребности в проэкологических инвестициях. Его возникновение и развитие можно также рассматривать как сигнал об ухудшении экологических условий для устойчивого развития, необходимости смягчения последствий изменения климата и окружающей среды, с одной стороны, и потребности в новых инвестициях, которые полностью соответствуют требованиям экологических критериев - с другой.

Подводя итог, можно сказать, что зеленые облигации как инновационный финансовый инструмент способствуют финансированию устойчивого развития. Они представляют собой значительный источник капитала для организаций, ищущих средства для финансирования мероприятий по достижению ЦУР.

Литература

1. Nersisyan Y., Wray L.R. Can we afford the Green New Deal? // *Journal of Post Keynesian Economics.* 2021. Vol. 44. No. 1. P. 68-88. DOI: 10.1080/01603477.2020.1835499

2. Hickel J. The contradiction of the sustainable development goals: Growth versus ecology on a finite planet // *Sustainable Development.* 2019. Vol. 27. No. 5. P. 873-884. DOI: 10.1002/sd.1947

3. Sharma G.D., Verma M., Shahbaz M., Gupta M., Chopra R. Transitioning green finance from theory to practice for renewable energy development // Renewable Energy. 2022. Vol. 195. P. 554-565. DOI: 10.1016/j.renene.2022.06.041

4. Gianfrate G., Peri M. The green advantage: Exploring the convenience of issuing green bonds // Journal of Cleaner Production. 2019. Vol. 219. P. 127-135. DOI: 10.1016/j.jclepro.2019.02.022

5. Dorfleitner G., Utz S., Zhang R. The pricing of green bonds: External reviews and the shades of green // Review of Managerial Science. 2022. Vol. 16. P. 797-834. DOI: 10.1007/s11846-021-00458-9

6. Cheong C., Choi J. Green bonds: A survey // Journal of Derivatives and Quantitative Studies. 2020. Vol. 28. No. 4. P. 175-189. DOI: 10.1108/JDQS-09-2020-0024

7. Reboredo J.C. Green bond and financial markets: Co-movement, diversification and price spillover effects // Energy Economics. 2018. Vol. 74. P. 38-50. DOI: 10.1016/j.eneco.2018.05.030

8. Agliardi E., Agliardi R. Financing environmentally–sustainable projects with green bonds // Environment and Development Economics. 2019. Vol.

24. No. 6. P. 608-623. DOI: 10.1017/S1355770X19000020

9. Fatica S., Panzica R. Green bond as a tool against climate change? – Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2020. 26 p.

10.Deschryver P., de Mariz F. What future for the green bond market? How can policymakers, companies, and investors unlock the potential of the green bond market? // Journal of Risk and Financial Management. 2020. Vol. 13. No. 3. Art. 61. DOI: 10.3390/jrfm13030061

11.Febi W., Schäfer D., Stephan A., Sun C. The impact of liquidity risk on the yield spread of green bonds // Finance Research Letters. 2018. Vol. 27. P. 53-59. DOI: 10.1016/j.frl.2018.02.025

12.Hachenberg B., Schiereck D. Are green bonds priced diferently from conventional bonds? // Journal of Asset Management. 2018. Vol. 19. No. 6. P. 371-383. DOI: 10.1057/s41260-018-0088-5

13.*Maltais A., Nykvist B. Understanding the role of green bonds in advancing sustainability // Journal of Sustainable Finance & Investment. 2020.* P. 1-20. *DOI:* 10.1080/20430795.2020.1724864

14.Zerbib O.D. The efect of pro-environmental preferences on bond prices: evidence from green bonds // The Journal of Banking and Finance. 2019. Vol. 98. P. 39-60. DOI: 10.1016/j.jbankfin.2018.10.012

Application of green bonds as a green finance instrument

Shibzukhova R.A., Vaslavsky Ya.I., Zolotova Ya.V., Shakhov D.A.

Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Pacific National University, Rostra LLC

JEL classification: G20, G24, G28, H25, H30, H60, H72, H81, K22, K34

Sustainable business development based on ESG principles is one of the main trends on the agenda of the global and financial community and is impossible without adequate sources of financing, as it is estimated that investment costs in this area are exceptionally high. For this reason, the provision of adequate financing is so important that it should be emphasized as a separate element. The purpose of this article is to characterize the methods of applying green bonds as an instrument of green finance. The article presents the projects that are eligible for financing through the issuance of green bonds and defines the general principles of issuing and offering green bonds. The results of the study confirmed that green bonds as an innovative financial instrument contribute to financing sustainable development and represent a significant source of capital for organizations seeking funds to finance SDG activities.

Keywords: green finance, green bonds, issuance and placement of green bonds, Sustainable Development Goals (SDGs), environmental projects.

References

1. Nersisyan Y., Wray L.R. Can we afford the Green New Deal? // *Journal of Post Keynesian Economics.* 2021. Vol. 44. No. 1. P. 68-88. DOI: 10.1080/01603477.2020.1835499.
2. Hickel J. The contradiction of the sustainable development goals: Growth versus ecology on a finite planet // *Sustainable Development.* 2019. Vol. 27. No. 5. P. 873-884. DOI: 10.1002/sd.1947
3. Sharma G.D., Verma M., Shahbaz M., Gupta M., Chopra R. Transitioning green finance from theory to practice for renewable energy development // Renewable Energy. 2022. Vol. 195. P. 554-565. DOI: 10.1016/j.renene.2022.06.041
4. Gianfrate G., Peri M. The green advantage: Exploring the convenience of issuing green bonds // Journal of Cleaner Production. 2019. Vol. 219. P. 127-135. DOI: 10.1016/j.jclepro.2019.02.022
5. Dorfleitner G., Utz S., Zhang R. The pricing of green bonds: External reviews and the shades of green // Review of Managerial Science. 2022. Vol. 16. P. 797-834. DOI: 10.1007/s11846-021-00458-9
6. Cheong C., Choi J. Green bonds: A survey // Journal of Derivatives and Quantitative Studies. 2020. Vol. 28. No. 4. P. 175-189. DOI: 10.1108/JDQS-09-2020-0024
7. Reboredo J.C. Green bond and financial markets: Co-movement, diversification and price spillover effects // Energy Economics. 2018. Vol. 74. P. 38-50. DOI: 10.1016/j.eneco.2018.05.030
8. Agliardi E., Agliardi R. Financing environmentally–sustainable projects with green bonds // Environment and Development Economics. 2019. Vol. 24. No. 6. P. 608-623. DOI: 10.1017/S1355770X19000020
9. Fatica S., Panzica R. Green bond as a tool against climate change? – Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2020. 26 p.
10. Deschryver P., de Mariz F. What future for the green bond market? How can policymakers, companies, and investors unlock the potential of the green bond market? // Journal of Risk and Financial Management. 2020. Vol. 13. No. 3. Art. 61. DOI: 10.3390/jrfm13030061
11. Febi W., Schäfer D., Stephan A., Sun C. The impact of liquidity risk on the yield spread of green bonds // Finance Research Letters. 2018. Vol. 27. P. 53-59. DOI: 10.1016/j.frl.2018.02.025
12. Hachenberg B., Schiereck D. Are green bonds priced diferently from conventional bonds? // Journal of Asset Management. 2018. Vol. 19. No. 6. P. 371-383. DOI: 10.1057/s41260-018-0088-5
13. *Maltais A., Nykvist B. Understanding the role of green bonds in advancing sustainability // Journal of Sustainable Finance & Investment. 2020.* P. 1-20. *DOI:* 10.1080/20430795.2020.1724864
14. Zerbib O.D. The efect of pro-environmental preferences on bond prices: evidence from green bonds // The Journal of Banking and Finance. 2019. Vol. 98. P. 39-60. DOI: 10.1016/j.jbankfin.2018.10.012

Роль институциональных инвесторов в формировании стоимости компаний при публичном размещении акций на российском рынке капитала

Тоноян Рубик Гарикович
аспирант кафедры корпоративных финансов и корпоративного управления, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, rgtonoyan@gmail.com

Федотова Марина Алексеевна
Доктор экономических наук, профессор кафедры корпоративных финансов и корпоративного управления, заместитель научного руководителя университета, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, MFedotova@fa.ru

Существенные изменения российского рынка акционерного капитала после 2022 г. оказали значительное влияние на применение инструментов публичного размещения акций отечественными компаниями. Одним из ключевых аспектов таких инструментов является алгоритм формирования стоимости потенциальных эмитентов, который подвергся влиянию в связи с изменением ландшафта инвесторов на рынке. Раскрытие роли институциональных инвесторов в алгоритме формирования стоимости позволит сделать его более устойчивым к текущим изменениям, что даст возможность локальным эмитентам привлекать долгосрочное акционерное финансирование на внутреннем рынке. С другой стороны, представленное исследование отражает невозможность проведения публичных размещений акций с оптимальным алгоритмом формирования стоимости компаний с участием исключительно розничных инвесторов – такая структура сделок приводит к искажению результатов и негативным последствиям на вторичном рынке.
Ключевые слова: акционерный капитал, размещение акций, оценка стоимости, институциональные инвесторы, розничные инвесторы.

С начала 2022 г. российский рынок акционерного капитала проходит через масштабный этап существенных изменений, которые являются частью общей трансформации отечественной экономики, вызванной геополитической напряженностью, беспрецедентными санкционными ограничениями и соответствующими макроэкономическими факторами. Без всяких сомнений, подобные изменения рынка капитала оказывают непосредственное влияние на использование инструментов размещения акций локальными компаниями, в том числе ключевых инструментов – первичные публичные размещения (IPO) акций, прямой листинг (DPO) акций, SPAC-сделки и Spin-off сделки.

При этом российский рынок акционерного капитала является важным внутренним источником для привлечения долгосрочного финансирования компаниями в условиях текущих ограничений, что подчеркивает особую актуальность направлений работ по совершенствованию и адаптации инструментов публичного привлечения акционерного капитала к текущим условиям. Значимость развития таких инструментов в том числе ни раз подчеркивалась Президентом Российской Федерации, который утвердил ряд поручений Банку России и Правительству Российской Федерации, включая принятие дополнительных мер по стимулированию размещений акций российских эмитентов на внутреннем финансовом рынке [1].

Ключевым элементом инструментов публичного привлечения акционерного капитала является алгоритм формирования стоимости компаний: он является наиболее сложным и чувствительным для всех сторон потенциального размещения акций, а его результаты определяют успешность сделки как для эмитента и его акционеров, так и для инвесторов [2]. Однако текущие изменения отечественного рынка акционерного капитала в первую очередь оказывают существенное влияние именно на алгоритм формирования стоимости потенциальных эмитентов при акционерном финансировании, что затрудняет его реализацию и дальнейшее развития в рамках локального рынка.

Адаптация и развитие алгоритма формирования стоимости компаний при использовании инструментов публичного привлечения акционерного капитала позволит увеличить количество сделок на российском рынке и объем привлекаемого финансирования потенциальными эмитентами в период ограничений и отсутствия доступа к иностранному капи-

талу – именно поэтому данное направление исследования имеет особую актуальность в современных условиях.

Алгоритм формирования стоимости компаний в рамках инструментов публичного привлечения акционерного капитала представляет собой последовательность взаимосвязанных процессов, направленных на установление оценки стоимости потенциального эмитента для реализации соответствующей сделки [3] (см. Рисунок 1).

Источник: составлено автором.
Рисунок 1 – Алгоритм формирования стоимости потенциального эмитента при использовании инструментов публичного привлечения акционерного капитала

Ключевыми сторонами при определении стоимости компании в рамках такого алгоритма выступают эмитент (его продающие акционеры), инвестиционные банки сделки и потенциальные инвесторы. Каждая сторона преследует собственные цели при проведении размещения – эмитенты, как правило, имеют оптимистичный взгляд на собственную оценку стоимости и предпринимают усилия для увеличения оценки в рамках сделки, при этом инвесторы занимают консервативную позицию, преследуя возможность увеличить дисконт к рыночной стоимости компании для повышения собственной потенциальной доходности от вложений. Промежуточную позицию, позволяющую управлять таким конфликтом интересов и достичь консенсуса между сторонами, занимают инвестиционные банки сделки, клиентами которых являются как эмитенты, так и инвесторы.

Указанный в алгоритме дисконт обозначает разницу между рыночной оценкой стоимости компании и инвестиционной оценкой, которая формируется по результатам взаимодействия с инвесторами и учитывает потенциальные риски инвестиций в нового эмитента и ожидаемый уровень доходности от вложений капитала [4]. Значение дисконта может изменяться на различных этапах алгоритма в ходе формирования переговорных позиций сторон, однако предварительно оно устанавливается на стадии установления диапазона инвестиционной стоимости компании перед началом приема заявок от инвесторов, а после – окончательно устанавливается перед завершением размещения и проведением транзакций перед началом торгов.

Оптимальное функционирование алгоритма формирования стоимости компаний при использовании инструментов публичного привлечения акционерного капитала предполагает, что рыночная капитализация эмитента после проведения размещения акций будет стремиться к значению его рыночной оценки стоимости бизнеса на определенном временном горизонте с учетом прочих факторов влияния, включая внутренние и внешние [5].

Нарушение функционирования алгоритма формирования стоимости потенциальных эмитентов при размещениях акций может приводить к ряду негативных последствий:

– установление неверного уровня оценки стоимости компании в рамках сделки: переоценка или недооценка акций, в результате чего одна из сторон будет нести соответствующие потери;

– падение уровня котировок акций эмитента на вторичных торгах, в том числе более существенное сокращение рыночной капитализации нежели значение переоценки стоимости;

– постепенное сокращение ликвидности акций на вторичном рынке, высокий уровень волатильности котировки, а также сокращение базы инвесторов, владеющих ценными бумагами или проявляющими интерес к их приобретению.

При этом важно отметить последствия, актуальные в настоящий момент на этапе становления российского рынка акционерного капитала в качестве локального, которые заключаются в доверии участников рынка, в том числе розничных и институциональных инвесторов, к инструментам публичного привлечения акционерного капитала, что определяет их последующее участие в сделках и возможность достигать целевых значений доходности на вложенный капитал.

Таким образом, выстраивание процессов для получения корректных результатов в рамках алгоритма формирования стоимости компаний является ключевым направлением для дальнейшего развития и распространения инструментов публичного привлечения акционерного капитала в условиях локального рынка без международной составляющей.

Одним из ключевых изменений российского рынка акционерного капитала после 2022 г., который оказывает наибольшее влияние на алгоритм формирования стоимости эмитентов при размещениях акций, является актуальный ландшафт инвесторов (см. Рисунок 2).

Рисунок 2– Структура инвесторов в общем объеме торгов акциями на Московской бирже в декабре 2021 г. (диаграмма слева) и в ноябре 2022 г. (диаграмма справа)
Источник: составлено автором по материалам [6].

Так, после 2022 г. на российском рынке акционерного капитала перестали доминировать иностранные инвестиционные фонды, которые ранее составляли подавляющее большинство среди инвесторов в отечественные публичные размещения акций [7]. Как в структуре торгов акциями на Московской бирже, так и в структуре спроса на локальных публичных сделках подавляющее большинство теперь закреплено за российским розничным инвесторами, в то время как отечественные институциональные инвесторы занимают существенно меньшую долю.

Отсутствие крупнейших иностранных институциональных инвесторов, которые являлись ключевыми участниками публичных размещений акций российских эмитентов, обладая компетенциями и соответствующим опытом, делает алгоритм формирования стоимости компаний в рамках таких сделок в современных условиях более «хрупким», открывая возможности для его искажения. Усиливает такие возможности и тот факт, что ключевой группой инвесторов, создающей большую часть спроса и поддерживающей основную активность на вторичном рынке, стали розничные инвесторы, участие которых в алгоритме формирования стоимости компаний при размещениях акций ограничено в силу их «природы» и отличительных особенностей [8]:

– многочисленность данной группы инвесторов и разнородность отдельных сегментов розничных инвесторов;

– отсутствие необходимых компетенций и опыта, а также фокуса на размещениях акций в силу наличия другой основной деятельности;

– сложности со сбором обратной связи и установлением консолидированной позиции и так далее.

Таким образом, для российских потенциальных эмитентов в текущих условиях открыта уникальная возможность проведения размещений акций без участия или с ограниченным участием институциональных инвесторов как с точки зрения спроса, так и с точки зрения формирования стоимости компаний на сделках. Это означает, что основные усилия по определению стоимости компаний в рамках таких размещений отведены непосредственно эмитентам (их акционерам) и инвестиционным банкам сделки, тогда как позиция инвестиционных фондов может быть исключена из процесса.

Однако проведение публичных размещений акций в подобном формате приводит к искаженному функционированию алгоритма формирования стоимости компаний из-за отсутствия в нем одной из ключевых сторон в лице инвесторов, которая обеспечивает сбалансированность процесса и приводит к установлению более корректного уровня оценки. Несмотря на отсутствие иностранных инвестиционных фондов на рынке, по мнению автора, российские институциональные инвесторы в обязательном порядке должны быть стороной алгоритма формирования стоимости компаний на сделках, играя ключевую роль в процессе с учетом того, что в настоящий момент именно они являются центрами необходимых компетенций.

Для подтверждения данного тезиса в исследовании представлен анализ российских первичных публичных размещений (IPO) акций в 2022-2024 гг.:

– выборка содержит в себе 13 размещений акций с полноценным маркетингом до апреля 2024 г., при этом остальные сделки были исключены из-за резкого изменения макроэкономической конъюнктуры и ужесточения денежно-кредитной политики Банка России, что снизит репрезентативность анализа;

– размер отобранных публичных размещений – не менее 300 млн руб., верхний порог по размеру отсутствует;

– отобранные публичные размещения содержат в себе как сделки с участием институциональных инвесторов, так и сделки с аллокацией исключительно розничным инвесторам (см. Таблицу 1).

Таблица 1
Выборка отобранных первичных публичных размещений акций российских эмитентов в период с 2022 по 2024 г.

Дата сделки	Компания	Сектор	Тип сделки	Размер сделки, млрд руб.	Размер сделки, % от УК
26.04.2024	МТС Банк	Финансы	IPO	11,5	13,3%
12.04.2024	Займер	Финансы	IPO	3,5	15,0%
29.03.2024	Европлан	Финансы	IPO	13,1	12,5%
21.02.2024	КЛВЗ Кристалл	Потребительский	IPO	1,2	13,1%
13.02.2024	Diasoft	TMT	IPO	4,1	8,8%
07.02.2024	Делимобиль	TMT	IPO	4,2	10,0%
28.12.2023	Мосгорломбард	Финансы	IPO	0,3	14,6%
15.12.2023	Совкомбанк	Финансы	IPO	11,5	5,0%
22.11.2023	Южуралзолото	Металлы и доб.	IPO	7,0	6,0%
21.11.2023	ЕвроТранс	Нефть и газ	IPO	13,5	33,8%
02.11.2023	Henderson	Потребительский	IPO	3,8	13,9%
13.10.2023	Группа Астра	TMT	IPO	3,5	5,0%
14.12.2022	Whoosh	TMT	IPO	2,3	11,2%

Источник: составлено автором по материалам [9].

Ключевая роль институциональных инвесторов в оптимальном функционировании алгоритма формирования стоимости эмитентов при размещениях акций раскрывается в динамике рыночной капитализации после сделки по отношению к значению рыночной стоимости бизнеса (рассчитано как среднее значение по аналитическим отчетам по сделкам). При этом важно отметить, что на такую динамику влияет множество прочих факторов, которые могут искажать результаты исследования: макроэкономика, состояние отрасли эмитента, достижение заявленных операционных и финансовых показателей и другие. Для целей представленного анализа рассматриваются две временные точки после IPO (1 день и 30 дней), которые отражают изменение рыночной капитализации (см. Таблицу 2).

Таблица 2
Показатели рыночной стоимости и рыночной капитализации эмитентов по отобранной выборке первичных публичных размещений акций в России в 2022-2024 гг.

Дата сделки	Эмитент	Рыночная стоимость, млрд руб.	Рыночная капитализация, млрд руб.	Рыночная капитализация (1 день), млрд руб.		Рыночная капитализация (1 месяц), млрд руб.	
26.04.2024	МТС Банк	103,2	86,6	90,9	5,0%	86,7	0,2%
12.04.2024	Займер	38,7	23,5	23,5	0,0%	23,1	-1,6%
29.03.2024	Европлан	142,5	105,0	114,0	8,6%	126,0	20,0%
21.02.2024	КЛВЗ Кристалл	11,6	8,8	7,5	-14,7%	7,8	-11,4%
13.02.2024	Diasoft	60,5	47,3	66,2	40,0%	63,1	33,6%
07.02.2024	Делимобиль	55,2	46,6	49,7	6,8%	50,4	8,2%
28.12.2023	Мосгорломбард	5,0	3,2	3,0	-5,2%	3,1	-1,4%
15.12.2023	Совкомбанк	320,5	230,5	250,7	8,7%	276,7	20,0%
22.11.2023	Южуралзолото	158,5	117,0	121,5	3,8%	134,1	14,5%
21.11.2023	ЕвроТранс	48,7	39,8	35,5	-10,8%	37,3	-6,4%
02.11.2023	Henderson	32,1	27,3	27,1	-0,7%	19,9	-27,1%
13.10.2023	Группа Астра	89,0	69,9	97,9	40,0%	105,3	50,5%
14.12.2022	Whoosh	30,0	20,6	20,7	0,2%	18,2	-11,7%

Источник: составлено автором по материалам [10].

Ключевыми отобранными факторами, раскрывающими участие и влияние институциональных инвесторов на оптимальное функционирование алгоритма формирования стоимости компаний при размещениях акций в рамках установленной выборки сделок, являются (см. Таблицу 3):

– участие институциональных инвесторов в размещении акций, наличие аллокации институциональным инвесторам;

– коэффициент переподски размещения акций институциональными инвесторами или общий коэффициент переподписки инвесторами всех типов с допущением, что он близок по значению к переподписке инвестиционными фондами;

– коэффициент аллокации институциональным инвесторам в отношении общего размера размещения акций;

– количество институциональных инвесторов, которые приняли участие в размещении акций и получили соответствующую аллокацию: приведено по шкале от 1 до 10, где более высокая индикативная оценка означает большее число институциональных инвесторов, которые приняли участие в сделке;

– участие крупнейших локальных институциональных инвесторов в размещении акций, наличие аллокации у таких крупнейших институциональных инвесторов (ведущие российские управляющие компании – долгосрочные инвесторы).

Таблица 3
Ключевые отобранные факторы, отражающие участие институциональных инвесторов в российских первичных размещениях акций в 2022-2024 гг.

Дата сделки	Эмитент	Участие институц. инвесторов	Коэфф. аллокации институц. инвесторам	Общий коэфф. переподски	Количество институц. инвесторов	Участие крупнейших институц. инвесторов
26.04.2024	МТС Банк	Да	59,0%	15,0x	9	Полноценное
12.04.2024	Займер	Да	46,0%	4,0x	4	Ограниченное
29.03.2024	Европлан	Да	56,0%	9,5x	10	Полноценное
21.02.2024	КЛВЗ Кристалл	Нет	0,0%	2,5x	0	Отсутствует
13.02.2024	Diasoft	Да	50,0%	30,0x	8	Полноценное
07.02.2024	Делимобиль	Да	50,0%	4,0x	5	Достаточное
28.12.2023	Мосгорломбард	Нет	0,0%	1,0x	0	Отсутствует
15.12.2023	Совкомбанк	Да	35,0%	10,0x	10	Полноценное
22.11.2023	Южуралзолото	Да	50,0%	4,0x	6	Достаточное
21.11.2023	ЕвроТранс	Нет	0,0%	1,0x	0	Отсутствует
02.11.2023	Henderson	Да	20,0%	4,0x	3	Отсутствует
13.10.2023	Группа Астра	Да	50,0%	24,0x	9	Полноценное
14.12.2022	Whoosh	Да	50,0%	1,1x	2	Ограниченное

Источник: составлено автором по материалам [11].

Для обоснования взаимосвязи участия институциональных инвесторов в размещениях акций и оптимального функционирования алгоритма формирования стоимости компаний необходимо анализировать отобранные факторы как единую взаимодополняющую систему, а не изолированно, в том числе с учетом ограниченности данных в публичном пространстве.

В большинстве отобранных размещений акций динамика отношения рыночной капитализации эмитента к его показателю рыночной стоимости бизнеса

на момент IPO была положительной в случаях, когда в сделке принимали участие институциональные инвесторы: МТС Банк, Европлан, Diasoft, Делимобиль, Совкомбанк, Южуралзолото, Группа Астра. С другой стороны, такая динамика в основном была отрицательной в размещениях без участия локальных институциональных инвесторов: КЛВЗ Кристалл, Мосгорломбард и ЕвроТранс.

Полученные выводы в том числе подтверждаются результатами анализа отобранных размещений по коэффициенту аллокации институциональным инвесторам, который отражает долю от всего размера сделки, полученную непосредственно инвестиционным фондами. Высокий коэффициент аллокации (ок. 40-50%) фондам косвенно подтверждает их полноценное участие в сделке и приводит к положительной динамике рыночной капитализации эмитентов по отношению к значениям их рыночной стоимости бизнеса, при этом отсутствие аллокации фондам приводит к обратной динамике на изучаемых временных точках.

При этом отличительной является сделка Henderson, где участие институциональных инвесторов не привело к положительной динамике рыночной капитализации после сделки, что объясняется низким значением коэффициента аллокации институциональным инвесторам (ок. 20%), указывающее на ограниченное участи фондов в сделке. Однако важно отметить, что коэффициент аллокации институциональным инвесторам не позволяет достоверно определить уровень интереса фондов к сделке, ведь он отражает общую полученную аллокацию с точки зрения размера сделки, а не объем спроса и полученную аллокацию с точки зрения такого спроса.

Результаты анализа по общему коэффициенту переподписки подтверждают и дополняют выводы по предыдущему показателю с учетом допущения, что коэффициент переподписки со стороны всех типов инвесторов отражает индикативный уровень переподписки непосредственно институциональными инвесторами. Таким образом, данный показатель включает в себя количественное отражение факта участия инвестиционных фондов в сделке.

Так, наибольший рост рыночной капитализации по отношению к собственной рыночной стоимости бизнеса при IPO после проведения размещения показали компании, по сделкам которых зафиксирован наибольший уровень коэффициента переподписки: Европлан, Diasoft, Совкомбанк и Группа Астра. В свою очередь сделки Займера и Whoosh, которые характеризуются участием институциональных инвесторов и высокой аллокацией в их пользу по отношению к размеру размещений, продемонстрировали отрицательную динамику, что объясняется меньшим уровнем переподски и, соответственно, ограниченным интересом институциональных инвесторов, несмотря на их наличие.

Другим показателем, который характеризует интерес и участие инвестиционных фондов в размещении акций, в том числе диверсификацию позиций в рамках алгоритма формирования стоимости компаний, является количество институциональных инвесторов, получивших аллокацию в рамках сделки – с допущением, что все они принимали активное участие в формировании стоимости эмитентов на соответствующих IPO.

Результаты анализа взаимосвязи демонстрируют, что большее число вовлеченных в сделку фондов приводит к более внушительной динамике рыночной капитализации по отношению к рыночной стоимости бизнеса: МТС Банк, Европлан, Diasoft, Совкомбанк, Группа Астра. С другой стороны, меньшее число институциональных инвесторов в сделке чаще всего приводит к сдержанной или отрицательной динамике такого отношения показателей эмитентов – Займер, Henderson и Whoosh, также как и отсутствие фондов вовсе – КЛВЗ Кристалл, Мосгорломбард, ЕвроТранс.

Важное дополнение к полученным результатам привносит анализ участия крупнейших институциональных инвесторов в сделках среди всех фондов, получивших аллокацию. Лидирующие российские управляющие компании являются локальными центрами экспертизы и компетенций, а значит оказывают наибольший вклад в оптимальное функционирование алгоритма формирования стоимости эмитентов.

Представленные данные показывают, что полноценное участие крупнейших российских институциональных инвесторов в размещении акций приводит к положительной динамике отношения рыночной капитализации после начала торгов к рыночной оценке стоимости бизнеса на момент IPO, а их отсутствие или ограниченное число приводит к обратному результату. При этом наглядными являются сделки Делимобиля и Южуралзолота – относительно умеренное число фондов-участников в рамках сделки не повлияло на динамику рассматриваемого отношения показателей капитализации и стоимости бизнеса потому, что в данных размещениях было зафиксировано участие достаточного числа крупнейших локальных институциональных инвесторов.

Также важно подчеркнуть, что рыночная капитализация эмитентов после начала торгов достигала значений рыночной оценки стоимости их бизнеса на момент IPO только в рамках тех сделок, где было зафиксировано полноценное участие крупнейших локальных институциональных инвесторов, что еще раз подчеркивает их отличительную экспертизу и важность для формирования стоимости потенциальных эмитентов.

Таким образом, результаты представленного анализа взаимосвязи участия инвестиционных фондов и результатов IPO демонстрируют важность и необходимость привлечения российских институциональных инвесторов для достижения оптимального функционирования алгоритма формирования стоимости эмитентов, даже несмотря на более ограниченный размер спроса с их стороны по сравнению с розничными инвесторами в текущих условиях.

Отсутствие институциональных инвесторов в качестве стороны алгоритма формирования стоимости компаний приводит к его искажению, что в том

числе оказывает отрицательное влияние на котировки акций после сделок, снижая доверие участников рынка к таким сделкам и сокращая возможности отечественных компаний привлекать долгосрочное финансирование на внутреннем рынка акционерного капитала. Указанные выводы актуальны как для IPO, так и для других инструментов публичного привлечения капитала, которые могут использоваться российскими эмитентами на локальном рынке – в первую очередь DPO и прочие [12].

Литература

1. Перечень поручений по итогам 15-го инвестиционного форума «Россия зовет!» [Поручения Президента Российской Федерации от 15 января 2025 г.]. – Информационный портал Президента Российской Федерации. – Текст: электронный. – URL: http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/76113 (дата обращения: 30.03.2025).
2. Мальков, А.В. IPO и SPO. Структурирование, ценообразование / А.В. Мальков // М.: Манн, Иванов и Фербер, 2021. – 192 С.
3. Roosenboom, P. Valuing and pricing IPOs / P. Roosenboom // Journal of Banking & Finance, 2012. – №36. – P. 1 653-1 664.
4. Геддес, Росс. IPO и последующие размещения акций / Росс Геддес // Пер. с англ. – М.: ЗАО «Олимп – Бизнес», 2007. – 352 С.
5. Kim, M. Valuing IPOs / M. Kim, J. Ritter // Journal of Financial Economics, 1999. – №3. Volume 53. – P. 409-437.
6. Доля частных инвесторов на рынке акций Московской биржи в ноябре превысила 80% // Московская биржа: официальный сайт. – Москва. – Текст: электронный. – URL: https://www.moex.com/n53380?nt=106 (дата обращения: 30.03.2025).
7. Тоноян, Р.Г. Рынок акционерного капитала в России: итоги 2022 года и дальнейшие перспективы развития / Р.Г. Тоноян // Российский экономический интернет-журнал, 2023. – №2. – С. 1-20.
8. Тоноян, Р.Г. Ценообразование на российском рынке акционерного капитала: особенности «нового рынка» / Р.Г. Тоноян // Российский экономический интернет-журнал, 2023. – №4. – С. 1-14.
9. База данных IPO и SPO // Preqveca. – Текст: электронный. – URL: https://preqveca.ru/placements/ (дата обращения: 30.03.2025).
10. Cbonds Research Hub: информационно-аналитический ресурс. – Москва. – Обновляется в течение суток. – URL: https://cbonds.ru/comments/ (дата обращения: 30.03.2025). – Текст: электронный.
11. Инвестиции управляющих компаний: IPO российского рынка // Cbonds. – Cbonds Review, 2024. – №4. – Текст: электронный. – URL: https://review.cbonds.info/article/magazines/6321/ (дата обращения: 30.03.2025).
12. Тоноян, Р.Г. Совершенствование прямого листинга как альтернативного финансового механизма привлечения акционерного капитала / Р.Г. Тоноян // Финансовые рынки и банки, 2024. – №5. – С. 324-328.

The role of institutional investors in company valuation during public shares offering on the russian capital market

Tonoian R.G., Fedotova M.A.

Financial University under the Government of the Russian Federation

JEL classification: G20, G24, G28, H25, H30, H60, H72, H81, K22, K34

Significant changes on the Russian equity capital market after 2022 have had a substantial impact on the use of public offering instruments by local companies. One of the key aspects of such instruments is the algorithm of potential issuers valuation, which has been affected by the changing investor landscape in the market. Determining the role of institutional investors in the algorithm of valuation will make it more resilient to current changes, which will enable local issuers to attract long-term equity financing on the local market. On the other hand, the presented research article reflects the impossibility of execution public shares offerings with an optimal algorithm of companies' valuation with the participation of purely retail investors – such a structure of transactions leads to distortion of the results and negative impact on the secondary market.

Keyword: equity capital, shares offering, valuation, institutional investors, retail investors.

References

1. The list of instructions following the 15th Russia Calling! Investment Forum [The list of the President of the Russian Federation instructions from January 15, 2025]. – Information Portal of the President of the Russian Federation. – Text: electronic. – URL: http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/76113 (date of access: 30.03.2025).
2. Malkov, A.V. IPO and SPO. Structuring, pricing / A.V. Malkov // M.: Mann, Ivanov and Ferber, 2021. – 192 P.
3. Roosenboom, P. Valuing and pricing IPOs / P. Roosenboom // Journal of Banking & Finance, 2012. – №36. – P. 1653-1664.
4. Geddes, Ross. IPOs and Equity Offerings / Ross Geddes // Translated from English – M.: ZAO «Olimp – Business», 2007. – 352 P.
5. Kim, M. Valuing IPOs / M. Kim, J. Ritter // Journal of Financial Economics, 1999. – №3. Volume 53. – P. 409-437.
6. The share of the private investors on the Moscow Exchange stock market exceeded 80% in November // Moscow Exchange: official website. – Moscow. – Text: electronic. – URL: https://www.moex.com/n53380?nt=106
7. Tonoian, R.G. Russian equity capital market: 2022 results and further development prospects / R.G. Tonoian // Russian economic online journal, 2023. – №2. – P. 1-20.
8. Tonoian, R.G. Pricing on the Russian equity capital market: features of the «new market» / R.G. Tonoian // Russian economic online journal, 2023. – №4. – P. 1-14.
9. IPO and SPO database // Preqveca. – Text: electronic. – URL: https://preqveca.ru/placements/
10. Cbonds Research Hub: information and analytical resource. – Moscow. – Updated within 24 hours. – URL: https://cbonds.ru/comments/ (date of access: 30.03.2025). – Text: electronic.
11. Investments of asset management companies: IPOs on the Russian market // Cbonds. – Cbonds Review, 2024. – №4. – Text: electronic. – URL: https://review.cbonds.info/article/magazines/6321/

Моделирование развития транспортного комплекса городской агломерации на основе взаимодействия органов власти и населения

Темникова Юлия Юрьевна
аспирант кафедры государственного и муниципального управления РЭУ им. Г.В. Плеханова, Temnikova_yuliya@internet.ru

В статье рассматриваются вопросы моделирования развития транспортного комплекса городской агломерации на основе взаимодействия органов власти и населения. Предложена модель развития городской транспортной инфраструктуры, которая базируется на количественной оценке полезности принимаемых управленческих решений. Сформулировано исходное множество оценочных критериев для определения эффективности развития транспортного комплекса города. В результате проведенного социального опроса населения в Московской агломерации были установлены предпочтения между различными критериями из сформированных групп оценки эффективности функционирования городской среды и определены весовые коэффициенты (уровни значимости), включая финансовые расходы (стоимость проезда, сопутствующие расходы); доступность, комфорт и удобство использования транспорта; уровень цифровизации транспортной отрасли; скорость передвижения; безопасность и надежность транспортных средств; экологическая ситуация; личный опыт использования, рекомендации знакомых; уровень развития транспортной инфраструктуры; уровень развития сопутствующей инфраструктуры (парковки, кафе); открытость/доступность информации для принятия решений по выбору транспорта/ маршрута передвижения; уровень коммуникации между органами власти транспортной отрасли и населением и др. Реализация предложенного подхода позволяет принимать управленческие решения по развития транспортного комплекса города с учетом интересов органов власти и населения с учетом различных социально-экономических и экологических факторов.
Ключевые слова: развитие транспортной системы, городская агломерация, взаимодействие органов власти и населения, Московский мегаполис, моделирование, государственное и муниципальное управление.

Введение. Современная городская агломерация представляет собой разнородный комплекс взаимодействующих между собой объектов, включающий в себя транспортно-логистическую инфраструктуру, промышленные предприятия и организации производственной и непроизводственной сфер, образовательные и научно-исследовательские центры [1]. Эффективность функционирования этими достаточно сложными многоуровневыми системами напрямую зависит от организационно-экономического управления.

При этом необходимо учитывать многочисленные противоречия, сложные критерии эффективности путей достижения целевых ориентиров процесса управления при формировании как стратегических, так и тактических решений [2, 3]. В такой постановке возникает объективная необходимость для органов власти города и муниципального образования решения задачи принятия управленческих решений или выбора различных альтернативных вариантов развития городской инфраструктуры в сложившейся ситуации. Сказанное в полной мере относится к развитию транспортного комплекса городской агломерации [4].

В исследованиях [5, 6] рассматриваются вопросы выбора модели управления на примере развития Ростовской агломерации, а также развития транспортной системы Сибирской городской агломерации. В работе [7] на примере Барнаульской агломерации рассматриваются подходы к оценке уровня ее развития.

В настоящее время реализуется «Стратегия развития транспортной системы г. Москвы и Московской области на период до 2035 года», которая была одобрена на заседании Координационного Совета по развитию транспортной системы г. Москвы и Московской области от 01.12.2021 г. Целью данной стратегии является повышение транспортной доступности территории, обеспечение роста экономической эффективности, безопасности и экологичности транспортных перевозок.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих взаимосвязанных задач: 1) Увеличение протяженности каркаса транспортной сети и сокращение времени поездки на пассажирско6м транспорте; 2) Повышение ценовой доступности перевозок общественным транспортом; 3) Повышение безопасности и комфортности перевозок; 4) Снижение транспортных издержек в условиях экологических, градостроительных и транспортных ограничений; 5) Внедрение новых технологий в транспортной системе Московской агломерации; 6)

Рост удовлетворенности населения работой транспортной системы.

В этих условиях возникает необходимость разработки такой модели управления развитием городского хозяйства, прежде всего транспортного комплекса, которая бы учитывала интересы всех заинтересованных сторон, и базировалась на учете мнения населения в процессе обоснования и принятия управленческих решений [8, 9].

Методы и материалы.

Как отмечается в работе [10], для управления региональным и муниципальным развитием может использоваться транспортно-экономический баланс, который учитывает пассажирооборот, расходы на перевозку и др. Для решения поставленных задач могут использоваться методы моделирования социально-экономических процессов на различных уровнях управления [11]. Важным аспектом взаимодействия органов власти и населения на муниципальном уровне является обеспечение экологического благополучия и сохранение благоприятного качества окружающей среды [12].

В рамках исследования применялись социологические методы исследования, в феврале-марте 2025 года были опрошены 550 человек (электронный опрос) в районе Московской агломерации по вопросам развития транспортного комплекса, что позволило выявить имеющиеся проблемы и сформулировать приоритетные направления их решения в рамках построения модели взаимодействия населения и муниципальных органов управления.

Исследование базировалось на материалах Единого транспортного портала Москвы. В табл. 1 показан объем перевозок пассажиров общественным транспортом в Московском мегаполисе.

Таблица 1
Объем перевозок пассажиров в общественном транспорте в Московской агломерации, млн пассажиров в год

Объем перевозок по видам транспорта	2020	2021	2022	2023	2024 (оценка)	2024 г. в % к 2020 г.
В пригородном сообщении Московского железнодорожного узла	478,97	548.69	572.38	592,19	797,0	136,1
Трамвайным транспортом	146,0	163,9	168,2	181,8	183,0	125,3
Троллейбусным транспортом	10,5	11,6	12,0	14,0	23,0	в 2,2 раза
Автобусным транспортом, в том числе электробус	1361,2	1607,0	1719,9	1982,9	3643,0	в 2,7 раза
Метрополитеном, включая МЦК	1645,3	2010,1	2187,8	2235,6	2337,0	142,0
Отношение среднемесячных затрат на общественный транспорт внутри муниципальных образований к среднедушевым доходам населения, %	2,5	2,3	2,4	2,4	2,4	96,0

Примечание: по данным Дирекции Московского транспортного узла по мониторингу Стратегии развития транспортной системы г. Москвы и Московской области.

Результаты исследования.

Анализ административно-управленческих решений предполагает представление довольно сложной проблемы функционирования городского хозяйства в виде совокупности более мелких, которые поддаются логическому рассмотрению и описанию.

Причиной сложности решения таких задач является зачастую возникающая противоречивость целей различных участников городской инфраструктуры (городская администрация, различные социальные группы, промышленные предприятия и организации). Кроме того, достаточно широкий спектр как внешних, так и внутренних экономических, экологических, социальных, технологических и организационных факторов содержит элементы различного рода неопределенностей и рисков.

Для сравнения различных вариантов развития городской инфраструктуры, оценки целесообразности их реализации, а также определения соответствия поставленным целевым ориентирам предлагается использовать различного рода количественные оценки полезности принимаемых управленческих решений.

Достижение поставленной цели управлением развития городской среды зависит от множества условий $\{b_1, b_2, \ldots, b_n\}$ реализации управленческих решений, таких как городские ресурсы, организационный потенциал развития транспортной системы и т.п., и способов организации предпринимаемых действий $\{g_1, g_2, \ldots, g_m\}$. Решением задачи является выбор способа организации действий их параметров, а их непосредственными элементами - искомые величины r_i.

Критерием полезности принимаемых управленческих решений оценки эффективности развития транспортного комплекса города и городской среды является целевая функция $I=f\{b_1, b_2, \ldots, b_n, g_1, g_2, \ldots, g_m\}$, а условия реализации данного решения в условиях городской среды $\{b_1, b_2, \ldots, b_n\}$ могут быть ограничениями элементов принимаемых решений. Для достижения показателем I своего экстремального значения (максимума или минимума) необходимо найти элементы решения $\{g_1, g_2, \ldots, g_m\}$ при заданных условиях развития городской агломерации $\{b_1, b_2, \ldots, b_n\}$.

В случае наличия оценок, базирующихся на основе различных критериев экономической эффективности, технологической осуществимости и организационной обеспеченности для которых осуществляется сравнение различных вариантов развития городской агломерации, предпочтительными являются количественных оценки исходного множества альтернативных вариантов развития, позволяющих определить полезность ожидаемого сценария развития событий (прибыль, издержки, затраты и т.п.). В данном случае можно говорить о синергетическом эффекте межмуниципального взаимодействия [13].

В такой постановке задача принятия эффективных управленческих решений, направленная на определение оптимального способа действий в условиях городской среды для достижения поставленных целей, как желаемых результатов управленческой деятельности, записывается в следующем виде: $\{C_0, T, R|C, B, Q, Y, f, Kr, Y_{опт}\}$, где C_0 - проблемная ситуация развития городской агломерации; T-

время для принятия управленческого решения; R – необходимые городские ресурсы для принятия соответствующего решения; $C=\{C_1, C_2,\ldots, C_n\}$ – множество альтернативных ситуаций развития городской среды, определяющих проблемную ситуацию городской агломерации C_0; $B=\{B_1, B_2,\ldots, B_k\}$– множество целей развития агломерации; $Q=\{Q_1, Q_2,\ldots,Q_l\}$– множество ограничений, накладываемых факторами внешней и внутренней среды развития агломерации; $Y=\{Y_1, Y_2,\ldots,Y_m\}$ - множество альтернативных вариантов решения развития городской агломерации; f- функция предпочтения лица, принимающего управленческое решение (городская администрация, хозяйствующие субъекты); Kr – критерий выбора наилучшего решения развития агломерации; $Y_{опт}$ - оптимальное решение развития городской агломерации.

Проблемная ситуация C_0 описывается содержательно (условия функционирования основных компонентов городской среды, транспортной системы, причины и факторы возникновения проблемных зон и ответственности).

В условиях неопределенности проблемная ситуация обусловлена наличием разных точек зрения в оценочных показателях различных факторов функционирования, например, транспортной системы. Следовательно, для до определения C_0 необходимо сформулировать возможные сценарии развития C_i ($i = \overline{1,n}$), образующие конечное множество $C = \{C_1, C_2,\ldots, C_n\}$.

Каждая искомая ситуация (сценарий развития транспортного комплекса) C_i является альтернативой сформированному набору, т.е. ситуации в исходной постановке взаимоисключающие и независимые. Совокупность ситуаций развития транспортного комплекса города образует группу событий и описывается с указанием вероятности возникновения каждой из них p_j, причем $\sum_{j=1} p_j = 1$.

Кроме того, задачи развития городской агломерации, как правило, многоцелевые $B = \{B_1, B_2,\ldots, B_k\}$, направленные на удовлетворение интересов различных групп участников (городская администрация, различные социальные группы, промышленные предприятия и организации) и только в отдельных случаях может формулироваться единственная, удовлетворяющая вышеуказанные группы участников городских отношений, цель.

Наиболее важными характеристиками целей являются показатели степени достижения целей и приоритеты – показатели важности целей. Для достижения множества целей развития городской агломерации формируется множество альтернативных вариантов решений $Y = \{Y_1,\ldots,Y_m\}$, из которых должно быть выбрано единственное оптимальное решение Y^*. Решения описываются путем набора характеристик функционирования городской среды, а также формулируется множество ограничений ее функционирования $Q = \{Q_1, Q_2,\ldots,Q_l\}$, учитываемых при принятии управленческого решения.

Функция предпочтения для определенных вариантов развития транспортной системы $f(B,C,Y)$ используется для описания оценки решений по достижению целевых ориентиров в условиях возможных ситуаций (сценариев) функционирования транспортного комплекса города. Выбор оптимального решения $Y_{опт}$ осуществляется по критерию выбора Kr, формулировку которого осуществляют заинтересованные участники.

Задачу принятия решения о развитии транспортного комплекса городской среды индивидуальным участником можно сформулировать следующим образом: в условиях проблемной ситуации развития городской агломерации C_0, в момент времени T и наличию ресурсов городской среды R необходимо доопределить ситуацию C_0 множеством ситуаций (сценариев) C, сформировать множество целей развития городской среды B, ограничений ее функционирования Q, альтернативных решений (сценариев развития) Y, провести оценку предпочтений решений развития транспортного комплекса города и найти оптимальное решение $Y_{опт}$ из множества Y, используя критерий выбора (оценки эффективности функционирования транспортного комплекса города) Kr.

В случае группового принятия решений участниками функционирования городской среды (городская администрация, различные социальные группы, промышленные предприятия и организации) задача принятия решений о развитии транспортного комплекса можно записать как $\{C_0, T, R|C, B, Q, Y, F(k), S, Y_{опт}\}$, где F(k) — функция группового предпочтения, которая зависит от индивидуальных предпочтений участников группы $k = \{k_1,\ldots,k_d\}$, d – численность участников в группе. Все индивидуальные предпочтения должны быть согласованы между собой. Результатом будет сформированное единое групповое предпочтение, обозначенное во множестве как S.

Таким образом задача о групповом принятии решений о развитии транспортного комплекса города формулируются следующим образом: в условиях проблемной ситуации развития городской агломерации C_0, в момент времени T и наличию ресурсов городской среды R необходимо доопределить ситуацию C_0 множеством ситуаций (сценариев развития городской среды) C, сформировать множество целей развития городской среды B, ограничений функционирования городской среды Q, альтернативных решений (сценариев развития городской среды) Y, провести оценку предпочтений решений, для различных социальных групп, общественных и промышленных предприятий, государственных учреждений групповую функцию предпочтения F(k)и найти оптимальное решение $Y_{опт}$ из множества Y.

В сложившихся условиях разнородного комплекса взаимодействующих между собой объектов городской среды для оценки перспективных вариантов развития городской агломерации возможно использовать метод поиска решения с определенными иерархическими отношениями между уров-

нями городской системы и критериями оценки условий функционирования транспортного комплекса в виде многокритериальной модели оптимизации иерархических городских систем.

Обозначим $M = \overline{1,n}$ - множество подсистем функционирования городской агломерации, а $g \in G_{i \in M}$ – допустимое множество определенных городских подсистем. Тогда $g \in G = \bigcap g_i, i \in M$ — допустимое множество системы городской среды. Пусть $x_i(g)$, $i = \overline{1,n}$ - скалярные критерии эффективности функционирования подсистем городской среды, а $\vec{x} = \{x_1, ..., x_n\}$ - векторный критерий эффективности функционирования городской системы. Вспомогательными условиями, определяющими структуру и показатели функционирования городской системы, являются: $N = \overline{1,m}$ - количество слоёв (уровней) иерархии функционирования городской среды; $M_{j \in N}$ – число подсистем в уровнях иерархии функционирования городской среды; $\vec{\beta}_{j \in N}$; $\vec{\beta} = \{\beta_1, \dots, \beta_m\}$ - вектор приоритета критериев оценки эффективности функционирования городской среды.

Динамика развития системы городской агломерации характеризуется следующим соотношением $\{M, N, g_i, x_i, M_j, \beta_j\}$, на основе которого определяется оптимальный вариант развития городской среды $\vec{g}_{opt}$. Без вспомогательных условий задача может быть решена для $\vec{x}(g)$, в результате чего находится G^K – область компромиссов участников функционирования городской среды (городская администрация, различные социальные группы, промышленные предприятия и организации):

$$\begin{cases} G^K = \left\{ \vec{g} \middle| \vec{g} \in G, (\vec{g}' \middle| \vec{x}(\vec{g}') \geq \vec{x}(\vec{g}') \cap G = \varnothing; \right\} \\ G^C = G \setminus G^K \neq \varnothing. \end{cases}$$

Решение по достижению согласия участников городских отношений может быть получено методом вариаций в локальных оптимумах. Дальнейшая оптимизация включает вспомогательные условия и сводится к декомпозиции общего векторного критерия на уровневые вектора и сведению к задаче межуровневой городской оптимизации $\{M_j, G_{i \in M_j}, \vec{x}^{(j)}(g)\}$, где $\vec{x}^{(j)}$ - векторный критерий для j-го уровня функционирования городской среды.

В концептуальном смысле $opt\, \vec{x}^j \sim g_j \bigcap g_i, i \in M_j$ может быть рассмотрена как $opt\, \vec{x} = \upsilon\left(\vec{x}^{(j)}\right)$ на основе принципа «справедливой уступки»: $\upsilon_j(\vec{g}) = \prod_{i \in I_j} x_i(g)$ или аксиоматики «равномерности»: $\upsilon_j(g) = \min_j \vec{x}^{(j)}(g)$. В результате свёртки векторных критериев функционирования городской среды получим обобщённый скалярный критерий эффективности развития городской агломерации $\upsilon_j(g)$, что позволяет перейти к классу векторной межуровневой оптимизации $\left\{N, \vec{g}_{j \in N}, \upsilon_j(\vec{g})_{j \in N}\right\}$, которая относится к приоритетному классу задач: $g^0 = f^{-1}\left[\underset{g \in G}{extr}\, w\left(\upsilon, \vec{g}\right), \vec{\beta}, \vec{W}\right]$.

При использовании системы разумных компромиссов и условий уступок для межуровневой оптимизации на каждом уровне функционирования городской среды имеет место скалярная задача:

$$g^o = f^{-1}\left\{\underset{g \in G}{extr} \prod_{j \in N}\left[\prod_{i \in M} x_i(g)\right]^{\lambda_i}\right\},$$ где

$$\beta_i = F(\alpha, j \in P, m),$$

$$\lambda_i = \prod_1^m \beta_j \left[\sum_{\varphi=1}^m \prod_{j=\varphi}^m \lambda_j\right]^{-1}, \quad j \in N.$$

Основные особенности решаемой задачи – иерархичность уровней функционирования городской среды и множественность целей различных участников городской инфраструктуры.

Для оценки предпочтительности многоальтернативного выбора вариантов развития городской агломерации на множестве оценочных критериев эффективности возможно использовать метод, основанный на идее выявления предпочтений вариантов (сценариев развития) одновременно с исследованием допустимого множества действий, предпринимаемых участниками городских отношений для определения приемлемых управленческих решений, т.е. имитировать поведение участников городских отношений в множестве альтернативных ситуаций.

Данный метод позволяет формализовать построение модели рационального выбора вариантов развития городской транспортной системы.

В такой постановке каждая из множества альтернатив развития городской агломерации $Q = Wq_k$. представлена набором количественных значений критериев эффективности функционирования городской среды D(J,p), где $j = \overline{1,N}$ - индекс критерия; $p = \overline{1,P}$ - индекс альтернативы развития городской агломерации, которые образуют ряд дискретных распределений на качественной шкале.

При этом для $\forall z: \sum_{j=1}^{N} D(j,p) = 1$. Обозначив через H_p – степень предпочтительности альтернативы q_n перед прочими $\sum_{p=1}^{P} H_p \le 1$, а $C = 1 - \sum_{p-1}^{P} H_p$ будем трактовать как степень интегральной тождественности альтернатив.

Для определения значимости критериев оценки эффективности функционирования городской среды процесс нормировки осуществляется с учетом «весовых» коэффициентов значимости U_i для определенных участников городских отношений как

$$D(j,p) = \frac{U_j D(j,p)}{\sum_{j=1}^{N}\left[U_j D(j,p)\right]}.$$

Введем коэффициент пропорциональности, используемый для учета значений критериев эффективности функционирования городской среды.

$$K_d = \frac{\sum_{j=1}^{N} D(j,p)}{\max \sum_{p=1}^{P} D(j,p)}.$$

С его помощью вычисляются новые значения H_p и C:

$$H_p = \frac{H_p}{\sum_{p=1}^{P} K_d H_p + \left(1 - \sum_{p=1}^{P} K_d H_p\right)};$$

$$C = \frac{\left(1 - \sum_{p=1}^{P} K_d H_p\right)}{\sum_{p=1}^{P} K_d H_p + \left(1 - \sum_{p=1}^{P} K_d H_p\right)}.$$

Для сведение многоцелевых задач развития городской агломерации к одноцелевым возможно использовать метод построения функций ценности, которая вводится для оценки сравниваемых альтернатив развития транспортной системы. Для характеристики различных целей развития городской агломерации устанавливают относительные «веса» критериев, определяющие их важность с учетом интересов различных участников городских взаимоотношений. Для этих целей возможно использование линейной функции ценности альтернатив развития городской агломерации:

$$C_\delta = \sum_{i=1}^{N} \delta_i Kr_i = \delta_i Kr_i + \ldots + \delta_N Kr_N,$$

где *i* – индекс критерия оптимальности определенных участников городских отношений;

δ_i – вес (приоритетность) *i*-го критерия для определенных участников городских отношений, $\sum_{i-1}^{N} \delta_i = 1;$

Kr_i – значение i-го критерия.

На основе установленных «весовых» коэффициентов определяются функции ценности альтернатив развития городской агломерации. В результате проводимого анализа устанавливает предпочтения между критериями оценки эффективности функционирования городской среды, выражаемые в виде системы уравнений: $Kr_j \ge Kr_n$ или $Kr_j \ge \sum_n Kr_n$.

Далее вводится целевая функция соответствия максимального приближения к начальному решению: $\sum_{j=1}^{P}\left(\delta_j - \delta_{j0}\right)^2 \to \min$, где δ_{j0} - первоначально установленные «веса» функции ценности. Для решения данной задачи возможно рассмотреть многокритериальные методы принятия решений, основанные на оценке меры близости рассматриваемого решения к идеальному (или идеальной точке). При этом решается следующая задача целевого программирования:

$$\omega\left[\overrightarrow{Kr}.\vec{\sigma}\right] \to \min,$$

где ω – расстояние в той или иной метрике между критериями оценки эффективности функционирования городской среды, определяющими полученное и идеальное решения;

$\overrightarrow{Kr}$– вектор, характеризующий значения отдельных критериев оценки эффективности городской среды $Kr_j\left(j = \overline{1,P}\right)$, т.е. полученное решение;

$\vec{\sigma}$– N-мерный вектор, характеризующий идеальные (желательные) значения отдельных критериев эффективности функционирования городской среды.

В такой постановке данная функция определяет степень приближения полученного решения к идеальной точке. Моделирование осуществлялось в разрезе оценки взаимодействия органов власти и населения с целью выявления отношения населения (с учетом разных возрастных категорий) к проблемам транспортной отрасли и приоритетным механизмам (инструментам) взаимодействия с органами власти транспортного комплекса Московского региона.

Для реализации процедур моделирования были изучены роль транспорта/потребности использования транспортной инфраструктуры разных возрастных категорий населения и выявлены актуальные проблемы развития транспорта в условиях комплексного развития территорий московской агломерации.

На основе проведенного анализа были выявлены факторы, влияющие на взаимодействие и принятия управленческих решений в транспортной отрасли и произведена оценка текущего уровня взаимодействия органов власти транспортной отрасли и местного населения. Одним из основных результатов моделирования было выявление готовности и приоритетных инструментов взаимодействия с органами власти для эффективного развития транспортного комплекса.

Искомое множество оценочных критериев было разделено на несколько целевых групп $\{F_q\}=\{F_1, F_2, \ldots, F_q\}$, где $q = \overline{1,3}$ – количество групп оценочных критериев.

Целевая группа 1 (ЦГ1), *{F1}* = *{ЦКр$_{11}$, ЦКр$_{12}$, …, ЦКр$_{1w}$}*, ***w*** **=** $\overline{1,7}$

ЦКр$_{11}$ - качество транспортной инфраструктуры (дороги, объезды);

ЦКр$_{12}$ - наличие сопутствующей инфраструктуры на транспорте (кафе, остановки, билетные кассы);

ЦКр$_{13}$ - уровень использования цифровых средств (мобильных приложений, онлайн оплаты и т.д.) в транспортной отрасли;

ЦКр$_{14}$ - влияние развития транспорта на экологическую ситуацию;

ЦКр$_{15}$ - уровень компетентности работников транспортной отрасли;

ЦКр$_{16}$ - уровень правовых стандартов, регулирующих транспортную отрасль;

ЦКр$_{17}$- уровень коммуникации органов власти и населения.

Целевая группа 2, (ЦГ2) *{F2}* = *{ЦКр$_{21}$, ЦКр$_{22}$, …, ЦКр$_{2q}$}*, ***q*** **=** $\overline{1,9}$

ЦКр$_{21}$ - стоимость транспортных услуг;

ЦКр$_{22}$ - уровень комфорта общественного транспорта;

ЦКр$_{23}$ - наличие транспортной инфраструктуры для людей с ограниченными физическими возможностями;

ЦКр$_{24}$ - удобство маршрутов;

ЦКр$_{25}$ - удобство расписания;

ЦКр$_{26}$ - время ожидания транспорта;

ЦКр$_{27}$ - безопасность и надежность общественного транспорта транспортной инфраструктуры;

ЦКр$_{28}$ - уровень качества обслуживания, оказания услуг;

ЦКр$_{29}$ - открытость/доступность информации для принятия решений по выбору транспорта/маршрута передвижения.

Целевая группа 3, (ЦГ3) *{F3}* = *{ЦКр$_{31}$, ЦКр$_{32}$, …, ЦКр$_{3z}$}*, ***z*** **=** $\overline{1,3}$

ЦКр$_{31}$ - стоимость владения личного транспорта (налоги, обслуживание, ремонт, страховка, амортизация, топливо и т.д.);

ЦКр$_{32}$ - доступность инфраструктуры при использовании личного транспорта (наличие парковок, заправок, зарядок для электромобилей);

ЦКр$_{33}$ - стоимость использования транспортной инфраструктуры (платные дороги, парковки и т.д.).

В результате проведенного социального опроса населения были установлены предпочтения между различными критериями из сформированных групп оценки эффективности функционирования городской среды и определены весовые коэффициенты (уровни значимости) (таблица 2).

α_{i1} -финансовые расходы (стоимость проезда, сопутствующие расходы);

α_{i2} - доступность, комфорт и удобство использования транспорта;

α_{i3} - уровень цифровизации транспортной отрасли;

α_{i4} - скорость передвижения;

α_{i5} - безопасность и надежность транспортных средств;

α_{i6} - экологическая ситуация;

α_{i7} - личный опыт использования, рекомендации знакомых;

α_{i8} - уровень развития транспортной инфраструктуры (дороги, объезды);

α_{i9} - уровень развития сопутствующей инфраструктуры (парковки, кафе);

α_{i10} - открытость/доступность информации для принятия решений по выбору транспорта/маршрута передвижения;

α_{i11} - уровень квалификации работников транспортной отрасли;

α_{i12} - нормативно-правовое регулирование транспортной отрасли;

α_{i13} - уровень коммуникации между органами власти транспортной отрасли и населением.

Таблица 2

Расчёт уровня значимости оценочных критериев по данным социального опроса

Оценочные критерии целевых групп	Среднее значение	Стандартное отклонение	Коэффициент вариации	Уровень значимости
α_{i1} -финансовые расходы (стоимость проезда, сопутствующие расходы)	3,61	1,28	35,5	0,08
α_{i2} - доступность, комфорт и удобство использования транспорта	3,53	1,15	32,6	0,08
α_{i3} - уровень цифровизации транспортной отрасли	3,22	1,13	35,1	0,07
α_{i4} - скорость передвижения	3,61	1,16	32,1	0,08
α_{i5} - безопасность и надежность транспортных средств	3,75	1,15	30,8	0,08
α_{i6} - экологическая ситуация	3,36	1,20	35,8	0,08
α_{i7} - личный опыт использования, рекомендации знакомых	3,11	1,22	39,3	0,07
α_{i8} - уровень развития транспортной инфраструктуры (дороги, объезды)	3,55	1,10	31,1	0,08
α_{i9} - уровень развития сопутствующей инфраструктуры (парковки, кафе)	3,21	1,20	37,4	0,07
α_{i10} - открытость/доступность информации для принятия решений по выбору транспорта/маршрута передвижения	3,38	1,22	36,0	0,08
α_{i11} - уровень квалификации работников транспортной отрасли	3,43	1,14	33,3	0,08
α_{i12} - нормативно-правовое регулирование транспортной отрасли	3,22	1,21	37,5	0,07
α_{i13} - уровень коммуникации между органами власти транспортной отрасли и населением	3,25	1,22	37,5	0,07

Источник: составлено автором

Учет важности интересов различных участников городских взаимоотношений при выборе определенного вида транспорта для передвижения в Московской агломерации позволил использовать следующие аддитивные формальные свертки оценок целевых критериев и формирование функции ценности приоритетных направлений в рамках сформированных целевых групп следующего вида

F_s (ЦКр$_i$, ЦГ$_s$) = $\sum_{q=1}^{q=3} \alpha_i \, F_{q\,(\text{ЦКр}i,\text{ЦГ}s)}$,

α_i – уровень значимости оценочных критериев целевой группы.

Кроме того, в такой постановке для оценки приоритетных направлений была сформирована функция, определяющая степень приближения полученного решения к идеальной точке, в качестве координат которой были использованы максимальные (минимальные) значения отдельных критериев эффективности функционирования городской среды из сформированных групп.

На основе решения задачи выбора была произведена оценка целевой функции соответствия максимального приближения и сформированы наиболее приоритетные направления взаимодействия (эффективности управления транспортной системы) (НВ$_l$, $\boldsymbol{l = \overline{1,4}}$) органов власти и населения для развития транспортной отрасли в мегаполисе, среди которых выделяются следующие: НВ$_1$ - информирование о развитии транспортной отрасли; НВ$_2$ - участие населения в принятии решений; НВ$_3$ - общественный контроль; НВ$_4$ - прямое взаимодействие с органами власти, а также определены пределы возможного улучшения показателей качества на основе анализа изменений фронта Парето оптимальных альтернатив (рисунок 1).

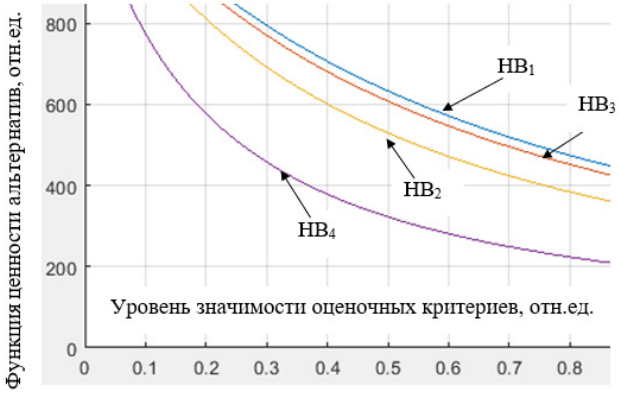

Рисунок 1. – Формирование приоритетных направлений на основе расчета целевой функции максимального приближения (изменение фронта Парето оптимальных альтернатив)
Источник: составлено автором

Таким образом, предложенный подход позволяет на основе моделирования принятия управленческих решений осуществлять взаимодействие органов местной власти и населения в развитии транспортной системы городской агломерации. Реализация данного подхода будет способствовать развитию государственной модели управления городскими агломерациями [14,15], а также для оценки уровня социально-экономического развития муниципальных образований [16].

Литература

1. Головин, В. А. Графическая модель динамической оценки эффективности регионального экономического кластера // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2018. – № 2. – С. 141-158.
2. Горяченко, Е.Е. Социальные проблемы в экономическом пространстве мегаполиса // Мировая экономика и международные отношения. – 2016. – Т. 60. – № 10. – С. 62-72.
3. Дейнега, Е. А., Плотицына, Л. А. Этапы формирования единого социально-экономического пространства в городских агломерациях в рамках реализации стратегии пространственного развития России // Самоуправление. – 2019. – Т. 2. – № 3 (116). – С. 94-99.
4. Долгосрочные тренды в экономике, жилищной и градостроительной сферах крупнейших городских агломераций России / Н. Б. Косарева, А. Я. Гершович, Т. Д. Полиди, Р. А. Попов, А. С. Пузанов, – М.: Фонд «Институт экономики города», 2023. – 84 с.
5. Колоскова, А. А. Выбор модели управления городскими агломерациями на примере развития Ростовской агломерации // Вестник экспертного совета. – 2022. – № 2(29). – С. 29-36.
6. Комаров, К. Л. Развитие транспортной системы Сибирской конурбации // Вестник Сибирского государственного университета путей сообщения. – 2018. – № 3(46). – С. 5-10.
7. Методика оценки и расчет уровня развития городских агломераций (на материалах Барнаульской агломерации) / А. П. Гарнов, В. С. Химочка, И. А. Голощапова, Д. С. Робец // Научные исследования и разработки. Экономика фирмы. – 2020. – Т. 9, № 2. – С. 51
8. Лапаева М.Г., Егорычев С.А. Организационно-экономическая модель управления устойчивым развитием муниципальных образований // Вестник Оренбургского государственного университета. 2014. №1 (162). – С.33-68.
9. Абрамов Р.А., Темникова Ю.Ю. Оценка эффективности коммуникаций департамента транспорта и развития дорожно-транспортной инфраструктуры г. Москвы с населением в рамках реализации стратегических проектов. *Управленческие науки / Management Sciences*. 2024;14(4):53-66. https://doi.org/10.26794/2304-022X-2024-14-4-53-66
10. Саттарова Д.И., Иванкова М.А., Мацуев А.Н. Формирование принципа управления региональным развитием на базе системы управления интегрированными балансами // Экономическое развитие России. 2025. Т. 32. №2. С. 164-175.
11. Павлов, Ю. В. Хмелева Г.А. Свойства моделей управления городской агломерацией // Управление. – 2021. – Т. 9, № 2. – С. 57-75.
12. Майснер, Т. Н. Урбанизация и экология городской среды: риски и перспективы устойчивого развития // Гуманитарий Юга России. – 2020. – Т. 9, № 3. – С. 190-201.
13. Леонтьева, Л. С., Соболев С.А. Синергетический эффект межмуниципального взаимодействия (на примере муниципальных образований Москов-

ской области) // Местное самоуправление: современные практики / Под ред. В. Г. Кошкидько и С. В. Пронкина. – М.: "КДУ", "Университетская книга", 2021. – С. 69-79.

14.Лукманов, И. Д. Государственная модель управления городскими агломерациями // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2022. – Т. 8, № 3. – С. 124-132.

15.Павлов, Ю. В. Теоретические основы формирования системы управления городской агломерацией / Ю. В. Павлов, Е. Н. Королева, Н. Н. Евдокимов // Экономика региона. – 2019. – Т. 15, № 3. – С. 834-850.

16.Чистопольская, Е. В., Щербань Е.Г. Формирование методики рейтинговой оценки комплексного социально-экономического развития муниципальных образований региона // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. – 2018. – Т. 18, № 3. – С. 305-313.

Modeling decision-making on the interaction of authorities and the population using the example of the city's transport complex

Temnikova Yu.Y.,
Plekhanov Russian University of Economics

JEL classification: C01, C02, C1, C4, C5, C6, C8

The article discusses the issues of modeling the development of the transport complex of an urban agglomeration based on the interaction of authorities and the population. A model for the development of urban transport infrastructure is proposed, which is based on a quantitative assessment of the usefulness of management decisions. An initial set of evaluation criteria has been formulated to determine the effectiveness of the development of the city's transport complex. As a result of the conducted social survey of the population in the Moscow agglomeration, preferences were established between various criteria from the formed groups for evaluating the effectiveness of the urban environment and weighting factors (levels of significance) were determined, including financial costs (fare, related costs); accessibility, comfort and convenience of using transport; the level of digitalization of the transport industry; speed of movement; safety and reliability of vehicles; environmental situation; personal experience of use, recommendations of acquaintances; the level of development of transport infrastructure; the level of development of related infrastructure (parking, cafes); openness / accessibility of information for decision-making on the choice of transport / route; the level of communication between the authorities of the transport industry and the public, etc. The implementation of the proposed approach makes it possible to make managerial decisions on the development of the city's transport complex, taking into account the interests of government authorities and the population, taking into account various socio-economic and environmental factors.

Keywords: development of the transport system, urban agglomeration, interaction of authorities and the population, Moscow megapolis, modeling, state and municipal management.

References

1. Golovin, V. A. Graphical model of dynamic assessment of the effectiveness of a regional economic cluster // Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, 2018, No. 2, pp. 141-158.
2. Goryachenko, E.E. Social problems in the economic space of a megalopolis // World economy and international relations. - 2016. – Vol. 60. – No. 10. – pp. 62-72.
3. Deinega, E. A., Plotitsyna, L. A. The stages of formation of a single socio-economic space in urban agglomerations within the framework of the implementation of the spatial development strategy of Russia. – 2019. – T. 2. – № 3 (116). – Pp. 94-99.
4. Long–term trends in the economy, housing and urban planning of Russia's largest urban agglomerations / N. B. Kosareva, A. Ya. Gershovich, T. D. Polidi, R. A. Popov, A. S. Puzanov, Moscow: Institute of Urban Economics Foundation, 2023. 84 p.
5. Koloskova, A. A. The choice of a management model for urban agglomerations on the example of the development of the Rostov agglomeration // Bulletin of the Expert Council. – 2022. – № 2(29). – Pp. 29-36.
6. Komarov, K. L. Development of the transport system of the Siberian conurbation // Bulletin of the Siberian State University of Communications. – 2018. – № 3(46). – P. 5-10.
7. Methods of assessment and calculation of the level of development of urban agglomerations (based on the materials of the Barnaul agglomeration) / A. P. Garnov, V. S. Khimochka, I. A. Goloshchapova, D. S. Robets // Scientific research and development. The economics of the company. – 2020. – Vol. 9, No. 2. – P. 51.
8. Lapaeva M.G., Egorychev S.A. Organizational and economic model of management of sustainable development of municipalities // Bulletin of Orenburg State University. 2014. No. 1 (162), pp.33-68.
9. Abramov R.A., Temnikova Yu.Y. Evaluation of the effectiveness of communications of the Department of Transport and development of road transport infrastructure of Moscow with the population in the framework of the implementation of strategic projects. / Management Sciences. 2024;14(4):53-66. https://doi.org/10.26794/2304-022X-2024-14-4-53-66
10. Sattarova D.I., Ivankova M.A., Matsuev A.N. The formation of management principle of regional development based on integrated balances management system // Economic development of Russia. 2025. T. 32. No. 2. P. 164-175.
11. Pavlov, Yu. V. Khmeleva G.A. Properties of urban agglomeration management models. - 2021. – Vol. 9, No. 2. – pp. 57-75.
12. Maisner, T. N. Urbanization and ecology of the urban environment: risks and prospects for sustainable development // Humanities of the South of Russia. – 2020. – Vol. 9, No. 3. – pp. 190-201.
13. Leontieva, L. S., Sobolev, S.A. The synergetic effect of inter-municipal interaction (on the example of municipalities of the Moscow region) // Local government: modern practices / Edited by V. G. Koshkidko and S. V. Pronkin, Moscow: KDU, Universitetskaya Kniga, 2021, pp. 69-79.
14. Lukmanov, I. D. The state model of management of urban agglomerations // Scientific notes of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Legal sciences. – 2022. – Vol. 8, No. 3. – pp. 124-132.
15. Pavlov, Yu. V. Theoretical foundations of the formation of an urban agglomeration management system / Yu. V. Pavlov, E. N. Koroleva, N. N. Evdokimov // The economy of the region. – 2019. – Vol. 15, No. 3. – pp. 834-850.